

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**АЗИАТСКАЯ РОССИЯ:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО,
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ
(XVII—XXI вв.)**

Материалы международной научной конференции

Новосибирск, 28–29 ноября 2016 г.

Новосибирск
2016

УДК 94(571)"16/20"

ББК 63.3(25)-2я431

А 355

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН, д-р ист. наук *В.А. Ламин* (отв. редактор), д-р ист. наук *А.А. Долголюк* (зам. отв. редактора), канд. ист. наук *О.Б. Дашинамжилов* (отв. секретарь), д-р филол. наук *Л.И. Журова*, д-р ист. наук *В.А. Ильиных*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперштох*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *С.Г. Петров*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*, д-р ист. наук *М.В. Шиловский*, д-р ист. наук *В.И. Шишкин*

Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.): материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Параллель, 2016.

В сборнике представлены результаты исследований по актуальным направлениям отечественной истории, источниковедению и археографии. Анализируются процессы социально-экономического, социально-культурного и общественно-политического развития Сибири, а также сопредельных районов, закономерности и особенности демографического развития, межатнического взаимодействия народов Азиатской России, освоения историко-культурного наследия Евразии.

Сборник адресован специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей.

© Коллектив авторов, 2016

© Институт истории Сибирского
отделения РАН, 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике научных трудов опубликованы доклады участников Международной научной конференции «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического и культурного развития (XVII–XXI вв.)», состоявшейся в Новосибирске 28–29 ноября 2016 г.

Под термином Азиатская Россия понимаются территории, расположенные восточнее Урала, т.е. Западная Сибирь, Восточная Сибирь и Дальний Восток. Они занимают три четверти территории России. В 2010 г. здесь проживало 25,5 млн чел., что составляет 17,9% от общей численности жителей страны. В восточных районах сосредоточены огромные запасы самых различных природных ресурсов: крупнейшие месторождения золота, алмазов, никеля, платины, меди, олова, молибдена и других полезных ископаемых. Максимум добычи углеводородных ресурсов пришелся на последние годы советской власти. Тогда Азиатская Россия давала Советскому Союзу более 70% добываемой нефти, более 90% газа, более 80% угля¹.

Сибирь находится в составе России более 430 лет. С первых лет активное участие в ее освоении принимало государство. На рубеже XIX–XX вв. были разработаны и достаточно успешно реализованы проект строительства Транссибирской магистрали и программа аграрного освоения Сибири, что обеспечило значительный рост демографического и экономического потенциала региона. Дорога дала выход азиатским районам России на всероссийский и международные рынки Запада и Востока. Второй проект связан со столыпинской аграрной реформой, позволившей значительно увеличить заселенность восточных регионов, и прежде всего территорий, по которым прошла железная дорога. Эта реформа позволила включить производство сельскохозяйственных продуктов в отраслевую специализацию обширного края.

¹ Регионы России: сборник информационных материалов. М.: Госкомстат России, 1997. Т. 1. С. 256.

В годы первой пятилетки реализован проект по созданию Урало-Кузнецкого комбината. Благодаря ему межрегиональный промышленный комплекс стал давать во второй пятилетке пятую часть добычи угля в стране, более одной четверти выплавки чугуна, треть добычи руды. В целом за годы создания УКК только на Урале промышленное производство увеличилось по сравнению с 1913 г. в 10 раз [2, с. 546]. В Западной Сибири возник новый индустриальный центр – Кузбасс, который стал опорным пунктом для динамичного социально-экономического развития сопредельных территорий.

Модернизации экономики сибирского региона и повышению его роли в народном хозяйстве страны способствовало начавшееся в предвоенные годы размещение «заводов-дублеров» европейской промышленности СССР в городах, расположенных вдоль Транссибирской магистрали. Концепция «дублирования» в государственной политике заложила основу для продвижения производительных сил на восток. В Сибири началось создание военно-оборонного комплекса, который впоследствии внес решающий вклад в Победу СССР во Второй мировой войне и укрепил позиции страны в международных отношениях в послевоенное время.

В годы Великой Отечественной войны в Азиатскую Россию, и прежде всего в Западную Сибирь, было эвакуировано более 300 заводов и фабрик. Их восстановление существенно изменило отраслевую структуру промышленного производства. В общем объеме продукции значительно возросла доля машиностроения. Сибирь превратилась в мощный арсенал снабжения фронта боевой техникой, вооружением, боеприпасами, в одну из главных баз обеспечения страны топливом, чугуном, сталью, цветными и драгоценными металлами.

С середины 1950-х гг. в Сибири начала реализовываться Ангаро-Енисейская программа. Хозяйственное освоение региона стало осуществляться широким фронтом. Строительно-монтажные работы развернулись одновременно на многочисленных объектах. В эти годы сооружались гиганты электроэнергетики, цветной и черной металлургии, химической и лесохимической промышленности и других отраслей. Уже к концу 1960-х гг. в регионе были созданы крупная топливно-энергетическая база союзного значения, энергоемкие производства, быстро наращивались мощности по глубокой переработке древесины. В результате четко

определилась специализация Иркутско-Черемховского, Центрально-Красноярского и Братско-Усть-Илимского ТПК, начал формироваться Саянский ТПК. Предприятия, созданные в итоге реализации Ангаро-Енисейского проекта, обеспечили страну крайне необходимой продукцией.

В середине 1970-х гг. начался новый этап строительства Байкало-Амурской магистрали. Сооружение железной дороги придало мощный импульс для хозяйственного освоения прилегающих к ней территорий. Было запланировано создание целого ряда территориально-производственных комплексов. Первоочередным из них стал Южно-Якутский. В процессе его формирования на востоке была создана новая топливно-энергетическая база: построены Нюрингринский разрез, Нерюнгринская ГРЭС, железная дорога, связавшая новый промышленный район с БАМом. Создание Южно-Якутского ТПК имело огромное значение для социально-экономического развития Якутии и всего северо-востока страны. В суровых природно-климатических условиях в короткие исторические сроки возникли новые города и рабочие поселки.

К реализации еще более грандиозного проекта, связанного с добычей нефти, а затем и газа приступили в 1960-х гг. В создание новой нефтегазовой базы государство вкладывало огромные финансовые и материальные ресурсы. Объем инвестиций в развитие Западно-Сибирского нефтегазового комплекса в каждом новом пятилетии в период до 1991 г. увеличивался на 30–50%, что позволило полностью разрешить проблему обеспечения Советского Союза энергоресурсами. За счет экспорта сибирских нефти и газа формировались доходы государственного бюджета на всех уровнях.

Освоение нефтяных и газовых ресурсов стало мощным катализатором социально-экономических и демографических процессов на территории Севера Западной Сибири. В 1960–1980-е гг. здесь произошел значительный рост населения, особенно в районах нефте- и газодобычи. Численность населения Ханты-Мансийского автономного округа, по данным Всесоюзных переписей населения, за 1959–1989 гг. возросла в 10,2 раза, Ямало-Ненецкого автономного округа – в 7,9 раза. В целом население Тюменской области за этот же период выросло в 2,8 раза, в Западно-Сибирском регионе – в 1,3 раза. Характерной чертой являлся ускоренный рост городского населения. За 1959–1989 гг. в Ханты-

Мансийском округе его доля увеличилась с 27 до 91%, а в Ямало-Ненецком – с 35 до 78% [1, с. 53].

В постсоветское время отношение центральной власти к Сибири и к Дальнему Востоку как к ресурсно-сырьевому региону, характерное для колонии, стало еще более заметным. Разрыв в уровне жизни между жителями восточных и центральных регионов России за последнюю четверть века усилился. Резкий контраст между природными богатствами и убожеством повседневной жизни вынуждают многих жителей уезжать в европейские районы России, а некоторых – и за ее пределы. Численность населения Сибири и Дальнего Востока в постсоветское время стала сокращаться. Миллионы людей навсегда оставили этот край. Данный факт беспристрастно зафиксировали переписи населения 2002 и 2010 гг.

Эти и многие другие проблемы обсуждались учеными на научной конференции в Новосибирске. В рамках общей темы конференции акцент делался на разработке и обсуждении следующих основных научных направлений:

- источниковедческие и археографические исследования отечественной истории;
- демографическая история России и ее регионов;
- социально-экономическое развитие Сибири;
- аграрная история Сибири;
- социально-культурная сфера Сибири;
- общественно-политические процессы в восточных районах России;
- межэтническое взаимодействие народов Азиатской России;
- освоение историко-культурного наследия Евразии.

Международная научная конференция «Азиатская Россия: проблемы социально-экономического, демографического и культурного развития (XVII–XXI вв.)» проведена в связи с 50-летием со дня организации Института истории СО РАН.

Идея создания в Сибирском отделении Академии наук СССР самостоятельного гуманитарного института зародилась в начале 1959 г., когда при Президиуме СО АН СССР была создана постоянная комиссия по общественным наукам. Следующим шагом в этом направлении стало создание марте 1961 г. в Институте экономики и организации промышленного производства первой

штатной гуманитарной ячейки – сектора истории промышленности. Практически сразу же после организации сектор приступил к подготовке многотомной «Истории Сибири», выступив при этом координатором сибирских историков, работавших в вузах и других учреждениях. Уже в следующем году сектор преобразовали в отдел гуманитарных исследований. В ноябре 1963 г. Президиум СО АН СССР принял решение «Об организации Института общественных наук АН СССР». Однако процесс подготовки и принятия решения затянулся на три года. Лишь 23 декабря 1966 г. Президиум АН СССР принял постановление об организации Института истории, филологии и философии СО АН СССР на базе отдела гуманитарных исследований ИЭиОПП. Возглавил институт чл.-кор. АН СССР (с 1968 г. – академик) А.П. Окладников. В состав ИИФФ вошли три отдела: истории (руководитель – А.П. Окладников), филологии (руководитель – В.А. Аврорин) и философии (руководитель – Г.А. Свечников).

Первым значимым успехом научного коллектива ИИФФ СО АН СССР стала пятитомная «История Сибири», увидевшая свет в конце 1960-х гг. и вскоре удостоенная Государственной премии СССР.

На базе института сформировалась система воспроизводства кадров. В 1962 г. в Новосибирском государственном университете открылся гуманитарный факультет. На базе института и гуманитарного факультета сформировался единый научно-учебный комплекс, обеспечивший непрерывное развитие актуальных исследований.

В ходе археологических исследований, охвативших огромную территорию от Урала до Лены и от Заполярья до Памира и Тянь-Шаня, удалось выявить и собрать ценнейшие рукописные и старопечатные книги. Достижения сибирских археологов под руководством академика Н.Н. Покровского закрепили за Новосибирском статус третьего (после Москвы и Ленинграда) археографического центра страны.

Исторические исследования вобрали в себя широкий спектр проблем с преобладанием социально-экономической тематики. Впервые в отечественной историографии были подготовлены и опубликованы 4-томная «История рабочего класса Сибири» и 5-томная «История крестьянства Сибири».

В 1983 г. институт возглавил ученик А.П. Окладникова – чл.-кор. АН СССР А.П. Деревянко (с 1987 г. – академик). Под его руководством историки активно участвовали в разработке и реализации целевых научно-исследовательских программ «Сибирь» и «Исторический опыт освоения Сибири».

В 1990 г. Институт истории, филологии и философии СО АН СССР был разделен на четыре института: Институт археологии и этнографии (директор – академик А.П. Деревянко), Институт истории (директор – чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкин), Институт филологии (директор – чл.-кор. РАН А.Б. Соктоев), Институт философии и права (директор – чл.-кор. РАН В.И. Бойко).

Под руководством первого директора Института истории чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкина произошло оформление структуры института и вспомогательных служб, ученого и диссертационного советов. С 1998 г. Институт истории СО РАН возглавляет д.и.н., чл.-кор. РАН (с 2000 г.) В.А. Ламин – ведущий специалист по истории социально-экономического развития Сибири и России.

Институт истории СО РАН прочно вошел в число ведущих научно-исследовательских учреждений гуманитарного профиля, является основным координатором исследований в Сибирском регионе по историческим наукам. Институт сотрудничает с ведущими научными центрами как в стране, так и за рубежом, издает всероссийский журнал «Гуманитарные науки в Сибири», готовит кадры для научных организаций и вузов Сибири и России. Сотрудники института продолжают развивать богатые традиции, накопленные в предшествующие годы.

Список литературы

1. Азиатская часть России: моделирование экономического развития в контексте опыта истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 464 с.
2. Уральская историческая энциклопедия / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург: Екатеринбург, 1998. 621 с.

Д-р ист. наук, член-кор. РАН *В.А. Ламин*,
д-р ист. наук *А.А. Долголюк*

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 93/99

Я.Г. Солодкин

ИЗ ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ТОБОЛЬСКА КОНЦА XVII в. (О ПРОИСХОЖДЕНИИ МУЗЕЙСКОГО ВИДА ГОЛОВИНСКОЙ РЕДАКЦИИ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА)

Анализ текста Головинской редакции Сибирского летописного свода по Музейскому списку второй половины XVIII в. показывает, что эта рукопись (близкая к гораздо более ранним Чоглоковской и Романовской) сохранила особый вид произведения, где подверглись существенным сокращениям перечни администраторов, включая тобольских, и многие другие статьи разнообразного содержания, дополнено повествование об экспедиции Ермака, которое сопровождается датировками по летосчислению от Рождества Христова, имеются несколько иные датировки и концовка за последнее десятилетие XVII – начало XVIII в. Именно тогда, вероятно, и возник новый вид памятника, получившего в Сибири широкую популярность.

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, Головинская редакция, Музейский вид Головинской редакции свода, росписи сибирских администраторов, Тобольск, книжная культура.

Крупнейшим среди памятников русской книжности, сожившихся на востоке России вслед за «Повестью...» владычного дьяка Саввы Есипова о разгроме «ермаковыми казаками» «Кучумова царства», является Сибирский летописный свод (далее – СЛС), известный в нескольких редакциях. Одна из них – Головинская (далее – ГР), созданная, по заключению Н.А. Дворецкой, в 1689 г. и позднее неоднократно перерабатывавшаяся, о чем свидетельствует, в частности, Музейский список (далее – М) того же произведения из сборника второй половины XVIII в. [1, с. 18, 114; 2, с. 22].

В этой рукописи сравнительно с остальными, где представлена ГР (повесть «О Сибирстей стране...»), имеется ряд дополнений, на что ранее не обращалось внимания. Так, в описании сражения «под Чувашею» сказано, что казаки «паче ярыхуса и к бежанию понудиша» отряды Кучума, причем тогда «истекла кровь» «поганных». В город Сибирь, по словам редактора, ермаковцы «внидоша без сопротивления», а 30 октября туда прибыл остяцкий князь Бояр. (В «гистории» Есипова при этом упоминается про четвертый день после «взятия» ханской столицы). Поясняется, что ясак – это дань, а шерть – присяга. Кучум, оказывается, потерпел окончательное поражение в 7106 г. [3, с. 182, примеч. 15, 16, 29–29, с. 183, примеч. 34, 46, с. 184, примеч. 68, с. 189, примеч. 21, ср. с. 54, 66, 111]. Даты везде приводятся и по летосчислению от Рождества Христова [3, с. 181, 182, 184–188]. Сообщается о поездке в Москву 50 сеунчиков, пожаловании Ермака сибирским князем, торге, с которым в Сибирь шли бухарцы [3, с. 183, примеч. 41, 48, 49, с. 185, примеч. 78–78]. Эти известия, которые встречаются в Кратком описании о Сибирстей земли и о походе атамана Ермака (далее – КО) и вторичном относительно его протографа Новом летописце (далее – НЛ), скорее всего почерпнуты из КО (ибо говорится, как там, про «возвещение» И. Глухова «святоцарю» Федору об оставлении Сибири [3, с. 186, примеч. 7]; в НЛ об этом не сказано. Зависимость от КО во всех списках, кроме Миллеровского, сопутствующего ГР [2, с. 21–22], ощутима и в строках интересующей нас разновидности свода, посвященных предыстории экспедиции Ермака и его гибели [3, с. 181, 185, ср. с. 40]. (Ранее же указывалось на вторичность ГР по отношению к НЛ [1, с. 53, ср. с. 64, 101; 2, с. 20]). Так, в ГР, как и в КО, читаем о распоряжении Ивана IV «имати... и вешати» казаков (в НЛ – «имати и пытати и вешати»), царстве, а не государстве, к которому «подошла» вотчина Строгановых, «тутошних людях», влившихся в казачий отряд. В ГР и КО в отличие от НЛ умалчивается о том, что помимо Ермака, у вольницы были «и иные многие атаманья», а «по присылке» Максима Строганова с Волги на Каму бежали 600 казаков. Согласно НЛ, к русским, заночевавшим у Вагая, отправился татарин, находившийся у Кучума «в вине» (в ГР читаем о «смертной вине», в КО – еще и казни). «Кучюм и рече ему (названному татарину. – Я.С.)» «Отведай мне в реке броду...», – говорится в КО и ГР. В НЛ эта фраза имеет несколько иной вид: «Отведай мне,

рече (Кучум. – Я.С.), в реке броду». В КО и ГР сказано «толко (а не «буде». – Я.С.) отведаешь, я тебя от казни избавлю и пожалую», а не «пожалую». Лишь в КО и ГР утверждается, будто хан «перебрел реку, Ермака и казаков всех побил». Кроме того, по свидетельству официального московского летописца, лазутчик, побывавший в казачьем стане, унес оттуда три пищали и три «вяски»; в КО в данной связи сообщается об одной пищали и одной лядунке, в ГР – трех пищалях и трех лядунках [3, с. 74, 181, 185, ср. с. 73, 78; 4, с. 33, 34; 5, с. 308–310].

Во второй, самой обширной части свода – Описании о поставлении городов и острогов в Сибири... (в М этот раздел памятника имеет несколько иное название, чем в ГР по большинству списков, – «Выписано из сибирской книги... какие грады и остроги построены и о прочем» [3, с. 189, примеч. 1–3]) – пропущены сведения об отдельных воеводах и письменных головах, зачастую же целые росписи «начальных людей», не исключая тобольских [3, с. 190–195, 197–211, 213–214, 217, 219–220, 222–225, 228], что во многом лишает изучаемый текст значения своеобразного «административного справочника» (так традиционно оценивается СЛС).

Сравнительно с ГР по иным спискам, в том числе близком к ней Чоглоковском (далее – Ч) (видимо, скопированном с Романовского, тоже конца XVII в.), в М опущены и известия о бегстве И. Глухова и И. Мансурова из Сибири, «посылках» В. Сукина, И. Мясного, Д. Чулкова и Ф. Дьякова за Урал, о пожарах в сибирской столице и на Абалаке в 1674, 1677 и 1680 гг., закладке острогов в Тобольске, строительстве там церквей, часовни и колокольников в 1677, 1680 и 1683 гг., об измерении земель писцом Л.М. Поскочиным в других (вслед за Верхотурским и Тобольским уездах) городах, острогах и слободах Тобольского разряда, о наказании в 1687 г. нарымского воеводы В.М. Трегубова и «присылке» в «царствующий град» Сибири новоторговых уставных статей, об отпуске в Москву стольника М.Д. Глебова из Тобольска и смерти в этом «стольном граде» дьяка Ф. Каликина (точнее, Калинина), о сыске в тобольской приказной избе в 1689 г. про томского и нарымского воевод, взимании прогонных денег «за подводы» [3, с. 189–191, 209, 212, 215–216, 219, 220, 223–224, 227–229]. Вместе с тем в М внесено и немало добавлений: об основании Верхотурья в 1598/99–1599/1600 гг. (что произошло, однако, в 1597/98 г.), об отправке подьячих в слободы для проведения «крестоцелования»

царю Федору Алексеевичу, о находке серебряной руды в Нерчинском уезде «службою и промыслом» окольного Ф.А. Головина, «посылке» к нему Я. Галкина и других рудознатцев, производстве подъячего М. Борисова в подьячие с приписью, его скорой смерти в Тюмени, поверстании в местные дети боярские сына этого приказного, дарах разрядного воеводы боярина А.П. Головина митрополиту Павлу и всему церковному причту после освящения ими тобольской церкви Петра и Павла 27 июня 1689 г. (три последних сообщения мы находим и в Ч) [3, с. 191, примеч. 3–3, с. 210, примеч. 49, с. 225, примеч. 31–32, 40–40, с. 228, примеч. 56, с. 140].

Между М и некоторыми другими списками ГР налицо и ряд иных расхождений. Стольник князь И.П. Львов прибыл в Тобольск для приведения населения к присяге царям Ивану и Петру Алексеевичам 22 июля 1682 г., а не днем прежде. Кстати, на поле напротив данного известия в М сказано: «А в том же летописце сибирском в другом месте пишет: государи восприняли престол мая 22 числа 190 году». Об этом упоминается в Ч, тогда как в более поздних редакциях СЛС речь идет об апреле [3, с. 218, примеч. 19–19, с. 219, примеч. 30, с. 101, 173, 277, 333, 352]. (Точнее, «двоецарствие» началось 26 мая). После указания на коронацию Ивана и Петра в М читаем: «А как оному царским венцем венчанию, тому действию описание ниже 75 листу подробно написано». В сборнике, включающем М, действительно, на л. 75–80 помещен Чин коронации младших сыновей Алексея Михайловича [2, с. 22; 3, с. 218, примеч. 16]. Кстати, в рассказе о «крестоцеловании» этим государям в Тобольске пропущено известие о том, что в соборной церкви поставили аналогий, а на нем евангелие и крест [3, с. 218, примеч. 2–2]. Закладка Софийского храма приурочена к 27-му, а не 17 июня 1684 г.; стольник В.П. Бахметев, оказывается, приехал в Тобольск 1-го, а не 21 марта 1683 г., посланцы же «мунгальских» тайшей были «отпущены» оттуда в Москву 26 августа 1689 г., а не на следующий день. Дважды редактор счел нужным пояснить, что описываемые события произошли в 1688/89 г. [3, с. 216, примеч. 64, 67, с. 219, примеч. 35–37, с. 228, примеч. 63, с. 229, примеч. 68, 71].

«Седение» в Тобольске Д. Чулкова отнесено в М к 195–197, а князя В.В. Кольцова-Мосальского – к 193 г., что, между прочим, свидетельствует о возникновении этого списка не ранее конца XVII в. Верхотурский письменный голова Гаврила Салманов в М почему-то именуется Василием, а Черкас Рукин из тобольского

стрелецкого сотника превращен в томского. Софийское село Преображенское названо в М Воздвиженским. «Товарищ» окольничего Ф.А. Головина Иван Власов в этой рукописи фигурирует уже с отчеством – Астафьев сын; вместо «две четверти» там читаем «без чети» [3, с. 190, примеч. 56, 57, с. 191, примеч. 6, с. 194, примеч. 31, с. 220, примеч. 69, с. 226, примеч. 46–46, с. 229, примеч. 76, ср. с. 177, 219, 222, 277, 333]. В М допущены и отдельные ошибки: говорится «большой казней», «болшей», «житейские» взамен «Большие казны», «бывшей», «жилецкие» соответственно. Встречаются и примеры стилистической правки, так, Ермак представлен в М не только наставником, но и «содержателем» казаков, вместо «зла не мыслить» (в изложении принятых на себя иноземцами шерстных обязательств) – «не учинит» [3, с. 184, примеч. 69, с. 185, примеч. 2, с. 221, примеч. 94–94, с. 225, примеч. 35, с. 226, примеч. 41, ср. с. 111]. Наконец, в М повествование продолжено статьями за февраль 1690 г. – начало XVIII в., причем в последней из них числа не проставлены [3, с. 231, примеч. д, ж, и, к, с. 290, 377].

Таким образом, анализ ГР по М приводит к выводу, что этот список, хотя часто и близок к Ч (на который или аналогичный ему анонимный «слогатель» однажды даже ссылается), сохранил особый вид памятника, в меньшей степени, нежели другие, служащий своеобразным «административным справочником». Тем самым конкретизируются сложившиеся в летописеведении представления о путях эволюции сибирской книжной культуры на рубеже XVII–XVIII вв.

Список литературы

1. *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука, 1984. 136 с.
2. *Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К.* Предисловие // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. С. 3–31.
3. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. 382 с.
4. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 14. Ч. 1. I + 154 с.
5. Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. 10 + 1 + XXXI + 645 с.

УДК 93/99

Л.И. Журова**СИБИРСКИЙ ЛЕТОПИСНЫЙ СВОД: НАРРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

В статье изложены результаты текстологического анализа известий о тобольских пожарах как нарративных источников в составе редакций Сибирского летописного свода конца XVII в. (Книги записной, Головинской и Нарышкинской). Установлены особенности стилистики рассказов о пожарах и степень зависимости текстов друг от друга.

Ключевые слова: Сибирский летописный свод, нарратив, текстология, редакция, пожар, Тобольская приказная палата.

Сибирский летописный свод (СЛС) [5, с. 138–379] – самый крупный памятник исторической прозы Сибири конца XVII в. Построенный на систематизированных сведениях об административном управлении, дипломатических миссиях, росписи воевод, дьяков, подьячих, описаниях местных событий в сибирских городах и деревнях, он в первую очередь воспринимается как сочинение деловой письменности, облеченное в летописную форму. Погодная сетка как имманентный признак летописного повествования позволяла сложить в некий континуум самый разнородный материал. Нарративные исторические источники («соляные» походы, чудеса, пожары и др.) занимают в СЛС далеко не ведущие позиции.

Вопрос об особенностях летописной работы XVII в. в Тобольске, о выявлении личностей, способных «не только составлять погодную летопись, но и работать над изменением стиля летописной повести», был поставлен Н.А. Дворецкой [1, с. 72]. Исследователь выявила и описала основные этапы складывания СЛС в книжной традиции XVII в.: Книга записная (1687 г.), Головинская редакция (1689 г.), Нарышкинская редакция (1694 г.). Интенсивность работы сибирских летописцев впечатляет.

Н.А. Дворецкая пришла к выводу, что составитель Книги записной мог использовать в качестве источника недошедшую летопись 70-х гг. XVII в. сибирского митрополита Корнилия, что интенсивная летописная работа велась в приказной палате Тобольска, что основная тенденция в развитии повествования СЛС – это сокращение статей, стабилизация и стандартизация текста [1, с. 115–117; 5, с. 23].

Задача настоящего сообщения – на основе текстологического анализа статей о пожарах попытаться определить своеобразие стилей повествования в истории сибирского летописания последней четверти XVII в.

Выбор сюжетов о пожарах обусловлен тем, что внимание к трагическим событиям провоцирует драматизм повествования, который требует нестандартных и разнообразных приемов изложения. По ним можно судить об уровне литературной культуры сибирских летописцев.

Пожары (стихийный пожар, раскольническая «гарь», поджоги) различаются по масштабам, что сказывается на особенностях повествования. Большие («велии») пожары, как правило, представляют катастрофическую картину разорения города и требуют обширного (по летописным меркам) описания. Гибель церквей от огня – особый тип летописного рассказа. Самосожжения раскольников – самостоятельный сюжет сибирского летописания.

Летописная статья СЛС о пожарах имеет характерные, ставшие нормативными, признаки повествования. Как правило, она начинается с детальной датировки события: год, число, время суток (день/ночь, утро/вечер), час. Эти факты, несомненно, свидетельствуют о достоверности источников, документальности изложения. Указывается причина пожара: молния, поджог, от свечи, самосожжения. Основную часть рассказов занимает перечень сгоревших объектов, причем летописцы выделяли нагорную и подгорную часть Тобольска, всегда замечали, что горели не только дворы русских, но и татарские юрты, погибали хлеб и другие запасы мирских. Такова структурная модель «пожарной» статьи в СЛС.

Для того чтобы увидеть ее особенности в СЛС, необходимо сравнить, например, с аналогичным рассказом в «Новом летописце», памятнике официального московского летописания второй четверти XVII в. Три его статьи, посвященные московским пожарам, начинаются с формулы, имеющей разное расширение, божественного наказания «грех ради наших». Например, события 1626 г. и 1629 г. вводятся пространными рассуждениями о том, что всемилостивый Бог, «наказуя человекеы», отводя грех, отвращая, устрашая, наставляя на путь заповедей, наслал беду: «бысть пожар» [4, с. 152, 154]. Само описание пожаров сводится к перечислению мест (не объектов), охваченных огнем: «загореся на

Чертолье и выгоре по самую Тверскую улицу, и за Белым городом погореша слободы...». Статьи о пожарах в СЛС имеют иную традицию и структуру, отличаются многообразием сюжетных линий, деталей, интонаций и эмоциональной окрашенностью.

Наиболее примечательны сибирские рассказы о «больших пожарах». Известия о пожаре 1643 г. в Тобольске в трех редакциях СЛС – Книге записной (КЗ), Головинской (ГР) и Нарышкинской (НР) – имеют приметные различия. Во-первых, в КЗ событие привязано к имени воеводы: «при князе Григорье Семеновиче Куракине с товарищи в первое приездное ево лето...» [5, с. 154]. Во-вторых, в ГР и НР уточнено время пожара: в три часа ночи. В-третьих, и это самое главное, сюжет строится на перечислении сгоревших объектов, которое в КЗ и ГР производит впечатление катастрофичности явления: «Сгорел город Тобольск: и приказ, и соборная и приходские церкви, и Софийский святительский двор, и воеводские, и гостин двор, и ряды, и острог весь, и мирские дворы на горе все, кроме Девичья монастыря» [5, с. 154]. В НР это известие сокращено: «згорел в Тоболску первой город и на горе посад весь безо всякого остатку» [5, с. 267]. Особенностью рассказов в КЗ стало известие о несгоревших домах: «дворов мирских десятка с два не горели», а в ГР и НР приведено свидетельство о восстановлении города: «И после того пожарного раззорения построен на том же погорелом месте Тобольску на горе новый город» [5, с. 267].

История текста о другом большом пожаре в Тобольске, пожаре 1677 г., интересна привлечением разных источников. Все они указывают на причину возгорания – от молнии. Статья КЗ начинается с упоминания имени боярина (Петра Васильевича Шереметьева), при котором произошел пожар, и представляет перечисление сгоревших объектов: церкви, ряды, старый и новый приказы, гостиный, воеводский и мирские дворы, Знаменский монастырь, келии, амбары, сушила, ограда и дворцы. Примечательна поэтичная концовка в КЗ, она напоминает стиль «плетение словес»: «все сгорело без остатку, и все в едино время и во едины часы единого дня» [5, с. 170].

В НР уточнено время этого пожара: «вторник, в 13 часу дни», указана причина: «неизреченным судом Божиим от молнии», выделено 2 пожара, произошедших от двух ударов молнии: под горою и на горе в тот же час, перечень пострадавших объектов

сокращен: церкви, приказная палата, дворы, но указано число сгоревших домов на посаде – «пятьсот и болши». Таким образом, стиль НР отличает документальность.

Рассказ ГР содержит подробное описание драматического события 1677 г. и привлекает особенностями его изложения. Отмечено, что было два удара молнии, которые пришились почти одновременно на Знаменский монастырь под горой и на церковь Вход в Иерусалим, которая на горе. Приведен мотив беды: «расплахуся пламень велий Божиим поущением и гневом Его праведным грех ради наших» [5, с. 212]. Сгоревшие объекты не просто перечислены, но описаны их особенности: палата новая, «что на городской стене недовершенная», «и церковь Живоначальные Троицы, новосозданная, преукрашенная». Описано распространение огня и, главное, как боролись с ним: ссекли крест на бочке и залили квасом, и башню городовую разломали и залили. В число пострадавших строений добавлены (по сравнению с КЗ и НР) таможня, колоколья, тюремный двор, богадельня, светлицы, «меньшова дьяка двор», острог, башни и др. Трагичность события подчеркнута заключением: «И выгорело всякое деревяное здание без остатку, и пояде огонь» [5, с. 212]. Мотив пламени и огня характерен для стилистики ГР.

Примечательным эпизодом этой статьи в ГР стало описание расплавившихся четырех колоколов, в том числе угличского (присланного из Углича, где погиб царевич Дмитрий): «все растопилось без остатку». В взволнованном рассказе летописца чувствуется сокрушение по поводу невозвратимых потерь: «И вся церковная ограда – тоболская красота – в мале часе отъяся грех ради наших», но заканчивается повествование утешением: «А ис соборные церкви и ис приходских церквей Божие милосердие иконы, и книги, и протчая утварь Божией милостию сохранися, и государская казна большой снаряд цело ж» [5, с. 212]. Я.Г. Солодкин отметил, что «в отдельных сообщениях ГР могли отразиться собственные воспоминания редактора» [6].

Рассказ о пожаре 1680 г. в двух редакциях СЛС – ГР и НР – представлен стилистическими вариантами. Повествование в ГР содержит элементы поэтичности, а в НР – прагматичности. Описав сгоревший город, автор ГР обобщает печальную картину: «все градцкое здание пояде огонь». Поядающий огонь – распространенный образ средневековой книжности. Статья о пожаре 1680 г. в НР

построена на одном глаголе – «погорело» – и перечне пострадавших объектов, и по своей стилистике это принципиально иной текст, нежели в ГР.

Таким образом, можно заключить, что прагматичность, документальность, статичность отличают повествование НР от ГР. Но именно версии НР получили распространение в традиции сибирского летописания: Летописце Тобольском, Томском виде СЛС, Шлецеровской и Академической редакциях СЛС.

Н.А. Дворецкой и Е.И. Дергачевой-Скоп выявлена деятельность тобольского подьячего М.Г. Романова в истории сибирского летописания [1, с. 87–88; 5, с. 23; 2, с. 79–102] и определена основная черта его стиля – деловой характер. Опоэтизированные рассказы ГР должны принадлежать другому автору, определить которого пока не удалось. Но, несомненно, это была одна из тех личностей, которых А.М. Панченко, характеризуя московскую приказную школу, назвал литературной интеллигенцией XVII в. [3, с. 47].

Анализ статей о церковных пожарах подтверждает выявленную тенденцию в развитии текста СЛС. Например, если в ГР о пожаре 1672 г. сказано, что «в Тоболску в городе згорела церковь Вознесение Господне и городовые стены...» [5, с. 209], то в НР известие сокращено: «в Тоболску на горе в рубленном городе згорела церковь Вознесения Господня» [5, с. 373].

Несколько иную картину наблюдаем в истории текстов о тюменских пожарах: более подробное повествование принадлежит НР.

Сообщения о пожаре 1687 г. на Светлое воскресенье в церкви с. Каменка Тюменского уезда в КЗ, ГР и НР отличаются как степенью подробностей, так и смысловыми акцентами. Краткое известие в КЗ интересно тем, что излагает две версии причины пожара: от пороху или от «гари» («А говорят, что раскольщики сожгли с собою»). В нем приведена такая деталь: «убитых бревнами человек с полтретьяста». В ГР обращено внимание на число присутствовавших на праздничной службе (300 местных жителей «всяких чинов») и на то, что загорелось «с ысподи», что «иные люди выкидывались в окна», и ничего не сказано о причине пожара.

Составитель НР расширил повествование: привел состав присутствовавших в церкви: «люди тутошные, жители и уездные из ыных деревень з женами и з детьми, человек с четыреста», указал место возгорания – под трапезной и под папертью, описал сам

пожар: «загорелася великим огнем единого часу, со светыми иконами, и со всею церковною утварью, и со всеми людьми згореша», уверенно назвал причину: «знатно, заводом и умыслом противников церковных, расколщиков и мятежников», зримо представил картину гибели людей, выбрасывавшихся в окна: «но высоты ради убивались до смерти, а иные ломали руки и ноги» [5, с. 282].

Очевидно, что составители трех редакций СЛС пользовались разными источниками. Подробности НР указывают на то, что их автор – очевидец событий, может быть, кто-то из тюменской администрации (но М.Г. Романов в качестве подъячего с приписью появляется в Тюмени только в 1690 г. [2, с. 80]). Все три редакции под тем же годом сообщают о серии пожаров в Тюменском уезде, учиненных раскольниками: поджог (КЗ) и самосожжения (ГР, НР).

Таким образом, разнообразие стилей статей о пожарах, наблюдающееся в истории текста СЛС, свидетельствует о независимом и самостоятельном характере творчества сибирских летописцев.

Список литературы

1. *Дворецкая Н.А.* Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1984. 136 с.
2. *Дергачева-Скоп Е.И.* Автограф М.Г. Романова – одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1982. С. 79–102.
3. *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 280 с.
4. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1965. Т. 14. 154 с.
5. Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36. 383 с.
6. *Солодкин Я.С.* Сибирский летописный свод: от Головинской редакции к Нарышкинской // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. 2012. № 4. С. 103–111.

УДК 094

И.П. Бедулина**ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ И ПОПУЛЯРИЗАЦИИ ИЗДАНИЯ
КИРИЛЛОВСКОГО ШРИФТА XVII в. В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
ИНСТИТУТЕ ИРКУТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА**

В статье впервые обобщается опыт изучения издания кирилловского шрифта XVII в. – «Сборника переводов Епифания Славинецкого» (Московский печатный двор, 1665), относящегося к книжным памятникам.

Ключевые слова: издание кирилловского шрифта XVII в., книжный памятник, Епифаний Славинецкий, Иркутск, педагогический институт.

Библиотека Педагогического института Иркутского государственного университета, имеющая 107-летнюю историю, обладает фондом редких книг и рукописей в количестве более 15,5 тыс. экз. за XVII–XXI вв. и является богатой базой для научных книговедческих исследований.

Среди изданий кирилловского шрифта хранится уникальный экземпляр, относящийся к книжным памятникам. Это «Сборник переводов Епифания Славинецкого» [3, с. 95], который включает труды великих христианских богословов: Григория Богослова (Назианзина), Св. Василия Великого, Св. Афанасия Александрийского и Иоанна Дамаскина. «Книга великих пастырей», как называл ее А.А. Сидоров, напечатана в типографии Московского печатного двора в 1665 г.

«...муж многоученый, ...не токмо Грамматики и Риторики, но и Философии и... Феологии известный бысть испытатель... и опасный претолковник Еллинского, Славянского и Польского диалектов», – этими словами был охарактеризован киевский иеромонах Епифаний Славинецкий (ок. 1600 – 19 нояб. 1675). Восточнославянский богослов, автор множества переводов, составитель «Лексикона греко-славяно-латинского» и «Лексикона филологического», в 1649 г. был вызван царем Алексеем Михайловичем в Москву в качестве «справщика», где фактически стал научным главой всех переводчиков Московского Печатного двора.

В Иркутске выявлено два экземпляра «Сборника переводов», один из которых хранится в библиотеке Педагогического

института Иркутского государственного университета. Общее физическое состояние фолианта удовлетворительное, если учесть, что книге 3,5 столетия. Массивное издание облачено в характерный для книг этого периода переплет – доска, обтянутая кожей темно-коричневого цвета, с блиновым орнаментальным тиснением, состоящим из узорной рамки и фигурного средника, заплетенного растительным орнаментом [1, с. 58]. Переплет сильно пострадал от времени: полностью утрачены кожаные ремешки с медными пряжками и корешок. Сохранность книжного блока удовлетворительная, не считая отсутствия титульного листа.

Первая владельческая надпись была сделана черными чернилами скорописью XVIII в. более 300 лет назад: «1712-го году июля в 6 день приложил сию книгу в обитель всемилостивова спаса в поминовение родителей своих Соли Вычуготцкой торговой человек Стефан Григорьев сын Курилов»¹. Речь идет о Спасо-Прилуцком монастыре – одном из красивейших монастырей Вологодской епархии². При обители существовали книгописная и иконописная мастерские, а также библиотека, которая пополнялась за счет вкладов великих князей и иноков других обителей, книжных приношений мирян на помин души³. «Сборник переводов» стал одним из дорогих даров сольвычегодского купца Стефана Григорьевича Курилова. Следует заметить, что на экземпляре отсутствует владельческий знак Спасо-Прилуцкого монастыря, который, вероятно, находился на утраченном титульном листе.

Итак, первыми владельцами книги были сольвычегодский купец С.Г. Курилов и Спасо-Прилуцкий монастырь.

Согласно второй владельческой надписи, начертанной 87 лет спустя, древний фолиант оказался в Иркутском Вознесенском монастыре: «Сия книга иркутскаго Вознесенскаго монастыря казенная, подписал архимандрит Вонифатий 1799 года, февраля

¹ Сведения о семье Куриловых были найдены в опубликованных архивных документах – Переписной книге Сольвычегодского уезда за 1719 г. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3320. Л. 247–254 об.).

² Вологодская старина. Историко-археологический сборник. Составил И.К. Степановский. Вологда: Типография Вологодского губернского правления, 1890: [электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kyv/olo/gda/1.htm> (дата обращения: 14.01.2016).

³ Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца: Послесловие. Вологда: Технологическая школа бизнеса, 1996: [электронный ресурс]. – URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/pri/lut/sky/22.htm> (дата обращения: 14.01.2016).

месяца, в 9 день». Проставлены также два вида шрифтовых наборных штампа этого учреждения.

Биографию архимандрита Вонифатия одними из первых восстановили по архивным документам иркутские ученые-историки [6]. Архимандрит Иркутского Вознесенского монастыря Вонифатий, в миру Березин Василий Иванович (1744 – 4 янв. 1800), родился в Великом Устюге в семье художников. «Его дед Козьма Иванович и отец Иван Козьмич (1721 (или 1725) – 1784) Березины были известными в Устюге живописцами» [6, с. 26]. Семейную традицию продолжил и Василий. Таким образом, третьим владельцем «Сборника переводов» был великоустюжский художник В.И. Березин, а «Сборник переводов» несколько десятилетий XVIII в. путешествовал по городам Архангелогородской губернии в Вологодской епархии: из Сольвычегодска в Вологду, оттуда в Великий Устюг.

Великий Устюг на протяжении многих веков имел славу одного из крупнейших иконописных центров Русского Севера с постоянно развивающимся иконописным искусством, которое стало доходным занятием художников-иконописцев, в числе которых основатель династии Березиных Козьма⁴. О высоком профессионализме говорилось: «Лучшие великоустюжские мастера XVII века не уступают в умении царским жалованным иконописцам и неоднократно участвуют в украшении московских церквей и царских палат» [8]. Нам представляется, что, будучи представителем знатной династии Березиных, Василий мог выполнять заказы, работая в иконописной мастерской самого лучшего монастыря Вологодчины. Вероятно, именно в это время «Сборник переводов» мог оказаться во владении будущего иркутского архимандрита.

Однако что же заставило молодого иконописца 24–25 лет отроду оставить родной город и отправиться в далекую неведомую холодную страну Сибирь? Есть основания предположить, что одной из причин была возросшая конкуренция между великоустюжскими художниками из-за нехватки заказов. Это было следствием секуляризационной реформы церкви 1764 г., проводимой Екатериной II, упразднившей часть монастырей, уменьшившей строительство новых церквей, сократившей финансовое содержа-

⁴ Сыроватская Л. «Право похвалиться иконописною работою». Искусство мастеров Великого Устюга: [электронный ресурс]. – URL: <http://cultinfo.ru/tour/index.php?id=330> (дата обращения: 15.01.2016).

ние оставшихся монастырей, которые стали «безлюдеть и беднеть». В Сибири же в конце 1760 – начале 1770 г. при епископах Софронии (1753–1771) и Михаиле Миткевиче (1772–1789), напротив, активизировалось церковное строительство, раскрывшее широкое поле деятельности для иконописцев с Русского Севера.

По утверждению иркутских историков, «год приезда В.И. Березина в Сибирь не установлен... записавшись в купеческое сословие г. Нерчинска (Забайкалье) в начале 1770-х гг., выбыл из Великого Устюга» [6, с. 26]. Однако мы нашли сведения, что в 1768 г. уроженец г. Яренска (Великоустюжская провинция) Кирилл Васильевич Суханов, оставив семью, бежал (!) в Сибирь вместе с товарищем – иконописцем Василием Березиным. В Иркутске они временно расстались, Березин отправился в Якутск, а Суханов – в Нерчинск. В 1773 г. Суханов «собственным своим коштом» организовал поселение тунгусов, именуемое Сухановой слободой, для обращения их в православную веру. А в 1775 г. он, по предписанию иркутского архиерея, призвал Василия Березина в священники. Товарищи организовали иконописную мастерскую, занимались росписью церквей, иконостасов и святых образов⁵.

В 1781–1783 гг. Василий Березин, будучи иеромонахом, «исполнял обязанности эконома в Иркутском Вознесенском монастыре», где 26 мая был пострижен с именем Вонифатия. «Указом Иркутской духовной консистории от 30.06.1783 г. был назначен игуменом» в Киренский Свято-Троицкий монастырь, в котором прослужил до 1787 г. Указом Иркутской духовной консистории от 17 ноября 1787 г. епископ Михаил Миткевич назначил Вонифатия настоятелем Иркутского Вознесенского монастыря. Но уже в 1788 г. Вонифатий вернулся настоятелем в Киренский Свято-Троицкий монастырь, которым руководил 10 лет [6, с. 26].

Киренский Свято-Троицкий монастырь был одним из наиболее крупных в Восточной Сибири, имел значительное и стабильное хозяйство, был центром духовного правления. В настоящее время от Троицкого каменного храма остался только фрагмент первого этажа церкви, построенной Вонифатием [5, с. 282–288].

⁵ Кудрявцев С. Очерк истории Забайкальской епархии. Миссия среди тунгусов в XVIII столетии: [электронный ресурс]. – URL: <http://www.chita-parhia.ru/enapx/hist/nov/kydr/missia/> (дата обращения 13.01.2016).

Надо сказать, что независимо от места служения Вонифатий никогда не изменял своему главному призванию – «художеством живописец». В Свято-Троицком монастыре он заложил каменную Троицкую церковь, для иконостаса которой сам написал иконы. По словам очевидцев, храм был величествен по наружности и прекрасен по внутреннему украшению. Иконостасы во всех приделах в несколько станов, резные, позолоченные, святые иконы лучшей иконописной работы. А вот живописное описание Владимирской (Николаевской) надвратной церкви, ее внутреннего убранства: «На фоне темных, ничем не украшенных бревенчатых стен выступал лишь роскошный позолоченный иконостас с иконами, написанными... игуменом монастыря Вонифатием» [5, с. 282–288]. В 1788 г. Вонифатий благословил устройство каменной гробницы над могилой основателя монастыря Гермогена и написал его портрет [6, с. 27], на котором «старец изображен в епитрахили и клобуке с распятием в правой руке и четками в левой» [2, с. 10–11; 7, с. 648].

6 декабря 1798 г. Вонифатий был посвящен в сан архимандрита и переведен настоятелем в Иркутский Вознесенский монастырь, где прослужил до 1800 г., до своей смерти, прожив всего 56 лет. В летописи В.А. Кротова записано: «4 января скончался архимандрит Вознесенского монастыря Вонифатий Березин и погребен под папертью теплой церкви в Вознесенском монастыре» [4, с. 407].

Иркутский Вознесенский монастырь (1669 (или 1672) – 1930-е гг.) располагался в Иркутске – в пос. Жилкино, что на берегу красавицы Ангары. Обитель известна в истории города как один из первых очагов просвещения в Сибири, в котором первый самостоятельный епископ Иркутска и Нерчинска Иннокентий Кульчицкий (1680 (или 1682) – 1731), открыл школы для детей сирот [5, с. 84].

Время и пожары поглотили дивные произведения древнего иконописного искусства, вышедшие из-под кисти великоустужского мастера XVIII в. Однако чудесным образом сохранилась книга, которая сопровождала художника более трех десятилетий. Будто под сенью великих православных богословов книга не канула в лета в последующие два столетия, сохранив надпись архимандрита Вонифатия, сделанную его собственной рукою, красивым округлым почерком почти за год до своей кончины.

В чьих руках находился «Сборник переводов» почти 80 лет, с 1920-х до 2000-х гг., остается пока белым пятном в этой истории.

Список литературы

1. Герчук Ю.Я. Искусство печатной книги в России XVI–XXI веков. СПб.: Коло, 2014. 512 [128] с.: ил.
2. Дулов А.В. Православная Церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков. Иркутск: [б. и.], 2006. Ч. 1. 294 с.
3. Зёрнова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: сводный каталог. М., 1958. С. 95 (№ 311)
4. Иркутская летопись (летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова). С предисловием, добавлениями и примечаниями И.И. Серебренникова. Иркутск: Паровая типография И.П. Казанцева, 1911. 418 с.
5. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии XVII – начала XX века. М.: Галарт, 2000. 496 с.
6. Лыхин Ю.П., Крючкова Т.А. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): биобиблиографический словарь. Иркутск: Тальцы, 2000. 408 с.
7. Мангилёв Петр, прот. Ермоген. Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 18. 752 с.
8. Рыбаков А.А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII–XVIII веков. М.: Галарт, 1995. 484 с.: ил.

УДК 262.14(571.14)(092)"1941/1944"

С.Г. Петров

ИСТОЧНИКИ О ПРЕБЫВАНИИ АНТИРЕЛИГИОЗНИКА-РАСПОПА М.В. ГАЛКИНА (М. ГОРЕВА) В НОВОСИБИРСКЕ (1941–1944 гг.)

Работа посвящена неизвестным страницам биографии бывшего петроградского священника М.В. Галкина (М. Горева) (1885–1948), знаменитого советского антирелигиозника, который вошел в историю как ярчайший пример церковного ренегатства в XX в. Рассмотрены исторические источники, отражающие его служебную деятельность в Сибири во время Великой Отечественной войны, когда он находился в эвакуации в Новосибирске.

Ключевые слова: Русская православная церковь, М.В. Галкин (М. Горев), Великая Отечественная война, Новосибирский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии.

После публикации двух статей, посвященных крупнейшему религиозному ренегату XX в. петроградскому священнику Михаилу Владимировичу Галкину (Михаилу Гореву), перипетиям его жизни в годы Первой мировой войны [5; 6], дальнейшее обращение к его непростой биографии, которая в последние годы находится в центре внимания историков [4; 7], в качестве исследовательской задачи нами не ставилась. Но выяснилось, что во время Великой Отечественной войны он эвакуировался со своей семьей в Новосибирск, где прожил два с половиной года – с ноября 1941 по апрель 1944. Об этом периоде его жизни известно крайне немного. Сам он в учетно-регистрационных партийных документах указывал, что работал в Сибири в областном совете Союза воинствующих безбожников, возглавлял кафедру основ марксизма-ленинизма в Новосибирском институте инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии (НИИГАиК).

Священник-перевертыш, как бы сказали сейчас, обладал высокой мобильностью и не менее высокими адаптационными качествами, быстрее всех из духовного сословия сумел встроиться в новую жизнь, нанеся колоссальный вред Русской православной церкви. Успешный столичный священник, плодовитый духовный писатель (Михаил Горев – его литературный псевдоним), активный сторонник антиалкогольного движения, он после большевистского переворота стал не менее ревностным антирелигиозником. Священник Галкин принял деятельное участие в создании декрета об отделении Церкви от государства, крупнейших антирелигиозных акциях большевиков того времени. Чрезвычайно энергичен и инициативен распоп был в первой половине 1920-х гг., когда занял пост помощника Л.Д. Троцкого по разгрому Русской православной церкви и расстрелам духовенства. Весьма активен он был и в атеистической пропаганде, стоял у истоков создания антирелигиозных обществ и их периодических изданий. Довольно быстро большевик Галкин стал номенклатурным работником ЦК РКП(б). После устранения Троцкого от власти распоп оказался на Украине: боролся с националистической интеллигенцией, занимался антирелигиозной пропагандой, работал в высших учебных заведениях Харькова.

В 1941 г. Галкин эвакуировался в Новосибирск именно из Харькова и туда же после освобождения города вернулся в 1944 г. Элементарные эвристические расчеты говорят, что для рекон-

струкции его деятельности в Сибири, исходя из уже имеющихся сведений, нужно, как минимум, обратиться к архивным фондам соответствующих учреждений. Однако оказалось, что фонд Новосибирского областного совета Союза воинствующих безбожников не сохранился, а фонд общества «Знание», к которому после войны были присоединены воинствующие безбожники, содержит документы только с начала 1950-х гг. Не менее печальная участь была и у архива НИИГАиК: в результате пожара практически не осталось документов до 1953 г. (уцелели только бухгалтерские отчеты). Правда, сохранились материалы первичной партийной организации института. Подокументный просмотр архивных дел позволил выявить сведения о распе Галкине, дающие представление о характере его деятельности в НИИГАиК.

Отмечу, что в книгах по истории НИИГАиК, написанных к юбилейным датам, имя Галкина не упоминается [3; 8]. Внимание здесь уделено его преемнице по кафедре Ф.И. Овсянниковой, долгие десятилетия проработавшей в институте. Исключением является, пожалуй, только работа В.В. Алексеева, в которой можно найти небольшой фрагмент, связанный с Галкиным [1, с. 152], правда, в размещенных в Интернете текстах в качестве заведующего кафедрой основ марксизма-ленинизма в военные годы указывается совсем другой человек [2].

Несмотря на партийную специфику выявленных сведений о деятельности Галкина, удалось установить, что в НИИГАиК бывший священник появился в марте 1942 г., в сложное для института время, когда он был на грани закрытия. Ему пришлось в очень короткие сроки практически с нуля создать кафедру основ марксизма-ленинизма, которая, несмотря на многочисленные переименования и качественные изменения, существует по сей день.

Сохранившиеся протоколы заседаний парткома и партсобраний НИИГАиК говорят о Галкине, как о бдительном идеологическом контролере, призванном определять соответствие знаний марксистско-ленинской теории преподавателей и сотрудников занимаемым должностям. Не случайно именно он председательствовал на собрании в июне 1942 г., посвященном смене руководства НИИГАиК, когда властные полномочия перешли от эвакуированных из Белоруссии ученых-геодезистов к преподавателям общественных дисциплин, получившим высшее образование в Харь-

кове¹. Номенклатурное положение, а в октябре 1943 г. распоп был избран еще и заместителем секретаря парткома², позволило в тяжелых условиях тылового существования получать дополнительные продовольственные пайки и одежду³.

Помимо протоколов в архивном фонде парторганизации НИИГАиК отложились и разнообразные отчеты перед вышестоящими организациями. Все эти источники позволяют сделать вывод о высокой востребованности бывшего петроградского священника. Он инструктировал институтских агитаторов, просматривал тексты их выступлений, организовывал изучение приказов, призывов и работ И.В. Сталина, возглавлял кружки по освоению «Краткого курса истории ВКП(б)», рекомендовал к приему в партию сотрудников и студентов НИИГАиК, курировал институтских комсомольцев, прорабатывал неуспевающих и недисциплинированных студентов⁴. В общем, выполнял в соответствии с занимаемой должностью заведующего кафедрой марксизма-ленинизма функции идеологического надсмотрщика, призванного контролировать и мобилизовывать преподавателей и студентов НИИГАиК.

В Новосибирске имеется также составленное на номенклатурного работника М.В. Галкина личное дело, включающее персональный листок по учету кадров, служебную автобиографию, характеристики, приказы, список написанных им трудов и другие материалы⁵. В этих источниках, как и в сохранившихся в Москве учетно-регистрационных партийных документах⁶, исключительно неправдиво освещается дореволюционный период его биографии. А в документах, привезенных Галкиным из Харькова, сообщается, что он претендовал на звание профессора, но ходатайство об этом не было реализовано по причине чрезвычайных военных обстоятельств⁷. Из материалов личного дела можно по-

¹ ГАНО. Ф. П-46. Оп. 28. Д. 1946. Л. 40–42 об.

² Там же. Д. 1947. Л. 24.

³ Там же. Л. 108–109.

⁴ Там же. Д. 1946. Л. 22, 31, 33 об., 37 об., 39, 40–42 об., 73–73 об., 80 об.; Д. 1947. Л. 2, 4–4 об., 5–5 об., 7–9 об., 13–15, 17–17 об., 18 об., 19, 22–22 об., 24 об., 25 об.–28 об., 30, 35, 38, 53 об., 64–70, 92 об., 94 об.–97 об., 99–105, 115–115 об., 116 об.–119 об., 121, 123 об., 127, 130–130 об.; Д. 1948. Л. 1–1 об., 5–6 об., 9.

⁵ Там же. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 6406. Л. 1–14 об.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902; Оп. 99. Регистрационный бланк члена ВКП(б), партбилет № 3636357 (данные единицы хранения не имеют нумерации листов).

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 56. Д. 6406. Л. 3, 5 об., 6.

черпнуть и сведения о его семейном положении (о второй жене и дочери, детях от первого брака).

Протоколы и отчеты парторганизации НИИГАИК свидетельствуют, что священником-перевертышем были составлены свои собственные отчеты о работе возглавляемой им кафедры. Отдельные фрагменты текстов этих партийных документов заимствованы из галкинских отчетов, имеются даже прямые ссылки на них. В результате архивного поиска удалось обнаружить три таких документа и один отчет Галкина о проверке им еще до прихода в НИИГАИК, по заданию обкома ВКП(б), деятельности кафедры основ марксизма-ленинизма Новосибирского инженерно-строительного института⁸. В этом отчете в качестве положительного примера он указал на отмеченные кафедрой идеологические ошибки в статьях о сибирской архитектуре знаменитого профессора А.Д. Крячкова.

Помимо источников, освещающих пребывание Галкина в стенах НИИГАИК, удалось выявить ряд материалов, говорящих и о деятельности его в Новосибирском областном совете Союза воинствующих безбожников, где он работал с ноября 1941 г. в качестве заместителя председателя. Сохранилась напечатанная в типографии «Советской Сибири» антирождественская листовка «Против фашистского мракобесия» с разнообразным антирелигиозным материалом, в конце которой сообщается, что составителем ее является М. Горев⁹. Обнаруженные документы периода работы Галкина в областном совете воинствующих безбожников свидетельствуют, что он вместе с другими немногочисленными профессиональными атеистами прилагал немалые усилия для реанимации неработающих ячеек этой организации и перестройки ее деятельности с учетом требований военного времени¹⁰. Однако вследствие коренного изменения политики в отношении религиозных организаций усилия эти остались нереализованными, а самому антирелигиознику-распопу пришлось перейти на другую работу, возглавить кафедру основ марксизма-ленинизма НИИГАИК.

Как видим, выявленные источники позволяют воссоздать, хотя и мозаично, достаточно четкую картину пребывания в Сибир-

⁸ Там же. Оп. 5. Д. 332. Л. 195–198 об.; Оп. 6. Д. 216. Л. 96–97 об.; Д. 217. Л. 104–107 об.; Оп. 7. Д. 292. Л. 46–60 об.

⁹ Там же. Оп. 5. Д. 321. Л. 150–150 об.

¹⁰ Там же. Л. 70–72.

ри в годы Великой Отечественной войны известного советского антирелигиозника, бывшего питерского священника М.В. Галкина (М. Горева), особенностей его разносторонней деятельности в антирелигиозных организациях и вузах Новосибирска.

Список литературы

1. *Алексеев А.А.* Геодезическая служба СССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.): исторический аспект. Новосибирск, 2007. 252 с.
2. История НИИГАиК – к 75-летию СГГА. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-232456.html> (дата обращения: 02.04.2016).
3. История НИИГАиК, 1932–1970 гг. / сост. К.Л. Проворов. Новосибирск, 1970. 72 с.
4. *Крапивин М.Ю., Макаров Ю.Н.* «Незаменим для работы в области проведения декрета отделения церкви от государства»: документальный портрет М.В. Галкина (1885–1948) // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 645–650.
5. *Петров С.Г.* Петроградский священник М.В. Галкин в годы Первой мировой войны (по документам РГИА) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры XVI–XXI в. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. С. 382–396.
6. *Петров С.Г.* Петроградский священник М.В. Галкин в годы Первой мировой войны (по документам ЦГИА СПб) // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 240–260.
7. *Рогозный П.Г.* Священник Михаил Галкин, соавтор декрета об отделении церкви от государства. – URL: http://www.spbiiran.nw.ru/wp-content/uploads/2013/11/доклад_Рогозного.pdf (дата обращения: 18.06.2015 г.).
8. *Тетерин Г.Н.* История НИИГАиК: к 60-летию института. Новосибирск, 1993. 191 с.

УДК 639.2.052(571)"16/17"

А.Х. Элерт

**СПОСОБЫ РЫБНОЙ ЛОВЛИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ
(XVII–XVIII вв.)**

В статье характеризуются приемы рыбной ловли русского и аборигенного населения Сибири в XVII–XVIII вв., региональные и этнические особенности в этой сфере хозяйственной деятельности, промысловые снасти и материалы для их изготовления.

Ключевые слова: население Сибири, рыбная ловля.

Источники XVII в. содержат очень мало сведений о способах рыбной ловли русских и коренных жителей Сибири, орудиях лова и материалах, из которых они изготавливались, региональных и этнических различиях в этой сфере хозяйственной деятельности населения. Первые специальные исследования по данному вопросу начали проводиться лишь с началом деятельности академических экспедиций, первой из которых стала Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. В дневниковых записях ее участников Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина, Г.В. Стеллера и других путешественников содержатся ценные сведения о состоянии рыбных промыслов в Сибири как в XVIII в., так и в предшествующий период. В фундаментальном труде Миллера «Описание сибирских народов», написанном ученым в 1737–1740 гг., рыбной ловле сибирских аборигенов посвящена специальная глава.

Рыболовством занимались почти все сибирские народы, однако по степени вовлеченности в это занятие между ними наблюдались очень существенные различия. Эти народы можно разделить на три большие группы. К первой относились буряты, монголы, нерчинские тунгусы, тюрки Красноярского уезда, бельтиры и сагайцы Кузнецкого уезда. Миллер писал о них: «Употребление в пищу рыбы считается у них чем-то низким: они считают себя счастливыми, что их богатое скотоводство дает им достаточно для пропитания, чтобы обходиться без такого кушанья» [2, с. 331]. Ко второй группе можно отнести тех, для кого рыболовство было важным, но все же вспомогательным родом занятий (русские, татары, якуты-скотоводы и ряд других народов). Миллер, в частности, сообщает: «Татары занимают промежуточное

положение, а так как они во всем стоят ближе к европейским народам, то подобно им пользуются и рыбной ловлей в качестве дополнения к другим средствам к существованию» [2, с. 331]. И, наконец, третью группу представляли народы, для которых рыболовство было основным занятием. Впрочем, данное деление в достаточной мере условно. Так, если тунгусы-скотоводы степей Забайкалья рыбной ловлей не занимались, то для их таежных сородичей рыболовство имело вспомогательный характер, а для некоторых групп северных тунгусов было одним из основных занятий. То же можно сказать о якутах и ряде других народов.

Способы и орудия лова во многом зависели от времени года, особенностей доступных промысловых водоемов и видов добываемых рыб. Не очень существенными были различия в приемах и типах снастей, применявшихся разными народами. И русские, и коренные жители широко использовали пассивные методы рыбной ловли, в том числе разного рода стационарные и переносные ловушки. Самыми распространенными были плетеные из ивовых прутьев, кедровых или еловых планок, или расщепленного кедрового корня морды и верши, имеющие форму конуса.

Более сложным и трудоемким являлось сооружение котцов, представляющих собой спиралеобразную загородку, в нее рыба входила через широкую горловину и, двигаясь по спирали, попадала в камеру, из которой ее вычерпывали саком, обычно сплетенным из прутьев. Загородку делали из кольев, толстых палок или дранки, вбивая в дно; их концы должны были выступать над водой. Котцы устанавливали рядом с береговой линией на реках и озерах, а также на «сорах» – в пойме, которая заливалась водой во время весеннего паводка, продолжавшегося обычно до середины июня. В это время рыба из рек и озер устремлялась на богатые кормами затопленные луга. Преимущество «сорового» промысла заключалось и в том, что установка котцов осуществлялась посуху до начала паводка, а к недостаткам следует отнести непредсказуемость продолжительности паводка и, в любом случае, относительную кратковременность такого промысла. «Соровая» рыба состояла большей частью из шук, окуней, чебаков и других малоценных видов.

Саки использовались не только для вычерпывания рыбы из котцов. Другое применение они находили при рыбной ловле зимой и ранней весной в реках, подверженных «заморам», таких,

как крупный приток Оби – река Кеть. Зимой эта река местами промерзала до дна, стоячая вода закисала, содержание кислорода в ней резко снижалось. Поэтому рыба скапливалась в тех местах, где имелись источники со свежей водой. В таких местах делали проруби, через которые рыбу вычерпывали саками. Из одной такой проруби за день можно было вычерпать воз рыбы.

С образованием достаточно крепкого льда в ноябре–декабре у берегов рек устанавливали «фитили» (разновидность вентеря), представляющие собой снаряд цилиндрической формы из обручей, изготовленных из ивовых или черемуховых прутьев и расположенных на определенном расстоянии друг от друга; на обручи натягивалась нитяная сетка, а от входа в ловушку могли устанавливаться крылья. В такую снасть попадали в основном налимы.

Ставные сети и неводы различались не только размерами, но и материалом, из которого их изготавливали. Русские использовали для вязки сетей в основном конопляные нитки, которые в первой половине XVII в. поступали на продажу из Европейской России. Со временем (точное время установить сложно) конопляники появились и в Сибири. Косвенно о все возраставшем изготовлении конопляных ниток и снастей самими сибиряками свидетельствует резкое падение их ввоза «с Руси». Так, в 1639/1640 г. через Тобольск в сибирские регионы транзитом проследовало 7690 саженой неводной дели, в 1655/1656 г. – 783, в 1669/1670 г. – 3635 саж. Такой же была тенденция в отношении неводного пряженья: в 1639/1640 г. через Тобольск прошло транзитом 255,5 пуд., в 1655/1656 г. – 108,5, в 1669/1670 г. – 36 пуд. [1, с. 149]. Помимо конопляных ниток, которые стоили довольно дорого, коренные жители Сибири, а иногда и русские, использовали для вязки сетей крапивные нитки, которые пряли сами; ительмены и коряки Камчатки употребляли почти исключительно такие сети и неводы.

В Якутии были распространены сети и неводы, изготовленные из конского волоса. По предположению Миллера, «вначале, по-видимому, их заставила ввести эти сети нужда, так как в этих северных местах не растут ни конопля, ни лен, но зато имеется значительное скотоводство. Однако эти сети имеют и большие преимущества» [2, с. 331]. Нитки из конского волоса были очень тонкими, но прочными, они с трудом подвергались гниению и, что

очень важно для подледного неводнения на озерах, при сильном морозе оставались гибкими, не замерзая «колом», как нитки конопляные или крапивные. В отдаленных северных местах Якутского уезда и даже за его пределами, где не было собственного коневодства, пользовались такими сетями, получаемыми из центральных районов Якутии. Почти все русские жители Якутии также пользовались сетями и неводами из конского волоса.

Те жители Севера, которые не могли приобрести в достаточно большом количестве ни конопляные нитки, ни конский волос или сети из него, использовали для ловли крупной рыбы (осетр, нельма, чир, таймень, щука) крупноячеистые сети из лыка ивы или черного тальника. По прочности такие сети не уступали конопляным, но лыковые нити были слишком толстыми для вязки мелкоячеистых сетей. Меньшее распространение, в основном у тавгов (нганасан), на севере получили сети из тонких кожаных ремешков. Для этого с сырой оленьей шкуры соскабливали шерсть, замораживали и нарезали нити острым ножом. Недостатком таких сетей было то, что они очень быстро размокали и были недолговечными.

Ставные сети русские обычно называли пушальницами, одну из их разновидностей – кривдами. Кривда представляла собой сетный рыболовный снаряд в виде мешка на треугольной раме; устанавливался он в озерах и вдоль берегов рек, где нет быстрого течения. О том, что такой тип сетей был заимствован некоторыми сибирскими аборигенами у русских, свидетельствует, в частности, тот факт, что ненцы для обозначения данной снасти использовали русское название. Сети с очень узкими ячейками для ловли совсем мелкой рыбы по-русски назывались тестиками; как и в большинстве других случаев, для этой снасти у коренных народов имелись собственные названия.

Осенью ценные породы рыб на крупных реках добывали крупноячеистыми «попланами» (вероятно, от «поплавная» сеть), с которыми плыли по течению. Такая рыбалка была сопряжена с известным риском, и рыбаки в непогоду нередко гибли в ледяной воде.

Рыбная ловля неводами требовала больших материальных затрат и объединения труда по меньшей мере нескольких человек. Особенно трудоемким было подледное неводнение на озерах. Для этого во льду в два ряда прорубали на определенных

расстояниях друг от друга небольшие проруби, через них с помощью длинных шестов протягивали прикрепленные к концам невода бечевки, соединявшиеся в одной большой проруби, через которую происходила выборка снасти. Летом неводы использовались как на реках, так и в озерах. Наиболее эффективным неводной промысел был на так называемых песках крупных рек. В Якутском уезде самым известным по рыбному изобилию был Красный песок на Лене близ Жиганского ясачного зимовья. Осенью, когда ценные породы рыб поднимались вверх по Лене, сюда устремлялись на лодках-шитиках, конструкция которых была заимствована у русских, якуты из отдаленных мест, вплоть до Якутска. Многие бедные якуты делали здесь себе запасы на весь год. В таежной зоне местные жители, в особенности ханты, манси и кеты, летом перегораживали русла небольших рек и речек «запорами» из жердей и палок, к которым крепилось сетное полотно. Когда рыба начинала сезонную миграцию из притоков в крупные реки, она скапливалась перед запором, где ее добывали неводами.

Крючки (уды), большие и малые, использовались в различных снастях. О переметах адъютант И.Э. Фишер писал: «Переметный промысел... На длинную бечевку привязываются 20, 30, 40 или сколько угодно крючков, снабженных наживкой, так что крючки свисают с бечевки примерно на 1/4 аршина, на расстоянии в 1 или 1/2 сажени друг от друга... Вверху бечевка привязывается к колу или опускается с камнем на дно, а внизу, чтобы ее снова можно было найти, привязывается к деревяшке»¹. Одной из разновидностей больших уд являлись самоловы на бечевке, устанавливаемые для ловли осетров и стерлядей. Распространена была также ловля с помощью удочки с поплавком. У большинства народов таким способом рыбу ловили лишь дети и женщины, но таежные тунгусы, вынужденные часто перекочевывать с места на место, не имели возможности использовать громоздкие снасти и при ловле рыбы обходились либо удочками, либо острогами.

Ловля рыбы блеснами обычно осуществлялась следующим образом. Рыбак медленно плыл вдоль берега на маленьком челне (долбленом или берестяном), опустив в воду блесну на длинной бечевке; к концу бечевки, остающемуся в лодке, на случай поимки крупной щуки или тайменя привязывалась небольшая колода, которую, при невозможности вытащить добычу сразу в лодку,

¹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 41. Л. 94–94 об.

сбрасывали в воду и ждали, пока рыба не устанет. Блесну русские в Сибири называли дорогой.

Подледное блеснение через проруби, видимо, некоторыми коренными народами было заимствовано у русских. Ханты использовали для этого снабженные крючками костяные или оловянные рыбки. Тунгусы называли таких костяных рыбок русским словом «кандач», от которого сам процесс ловли именовался «кандачить».

Для подледного лова осетров и стерлядей русские и коренные жители использовали длинную рукоятку с насаженными на нее двумя крюками. Зимой на всех крупных реках Сибири осетры и стерляди в больших количествах собирались в местах с большими глубинами, именовавшихся ямами. Над этими ямами делали проруби и вытаскивали рыбу крюками. Среди других способов ловли рыбы можно упомянуть использование петель из конского волоса на палках длиной в несколько метров, которыми выдергивали на берег щук, во время летней жары неподвижно стоявших у поверхности воды, а также стрельбу таких же щук из луков. В начале зимы, когда лед был еще тонким и прозрачным, ночью с помощью ярко горящей лучины или факела выискивали места у берега, где подо льдом неподвижно стояла рыба, и глушили ее ударами об лед тяжелыми палками, а затем вытаскивали через проруби. Еще одним способом рыбной ловли, который русские называли «лучить», чаще всего применялся в Восточной Сибири, особенно на Лене и ее притоках, а также на крупных озерах. Для этого ночью на легком челне с горящей лучиной, закрепленной на носу, плыли вдоль берега, у которого отстаивалась рыба, и кололи ее острой.

Товарное рыболовство в Сибири в изучаемый период находилось в самом начале своего развития и, как правило, на рынок поступали лишь излишки добытой рыбы. Артельный лов рыбы неводами исключительно на продажу осуществлялся обычно в самых богатых рыбой местах – на речных «песках» и в больших озерах. Адъютант Академии наук Г.В. Стеллер во время пребывания в Иркутске в 1740 г. сделал подробное описание рыбной ловли на Байкале артелями промышленных людей [3, с. 38–40]. Артель формировалась в Иркутске и обычно состояла из 14–15 человек, каждый из которых, исключая трех, вносил 50 руб. Не вносили деньги опытный передовщик, возглавлявший артель и получав-

ший полный пай, а также повар и бочкарь, получавшие по 0,5 пая. На собранные деньги артель покупала парусно-гребной дощаник, две лодки для неводнения, невод длиной в 130–150 сажений, другие снасти и продовольствие. Все это стоило около 500 руб. Уплата десятину от цены, установленной целовальником, артель получала право на промысел в отведенном канцелярией месте. Стеллер сообщает, что в первые десятилетия XVIII в. артели добывали почти одних осетров, не обращая внимания на другую рыбу. Осетров было так много, что за одну тоню можно было выловить до 60 бочек рыбы, однако ко времени пребывания автора в Иркутске осетры в Байкале стали редкостью. За сезон артель в среднем добывала 7 бочек осетров, 25 бочек сигов и 100 бочек омулей (в бочку входило 1000–1100 омулей). Впрочем, уловы омуля также сокращались: в район впадения в Байкал реки Верхней Ангары артели перестали ходить из-за воинственных местных тунгусов, грабивших и даже убивавших рыбаков; с некоторых рыбных мест промышленных «согнал» Посольский монастырь; лов омуля близ устья Селенги был запрещен из-за жалоб жителей Селенгинска, по словам которых промышленные вылавливали и отпускали от устья омуля, который перестал подниматься вверх по реке до города.

Список литературы

1. *Вилков О.Н.* Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 323 с.
2. *Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / изд. подг. А.Х. Элерт, В.М. Хинтцше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 453 с.
3. *Стеллер Г.В.* Иркутские нравы и образ жизни / пер. с нем. и публ. А.Х. Элерт // Наука из первых рук. 2007. № 6. С. 36–41.

УДК 930.253

А.В. Спичак

**ВЫПИСКИ ИЗ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ
ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ XIX – НАЧАЛА XX в.:
ФОРМУЛЯР ДОКУМЕНТА***

Целью работы является выяснение степени соответствия нормам законодательства формуляра выписок из метрических книг, составленных в Тобольской епархии. Показано, что практика делопроизводства в приходских церквях подвергалась регламентирующему воздействию, постоянно совершенствовалась, пополнялась новыми элементами.

Ключевые слова: выписки из метрических книг, Тобольская епархия, приходские церкви, Тобольская духовная консистория, синодальный период.

Метрические книги – записи актов гражданского состояния, являвшиеся основным учетным документом приходских церквей в XVIII – начале XX в., состояли из трех частей: для записи родившихся (крестившихся), сочетавшихся браком (венчавшихся) и умерших (погребенных). При необходимости можно было получить выпись из метрики. По словарю В.И. Даля, «метрическое свидетельство – метрика, выписка из нее, о рождении, крещении, повенчании, смерти» [1, с. 629]. Выписка из метрических книг (метрические свидетельство, справка) позволяла установить личные данные о конкретном человеке.

В синодальный период истории Русской Православной Церкви выписи из метрических книг служили аналогом современных свидетельств о рождении, браке, смерти. Обычно выписки из консисторского экземпляра метрических книг запрашивали различные присутственные места, выписки из приходского экземпляра – прихожане. Документы первого варианта имели юридическую силу, а второго – могли использоваться только для справок. Частные лица, однако, до 1838 г. имели право получать свидетельства только в некоторых случаях.

Вид документа (выпись, свидетельство, справка) и вид бумаги, на которой выдавались метрические свидетельства, были

* Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в сфере научной деятельности, задание № 2014/801.

законодательно закреплены. Указом Александра I от 24 ноября 1821 г. предписывалось метрические свидетельства о рождении и крещении составлять на бумаге «первого разбора»¹. Святейший Правительствующий Синод (далее – Синод) приказал 31 декабря 1843 г. выдавать свидетельства из метрических книг на гербовой бумаге², а 22 мая 1848 г. – выдавать свидетельства всем лицам свободного состояния, не требуя объяснения цели запроса, что подтвердили указы от 16 октября 1851 г. и 9 октября 1862 г. [8, с. 78–80]. Формуляр выписи соответствовал форме метрической книги, заголовки граф таблиц этих документов были закреплены законодательно. Первый формуляр метрик устанавливался Синодом 20 февраля 1724 г.³, новые формы вводились указом от 28 февраля 1831 г.⁴

Однако в епархиях, в том числе в Тобольской, до конца XIX в. выписи часто писались от руки без таблицы. Например, такова выпись из метрической книги о родившихся за 27 сентября 1843 г. Наименование вида документа указано в верхней части листа по центру «Выписка из метрик», ниже приведен текст со сведениями о рождении: «Тысяча восьми сот 26 двадцать шестого года генваря 9 дня тобольского мещанина Алексея Максимова Агилова родилась дочь... которая крещена того же дня и записана в метрику под № 4 в том свидетельстве Михаило Архангельской церкви священно-церковнослужители». Под текстом справа расположены подписи священника, дьячка и двух пономарей, слева от подписи указана дата. На верхнем поле документа находится отметка о получении выписи и регистрационный номер документа «на № 31»⁵.

В начале XX в. почти все выписи из метрических книг составлялись на двойном листе, на первой странице указывали наименование вида документа и заголовки к тексту (часть и год книги), на развороте располагалась таблица с графами метрической книги согласно требованию законодательства. Наименова-

¹ Полное собрание законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ). Санкт-Петербург: III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Собр. 2. Т. X. Отд. 2. 8396. С. 961–962.

² Там же. Собр. 2. Т. XVIII. Отд. 1. 17470. С. 841–842.

³ Там же. Собр. 1. Т. VII. 4480. С. 266–267.

⁴ Там же. Собр. 2. Т. VI. Отд. 1. 4397. С. 204, 816–818.

⁵ Государственный архив в г. Тобольске (далее – ГБУТО ГАТ). Ф. 80. Оп. 1а. Д. 1. Л. 72.

ние вида документа вписывали также и в первую строку таблицы, как и в метриках. Некоторые выписи этого времени были изготовлены на типографских бланках. Дату документа указывали под таблицей слева, под ней – регистрационный номер документа. Во всех выписях присутствует оттиск печати церкви. Практически всегда под таблицей содержится заверительная надпись («Верность сей метрической выписи Священник ... церкви свидетельствует своим подписом с приложением церковной печати»), после которой следуют подписи членов причта. С начала XX в. для составления выписей из метрических книг начали использовать гербовую бумагу.

В типографском бланке выписей о родившихся Тобольской Богородице-Введенской церкви за 1907 г. напечатана часть даты: «189 года __ дня», исправлено от руки на: «1907 Ноября 26 дня». В регистрационном номере документа знак № напечатан, от руки вписано только название церкви и подпись. Текст содержит таблицу с семью столбцами: «счет родившихся (мужчин и женщин отдельно)»; «месяц и день (рождения и крещения отдельно)»; «имена родившихся»; «звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания»; «звание, имя, отчество и фамилия соприемников»; «кто совершал таинство крещения»; «рукоприкладство свидетелей записи по желанию»⁶. Выпись о бракосочетавшихся за 1907 г. включает таблицу с девятью столбцами: «счет браков»; «месяц и день»; «звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание жениха, и которым браком»; «лета жениха»; «звание, имя, отчество, фамилия и вероисповедание невесты, и которым браком»; «лета невесты»; «кто совершал таинство»; «кто были попечители; подпись свидетелей записи по желанию»⁷.

Метрические книги были отменены и заменены на актовые (или реестровые) книги органов ЗАГСа декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния».

Таким образом, выписи из метрических книг в Тобольской епархии, как приходские, так и консисторские, полностью воспроизводили данные метрик, однако далеко не всегда совпадали с последними по форме, которая была закреплена на законодательном уровне. Чаще всего выписи составлялись от руки сплошным

⁶ ГБУТО ГАТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 47. Л. 29–30, 40–41.

⁷ Там же. Л. 13–14, 56–57.

текстом. Скорее всего, духовные лица не видели необходимости придерживаться установленного формуляра. В начале XX в. большинство выписей составлялось уже по правилам 1831 г., как на типографских бланках, так и от руки, на простых листах бумаги. Последний факт свидетельствует о том, что оформление документов в произвольном виде не стоит объяснять отсутствием у причтов средств на приобретение типографских бланков.

Выписи из метрических книг, как и сами метрики, являются не только первичным генеалогическим источником, но и наиболее достоверным из всего массива родословных материалов. Эти документы – важный источник для выявления биографических данных, а также поиска информации о священнослужителях, проходивших свое священническое или учительское служение в городских и сельских приходах [2, с. 79]. Рассмотренные документы представляют существенный исследовательский интерес не только для генеалогии, но и для широкого круга научных дисциплин: исторической демографии, исторической антропологии, ономастики, этнографии, социальной истории, истории медицины, генетики, истории церкви и краеведения. В теоретическом отношении данный источник позволяет изучать личность и ее включенность в малую социальную группу, микроистория же в современной мировой науке является одним из наиболее перспективных направлений [7, с. 23].

Список литературы

1. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Типография Лазаревского института восточных языков (А. Мамонтов), 1865. Т. 2: И.–О. С. 629–1351.
2. *Корнилова В.И.* Материалы церковного делопроизводства как источники по генеалогии православного духовенства Прикамья (на примере семьи Кудрявцевых) // Альманах современной науки и образования. 2012. № 8 (63). С. 78–81.
3. *Разумов С.А.* Писцовые и метрические книги: основные источники по генеалогии православного духовенства в XVIII – начале XX в. // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: История и политические науки. 2013. № 3. С. 21–25.
4. *Чижевский И.Л.* Церковное писмоводство: Собрание правил, постановлений и форм к правильному ведению одного / сост. на основании законов и указов св. правительствующего Синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Типо-Литография Окружного Штаба, 1881. 393 с.

УДК 93/94(093)

Н.Н. Бессонова

**ЭГО-ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ЦЕНЗУРЫ
(ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДНЕВНИКА
А.В. НИКИТЕНКО)**

В статье рассматривается дневник академика, профессора и цензора А.В. Никитенко как источник по истории цензуры. На материале дневниковых записей, посвященных доносу Ф.В. Булгарина на журнал «Отечественные записки», раскрываются информационные возможности мемуарного источника.

Ключевые слова: исторический источник, цензура, дневник, А.В. Никитенко, «Отечественные записки».

В современных исследованиях по истории цензуры активно используются источники личного происхождения, в первую очередь дневники и воспоминания. Этот тип источников содержит информацию, не отразившуюся в официальных документах. Сведения, сохранившиеся в мемуарах, касаются различных сторон существования института цензуры – от специфики работы до личных характеристик цензоров и литераторов, а также неформальных отношений между ними [10; 11].

Дневник академика, профессора и цензора А.В. Никитенко уже привлекал внимание историков как уникальный источник по истории цензуры. Его активно использовали в своих работах дореволюционные исследователи А.М. Скабичевский и М.К. Лемке [4; 12]. На сегодняшний день существуют четыре варианта его издания, представляющие интерес для историков. Первый подготовлен А.С. Никитенко – дочерью А.В. Никитенко и опубликован в «Русской старине» в 1888–1892 гг. В 1893 г. журнальные публикации были объединены в трехтомник и изданы в типографии А.С. Суворина. М.К. Лемке переиздал дневник в 1905 г., им была проделана серьезная работа по восстановлению криптонимов и комментированию текста [5; 6].

В советское время вышло трехтомное издание, подготовленное И.Я. Айзенштоком [7; 8; 9]. Именно оно представляет наибольший интерес для историков. Вступительная статья И.Я. Айзенштока содержит много спорных суждений о А.В. Никитенко, современные исследователи справедливо указывают на

«лукавство» [3, с. 112] и необоснованность некоторых из них [2, с. 79], но ее источниковедческая часть не утратила научной актуальности и сегодня. И.Я. Айзеншток разыскал сохранившиеся фрагменты оригинала дневника за 1859, 1864 и 1865 гг. и провел их сравнительный анализ с текстом, опубликованным С.А. Никитенко [1, с. XLIV]. Ему удалось установить, что А.В. Никитенко поместил записи, которые следовало опубликовать, но дочь проигнорировала это и осуществляла отбор по собственному усмотрению, более того, она внесла стилистические правки, а также исказила некоторые оценочные суждения отца, касающиеся известных лиц, но «не позволяла себе измышлять и сочинять факты» [1, с. XXXVIII–XLIV]. Таким образом, несмотря на вмешательство С.А. Никитенко, дневник остался ценным историческим источником.

В последние годы вышло несколько статей по истории цензуры, в которых дневник является основным источником. В.Г. Березина восстанавливает деятельность А.В. Никитенко на поприще цензуры, а также его взгляды на государственную политику в этой сфере, отмечает наиболее яркие характеристики рядовых чиновников и министров [2]. Реконструкции работы А.В. Никитенко в цензуре на материалах этого источника посвящена статья А.В. Цыганова [13].

В данной статье предпринята попытка проанализировать дневник А.В. Никитенко как источник по истории цензуры. Первая запись, касающаяся цензуры, датируется 8 августа 1826 г., последняя – 30 января 1877 г. [7, с. 23; 9, с. 407]. Как уже отмечали исследователи, обращавшиеся к тексту, он сочетает развернутость, богатство фактов, что делает его анализ интересным, но сложным процессом [1, с. XLIV; 2, с. 61]. В данной статье информационные возможности дневника по истории цензуры раскрываются только на записях, касающихся доноса Ф.В. Булгарина на журнал «Отечественные записки» в 1843 г. Этот случай из истории цензуры довольно подробно описал М.К. Лемке, им же опубликованы фрагменты двух писем с доносами [4, с. 286–288]. Ситуация непосредственно касалась А.В. Никитенко, так как он и С.С. Куторга были цензорами этого журнала.

В дневнике этому инциденту посвящено три записи: от 7, 16, 21 декабря [7, с. 273–276]. Сообщение от 7-го числа начинается с фразы: «Булгарин подал донос на цензуру, на попечителя, князя Волконского, и на самого министра» [7, с. 273]. Далее описывается

ситуация, предшествовавшая доносу: петербургский цензурный комитет принял решение запретить полемику между журналами, поводом для этого послужило обвинение Ф.В. Булгариным в «Северной почте» А.А. Краевского в унижении В.А. Жуковского в «Отечественных записках». Князь Г.П. Волконский (попечитель Петербургского учебного округа) неофициально сообщил об этом Ф.В. Булгарину, тот в ответ написал донос на имя Г.П. Волконского. Очевидно, А.В. Никитенко видел письмо-донос, так как пересказывает текст и приводит цитаты из него. Автор дневника выделяет несколько мишеней Ф.В. Булгарина: А.А. Краевский и его журнал, рядовые цензоры, попечитель учебного округа, министр просвещения С.С. Уваров. А.В. Никитенко называет письмо «нелепым», скорее всего, это не только его мнение, но попечитель вынужден предоставить его А.Х. Бенкендорфу. В дневнике дается объяснение этому: Ф.В. Булгарин утверждает в письме, что есть угроза государю, следовательно, сигнал должен быть передан в III Отделение [7, с. 274].

Таким образом, из записи за 7 декабря мы узнаём о существовании доноса, о круге лиц, на который он нацелен, о его авторе. Кроме того, в ней содержится информация о внутренней кухне цензурного ведомства: о практике неофициальных предупреждений журналистам, об ознакомлении цензоров (возможно, особо ценимых руководством) с текстами доносов, касающихся их, о возможности заинтересованным лицам поставить под удар системы чиновников цензурного ведомства. Здесь же указана уловка, позволяющая доносчикам быть уверенными, что самые нелепые обвинения будут рассматриваться А.Х. Бенкендорфом.

Запись от 16 декабря посвящена последствиям доноса. А.В. Никитенко пишет о них со слов Г.П. Волконского. Министр просвещения обратился к Николаю I с просьбой расширить свои полномочия – получить право единолично принимать решение о закрытии журналов, но получил отказ. В повествовании есть детали, косвенно указывающие на конфликт между С.С. Уваровым и попечителем учебного округа: министр, обращаясь к императору, «ссылался на попечителя, который будто бы требует его помощи» [7, с. 275]. В ответ государь «велел сделать строгий выговор князю Волконскому, потому что эту помощь он должен бы найти в своих правах» [7, с. 275]. Сам А.В. Никитенко указывает, что за этим скрывается интрига: «Тут что-то много темного». Он счел, что

между Волконским и Николаем I была договоренность не соглашаться с Уваровым, это расценивается А.В. Никитенко положительно, так как цензурный устав остался нетронутым, а от его изменений можно было ждать только «стеснений» [7, с. 275].

Автора дневника волнует, достиг ли Ф.В. Булгарин желаемого, но Волконский не давал ответа, ссылаясь на «подробности, которых он не может объявить». Далее мы узнаем, что А.В. Никитенко хотел бы избавиться от обязанности быть цензором «Отечественных записок» по причине доноса и крайней трудоемкости работы с толстым журналом [7, с. 275, 276]. Таким образом, эта запись позволяет узнать о развитии событий, служебных интригах и о положении и взглядах самого А.В. Никитенко.

21 декабря А.В. Никитенко еще раз обращается к этому сюжету. Он связывает новые распоряжения С.С. Уварова, усиливающие контроль над литературой и цензорами, с доносом Ф.В. Булгарина. В тексте изложена суть принятых мер, а также собственные размышления о них и сведения об общей ситуации. Содержание предписаний цензорам можно восстановить и по официальным источникам, больший интерес представляет мнение самого автора дневника и передача им слухов. Из текста видно, что А.В. Никитенко осуждает действия министра, не одобряет их и Г.П. Волконский. Со слов последнего, приведено отрицательное высказывание С.С. Уварова о литературе. В дневниковой записи без указания источника в виде цитаты передана фраза Николая I о доносе Ф.В. Булгарина: «Сделай так, чтобы я как будто об этом ничего не знал и не знаю» [7, с. 276]. В ее достоверности можно усомниться, но ее можно отнести к слухам, существовавшим в профессиональной среде цензоров. Примечательно, что в сложившихся обстоятельствах это высказывание не только давало чиновникам от цензуры ощущение поддержки со стороны государя, но и делало в их глазах виновниками ухудшения их положения второстепенных лиц – С.С. Уварова и Ф.В. Булгарина.

Таким образом, информацию в дневнике можно разделить на две категории: отразившуюся в официальных источниках и уникальную. Последняя часто субъективна, почерпнута от других лиц, но при этом является ценной для истории цензуры. Во-первых, это сведения о самом А.В. Никитенко: о его профессиональных проблемах, взгляде на ситуацию в цензуре. Во-вторых, представлены ценные свидетельства о внутренней «кухне»: взаимоотношениях

между С.С. Уваровым и Г.П. Волконским, попечителем и А.В. Никитенко; бытовавших в профессиональной среде слухах.

Список литературы

1. *Айзеншток И.Я.* Дневник А.В. Никитенко // Никитенко А.В. Дневник: в 3 т. Л.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. V–XLIV.
2. *Березина В.Г.* Цензор о цензуре (А.В. Никитенко и его «Дневник») // У мысли стоя на часах...: цензоры России и цензура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 60–85.
3. *Кантор В.К.* А.В. Никитенко: русский либерал как наследник петровских реформ // Вопросы философии. 2006. № 11. С. 111–121.
4. *Лемке М.К.* Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 3-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014. 640 с.
5. *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Пирожков, 1904. Т. 1. 632 с.
6. *Никитенко А.В.* Моя повесть о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был»: записки и дневник (1804–1877 гг.). 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Пирожков, 1905. Т. 2. 610 с.
7. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Л.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. 543 с.
8. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Л.: ГИХЛ, 1955. Т. 2. 652 с.
9. *Никитенко А.В.* Дневник: в 3 т. Л.: ГИХЛ, 1956. Т. 3. 582 с.
10. *Патрушева Н.Г.* Цензура в России во второй половине XIX века в воспоминаниях современников // Цензура в России: история и современность: сб. науч. тр. СПб.: Российская национальная библиотека, 2001. Вып. 1. С. 95–101.
11. *Патрушева Н.Г.* Профессия – цензор (по документам и воспоминаниям) // У мысли стоя на часах...: цензоры России и цензура. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. С. 24–37.
12. *Скабичевский А.М.* Очерки истории русской цензуры, 1700–1863. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 504 с.
13. *Цыганов А.В.* Российский цензор А.В. Никитенко: по материалам дневника // Молодой ученый. 2011. № 4. Т. 2. С. 51–54.

УДК 93/94

В.А. Маруев

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ ПО ИСТОРИИ ЗОЛОТОДОБЫЧИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.***

В статье представлен обзор документальных источников Государственного архива Забайкальского края по истории золотодобычи второй половины XIX – начала XX в. Делается вывод о содержании и информационной ценности рассмотренных документов.

Ключевые слова: Забайкалье, золотодобыча, Государственный архив Забайкальского края, статистика.

Актуальность исследований по истории золотодобычи в Забайкалье обусловлена отсутствием в последнее время публикаций по означенной тематике, а также определенной схожестью процессов, происходивших в золотодобыче региона в дореволюционное время и происходящих ныне. В данном контексте особый интерес представляют документы Государственного архива Забайкальского края (ГАЗК), содержащие богатый фактический материал для исследований по истории золотодобычи в Забайкалье второй половины XIX – начала XX в.

Документы статистического характера по истории дореволюционной золотодобычи представлены в описи 1 фонда 19 «Забайкальский областной статистический комитет». Рассмотрим подробно особо ценные документы, включенные в состав дел этого фонда. Дело № 38 имеет название «Отчет горного исправника частных золотых приисков Верхнеудинского и Баргузинского округов за 1870 год»¹. Этот документ содержит информацию о статистике добычи золота, состоянии медицинского дела, путях сообщения и питейном деле на приисках. Там же имеется информация о расходе на приисках железа и чугуна, представлены статистические материалы по личному составу рудников, о побегах

* Исследование выполнено в рамках реализации научного гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет», 2016 г.

¹ ГАЗК. Ф. 19. Оп. 1. Д. 38. Л. 78.

с рудников и системе рекрутирования рабочих. Информация, представленная в документе, является в достаточной мере полной и позволяет делать выводы по состоянию дел Верхнеудинского и Баргузинского округов за 1870 г. в целом. В источнике приведены также сравнительные таблицы.

Дело № 55 этого фонда имеет следующее название: «Отчет Троицкосавской городской управы за 1889 год. Сведения о ценах на перевоз грузов по Верхнеудинскому уезду, на хлеб. Реестр частных золотых приисков Забайкальской области. Переписка с Забайкальским областным Комитетом и управлением о численности населения и производстве соли»². В отчете представлены сравнительные таблицы по приискам и дан пояснительный текст. Таблица позволяет проследить динамику добычи золота практически каждым частным прииском.

Дело «Протоколы заседаний Забайкальского статистического комитета о выборах новых членов, об издании "Памятной книжки", о музее. Переписка с окружными начальниками, Забайкальским областным землемером, лесничим о выборе их в действительные члены Забайкальского статистического комитета» проходит под № 65 в описи 1 фонда 19 ГАЗК³. В деле имеется таблица, которая позволяет провести сравнительный анализ объемов добычи кабинетской и частной золотодобычи.

В дело № 137 «Отчеты за 1908 год и ведомости о состоянии частных приисков Забайкальской области за 1908 год»⁴ и № 154 «Отчеты за 1908 год и ведомости о состоянии частных приисков Забайкальской области за 1909 год»⁵ названного архивного фонда включены источники, в которых рассмотрены вопросы комплектования рудников рабочей силой и размеры оплаты труда рабочих, условия проживания рабочих на рудниках, состояние медицинского дела и продовольственное обеспечение приисков. Оба документа затрагивают вопросы иностранного труда на приисках. Источники предоставляют информацию для определения положения рабочих на золотодобывающих приисках Забайкалья.

Документы из архивных дел фонда 93 «Горное отделение Главного управления Восточной Сибири» содержат информацию

² Там же. Д. 55. Л. 122.

³ Там же. Д. 65. Л. 40.

⁴ Там же. Д. 137. Л. 88.

⁵ Там же. Д. 154. Л. 83.

по комплексу частных вопросов. К наиболее значимым комплексам документов можно отнести дело № 44 «Переписка с управляющим Нерчинскими золотыми промыслами об отправке поисковых партий, надзоре за работой низших горных чинов, установлении пикетов против побегов рабочих с промыслов в Забайкалье. 1850–1852»⁶.

Статистический материал, имеющийся в фонде 19, дополняют данные из документов дела № 2 «Ведомости о запасах, добыче золота на золотых россыпях Нерчинского горного округа 1832–1848»⁷. Эти данные представляют собой количественные показатели развития золотодобычи округа. Помимо этого дела в фонде 93 ГАЗК имеются также другие дела по данной проблеме: № 13 «Отчет Нерчинского горного управления о деятельности Нерчинских горных предприятий за 1879 г.»⁸, № 27 «Ведомости добычи золота на золотых промыслах Нерчинского округа за июнь–сентябрь 1873 года»⁹, № 7 «Переписка с Иркутской казенной палатой, губернаторами Забайкальской области, Иркутской губернии, управлениями горных предприятий об ассигновании средств на заготовку продовольствия и товаров. 1864–1870»¹⁰, № 16 «Списки горных инженеров, статских и медицинских чиновников Нерчинских заводов в январскую треть 1881 года»¹¹.

Относительно вопросов винокурения и спиртоношества на приисках имеются данные в документах из дел № 24 «Переписка с Нерчинским горным правлением об открытии в Нерчинском округе питейных заводов. 1880»¹² и № 14 «Переписка с военным губернатором Забайкальской области о запрещении кабинетом е.и.в. постройки винокуренного завода в Нерчинском округе. 1880»¹³. Источники дают ценные сведения о производстве спиртного на приисках и его пагубном влиянии на местное население.

Транспортные вопросы освещаются частично в деле № 18 «Маршрутный лист каравана с золотом и серебром отправленный

⁶ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 44. Л. 189.

⁷ Там же. Д. 2. Л. 43.

⁸ Там же. Д. 13. Л. 50.

⁹ Там же. Д. 27. Л. 163.

¹⁰ Там же. Д. 7. Л. 221.

¹¹ Там же. Д. 16. Л. 83.

¹² Там же. Д. 24. Л. 62.

¹³ Там же. Д. 14. Л. 13.

с Нерчинского завода в город Нижний Новгород за 1884 год»¹⁴. В документах этого дела раскрыты вопросы доставки золота в центральную Россию и связанные с этим проблемы организации доставки, качества дорожной инфраструктуры, финансового обеспечения конвоиров.

Отметим еще два дела из фонда 93 ГАЗК. Дело № 25а «О приобретении ст. инженером И.И. Собщанским паровой лопаты (одночерпального экскаватора) для дражных работ на Новотроицком промысле»¹⁵. Документы этого дела относятся к 1917 г. и содержат рассуждения инженера И.И. Собщанского о целесообразности поставки экскаваторов на прииски. Дело № 22 «Переписка о возвращении площади Петровского прииска Забайкальскому казачьему войску»¹⁶ включает документы, на основе которых можно говорить об уровне медицинского обеспечения золотодобытчиков из частного сектора. В этом же деле есть описание повседневной практики медицинского персонала на приисках.

Весьма важен фонд 301 «Торговый дом братьев Бутиных в г. Нерчинске. 1864–1916 гг.». Особенность его состоит в том, что он является единственным на настоящий момент достаточно хорошо изученным фондом, документы которого освещают деятельность частного золотодобытчика Забайкалья. Представляется, что сохранность, качественный состав и информативность документов фонда нерчинского купца 1-й гильдии, золотопромышленника, коммерции советника и потомственного почетного гражданина М.Д. Бутина выгодно отличает их от источников, находящихся в фондах казенных учреждений [1, с. 164–165].

В делах этого фонда встречаются иллюстрации, графики. Так, ценные иллюстрации имеются в деле № 14 «Шурфовочный журнал по р. Дарасун администрации бр. Бутиных 1889–1890» из описи 2 этого фонда ГАЗК¹⁷. Здесь от руки представлено графическое изображение результатов шурфовочной операции.

Особо информативны документы общего характера. Например, в описи 1 данного фонда есть дело № 11 «Постановления и распоряжения товарищества по золотопромышленности бр. Бутиных и Капаракки с апреля 1866 г. Нерчинск. 1866–

¹⁴ Там же. Д. 18. Л. 86.

¹⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 25а. Л. 166.

¹⁶ Там же. Д. 22. Л. 166.

¹⁷ Там же. Ф. 301. Оп. 2. Д. 14. Л. 32.

1868 гг.»¹⁸. Документы данного дела затрагивает целый ряд важнейших вопросов организации частной золотодобычи. Там же имеются обширные таблицы с полным отчетом о товарах, закупаемых на прииски, их количестве и ценах.

Подробные сведения содержат документы, отражающие вопросы обеспечения приисков М.Д. Бутина. Так, в опись 1 включено дело № 122 «Выборка из отчета Дарасунских золотых приисков. 1887 г.»¹⁹ с таблицами, предоставляющими данные по обеспечению припасами, фуражом и товарами Дарасунских приисков. А в деле № 69 «О вскрытии торфов и добыче золота на Буреинских приисках. 1885»²⁰ можно найти детальные данные о количестве рабочих, их классификации и квалификации в разное время золотодобывающей операции. Дело же № 63 «С ведомостями о вскрышке торфа, добыче золота на Дарасунских приисках с апреля 1885 года»²¹ дает обширные данные по технике и алгоритме организации работ на приисках.

Таким образом, документы фондов ГАЗК содержат ценные сведения по истории золотодобычи Забайкалья как с частной, так и с государственной стороны. Статистические данные позволяют отследить динамику добычи ряда приисков, раскрываются и дополняются вопросы, связанные с организацией и обеспечением золотодобычи, логистикой, бухгалтерской отчетностью. Широко освещено документами социальное положение рабочих частных приисков. Ряд дел позволяет исследовать вопрос влияния винокурения и спиртоношества на развитие золотодобычи и социально-экономическое положение близких к приискам населенных пунктов. Обследованные архивные фонды содержат значительный объем ранее не использованной информации и позволяют провести полноценное историческое исследование.

Список литературы

1. Константинова Н.Н. Бутин Михаил Дмитриевич // Энциклопедия Забайкалья: Читинская область: в 4 т. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 2. С. 279.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

¹⁹ Там же. Д. 122. Л. 158.

²⁰ Там же. Д. 69. Л. 28.

²¹ ГАЗК. Ф. 301. Оп. 1. Д. 63. Л. 79.

УДК 930.2

Т.В. Козельчук, В.И. Россейкина

**ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ
АРХИВНЫХ ФОНДОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ФОНДОВ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье поднимается проблема вовлечения в научный оборот источников из архивных фондов личного происхождения, дается источниковедческая оценка документов пяти фондов ветеранов Великой Отечественной войны Курганской области. Авторы подчеркивают содержательное разнообразие материалов этих фондов и их значение в исторических исследованиях.

Ключевые слова: исторические источники, архивные документы, фонды личного происхождения, Великая Отечественная война, Курганская область.

Работая с архивными документами, историк чаще всего привлекает документальные коллекции государственных учреждений, властных структур, общественных организаций. Однако среди архивных фондов есть особая категория – фонды личного происхождения, состоящие из документов, «образовавшихся в процессе жизни и деятельности физического лица, семьи, рода»¹. Архивные фонды личного происхождения являются оптимальной формой сохранения комплекса источников, по происхождению привязанных к личности одного человека – фондообразователя и автора и позволяющих при этом изучать практически неограниченный круг проблем от повседневности до внешней политики.

Источниковедческое значение документов фондов личного происхождения можно показать на примере фондов ветеранов Великой Отечественной войны двух архивов Курганской области – Государственного архива (ГАКО) и Госархива общественно-политической документации (ГАОПДКО). Это фонды создателя ветеранских организаций в Кургане Анфиногена Андреевича

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроектирование и архивное дело. Термины и определения (утв. Приказом Росстандарта от 17.10.2013 № 1185-ст) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения: 27.08. 2016).

Окольникова², заслуженного работника культуры РСФСР Галины Павловны Хохловой³, военного фотографа Александра Константиновича Суханова⁴, краеведа Евгения Семеновича Селеткова⁵, писателя Павла Захаровича Кочегина⁶. Выбранные коллекции наиболее полно укомплектованы и предлагают достаточно широкий спектр разновидностей исторических источников.

Прежде всего, названные фонды ценны тем, что содержат эго-документы, которых, в связи с интересом к таким темам, как повседневная жизнь солдата, психология человека на войне, особенно не хватает исследователям. Больше всего в фондах ветеранов отложилось писем, круг адресатов которых достаточно широк: ветеранские организации, музеи, архивы, школы, партийные органы. Но особое место занимает частная переписка с фронтовыми товарищами, друзьями, и, конечно же, письма с фронта домой – семье и родным⁷.

В документальных коллекциях двух ветеранов – А.А. Окольникова⁸ и П.З. Кочегина⁹ – отложились дневниковые записи. Они довольно эклектичны по содержанию: личная информация в них чередуется с деловой, ежедневные записи с воспоминаниями о прошедших событиях, названия лекарств с патриотическими цитатами, имена товарищей с конспектами выступлений. Любопытно, что авторы использовали дневники для подробной фиксации фактов, но не для записи своих оценок или размышлений по поводу происходящих событий или окружающих людей.

Воспоминания ветеранов, напротив, пронизаны рефлексией, своеобразным способом разобраться в прошлом, переосмыслить его. Из пяти описываемых документальных коллекций воспоминания были обнаружены только в трех фондах – Е.С. Селеткова¹⁰, П.З. Кочегина¹¹ и А.А. Окольникова¹². В фонде А.А. Окольникова их несколько, например, о лечении в госпитале, довоенной жизни,

² ГАОПДКО. Ф. 7003.

³ Там же. Ф. 6956.

⁴ ГАКО. Ф. Р-2461.

⁵ Там же. Ф. Р-2260.

⁶ Там же. Ф. Р-1615.

⁷ Там же.

⁸ ГАОПДКО. Ф. 7003. Оп. 1. Д. 140.

⁹ ГАКО. Ф. Р-1615. Оп. 5. Д. 423.

¹⁰ Там же. Ф. Р-2260. Оп. 1.

¹¹ Там же. Ф. Р-1615. Оп. 5. Д. 644.

¹² ГАОПДКО. Ф. 7003. Оп. 1.

участии в войне «Как я стал солдатом»¹³. Это рукописные варианты, они позволяют проследить творческий процесс создания текста, увидеть, как автор выстраивал предложения, подбирал подходящие слова, что важно для источниковедческой оценки воспоминаний как источника.

Работая с личными фондами ветеранов, удалось обнаружить автобиографии двух типов: единый связный текст и анкета. Автобиографии первого типа особенно подробно раскрывают наиболее значимые для авторов события, включая послевоенную деятельность – поиск фронтовых друзей, создание ветеранских клубов, военно-патриотическая работа среди молодежи, а также отношение автора к себе, довоенной жизни, службе, солдатам. Оставляя вопрос о достоверности эго-документов открытым, подчеркнем, что ветераны старались быть откровенными, не скрывали, например, своих оплошностей, не умаляли заслуг командиров и боевых товарищей. Такие источники востребованы, прежде всего, в реконструкции биографий фондообразователей и характеристике личностных качеств участников Великой Отечественной войны. Эго-документы в комплексе дают уникальную возможность узнать и понять человека прошлого, на примере биографий ветеранов проследить судьбу целого поколения.

Информационный потенциал рассматриваемых фондов не ограничивается историей Великой Отечественной войны. Ветераны писали о своей жизни после войны и особенно много о социально-политической ситуации в стране в 1990-е гг. Рост цен, безработица, преступность, общее снижение уровня жизни – об этом мы узнаем «из первых уст», от людей, которые уже оказывались в экзистенциальных ситуациях. Тем более будут интересны оценки указанного периода, который только в настоящее время становится объектом серьезного внимания историков.

С источниковедческой точки зрения, документы фондов личного происхождения интересны тем, что содержат материалы творческой направленности – авторские рассказы, заметки в газеты, фельетоны, очерки, записные книжки, содержащие краеведческие и лингвистические записи, авторские рисунки и зарисовки. Такие источники могут представлять ценность для культурологических исследований, изысканий в области исторической психологии, лингвистики. Многое зависит от личности автора, его увле-

¹³ Там же. Д. 70, 114, 123.

чений, профессии. Так, в краеведческих исследованиях курганских историков используются материалы, накопленные Е.С. Селетковым – по истории сел, волостей, заводов, школ Курганского округа, об известных людях, установлении советской власти, о Гражданской войне в Зауралье¹⁴.

Идентифицировать материалы фондов личного происхождения только с эго-документами ошибочно. Во многом именно поэтому таким фондам не всегда уделялось достойное внимание. Считалось, что «ими можно было пренебречь по причине низкой информативности и высокой субъективности, обращенной в недостаток» [1]. Однако в том и заключается ценность рассматриваемых фондов, что они объединяют документы не только разных видов, но и типов. Отдельное источниковедческое исследование можно посвятить открыткам, коллекция которых представлена в личном фонде А.А. Окольников¹⁵. Если говорить о письменном типе исторических источников, то это разнообразная официальная документация, например, грамоты, благодарности, приглашения билеты, удостоверения, справки, партийные и производственные характеристики и пр. К этому можно добавить подборки журналов, газетные вырезки, видео- и фонозаписи, чертежи, карты, научные статьи и другое.

Особое источниковедческое значение имеют фотодокументы, которыми также оказываются богаты многие коллекции личного происхождения. В нашем случае – это фонды Г.П. Хохловой и А.К. Суханова. Фотокарточки Г.П. Хохловой относятся в основном к послевоенному времени. В большинстве своем они содержат информацию о праздновании памятных дат, проведении важных мероприятий – Дня Победы, встречи ветеранов; встречаются и портретные постановочные фотографии времени войны¹⁶.

В личном фонде А.К. Суханова¹⁷ собраны ценнейшие фотодокументы, показывающие фронтовую повседневность: «Советские солдаты на отдыхе. 1945 г.», «Перевязка раненого в медсанчасти. 1945 г.»¹⁸. В коллекции есть фото с передовой, которые с документальной точностью передают военную атмосферу: «Вы-

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-2260.

¹⁵ ГАОПДКО. Ф. 7003. Оп. 1. Д. 57, 60, 107, 110.

¹⁶ Там же. Ф. 6956. Оп. 1. Д. 21.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р.-2461.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 38, 41.

стрел из советского орудия. Река Одер, Германия, 1945 г.», «Бой за пригород Берлина. Самоходная артиллерийская установка САУ-76. Берлин, апрель 1945 г.»¹⁹. Информационный потенциал таких снимков, как «А.К. Суханов с другом на реке Шпрее у здания Рейхстага, Берлин, май, 1945 год», «Советские солдаты у стен Рейхстага, май, 1945 год»²⁰ и многих других, выходит за границы региональной истории, в чем также заключается значимость фондов личного происхождения.

Таким образом, именно разнообразие и насыщенность документального состава определяют источниковедческое значение рассматриваемых фондов. Как источники материалы фондов личного происхождения могут использоваться не только для конкретных исторических исследований, но и для сохранения исторической памяти [2], популяризации исторического знания.

Список литературы

1. *Морозова О.М.* О ценности архивных фондов личного происхождения // Историко-культурное и природное наследие народов Юга России: состояние, перспективы сохранения и развития: материалы всерос. науч.-практ. конф. Грозный, 2009. Т. 2. С. 300–307.

2. *Симарошкина Л.Ю.* Документы личных фондов и коллекций архива как исторический источник [электронный ресурс]. – URL: http://www.regsamarh.ru/external/elar2013/files/c_18276/simaroshkina.pdf (дата обращения: 05.09. 2016).

¹⁹ Там же. Д. 10, 13.

²⁰ Там же. Д. 20, 21.

УДК 930.2

А.С. Кузнецов

**УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКОГО РУССКОГО
НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЫ***

В статье рассматривается вопрос об источниковой ценности материалов интервью с тружениками тыла и детьми войны для изучения культуры жизнеобеспечения сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, культура жизнеобеспечения, устная история, устный исторический источник.

Длительное время историческая наука делала ставку почти исключительно на так называемые «объективные» источники. Во второй половине XX в. под влиянием антропологического переворота происходит формирование таких отраслей исторического знания, как история повседневности, военно-историческая антропология, гендерная история, устная история и другие, которые в первую очередь опираются на междисциплинарный подход в исследовании прошлого. Как справедливо отметил А.К. Соколов, «нужно иметь в виду, что мысли, чувства, радости, страдания, мечты предшествующих поколений часто не оставляют ничего больше, кроме смазанных следов в исторических источниках, к тому же представленных в зашифрованной форме» [3, с. 66]. Изучение событий Великой Отечественной войны в русле междисциплинарного подхода позволяет взглянуть на военные годы под иным ракурсом. В связи с этим возрастает внимание исследователей к устной истории как методу, благодаря которому можно расширить сформированное представление о войне, увидеть рядового солдата и рядового жителя тыла, понять его чувства, настроения, погрузиться в военную повседневность.

Вопросы питания, обеспечения жилищем, одеждой мало или совсем не отражены в фондах государственных архивов. «Эта

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019а «Культура жизнеобеспечения сельского русского населения юга Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: традиции и новации».

информация хранится в коллективной и индивидуальной памяти очевидцев военной поры. Историками уже упущено время фиксации жизненного эмпирического опыта. Ушло из жизни поколение 1900–1910-х г.р. Остались единицы трудоспособного поколения 1920-х г.р. Быстро уходит поколение детей войны 1930-х г.р. Необходимо торопиться с созданием новых источников, основанных на мобилизации исторической памяти» [6, с. 592]. Технология устной истории посредством интервьюирования участников и очевидцев изучаемых событий позволяет решить проблему «источникового голода». «Устная история предоставляет источниковую базу о базовых элементах культуры жизнеобеспечения, к которым относились жилище, пища, одежда, и о периферийных элементах, к которым автор относит санитарию, гигиену, отопление и топливо, народную медицину и другие элементы, которые в совокупности с базовыми составляли систему жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни» [6, с. 593].

Задачей данного исследования явилось интервьюирование такой категории населения алтайских деревень, как труженики тыла и дети войны, для получения сведений, касающихся вопросов питания, одежды и жилища в годы Великой Отечественной войны, т.е. главных составляющих культуры жизнеобеспечения [1, с. 78–79]. Данная статья является обобщением результатов работы автора с выше обозначенной категорией респондентов в историко-этнографических экспедициях АлтГПУ (2014–2016 гг.) в Романовский, Краснощековский, Благовещенский, Крутихинский и Усть-Пристанский районы Алтайского края.

Всего было опрошено 28 тружеников тыла и детей войны 1913–1942 годов рождения. Большая часть записей производилась дома у информантов, что объясняется их возрастом и состоянием здоровья. Респонденты по-разному воспринимали наш приход к ним. Большинство из них благожелательно встречали автора, при этом даже не спрашивая документы, подтверждающие личность и цель деятельности, соглашались на беседу. Некоторые информанты с трудом шли на контакт и односложно, с неохотой отвечали на вопросы. Несколько раз были и случаи отказа от беседы по причинам нежелания, болезни, потери памяти.

Респонденты, которых война застала в подростковом и более старшем возрасте, с охотой рассказывали о своей работе в колхозах, о трудовой деятельности в послевоенные годы, что объ-

ясняется привычностью тематики вопросов для информантов, так как в последние десятилетия в нашей стране активно ведется работа по сбору воспоминаний не только участников Великой Отечественной войны, но и тружеников тыла. Категория детей войны гораздо болезненнее воспринимала наши вопросы, касающиеся военного времени. Подавляющее большинство из них жаловались, что у них не было детства, что вспомнить и нечего. Многие плакали во время интервью.

В целом, независимо от возрастной категории, когда вопросы начинали касаться питания, жилища, одежды, санитарии и личной гигиены, взаимоотношений полов в военные годы, автор наталкивался на недоумение или непонимание значимости изучения этих тем. Некоторые респонденты не желали подробно освещать подобные вопросы, предположительно, из-за неожиданности данных тем опроса для респондентов, из-за боязни сказать лишнее, которая осталась в сознании людей старшего поколения после десятилетий советской власти, а также из-за отсутствия информации по некоторым изучаемым проблемам. Охотнее всего информанты рассказывали про питание в военные годы, а вот вопросы, касающиеся взаимоотношения полов давались сложнее всего. По мнению автора, это объясняется как интимностью, закрытостью данной сферы жизни человека, так и половозрастной структурой населения алтайской деревни в годы войны (почти все мужчины трудоспособного возраста были на фронте).

Для более объективного определения источниковой ценности материалов интервью обратимся к мнениям ведущих отечественных специалистов в области устной истории по данному вопросу. По мнению И.В. Ребровой, «устные воспоминания – важный источник для реконструкции коллективной памяти о конкретном событии прошлого, и в частности Великой Отечественной войны. ... Устные воспоминания спонтанны и "независимее" письменных, потому что, когда человек берется за перо, в нем невольно начинают работать и редактор, и цензор (при этом цензура может быть не только политической, но и этической); у него возникает стремление выдержать свои воспоминания в определенном жанре, и он отказывается от многих "боковых" подробностей, между тем как одна такая деталь может очень ярко высветить эпоху» [4, с. 238].

По мнению Т.К. Щегловой, особенность устного исторического источника состоит в том, что он содержит двойную информацию: фактологическую и оценочную [7, с. 42]. В отношении фактологической информации устных источников среди историков существуют разногласия, есть мнения об их ненадежности, нерепрезентативности, субъективности. «Нельзя отрицать, что устные рассказы отражают историческую реальность лишь в том виде, в каком она "преломилась" в сознании очевидцев. Необходимо учитывать возможное искажение фактов (дат, имен, хронологической последовательности). Можно согласиться, что память "не дружит" с фактами в силу забывчивости людей, их предвзятости, избирательности в восприятии информации, подверженности влиянию политической или идеологической конъюнктуры» [7, с. 42]. Но при этом стоит помнить, что и традиционные источники, даже такие формализованные и строго регламентированные документы, как акты, протоколы, отчеты, статистические данные, могут содержать искажения и быть не менее субъективными.

Также Т.К. Щеглова отмечает, что «устный источник, "говорящий" от народа, принципиально отличается от архивных источников, говорящих языком властных структур: анонимно и унифицировано. Он одновременно и индивидуален, и объективен в силу своей субъективности, так как отражает видение прошлого конкретным человеком, излагающим свой прошлый жизненный опыт и свою правду жизни, которые можно интегрировать в "макроисторию"» [5, с. 77].

Подтверждает слова Т.К. Щегловой и В.Ю. Егорова: «Субъективность источников, созданных в процессе устной истории при разработке тем, связанных с воссозданием атмосферы исторической эпохи, ее фона, являются необходимым, а порой и единственным их свойством, которое позволяет решать поставленные исследовательские цели» [2, с. 85].

Таким образом, если давать оценку материалам интервью с тружениками тыла и детьми войны как источникам по истории культуры жизнеобеспечения сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны, то нужно помнить об обозначенных выше особенностях. Устные воспоминания позволяют решить ситуацию «источникового голода» при освещении тем антропологического характера, дают возможность под иным ракурсом рассмотреть, казалось бы, давно и досконально исследо-

ванные исторические события. Изучение культуры жизнеобеспечения сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны через призму устной истории позволяет расширить кругозор исследователя, несколько корректирует сформированное представление о войне, делает данное историческое событие более выпуклым, многогранным.

Список литературы

1. *Арутюнов С.А.* Культурная антропология. М.: Весь мир, 2004. 216 с.
2. *Егорова В.Ю.* Путь женщин во власть (по материалам устной истории) // Исторический ежегодник. 2008. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2008. Вып. 2: Историография. Источниковедение. Методы исторического исследования. С. 82–91.
3. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: учебник / под ред. А.К. Соколова. М.: Высш. шк., 2004. 687 с.
4. *Реброва И.В.* Великая Отечественная война в памяти фронтового поколения: на материалах устных воспоминаний // Науки о культуре в новом тысячелетии: материалы I Междунар. colloквиума молодых ученых. М.; Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2007. С. 237–241.
5. *Щеглова Т.К.* Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с.
6. *Щеглова Т.К.* Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор Победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление. Усть-Каменогорск, 2015. С. 586–599.
7. *Щеглова Т.К.* Устная история. Барнаул: АлтГПА, 2010. 364 с.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ И ЕЕ РЕГИОНОВ

УДК 314.82(=161/1)(571)"16"

И.Р. Соколовский

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В XVII в.

В данной работе описывается применение гиперболической модели роста населения, пропагандируемой А.В. Коротаевым, к оценке численности населения Сибири в XVII в. Для целей экстраполяции использовались данные о численности населения Сибири в XVIII–XIX вв. Показаны ограничения применимости данной модели к данному случаю.

Ключевые слова: Сибирь, русское население, рост населения, математическая модель, XVII в.

Процесс присоединения Сибири к Московскому государству в конце XVI – начале XVII в. характеризовался созданием постоянного русского населения. Формирование постоянного русского населения было одной из форм освоения Сибири русскими. Изучение его численности, состава, размещения, характера воспроизводства является важнейшей характеристикой процесса русской колонизации. Во многом процесс освоения может быть представлен через процесс прироста населения. Его подъемы и спады отражают подъемы и спады колонизационного процесса.

Особенностью русских источников XVII в., характеризующих состав, численность, движение русского населения Сибири, является учет только отдельных его категорий. Русские власти в Сибири вели учет только самостоятельного мужского населения в фискальных целях. Женское население в XVII в. фактически не учитывалось. Точнее, незанятое мужское население и все женщины, как вовлеченные в общественно полезный труд, так и несовершеннолетние, источниками учитывались эпизодически. Муж-

ское население младших возрастов (дети и подростки), относящиеся к военному сословию, учитывалось во время переписей («казачьих детей, их братьев и племянников»). Численность этих категорий населения может быть получена только путем экстраполяции немногих имеющихся у нас данных, или путем вычисления каких-либо поправочных коэффициентов к численности мужского самодеятельного населения, которые могут быть выбраны на основании опыта, интуиции или других критериев, принятых историком.

Восстановление полной картины движения населения в Сибири XVII в. требует дополнительных усилий еще и по другой причине. Особенностью русских источников является почти полное отсутствие в XVII в. статистических источников, которые бы охватывали всю Сибирь. Фактически к таковым могут быть отнесены только результаты переписи 1678 г. Первым полноценным статистическим источником можно считать только проведенную уже в XVIII в. перепись 1710 г.

Поэтому данные о численности русского населения Сибири в XVII в. могут быть получены только путем суммирования данных первичных учетных документов (окладные, переписные, дозорные и прочие книги). Кроме того, поскольку всякий процесс, который уже описан количественно, может быть описан с помощью математической формулы, существует еще возможность создания математической модели движения населения. Для создания подобной модели берутся данные за более поздний или более ранний период и делается попытка экстраполировать эти данные на те периоды, за которые информация не сохранилась.

Мы считаем, что сначала надо получить теоретические данные на основании математической модели, а потом проверить, насколько эти результаты подтверждаются или опровергаются историческими источниками. Поскольку математическая модель, особенно простая, не может считаться окончательным результатом исторического исследования. Она обладает целым рядом существенных недостатков: 1) схематизмом, 2) упрощенчеством, 3) может содержать существенные ошибки в тех случаях, когда речь идет о каких-то трудно прогнозируемых и редких событиях («черных лебедях» по Насиму Талебу).

Однако наличие такой модели позволяет прогнозировать численность населения в изучаемый период, что позволяет под-

вергнуть корректировке направления поиска. Например, если расхождение между теоретически предсказанными и полученными реально данными очень велико, исследователь должен направить свои усилия на поиск дополнительных исторических источников.

Арсенал современной математики включает в себя значительное количество различных функций. Выбор той или иной функции определяется возможностью с ее помощью описать процесс прироста населения более или менее точно. Поэтому вопрос о выборе функции для математической модели является довольно сложным. Наша первоначальная гипотеза заключалась в том, чтобы попытаться описать рост населения Сибири с помощью линейной функции.

Отметим, что несмотря на всеобщее предубеждение, линейные функции могут описывать рост населения довольно точно и на достаточно длительных, с исторической точки зрения, промежутках времени.

Возьмем в качестве примера Францию, население которой хорошо изучено. Если мы рассмотрим население Франции в период с 1930 по 2013 г., то изменения в его численности не могут быть описаны с помощью линейной функцией из-за Второй мировой войны. Поскольку в этот период население Франции понесло довольно серьезные демографические потери. Однако прирост населения Франции с 1960 по 2013 г. вполне может быть описан с помощью линейной функции. С 1930 г. население увеличилось с 41 млн до 66 млн чел., и рост его численности может быть описан линейной функцией вида:

$$f = (345890,17857143 \cdot y) - 631528990,5714286 \quad (1)$$

Формула (1) дает довольно точный коэффициент корреляции, очень близкий к единице.

Для того чтобы попытаться построить линейную модель роста населения, возьмем данные о численности русского населения Сибири по четырем хронологическим срезам: 1710 г. – около 308 776 чел., 1719 г. – около 374 722, 1796 г. (V ревизия) – 935 079, 1858 г. (X ревизия) – 2 755 564 чел. [1, с. 57, 60].

Если мы построим модель линейной регрессии только для точек 1582 и 1710 гг., то получим уравнение вида:

$$y = 2412,3125x - 3816278,375 \quad (2)$$

Это будет означать, что согласно модели (2) ожидаемая численность русского населения Сибири в 1626 г. не должна превышать 106 142 чел. (обоюго пола), а в 1660 г. – 181 150 чел. (обоюго пола). По нашим оценкам, на 1626 г. в Сибири проживало около 3 тыс. казаков (до 15 тыс. с членами семей) и примерно в 10 раз большее число крестьян (до 150 тыс. с членами семей).

Если мы будем строить математические модели для других временных срезов (1719, 1797, 1858 гг.), то картина будет получаться все менее и менее реалистичной: предсказанная численность населения на, скажем, 1626 или 1660 г. начнет значительно превышать учтенную численность населения на 1710 г.

Если мы построим модель линейной регрессии для точек 1710 и 1719 гг., то получим уравнение вида:

$$y = 7327,33x - 12220964 \quad (3)$$

Согласной этой модели (3) теоретически предсказанная численность русского населения Сибири была равна нулю уже в 1667–1668 гг., что попросту абсурдно.

Если мы построим модель линейной регрессии для точек 1796 и 1858 гг., то получим уравнение вида

$$y = 29362,66x - 51800260,68 \quad (4)$$

Согласно модели (4) ожидаемая численность русского населения Сибири была равна нулю уже в 1756 г., что еще более абсурдно, чем согласно предыдущей модели (3).

Прирост в 65 946 чел. за девять лет (по 7327 чел. в год с 1710 по 1719 г.) можно объяснить либо переселением, либо все же имевшим место недоучетом населения. Расхождение между данными 1719 г. и данными для 1710 г. составляет примерно 21%. Если бы это были данные за один и тот же год, то их можно было бы считать погрешностью. Однако сюда необходимо входит естественный прирост населения, который может колебаться в широких пределах. Например, при естественном приросте в 2% рост русского населения Сибири в XVI–XVII вв. описывался бы формулой:

$$y = 0.0000000003105 \cdot (1.0204^x) \quad (5)$$

Однако для корректной «работы» формулы (5) численность русского населения Сибири в 1582 г. должна была быть равна 23 тыс. чел.

Пользуясь инструментом линейной регрессии, мы не можем построить такую математическую модель, чтобы все четыре выбранные нами точки и «нулевая точка» (1582 г.) лежали на одной прямой. В предыдущей работе мы утверждали, что лучше всего для теоретической модели (без 1582 г.) подходит показательная регрессионная модель, описываемая уравнением:

$$y = 0.0126 \cdot 1.01^x \quad (6),$$

а с 1582 г. – полиномиальная регрессионная модель вида:

$$y = 55,5754x^2 - 181939,3702 + 14878452,9784 \quad (7),$$

в которой, однако, функция при $x = 1660$ принимает отрицательные значения, что абсурдно [2]. Наши попытки показали, что русское население Сибири росло таким образом, что его рост может быть описан с помощью показательной функции.

Российский ученый А.В. Коротаев пропагандирует модель «гиперболического роста», основанную на статье трех американских аспирантов, опубликованной в 1960 г. Статья носила шуточный характер, была опубликована к юбилею научного руководителя этих аспирантов и содержала в своем заглавии ссылку на два мифа: миллениаристский («Страшный суд») и городской («пятница, тринадцатое число месяца»). Кроме того, авторы прямо утверждали, что если бы их модель была бы правдивой «на концах», то первый человек («Адам»), должен был бы появиться 200 млрд лет назад, что противоречило не только Библии, но и тогдашним научным данным [4].

Однако приводимая в статье функция наиболее точно отражала ситуацию между 1950 и 1990 гг., причем именно в эти «концевые» годы теоретически предсказанные значения величины населения Земли совпадали со значениями, полученными демографами. На год публикации статьи функция также давала хорошую точность – 0,92, расходясь с данными американских демографов всего на 8%. Расхождение начинает резко нарастать после 1995 г., и в настоящее время предсказанные результаты в 13 млрд почти в два раза отличаются от результатов в чуть больше 7 млрд, полученных демографами под эгидой ООН.

Применение к сибирскому материалу показывает, что пропагандируемая А.В. Коротаевым модель дает более «плавную» картину, отличающуюся от той, которую можно получить на основании исторических данных. Реальное русское население Сибири

росло быстрее, чем это предсказывает данная функция. Модель гиперболического роста кажется нам довольно удачной для объяснения имеющихся у нас данных, но математическая формула должна быть другой.

Переходя к выводам, отметим, что по нашему мнению, без определения численности русского населения Сибири невозможно характеризовать процесс русской колонизации края, его истоки, этапы, характер, результаты. Однако мы имеем дело с ограниченными сводными данными по русскому населению Сибири, относящимися к 1678 г. и Петровской эпохе. В настоящий момент у нас нет данных хотя бы за ряд лет XVII в. В историографии существует обоснованное мнение о неполноте и неточности уже имеющихся данных [3]. В предыдущих работах нами была проведена оценка внутренних отношений данных (распределение по полам в различных регионах, распределение населения по различным регионам), которая показала, что в целом данные 1710 г. отражают реальную картину (снижение доли женщин, снижение населенности территории русскими при движении в восточном направлении). Ранее нами также было показано, что ошибка не может составлять больше определенной величины. Мы установили, что линейные модели не описывают ситуацию. В настоящей работе мы рассмотрели уже существующую в литературе более сложную модель и показали, что она лучше описывает ситуацию, но не идеальна и требует уточнений.

Список литературы

1. «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии: [кол. моногр.] / под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
2. Соколовский И.Р. Русское население Сибири в 1582–1858 гг.: тенденции и экстраполяции // Актуальные вопросы истории Сибири: Десятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: материалы науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 19–21.
3. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. 246 с.
4. Von Foerster, Mora, and Amiot. Doomsday: Friday, 13 November, A.D. 2026 Science 04 Nov 1960: Vol. 132, Issue 3436, pp. 1291–1295.

УДК 947.04(571.6)

О.В. Дьякова

**КУЧУГУРСКИЕ КРЕПОСТИ ПРИАМУРЬЯ В КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКО-ЦИНСКИХ КОНТАКТОВ***

В статье анализируется материал двух крепостей Среднего Приамурья (Кучугуры и Малые Кучугуры), датируемых началом освоения Россией Приамурья и временем маньчжурской династии Цин (1644–1911). Крепости являются свидетельствами военных коллизий между Цинской империей и Россией.

Ключевые слова: Приамурье, маньчжуры, Кучугуры, крепости, династия Цин.

О Среднем Приамурье периода начала освоения этой территории Россией и периода правления маньчжурской династии Цин (1644–1911) опубликовано достаточно много материалов из российских и китайских архивов [1; 6; 7]. Следует отметить, что в последние десятилетия в Китае эта проблема перешла в число приоритетных исследований, особенно в провинциях Хэйлунцзян и Цилинь, где ученые начали активно работать с местными архивными документами того времени, практически не введившими в научный оборот. Китайскими исследователями была тщательно проанализированы «Краткая история Нингута», «Краткая история земель, находящихся на краю света», «Краткая история пустыни, лежащей за пределами китайской стены», «Краткая история земель, лежащих за пределами районов, где растет ива» и сделано следующее заключение: «В начале Цин это две провинции – Цилинь и Хэйлунцзян были особыми территориями, с особым государственным устройством, т.е. это были поместья императорской фамилии. Становление этих двух (*Цилинь и Хэйлунцзян*) провинциальных поместий императорской фамилии тесно взаимосвязано с борьбой против агрессии царской России в самом начале Цин. Во времена Шуньчжи Цинский двор отражал атаки нескольких воинских операций царской России и по причине недоработки собственных тыловых служб Цинские войска были вынуждены отступить. К тому времени Цинский двор решил, что

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 15-01-00131.

районы Цзилинь и Хэйлунцзян надо колонизовать переселенцами (*рабами*) военных поселений, для того чтобы решить проблему продовольствия для военнослужащих (*для армии*)» [4]. Надо сказать, что способы захвата новых территорий освоены Китаем издавна и представляли собой: 1) заселение вольными колонистами; 2) колонизацию при помощи рабочих батальонов; 3) колонизацию на акционерных началах; 4) военные поселения; 5) систему пограничных караулов.

Такая политика и такие действия Цинской империи не могли быть не замеченными Россией. «Русское правительство давно уже с напряженным вниманием следило за военными приготовлениями и дипломатическими маневрами Цинской империи. В начале 1681 г. маньчжуры попытались заявить о претензиях на сбор ясака в низовье Зеи. Направленный в Букей из Нерчинска казачий десятник Ю. Лаба около двух месяцев вел с цинскими представителями переговоры, в ходе которых подчеркнул, что территориальное размежевание в указанном районе может быть проведено лишь при условии, если рубежом будет считаться Амур. В 1682 г. И. Милованов составил описание русских земель в районе Зеи, предложив в дополнение к существовавшим острогам заложить в ее устье город» [8, с. 191]. Но как конкретно это происходило на территории Российского Приамурья – вопрос, на который в определенной степени могут ответить археологические материалы.

В 1984 г. автор этих строк работала с археологическими коллекциями Амурского областного краеведческого музея и среди средневековых памятников выявила материал, не соответствовавший тунгусо-маньчжурской атрибутике. На этом основании Марковский могильник, городище Круча, Кучугуры, Молдакитский клад, Чигири, Дубовый мыс были датированы монгольским (династия Юань – 1271–1368 гг.) и маньчжурским (династия Цин – 1644–1911 гг.) временем. Кроме того, поставлена проблема этнокультурной принадлежности этих памятников: принадлежали ли они прежнему тунгусо-маньчжурскому населению, оказавшемуся под гнетом монголов, или они созданы новыми этносами, в частности, монголоязычными даурами, переселенными в Приамурье, или же это материальные свидетельства представителей (гарнизонов) маньчжурской династии [2, с. 226–243; 3, с. 67–72]. Наиболее показательными в этом отношении являются крепости Кучугуры и Маленькие Кучугуры.

Крепость Кучугуры

Расположена в Благовещенском районе Амурской области в 1,5 км южнее с. Марково. Впервые информация об этой крепости появилась в 1868 г. в «Записках Известий Русского географического общества», где И.А. Лопатин упоминает о виденном им земляном укреплении. В 1928 и 1929 гг. городище обследовал Г.С. Новиков-Даурский. В 1968 г. городище было осмотрено А.П. Окладниковым, в 1989 г. – Б.С. Сапуновым, затем в разные годы – Н.Н. Зайцевым, В.И. Дьяковым, констатировавшими значительные на нем разрушения. Но, благодаря детальному описанию крепости Г.С. Новиковым-Даурским, сохранилась информация о его первоначальном виде: «Это укрепление представляет собою квадратную площадь, каждая сторона которой равняется 500 м. Площадь эта ограждена земляным валом местами высотой до 3 м и ровом шириною от 3 до 5 м и глубиной до 2,5 м. По углам и на равных расстояниях между ними вал имеет земляные насыпи-выступы (всего 12), вероятно, основания бывших башен. Размер каждого выступа – около 125 кв. м. Площадки выступов, находящихся между углами и воротами, несколько меньше угловых. С внутренней стороны городища на каждую площадку-выступ и между ними на вал ведет земляной взвоз. Таких насыпей-взвозов имеется всего 34. Со всех четырех сторон имеются ворота, огражденные траверсами. На нераспаханных местах сохранились следы и остатки жилищ надземного типа и землянок. При распашке находили глиняные черепки, обломки каменных и железных предметов, "чугунные картечи" (пушечные ядра) и "статуйки". В 1929 году была собрана здесь коллекция фрагментов керамики, главным образом маньчжурского типа, костей со следами обработки, глиняных грузил для сетей, точильных брусков. Древние дороги, ведущие на городище через ворота, сохранились довольно хорошо. Раскапывая площадь городища под огороды, местные жители обнаружили могилу с множеством костей людей» [5, с. 34].

Следовательно, крепость Кучугуры являет собой новый тип военного зодчества в Приамурье. По топографической привязке она долинная, по форме квадратная с четырьмя воротами по стенам и башнями, по размерам большая. Известно, что квадратная планировка укреплений это древняя традиция градостроительства Китая, заимствовавшаяся многими азиатскими этносами при создании государств и империй.

В данном случае для определения времени функционирования крепости Кучугуры можно опираться только на сведения, приведенные Г.С. Новиковым-Даурским, отметившим наличие на памятнике ремесленной керамики маньчжурского типа, «чугунной картечи» (пушечные ядра) и буддийской «статуйки». Эти артефакты более соответствуют началу правления маньчжурской династии Цин и, вероятнее всего, могут датироваться XVII в. Наличие на городище могилы с коллективным захоронением, обнаруженной местными жителями при возделывании огорода, не исключает военного освоения маньчжурами этой территории. Остается только выяснить, кто покоем в этой братской могиле. Впрочем, Г.С. Новиковым-Даурским по этому поводу было высказано следующее предположение: «Кучугуры, несомненно, являются бывшим "новым богдайским городом", который был построен в 1683 году отрядом маньчжурского войска, захватившим в этих местах отряд албазинских казаков под начальством Григория Мыльника, следовавший на Амгунь. Что город этот существовал недолго, можно заключить уже из того, что ни Хабаров, ни Степанов в своих отписках и донесениях нигде не упоминают о нем; не упоминал об этом городе и Игнатий Милованов, путешествовавший в этих местах в 1681 году» [5, с. 35]. Правда, позднее исследователь отказался от этой реконструкции исторических событий и посчитал это укрепление китайской фермой. Но этому противоречит наличие на городище боеприпасов в виде пушечных ядер, «братское» захоронение, маньчжурская керамика и пушечная площадка в виде крепости Маленькие Кучугуры, о которой пойдет речь далее.

Крепость Маленькие Кучугуры

Согласно данным Г.С. Новикова-Даурского городище находится в 2 км от с. Марково Благовещенского района Амурской области. Состоит из двух площадок, которые с севера, востока и юга окаймляет ров 3-образной в плане формы. «Размер северной площадки 13х18 шагов. Западная ее сторона лежит на одном уровне с окружающим полем, восточная несколько повышена. Размер южной площадки 16х8 шагов, со стороны рва, т.е. с юга, востока и севера, она ограждена глиняной стеной 0,7 м высотой и около 1 м толщиной. Ров, ограждающий площадки, имеет глубину 1,5 м и ширину 2,5–4,5 м. Вдоль западной стороны городища заметны следы зарастающей канавы, а несколько дальше – следы проле-

гавшей когда-то дороги» [5, с. 35]. По предположению Г.С. Новикова-Даурского, «...здесь была батарея, предназначавшаяся для обстрела укреплений "Кучугур". Северная площадка служила "раскатом" для орудий, а стенка на южной площадке – "затин" (так называлось в XVII в. сооружение для укрытия пушкарей от вражеского огня)» [5, с. 35].

Таким образом, укрепление Маленькие Кучугуры по типу является долинным, по назначению – пушечной площадкой, возведенной для обстрела городища Кучугуры.

Вывод: к маньчжурскому времени относятся два объекта – городище Кучугуры и крепость (пушечная площадка) Малые Кучугуры. Они являются археологическими свидетельствами военных коллизий между Цинской империей, пытавшейся колонизовать Приамурье, и Россией, не желавшей поступаться Восточной Сибирью.

Список литературы

1. Дополнение к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. 576 с.
2. Дьякова О.В. Материальная культура населения Приамурья в XIII–XVII вв. // История и культура восточной и юго-восточной Азии. М.: Наука, 1986. Ч. 2. С. 226–243.
3. Дьякова О.В. Каменный склеп у с. Богополь в Приморье в контексте истории Дальнего Востока // Археология, этнография и антропология Евразии. 2005. № 2. С. 67–72.
4. Дяо Шужэнь. Несколько местных географических описаний как исторических источников по миграции на северо-восток в доцинский период и ценность этих исторических материалов // Местные историко-географические описания Китая. 2007. № 8. С. 17–23 (на кит. яз.).
5. Новиков-Даурский Г.С. Историко-археологические очерки. Благовещенск: Амурское кн. изд-во, 1961. 190 с.
6. Сапунов Б.С., Болотин Д.П. Материальная культура позднего средневековья на Верхнем Амуре // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток, 1989. С. 43–47.
7. Мелихов Г.В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае. М.: Наука, 1966. С. 75–89.
8. Мясников В.С. Костальский ключ китаеведа. М.: Наука, 2014. Т. 1. 525 с.

УДК 947(571)+314(091)

В.А. Зверев

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПРИРОСТ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

В статье прослеживаются изменения уровня естественного прироста населения в Западной Сибири в 1897–1917 гг. Раскрыта специфика процесса в Томской и Тобольской губерниях, Акмолинской области, в городах и селениях, ряде сословных и этнических групп населения.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, конец XIX – начало XX в., население региона, воспроизводство населения, естественный прирост населения.*

Естественный прирост населения отражает баланс рождаемости и смертности в конкретном режиме физического возобновления поколений. Осуществленные нами расчеты по данным статистики медицинского ведомства Российской империи показали, что в 1897–1914 гг. в Западной Сибири среднегодовой уровень естественного прироста населения, равный 19,5‰, был заметно выше, чем в любом другом регионе Азиатской России. В Степном крае он составлял всего 11,7‰, в Восточной Сибири – 14,7, на Дальнем Востоке – 15,3, на Кавказе и Закавказье – 16‰. В Западной Сибири он был больше, чем в Европейской России (16,1‰), самым высоким во всей Российской империи, где прирост равнялся 16,8‰ (подсчитано по: [1, с. 148]).

В табл. 1 приведены сведения о динамике естественного прироста населения Западной Сибири, ее субрегионов и поселенческих комплексов. Обращает на себя внимание очень высокий уровень показателей, относящихся ко всему региону и особенно его сельской местности. Правда, специалисты в свое время установили, что масштабы естественного прироста населения в ряде губерний и областей Азиатской России в 1897–1905 гг. завышались официальной статистикой. Однако мы согласны с В.И. Проныным, который доказывал, что эту статистику «вполне можно использовать при изучении демографических процессов в Сибири» – при условии суммирования данных по нескольким губерниям, исчисления не абсолютных, а относительных показателей [4, с. 61–62].

Таблица 1
Естественный прирост населения Западной Сибири
(конец XIX – начало XX в.), ‰*

Годы	Томская губ.	Тобольская губ.	Акмолинская обл.	Западная Сибирь в целом
<i>В целом по субрегионам и региону</i>				
1897–1901	23,6	17,3	13,3	19,7
1902–1905	22,7	15,1	12,7	18,3
1906–1909	22,9	16,6	16,5	19,8
1910–1914	22,6	17,3	17,6	20,1
<i>В селениях</i>				
1893–1895	26,5	12,8	9,0	17,9
1902–1905	23,4	15,9	12,9	19,0
1906–1909	23,3	17,5	17,2	20,4
1910–1914	23,6	18,2	18,6	21,2
<i>В городах</i>				
1893–1895	11,2	–6,7	15,0	6,0
1902–1905	10,4	3,0	12,1	9,0
1906–1909	17,4	4,2	11,5	11,9
1910–1914	7,2	5,1	10,9	7,9

* Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 г. СПб., 1896. С. 106–109, 118–133; Отчет Медицинского департамента... за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 192–211, 258–277; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104; Отчет о состоянии... за 1902 г. СПб., 1904. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1903 г. СПб., 1905. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1904 г. СПб., 1906. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1905 г. СПб., 1907. С. 28–29, 54–55; Отчет о состоянии... за 1906 г. СПб., 1908. С. 30–31, 58–59; Отчет о состоянии... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 35, 67; Отчет о состоянии... за 1909 г. СПб., 1911. С. 34–35, 66–67; Отчет о состоянии... за 1910 г. СПб., 1912. С. 34–35, 66–67; Отчет о состоянии... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67, 98–99; Отчет о состоянии... за 1914 г. Пг., 1916. С. 34–35, 66–67.

Высокий уровень естественного прироста в целом по региону складывался во многом благодаря селениям Томской губернии, где к началу 1914 г. было сосредоточено 48,8% всего населения Западной Сибири, насчитывавшего 7810,2 тыс. чел. (подсчитано по: [3, вклейка]). В сельском населении Тобольской губернии и Акмолинской области прирост не был таким большим. Особняком стоит динамика прироста в городах, где показатели в

среднем были вдвое ниже, чем в деревнях. К концу XIX в. города вышли на положительные показатели: рождаемость в них хотя и ненамного, но превышала смертность. Однако в крупных городских центрах положительный баланс рождаемости и смертности был меньшим, чем в небольших городках. Например, в Томске в 1896–1915 гг. средний коэффициент естественного прироста равнялся всего 6,3‰, а в военные 1905 и 1915 гг. имела место даже «естественная» убыль населения [7, с. 90]. В 1910–1914 гг. прирост населения в городах пережил некоторый спад, связанный с тем, что рождаемость в них сокращалась быстрее, чем смертность.

Особенности естественного движения населения имели не только горожане. Своя специфика была присуща сословным, профессиональным, классовым, этническим группам населения. Например, в Акмолинской области, по данным 1905 г., естественный прирост в крестьянской среде составлял 20,9‰, у казаков – 17,1, в казахском населении – всего 6,8‰¹. Поскольку большую часть жителей области составляли казахи и казачество, показатели здесь почти всегда были меньше, чем в соседних губерниях. Важнейшую роль играла специфика переселенцев, которые на «стольпинском» этапе колонизации Западной Сибири уже численно доминировали в активно заселяемых местностях. В сравнительно молодой и физически здоровой среде переселенцев рождалось много детей, а высокая в период миграции смертность сокращалась со второго–третьего года жизни на новом месте. В итоге, по данным 1906–1912 гг., в переселенческих поселках естественный прирост населения достигал 25–33‰². Такие показатели были в полтора раза больше среднегодового уровня прироста в регионе и тянули этот уровень вверх.

С другой стороны, негативно воздействовал на воспроизводство населения Западной Сибири низкий естественный прирост аборигенного населения. По данным 1909–1910 гг., на 100 женщин среди оседлого (преимущественно русского) населения Сибири приходилось свыше 11 рождений, а среди многочисленных на юго-западе региона кочевников-казахов – около 6 [8, с. 77].

¹ Обзор Акмолинской обл. за 1905 г. Омск, 1907. С. 52.

² Подсчитано по: Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912. Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Вып. 5. С. 173, 194.

Естественный прирост у коренного населения был в три раза меньше, чем у русских, при малой рождаемости и большой смертности. Усредненному показателю в 6–7‰ соответствовали татары в Тобольской и Томской губерниях, казахи в Акмолинской области, но некоторые малочисленные этносы имели минимальный прирост или сокращались в своей численности. Сравнивая результаты Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. и Всесоюзной переписи населения 1926 г., к последним можно отнести манси, селькупов, шорцев [6, с. 187]. Впрочем, данные этих двух переписей об этническом составе населения не вполне сопоставимы. Если сокращение и происходило, то важную роль здесь играла смена этнической идентичности у части аборигенов.

Показатели естественного прироста сельского и всего регионального населения Западной Сибири вследствие роста рождаемости и снижения смертности довольно интенсивно повышались с конца 1880-х гг. до Первой мировой войны. Впечатляющие показатели были достигнуты в Томской губернии, где в целом по субрегиону и в сельской местности прирост почти постоянно превышал 20‰, что обеспечило в 1906–1910 гг. начало «демографического взрыва» для всей Западной Сибири. При этом векторы динамики естественного прироста населения в Европейской России и к востоку от Урала оказались противоположно направленными. В центре страны с конца XIX в. происходило поэтапное сокращение: 1897–1901 гг. – 16,7‰, 1902–1909 гг. – 16,4, 1910–1914 гг. – 15,1‰ [1, с. 148]. Одновременно в Западной Сибири наблюдался уверенный рост, характерный для начальной фазы демографического перехода.

Военные действия, в которых активно участвовали сибиряки, – Русско-японская и особенно Первая мировая война – нарушили эволюционную перестройку режима воспроизводства населения. В 1915–1917 гг. сокращение рождаемости в Западной Сибири стало доминировать среди факторов, определявших уровень естественного прироста, который также значительно сократился, особенно в городах. По данным о Томской губернии в целом (без Алтая) за 1917 г., естественный прирост населения здесь составил 11‰, что примерно в два раза меньше, чем в довоенный период [2, с. 100–110]. В томских селениях общий коэффициент прироста

в 1917 г. был равен 12,4‰³. В губернском Томске прирост уже на втором году войны сменился «естественной» убылью населения на 8,5‰. Омск и Новониколаевск балансировали на грани нулевого прироста. В первом из этих городов в 1915–1916 гг. показатель колебался от –2 до +2‰. Во втором – в 1916 г. положительный баланс удалось свести только на уровне 1,2‰ (подсчитано по: [9, с. 71]).

В целом на рубеже XIX–XX вв. не естественный прирост, а переселенческое движение, обеспечивавшее механический прирост, являлось главным фактором физического воспроизводства населения Западной Сибири. Об этом свидетельствуют данные таблицы 2. Как установил В.И. Пронин, доминирование механического прироста складывалось на этапах 1891–1900 и 1906–1909 гг., когда за Урал устремлялись самые массовые потоки переселенцев. Но в 1901–1905 и 1910–1917 гг. население возобновлялось все же в большей степени естественным путем превалирования рождаемости над смертностью [5, с. 102–104].

Таблица 2
Соотношение источников прироста численности населения
в Западной Сибири (1897–1913 гг.)*

Категория населения	Увеличение численности населения		В том числе за счет				Доля естественного прироста в увеличении численности населения, %
			естественного прироста		механического прироста		
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	
Сельское	3112,9	82,9	1284,2	34,2	1828,7	48,7	41,3
Городское	420,9	145,2	51,3	17,7	369,6	127,5	12,2
Итого:	3533,8	87,4	1335,5	33,0	2198,3	54,4	37,8

* Подсчитано по данным табл. 1. Естественный прирост в селениях и городах, взятых по отдельности, вычислен приближенно по экстраполированным данным 1902–1913 гг. Механический прирост найден как разность общего и естественного прироста.

Доля именно естественного, а не механического прироста в увеличении численности населения на рубеже XIX–XX вв. оказалась в три с лишним раза больше в селениях, чем в городах Западной Сибири. Дело здесь не только в том, что уровень естественно-

³ Подсчитано по: Сборник статистических материалов по уездам, округам и районам в границах бывшей Томской губ. за 1917, 1920, 1923, 1924 и 1925 гг. Томск, 1928. С. 185–186.

го прироста количества горожан был гораздо ниже, чем соответствующий показатель в деревнях. На начальном этапе модернизации традиционного общества города оказались центрами притяжения огромного количества переселенцев не только из Европейской России, но и из сельской местности «своего» региона. В условиях интенсивного притока мигрантов естественное движение городского населения стало играть сугубо подчиненную роль.

Список литературы

1. *Зверев В.А.* Статистика медицинского ведомства vs. данные губернаторских отчетов: источники для изучения естественного движения населения в Азиатской России конца имперского периода // Демографическое пространство Азии: история, современность, гипотезы будущего. Новосибирск, 2014. Вып. 3. С. 138–150.
2. *Мерхалев Д.И.* Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Новониколаевск: Сиб. стат. упр., 1922. Т. 2. С. 94–111.
3. *Пронин В.И.* Городское и сельское население Сибири в конце XIX – начале XX в. // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1984. С. 88–102.
4. *Пронин В.И.* Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69.
5. *Пронин В.И.* Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 102–104.
6. Русские старожилы Сибири: историко-антропологический очерк / отв. ред.: В.В. Бунак, И.М. Золотарева. М.: Наука, 1973. 192 с.
7. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул: Азбука, 2007. 292 с.
8. *Турчанинов Н.В.* Население Азиатской России: статистический очерк // Азиатская Россия. СПб.: Гл. упр-ние землеустройства и земледелия. Переселен. упр-ние, 1914. Т. 1. С. 64–92.
9. *Шумилова Э.Е.* Демографическая ситуация в крупных городах Западной Сибири в 1914–1917 гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1, т. 22. С. 68–72.

УДК 930

И.Н. Стась

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ «ЛОЖНОЙ» УРБАНИЗАЦИИ В СССР*

В статье дается характеристика научному спору о «ложной» и «настоящей» урбанизации в СССР. Выделяются основные исследовательские проблемы, которые требуют изучения для раскрытия сущности советской урбанизации.

Ключевые слова: советская урбанизация, ложная урбанизация, псевдоурбанизация, квазиурбанизация.

Сегодня в рамках нового направления исторической науки – исторической урбанистики – работает все больше ученых. В ней формулируются приоритетные цели и задачи, определяются наиболее значимые исследовательские проблемы, что не может не вызывать научные споры на ту или иную тему. Одной из главных научных дискуссий в исторической урбанистике является вопрос об интерпретации российской урбанизации, в рамках которого усиливается дихотомия: с одной стороны – модернизационный и макроисторический подходы, а с другой – социокультурные и антропологические теории. Если приверженцы первого подхода оценивают российскую и советскую урбанизацию положительно, то представители второго – скептически. По-разному даются ответы на вопросы о сущности российского города и соотношения урбанизации и модернизации.

Первый подход рассматривает урбанизацию в СССР как модернизационный процесс, который в конечном итоге привел к формированию полноценного городского общества (представители – А.С. Сеньявский, А.Ю. Ильин, С.С. Букин, В.И. Исаев, Л.Н. Мазур и многие другие историки из разных регионов). Второй – усматривает в советской урбанизации противоречивое явление, при котором создавались, скорее, поселения при производственных центрах, чем города в полном смысле этого слова (представители – В.Л. Глазычев, А.С. Ахизер, М.Г. Меерович, В.А. Исупов, Т. Бон и др.). В этом случае можно говорить о псевдоурбанизации или квазиурбанизации.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-31-01014.

Представляется, что в контексте этих подходов наиболее острой выделяется проблематика советского города. Противоречивое развитие городов в СССР порождает неоднозначные оценки среди ученых-урбанистов. В то же время из-за относительной молодости исторической урбанистики и редкости обобщающих работ по урбанизации советской России разрозненные мнения, к сожалению, по-настоящему не обрели дискуссионную форму.

В постсоветский период в отечественной урбанистике сформировалась исследовательская парадигма, в центре которой лежал антропокультурный подход к урбанизационным процессам [9, с. 24]. В это же время вышли работы известных урбанистов из различных областей наук с отрицательным отношением к социалистической и советской урбанизации. Происходило синтезирование антропокультурного и критического подходов, которые дополняли друг друга в понимании советских градостроительных проектов, игнорировавших человека как основного субъекта урбанизации.

Наиболее известным критиком советской урбанизации был архитектор В.Л. Глазычев. Он указывал, опираясь на определение урбанизации как «процесс перемещения в города населения, занятого сельским хозяйством и сопутствующими ремеслами, ранее разбросанного по хуторам, деревням и селам, когда формируется зрелое, самоуправляющееся местное сообщество» [6, с. 25], что в России, по причине отсутствия городов как социальных организованностей граждан, происходила не урбанизация, а «слободизация» поселений [5, с. 138]. По мнению В.Л. Глазычева, подлинная урбанизация началась только в 1990-х гг.

Ученые, разделяющие эту точку зрения, делали упор на то, что советская урбанизация развивалась искусственно, под тотальным контролем и регулированием государства, а города создавались как поселения при производстве. Они делали вывод, что в СССР происходила квази-, псевдо- или ложная урбанизация.

Последовательная критика советской урбанизации прослеживалась в трудах философа А.С. Ахиезера, который считал, что ввиду существенного нарушения закона соотношения хозяйственных отраслей урбанизация в Советском Союзе приобретала характер псевдоурбанизации, которая была лишь средством для получения экстенсивного эффекта обществом, ведомствами и государством [1; 3, с. 378–379]. Вместе с тем А.С. Ахиезер придержи-

вался позиции, что к 1970–1980-м гг. советская урбанизация, даже в форме псевдоурбанизации, пришла в упадок, что, в свою очередь, привело к национальной катастрофе в политической и хозяйственной сферах [2, с. 85].

В 1990-е гг. пересмотрели свою точку зрения и некоторые советские демографы. В частности, Ю.Л. Пивоваров стал рассматривать советскую модель урбанизации как переходную, ущербную, имеющую незавершенный характер развития вследствие форсированной индустриализации [10, с. 104–109].

В рамках этой критической парадигмы исследует сталинскую урбанизацию Сибири новосибирский историк В.А. Исупов [7]. Согласно его выводам, в 1930-х – начале 1950-х гг. в СССР происходила квазиурбанизация. Как считает автор, отказ от политики квазиурбанизации произошел только в 1950-е гг., когда в развитие городской инфраструктуры населенных пунктов стали вкладываться ресурсы.

Оригинальная критическая концепция советской урбанизации представлена в работах демографа А.Г. Вишневого [4]. Согласно выводам ученого, советская урбанизация была двусмысленной, «означала одновременно и шаг вперед, и шаг назад, движение и в сторону Запада, и в противоположную». Стихийность урбанизации сделала ее деревенской: «страна урбанизовалась, но сами города "рурализовались", одеревенчивались».

Вместе с тем многие положения концепции «ложной» урбанизации в СССР подвергаются жесткой критике. Но при этом ни сторонники «ложной», ни сторонники «полноценной» советской урбанизации до сих пор не дали однозначных ответов на многие исследовательские вопросы, которые пролили бы свет на характер урбанизационных процессов в СССР. Представляется, что для определения и согласования мнений о сущности урбанизации в СССР и адекватной оценки популярных интерпретаций в стиле «истинная» и «настоящая» (модернизационная парадигма) или, наоборот, «ложная» и «псевдо» (критическая парадигма), исследователям-историкам сегодня необходимо ответить на ряд проблемных вопросов:

1. Какими были движущие силы урбанизации в СССР? Были ли это только индустриализация и территориально-производственные комплексы?

2. Возникает проблема о субъектах урбанизации. Кем эта урбанизация управлялась и управлялась ли? Представляется, здесь важно изучить противостояние ведомств и региональных элит и какую позицию предпочитала центральная власть в конфликте интересов.

3. Исследуя городскую политику, необходимо обратить внимание на проблемы развития самоуправления в городах. В отечественной историографии существует точка зрения, что именно неимение в городах России полноценных институтов самоуправления и зрелого самоуправляющегося местного сообщества дает право говорить об отсутствии в стране «полноценной» и «настоящей» урбанизации. Поэтому необходимо сделать акцент и на развитии местного самоуправления и гражданского сообщества, очертить границы их прав и власти.

4. Отсюда вытекает и другой вопрос: была ли советская урбанизация стихийной и хаотичной или все-таки упорядоченной? Контролировала ли советская власть или ведомства урбанизационные процессы в стране?

5. Отдельно следует выделить роль архитекторов и градостроителей в процессе городского развития в Советском Союзе. Была ли эта роль мнимой? Или все же взгляды архитекторов были существенным фактором в градостроительной политике?

6. Важным остается вопрос о наличии комфортной городской среды в Советском Союзе. Отвечали ли благоустройство, социокультурное пространство и жилищные условия требованиям, которые предъявляет дефиниция «город» и «урбанизм»? Остается неизученной проблема существования трущоб в СССР. В современной историографии практически отсутствуют исследования об истории государственной политики в отношении трущоб и становления незаконных поселений, хотя существование ареалов стихийного неблагоустроенного временного жилья для многих ученых является одним из ключевых признаков псевдоурбанизации.

7. Самый главный вопрос дискуссии – сформировалось ли в СССР городское общество? Большинство историков сходятся во мнении, что в СССР уже в 1960-х гг. все-таки появилось городское общество. Известный американский историк Моше Левин писал: «Действительно, урбанизация, едва ли гладкий процесс, была кардинальной новацией российской истории XX века; можно считать, что она закончилась в середине 1960-х гг. <...> рискнем уже сейчас

утверждать, что на данном стыке истории страна вступила в новую стадию: она стала новым обществом, чьи взаимосвязи с государством приняли различные формы» [8, с. 336]. Такая позиция историков обуславливается многими факторами: диссидентское движение, подъем советской культуры, успешное решение жилищной проблемы в соотношении с прошлым барачным периодом, реализация социальных обязательств государства – развитие системы поликлиник и здравоохранения, преобладание доли городского населения над сельским и др. Все это трактуется как формирование нового общества. Но при этом никто не дает четкий ответ на вопрос: каким образом это формирование произошло, если учитывать, что предшествующий сталинский период, когда по большому счету и зарождалось городское общество, характеризуется ужасными репрессиями, губительной войной, деревенскими и барачными жилищными условиями и неполноценной городской средой и т.д.? Также историки указывают, что с 1960-х гг. в СССР появляется общество потребления (а потребительская психология является важной составляющей ментальности горожанина). В этом контексте историкам необходимо дать ответ, были ли 1960-е гг. неким переломом в урбанизации или нет, и стало ли общество с 1960-х гг. городским или гражданским (что, конечно, является важнейшим социальным признаком урбанизации)?

Таким образом, профессиональный диалог между учеными-историками и проведение обобщающих исследований по поставленным выше проблемам способствуют не только более ясному пониманию урбанизационных процессов в СССР, но и обеспечат полноценную дискуссию в рамках нового направления – исторической урбанистики, что жизненно важно для нормального функционирования научного сообщества.

Список литературы

1. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 21–28.
2. Ахиезер А.С. Диалектика урбанизации и миграции в России // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 78–89.
3. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. Т. II: Теория и методология. Словарь. 600 с.

4. Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 432 с.

5. Глазычев В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. С. 137–144.

6. Глазычев В.Л. Политическая экономия города. М.: Дело, 2009. 192 с.

7. Исупов В.А. Квазиурбанизация в сталинской стратегии модернизации Сибири: вторая половина 1920-х – 1930-е гг. // Региональные аспекты цивилизационного развития российского общества в XX столетии: проблемы индустриализации и урбанизации: материалы межрегион. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 238–245.

8. Левин М. Советский век / пер. с англ. В. Новикова, Н. Копелянской. М.: Европа, 2008. 680 с.

9. Пивоваров Ю.Л. Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1999. 232 с.

10. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101–113.

УДК 314(148)

Л.В. Алексеева

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ
И НАЧАЛЕ УРБАНИЗАЦИИ В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ
НАЦИОНАЛЬНОМ ОКРУГЕ (1945 – 1950-е гг.)***

В статье в контексте изучения истории формирования населения Югры актуализирована проблема изучения исторической демографии региона и рассмотрены основные демографические показатели развития округа в послевоенные годы. На основе архивных источников и материалов переписей представлены статистические сведения о количестве населения, его рождаемости и смертности, выявлены особенности формирования процессов народонаселения Ханты-Мансийского округа.

Ключевые слова: население, округ, демография, урбанизация, коренные жители, городское поселение, спецпереселенцы.

* Работа выполнена в рамках государственного задания № 2014/801.

Актуальность и научная значимость изучения истории формирования населения Югры определяется той ролью, которую данная тематика играет в исследовании основных проблем отечественной истории XX в. Социально-демографические процессы, протекавшие в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) имели свои особенности. Автором в контексте комплексных исследований прошлого региона изучены некоторые аспекты народонаселения Югры в период 1917–1945 гг. [2, с. 130–155]. В ряде монографий рассмотрены состав, размещение, численность и социальная организация населения, демографические процессы [1, с. 154–219], политические ссылки, репрессированные и спецпереселенцы [3, с. 210–239; 4, с. 82–93]. Исследование же демографических явлений в период 1945–1950-х гг. применительно к округу фактически не предпринималось отечественными исследователями. Из Великой Отечественной войны Ханты-Мансийский округ вышел, имея 100-тысячное население. В округе функционировали 320 сельских советов и почти 300 колхозов¹. Ресурсы округа характеризовались основательным истощением, а рыбное и сельское хозяйство, доведенное до возможного максимума развития, начало стремительно сокращаться. Поэтому первые послевоенные годы были для жителей округа отнюдь не легче, чем военные. Выстоявший в тяжелой войне народ готов был к дальнейшим трудовым подвигам, веря, что скоро все изменится к лучшему. Действительно, с начала 1950-х гг. для развития всех сфер жизни округа характерна положительная динамика, что было связано, на наш взгляд, с несколькими факторами: 1) психологический (вера в лучшее будущее, так как худшее (война) было позади); 2) социально-политический (смерть Сталина и ослабление тоталитарного режима, частичная демократизация общественной жизни); 3) социально-экономический (успешные разведочные работы на нефть и шанс для округа стать индустриальным со всеми вытекающими последствиями: увеличением бюджетов, развитием инфраструктуры, притоком населения, урбанизацией и т.д.). Серьезным препятствием для развития округа считался кочевой, полукочевой образ жизни коренных жителей. Неоднократные попытки перевести их на оседлость в предыдущие годы не увенчались успехом. Хотя нельзя не отметить, что за период 1940–1944 гг.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 971. Л. 163.

было основано 51 новое хозяйство, куда вселили 1034 индивидуальных хозяйства аборигенов, однако в 1945–1946 гг. эти процессы замедлились. Как следует из отчета Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б) за 1945–1946 гг., в указанные годы вселилось лишь 44 хозяйства. Планировалось создать три новых хозяйственных центра для вселения, однако они не были построены². Архивные источники, извлеченные автором из Государственного архива Югры позволяют представить динамику численности населения в послевоенные годы. В частности, данные окружного статистического управления содержат сведения об общей численности населения округа, количестве коренного населения, о числе умерших и родившихся в период с 1946 по 1956 гг. (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1
Численность населения Ханты-Мансийского национального округа на 1 января 1946–1956 гг., чел.*

Год	1946	1947	1948	1949	1950	1951
Население	94633	94508	98296	100044	90592	91907

Год	1952	1953	1954	1955	1956
Население	94145	99306	102109	106340	113724

*Государственный архив Югры (ГАЮ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 18, 19, 20.

Сведения, приведенные в табл. 1, позволяют заметить значительное сокращение населения округа в 1950 г., что требует выяснения причин.

Таблица 2
Количество рождений в Ханты-Мансийском национальном округе в 1946–1956 гг.*

Год	1946	1947	1948	1949	1950	1951
Рождений	2012	2911	2508	3288	3624	3817

Год	1952	1953	1954	1955	1956
Рождений	3875	3969	4328	4359	4137

*ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 22.

Количество рождений имело положительную динамику, и в 1956 г. по сравнению с 1946 г. увеличилось в два раза.

² ГАСПИТО. Ф. П-107. Д. 899. Л. 201.

Таблица 3
Количество смертей в Ханты-Мансийском национальном округе
в 1946–1956 гг.*

Год	1946	1947	1948	1949	1950	1951
Смертей	917	1512	1400	1204	1222	1618

Год	1952	1953	1954	1955	1956	
Смертей	1256	1383	1412	1317	1210	

*ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160. Л. 22.

Имеющиеся данные (общее число умерших за год и среднегодовая численность населения) позволяют в целом рассчитать коэффициент смертности.

27 января 1950 г. окружному центру (Ханты-Мансийск) присвоили статус города [8]. Этим событием прервался двадцатичетырехлетний период фактического и юридического отсутствия городского населения в ХМНО, когда в округе не было образовано ни одного города, рабочего поселка или поселка городского типа (кроме Остяко-Вогульска). По данным конъюнктурного обзора за 1953 г., составленным окрпланом, на 1 января 1954 г. в Ханты-Мансийске проживало 16 385 чел.³

Начало поисково-разведочных работ на нефть и газ в Западной Сибири в 1950-х гг. привело к формированию городских поселений: в поселки городского типа были преобразованы Березово (1954 г.) и Сургут (1958 г.). С развитием лесозаготовительной промышленности в 1959 г. поселком городского типа стал Октябрьский. В конце 1950-х гг. доля городского населения в ХМНО увеличилась и стала составлять 27%, а сельского – 73%: 33 тыс. горожан против 91 тыс. сельчан. Следовательно, к началу этапа бурного нефтегазового освоения в регионе существовало только три локальных поселения, которым были присущи городские элементы: Ханты-Мансийск, Березово и Сургут [8]. Таким образом, в начале второй половины XX в. в Ханты-Мансийском национальном округе начались процессы, связанные с формированием нового городского пространства.

Обращение к данным Всесоюзной переписи населения 1939 и 1959 гг. позволяет установить динамику численности населения ХМНО за 20 лет – с 1939 по 1959 г. Общая численность

³ ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 141. Л. 4.

населения за два десятилетия возросла с 92,2 тыс. до 123,9 тыс. чел.; городское население возросло с 7,5 тыс. (8,1%) до 33,5 тыс. чел. (27%), т.е. городское население увеличилось почти в 4 раза. Анализируя национальный состав населения ХМНО, можно отметить тот факт, что в период с 1939 по 1959 г. доля коренного населения сократилось с 6,7 до 3,6%, русского населения – с 88 до 83,9%. Однако удельный вес представителей других народов вырос с 5,3 до 12,5%. Данные изменения являются не только результатом массовой эвакуации из западных районов страны в годы войны, как указывал В.Л. Левченко [7], но объясняются и принудительными миграциями, осуществлявшимися в годы Второй мировой войны. Таким образом, население Ханты-Мансийского округа, по материалам переписи 1959 г., составляло 123 926 чел. По национальному составу преобладали русские – 89 813 чел. Коренные народы составляли более 20 тыс. чел.: ханты – 11 435, манси – 5644, коми – 2803, ненцы – 815⁴. В округе проживали представители украинцев, белорусов, латышей, евреев и других народов. Как национальное образование, округ должен был решать проблемы жизни коренного населения, руководствуясь распоряжениями Центра. Документы ЦК КПСС и Совета министров СССР, принимавшиеся в связи с «мерами по дальнейшему развитию» северных территорий, начиная с 1950-х гг., неизменно открывались констатацией успехов, достигнутых на «основе ленинской национальной политики». В. Куриков достаточно критически оценивал национальную политику тех лет. Он, в частности, указывал: «За словами о быстром приобщении малочисленных народов к достижениям современной науки, техники и культуры при организационной, идеологической и материально-технической помощи "старшего брата" скрывались черты былой колониальной политики, связанной с хищническим отношением к северной природе и этническим культурам. Неудивительно, что реальные проблемы развития национальных отношений оставались за пределами внимания партийно-государственной коммунистической элиты. Общий для многонациональной империи вектор денационализации самым трагическим образом пронзил судьбы народов Севера» [6, с. 36]. При этом все же нельзя отрицать значения при-

⁴ Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России [электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=69 (дата обращения: 14.11.2016).

нятого постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», призванного привлечь внимание к проблеме коренных народов, усилить материальную помощь северным округам, повысить материальное благосостояние и культурный уровень аборигенов. 9 апреля 1957 г. бюро Тюменского обкома КПСС приняло постановление «О недостатках в работе Ханты-Мансийского окружкома КПСС». Результатом выполнения этого постановления стал перевод на оседлый образ жизни к 1958 г. 2 тыс. семей ханты и манси (кочевых и полuosедлых рыбаков и охотников) [5, с. 382]. Значительная часть аборигенов оставалась вне этих мероприятий, предпочитая сохранить традиционный образ жизни.

Особенностью населения округа являлось значительное число спецпереселенцев. 1950-е гг. ознаменовались для населения ХМНО свертыванием спецпереселенческой системы. После смерти И.В. Сталина им было разрешено вернуться на родину. Не все воспользовались этим, но удельный вес спецпереселенцев в населении округа заметно сократился. Они получили равные с другими гражданские права. Обращение к архивным источникам показало, что в указанное десятилетие стали заметны изменения не только в численности, составе, этноструктуре населения территории, но и его размещении. По мнению автора, они были связаны не только с отъездом значительного числа бывших спецпереселенцев, переводом части коренного населения на оседлость, но и с нефтегазовым освоением, повлекшим за собой увеличение численности населения, новой географией его расселения. Все эти вопросы требуют детального изучения.

Список литературы

1. *Алексеева Л.В.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: национально-государственное строительство и население. Нижневартовск, 2005. 264 с.
2. *Алексеева Л.В.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация. Нижневартовск: Изд-во НГТУ, 2006. 390 с.
3. *Алексеева Л.В.* Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гум. ун-та, 2012. 355 с.

4. *Алексеева Л.В.* Рыбное хозяйство ХМАО в годы Второй мировой войны (1939–1945). Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гум. ун-та, 2014. 142 с.

5. *Бударин М.Е.* Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. 474 с.

6. *Куриков В.* Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой в третье тысячелетие. Екатеринбург, 2000. 192 с.

7. *Левченко В.Л.* О численности и составе населения Ханты-Мансийского автономного округа в 1940–1950-х гг. // Проект Ахей: мульти-медиа-журнал [электронный ресурс]. – URL: http://mmj.ru/ural_history.html?&article=199&cHash=99154576fa (дата обращения: 5.07.2015).

8. *Стась И.Н.* Городское развитие в Ханты-Мансийском округе в первой половине XX в. // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2013. Иркутск, 2013. С. 255–263.

УДК 94(571.51)+314.3

Н.В. Гонина

**ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО РЕГИОНА
В УСЛОВИЯХ СТРЕМИТЕЛЬНОЙ УРБАНИЗАЦИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1950-х – НАЧАЛЕ 1980-х гг.**

Во второй половине XX в. в Восточной Сибири благодаря притоку молодежи на новостройки происходит резкое повышение рождаемости. В то же время следует отметить местную специфику, которая определила ряд проблем в сфере воспроизводства, замедленную динамику и наложение этапов демографического перехода.

Ключевые слова: рождаемость, воспроизводство, городское население, Ангаро-Енисейский регион, вторая половина XX в.

В современных условиях демографического кризиса тема рождаемости является актуальной для специалистов во многих отраслях гуманитарного знания. Данный материал хорошо разработан отечественными демографами, социологами и историками. Применительно к Ангаро-Енисейскому региону это труды Я.Н. Бегизардова, В.В. Воробьева, Н.Я. Гущина, А.А. Долголюка,

В.А. Исупова, Г.Ф. Куцева, Е.Д. Малинина и А.К. Ушакова, Н.С. Николаенко, С.А. Рафиковой, Л.Н. Славиной, Г.А. Цыкунова, Ю.В. Черновой [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 13; 14; 15; 16].

Вторая половина XX в. для Ангара-Енисейского региона стала периодом стремительной урбанизации, причем ее темпы в 1950–1960-х гг. были самыми высокими по стране¹. Наличие большого количества относительно хорошо оплачиваемых рабочих мест способствовало массовому притоку молодежи, а это, в свою очередь, обеспечивало высокий уровень рождаемости. Например, в 1973 г. показатель рождаемости городского населения Восточной Сибири был на 18% выше среднего по РСФСР [7, с. 23]. Однако за успешными среднестатистическими данными скрывались серьезные проблемы.

Динамика рождаемости выглядела следующим образом. В 1950–1960 гг. рождаемость в городах региона имеет самые высокие показатели – 25–30‰. Затем в 1960–1970 гг. происходит спад почти в 2 раза. В 1970-х гг. в Иркутской области и в 1980-х гг. в Красноярском крае происходит подъем и закрепляется стабильное значение коэффициента $\approx 18\text{‰}$ [1, с. 64, 71–72; 2, с. 37; 6, с. 150; 9, с. 20–23; 10, с. 344; 11, с. 29–30, 35, 46, 271; 15, с. 282–283, 290]². Заметим, что эта динамика характерна и для Сибири, и для страны в целом, хотя в Ангара-Енисейском регионе показатели рождаемости все равно остаются более высокими [4, с. 29].

Демографическая яма 1960–1970 гг. объясняется вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения войны и первых послевоенных лет. Так, по данным С.А. Рафиковой, в городах Красноярского края в 1970 г. родилось детей на 4% меньше относительно 1960 г. и почти на 27% меньше в расчете на 1000 чел. По Красноярску падение происходило еще стремитель-

¹ Иркутск в цифрах: 2004. Иркутск, 2005. С. 43; Народное хозяйство Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 56.

² ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 332. Л. 8–9; Д. 338. Л. 2, 8–13, 17; Красноярский край в цифрах. Красноярск, 1976. С. 97, 103; Народное хозяйство Красноярского края в 1989 г. Красноярск, 1990. С. 18–21; Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу: [электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 31.10.2016); Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу: [электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg2.php (дата обращения: 31.10.2016).

ней – 31,3% [14, с. 97]. На период 1959–1970 гг. приходится также значительное сокращение количества женщин самого высокого репродуктивного возраста (20–29 лет). Например, по данным В.В. Воробьева, для Иркутской области абсолютные и относительные показатели численности этой группы снизились на 15%, а удельный вес – на 4,4% [2, с. 29–30].

Безусловными лидерами по рождаемости являлись молодые города, что неоднократно отмечалось исследователями и объяснялось большим количеством молодежи и, соответственно, браков [5; 6; 13; 16]. Не будем забывать и о дополнительном стимуле – квартиры в новых домах выдавались только семейным. Это обусловило взлет рождаемости на начальном этапе становления города, затем она снижается до средних цифр.

Однако в Норильске сложилась уникальная ситуация. Здесь стабильно держалась высокая рождаемость. Перепись 1959 г. зафиксировала 57,7 рождений на 1000 женщин. В 1960 г. в Норильске был достигнут максимальный уровень общего коэффициента рождаемости и самый высокий показатель в крае – 32,7‰³.

Безусловным лидером по общему коэффициенту рождаемости в регионе был Железногорск-Илимский (79,7 в 1960 г.), однако за рассматриваемый период показатель снизился в 4 раза – с очень высокого до среднего [3, с. 158; 10, с. 29; 12, с. 6; 13, с. 282, 285–286]⁴. Похожая ситуация наблюдалась в Братске⁵ и других новостройках. Исключение составляет Усть-Илимск, строительство и промышленный подъем которого пришлось на 1970-е гг., что обусловило здесь самый высокий коэффициент рождаемости по региону в 1980 г. – 33,3‰⁶. Отметим также, что в средних и крупных молодых городах коэффициент рождаемости всегда был

³ ГАКК. Ф. П-5117. Оп. 1. Д. 128. Л. 53; Норильский городской архив. Ф. 7. Оп. 1. Д. 27. Л. 2; Д. 18. Л. 27, 35 об., 37, 88–88 об.; Д. 19. Л. 19, 38–39, 41, 112.

⁴ ГАИО. Ф. Р-1827. Оп. 1. Д. 937. Л. 5–8, 32–42, 91–101; Иркутск в цифрах: 2004. С. 24; Архив г. Черемхово. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 136. Л. 42–43; Д. 172. Л. 1, 20, 34; Оп. 2. Д. 23. Л. 1, 12–15; Д. 102. Л. 2–5; Д. 183. Л. 1–6; Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 67. Л. 1; Д. 78а. Л. 2–14; Оп. 2. Д. 104а. Л. 2; Д. 355. Л. 1, 17–20; Архивный отдел администрации г. Братска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 303. Л. 2.

⁵ Архивный отдел администрации г. Братска. Ф. 60. Оп. 1. Д. 303. Л. 2.

⁶ Архивный отдел администрации г. Усть-Илимска. Ф. Р-46. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–4; Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 74. Л. 52; Д. 230. Л. 27.

выше среднерегионального и значительно больше показателя старых городов.

Например, даже в точке крайнего спада (1970 г.) коэффициент рождаемости в Железногорске-Илимском – почти в 2 раза выше, чем в Черемхово или Нижнеудинске. Это было обусловлено не только молодостью населения, но и более высоким качеством жизни в указанных городах. Также важно подчеркнуть роль перспектив развития города и количества населения. Так, новые, но неблагоустроенные и малонаселенные города, такие как Алзамай и Свирск, стали быстро терять молодое население, что отразилось в падении рождаемости.

После стабилизации динамики рождаемости в молодых городах на 1980 г. показатели во всех категориях практически выравниваются, что говорит о завершении первой стадии процесса демографического перехода в регионе.

Повсеместно наблюдалось сокращение числа 3 детей. Однако оно не было массовым и происходило постепенно. В 1960-е гг., по данным Н.С. Николаенко, из общего количества рожденных детей по городам Иркутской области 21% появились в многодетных семьях (3 и более детей). В Красноярском крае, по сравнению со средними данными по РСФСР, количество семей только с одним ребенком почти на 10% меньше, а с 3 детьми – на 4% выше. Также нельзя согласиться с обобщенным утверждением авторов «Населения России в XX веке», что в 1970-х гг. у горожан даже второй ребенок в семье был редкостью [11, с. 142, 191], так как у горожан Красноярского края семьи с двумя детьми составляли более 30%, а в Иркутской области данный показатель наблюдается и в 1977 г. [13, с. 282, 287, 289]. Таким образом, говорить о второй стадии демографического перехода в рассматриваемый период в Ангаро-Енисейском регионе рано.

На снижение рождаемости большое влияние оказывало повсеместное вовлечение женщин в производство. Так, по данным В.В. Воробьева, в 1970 г. в Иркутской области из 659 тыс. женщин трудоспособного возраста не было занято в общественном производстве только 45 тыс., в Красноярском крае – соответственно 841,6 тыс. и 62,8 тыс., или 7,5%. Важную роль играло и повышение уровня образования женщин, так как чем выше образование женщины, тем больше она стремится практиковать внутрисемейное

регулирование репродукции и самореализоваться вне семьи, а значит, тем меньшее количество детей она рождает [2, с. 32, 34].

Добавим также, что уровень механизации и охраны труда даже на новых заводах был невысок и женский организм нес вредные нагрузки. Это вносило дополнительные ограничения в деторождение. Возможно, тяжелый физический труд и вредное производство одна из причин высокого уровня самопроизвольных аборт⁷.

К сожалению, высока была и доля мертворожденных детей, что, по свидетельству архивных документов, связано не только с природными условиями, но и с нездоровым образом жизни, который вели многие жители. В Норильске в 1970 г. количество мертворожденных детей составило 1,8%, в 1975 г. – 1,43%, что превышало средние показатели по региону и по республике. К 1984 г. наблюдалось снижение до 1,1% [2, с. 122–123]⁸. Значительной была и детская смертность в возрасте до года, вызванная переохлаждением и инфекциями. Наиболее тяжелая ситуация наблюдалась в исторических городах и городах, рожденных первой волной индустриализации: Черемхово, Иланске, Артемовске, Канске, Минусинске⁹.

В итоге сформировался суженный тип воспроизводства. Кроме малодетности можно отметить рост числа бездетных семей, а также увеличение доли детей, родившихся у матерей-одиночек¹⁰.

Список литературы

1. *Бегизардов Я.Н.* К вопросу об истоках депопуляции в Красноярском крае: 1960-е гг. // Социально-экономическое развитие Красноярского края. 1917–2006 гг.: материалы VI Краевед. чтений. Красноярск: ГУНБ, 2007. С. 267–273.
2. *Воробьев В.В.* Население Восточной Сибири (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1977. 159 с.

⁷ ГАКК. Ф. Р-1300. Оп. 12. Д. 338. Л. 12, 19.

⁸ Норильский городской архив. Ф. 7. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–2, 88–88 об.; Д. 131. Л. 1–2.

⁹ ГАИО. Ф. Р-1893. Оп. 4, т. 1. Д. 287. Л. 10 а–11; Архив г. Черемхово. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 111. Л. 7; ГАКК. Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 449. Л. 2.

¹⁰ Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность городского населения РСФСР...

3. *Гущин Н.Я.* Демографическое развитие советской Сибири: основные этапы и проблемы // Историческая демография Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1992. С. 124–185.

4. Демографическая модернизация России. 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М.: Новое издательство, 2006. 608 с.

5. *Долголюк А.А.* Источники роста населения Братско-Усть-Илимского ТПК // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири: материалы всесоюз. науч. конф. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. С. 92–94.

6. *Долголюк А.А.* Рост городского населения среднего Приангарья (1955–1980 гг.) // Урбанизация советской Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989.

7. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 288 с.

8. *Куцев Г.Ф.* Новые города. М.: Мысль, 1982. 268 с.

9. *Малинин Е.Д., Ушаков А.К.* Население Сибири. М.: Статистика, 1976. 166 с.

10. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 2: 1940–1959. 416 с.

11. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 3, кн. 1. 304 с.

12. Население России в XX веке: Исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 3, кн. 2. 295 с.

13. *Николаенко Н.С.* Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950–1980-е гг. Исторические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2004. 295 с.

14. *Рафикова С.А.* Динамика, численность и размещение городского населения Красноярского края в 1960-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 96–99.

15. *Славина Л.Н.* История Красноярского края в динамике роста его населения // Красноярский край – 70 лет исторического пути: материалы V Краевед. чтений. Красноярск : ГУНБ Красноярского края, 2005. С. 140–145.

16. *Чернова Ю.В.* Новые города Иркутской области (1950–1980 гг.). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 252 с.

УДК 314.3(571.1)"197"

О.Б. Дашинамжилов

**РОЖДАЕМОСТЬ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1970–1979 гг.***

В работе рассматриваются особенности динамики рождаемости в 1970-е гг. в городах и поселках городского типа Западной Сибири. Проанализированы факторы роста числа деторождений. Исследован исторический контекст динамики суммарного и возрастных коэффициентов рождаемости.

Ключевые слова: Западная Сибирь, рождаемость, город, социальная политика.

Начиная с 1968 г., после долгого падения общий коэффициент рождаемости в городах Западной Сибири вновь стал увеличиваться. Его рост продолжался около 10 лет, т.е. почти до конца 1970-х гг. Так, если в 1968 г. он был на уровне 14,3‰, то в 1977 г. – 17,5‰, лишь в 1978–1979 гг. произошло некоторое снижение – до 17,2‰. Повышение числа рождений было почти полностью обусловлено положительными изменениями в возрастной структуре населения. Некоторую роль сыграло и повышение брачности в молодых возрастах и снижение среднего возраста вступления в брачные союзы.

В репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение, появившееся на свет уже после войны и в первое послевоенное десятилетие. Согласно Всесоюзной переписи 1970 г. удельный вес 15–19-летних (1950–1954 гг. рождения) в населении Западной Сибири достиг 11,2%, тогда как 20–24-летних был на уровне 9,4%. Чуть менее многочисленной, но все же довольно крупной в количественном отношении являлась следующая за ней возрастная когорта 10–14-летних, 1955–1959 гг. рождения. По всей видимости, именно с ней связано некоторое снижение числа рождений, произошедшее в конце 1970-х гг.

Показатели, полученные с помощью индексного метода на материалах РСФСР в целом, подтверждают то, что повышение числа деторождений было обусловлено не увеличением непосред-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-01-00109.

ственно рождаемости¹. Причиной прироста общего коэффициента на 9,4%, произошедшего в 1969/1970 – 1978/1979 гг., стало улучшение характеристик возрастной структуры городского населения (+12%). Небольшое снижение доли женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в населении привело к снижению ОКР на 2,1%. При этом непосредственно рождаемость почти не изменилась (–0,5%)².

Несмотря на это, нельзя сказать, что суммарный коэффициент на всем протяжении межпереписного периода не менял своих значений. Согласно общероссийским данным определенные колебания его показателей все же происходили, однако их интенсивность была невысокой. В конечном итоге, если в 1969/1970 гг. по городским поселениям РСФСР он составлял 1,733 ребенка на одну женщину, то в 1978/1979 гг. – 1,717.

Индексный метод, примененный для анализа статистических данных по городам и поселкам городского типа Западной Сибири, показал, что рост числа рождений был также обусловлен главным образом трансформацией возрастных характеристик населения. Вместе с тем, в отличие от РСФСР в целом, непосредственно рождаемость увеличилась, хотя на довольно скромную величину. Это подтверждает и суммарный коэффициент, который за межпереписной период слегка подрос (с 1,739 до 1,752).

Изменение рождаемости в городах Западной Сибири в целом происходило в русле общероссийских тенденций. У молодых женщин в возрасте до 20 лет она увеличилась довольно существенно – на 30,2%. Дело в том, что в 1960–1970-е гг. усилилось разъединение брачного, сексуального и репродуктивного поведения. Одним из последствий этого стало распространение в молодой среде добрачных сексуальных связей. Причем они не всегда приводили к дальнейшему оформлению супружеских отношений. Такие контакты нередко приводили также и к нежелательным добрачным зачатиям и к вынужденным вступлениям в брачные союзы [1, с. 120].

¹ Термин «рождаемость» используется автором применительно к суммарному коэффициенту и возрастным коэффициентам рождаемости.

² Индексный метод позволяет выявить роль отдельных компонентов в изменении общего коэффициента рождаемости (возрастной структуры населения, доли женщин репродуктивного возраста в населении, непосредственно рождаемости).

Также несколько возросла рождаемость в категории 20–24 лет (на 5,1%), на которую приходилась большая часть деторождений (45,7% в 1970 г. и 47,5% в 1979 г.). В группе 25–29 лет она сохранилась почти на прежнем уровне (+1,3%). Процессами снижения рождаемости, как и в республике в целом, оказались охвачены средние и старшие возрастные группы. Рождаемость у женщин в категориях свыше 30 лет снизилась: у 30–34-летних – на 13,5%, 35–39-летних – на 29,8, 40–44-летних – на 32,4, 45–49-летних – на 70,9%.

При разложении суммарного коэффициента на очередности рождений, был получен следующий результат. Как и раньше, завести первенца по-прежнему желали почти все горожанки (0,947)³. Рождаемость первых детей закономерно увеличилась у девушек в возрасте до 20 лет и сократилась у когорт старше 35 лет. В то же время повысилось число тех, кто также решил завести и второго ребенка (0,691), в особенности среди молодежи. Так, рождаемость вторых детей существенно возросла у 20–24-летних – на 43,4%, несколько меньше у 25–29 летних – на 9,9%. За 1969/1970 – 1978/1979 гг. сократилось число женщин, желающих родить третьего ребенка (на 10,1%), но все-таки не так сильно, как в предшествующий межпереписной период (–58,9%). Третьи по счету дети в полтора раза чаще стали появляются у 20–24-летних женщин и намного реже – у старших возрастных групп. Во многом похожие тенденции наблюдались и в отношении четверых детей. Рождаемость последних снизилась по сравнению с 1969/1970 гг. более чем на четверть. Например, если в 1969/1970 гг. 37 женщин из каждой 1000 завели четвертого ребенка, то в 1978/1979 гг. – 26.

Таким образом, главной особенностью репродуктивного поведения городского населения в межпереписной период (при сохранении суммарного коэффициента на одном уровне) являлась продолжающаяся концентрация рождений преимущественно в молодых возрастах (до 30 лет), а также в первых и вторых очередностях.

Между тем, столь продолжительное сохранение суммарного коэффициента на одном уровне выглядит довольно необычно. Согласно логике демографического перехода он, несомненно, должен был снизиться. Дело в том, что этому способствовали важ-

³ Т.е. 947 женщин из каждой тысячи завели первенца.

ные перемены, которые происходили в российском обществе. В 1970–1979 гг. образовательный уровень населения, в том числе в городских поселениях, заметно вырос. В РСФСР количество лиц с высшим образованием (с низкой рождаемостью) на 1000 чел. в возрасте 10 лет и старше увеличилось в полтора раза, незаконченным высшим и средним (полным и неполным) – на 20%, уменьшилось число людей с начальным образованием (с высокой рождаемостью). За 1971–1975 гг. в основном завершён переход молодежи к всеобщему среднему образованию. Расширилась сеть профессионально-технических учреждений. В классовой структуре городского общества увеличилась доля социальных групп с заниженными репродуктивными установками. Так, доля служащих увеличилась с 30,8% в 1970 г. до 32,8% в 1979 г., а удельный вес рабочих снизился с 67,4% до 65,7%. Среди городских поселений повысилась доля крупных городов (отличавшихся низкой рождаемостью) и, соответственно, сократилась доля малых и средних.

Снижению рождаемости противодействовали несколько факторов, среди которых следует выделить общественную стабильность, которая подразумевает отсутствие излишне резких перемен в хозяйственной и политической сферах. Она является важным, если не важнейшим фактором сохранения или даже повышения уровня рождаемости. Кроме того, государственная политика, направленная на улучшение уровня жизни, последовательное решение жилищного вопроса значительно укрепили уверенность граждан в завтрашнем дне. Прекращение разного рода социально-экономических экспериментов хрущёвского периода, с одной стороны, неоднозначно повлияло на развитие экономики, которая требовала постоянного поиска и внедрения новых механизмов и стимулов для развития, с другой – положительно отразилось на общественной обстановке.

За 1971–1975 гг. реальные доходы населения, согласно официально озвученным данным, увеличились на 24%. Начиная с середины 1960-х гг., довольно быстрыми темпами стала расти среднемесячная заработная плата рабочих и служащих. В 1965–1970 гг. в РСФСР она увеличилась больше, чем за все 1950-е гг. (на 27,4%), а в 1970-е гг. – ещё на 40,9%. Денежный душевой доход в большинстве рабочих семей сначала сравнивался с границей минимальной материальной обеспеченности, а затем, в 1970-е гг., превысил ее [2, с. 193]. Если прежде заработная плата обеспечивала

довольно ограниченное потребление, то теперь она уже могла обеспечить известный минимум благосостояния [2, с. 194].

Возрос уровень обеспечения населения непродовольственными товарами и предметами длительного пользования, в том числе автомобилями, телевизорами, холодильниками. При этом розничные цены на продукты, за исключением некоторых редких и деликатесных товаров, почти не повысились. Произошли благоприятные сдвиги в структуре питания: увеличилось потребление мяса, овощей, фруктов, ягод, и сократилось – хлебопродуктов и картофеля. Возросли расходы на приобретение тканей, мебели и культурно-бытовых услуг. Улучшилось качество и объемы медицинского и санитарного обслуживания, увеличилось количество врачей и оснащенность медицинских учреждений новейшим оборудованием, лечебной и диагностической аппаратурой и т.д.

Социальная политика 1970-х гг. непосредственно затронула и семьи с детьми. Постановлением Совета Министров СССР от 26 июля 1973 г. устанавливалась выплата пособий по беременности и родам женщинам – работницам и служащим в размере полного заработка, в независимости от продолжительности трудового стажа. Также увеличены сроки выплаты пособий при освобождении от работы по уходу за больным ребенком – с трех до семи дней. В сентябре 1974 г. введено пособие на детей малообеспеченных семей. Основанием для его получения являлся невысокий средний доход на каждого члена семьи, который не превышал 50 руб., а в районах Сибири и Дальнего Востока – 75 руб. в месяц. Это пособие в размере 12 руб. выплачивалось ежемесячно на каждого ребенка до достижения им восьмилетнего возраста.

Анализ рождаемости выявил еще несколько важных тенденций. В 1970–1979 гг. продолжали снижаться различия в репродуктивном поведении горожан и всего населения в целом. «Урбанизация» села и дальнейшее распространение стандартов городской жизни привели к тому, что в 1978/1979 гг. суммарный коэффициент всего населения Западной Сибири был выше, чем в ее городах, только на 12,9% (в 1969/1970 гг. – на 15,7%). Рождаемость в исследуемом экономическом районе по-прежнему была больше, чем по республике в целом, однако дифференциация оставалась весьма незначительной, хотя и несколько увеличилась по сравнению с 1969/1970 гг. (1,752 против 1,717). При этом по уровню образования городские контингенты Западной Сибири,

как и раньше, уступали городскому населению РСФСР. По всей видимости, данный фактор действительно медленно утрачивал свою роль, на что уже указывали некоторые исследователи.

Поскольку влияние таких факторов как уровень образования, социально-классовый и профессиональный состав, удельный вес разных категорий городов на рождаемость постепенно снижалось, соответственно, уменьшались и межрегиональные отличия в суммарном коэффициенте. И действительно, если в 1958/1959 гг. разница между самой высокой и самой низкой рождаемостью составляла 31,8% (Кемеровская и Новосибирская области), в 1969/1970 гг. – 27,1% (Тюменская и Новосибирская области), то в 1978/1979 гг. – 15,2% (Тюменская и Томская области). Тем не менее, несмотря на то, что качество социально-образовательной структуры все меньше отражалось на репродуктивном поведении населения, степень его корреляции с уровнем рождаемости, как показывают материалы по отдельным регионам, в конце 1970-х гг. по-прежнему оставалась довольно высокой.

Итак, как можно видеть, уровень рождаемости в городских поселениях Западной Сибири, несмотря на значительные структурные сдвиги, почти не изменился. Благодаря активной социальной политике и целенаправленным государственным мероприятиям по повышению материальной обеспеченности граждан рождаемость хотя и не выросла, но, по крайней мере, прекратила свое падение.

Список литературы

1. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979. 304 с.
2. Рабочий класс СССР на новом этапе развития социалистического общества. 1961–1970 гг. М.: Наука, 1988. Т. 5. 430 с.

УДК 947(571)"1989/2010"+314:3

Л.Н. Славина

**ДИНАМИКА ВОЗРАСТНО-ПОЛОВОЙ СТРУКТУРЫ
СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ В 1990–2000-х гг.**

В статье анализируются основные тенденции изменения возрастно-половой структуры сельского населения Красноярского края, дается характеристика качества его демографического потенциала в 2010-е гг. Выявляется общее и особенное в модернизации демографической структуры сибиряков и всех россиян.

Ключевые слова: сельское население, возрастно-половая структура.

Сельское население Сибири в постсоветские десятилетия не привлекает должного внимания историков, хотя потребность в его изучении очевидна. К числу самых актуальных исследовательских проблем относится демографическое развитие сельчан, в частности, изменение их возрастно-половой (демографической) структуры. Для историков она представляет интерес как «аккумулятор» всех событий, случившихся в жизни нынешних поколений, и как один из главных факторов настоящего и будущего развития деревни, показатель качества ее человеческого потенциала. В последние годы обсуждается проблема постарения населения. Оно даже признано одной из двух новых «главных бед» России (наряду с низкой ценой на нефть), лимитирующих ее развитие. Такой взгляд на структуру населения требует анализа ее динамики в постсоветские десятилетия в общероссийском и региональных разрезах.

Цель данной работы – реконструировать динамику возрастно-полового состава сельского населения Красноярского края после 1991 г., определить его качество и особенности в современный период. На материалах края этот процесс рассматривается впервые. Информационную базу исследования составили итоги переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг., текущая статистика. Они показывают, какое «демографическое наследство» получило постсоветское сельское общество, на ком «держится» в послед-

нюю четверть века деревня и как повлияла на ее население трансформация общественного развития России.

Перепись 1989 г. учла в крае 822,6 тыс. сельских жителей (вместе с Хакасией, входившей в край до 1991 г., – 979,4 тыс. чел.) [1, с. 307]. Их демографическая структура имела четкие следы всех катаклизмов XX в. Население красноярской деревни отличалось особой диспропорцией полов: на 1000 женщин в нем было 1010 мужчин против 889 по селам РСФСР в целом [1, с. 10, 307]. Это соотношение различалось по возрастам. В когортах до 55 лет преобладали мужчины, после – женщины, численное превосходство которых росло с возрастом (табл. 1). Но во всех когортах оно было меньшим, чем у сельчан РСФСР.

Таблица 1

Соотношение численности полов в возрастных группах сельского населения Красноярского края в 1989 и 2010 гг.

Год	На 1000 женщин приходится мужчин в возрасте, лет										
	0–15	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60 и более
1989	1036	1638	1229	1225	1231	1246	1220	1067	1008	936	498
2010	1046	1107	1155	1141	1115	1064	1027	1006	960	919	594

Источники: Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 307; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: тома официальной публикации. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке: [электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010. С. 240.

Сельское население в крае в конце советского периода было «моложе», чем в целом в РСФСР (табл. 2). Почти половину его (47,8%) составляли дети и молодежь (0–29 лет), а лица 60 лет и старше (индикатор «старости» населения) – 14,1% (в РСФСР – 18,4%) [1, с. 10, 307]. Относительная демографическая «молодость» жителей являлась особенностью края и обуславливалась более высокой рождаемостью в нем и интенсивным притоком мигрантов.

Таблица 2

Структура сельского населения Красноярского края по полу и возрасту в 1989 и 2010 гг., % лиц соответствующего пола

Пол	Возрастные группы, лет										
	0–15	16–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60 и более
1989 г.											
О.п.	28,7	4,5	5,9	8,5	8,9	7,9	4,3	4,9	6,2	6,1	14,1
Муж.	29,1	5,6	6,5	9,3	9,8	8,6	4,6	5,0	6,2	5,9	9,4
Жен.	28,4	3,5	5,3	7,7	8,1	7,0	3,8	4,7	6,2	6,3	19,0
2010 г.											
О.п.	19,5	4,4	7,5	7,6	7,0	6,3	6,0	7,8	9,0	8,0	16,9
Муж.	20,4	4,6	8,2	8,3	7,6	6,7	6,3	8,0	9,0	7,9	13,0
Жен.	18,6	3,9	6,8	6,9	6,5	6,0	5,8	7,6	9,0	8,2	20,7

Источники: Возрастной состав населения РСФСР... С. 307; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: тома официальной публикации. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке.

Постсоветские десятилетия в Красноярском крае, как в России в целом, стали особым этапом демографического развития, отмеченным депопуляцией. Он начался на рубеже 1980–1990-х гг., а его катализатором выступили фундаментальные сдвиги в обществе, вызванные распадом СССР. В селах края, как и повсюду, началась депопуляция, которая не могла не сказаться на демографической структуре населения. Характер и динамику ее изменения определяли процессы рождаемости, смертности и миграции. На них влияли единые для всей страны факторы, обусловленные трансформацией общественной системы. Но единство основных факторов не лишило красноярцев своеобразия демографического развития, которое определялось внутрикраевыми факторами, прежде всего экономическими. Прервалось форсированное индустриальное освоение края, корректировавшее динамику и параметры структуры сельчан в советский период. Снизилась роль миграции, высокая интенсивность которой в селах края в первую очередь определяла специфику структуры их жителей.

С 1989 по 2010 г. сельское население в крае сократилось до 670,5 тыс. чел. – на 18,5% против 3,8% в РФ¹. Демографическая структура красноярцев менялась тоже более радикально. Из-за

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: тома официальной публикации. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке: [электронный ресурс]. – URL: //http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010. С. 16, 240.

уменьшения «женского крена» миграции в деревнях края выравнивалось соотношение численности полов во всех взрослых возрастах. Особенно «отличились» когорты 1950-х гг. рождения. Их параметры резко выделяются на общем фоне. При переписи 1989 г., когда им было 30–39 лет, на 100 женщин в них приходилось по 123–124 мужчины, а в 2010 г. (50–59 лет) – по 92–96 чел. Ухудшился общий показатель соотношения полов. В 2010 г. в селах края на 1000 женщин уже было лишь по 952 мужчины (в селах РФ – 914 чел.)².

Возрастная структура сельчан продолжала «стареть», что проявлялось в росте доли старших и снижении младших поколений. Прежде этот процесс красноярцы проходили в общероссийском «русле». Но они отставали примерно на 20 лет от сельского населения России в целом, в котором доля лиц в возрасте 60 лет и старше уже к 1970 г. достигла 14,1% [1, с. 10]. В изучаемый период динамика постарения жителей в крае стала отличаться от общероссийской, так как главными действующими лицами этого процесса выступали поколения, рожденные ранее 1950 г. В 2010 г. им исполнилось 60 лет и более. В Красноярском крае они были более многочисленными, их не травмировала война так, как ровесников в Европейской России. Из-за малочисленности этих поколений в целом в стране постарение российской деревни как бы затормозилось. В 2010 г. доля сельчан старше 60 лет в России была такой же, как в 1989 г. (18,5%)³. Красноярцы же «старели» прежними темпами. В 1989 г. они находились на среднем уровне старости (14,1% «стариков»), а в 2010 г. – уже на высоком (16,9%).

Процесс старения имел половые, этнические и территориальные различия. Мужчины в селах края оставались, как и прежде, «моложе» женщин из-за сверхсмертности в трудоспособных возрастах. Но стали стареть значительно быстрее. У женщин же процесс замедлился. Доля лиц старше 60 лет поднялась у них за межпереписной период с 19 до 20,7%, а у мужчин – с 9,4 до 13%. [1, с. 307]⁴. Но по-прежнему в процессе старения женская часть деревни обгоняла мужскую больше, чем на длину жизни условного демографического поколения: мужчины в селах края в 2010 г. были «моложе», чем женщины в конце 1970-х гг.

² Там же.

³ Там же. С. 16.

⁴ Там же. С. 240.

Благодаря более высокой рождаемости и сокращению миграции из деревни сельчане в крае стали стареть в постсоветский период медленнее, чем горожане. У тех доля лиц старше 60 лет выросла за 1989–2010 гг. с 10,3 до 15,4%, во многом из-за сокращения притока «демографических доноров» из деревни в лице мигрантов [1, с. 307]⁵.

Средний возраст жителей села увеличился за 1989–2010 гг. в крае с 33,9 до 38,4 года, в России – с 35,8 до 38,8 года. У красноярцев-мужчин он достиг среднероссийского показателя – 36,3 года, у женщин составил 40,4 года против 41,1 года по стране [1, с. 10, 307]⁶.

Тенденция старения ярко проявилась в изменении пропорций между группами населения, выделенными по признаку трудоспособности (см. табл. 2). В 1989 г. в дорабочем возрасте (0–15 лет) находились 28,7% жителей красноярских деревень, в рабочем (16–54 (59) лет) – 54%, в пенсионном – 17,3%. За следующие 20 лет доля детей снизилась до 19,5%, а контингент послерабочих возрастов вырос до 21,1% (в деревнях РФ – до 22,1%). Доля пенсионеров среди мужчин поднялась с 9,4 до 13%, среди женщин – с 25,3 до 28,9% [1, с. 10, 307]⁷.

Особой оценки требуют два контингента сельских жителей – трудоспособный и фертильный. В рабочем контингенте уменьшилась диспропорция полов: в 1989 г. доля мужчин составляла в селах края 57,3% против 54,8% в селах РСФСР, а в 2010 г. – 54,7 против 53,5% [1, с. 10, 307]⁸. Таким образом, более высокая трудоспособность сибиряков осталась в прошлом. Их рабочий контингент постарел, особенно мужская часть. В 2010 г. лица предпенсионного возраста (50–59 лет) составляли в ней 25,5%, молодежь (16–29 лет) – 31,6%. В женской части контингента на долю старших возрастов (45–54 года) приходилось 31,6%, молодежи – 33,5%⁹. Но, несмотря на постарение, качество возрастной структуры трудоспособных сибиряков еще оставалось удовлетворительным.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 16, 240.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

Фертильный контингент женщин (15–49 лет) сократился вместе со всем сельским населением, но принципиально не изменился. Удельный вес 15–29-летних женщин, несших основную репродуктивную нагрузку в изучаемый период, остался прежним – 42% (табл. 3). Репродуктивные возможности такой возрастной структуры были умеренными. И в дальнейшем из-за низкого удельного веса младших когорт неизбежен спад числа ежегодных рождений.

Таблица 3
Структура сельских женщин Красноярского края репродуктивного
возраста в 1989 и 2010 гг., %

Год	Возрастная группа, лет					
	15–19	20–24	25–29	30–39	40–49	15–49
1989	10,7	12,9	18,8	36,6	21,0	100,0
2010	11,3	15,2	15,5	28,0	30,0	100,0

Источники: Возрастной состав населения РСФСР... С. 307; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: тома официальной публикации. Т. 2: Возрастно-половой состав и состояние в браке. С. 240.

Демографические перспективы у красноярцев вообще ухудшились во всех отношениях. А снижение удельного веса детей и подростков 0–17 лет (1994–2010 гг. рождения) до 21,7% – среднего уровня по селам РСФСР (21%)¹⁰ – свидетельствует об утрате краем прежних преимуществ в воспроизводстве населения.

Итак, изменение возрастно-половой структуры сельских жителей края в первое постсоветское десятилетие было значительным. Она эволюционировала в рамках общероссийских трендов по законам демографической модернизации, которая являлась частью общей модернизации России и ее сельской подсистемы. Краевая специфика процесса проявилась ярче, чем в советский период, но по-прежнему имела не качественные, а количественные отличия. Из-за изменения соотношения полов в большинстве когорт главной фигурой в красноярских деревнях стал не мужчина, а женщина, как повсюду в стране. Красноярцы приблизились к среднероссийскому уровню «старости». «Молодость» – главное демографическое преимущество, полученное «в наследство» от советских времен, они утратили. Красноярская деревня в

¹⁰ Там же.

эти десятилетия еще «держалась», как и прежде, не на стариках. Но динамика половозрастной структуры ее жителей, как и всего населения России, свидетельствует о неизбежности радикальных перемен. Главное, что случится, – число людей в возрасте 65+ превысит количество детей 0–14 лет. Такая демографическая тенденция – признак формирования абсолютно нового во всех отношениях общества, неведомого и не осознанного. Это событие отмечено с 1995 г. более чем в 30 странах. В России его ждут к 2030 г. Ее деревня уже близко подошла к нему. В 2010 г. в сельском населении края лица в возрасте 65+ составляли 11,7%, дети – 18,3%, среди сельчан России в целом – 13,5 и 17,5% соответственно¹¹.

Список литературы

1. Возрастной состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Респ. инф-изд. центр, 1990. 381 с.

¹¹ Там же.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СИБИРИ

УДК 94(571.54)

В.П. Шахеров

ЗАПИСКИ И ПРОЕКТЫ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВОЙ И ПРОМЫСЛОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Статья посвящена проектам сибирского купечества по совершенствованию сибирской торговли, расширению внешних рынков и транспортной инфраструктуре. Особое внимание уделяется предложениям по объединению капиталов для развития промышленного освоения севера Тихого океана и торговли с Китаем. Анализ купеческих записок и проектов позволяет говорить об их авторах как об активных и знающих предпринимателях, стремящихся упрочить позиции империи на юго-восточных рубежах России.

Ключевые слова: Сибирь, Китай, Аляска, купечество, промыслы, торговля.

Особый научный интерес представляет рассмотрение региональных особенностей формирования буржуазии. Так, предпринимательская деятельность в Сибири имела ряд особенностей, обусловленных географическими, социально-политическими и экономическими факторами и, прежде всего, колониальным положением региона в системе российской государственности. Со времени приобретения статуса российской территории в практике хозяйственного освоения Сибири всегда доминировали интересы социально-экономического развития Европейской России. При всем этом сибирское, и особенно иркутское, купечество заметно выделялось из общей массы российского купечества, которое радикально меняется только во второй половине XIX в. Активность и предприимчивость сибирского купечества, их ведущую

роль в развитии экономического пространства края отмечали многие современники. Так, известный экономист Г. Пейзен в середине XIX в. писал, что «купечество здешнее по своим умственным понятиям, сметливости стоит несравненно выше купечества Европейской России» [3, с. 20].

Условия формирования и деятельности купечества Сибири заметно отличались от ситуации в Европейской России. Сибирь не знала крепостного права и помещичьего землевладения. Не играло здесь такой значительной роли, как в центре страны, дворянское предпринимательство, что открывало более широкие перспективы перед местным гильдейским купечеством и определяло его ведущую роль в хозяйственной и общественной жизни сибирских городов. Малочисленное дворянство, в большинстве своем связанное с Сибирью лишь периодом служебной деятельности, не играло заметной роли в сибирском городском обществе. Оно поневоле должно было искать сближения с верхушкой купечества, образуя вместе с ней своеобразный «высший свет».

Сибиряки значительно лучше центральной и даже местной власти знали, что необходимо для развития края, вынашивали разнообразные проекты его изучения, обустройства и экономического процветания. Их отличала активная жизненная позиция, умение определить перспективы своего бизнеса, смело открывать новые пути и направления приложения своих капиталов. Неслучайно из их среды вышло немало крупных инфраструктурных проектов по развитию морских промыслов на северо-востоке Сибири, в Арктике, на Тихом океане, соединению водных систем Сибири, расширению торговых связей с Китаем, Японией и другими странами. Именно сибирское купечество стало инициатором создания Российско-Американской компании, стремилось к образованию компаний для торговли на внутреннем рынке Китая, на Амуре, предлагало крупные инфраструктурные проекты.

Уже в середине XVIII в. в среде иркутских купцов и иногородних гостей начинают возникать проекты расширения тихоокеанских промыслов и торговой экспансии на китайские территории, объединения капиталов и образования компаний по примеру английских, голландских, даже китайских. Одним из первых предложил проект создания единой купеческой компании по торговле «с пограничными около Сибири государствами» в 1739 г. иркутский вице-губернатор Л. Ланг, не раз бывавший в Китае и

хорошо знакомый с состоянием русско-китайского торго [2, с. 287]. Позднее, в 1770-х гг. другой иркутский губернатор А. Бриль просил разрешить в Иркутске учредить компанию наподобие голландской Ост-Индской, чтобы каждый купец или промышленник мог отдавать в контору свой капитал, не подвергая его никакой опасности¹.

Знаменитые проекты Г.И. Шелихова второй половины 1880-х гг. были подхвачены и продолжены иркутскими купцами. В итоге в начале 1796 г. возникла Иркутская коммерческая компания, во главе которой встал Н.П. Мыльников с сыновьями. Иркутская коммерческая компания стала первой организацией со столь значительным числом участников. Это было уже не семейное предприятие, а компания, в которой проводились выборы ее правления. Компания стала главным конкурентом наследников Шелихова, дела которых были расстроены. В этой ситуации единственно верным решением для них было объединение с иркутянами. Так произошло рождение Американской Соединенной компании, а вместе с тем, было положено начало реализации планов Г.И. Шелихова. В 1799 г. она получила монаршее благословение и стала называться Российско-Американской компанией. Это первое акционерное объединение в Сибири, ставшее продуктом частно-государственного партнерства.

Кроме тихоокеанского направления внимание сибирского купечества привлекала русско-китайская торговля, сосредоточенная в это время в единственном пункте на границе – Кяхтинской торговой слободе. Интересный проект создания компании на паях для организации и отправки в Пекин купеческих караванов подала в губернское правление в 1793 г. группа сибирских и российских купцов. Начальный капитал устанавливался в 200–400 тыс. руб.² Считая, что кяхтинская торговля все более и более становится зависимой от китайской стороны, которая в основном привозит в Кяхту товары «совсем избыточны и коих с рук в другие места не могут сбыть», компаньоны предлагали закупать в Пекине и вывозить в Россию такие необходимые стране предметы, как драгоценные металлы, сырье для промышленных предприятий (шелк-сырец, ремень, сахар и т.п.). Предполагалась даже промышленная переработка некоторых видов сырья. Так, планировалось в Иркут-

¹ РГИА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 51. Л. 15 об.

² ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 205. Л. 9–25.

ске или близ него строительство сахарного завода, для чего авторы проекта испрашивали государственные привилегии.

В 1798 г. иркутский купец Ф. Щегорин, неоднократно бывавший в Китае и хорошо знакомый с организацией китайской торговли, подал в правительство записку «О мерах к поднятию экономического положения России вообще и, в частности, к облегчению способов торговли русских купцов с Китаем». Он подробно проанализировал состояние российской и китайской коммерции, отдавая предпочтение последней и предлагая преобразовать торговлю России по образцу и правилам китайской. К лучшим сторонам китайской торговли он относил организацию их компаний, стремление изучить российский рынок, поддерживать высокие цены на свои товары, не променивать их на дорогие и ненужные вещи, а также на такие, которые производят в самом Китае. Несмотря на негативную в целом оценку бумаг Щегорина, некоторые мысли иркутянина нашли отражение в Правилах кяхтинской торговли 1800 г. В своей записке иркутский купец предстает как идеолог нарождающейся буржуазии, выступает за развитие отечественной промышленности, мануфактур, ремесел, «за обилие в хлебе, металле и во всех продуктах, нужных к содержанию человечества». Он считает нелепым мнение, что российский предприниматель ленив, лукав, сварлив, не способен к торговле, как, например, англичане или голландцы, и потому, дескать, не создает коммерческие и промышленные компании. Наоборот, автор ссылается на свои беседы с купцами, которые полностью поддерживали его предложения, указывает, что «иркутские купцы, пленясь оными, составили ныне компанию» [4, с. 76]. Свои проекты улучшения кяхтинского торгового дела выдвигали и другие представители иркутского купечества. Так, в фонде купцов Басниных сохранилась записка «Замечания иркутского купца Степана Киселева о поправлении кяхтинской торговли»³.

В начале XIX в. правительство попыталось предпринять практические шаги по реализации требований кяхтинских торговцев. При отправке в 1803 г. посольства Ю. Головкина в Китай ему поручалось среди прочих поднять вопрос о разрешении торговли по всей пограничной линии, а также об открытии для российского купечества Кантона. Цинские власти, как известно, не приняли российского посольства и на долгое время эти очень

³ РГАДА. Ф. 183. Оп. 1. Д. 58. Л. 69.

важные для китайского торгового диалога России с Пекином. Манифест 1807 г., ограничивший состав кяхтинских торговцев только купцами первой гильдии, вызвал целый ряд записок и проектов по расширению социального состава участников торгового диалога. Предлагались различные способы привлечения к торговле с Китаем среднего и мелкого купечества, в том числе путем создания единой торговой компании. Наиболее отчетливо эти предложения прозвучали в записке иркутского городского головы Е.А. Кузнецова, поданной в 1827 г. в Министерство финансов. «Купечество всех гильдий, – указывал он, – не только бы участвовать в сей торговле вкладом денежных сумм в компанию, но имело бы возможность производить и внутреннюю торговлю с большей пользой против настоящего времени»⁴.

В середине XIX в. наступает новый этап в борьбе купечества за расширение китайского рынка. В этот период торговля с Китаем оказалась в состоянии застоя. В условиях острой конкурентной борьбы с англичанами и голландцами за преобладание на китайском рынке Россия с ее отсталой меновой формой торговли, к тому же ограниченной лишь одним пунктом, испытывала серьезные затруднения. Вновь появляются проекты и записки о преобразовании кяхтинской торговли, раздаются голоса о необходимости возродить караванную торговлю. Характерен в этом отношении проект кяхтинского купца И. Носкова, предлагавшего организовать специальную «Кяхтинскую» компанию для переноса торговых операций на территорию соседнего государства. Согласно его плану в сфере деятельности компании оказывалась значительная территория, включающая Монголию, Даурию, Маньчжурию и всю Северо-Восточную Азию⁵.

С интересными предложениями расширения рынка сбыта китайского чая выступил иркутский купец первой гильдии А.П. Прянишников. В 1846 г. он обратился с запиской «О состоянии и путях улучшения Российской торговли» в Министерство финансов, а вскоре непосредственно к Николаю I. Отмечая сокращение объемов кяхтинской торговли, совпавшее с высокой степенью монополизации чайной торговли на внутренних рынках империи в руках нескольких московских фирм, автор записки призывал кяхтинских чаоторговцев активнее продвигать свой товар в Запад-

⁴ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 605. Л. 46 об.

⁵ ГАЗК. Ф. Р-1661. Оп. 1. Д. 2. Л. 144–155.

ную Европу⁶. С этой целью он предлагал учредить компанию с капиталом не менее чем в 600 тыс. руб.

Многолетняя борьба сибирского купечества завершилась заключением в 1860 г. Пекинского договора, установившего свободную и беспошлинную торговлю на всем протяжении китайской границы и позволившего русскому купечеству ездить с караванами в Пекин и другие города Поднебесной. С приобретением Амура прежний торговый путь через Кяхту потерял свое значение. С целью выявления новых, более эффективных торговых путей в Китай нерчинским купцом М.Д. Бутиным была организована в 1870 г. Тяньцзинская экспедиция. Новый маршрут был короче кяхтинского на 110 км. Кроме того, участники экспедиции собрали ценные сведения о природе, климате, растительном и животном мире этого района Китая, а также подготовили рекомендации по обустройству караванной торговли с Монголией и Китаем. Уже через год по новому пути отправился торговый караван забайкальского торговца П.И. Першина. За организацию экспедиции М.Д. Бутин был награжден серебряной медалью ИРГО и орденом Св. Станислава 3-й степени.

О необходимости более активного инвестирования капитала в развитие восточных территорий и усиления там государственного присутствия высказывались многие представители крупного сибирского капитала. Только таким образом можно было преодолеть негативные последствия утраты Русской Америки и вытеснения русского капитала с тихоокеанских промыслов. «Кроме вывоза чая из Китая, – писал М.Д. Бутин, – мы стоим совершенно вне движения и торговли, развивающейся вблизи нашей отдаленной восточной границы. На нашу восточную окраину мы почти не обращаем никакого внимания, а между тем один Амурский край мог бы послужить нам прочным базисом для водворения нашего влияния на Восточном океане» [1, с. 53].

Таким образом, во второй половине XVIII – XIX в. появилось много различных проектов расширения морских промыслов и торговых связей с государствами Юго-Восточной Азии – Китаем, Японией, Кореей, Индией, Филиппинами, а на Американском материке – с испанцами и американцами. Наибольшую активность в объединении купеческих капиталов и создании крупных компаний проявляло иркутское купечество. Результатом их усилий ста-

⁶ ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 4592. Л. 15 об.

ло создание Российско-Американской компании, ставшей крупнейшим участником российско-китайской торговли в Кяхте. Купеческие записки и проекты этого времени свидетельствуют о креативности, коммерческой заинтересованности и опыте сибирских предпринимателей.

Список литературы

1. *Бутин М.Д.* Письма из Америки. СПб.: Тип. В. Демакова, 1872. 75 с.
2. *Зоркин В.И.* Иркутские градоначальники. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. Кн. 1: Воеводы и вице-губернаторы (1661–1764). 384 с.
3. *Пейзен Г.* Заметки о производительных силах Восточной Сибири // Экономист. 1858. Т. 1. Кн. 1.
4. *Шахеров В.П.* «Расстроено, разорено, уничтожено...»: судьба иркутского купца Федора Щегорина // Родина. 2012. № 8. С. 75–77.

УДК 33(091)"17"(571.56)

Е.А. Строгова

МЕСТО ЯКУТИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ В XVIII в.

Якутия сегодня – крупнейший регион Российской Федерации, источник многих ценных полезных ископаемых. Каково было ее значение в XVIII в., когда в России начала формироваться экономика Нового времени? Исследование показывает, что это был в первую очередь огромный рынок, насыщение которого стимулировало российскую экономику.

Ключевые слова: Якутия, история, экономика, торговля, ресурсы.

К середине XVIII в. завершилось присоединение территорий, лежащих на севере и востоке Азиатского материка, Россия вышла к Тихому океану и, перешагнув его, вступила в Новый Свет. Территория нынешней Республики Саха (Якутии) к этому времени давно и прочно стала частью Российской империи. Чем была Якутия для России на протяжении XVIII в.?

Сразу напрашивается ответ: источником пушнины – немало валютного ресурса, роль которого на внутреннем и внешнем рынках была огромна. Соболь, игравший наибольшую роль в меховой торговле, к концу XVI в. «испромышлялся» на Русском Севере, а к началу 1770-х гг. зверь был истреблен даже на далеких Индигирке, Алазее и Колыме [4, с. 270]. Падение пушного промысла в Якутии, начавшееся со второй половины 1660-х гг., завершается к началу XVIII в. [11, с. 13]. Якутия стала тогда транзитным пунктом движения промышленников к Тихоокеанскому побережью и на Аляску. Именно по ее территории проходил Охотский тракт, по которому и везли меха, добытые на островах Тихого океана, на Аляске и частично в Якутии и предназначавшиеся для продажи главным образом в Китай. Прибыль от такой торговли была немалая [12, с. 25].

Эхо петровской «индустриализации» докатилось и до далекой от промышленных центров Якутии. Второй Камчатской экспедиции нужны были изделия из металла – котлы, пушки, якоря и другие необходимые для постройки судов детали. В 1735 г. на небольшой речке Тамме под Якутском заработал Тамгинский железоделательный завод, который должен был выплавлять тысячу пудов железа для экспедиции Беринга, полтысячи – для города Якутска и столько же для вольной продажи [5, с. 33]. После того как в 1743 г. Сенат прекратил финансирование завода, его управляющий А.П. Метенев всю свою энергию сосредоточил на поиске месторождений качественных руд – железных, медных, золотых или серебряных. При этом он не только сам занимался разведкой недр, но и стремился развить интерес к рудознанию среди местных жителей, для чего за «всякий камушек» платил, как за хорошую руду [2, с. 91]. Результатом трудов А.П. Метенева стало открытие железных руд по р. Лене, месторождений золота и серебра на р. Тыре. Уже после смерти А.П. Метенева и закрытия завода были обнаружены еще нескольких месторождений, в том числе Т.П. Кычкиным в 1765 г. серебряные руды найдены на Эндыбальском месторождении. Дело отца продолжил сын – П.А. Метенев, следы кузниц и горных выработок его экспедиции сохранились в Верхоянских горах и сейчас. Только открытие более доступных для разработки месторождений золота и серебра на Русском Севере, Урале, Алтае и в Забайкалье помешало Якутии уже в XVIII в. стать одним из центров добычи благородных металлов в России.

Включение Якутии в состав Русского государства состоялось в то знаменательное время, когда последнее вступило в новый этап своей истории – период складывания всероссийского рынка. Этот процесс оказал большое влияние на развитие межплеменного обмена и появление торговли, так как уже с 1730-х гг. в Якутию стали поступать не только русские, но и заграничные товары.

Якутск, крупнейший населенный пункт Якутского края, был в начале изучаемого времени и крупнейшим центром торговли. По удельному весу в казенной и частной торговле пушнина в начале XVIII в. он занимал ведущее место среди других сибирских городов [6, с. 242]. В.К. Андриевич приводил данные, показывающие ведущее значение Якутска среди сибирских городов в казенной торговле [3, с. 252–253]. Основной целью развития казенной торговли в Якутии стало приобретение ценных мехов дополнительно к собранному ясаку. В 1700 г. на товары, присланные из Верхотурья на сумму 1000 руб., было куплено в казну 419 соболей и 82 «пупка собольих» [8, с. 27]. В 1706 г. из Москвы в Якутск для подарков ясачным и покупки пушнины поступило товаров на общую сумму 326 руб., а в 1707 г. – на сумму 358 руб.¹ Немалую долю казенного дохода давала продажа «горючего вина». В 1703 г. воевода Дорофей Трауриихт в своей отписке царю сообщал: «И за это вышеписанное продажное вино в твою, великого государя, казну взято денег две тысячи семьсот семьдесят рублей шестнадцать алтын четыре деньги»². В том же году в Якутске было продано 32 лицам, в том числе 3 новокрещенным якутам, 33 пуда 2 четверти 26 гривенок казенной соли³.

Охраняя интересы казны, правительство ограничивало сферу действия частной торговли установлением государственной монополии на ценную пушнину, регламентацией деятельности частных торговцев. Отмена в 1753 г. внутрисибирских пошлин и упорядочение таможенных сборов способствовали значительному расширению частной торговли в первой половине XVIII в.

Список привозимых в Якутию товаров чрезвычайно широк. Он включает не только необходимые вещи, такие как мука, крупы, льняные и шерстяные ткани, свинец и олово, но и предме-

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5, Д. 2036. Л. 3.

² Там же. Д. 1400. Л. 41.

³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1878. Л. 1–5.

ты роскоши – импортные ткани, драгоценные металлы, изящную посуду, лакомства на тысячи рублей⁴. О наличии платежеспособного спроса на такие товары свидетельствуют и материалы раскопок Нижнеколымского острога, где в числе находок немалое место занимают черепки фарфоровой посуды китайского и японского производства, обнаружены и косточки чернослива [1, с. 62].

По свидетельству Г.Ф. Миллера, из русских товаров наибольшим спросом пользовались юфть, красное сермяжное сукно, холст, полотно и разные металлические изделия [6, с. 525–530]. Из иностранных товаров большой сбыт в Сибири находили немецкие, голландские, английские, французские сукна, «но больше толстые и средние, а тонких по меньше, цветом светлые и цветные» [6, с. 533]. В Якутии русские и иностранные товары продавались с наибольшей прибылью, которая, по оценке Г.Ф. Миллера, составляла от 800 до 4000% [6, с. 536]. Согласно «Перечню дневной записки г. Исленьева», адъюнкта Российской Академии наук, побывавшего в Якутии в конце 1760-х гг., в год в Якутск завозилось товаров в среднем на 150 тыс. руб. Половина этих товаров отправлялась дальше – в Охотск и на Камчатку [7, с. 6–7, 13].

Государство в изучаемый период всячески ограничивало частную торговлю хлебом, стремясь развить местное производство. Несмотря на это, к 60–70-м гг. XVIII в. торговля хлебом в Якутии целиком переходит в руки купцов и крестьян [9, с. 258–264]. В 1767 г. прибыло в Якутск с хлебом и прочей «купеческой кладью» 71 судно, в том числе 39 крестьянских барок, паузков и плотов, 31 купеческое и мещанское. Они привезли около 150 тыс. пуд. груза, в том числе крестьянского 79 тыс. пуд. [9, с. 264–265]. Как видим, рынок Якутии поглощал значительное количество товаров и приносил купцам и государству немалые доходы в виде пушнины (в первой половине столетия), а затем и в денежном эквиваленте.

Образ Якутии – тюрьмы без решеток, благодаря советской историографии, прочно укрепился в исторической и популярной литературе и в народном сознании. Со второй половины XVII в. ссылка становится одним из самых употребляемых видов наказания в России. Совершенно прав Ф.Г. Сафронов, говоря о том, что основной причиной увеличения количества преступлений, караемых

⁴ Там же. Л. 11, 20–21.

мых ссылкой в Сибирь и частой заменой смертной казни, были интересы хозяйственной колонизации края [10, с. 21]. В Якутию в XVIII в. ссылали не так массово, не так часто и с определенной целью – для заселения станций почтовых трактов, развития земледелия или «в службу». Изучая историю крестьянского населения Средней Лены, Ф.Г. Сафронов показывает второстепенную роль ссыльных в его формировании, особенно в первой половине столетия [9, с. 125]. С 1730-х гг. ссылка в Якутский край прекращается, за исключением редких одиночек-дворян – настоящих и мнимых изменников и участников крестьянских восстаний.

Развитие внутреннего рынка, промышленности и товарного производства в России в XVIII в. требовали точных знаний об имеющихся ресурсах, путях сообщения, границах и о населении империи. Якутск, Олекминск, Верхоянск, Нижнеколымск и другие значительные населенные пункты в крае в XVIII в. стали базой для многочисленных научных и изыскательских экспедиций. Первая же экспедиция, отправленная в Сибирь под началом Д.Г. Мессершмидта в 1720 г., привезла в Петербург огромный массив ценнейших сведений о природе и полезных ископаемых, экономике и населении. Участники Первой Камчатской экспедиции 1724 г. сделали ряд географических открытий, описали хозяйство и религию народов северо-востока Азии, составили точную карту северо-восточного побережья Азиатского материка. Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. превратилась в беспрецедентное по масштабам и значимости научное мероприятие, охватившее весь Север, Северо-Восток и Тихоокеанское побережье России, по сей день потрясающее воображение грандиозностью своих результатов, одним из которых стало открытие Аляски. Экспедиции П.К. Креницына (1764–1771 гг.) и Северо-восточная И.И. Биллингса и Г.А. Сарычева (1785–1794 гг.) оставили точнейшие описания тихоокеанских островов и побережья Аляски и блестящие этнографические описания народов Чукотки, Аляски и Алеутских островов. Значение экспедиций не исчерпывается их великими научными достижениями, они оставили след и в жизни края: обсерватория и навигацкая школа в Якутске, кирпичный и железоделательный заводы, Охотский тракт, связавший Якутию с морским побережьем. Кроме того, нанимая местных жителей, сотрудники экспедиции вынуждены были обучать людей для успешного выполнения заданий. Усвоение новых знаний и умений способ-

ствовало расширению кругозора конкретных людей и формированию ценностных ориентиров в широких слоях населения.

Итак, утратив свои позиции как источник высоко ценившейся на внешнем рынке пушнины, что было характерно для XVII в., не приобретя сомнительной репутации «тюрьмы без решеток» в XIX в. и еще не заняв традиционного для XX в. места золотой, а затем и алмазной «шкатулки» России, Якутия в XVIII в. стала весомой и неотъемлемой частью всероссийского рынка. Об этом убедительно говорят факты регулярного и возрастающего завоза русских и иностранных товаров, вывоза большого количества якутской и транзитной пушнины в Россию и за границу, увеличения объема обращающихся в Якутии денег и укрепления их роли как средства платежа.

Многочисленные экспедиции не только открыли для мира неоглядные просторы далекой российской окраины и населяющие ее народы с их своеобразными культурами, но и показали огромный ресурсный потенциал, который и определит лицо Якутии в далеком будущем XXI столетия.

Список литературы

1. *Алексеев А.Н.* Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. 152 с.
2. *Афанасий Метенев* – первый рудознатец Якутии / *В.А. Амузинский, А.А. Калашников, Н.С. Корепанов, П.Р. Шишигин* // Вестн. Госкомгеологии Респ. Саха (Якутия). 2002. № 1. С. 90–95.
3. *Андреевич В.К.* История Сибири: часть II. СПб.: Типолитогр. В.В. Комарова, 1889. 487 с.
4. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1862. Т. VIII. 372 с.
5. *Корепанов Н.С.* Завод Командора // Наука и жизнь. 1999. № 3. С. 30–35.
6. *Миллер Г.Ф.* Известие о торгах сибирских // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. СПб., 1755. Т. 2. С. 195–250.
7. Перечень дневной записки г. Исленьева // Новые ежемесячные сочинения, часть XXII. СПб., 1788.
8. *Романов Н.С.* Ясак в Якутии в XVIII в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1956. 108 с.
9. *Сафронов Ф.Г.* Русские крестьяне в Якутии (XVII – начало XX в.). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1961. 495 с.
10. *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточную Сибирь в XVII в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1967.

11. Сафронов Ф.Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1980. 142 с.

12. Naske, Claus-M. and Herman E. Slotnick Alaska, a history of the 49th state. GrandRapids, Michigan: WilliamB. EerdmansPublishingCompany, 1979.

УДК 94(571=512.122)"1880"

Е.Б. Сыдыков, З.Е. Кабульдинов

**ВЫДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ КУЛУНДИНСКОЙ СТЕПИ
ДЛЯ КОЧЕВАНИЯ КАЗАХОВ ТОБОЛЬСКОЙ И
ТОМСКОЙ ГУБЕРНИЙ (1880 г.)**

В статье рассматриваются проблемы выделения царским правительством Кулундинской степи для кочевания казахов Тобольской и Томской губерний. Показано, что во время пребывания казахов на этой территории степняки были обложены целым рядом бюрократических предписаний, для их пребывания на выделенных территориях характерна правовая незащищенность.

Ключевые слова: степь, казахи, кочевники, подать, крестьяне.

В 1854 г. царское правительство создало уникальную административно-территориальную единицу под названием Семипалатинский внутренний округ в составе новой Семипалатинской области, куда было предположено собрать всех «верноподданных» или «станичных казахов», кочевавших на территории Томской и Тобольской губерний с периода официального допуска левобережных степняков на так называемую «вечную кочевку». Но эта мера проблему нехватки у внутренних казахов земель все же не решила¹.

Кочевые и полукочевые группы казахов Среднего жуза продолжали пребывать в привычных для них землях Томской и Тобольской губерний, в первую очередь на землях, принадлежащих Кабинету². Администрация Семипалатинской и Акмолинской областей особого рвения к возвращению подведомственных им

¹ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 3. Оп. 3. Д. 3710. Л. 114–125.

² Там же. Л. 114–130.

казахов не показывала³. В то же время кабинетные власти и крестьянские общества продолжали требовать высылки казахов с территории земель, подведомственных Алтайскому горному округу. Постоянные жалобы местного крестьянского населения на грабежи и бесчинства «незаконно прикочевавших» казахов, побуждали Кабинет в течение 50–80-х гг. XIX в. настаивать на выселении всех степняков из пределов Алтайского горного округа. Реализовывались эти идеи не всегда последовательно. Например, в 1852 г. было выселено 1600 кибиток, а уже в 1854 г. «высочайшим повелением» переход казахов на территорию крестьянских земель был строжайше запрещен. Кочевание вновь официально разрешалось, как это было раньше. При этом на землях линейного казачьего войска вводилась арендная плата⁴.

В условиях непрерывного возвращения казахов в районы своих традиционных кочевий на земли Томской и Тобольской губерний, при неэффективной помощи со стороны областной и казачьей администрации министр внутренних дел идет на беспрецедентный шаг: в августе 1866 г. он признал необходимым разрешить Алтайскому горному правлению удалять казахов собственными силами, но горные власти это предложение не поддерживали ввиду нехватки чиновников, которых можно было задействовать на эту операцию⁵.

Бессилие различных ведомств по выселению казахов все же не помешало в январе 1867 г. генерал-губернатору Западной Сибири известить министра Императорского двора о том, что «выселение киргизов Семипалатинского округа с земель Алтайского горного ведомства осуществлено»⁶.

В виде исключения были оставлены только те казахи, которые с 1858 г. находились в Кулундинской степи на условиях аренды с разрешения самого Алтайского горного правления, хотя и сюда стали прибывать крестьяне, некогда приписанные к горнозаводскому ведомству. Кстати, разрешение некоторым группам казахов кочевать на землях Горного ведомства свидетельствовало о непоследовательной политике кабинетных властей. Это обстоя-

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

тельство стало, на наш взгляд, одной из главных причин неудачных массовых выселений казахов. Часть казахов считала себя ущемленной по сравнению с сородичами, которым было «почему-то разрешено» оставаться на «внутренней стороне». Между оставленными казахами и крестьянами вновь образованных деревень началась целая череда распрей. Каждая из сторон обвиняла своих соседей в незаконных действиях. В таких условиях в 1865 г. Алтайская межевая экспедиция начала топографическую съемку местности и отвод земель исключительно для крестьян деревень Северной, Неводной, Николаевской и Ключевской⁷. Этот случай подтверждает колониальную сущность кабинетных властей. Они отдали предпочтение крестьянскому населению, появившемуся в этих местах лишь 7 лет тому назад, тогда как казахское население прикочевало сюда в конце XVIII в. Причем это произошло с официального разрешения царской власти (1788 и 1798 гг.)⁸. И только по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири, в адрес которого от кулундинских казахов поступали многочисленные петиции, был инициирован вопрос о необходимости учета интересов казахов-скотоводов данного региона. Его предлагалось решить так, чтобы «не нарушить интересы Кабинета его Величества»⁹. Царский чиновник выдвинул выгодный для Кабинета компромиссный вариант выхода из создавшейся ситуации. Он предложил обязать казахов платить за право пользования заводскими землями по 3 руб. с кибитки ежегодно в доход Кабинета в виде оброка. Если размер этого оброка окажется недостаточным, считалось возможным увеличить платеж еще на 1,5 руб.¹⁰

В 1870 г. 779 казахских хозяйств открыто изъявили согласие платить в пользу заводов трехрублевый оброк (общей суммой 2337 руб.). Последовавшая за этим длительная бюрократическая переписка привела к тому, что Министерство финансов уступило Кабинету еще и половину кибиточного сбора, установленного 21 октября 1868 г. известным «Положением об управлении степными областями»¹¹.

⁷ Там же.

⁸ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 2. Т. 22. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1830. С. 1086.

⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Как видим, эти и другие действия кабинетных властей показывают, насколько казахи были неравны в правах и привилегиях с переселенческим крестьянским населением. В этом плане мы склонны согласиться с мнением известного казахстанского исследователя Н.В. Алексеенко, утверждавшего, что «полуторастолетняя история Алтайского горного округа с особой убедительностью раскрывает великодержавную политику царизма в отношении нерусских народов. Это не самодурство отдельных вельмож или чиновников, а укоренившаяся система. И ее инициатором и вдохновителем был самый крупный российский помещик – царь» [1, с. 20].

В начале 70-х гг. XIX в. в Алтайское горное правление снова начинают поступать различные жалобы крестьянского населения на казахов Кулундинской степи, в первую очередь – обвинения в конокрадстве и потраве пашен и пастбищ. Это обстоятельство заставило горные власти начать топографическую съемку свободной от крестьян Кулундинской, Карасукской, Узской и Соляной степей, общая площадь которых составляла 1531 тыс. дес., где и предполагалось разместить казахов «до времени окончательного разрешения этого вопроса»¹².

В это же время было принято решение не сдавать данный участок арендаторам. По-видимому горные власти решили не усугублять и без того обострившуюся земельную проблему в регионе.

Но здесь уместно будет напомнить одну важную деталь: в то время как генерал-губернатор Западной Сибири предполагал, что быт казахов будет наконец-то налажен, горнозаводское начальство, как и раньше, продолжало считать пребывание скотоводов «совершенно вредным для заводов». Так, в июле 1873 г. Кабинет пришел к заключениям, которые в последующем имели для степняков самые негативные последствия. Во-первых, разрешалось оставить кочующих номадов в той местности Алтайского горного округа, где «они не могли бы вредить не только оседлому крестьянскому населению, но и всему заводскому хозяйству». А такой местностью была одна обширная Кулундинская степь, неблагоприятная для занятия хлебопашеством. К тому же степь была относительно удалена как от крестьянского населения, так и от заводского хозяйства. В ней проживало лишь 107 ревизских душ в четырех вышеуказанных крестьянских деревнях. Во-вторых, Кабинет хотел увеличить доход с кочевников, который

¹² Там же.

при условии обложения 2680 юрт налогом по 4,5 руб. мог составить 12 тыс. руб. в год¹³. Относительно высокий оброк отрицательно повлиял на материальное положение казахов. Часть из них была вынуждена покинуть Кулундинскую степь.

Наконец, после долгих бюрократических переговоров различных ведомств, 22 октября 1880 г. были приняты «высочайше утвержденные правила о дозволении киргизам кочевков на землях Алтайского Горного округа»¹⁴. Согласно этому документу казахам разрешалось кочевать только на землях Кулундинской степи. Пребывание казахов на этой территории было жестко регламентировано. Таким образом, была создана основа для создания специальной резервации для скотоводов-казахов.

Ввиду специфичности и важности обставленных правил, мы решили остановиться на наиболее важных и существенных моментах данного документа. Иначе трудно будет понять колониальную сущность царизма не только на землях Алтайского горного округа, но и на остальной территории Томской, а также сопредельной с ней Тобольской губернии.

«1) Киргизам, кочующим в пределах Алтая, в местностях, прилегающих к заводам около заводских боров и селений, дозволяется пребывание на одной Кулундинской степи...». На внутреннюю сторону в виде исключения была допущена только небольшая часть казахов Косайдар-Кипчакской волости, кочующих около озера Топольного по правую сторону речки Бурлы, и казахи аульного старшины Безпакова с его аулом в числе 270 душ, кочевавших по Бийской линии, которых вследствие обнаруженной ими склонности к оседлой жизни Кабинет признал возможным оставить на занимаемых ими местах за особую плату (по 40 коп. за десятину в год). Но «если к таковому оставлению не будет законных препятствий со стороны крестьян»¹⁵.

Это означало, что царские власти попытались согнать всех казахов, кочующих на обширной территории Алтайского горного округа, Томской и Тобольской губерний в специально отмежеванный для них район, несколько напоминающий индейские резервации в США, расположенные, как правило, в малоплодородных

¹³ Там же. Л. 3 об.

¹⁴ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 55. Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. СПб., 1884. С. 653.

¹⁵ Там же.

районах страны [2, с. 20]. Кстати, и территория Кулундинской степи также по большому счету была не приспособлена для занятия земледельческим трудом, о чем поведали сами землеустроители¹⁶.

Но, забегаая немного вперед, хотелось бы отметить, что задачу «собирания» всех казахов региона в одну Кулундинскую степь царизму выполнить не удалось¹⁷.

Что же касается судьбы двух групп казахов, которым было разрешено проживать вне Кулундинской степи, она в какой-то мере оказалась в зависимости от крестьян-переселенцев из европейской части России. К концу XIX в., когда поток крестьян-переселенцев усилился, наметилась тенденция насильственного вытеснения казахов из районов проживания переселенческого крестьянского населения¹⁸.

В документе отмечалось: «2) Оставление киргизов на Кулундинской степи имеет временный характер, если дальнейшее оставление там киргизов Кабинет его Величества признает неудобным, то он сообщает генерал губернатору Западной Сибири о принятии соответствующих мер к постепенному и спокойному переводению кочевников в степную область. Срок для этого передвижения назначается по взаимному соглашению Кабинета с генерал-губернатором, смотря по числу предстоящих к выселению кибиток и по удобствам размещения их в ближайших степях»¹⁹.

Из данного пункта правил нетрудно усмотреть серьезную угрозу, которая нависла над казахскими хозяйствами. Они в любое время могли попасть под выселение. В таких условиях у казахов пропадало желание строить прочные дома, заниматься земледелием, строить мельницы, мечети. Поэтому здесь будет уместно привести слова упомянутого уже Н.В. Алексеенко: «...из многочисленного фактического материала видно, что, несмотря на различные оттенки в политике разных ведомств – Сибирского казачьего войска, Алтайского горного округа, Западносибирского генерал-губернаторства – общее ее направление... было одинаково реакционным, эксплуататорским, национально-угнетательным» [1, с. 20]. С выводами известного исследователя трудно не согласиться.

¹⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 3330. Л. 15.

¹⁷ Там же. Д. 12. Л. 156, 157.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2778. Л. 4.

¹⁹ ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 55. С. 654–655.

«4) За право пользования Кулундинской степью киргизы облагаются в пользу заводов трехрублевым сбором с кибитки, независимо от такого сбора в пользу государственного казначейства. Из общей суммы сего сбора (6 рублей) 4 рубля 50 копеек поступают в пользу Кабинета, а остальные 1 рубль 50 копеек – в пользу казначейства»²⁰.

Отсюда нетрудно заметить, что по сравнению со степными казахами кулундинские были вынуждены платить вдвое больше государственных податей, что не могло не усугубить и до этого нелегкое их материальное положение.

«5) На отведенном участке предоставляются киргизам возможность заниматься скотоводством, хлебопашеством и другими отраслями сельской промышленности, без права передавать поземельные угодья в аренду лицам, не принадлежащим их обществу»²¹. Из данного положения можно усмотреть две важные цели, которые преследовал царизм: во-первых, ограничить доступ на эту территорию как казахского степного населения, так и крестьянского. Во-вторых, авторы документа постарались исключить возможность субаренды со стороны богатых скотовладельцев, которые могли от имени своих обществ сдавать отдельные участки другим арендаторам, получая доход. Кстати, подобную практику можно было увидеть и на примере степной части Казахстана.

Кроме того, «те из киргизов, которые обратятся в земледельцев и образуют из себя оседлые общества, облагаются оброком наравне с бывшими приписными крестьянами – по 6 рублей с души»²². Здесь следует заметить, что казахи не хотели перехода в оседлое состояние. Во-первых, они противились рекрутству, во-вторых, опасались обращения в христианскую веру. К тому же и богатые скотовладельцы препятствовали переходу соплеменников в оседлое состояние. И тем не менее именно здесь намного раньше, чем в степных казахских волостях, складывались условия для последующего перевода казахов в сословие государственных крестьян.

«6) Киргизы могут пользоваться горнозаводским лесом, но не иначе, как по указам и под надзором местного начальства, в количестве, необходимом в их быту и с платою за строевой и свеже-

²⁰ Там же. С. 654.

²¹ Там же.

²² Там же.

растущий дровяной лес попенных и посаженных денег, а за валежник и прочее – четвертой части установленной платы. Кочевка в лесах запрещается»²³.

Как известно, лес мог служить и служил кочевникам идеальным местом укрытия от пурги и буранов [3, с. 15]. Поэтому игнорирование царизмом особенностей скотоводческого хозяйства, когда лес был одним из неотъемлемых атрибутов скотоводческой культуры, конечно же, усугублял и без того шаткое положение казахов в Кулундинской степи и несколько подрывал основы их хозяйства.

Кстати, заметим, что непринятие казахами этих правил могло повлечь за собой их немедленное выселение [2, с. 345]. Следовательно, за ними не оставили никакого выбора. В то же время они могли подвергнуться высылке как за нарушение установленных правил, так и в случае одностороннего решения горного правления о выселении казахов ввиду признания «невозможным дальнейшего оставления таких кочевников на занимаемом ими участке».

Внутренний порядок управления у кулундинских казахов, а также административное устройство и судебный процесс регламентировались Положением об управлении степными областями²⁴. Получался некоторый казус: люди жили на территории одной административно-территориальной единицы, а подчинялись и платили часть налогов в другой.

Решение основной части проблем, возникающих у казахов или же в отношении их, находилось в юрисдикции генерал-губернатора Западной Сибири. «Окончательное же разрешение сих дел в тех случаях, когда они не подходят под установленные правила, должно последовать по предварительному соглашению с Кабинетом его Величества» [5, с. 654].

Таким образом, политика постоянных выселений казахов на протяжении 50–70-х гг. XIX в. с земель Горного правления, Тобольской и Томской губерний сменилась в 1880 г. политикой временного разрешения им пребывать лишь в Кулундинской степи за шестирублевую плату в пользу Кабинета и государственного казначейства. Согласно порядку их пребывания на этой территории, степняки были обложены целым рядом бюрократических предпри-

²³ Там же.

²⁴ Там же.

саний, за непринятие или нарушение которых они могли быть подвергнуты немедленной высылке. Правовая незащищенность казахов на этой территории была выражена и в том, что их можно было выселить и в случае принятия Горным правлением одностороннего решения, продиктованного ведомственными и государственными интересами. Кулундинские казахи в 1880 г., так же как и верноподданные или станичные казахи в конце XVIII – первой половине XIX в., снова остались без своего Управления. После распада Российской империи кулундинские казахи оказались на территории Российской Федерации.

Список литературы

1. *Алексеевко Н.В.* Русские и казахи Верхнего Прииртышья в XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1967. 49 с.
2. *Всемирная история. Национально-освободительные войны XIX века.* Минск; М.: Харвест-Аст, 2000. 560 с.
3. *Герн В.К.* Характер и нравы казахов (этнографические заметки) / коммент., предисл. и ред. Ж.О. Артыкбаева. Караганда, 1995. 39 с.

УДК 33:94(571)

С.К. Канн

РОЛЬ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОЙ КОМИССИИ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ КОМИТЕТА СИБИРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ

Рассматривается механизм подготовки и принятия решений Комитета Сибирской железной дороги, а также роль Подготовительной комиссии в развитии системы вспомогательных предприятий и продвижении вопросов изучения и освоения Сибири в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали, вспомогательные предприятия, Комитет Сибирской железной дороги, Подготовительная комиссия.

Управленческая деятельность Комитета Сибирской железной дороги (КСЖД) носила разносторонний характер. Его главные усилия сосредоточились на развитии водных путей сообщения, мероприятиях по подъему местной промышленности и

организации переселений из Европейской России. Весь этот комплекс мер, тесно связанных между собой и направленных на облегчение постройки и «скорейшее достижение более благоприятных финансовых результатов эксплуатации» [1, с. 232], получил название «вспомогательных предприятий» магистрали. По словам Л.Б. Ус, «именно вспомогательные предприятия, связанные с постройкой Сибирской железной дороги, позволили мобилизовать ресурсы для реализации политики хозяйственного освоения Сибири» [6, с. 39]. Программа вспомогательных предприятий (ВП) всегда считалась приоритетом в деятельности КСЖД.

В практическом плане организацией данной программы ведала Подготовительная комиссия (ПК), сформированная на основе 13-й статьи «Положения о Комитете Сибирской железной дороги», где предусматривалось создание подкомиссий «для подробного изучения того или другого предмета»¹. Несмотря на крайне важное значение в общем механизме функционирования КСЖД, официальный обзор деятельности Комитета посвятил ПК всего несколько строк [5, с. 133], стараясь не акцентировать внимания на чрезвычайно высокой централизации подготовки проекта.

Комиссия появилась весной 1893 г. в связи с обсуждением ряда мер по устройству переселенцев в Сибири. Острота межведомственных противоречий вынудила руководителей Комитета (Н.Х. Бунге, А.Н. Куломзина, С.Ю. Витте) обратиться к процедуре согласования интересов ведомств госимуществ, внутренних дел и финансов. С подачи наследника цесаревича [2, с. 27] эту функцию возложили на Подготовительную комиссию во главе с Куломзиным (высочайше утверждено 4 марта 1893 г.)².

Уже в самом первом заседании комиссии 19 марта 1893 г. говорилось, что в качестве ближайшей задачи «предстоит прежде всего выработать начала, которые должны быть даны в руководство по устройству участков для переселенцев. В связи с этим надлежит установить и самый порядок водворения последних на местах их нового жительства»³. Подготовленные заключения ПК «предъявлялись» подлежащим министрам для зависящих распоря-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1. Л. 109.

² Материалы Комитета Сибирской железной дороги (МКСЖД) / экз. И.П. Шипова; хранится в Российской государственной библиотеке (шифр: А306-1). 1893. Т. 1. Л. 199–204 об.

³ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 33. Л. 2 об.

жений и исполнения. Так, например, после заседания 24 мая 1893 г. министру внутренних дел были предъявлены заключения ПК по вопросам устройства переселенцев в Южно-Уссурийском крае⁴.

В конце 1893 г. по предложению Витте на комиссию возложили еще одну функцию – распределение кредитов между отдельными ведомствами и составление общей сметы расходов из фонда вспомогательных предприятий (ФВП). Распоряжение кредитом и отпуск отдельных ассигнований осуществлялись на точном основании закона (ст. 8 «Положения о КСЖД») по высочайше утвержденным положениям КСЖД. Полномочия комиссии по согласованию условного отпуска средств закрепило высочайшее соизволение 27 октября 1893 г.⁵

Первое заседание, посвященное проектированию сметы на 1894 г., состоялось 13 ноября 1893 г. Приступив к определению «руководящих оснований своей деятельности», комиссия отметила, что ее заключения по проекту сметы «не могут иметь значения окончательных», так как обязанность делать необходимые представления в КСЖД лежит на самих ведомствах. Но подробное обсуждение по каждому расходу позволяет предварительно выяснить: «а) подлежат ли те или иные предвидимые издержки отнесению на счет фонда вспомогательных предприятий, и б) в случае наличия достаточных к тому данных оправдывается ли размер таковых издержек существом потребности, которой они имеют целью удовлетворить». Отдельно подчеркивалось, что «обстоятельное рассмотрение намеченных вопросов, не предreshая окончательного разрешения оных и не связывая ни в чем отдельные ведомства, может представить главным образом то значение, что настоящее дело поступит на благоусмотрение Комитета Сибирской железной дороги до некоторой степени разработанным, чем в известной мере была бы облегчена задача, предстоящая этому высшему учреждению»⁶. Этой формуле ПК следовала вплоть до самого роспуска КСЖД в 1905 г.⁷

Осенью 1893 г. впервые прозвучали предупреждения и о необходимости соблюдения крайней осмотрительности при исчислении кредитов на вспомогательные предприятия, так как «с

⁴ Там же. Л. 28 об.

⁵ МКСЖД. 1893. Т. 3. Л. 8–8 об., 241–241 об., 248–248 об.

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 33. Л. 34.

⁷ МКСЖД. 1904. Т. 27. Л. 1684 об.

завершением дороги не только не прекратится, но, по всей вероятности, усилится потребность в заселении района оной, в изучении прилегающих к ней местностей, в содействии промышленному развитию последних и в других подобных предприятиях»⁸.

По воспоминаниям Куломзина, в тот момент Сибирь представлялась ему огромным чистым листом («*tabula rasa*»), где можно было легко «разбросаться и не достигнуть никаких целей». Поэтому в деятельности ПК он старался утвердить два главных принципа: 1) осторожность в удовлетворении «лишь ясно обозначившихся потребностей» и 2) получение от ведомств ко времени составления смет возможно полной информации о том, что сделано по каждому вопросу. «Таким образом, – заключал Куломзин, – идя из года в год вперед, вполне сознательно Комиссия могла принять на себя перед Сибирским Комитетом ручательство в целесообразности предлагаемых ею мер и затрат»⁹.

После личных поездок Куломзина по Сибири в 1896–1897 гг. функции ПК по проектированию сметы расходов приобрели практическое основание. Осенью 1896 г. («Журнал ПК № 37», заседания 1–19 ноября)¹⁰ отмечалось «некоторое изменение характера предстоящей работы». В прежние годы из-за неполноты данных, поступавших из Сибири, существовала двухступенчатая схема подготовки сметы. На первом этапе кредиты проектировались условно, а ПК «ограничивалась оценкой степени настоятельности предположенных мероприятий по существу и выяснением возможности отнесения вызываемых ими расходов на счет фонда вспомогательных предприятий»¹¹. Затем в КСЖД поступали «мотивированные ходатайства» ведомств, опиравшиеся на отчеты, присланные из Сибири. Эти представления содержали обоснование размера будущих затрат и вновь подвергались детальному обсуждению в ПК.

Сложившийся порядок финансирования тормозил осуществление мероприятий КСЖД. Куломзин стремился ускорить принятие финансовых решений. При подготовке сметы 1897 г. ПК аккумулировала широкий свод разных данных, включая подроб-

⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 33. Л. 34 об.

⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 178. М. 9803. Д. 7. Л. 17–17 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 33. Л. 285–331.

¹¹ Там же. Л. 286.

ные записки сибирских властей. Явилась возможность «не только войти в рассмотрение целесообразности и необходимости отдельных испрашиваемых кредитов, но и всесторонне обсудить степень соответствия размера их действительной потребности, проверяя основания, по коим предположенные расходы исчислены». Сметы формировались без двойных обсуждений и «затребования каких-либо дополнительных сведений», а кредиты выделялись сразу к немедленному расходованию. Ведомства могли «удовлетворять предвиденные потребности уже при самом их возникновении»¹².

Впрочем, ключевая проблема, все более рельефно выступавшая в процессе реализации ВП, заключалась в прогрессирующем истощении денежного фонда, назначенного на покрытие расходов. За время существования КСЖД размер ФВП увеличивался несколько раз, фиксируясь на все более высоких уровнях. Возможность оперативного управления кредитами и гибкого расходования средств лишь усугубляла ситуацию. Первоначальный размер ФВП в 14 млн руб., определенный при учреждении КСЖД в 1892 г., за четыре года потерял 11 957 327 р. 80 к. [3, с. 19]. Невозвращение остатков от предыдущих сметных назначений приняло хронический характер, хотя закон требовал возвращать все неизрасходованные средства обратно в ФВП. К началу 1896 г. задолженность ведомств составляла 792 675 руб.¹³ Еще 326 136 р. 30 к. позаимствовал Витте на изучение золотопромышленности, каковую сумму он обещал восстановить из общих ресурсов казначейства, но свое обещание не сдержал¹⁴. Положением КСЖД (высочайше утверждено 12 апреля 1897 г.) размер ФВП увеличили до 21,9 млн руб., однако уже осенью констатировали, что свободные средства фонда составляют лишь 9 934 148 р. 70 к., тогда как по 50 отдельным запискам ведомств, поступившим в ПК, на 1898 г. испрашивалось 6 349 318 р. 84 к.

Регулярные заявления ПК о желании «относиться крайне осмотрительно к ассигнованию испрашиваемых кредитов и сообщать им, по возможности, с размерами средств, которыми фонд располагает» («Журнал ПК № 46», заседания 7–21 ноября

¹² Там же. Л. 286 об.

¹³ Там же. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 136. Л. 25.

¹⁴ МКСЖД. 1894. Т. 5. Л. 286 об.; ОР РГБ. Ф. 178. М. 9803. Д 7. Л 54–54 об.

1897 г.)¹⁵ на практике носили символический характер. С 1897 г. ежегодные расходы на ВП, вносимые в Государственную роспись, уже не опускались ниже 3 млн руб. (см. табл. 1).

Таблица 1

Ежегодный размер чрезвычайных расходов на вспомогательные предприятия Сибирской железной дороги, внесенных в Государственную роспись*

Год	Внесено в роспись (руб.)
1894	1 384 875
1895	2 160 309
1896	2 485 410
1897	3 280 652
1898	3 718 363
1899	3 706 256
1900	3 418 524
1901	3 078 131
1902	3 274 851
1903	3 418 740
Итого за 1894–1903 гг.	29 926 111
1904 (проект)	4 412 114

* Составлено по: Всеподданнейшие доклады министра финансов о государственной росписи доходов и расходов. СПб., 1893–1903; Материалы КСЖД (1893–1904).

Комиссия все чаще начала проявлять стремление к экономии. Так, при определении суммы расходов на Байкальскую гидрографическую экспедицию 1898 г. обсуждались идеи об экономии «прогонных» денег шести нижних чинов на сумму 75 р. 6 к. в случае их доставки в Иркутск не на лошадях, а рабочими поездами. Также предлагалось уменьшить затраты на «морскую провизию» – с 40 $\frac{2}{3}$ до 37 $\frac{1}{2}$ коп. в день на человека¹⁶. Только энергичные протесты подполковника Ф.К. Дриженко, указавшего на дорого-

¹⁵ РГИА. Ф. 560. Оп. 27. Д. 33. Л. 401.

¹⁶ Там же. Л. 404.

визну и невозможность покупки «жизненных продуктов» по местным ценам, не позволили этим «сбережениям» проникнуть в проект сметы, но тенденция была слишком очевидной.

Осенние заседания комиссии 1897 г. отличались особой насыщенностью, а сам журнал № 46 с проектом сметы расходов на 1898 г. объемом в 120 страниц подписали 28 человек¹⁷. КСЖД утвердил смету в заседании 10 декабря 1897 г., однако весьма формально, так как повестка включала огромный список из 59 вопросов. С этого дня в эволюции КСЖД обозначился новый рубеж, начиная с которого ПК фактически стала инициатором и проводником всех решений, касавшихся вспомогательных предприятий Сибирской железной дороги. Централизация подготовки и утверждения этих решений, а затем надзора за их исполнением достигли максимальных значений. Вся «бумажная подготовка» проектов шла в канцеляриях, а высшие сановники, по меткому замечанию А.А. Половцова, собирались лишь для «завершения в высших инстанциях канцелярского производства текущих дел» [4, с. 122].

Список литературы

1. О вспомогательных предприятиях, с постройкой Сибирской железной дороги связанных // *Vitte С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. М.: Наука, 2004. Т. 1. Кн. 2, ч. 1. С. 230–241.
2. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893 г. СПб.: Гос. тип., 1894. 59 с.
3. Отчет по Комитету Сибирской железной дороги за 1893–1897 гг. СПб.: Гос. тип., 1897. 86 с.
4. *Половцов А.А.* Из дневника // Красный архив. 1931. Т. 3(46). С. 110–132.
5. *Саблер С.В., Сосновский И.В.* Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем. СПб.: Гос. тип., 1903. 475 с.
6. *Ус Л.Б.* «Вспомогательные предприятия» Комитета Сибирской железной дороги // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 2. С. 36–39.

¹⁷ Там же. Л. 458–458 об.

УДК 93/94

М.В. Рыгалова

**ИСТОЧНИКИ ПО ИЗУЧЕНИЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ АЛТАЙСКОГО ОКРУГА
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

Социально-экономическое направление в исторических исследованиях не теряет своей актуальности, а в контексте изучения локальной истории приобретает новые тенденции, связанные с подробным исследованием целого комплекса аспектов развития общества, находящихся в непосредственной взаимосвязи.

Ключевые слова: историография, социально-экономическая история, локальная история.

Устоявшейся тенденцией в развитии исторической науки сегодня является изучение отдельных аспектов развития, таких как социально-экономические, демографические, культурные и другие. Кроме того, в настоящее время большой интерес вызывает изучение истории на микроуровне, изучение развития малых территорий, выявление их особенностей [6, с. 29]. Исследования локальной истории выявляют региональную специфику как часть общеисторической мозаики. Особенно это актуально для обширной территории России, где каждый из регионов обладает своей спецификой, отличается временем и способом освоения и заселения.

Алтайский округ имел свой, отличный от других территорий, процесс изменения и развития административно-территориального деления. С 1747 г. Алтайский (горный) округ являлся собственностью российских самодержцев [7, с. 169], территория отличалась с точки зрения управления, что значительно влияло на административно-территориальные преобразования. В рассматриваемый хронологический период в состав Алтайского округа Кабинета ЕИВ входило первоначально три округа: Барнаульский, Бийский и Кузнецкий; затем, в результате разделения Бийского, выделяется Змеиногорский округ (1894 г.)¹. Часть южных волостей Томского округа также входила в состав Алтайского

¹ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1501. Л. 25.

округа². Округа, а затем (после переименования) уезды делились на более мелкие административные единицы – волости, введенные в 1797 г.

По данным списков населенных мест Томской губернии, в 1878–1882 гг. в Барнаульском округе насчитывалось 20 волостей, в их составе – 696 населенных пунктов. В среднем в состав волости входило 30 населенных пунктов, но были и волости с одним населенным пунктом. В составе Бийского округа в этот же период насчитывалось 20 волостей, 397 населенных пунктов и 458 заимок³. К 1893 г. появились новые волости и населенные пункты, например, к 1899 г. в Барнаульском уезде насчитывалось 742 населенных пункта⁴.

В связи с ростом территории, ее расширением и развитием представляет интерес рост социально-экономической инфраструктуры, изменения ее структуры, установление взаимосвязи с ростом населения, который был значительным в Алтайском округе во второй половине XIX – начале XX в. В период массового и официального заселения Алтайского округа требовалось создавать системы и службы, необходимые для функционирования и обеспечения условий жизнедеятельности населения.

Всю совокупность источников можно разделить на опубликованные и неопубликованные. К первой группе относятся прежде всего списки населенных мест Томской губернии, которые являются богатым информативным источником, представляющим информацию о названии, расположении населенного пункта относительно гидрообъектов, о количестве земли, закрепленной за поселением, наличии церквей, учебных, медицинских учреждений, торговых заведений и складов. Данные представлены по уездам и волостям. Издавался этот справочник Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел и Томским губернским статистическим комитетом в 1868 г. (по данным на 1859 г), 1878 г. (рукописный список), 1893, 1899 и 1911 гг. Списки населенных мест содержат большой объем информации о населенных пунктах и являются своеобразным справочником о них [5].

² Полное собрание законов Российской империи. Т. 24. № 18082.

³ Заимка – основная форма колонизации новых территорий, стадия развития поселения. Подробнее см.: [4]

⁴ См., например: Список населенных мест Томской губернии за 1893 год. Томск, 1893.

В 1928–1929 гг. в двух томах был издан Список населенных мест Сибирского края, представляющий систематизированный перечень населенных пунктов с основными данными о них⁵. Между тем источниковедческий анализ этого источника позволил выявить некоторые неточности, связанные с датами образования населенных пунктов: некоторые даты, приведенные в Списке, не подтверждаются другими источниками и, таким образом, не имеют под собой реального обоснования. Списки населенных мест являются статистическим источником, с четко структурированной информацией, позволяющей анализировать ее отдельно по каждому населенному пункту, по городам, по волости, по округу в целом.

Еще одним опубликованным источником, так же как и Списки населенных мест, выходявшим с некоторой периодичностью, является коллекция Справочных книг Томской Епархии. Книги содержат сведения о наличии церквей и церковно-приходских школ в населенных пунктах, а также данные о количестве прихожан церкви и учеников школ, сведения о священнослужителях⁶.

Справочные книги Томской Епархии выпускались типографией томского епархиального братства (1898, 1902 гг.), томским приютом и Домом трудолюбия (1911 г.) и товариществом печатни С.П. Яковлева (1914 г.) Периодичность выхода и сопоставление информации списков населенных мест Томской губернии и справочных книг Томской епархии позволяет уточнять и дополнять информацию о социально-экономическом развитии территории. Информация в справочных книгах сформирована по благочиниям и приходам.

Издание, содержащее богатые сведения – Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайской губернии Н.А. Ваганова и А.П. Ухтомского, имеющее описания населенных пунктов по принадлежности к волости и волостей, содержит в том числе данные о наличии школ, церквей, промышленных, торговых, питейных заведений [3].

Вторую группу составляют неопубликованные архивные источники, хранящиеся в фондах Государственного архива Алтайского края (ГААК). Их также можно разделить на две группы –

⁵ Список населенных мест Сибирского края: в 2 т. Новосибирск, 1928. Т. 1.

⁶ См., например: Справочная книга Томской Епархии за 1898–1899 гг. Томск, 1900.

церковного и светского происхождения. Например, клировые ведомости содержат информацию о наличии и строительстве церквей, а также учебных заведений при церквях, если таковые имелись.

Комплекс сведений по подготовке и строительству отдельных объектов содержится в фонде Строительного отделения Томского губернского управления. Фонд содержит данные о строительстве церквей, учебных заведений, лечебных учреждений (ГААК, фонд 31), представленные прошениями со стороны сельских и городских обществ, а также частных лиц об открытии заводов, магазинов, складов, погребов, школ, лечебниц, заводов, мельниц, которые направлялись в Томское губернное управление. Сведения об организации библиотек, народных домов, школ, промышленных заведений содержатся в фондах уездной земской управы (ГААК, фонды 223–227, 239). Отдельно информацию по инфраструктуре в городах можно почерпнуть из фондов городских дум и управ (Барнаульской, Бийской) о торговых, промышленных, кустарных предприятиях, школах и училищах (ГААК, фонды 51, 219, 475, 174). Фонды управляющих имениями Алтайского округа (ГААК, фонды 127, 146–148, 153, 155) содержат прошения частных лиц и переписку об открытии питейных заведений в населенных пунктах, выделение материалов и финансирования на строительство учебных, лечебных заведений, а также церквей.

Отдельным источником в изучении инфраструктуры могут стать рекламные объявления в местных газетах и журналах. Рекламные объявления как исторический источник относительно недавно стали объектом внимания историков, но уже представляют значительный интерес. И если первоначально реклама интересовала исследователей с точки зрения иллюстративного содержания, то теперь внимание уделяется ее информационной составляющей [1]. Рекламные объявления содержат в себе информацию о социально-экономическом и культурном развитии [2]. Богатым источником по изучению социально-экономического развития Алтайского округа конца XIX – начала XX в. является газета «Жизнь Алтая», издававшаяся в 1911–1918 гг. в Барнауле. Первая и последняя страницы газеты наполнены объявлениями, которые косвенно позволяют установить, какие учреждения и заведения работали в городе в начале XX в. в Барнауле, а также их адреса, указанные в объявлении. Так, по объявлениям можно проследить прежде всего торговые и развлекательные объекты

(народные дома, магазины, питейные заведения и др.), предлагающие свои услуги.

Таким образом, обзор источников по изучению социально-экономической инфраструктуры Алтайского округа во второй половине XIX – начале XX в. позволяет отметить разнородность источников, их состава и структуры. Отсюда – возможность различных подходов к изучению данной темы, выделение основных и вспомогательных источников. А именно: списки населенных мест Томской губернии – источник, который целесообразно положить в основу изучения социально-экономического развития территории Алтайского округа, поскольку однородность его структуры и типичность информации позволят использовать статистические методы, метод баз данных, пространственно-географический анализ в рамках изучения темы. Описательная информация опубликованных и архивных источников позволит дополнить данные по населенным пунктам, а также обосновать сделанные аналитические выводы.

Список литературы

1. *Арышева Г.А.* Газетная реклама как исторический источник (по материалам томских газет второй половины XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятые науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина: сб. науч. тр. / под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул: Аз Бука, 2005. С. 53–54.
2. *Галанин С.Ф.* Газетная реклама как исторический источник: по материалам казанских газет второй половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1999. 322 с.
3. *Ваганов Н.А.* Хозяйственно-статистическое описание волостей Алтайского округа. СПб., 1886. Ч. 1–4. 317 с.
4. *Мамсик Т.С.* Сибирская крестьянская заимка в пореформенный период // Земледельческое и промысловое освоение Сибири. XVII – начало XX в. Новосибирск, 1985. С. 58–76.
5. *Рыгалова М.В.* Административно-территориальное деление Алтайского (горного) округа во второй половине XIX – начале XX в. // Алтайский архивист. 2012. № 1. С. 350–355.
6. *Соколова Е.В.* Новая локальная история и изучение культурного пространства малых городов Омского Прииртышья в советскую эпоху // Омский научный вестник. 2007. № 5. С. 28–31.
7. Энциклопедия Алтайского края. Барнаул, 1995. Т. 1. 369 с.

УДК 94(571)"1904/05"

О.С. Норполова

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируется значение Забайкальской железной дороги в Русско-японской войне. Дается характеристика некоторых аспектов, касающихся строительства Забайкальской железной дороги, оценена пропускная способность, приведены объемы грузовых перевозок.

Ключевые слова: Забайкальская железная дорога, Русско-японская война, перевозки, строительство, мобилизация, эшелоны, Сибирская магистраль, Байкальская переправа.

Актуальность статьи заключается прежде всего в слабой изученности данной темы. Для обеспечения и транспортировки российских войск на Дальнем Востоке в 1904–1905 гг. Забайкальская железная дорога сыграла огромную роль. Благодаря самоотверженной работе железнодорожников в годы войны удалось связать экономические районы тыла с отдаленным фронтом. Целью работы является изучение некоторых аспектов, касающихся пропускной способности, грузовых перевозок и подвижного состава Забайкальской железной дороги. Забайкальская железная дорога – это главная артерия всей Сибири, это связь с центральной Россией, а также основной способ перевозки пассажиров и грузов. С ее помощью развивается весь Дальний Восток и вся Россия. Именно Дальний Восток и стал камнем преткновения в разгорании военных действий между Японией и Российской империей, что потребовало максимального использования железной дороги для решения стратегических задач [1, с. 507].

27 января 1904 г. началась Русско-японская война, превратившая Забайкалье в ближайший тыл миллионной армии русского государства. В начальный период никому не было известно ни об исходе войны, ни о продолжительности, ни об объеме необходимых перевозок. Пришлось разработать и вводить графики движения поездов, требовались массовые перевозки войск и развитие пропускной способности дороги. Для реализации этой задачи начальник управления по постройке железной дороги А. Пу-

шечников потребовал увеличения пропускной способности с 7 пар до 15 пар в сутки. Для этого строились восемь новых разъездов от Иркутска до Забайкальска¹.

Перевозка воинских грузов велась по двум направлениям: первое – по Кругобайкальской железной дороге, другое – передавалось через Байкал, летом на ледоколах, пароходах и баржах, зимой при помощи гужевой переправы.

В зиму 1904 г. пришлось предпринять крайнюю меру – перевозка осуществлялась через Байкал по железной дороге, уставленной по льду озера, но лед не всегда выдерживал тяжесть паровозов, поэтому их перевозили конной тягой в разобранном виде и вновь собирали на восточном берегу Байкала. Таким способом было передано на Забайкальскую железную дорогу 65 паровозов, 25 пассажирских вагонов и 2300 воинских, приспособленных из товарных вагонов². По железной дороге передавались не только военные перевозки и грузы, но также и военно-санитарные поезда.

В марте 1904 г. для достижения вышеизложенного было предложено обратить самое строгое внимание на надлежащую и более комплексную погрузку воинских поездов, преследуя одну цель – занимать как можно меньшее количество единиц подвижного состава, не выходя погрузкой из предельного его очертания (габарита) и подъемной силы вагонов и платформ. Очень тяжело и напряженно проходили перевозки во время войны. Они требовали самоотверженного многосменного труда непосредственно на рабочем месте – в депо, мастерских, путевых бригадах, на паровозе. Тяготы железнодорожников усугублялись тяжелыми природными условиями: вода размывала и уносила жилые постройки, зима порой выселяла из домов. Материальное и техническое обеспечение сильно подводило, не хватало продовольствия, так как многие средства приходилось доставлять из глубины страны. Именно железнодорожники играли важную связующую роль в подвозе боеприпасов и бойцов на фронт, водили они также санитарные поезда с ранеными. За самоотверженный труд людей на

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 206. Оп. 1. Д. 11. Л. 30.

² Там же. Л. 46.

железной дороге Император передавал высшим и низшим служащим Забайкальской переправы монаршее благословение³.

В период с 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. по всей подведомственной МПС железнодорожной сети пострадало при различного рода происшествиях с воинскими поездами 96 нижних чинов, в том числе шестеро убито и 90 человек ранено и ушиблено. Из офицеров в данный период никто не пострадал⁴.

Что касается специальных военных отрядов охраны железной дороги, то им дорога бесплатно перевозила необходимые продукты для довольствия войск охраны пути. Перевозка для довольствия войск охраны допускалась всеми поездами, кроме скорых и почтовых, причем выгрузку продуктов надлежало производить только в местах остановки поезда; выгрузка продуктов на ходу поезда строго воспрещалась. Офицеры охраны пользовались бесплатными проездными, для чего управление дороги снабжало их временными именными билетами⁵.

Военным отрядам поступало также оружие, хотя не только им полагалось иметь таковое. Всем дорожным мастерам, артельным старостам, путевым, переездным, ночным, мостовым, тоннельным и обвальным сторожам выдавали винтовки и револьверы.

1 марта 1904 г. вышел приказ начальника Забайкальской дороги, по которому при перевозках воинских частей надлежало обратить самое строгое внимание на точное исполнение своих обязанностей каждому служащему железной дороги. Несоответствие служебным обязанностям полагалось устранять путем смещения на низшие должности: нетрезвость и неисполнение агентами своих обязанностей наказывались вплоть до увольнения включительно.

Коменданты, получив извещение об увольнении, исключали увольняемого из учета и посылали увольнительный билет воинскому начальнику для назначения уволенного в войска и уведомляли об этом заведующего передвижением войск⁶.

Для быстрейшей доставки вооружения, продовольствия, медикаментов и воинских частей формировали специальные по-

³ Там же. Д. 12. Л. 79.

⁴ Там же. Л. 50.

⁵ Там же. Оп. 6. Д. 11. Л. 139.

⁶ Там же. Л. 243.

езда, которые следовали по расписанию экспрессов. Для их прохождения задерживались на станциях и другие, даже нужные фронту составы. Министр путей сообщения князь М.И. Хилков 12 июня 1904 г. в приказе № 157 сообщил о высочайшем мнении Николая II: «Считаю делом отметить, что в перевозке войск на Дальний Восток Забайкальская железная дорога с полным успехом выполнила и выполняет все требования предъявляемых к ней требований. Прошу всем передать служащим Забайкальской дороги мою искреннюю признательность за энергичную и плодотворную деятельность»⁷.

Итак, за время войны дороге удалось перевезти около 2 млн военнослужащих с артиллерией, обозами и другими воинскими грузами. Вследствие недостаточной пропускной способности устанавливались четкие графики для перевозки воинского эшелона. Сокращались поставки грузов первой необходимости. Затруднительное положение Забайкальской железной дороги во время Русско-японской войны является одной из главных причин поражения Российской империи. Но в этот период дорога достигла больших изменений: постройки дороги вокруг Байкала, увеличения параллельных путей и пропускной способности.

Список литературы

1. *Мышлаевский А.З.* Военные действия в Китае 1900–1901 гг. СПб., 1904. Ч. I.

⁷ Там же. Л. 281.

УДК 950

Н.Г. Суворова

**Н.А. СБОРОВСКИЙ КАК КОЛОНИЗАЦИОННЫЙ ЭКСПЕРТ
ИМПЕРИИ И СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Н.А. Сборовский – яркий представитель группы колониционных экспертов, которую объединяет участие в разработке и реализации проектов по заселению и освоению Сибири позднеимперского и раннесоветского периодов. Личный фонд Н.А. Сборовского содержит уникальные документы по истории колониционного дела России: научно-исследовательские проекты, материалы их обсуждения и подготовки, учебно-методические материалы кафедры переселения и колонизации.

Ключевые слова: Сборовский, колониционный эксперт, кафедра переселения и колонизации.

О профессоре Омского института сельского хозяйства и лесоводства Николае Александровиче Сборовском, его семье, плодотворной научной и организационной деятельности писали омские краеведы и, прежде всего, историки Сибирской сельскохозяйственной академии (Сibaки) [1; 2; 5]. Участие Н.А. Сборовского в колониционном деле представлено в кратком, но весьма содержательном обзоре О.А. Милищенко [4].

Ценность упомянутых исследований связана с привлечением автобиографических записок Н.А. Сборовского, в которых сам автор последовательно освещал свою трудовую биографию. Характер источниковой базы определил и жанр данных исследований – биографический очерк в рамках истории института. Уникальность Н.А. Сборовского как исследователя и организатора науки в Сибири несомненна, но, очевидно, что возможны и необходимы более широкие контексты для понимания его роли в разработке и реализации колониционных программ государства. Кроме того, персональная история Сборовского, его карьерная биография нуждаются в сопоставлении, выявлении типичных черт как представителя группы «колониционных экспертов», советской аграрной интеллигенции, поколения «социальных катаклизмов». Единственное упоминание Н.А. Сборовского как типичного представителя экспертной группы по колониционным

вопросам представлено в работе итальянского историка А. Массеро [3, с. 340–365].

Возможности таких научных изысканий предоставляет личный архив профессора Н.А. Сборовского, крайне редко используемый историками, даже изучающих историю Омского сельскохозяйственного института. Фонд Н.А. Сборовского содержит материалы не только личного происхождения (переписку, фотографии, черновые материалы рукописей, научные труды), но и уникальную подборку экспедиционных, картографических, статистических, учебных, методических и финансовых документов, освещающих колонизационные программы и мероприятия на протяжении первой половины XX в.¹

Состав фонда объясняется включенностью автора в эти процессы, его ролью организатора, руководителя и активного участника важнейших научных и учебных площадок по подготовке переселенческих кадров, шире, «специалистов колонизации» – кафедр экономики переселения, организации и техники заселения, переселения и колонизации при землеустроительном факультете СиБИСХЛ, курсов колонизационно-переселенческой организации, музея переселения при Сибирском институте организации территории. Анализ документов позволяет сопоставлять колонизационные программы довоенного периода и раннесоветского, выявлять расхождения и сходства на уровне идей и лексики. Фонд содержит также ряд опубликованных и неопубликованных исследований Н.А. Сборовского, практически не упоминаемых в современных работах по переселению, в которых представлены аналитические материалы по переселенческой политике, оценке эффективности колонизационных практик, проекты колонизации Сибири на перспективу – до 1940-х гг.

Работы Н.А. Сборовского (перечисленные в списке рукописей и представленные в фонде: «Экономика переселения»; «Движение переселенцев и ходов по Сибирской дороге в 1927–1931 г.»; «Размеры переселенческого потока с 1901 по 1931 г.»; «Эффективность хозяйственной деятельности переселения 1925–1928 гг.»; «Характеристика хозяйств самовольных переселенцев и переселенцев плановых»; «Подготовка кадров для крупных работ по переселению в Омском сельскохозяйственном институте»; «Колонизация Сибири и переселение» (1926 г.); а также опублико-

¹ ГИАОО. Ф. 2668.

ванные [6; 7] позволяют существенно дополнить историографическую картину 1920-х гг., переселенческого и, шире, колонизационного вопроса, в основном представленную изданиями Госколониата. Черновые рукописные документы наглядно демонстрируют, как экспедиционные довоенные материалы даже не вписывались, а прилагались к советским проектам, не нарушая новых принципов советской плановой колонизации. Постоянно присутствующий в документах сравнительный контекст советской колонизации и переселенческого дела «старорежимной власти» позволяет говорить не только о преемственности позднеимперских и ранне-советских колонизационных проектов Азиатской России, но также скорректировать представления о содержательных элементах имперских (условно официальных) программ.

Колонизационные эксперты как группа формируются в условиях массового переселенческого движения, в рамках научно-исследовательской и практической (от аграрной до административной) деятельности переселенческих структур Российской империи. Образование (уровень и качество), стиль поведения, этические и частично общественно-политические ценности объединяли людей различных статусов (чиновники, ученые, общественно-политические деятели) в рамках общего «живого переселенческого дела».

В своей «советской» автобиографии Н.А. Сборовский, ломая представления о сословном прошлом и классовом настоящем, отмечал, что происходит из семьи потомственных русских интеллигентов. Духовное звание деда, чиновная карьера отца (в горном ведомстве дослужился до действительного статского советника) последовательно сочетались с преподавательской и научной работой. Уже А.А. Сборовский – отец Николая Александровича – сотрудничает с ИРГО, составляя материалы для изучения горного дела в степных областях Западной Сибири [1]. По стопам отца Н.А. Сборовский поступает в Горный институт, а после вместе с отцом приезжает в Омск, где принимает активное участие в научно-исследовательской и общественно-политической жизни.

С началом массового переселения административный столичный статус Омска подкрепляется ролью координационного, научно-исследовательского, образовательного и экспедиционного центра колонизации азиатских окраин. Город чиновников и военных, обывателей наполняется новой, общественно и политически

активной публикой. При этом именно «переселенческие площадки» в виде учреждений государственной и общественной помощи крестьянам-переселенцам, сельскохозяйственных и лесных складов, исследовательских экспедиций содействовали если не объединению, то совместной деятельности чиновников разных уровней и ведомств и интеллигенции, редко местной, провинциальной, чаще ссыльной. Учитывая общественно-политические взгляды Н.А. Сборовского, его участие в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса», пропагандистскую активность, внушительный список арестов и приводов, перспективы его деятельности были практически predetermined. Он становится корреспондентом «Степного края», сотрудником экспедиции по исследованию Степных областей, принимает участие в разработке статистических материалов «О движении землевладения в России».

«Предосудительный формуляр» не помешает Н.А. Сборовскому принимать активное участие в экспедиционных и исследовательских работах (гидротехнических и горно-межевых), являться действительным членом ЗСОИРГО, ООМИОСХ, Общества Сибирских инженеров, руководить Сибирским обществом техников, а также занимать официальные должности, например, производителя работ Томского переселенческого управления [2]. Карьера Н.А. Сборовского, сочетающаяся с достаточно активной оппозиционной политической деятельностью, не являлась уникальной для переселенческого дела позднеимперского периода. Именно такой вариант взаимодействия власти и научных экспертов был характерен для азиатских окраин, что подтверждают как послужные списки, так и списки трудов ведущих колонизационных экспертов – Н.Я. Новомбергского, Н.П. Огановского, Л.К. Чермака, К. Качаровского, О.А. Шкапского и многих других. Руководители переселенческого ведомства по мере возможности отстаивали свои и без того незначительные местные кадры перед департаментом полиции и оправдывали их политическую неблагонадежность профессионализмом и бескорыстностью².

Возможно, чрезмерная степень идеализации и высокий стиль не были в равной степени близки всем участникам переселенческого дела, но даже сугубые «технари» и «аграрии» воспринимали эту сферу деятельности как героическую, творческую и

² РГИА. Ф. 391. Оп. 5. Д. 278. О неблагонадежных чиновниках местных переселенческих организаций. Л. 81.

идейную, требующую профессионализма, полной самоотдачи и альтруизма. В черновике некролога заведующего Томским переселенческим районом Н.К. Шумана, под руководством которого служил Н.А. Сборовский, автор задается вопросом: как такие «люди делали "карьеру" при старом режиме?» Ответ гениален: «Очень просто: он придумывал большое дело, осуществлял его вполне самозабвенно, а потому успешно; а дело вырастало и само вытягивало его на вид»³.

Составляя костяк местных переселенческих организаций, эти преимущественно политические оппоненты официальной власти предлагали администрации не вполне «имперский», но по большей части социальный или народнический (вплоть до социалистического) язык описания колонизационных процессов. А. Ма-соэро, характеризуя их взгляды, отмечает: «В определенной степени молодые увлеченные чиновники-колонизаторы разделяли "анти-феодальный" настрой в ленинском смысле этого слова. Их настроения были "демократическими" в той степени, в которой это означало неприятие привилегированного и паразитического присвоения общественных ресурсов» [3, с. 356]. Используя нехарактерную для правительственного дискурса риторику, эксперты, тем не менее, приходили к вполне приемлемым сначала для имперских, а потом и для советских чиновников выводам о прогрессивности и закономерности российской колонизации Сибири. Критические, оппозиционные настроения по отношению к самодержавной власти, бюрократическому аппарату сделали переход значительной части колонизационных экспертов на службу советской власти естественным.

Н.А. Сборовский – один из многих представителей российской интеллигенции, который сознательно идет на сотрудничество с советскими организациями, более того, становится на непродолжительный период второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. организатором научных и учебных начинаний в колонизационной сфере Сибири. В фонде Н.А. Сборовского представлены подготовительные материалы по организации временных курсов, переселенческого музея и кабинетов по отдельным дисциплинам переселенческого отделения землеустроительного факультета. В записке об организации Переселенческого отделения обоснована роль

³ ГИАОО. Ф. 2668. Оп. 1. Д. 172. Проект генерального плана колонизации Сибирского края на 15 лет с 1926 по 1941 г. Л. 35.

Омска в качестве центра разработки учения колонизации и подготовки переселенческих специалистов, «сведущих в практике оперативных работ»⁴. Практико-ориентированная подготовка, связь с производством и переселенческими органами рассматривалась при этом как эффективная советская новация планового переселения.

Список литературы

1. *Казак Н.А.* Имя в истории края: Александр Александрович Сборовский // История Сибаки: [электронный ресурс]. – URL: <http://story-sibaka.ucoz.ru/index/0-146>.
2. *Казак Н.А.* Научное и литературное наследие Н.А. Сборовского // Сборник материалов к международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2010. С. 50–56.
3. *Масоэро А.* Колонизация в позднеимперской России: история понятия // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. тр. Омск: Полиграфический центр КАН, 2016. С. 340–365.
4. *Милищенко О.А.* Вклад Н.А. Сборовского в исследование колонизации и переселения в Сибири // История, источниковедение и историография общественно-политической жизни Сибири новейшего времени: сб. стат. и материалов междунар. конф. Омск: ИПК Макшеевой Е.А., 2010. Вып. 4. С. 6–11.
5. *Омарова З.А.* На переломе двух эпох: к биографии профессора ОмСХИ Н.А. Сборовского // Сборник материалов международной научной конференции аспирантов и студентов при гуманитарном факультете ОмГАУ. 2010 год. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2010. С. 9–14.
6. *Праздников А.А., Сборовский Н.А., Шуман Н.К.* Нарымский край: Сводка отчетных данных по обследованию в 1908–1909 гг. чинами Томской переселенческой организации левобережной по Оби части Нарымского края. Томск, 1910. 76 с.
7. *Сборовский Н.А.* Таежный север. Нарымский край // Жизнь Сибири. 1926. № 1–7. С. 100–123.

⁴ Там же. Д. 137. Записка об организации Переселенческого отделения при землеустроительном факультете Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства.

УДК 94(571.1/5)"1917/1990"

А.А. Долголюк

СИБИРЬ В ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье рассмотрена экономическая политика советского государства по отношению к Сибири на основе анализа инвестиционной деятельности государства с 1917 по 1991 г. Отмечен непрерывный рост удельного веса доли Сибири в общем объеме капитальных вложений СССР. Показано, что на всех этапах советской истории Сибири приоритет отдавался производственному строительству.

Ключевые слова: Сибирь, инвестиционная политика, капитальное строительство, капитальные вложения, строители.

В советское время строительство превратилось в одну из ведущих отраслей материального производства. Более чем за 70 лет в нем произошли кардинальные перемены. Значительно выросла сеть строительных организаций, а также их производственные мощности и техническое оснащение. В отрасли работала огромная армия трудящихся. Они были заняты на сооружении жилых зданий, промышленных предприятий, транспортных коммуникаций, объектов социально-бытовой инфраструктуры и многого другого. От капитального строительства и результатов его деятельности напрямую зависело благосостояние граждан, уровень развития всего народного хозяйства.

Анализ темпов роста капитальных вложений в экономику Российской Федерации показывает их тесную взаимосвязь с увеличением продукции промышленности и других отраслей экономики, а также произведенного национального дохода. С конца 1920-х гг. и до конца советской власти, кроме четырехлетнего военного периода, происходил неуклонный рост капитальных вложений в российскую экономику. Их размер в 1986 г. по сравнению с 1940 г. увеличился в 24 раза. Строительство велось во всех сферах общественного производства. Основные фонды народного хозяйства республики за 46 послевоенных лет выросли в 20 раз. Ежегодно увеличивался ввод в действие новых промышленных и аграрных предприятий, транспортных коммуникаций. Это позволило увеличить размер национального дохода республики в

17 раз¹. Подобная зависимость между объемами инвестиций и основными экономическими показателями характерна для всех регионов, в том числе и для самого большого по размерам – Сибири, который и является объектом настоящего исследования.

В этом регионе с 1917 по 1991 г. реализовано несколько крупных инвестиционных проектов общегосударственного значения, кардинально преобразивших его отраслевую структуру.

Однако первые годы советской власти для Сибири были безрадостными. В 1917–1920 гг. экономика региона пришла в упадок. Многие промышленные предприятия были разграблены и закрыты, расстроено функционирование транспорта, полностью остановлено капитальное строительство.

Крупного нового промышленного строительства в Сибири в 1921–1928 гг. не велось. В этот период Сибирь не значилась среди приоритетных регионов России. Ее доля в относительно небольших капитальных вложениях государственных и кооперативных организаций составила за первые 10 лет советской власти 8,2% от общего объема в СССР².

С 1929 г. в Советском Союзе стали приниматься пятилетние планы. С этого времени началась индустриализация страны. В годы первой пятилетки объем капитальных вложений в Сибирь составил 791 млн руб. (в ценах на 1 января 1984 г.) – в 4 раза больше, чем за 11 предыдущих лет. Удельный вес региона в общем объеме инвестиций в целом по СССР вырос до 8,5%.

В последующем абсолютные суммы инвестиций в экономику Сибири продолжали нарастать. Их среднегодовой объем во второй пятилетке вырос – в 2 раза, а в третьей пятилетке увеличился еще на 40%. Однако доля Сибири в общих капиталовложениях в целом по Советскому Союзу сократилась до 7,4%³.

За годы трех пятилеток (1929–1941 гг.) в Сибири появились первые крупные промышленные предприятия. Построен мощный Кузнецкий металлургический комбинат, крупные машиностроительные заводы – «Сибсельмаш» и авиационный в Ново-

¹ Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: стат. ежегодник. М., 1987. С. 11.

² Капитальное строительство в СССР: стат. сб. М., 1986. С. 235–237; Российский статистический ежегодник: стат. сб. за 1994 г. М., 1994. С. 23.

³ Капитальное строительство в СССР. С. 235–237; Российский статистический ежегодник. С. 23.

сибирске, Иркутский завод им. Куйбышева, Омский «Сибзавод», Красноярский завод тяжелого машиностроения и многие другие.

В годы первых пятилеток росла численность государственных строительных и монтажных организаций. Частные организации были полностью ликвидированы. Производительность труда с 1929 по 1940 г. выросла примерно в 2,5 раза. Численность рабочих и служащих, занятых на строительно-монтажных работах, достигла в Сибири 120 тыс. чел., из которых 60% трудились в Западной Сибири и 40% – в Восточной Сибири [3, с. 88].

С началом Великой Отечественной войны вся экономика страны стала перестраиваться с выпуска мирной гражданской на производство военной продукции. Большой вклад в дело перевода производства с выпуска мирной гражданской на военную продукцию внесли строители. Они в срочном порядке демонтировали одни виды оборудования, взамен их устанавливали другие.

С июля до начала декабря 1941 г. в Сибирь перебазировано оборудование 322 крупных заводов и фабрик. Их восстановление стало главной задачей сибирских строителей. На многочисленных сибирских строительных площадках одновременно в разных местах шло создание разнопрофильных производств.

Максимум строительно-монтажных работ в этот период был выполнен за первые полтора года войны. Если в 1940 г. доля Сибири в общем объеме инвестиций СССР составляла 7%, то в 1942 г. – 18%. Уже к середине 1942 г. многие предприятия достигли довоенных объемов производства, а некоторые даже превысили их. В целом за 1941–1945 гг. в Сибирь была вложена десятая часть от общего объема капиталовложений страны. Из них почти две трети было направлено в Западную Сибирь, а остальная часть – в Восточную Сибирь.

Строители своим трудом способствовали быстрому подъему производственного потенциала Сибири. Общий выпуск промышленной продукции с 1940 по 1942 г. вырос в 2,4 раза, а производство военной продукции – в 27 раз [1, с. 51, 77]. Для выполнения резко возросших объемов строительно-монтажных работ наращивалась мощность строительных организаций, увеличивалась их численность. Решению этой задачи способствовала перемещение в Сибирь десятков подрядных трестов.

После окончания войны многие производственные корпуса, возведенные как временные, пришли в ветхое состояние. Стро-

ители были вынуждены достраивать их. Одновременно шло переоборудование заводов на выпуск мирной продукции, строительство жилья. Доля ассигнований в восточные районы, по сравнению с военным периодом, заметно сократилась. В частности, в Сибири она уменьшилась с 9,8% в 1941–1945 гг. до 8,6% в четвертой пятилетке.

Успешное решение задач послевоенного восстановления народного хозяйства позволило в последующие годы, начиная со второй половины 1950-х гг., проводить стратегический курс на расширение фронта освоения природных ресурсов Сибири. Во всех отраслях промышленности стали строиться предприятия большой производственной мощности. Увеличение масштабов индустриального освоения Сибири требовало крупных инвестиций. Их объемы быстро возрастали. Если в четвертой пятилетке они составляли 4 млрд руб., то в пятой – 9,4 млрд, в шестой – 19,2 млрд, а в седьмой пятилетке – 29,3 млрд руб. (в ценах 1984 г.). При этом увеличивалась и доля Сибири в капитальных вложениях государства и кооперации. В 1951–1955 гг. она составляла уже 10,5%, а в двух следующих пятилетиях по 11,9%⁴.

В 1940-е гг. в Сибири ускоренными темпами росли основные средства в отраслях обрабатывающей промышленности. В это время здесь возникло передовое для того времени машиностроение, различные производства оборонной промышленности, в том числе атомной. Начиная со второй половины 1950-х гг. быстрее росли основные фонды в отраслях, связанных с добычей и первичной переработкой сырья: в топливной и химической промышленности, черной и цветной металлургии и электроэнергетике.

С 1966 по 1990 г. объемы инвестиций в развитие Сибири продолжали нарастать, хотя и не так быстро, как ранее. По сравнению с предшествующим пятилетием в восьмой пятилетке их объем вырос в 1,39 раза, в девятой – в 1,52, в десятой – в 1,47, в одиннадцатой – в 1,41, в двенадцатой – в 1,27 раза. При этом в целом по стране тенденция снижения темпов роста капвложений проявилась еще заметнее. Поэтому доля Сибири в общем объеме инвестиций в народное хозяйство СССР увеличилась. Если в 1955–1975 гг. она составляла около 12%, то в 1981–1985 гг. – уже 16,5%. Этот рост был достигнут в основном за счет Западно-Сибирского

⁴ Капитальное строительство в СССР. С. 235–237; Российский статистический ежегодник. С. 23.

нефтегазового комплекса. Если не учитывать объемы капитальных вложений, направляемых на создание ЗСНГК, то обнаружится, что и в Западной Сибири, так же как и в Восточной Сибири, темпы роста капитальных вложений за последнее десятилетие советской власти были меньше средних по СССР и РСФСР.

Освоение новых районов потребовало дополнительного сооружения железных дорог. Для формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса большое значение имело строительство дороги Тюмень–Тобольск–Сургут–Нижневартовск. В Восточной Сибири основной стройкой являлась Байкало-Амурская магистраль, начавшая функционировать в середине 1980-х гг.

Жилищное строительство в Сибири стало активно вестись с 1957 г. Вскоре в крупных городах стали осваивать методы крупнопанельного домостроения. В 1961–1965 гг. в регионе были обеспечены самые высокие темпы ввода в действие жилых домов. В эксплуатацию вошло 44,6 тыс. кв. м общей (полезной) площади. Однако уже в 1966–1970 гг. по сравнению с предшествующим пятилетием прирост ввода жилой площади составил в РСФСР лишь около 2%, а в Сибири произошло даже сокращение объемов сдаваемого в эксплуатацию жилья (до 42,5 тыс. кв. м). В последующие годы в регионе наблюдался устойчивый, но небольшой рост жилищного строительства. В девятой пятилетке введено 46,1 тыс. кв. м общей жилой площади, в десятой – 50 тыс., в одиннадцатой – 58,4 тыс. кв. м [2, с. 57, 58]. Жилищная проблема в регионе в советское время так и не была решена.

К концу 1980-х гг. в строительном комплексе, как и во многих других сферах общественного производства, стали нарастать кризисные явления. Ухудшилось финансирование, стали увеличиваться сроки строительства объектов, не выполнялись планы ввода важнейших объектов в эксплуатацию. Капитальное строительство попало в глубокий кризис, из которого отрасль начала выходить лишь в начале XXI в.

С увеличением масштабов инвестиционной деятельности росла и сеть строительных объединений. На начало 1947 г. в Сибири действовали 724 первичные строительные организации. К 1971 г. их количество увеличилось в 2,5 раза (1818 единиц), а в 1985 г. в регионе функционировало около 4 тыс. организаций. С 1986 г. стали создаваться малые строительные фирмы. За 5 лет

количество первичных организаций выросло более чем в три раза⁵.

Высокие темпы роста строительного производства в Сибири потребовали соответствующего кадрового обеспечения отрасли. Численность сибирских строителей особенно быстро росла в первое послевоенное десятилетие. Численность занятых на строительно-монтажных работах с 99 тыс. чел. в 1945 г. выросла до 324 тыс. чел. в 1955 г., т.е. в 3,3 раза. Затем темпы роста замедлились. С 1955 по 1970 г. численность работников выросла в 2,8 раза и составила 658 тыс. чел. С 1970 по 1990 г. число занятых непосредственно строительной деятельностью в регионе увеличилось в 2,2 раза, достигнув 1437 тыс. чел.⁶

Таким образом, более чем за 70 лет созидательный труд строителей позволил преобразить обширный край. Доля Сибири в общем объеме капиталовложений СССР возросла в два раза. Приоритет отдавался производственному строительству. В регионе возникли тысячи новых промышленных предприятий, многие из которых стали ведущими в своих отраслях. На карте появились сотни новых городов, значительно выросли и качественно преобразились ранее существующие. Неизмеримо выросли производственные мощности и кадровый потенциал подрядных организаций.

Список литературы

1. *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 51, 77.
2. *Долголюк А.А.* Сибирские строители в 1946–1970 гг. Новосибирск: Параллель, 2013. 476 с.
3. *Дьяков Ю.Л.* Капитальное строительство в СССР. 1941–1945. М., 1988. 256 с.

⁵ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1226. Л. 0, 1, 3, 17, 20, 32, 44, 46, 49, 53, 65.

⁶ Строительство в России. 2000: стат. сб. М., 2000. С. 196, 200; Труд в РСФСР: стат. сб. М., 1967. С. 108–120; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 47. Д. 1817. Л. 70–82.

УДК 93/94

Д.Л. Островкин

**САНИТАРНО-ЭПИДЕМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ**

На основе областных архивных документов анализируется влияние развернувшийся на Урале индустриализации на развитие заразных болезней. Доказана прямая взаимосвязь ухудшения санитарного состояния Уральской области с массовой переброской людей на данную территорию в связи с развитием будущих промышленных центров.

Ключевые слова: здравоохранение, медицина, Уральская область, эпидемии, санитарное состояние.

На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР окончательно утверждается план коллективизации и индустриализации. На востоке страны в кратчайшие сроки должна была развернуться мощная промышленная база, в основе которой было строительство новых и реконструкция существующих предприятий.

Широкое индустриальное строительство, возведение новых городов фактически «с нуля» подрывали санитарную ситуацию в Уральской области. В первую очередь это происходило потому, что первые строители жили сначала в землянках, потом в бараках. Они возводились стремительно и обходились государству очень дешево – барак жилой площадью в 405 кв. м, рассчитанный на проживание 22 семей, стоил всего 600 руб. Он слабо защищал от холода, были щели в полах, стенах, дырявые крыши. Тепла печей тоже не хватало – углы барачников всегда были покрыты инеем¹.

Осложнялась ситуация тем, что Урал стал районом ссылки для спецпереселенцев. Сюда везли «кулаков» со всей страны. В 1930–1931 гг., по данным ОГПУ, в Уральскую область было ввезено 123 547 семей (571 355 чел.) [2, с. 162].

«Раскулаченных» селили в спецпоселках, условия проживания в которых были очень тяжелыми. В Нижнем Тагиле спецпереселенцы жили в шалашах, землянках или бараках с дырявой крышей, без минимальной бытовой инфраструктуры. Так, даже на

¹ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

начало 1933 г. население спецпоселков Уралвагонстроя (Нижний Тагил) могло помыться не более одного раза в 3–4 месяца. В начале 1932 г. в Известковом поселке Магнитогорска в подавляющем большинстве жилищ был земляной пол, семьи в бараках ютились на общих нарах или под ними, печей не хватало, в помещениях было сыро. В Кизеле из-за недостаточного количества воды употребляли снег, в Надеждинске воду брали из болотных речек. Повсюду в спецпоселках царили скученность и грязь, не хватало бань, прачечных и туалетов [1, с. 348–353].

Повсеместно в Уральской области медицинскими работниками констатировалась неудовлетворительная работа бань и прачечных в связи с отсутствием угля или дров. В Тюмени в новой бане и дезокамере вода подавалась еле теплой и вши не уничтожались. В Троицке городская баня в январе и феврале 1931 г. работала только несколько дней, когда получала топливо от военного ведомства, а гражданское население не обслуживалось².

Отдельно остановимся на становлении промышленных городов Урала. Так, в Магнитогорске, не выполнялось решение комиссии при СНК РСФСР от 27 октября 1931 г. «О медико-санитарном состоянии Магнитогорска», которое обязывало Управление Магнитогорского строительства принять решительные меры по улучшению санитарного состояния.

Ремонт бараков и утепление старых, с обязательной штукатуркой внутри помещений, шли плохо. Из намеченных 557 бараков оштукатурено было только 200, не было печей в 15 бараках, не побелено внутри в 84 бараках, несмотря на ноябрь, до 900 рабочих жили в палатках.

Положение с жилищно-бытовым обслуживанием было напряженное. В бараке на 120 чел. проживали по 300–350 жителей. Постельное белье менялось редко, бараки мылись два раза в месяц. Просушка одежды и стирка белья зимой происходили в самих бараках. В помещениях было много вшей, клопов, блох, тараканов. При населении в 215 тыс. чел. в 1932 г. бани могли пропустить не более 9–10 тыс. чел. в сутки³. Такое положение способствовало возникновению заболеваний – брюшного и сыпного тифа. Прошедшие санобработку рабочие помещались в одно помещение с вновь приехавшими людьми, тем самым перечеркивая все

² Там же. Д. 8. Л. 245–249.

³ Там же. Л. 236.

усилия врачей⁴. Как следствие, отмечались массовые желудочно-кишечные заболевания (за июнь 1930 г. свыше 8 тыс. случаев)⁵.

Ситуация в других промышленных районах была не лучше. Согласно сообщениям, в Первоуральске и Дегтярске бараки были перегружены, рабочие спали на полу. Крыши текли и стены просачивались, стекла отсутствовали. На указание о первоочередности санитарной работы, начальник строительством Устинов картинно заявил: «Много у меня таких первоочередных дел указанных облисполкомом»⁶.

В Челябинске ремонт бараков на главнейших новостройках (ЧТЗ, ЧЭМК) к 1932 г. был в основном закончен. Но качество его было неудовлетворительно: отсутствовали стекла, шла забивка окон фанерой, плохая засыпка стен. Наиболее неудовлетворительные бараки стояли на Чусовстрое. Жилой площади было недостаточно, ремонт шел плохо. Готовность к зиме 1932 г. не превышала 60–70%. Бани не было, санобработка почти не проводилась⁷.

Между тем, до начала массового строительства и переброски на эту территорию «спецконтингента» на протяжении 1920-х гг. заболевания снижались, что можно проследить из табл. 1.

Таблица 1
Динамика заболеваемости в Уральской области в 1924–1930 гг.

Заболевание	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Сыпной тиф	8253	4819	2550	2208	1759	1216	1836
Брюшной тиф	5439	8737	5486	10258	7561	9467	11163
Оспа	3041	3418	3189	2899	1266	239	348

Составлено по: ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

До конца 1930 г. заболеваемость основными инфекционными заболеваниями в пределах Уральской области продолжала снижаться, дойдя до самого низкого уровня по сравнению со всеми предыдущими периодами. Однако в связи с массовой переброской на данную территорию «спецконтингента» (спецпереселенцы, административные ссыльные, заключенные), а также в

⁴ Там же. Л. 96–98.

⁵ Там же. Л. 314.

⁶ Там же. Л. 146.

⁷ Там же. Л. 147.

условиях сосредоточения в промышленных центрах и на новостройках огромного количества людей происходит резкое повышение заболеваемости.

Уже в 1931 г. число заболевших сыпным тифом составило 13 549 чел., брюшным тифом – 23 653, а натуральной оспой – 1128 чел. Наибольшие очаги заболеваний были установлены в районах спецпереселенцев – Надеждинск, Кизел, Чусовая, Каменск, Верхотурье, Магнитогорск, и отдельные случаи зафиксированы в 20 районах области⁸.

В связи с этим происходила мобилизация медицинских работников, а также переброска медперсонала в очаги эпидемий; что важно, она не встречала сопротивления со стороны работников. Проводилась полная госпитализация сыпнотифозных больных и санобработка. Шла госпитализация брюшно-тифозных жителей из общежитий и барачков в крупных новостройках и промцентрах. Развернули вакцинацию против брюшного тифа во всех очагах эпидемий. В одном Магнитогорске охватили прививками больше 100 тыс. чел. Во всех местах, где имелись случаи заболевания оспой, была развернута поголовная вакцинация населения⁹.

По административной линии 10 августа 1931 г. Совнарком РСФСР издал постановление «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния рабочих районов и поселков, рабочих общежитий, учреждений общественного питания и бытовых учреждений». Этим постановлением в составе Наркомздрава РСФСР и его местных органов были предусмотрены государственные и общественные инспекторы.

Местные органы здравоохранения отреагировали на законодательный акт принятием постановления СНК и Уралсовета «Об укреплении низового саннадзора» и введения общественной санитарной инспектуры¹⁰.

Предполагалось, что центром внимания органов здравоохранения должна была стать «борьба за чистый барак, за санитарный минимум в быту». Для ее реализации активизировалось прикрепление медперсонала к барачкам, сануполномоченных, барачных советов, уборщиц и комендантов. Были активизированы меры к систематической санобработке населения. Вводились

⁸ Там же. Д. 10. Л. 41.

⁹ ГАСО. Ф. Р-241. Оп. 2. Д. 3418. Л. 10.

¹⁰ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

строгие правила внутреннего распорядка, предусматривающие борьбу с паразитами¹¹.

Необходимо было улучшать санитарное положение, фактически действуя «снизу», чтобы привить санитарно-эпидемиологические нормы поведения. Поэтому в 1932 г. целях установления санитарного надзора и неуклонного проведения санитарного минимума на фабриках, заводах, бараках и т.д. создавался Институт санитарных инспекторов. Должность была общественная, и выборы проходили среди рабочего актива.

Для подведения научной базы к делу по оздоровлению санитарно-эпидемической ситуации в области в 1930 г. открыли Уральский государственный институт патологии, гигиены и научной организации труда. Совместными усилиями санитарных врачей и сотрудников НИИ была проведена большая работа по оздоровлению условий труда на Уральском заводе тяжелого машиностроения (Свердловск), Уралвагонзаводе (Нижний Тагил), Среднеуральском медеплавильном заводе (Ревда), Новотрубном заводе (Первоуральск), Уральском алюминиевом заводе (Каменск-Уральский) и многих других.

Всего к началу 1930-х гг. санитарная служба была представлена 3 институтами, 12 санитарно-бактериологическими лабораториями, малярийной, пастеровской и дезинфекционными станциями и эпидемическим бюро¹².

Однако в условиях голода, охватившего СССР в 1932–1933 гг., эпидемии вспыхнули с новой силой. Уже в 1933 г. в Уральской области наблюдалась очередная вспышка сыпного тифа. В августе 1933 г. было 698 заболевших, в сентябре – 905, октябре – 1650, ноябре – 2938, что превысило более чем в два раза показатели 1932 г.¹³ В это же время в северных районах Уральской области на лесозаготовительных участках развивалась эпидемия цинги. Всего эпидемией было поражено 8 районов с общим количеством цинготных больных 700 чел.¹⁴

В этих условиях облздрав старался предпринимать активные действия. Для усиления состава медперсонала в районах развития эпидемий было переброшено 60 врачей и 120 студентов-

¹¹ Там же. Д. 9. Л. 283.

¹² Там же. Д. 3. Оп. 1. Л. 161.

¹³ Там же. Д. 8. Л. 80.

¹⁴ Там же. Д. 9. Л. 145.

медиков. Для руководства за мероприятиями по борьбе с болезнями была образована специальная комиссия из представителей ОГПУ, облРКИ, облздравотдела. Важнейшими мероприятиями, проводившимися в то время, являлись санитарный двухмесячник, поголовное подворное оспопрививание и массовая вакцинация против брюшного тифа. Осуществлялась полная дезинфекция, которая проводилась в основном газовым (серным) способом и обжиганием одежды в жарокамерах (вошебойки).

Постановлением областного исполнительного комитета обязывались доведение работы банно-прачечных учреждений до 20 час. в сутки, устранение дефектов барачных, цехов, снабжение рабочих кипяченой водой, выделение в расходных сметах спецсредств. На предприятиях с количеством рабочих свыше 5 тыс. чел. должны были в обязательном порядке существовать санитарно-пропускные пункты¹⁵.

Дополнительно утверждены были мероприятия по ликвидации эпидемических очагов в районах Уральской области. В Красноуральске выделили карантинное помещение на 100 мест, запустили в эксплуатацию новую баню-прачечную с местной очисткой сточных вод. В рабочем поселке Кизел стало происходить обязательное хлорирование воды водопровода, началось строительство водохранилища, построено 10 новых жаровых камер, 20 прачечных и 6 бань. В Челябинске в связи с высоким уровнем заболеваемости брюшным тифом установили временные очистные сооружения у места впадения в р. Миасс канализационных вод. Проведено форсированное строительство городского водопровода. В Магнитогорске была обеспечена подача питьевой воды городу с новой высоконасосной станции¹⁶.

В результате этих действий дальнейший рост заболеваемости сыпным тифом по области в конце 1933 г. – начале 1934 г. остановился. В третью декаду декабря было зафиксировано 2919 заболеваний, а уже во вторую декаду февраля – 2013. Сыпной тиф был полностью ликвидирован в Каменске, Молотове, Красноуральске. Брюшной тиф, достигший максимума в ноябре и декабре 1933 г. (более 1500 случаев), снизился до 538 заболеваний в первой декаде февраля 1934 г.¹⁷

¹⁵ Там же. Д. 3. Л. 61, 62.

¹⁶ Там же. Л. 51 об., 52.

¹⁷ Там же. Д. 9. Л. 157.

Таким образом, санитарно-эпидемиологическая ситуация на протяжении всей первой пятилетки в Уральской области оставалась тяжелой. Не хватало специалистов, инфраструктуры, свирепствовали заразные заболевания. Однако благодаря упорному труду медицинских работников, проведению в жизнь директивных и общественных мероприятий положение уже к концу первой пятилетки стабилизируется.

Список литературы

1. Журавлева В.А. Причины повышенной смертности горожан Урала в 1929–1933 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв.: материалы всерос. науч. конф.: в 2 т. Екатеринбург, 2014. Т. 1.

2. Плотников И.Е. Как ликвидировали кулачество на Урале // Отечественная история. 1993. № 4. С. 159–165.

УДК 316.3(571.12)

В.П. Карпов

ТРУДОВЫЕ БУДНИ ТЮМЕНСКИХ ГЕОЛОГОВ И НЕФТЯНИКОВ В 1950–1960-е гг.*

В годы становления Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) трудовая повседневность и быт нефтяников Тюменского Севера были неразрывно связаны между собой. В статье основное внимание уделено темам обустройства работников, технического оснащения их труда, стимулов к труду.

Ключевые слова: Тюмень, геологи, нефтяники, трудовые будни.

Антропология нефтегазового освоения Тюменского Севера – тема относительно молодая, хотя человеческий фактор в создании ЗСНГК так или иначе затрагивался исследователями еще в советский период. О том, что нефть заслонила человека, первым сказал в 1964 г. тюменский писатель К.Я. Лагунов, опубликовав в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-01-00300.

журнале «Новый мир» резонансный очерк «Нефть и люди» [4]. Показательной была реакция на очерк первого секретаря Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербины: «Ложь и очернительство!» [2, с. 115].

В послевоенное двадцатилетие актуальной для Тюменского Севера по-прежнему оставалась задача перехода к индустриальному этапу развития. А в доиндустриальных обществах производство и быт нераздельно переплетены друг с другом. Поэтому четко разделить производственную и внепроизводственную сферы жизни в районах нового промышленного освоения (РНПО) на начальном этапе создания ЗСНГК трудно.

Индустриальное освоение Тюменского севера начинали геологи. Практически все они прибыли из-за пределов области. Тяжелые природно-климатические условия и спартанский образ труда и быта объясняют, почему коллективы обновлялись ежегодно более чем наполовину. «Жили мы в землянке – такой здоровой яме, чуть-чуть сверху насыпана, внутри были нары...», – вспоминает о бытовых удобствах 1960 г. заслуженный геолог РФ Е.А. Тепляков [7, с. 21–22]. Разведчики были одновременно и строителями, и грузчиками, и охотниками, и рыболовами. «Все было на наших плечах. Все деревянные дома были построены сначала Усть-Балыкской партией глубокого бурения...», – говорит Тепляков [7, с. 17].

Затем точно так же обустроивались принявшие у геологов эстафету нефтяники. Не было причалов, портового хозяйства и техники. Баржи разгружали всем миром, круглые сутки, в любую погоду. Грузчиками были все – и бурильщики, и дизелисты, и каменщики, и счетные работники, и продавцы. «Наломав руки и спину за 12 часов на разгрузке, промокнув до костей, заляпанные грязью, люди разбредались по баракам и балкам, где не было ни душевых, ни сушилок, и надо было придумывать что-то, чтобы хоть как-то пообчиститься, отмыться, согреться и передохнуть», – так описывает суровые будни пионеров освоения К.Я. Лагунов [5, с. 53–54].

Балок – деревянный или металлический вагончик из двух отсеков по 6 кв. м, разделенных коридорчиком. В каждом отсеке по четыре холостяка или семья. Практически все города и поселки, вызванные к жизни индустриализацией Тюменского Севера, начинались с палаток, землянок, вагончиков, балков и бараков. Жили еще в кунгах (автомобильные кузова) и даже в трюмах теплоходов.

Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили ин-

дивидуальные засыпные дома. Рождавшиеся на Тюменском Севере нефтяные поселки и города напоминали многолюдный табор: вагончики, палатки, полевые кухни, вечерние костры на берегу реки, тысячи людей, занятых строительством и размещением.

Ветеран Усть-Балыкской экспедиции Б.А. Шамсутдинов вспоминает: «В Усть-Балык я попал по направлению из Сургутской экспедиции. Мы с женой приехали на барже. Нам выдали палатку, постель и спецодежду, и уже через три часа я вышел на работу... Когда привезли стройматериалы, то в свободное от работы время стали строить себе дом» [8, с. 140]. Свидетельствует Г.П. Титова: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 году, то жить было негде. Вместе с семьями Гусевых, Чвановых, Вилковых мы стали строить засыпные дома. Старшие дети помогали нам – ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. А болото было рядом, теперь там первый микрорайон» [3, с. 93–94].

Для привлечения работников требовались серьезные стимулы. 5 ноября 1957 г. правительство приняло постановление № 366 о материальном стимулировании тюменских геологов. Специальной инструкцией для всех геологоразведок региона устанавливалась сумма единовременных денежных выплат до 500 руб., тогда как в остальной части СССР она не должна была превышать 340 руб. [6, с. 49]. Судя по документам, в 1958 г. в среднем на одного сургутского геологоразведчика приходилось в месяц 1317 руб. Эти данные говорят о том, что на геологов социалистически-уравнительные принципы оплаты труда в конце 1950-х гг. не распространялись [6, с. 50]. Для привлечения и закрепления кадров в РНПО работникам нефтегазовой промышленности и строительства был установлен районный коэффициент к заработной плате 1,7 вместо существовавшего прежде 1,3. В Сургутском районе в середине 1960-х гг. действовали шесть систем оплаты труда: у лесорубов, рыбаков, советских работников – 30%-ная надбавка к зарплате, у речников и авиаторов – 50%, у нефтяников и строителей – 70, у геологов – 100, у строителей нефтепровода – 120% (вместе с полевыми) [4, с. 213].

Важную роль играли и моральные стимулы – грамоты, медали, ордена, почетные звания. Для многих нефтяников «первой волны» они имели не меньшее значение, чем очередная премия или северная надбавка. Но на всех наград не хватало. Свидетельствует Е.А. Тепляков: «Система была такая: на стотысячный кол-

лектив – три ордена Ленина, пять орденов Красного Знамени и т.д. Но награждаемая – если речь о женщине – должна иметь рабочую профессию и т.д. Вот этой работнице – она кочегар – орден Октябрьской Революции. <...> Потому что женщин мало, а в разрядке они есть. <...> Но старший инженер ни под один критерий не подходил: он не женщина, грамотный, не кочегар. Ломовая лошадь во всех отношениях. Нас было много, среднего класса, которым награда доставалась один раз из десяти тысяч. И пока до десятитысячного очереди дойдет...» [7, с. 20–21].

Материальные и моральные стимулы к труду в какой-то степени компенсировали неудобства жизни «по временной схеме». Но неустроенность приводила к многочисленным человеческим жертвам. Люди горели во времянках, тонули в болотах, замерзали на маршрутах, гибли во время аварий на месторождениях и в производственных цехах, «сгорали» от спирта и водки. Не только из-за личной неосторожности, но и из-за пренебрежения руководителей к условиям жизни и труда людей. В 1970 г. на сессии Нефтеюганского горсовета депутатам было доложено о зарегистрированной 500-й смерти и... лишь о двух кончинах – своей естественной смертью...» [1, с. 239].

«Прошло столько лет, – написал в 1995 г. бывший начальник Усть-Балыкской конторы бурения А.Н. Филимонов, – а как будто все это было вчера. Пришлось столкнуться с такими трудностями, что бывали моменты, когда хотелось все бросить к чертовой матери и уехать, куда глаза глядят» [1, с. 239].

Нигде на нефтепромыслах Тюмени не выполнялось требование «Обязательного минимума подготовительных работ, подлежащих выполнению до начала бурения на разведанной площади» (документ был подписан председателем Госплана СССР Н.К. Байбаковым). «Я старый нефтепромысловик, – рассказывал в 1966 г. главный инженер треста бурения Главтюменнефтегаза Л.И. Вязовцев, – но не помню, чтобы где-нибудь этот «минимум» выполнялся. Мы многого не требуем. Нам хоть бы первый год давали на подготовку жилья и строительной базы. Вот сейчас хорошие специалисты бегут из Нефтеюганска из-за отсутствия жилья. От Филимонова уже сбежали две буровые бригады в полном составе...» [4, с. 202].

В тайге и болотах Тюменского Севера сначала не хватало не только техники в северном, а и в обычном исполнении, для

средней полосы страны. Начинали так: «Привезли из Кузбасса два стареньких станка К-500, которые могли бурить на глубину 500 метров. Вышек как таковых не было. В то время (конец 1950-х – начало 1960-х гг. – В.К.) ехали в лес, рубили три хлыста, упирали их комлями в землю, верхушки связывали – получалась тренога, по-нашему – вышка... Мороз 40, 43 градуса и больше, пока метр пробуришь – перехватывает на морозе, все разбалчиваем, отогреваем на костре замерзшие штанги и все остальное. Жутко было, конечно» [7, с. 17].

Транспорт в начале 1960-х гг. – лошади. Не только для перевозки грузов, но и для сообщения. Поехал геолог с буровой, которая за 18 км от Сургута, лошадь встала. Рассказывает: «...мороз под 45. Что делать? Мне не столько себя жалко, сколько лошадь. Обозленный, слез с саней, чтобы ее хоть под уздцы вести, со злости по крупу ее плечом – раз. Она у меня как стояла в оглоблях – так и упала. А сыромятный ремешок застыл на морозе, мне его надо было выдернуть, чтобы хомут разошелся, чтобы она не хрипела, я в рукавицах не могу, а рукавицы сдернул – пальцы сразу отмораживает. В общем, я почти со слезами ее разнуздал, вытащил, к саням привязал и сам пешком до Сургута (лошадь спасли. – В.К.) [7, с. 18]. Не выдерживали морозов сначала лошади и буровые станки, позже – автомобили и механизмы, не предназначенные для работы в условиях низких температур. Только люди работали, несмотря на морозы. Случалось, что и буровые перетаскивали на себе, по пояс в ледяной воде.

Главной была работа, а ее венцом – фонтан нефти или газа. Так утверждают пионеры ЗСНГК. Именно они, первопроходцы, намечали ориентиры будущего хозяйственного освоения территории и в 1950–1960-е гг., были готовы к лишениям и трудностям. Однако со временем менялись и страна, и Север, в обществе нарастала усталость от мобилизационной модели экономики. В 1970–1980-е гг. люди, еще недавно не только именовавшиеся, но и по-настоящему чувствовавшие себя первопроходцами, стали понимать, что превратились в заложников процесса освоения.

История повседневности тюменских нефтяников убедительно подтверждает вывод о том, что подлинное освоение региона нельзя свести к «чистой» экономике, а территорию недостаточно превратить в технологическую площадку – ее нужно разви-

вать в интересах людей. Иначе в проигрыше будут все: и человек, и общество, и производство, и государство.

Список литературы

1. *Гайказов М.Н.* Валентин Дмитриевич Шашин – блистательный стратег нефтяной промышленности. М.: Нефть и газ, 2006. 400 с.
2. *Карпов В.П.* Б.Е. Щербина – организатор создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Горные ведомости. 2011. № 6. С. 112–118.
3. *Карпов В.П., Стась И.Н.* Нефтегазовый рисунок урбанизации Тюменского Севера // Горные ведомости. 2014. № 5. С. 84–97.
4. *Лагунов К.Я.* Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 198–216.
5. *Лагунов К.Я.* Жажда бури: документальная повесть. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, 1981. 256 с.
6. *Прищепа А.И.* Сургутская геологоразведочная экспедиция и командно-административная система управления: опыт сопротивления // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 49–52.
7. *Тепляков Е.А.* «Вот такую тяжелую первую зиму пережили» // Кристалл (Ханты-Мансийск). 2011. № 3–4. С. 17–27.
8. *Эскина Н.* Будни и праздники Усть-Балыкской экспедиции // Западная Сибирь: история поиска. 1940–1975 годы. М: Зимородок, 2007. С. 131–160.

УДК 622.32(571)

М.В. Комгорт

«НУЖНО ОТКРЫТЬ ПЕРСПЕКТИВУ РАЗВИТИЯ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ...» («ИНДЕКС ВЛИЯНИЯ» ПАРТИЙНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ И ПОВЫШЕНИЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО СТАТУСА РЕГИОНА В 1950–1960-е гг.)

Статья рассматривает основные проблемы, связанные с определением нефтегазового вектора развития Томской области в послевоенный период. Особое внимание уделено роли первых секретарей Томского обкома КПСС в лоббировании интересов региона.

Ключевые слова: Томский обком КПСС, томская нефть, Е.К. Лигачев.

Открытие Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и создание на ее базе крупнейшего топливно-энергетического комплекса является одним из крупнейших инвестиционных проектов советской мобилизационной экономики. Его успешная реализация стала возможной, в том числе и благодаря эффективному руководству центральных органов партии и местных партийных организаций. «Стратегически важные для развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса решения, – отмечает В.П. Карпов, – в 1960–80-е гг. принимались на уровне Политбюро ЦК КПСС, а ответственность за проведение региональной политики, партийных директив Центра несли в первую очередь Тюменский и Томский обкомы КПСС...» [4, с. 101]. И стоит добавить, их первые секретари, реальные полномочия которых и возможности воздействия на все остальные компоненты системы местного управления были столь значительны, что их нередко образно называли «хозяевами области» или «обкомовскими воеводами» [7, с. 28].

Особую роль в лоббировании интересов регионов в высших партийных, государственных и хозяйственных органах в послевоенный период стали играть первые секретари областных и краевых комитетов партии. Постепенное перераспределение реальных властных полномочий на региональном уровне от бюро крайкомов и обкомов к первым секретарям комитетов становилось важнейшей тенденцией эволюции сибирской партийной номенклатуры. По мнению А.Б. Коновалова, они становились влиятельными фигурами, выполнявшими «функции регионального представительства в Центре, политического руководства, экономической координации и межведомственного посредничества на вверенной территории» [6, с. 12–13]. Партийные руководители активно защищали и отстаивали региональные интересы, в первую очередь экономические, предпринимали действия по ограничению влияния руководства отраслевых министерств и ведомств [11, с. 183].

В отношении первых руководителей Томской области такой однозначности нет. В частности, предметом дискуссии является вопрос о том, насколько активно руководство обкома занималось организацией поисково-разведочных работ на нефть и газ на территории области, а позже – решением вопросов, связанных с формированием нефтедобывающей промышленности. Появление публикации с «говорящим» названием «Занимались ли в Томске

"нефтянкой" до Лигачева?» с утвердительным ответом на вопрос, вынесенным в заголовок, об этом свидетельствует [10, с. 28]. А другого исследователя анализ архивных материалов, напротив, убедил в отсутствии «организаторской работы в этом направлении» [9, с. 87]. Судя по контексту, речь идет о двух руководителях Томского областного комитета партии В.А. Москвине (1951–1959 гг.) и И.Т. Марченко (1959–1965 гг.).

Планомерное изучение потенциальной нефтегазоносности территории Томской области началось в 1948 г., когда решением Технического совета Министерства геологии СССР в числе первоочередных опорных скважин, намеченных к бурению, была определена и Колпашевская. Одновременно было решено приступить к сейсмическим исследованиям в точках заложения последующих опорных скважин в ряде районов Томской области¹. Стоит отметить, что районы нефтяного поиска в области являлись в это время «вотчиной» новосибирских геологических и геофизических организаций.

Судя по архивным документам, подобное положение вещей руководство Томской области не устраивало. В июле 1952 г. первый секретарь обкома партии В.А. Москвин пытается убедить заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берия в необходимости повышения статуса Колпашевской буровой партии до нефтеразведочной экспедиции. Основными аргументами обкома были неспособность новосибирского треста контролировать работу и оперативно оказывать необходимую техническую помощь отдаленным буровым партиям².

Проанализировав состояние дел в геологоразведке, в январе 1956 г. Томский обком КПСС принял постановление «О состоянии и мерах по ускорению нефтепоисковых работ на территории области». В числе первоочередных задач было определено укрепление материально-технической базы геологоразведочных организаций, обеспечение их новым оборудованием, геофизической аппаратурой, транспортными средствами, спецодеждой и обувью, строительными и другими материалами³. Этим же месяцем дати-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 48. Д. 603. Л. 1–1 об.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1684. Л. 59.

³ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2357. Л. 9–14.

ровано письмо В.А. Москвина в ЦК КПСС с просьбой предусмотреть в проекте Директив XX съезда партии по шестому пятилетнему плану увеличение объема геологоразведочных работ на территории Томской области в три раза⁴. Осенью 1957 г. В.А. Москвин предлагает Министерству геологии и охраны недр СССР решить вопрос о создании в Томске геологического треста. В декабре 1957 г. он лично отвез в министерство письмо с детальным обоснованием необходимости увеличения объемов нефтепоисковых работ и укрепления материально-технической базы томской геологоразведки [10, с. 28].

Сменивший В.А. Москвина И.Т. Марченко также пытается привлечь внимание к проблемам томских геологов. 30 ноября 1964 г. секретарь обкома и председатель облисполкома вновь просят геологическое ведомство увеличить объемы геологоразведочных и геофизических работ, предусмотреть подготовку запасов нефти и газа промышленных категорий и обеспечить Новосибирское геологическое управление всем необходимым для подготовки опытной эксплуатации томских месторождений. В апреле 1965 г. руководители Томской области выходят с предложением в ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассмотреть вопрос о подготовке к промышленному освоению открытых нефтяных и газовых месторождений. Соответствующий проект постановления был приложен к протоколу заседания обкома⁵.

Анализ документа показывает, что и в названии, и в своих основных пунктах он повторял аналогичное постановление, принятое ранее (в декабре 1963 г.) по Тюменской области. При этом, как и тюменцам, томичам пришлось в буквальном смысле его «пробивать». Председатель Госплана СССР П.Ф. Ломако в письме в Совет Министров СССР признал принятие постановления преждевременным, аргументируя свою позицию недостаточной разведанностью месторождений Томской области⁶. Данную позицию поддержали и руководители Госкомитетов по нефтедобывающей и газовой промышленности.

Таким образом, попытки томских властей инициировать разработку месторождений не увенчались успехом. В проекте директив на восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) создание нефтедо-

⁴ Там же. Д. 2408. Л. 46.

⁵ Там же. Д. 3440. Л. 145–146.

⁶ Там же.

бывающей промышленности в Томской области не планировалось. Наряду с объективными факторами (неопределенностью с запасами и проблемами с финансированием) это можно объяснить и отсутствием у руководства области достаточных возможностей для лоббирования томских интересов в Центре. Последнее обстоятельство подтвердило вывод о взаимозависимости «индекса влияния» секретарей обкома в вышестоящих инстанциях и инвестициями в региональные индустриальные проекты: «слабость» секретаря, как правило, создавала проблемы для их реализации.

Несмотря на наличие и у Москвина и у Марченко «дополнительных атрибутов партийно-государственного влияния» (оба были членами ЦК КПСС и депутатами Верховного Совета СССР), в конфликте интересов между томскими и тюменскими партийно-хозяйственными элитами Центр встал на сторону тюменцев [8, с. 107]. В отличие от секретарей Тюменского обкома партии Б.Е. Щербины и А.К. Протозанова, у руководителей Томского обкома не оказалось влиятельных покровителей. Кроме формальных атрибутов, несомненно, важных для лоббирования региональных интересов, секретарю обкома необходимо было «обрас-ти» и личными связями. «Хорошо, когда есть возможность рассчитывать на сильного, – признавался А.К. Протозанов. – А это в немалой степени зависит от того, каков уровень нашей коммуникабельности, насколько развиты межличностные и межслужебные связи, посредством которых достигается благая цель с наименьшими издержками и не в обход законов, а именно в обход бюрократических рогаток, которых в нашей жизни, увы, еще немало» [5, с. 12–13]. В отношении И.Т. Марченко это вполне объяснимо – он находился в опале у Н.С. Хрущева, поскольку не поддержал в свое время идею первого секретаря об упразднении отраслевых министерств и создании совнархозов. Направление на работу в Томск с должности второго секретаря Московского горкома КПСС подтверждало намерение Хрущева наказать оппозиционера «ссылкой» в провинцию.

В сложившейся ситуации в августе 1965 г. Главтюменнефтегаз вошел с предложением в Тюменский обком КПСС о целесообразности начала разработки Соснинско-Советско-Медведевского месторождения. После одобрения данной инициативы в Александровский район была направлена группа тюменских специалистов во главе с заведующим промышленным отделом обко-

ма партии. На встрече с первым секретарем Томского обкома партии И.Т. Марченко тюменская делегация предложила провести пробную эксплуатацию месторождения силами нефтепромыслового управления «Мегионнефть». Аргументами послужило наличие у управления опыта и необходимых технических средств, в отличие от соседей, у которых не оказалось ни того, ни другого. И наконец, немаловажное значение имело то обстоятельство, что месторождение частично было приурочено к Нижневартовскому поднятию и, таким образом, оказалось географически приближенным к месту дислокации нефтепромыслового управления, находившемуся всего в 30–40 км от него.

Несмотря на возражения начальника Новосибирского геологического управления Н.Г. Рожка и руководителя управления «Мегионнефть» Б.И. Осипова, который, по его собственному признанию, не хотел «лезть в чужой огород», инициатива тюменцев была одобрена. Как выяснилось позже, в ЦК КПСС и Совете Министров СССР действительно поступали письма от руководителей области с предложениями о передаче открытых томскими геологами нефтяных месторождений на северо-западе области для разработки тюменскими предприятиями [1, с. 38].

Как могли развиваться события далее, можно только догадываться. Но в ноябре 1965 г. произошла ротация первых секретарей Томского обкома партии: на смену И.Т. Марченко рекомендуется 45-летний Е.К. Лигачев. Немаловажное значение имел тот факт, что к этому времени Егор Кузьмич приобрел не только опыт партийной работы в регионе (в 1959–1961 гг. он являлся секретарем Новосибирского обкома КПСС), но и аппаратной работы в Москве. В 1961–1965 гг. Лигачев последовательно занимал должности заведующего сектором, заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС по РСФСР, заместителя заведующего Отделом партийных органов по промышленности РСФСР⁷.

По его собственному признанию, назначение в Томск он принял без восторга, однако впоследствии вспоминал свое восемнадцатилетнее пребывание на посту первого секретаря как самое интересное время. Принято считать, что именно тогда (и во многом благодаря ему) Томская область и «встала на крыло». В эйфории от следовавших чередой открытий нефтяных и газовых месторождений «вдохновитель и организатор многолетней нефтя-

⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 107.

ной Томской одиссеи» «грозились догнать даже Тюмень», будучи уверенным, что на территории области будут открыты «новые Самотлоры» [3, с. 15].

В январе 1966 г. Е.К. Лигачев и начальник Новосибирского геологического управления Н.Г. Рожок обратились в Совет Министров СССР с проектом постановления «О дальнейшем развитии геологоразведочных работ на нефть и газ на территории Томской области»⁸. Напомним, это была вторая попытка «достучаться» до правительства и добиться принятия положительного решения. Лигачев убеждал, доказывал, и ему удалось сломить отношение к томской нефти и в регионе, и, главное, в Москве. Томичи отмечают, что сами понятия «томская нефть» и «томский газ» обязаны своим появлением именно ему, сумевшему сконцентрировать все ресурсы – материальные, финансовые, кадровые для решения стратегических задач⁹.

29 апреля 1966 г. Совет Министров СССР принял постановление «О дальнейшем развитии геологоразведочных работ на нефть и газ на территории Томской области». Документ обязал Министерство нефтедобывающей промышленности СССР организовать в 1966 г. пробную эксплуатацию скважин на Соснинско-Советско-Медведевском месторождении нефти и разработать мероприятия по ускорению ввода его в промышленную эксплуатацию. 8 июня 1966 г. с опережением сроков была начата пробная эксплуатация месторождения, а 13 июня первые 2 тыс. т томской нефти были отправлены на нефтеперерабатывающий завод. Всего за навигацию 1966 г. с томских месторождений было отправлено 48,9 тыс. т нефти.

Добычу первой томской нефти секретарь обкома рассматривал как свое первое зримое достижение в новой должности. Лигачев быстро понял, что «перспективы развития области не в лесе, рыбе, пушнине, как это считало прежнее руководство, а в нефти и газе, и захотел иметь эти богатства в своих руках, управлять всем процессом поисков, разведки, добычи сам, а не через партийные органы соседней области» [2, с. 132]. В августе 1968 г. с созданием в Томске самостоятельного геологического управления Новосибирск «потерял» территорию Томской области, как ранее Тюменской, в качестве геологического объекта для дальнейшего изуче-

⁸ Там же. Ф. 5598. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.

⁹ Красное знамя. 2014. 14 янв.

ния. В сентябре 1970 г. нефтепромысловое управление «Томскнефть» также получило статус управления, а в 1977 г., с созданием на его базе производственного объединения «Томскнефть» с непосредственным подчинением Министерству нефтяной промышленности, оно перестало быть структурным подразделением Главтюменнефтегаза.

Так получилось, что Егор Кузьмич Лигачев возглавил Томскую партийную организацию «на горе новосибирцам». Сам он позже признавался, что с учетом открытых геологами перспектив, региону действительно были необходимы самостоятельные органы управления базовыми отраслями экономики, возглавлять которые должны томские кадры. Лигачеву удалось убедить в этом и высшее партийное руководство. «Нужно открыть перспективу развития Томской области», – согласился с аргументами Лигачева в личной беседе и генеральный секретарь ЦК КПСС [1, с. 137].

Список литературы

1. Главные геологи нефтегазового комплекса Томской области / сост. В.И. Биджаков. Томск: Приобские ведомости, 2010.
2. *Гурари Ф.Г.* Западно-Сибирская нефтегазоносная провинция – открытие века! Новосибирск: СНИИГиМС, 1996.
3. *Запивалов Н.П.* Западная Сибирь: некоторые исторические вехи и новые перспективы // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2012. Т. 7, № 4.
4. *Карпов В.П.* От командной модели к политике «согласований»: партийное руководство Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом в 1960–80-е гг. // Актуальные вопросы истории Западной Сибири: сб. науч. тр. Сургут: ИЦ СурГУ, 2010.
5. *Комгорт М.В., Майданов В.С.* Лидер нефтегазовой революции (к 100-летию А.К. Протозанова). Тюмень: Сибирский издательский дом, 2013. 520 с.
6. *Коновалов А.Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006. 636 с.
7. *Коновалов А.Б.* Проблемы политического управления регионом востока России (1945–1964.) в современной отечественной историографии // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск: Параллель, 2007. С. 13–25.
8. *Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А.* Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 136 с.

9. Панарин С.М. Создание минеральной базы Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (1961–1975 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1995.

10. Приль Л. Всякий экспромт должен быть хорошо подготовлен. Занимались ли в Томске «нефтянкой» до Лигачева? // Недра и ТЭК Сибири. 2015. № 2. С. 28–30.

11. Хромов Е.А. Региональные элиты в СССР в конце 1950-х – середине 1960-х гг.: к постановке вопроса // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 323. С. 183–186.

УДК 908(98):32"19"

А.И. Тимошенко

ПРОЦЕССЫ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В XX в. С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

В докладе рассматриваются особенности геополитической стратегии Российского государства в Арктике и Северном Ледовитом океане в XX в. Анализируются ее цели и задачи, а также конкретные мероприятия правительства, свидетельствующие о принципах и механизмах российской политики на северных территориях и в акваториях. Сделаны выводы, что главной задачей было обеспечение надежной защиты страны на северных границах.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, Северный военно-морской флот, геополитическая стратегия.

Уже в конце XIX в. необходимость защиты арктических территорий и морей, находившихся в ведении Российского государства, являлась очевидной, так как разные государства, преимущественно находящиеся по соседству, постоянно посягали на их природные богатства. В российском правительстве ставились вопросы о регулярном патрулировании военными кораблями северных морей, о создании на побережье торговых и военных морских баз в ключевых местах мореплавания. По заданию императора представители государственных ведомств неоднократно посещали Кольский полуостров в поисках мест для строительства порта и базы для российского флота. В государственных структурах зрело понимание того, что без создания морских баз на северных границах Российского государства трудно эффективно осу-

ществуя охрану северных промыслов от иностранного вмешательства. В 1901 г. цель необходимости охраны северных территорий была сформулирована в Министерстве иностранных дел России. В докладе министра императору отмечалось, что Министерство иностранных дел придает этому важнейшее значение. С общеполитической точки зрения, очень важным является «частое и повсеместное присутствие нашего военного флота в северных широтах, где владения Российской империи имеют такое обширное протяжение» (цит. по: [2, с. 335]).

Советское правительство с самого начала своего существования рассматривало Арктику как зону важнейших национальных интересов, понимая чрезвычайную значимость северных территорий для страны как в геополитическом, так и в экономическом отношении. Уже в 1920-е гг. северные регионы включались в общегосударственные планы социально-экономического развития СССР. Акцентировалось внимание на обустройстве и развитии Северного морского пути, который признавался необходимой для полноценного государственного развития транспортной магистралью, являющейся кратчайшим расстоянием между западом и востоком страны – портами Мурманском и Владивостоком. Северный морской путь полностью проходил вдоль границ государства и не зависел от международных отношений в тот или иной период по сравнению, например, с южным проходом через Суэцкий канал. Кроме того, он вместе с реками Сибири составлял глобальную транспортную сеть, охватывающую своим влиянием огромную территорию. Поэтому обустройство Северного морского пути и создание крупнотоннажного речного флота в Сибири, оживление там хозяйственной жизни в целом рассматривались советским правительством в качестве важнейшей задачи региональной политики.

Вторая часть советских планов в Арктике была связана с всесторонним изучением ее природных ресурсов и включением их в развитие народнохозяйственного комплекса СССР. Это намечалось уже в плане ГОЭЛРО. Проведенные в его рамках горно-геологические изыскания на Таймыре под руководством Н.Н. Урванцева позволили выдвинуть на повестку дня решение Норильской проблемы, которая определила затем создание в российской Арктике крупнейшего в мире горнопромышленного комплекса по производству цветных металлов.

В целом советское правительство в своей арктической стратегии придерживалось однозначного подхода, связанного с поддержанием и постоянным усилением своего влияния в Арктике, как неотъемлемой части государства, с которой неразрывно связано не только настоящее, но и будущее страны. Если до начала XX в. границы России с севера были надежно защищены льдами Северного Ледовитого океана и здесь ей практически никто не угрожал, то теперь на Арктику претендовали очень многие государства. Соответственно, требовалась и совершенно иная государственная политика, адекватная вызовам нового времени.

В геополитической стратегии СССР важное место занимало установление государственных границ в Арктике. Основываясь на достижениях имперского периода, советское правительство уже в начале 1920-х гг. пыталось распространить свой суверенитет не только на побережье студеной морей, но и на острова, находящиеся в их водах. В 1921 г. был принят декрет «Об охране рыбных и звериных угодий в Северном Ледовитом океане и Белом море», в котором владение территориальными водами и их природными ресурсами в европейской зоне Арктики определялось на протяжении 12 морских миль от берега. Одновременно этим документом и устанавливались границы СССР в Баренцевом и Белом морях [1, с. 17].

Надо отметить, что с окончанием Первой мировой войны ситуация с установлением границ в Арктике чрезвычайно обострилась. Страны-победители в обход России, попирая ранее достигнутые договоренности, начали раздел Арктики. Например, архипелаг Шпицберген полностью отдавался под протекторат Норвегии. Другим странам не возбранялось плавать и охотиться в водах Северного Ледовитого океана, в том числе и у самых берегов советской России. В этих условиях советскому правительству пришлось в течение почти десятилетия в основном дипломатическим путем доказывать право страны на акваторию океана и побережье Арктики. В результате многолетних дискуссий на всех уровнях правительство пришло к выводу: чтобы иметь право на Арктику, нужно там просто быть – иметь военный флот и авиацию, пограничные посты, оснащенные по всем современным требованиям, поселения полярников и научно-исследовательские станции, портовые города и т.д.

В 1926 г. принято постановление Президиума ЦИК СССР «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, рас-

положенных в Северном Ледовитом океане». В нем записано, что все земли и острова, которые открыты или могут быть открыты в секторе, прилежащем к северному побережью России до Северного полюса, принадлежат СССР. С запада и востока границами являются меридиональные линии, проведенные к точке Северного полюса от крайней северо-западной части тогдашней материковой территории страны (полуостров Рыбачий) и до линии разграничения между Россией и США в Беринговом проливе¹.

Сложившаяся в 1920-е гг. система секторального деления Арктики между находящимися здесь государствами в основном была признана в мире. Вместе с тем она постоянно подвергалась нападкам и проверкам на прочность. США, Канада, Дания и другие государства предпринимали неоднократные попытки сделать своей территорией какие-то пограничные острова, моря и проливы Северного Ледовитого океана и даже Северный полюс. СССР в этой игре был вынужден принимать адекватные меры. Особое значение придавалось военно-стратегической защите советских арктических территорий. В 1930-е гг. была создана вначале Северная военная флотилия, а затем Северный военно-морской флот, который продемонстрировал свою значимость в защите северных рубежей СССР в годы Второй мировой войны и в послевоенные годы.

Советское правительство не только укрепило позиции России в Арктике, но и сформировало новые принципы и подходы к решению северных проблем. В целях ускорения результатов воздействия оно использовало мобилизационные решения целевого назначения, которые оказались крайне эффективными. Ярким примером таких решений может служить учреждение в 1930-е гг. при Совете Народных Комиссаров СССР Главного управления Северного морского пути «Главсевморпути», которое развернуло многоплановую и крупномасштабную работу в Арктике, не только обеспечив круглогодичное плавание по морям Северного Ледовитого океана, но и заложив мощную основу для экономического и социального развития северных территорий СССР.

Практика реализации советских планов социально-экономического развития через систему государственных мероприятий и деятельность крупных производственных организаций в направлении пионерного освоения и обживания северных райо-

¹ См: Собрание законов СССР. 1926. № 3. Ст. 203.

нов получила широкое распространение. Особенно значительный разворот промышленного и транспортного строительства на Севере начался во второй половине XX в. Он сопровождался активным поиском месторождений полезных ископаемых, увеличением масштабов комплексных научно-исследовательских работ, ростом темпов производственной деятельности. Государство являлось инициатором и одновременно исполнителем практически всех социальных, экономических и военно-стратегических программ в Арктике. Данный опыт был высоко оценен и использовался другими приарктическими государствами.

Деятельность государственных организаций в советский период направлялась в целом на создание в Арктике мощного научно-исследовательского, производственного и военно-стратегического потенциала, превратившего СССР в арктическую державу мирового порядка. Особенно важным это стало в условиях утверждения двухполярного мира, в котором все события и действия стали фокусироваться вокруг интересов фактически двух стран – США и СССР. Противостояние в Арктике было ярким свидетельством данной ситуации.

В геополитическом смысле СССР в Арктике добился очень многого. Страна в значительной степени укрепила свои позиции с точки зрения как изучения, так и освоения арктических пространств. Во времена СССР так называемый русский треугольник в Арктике занимал около 7 млн кв. км, не считая материковой части Евразии, находящейся к северу от Полярного круга. Территориальное богатство дополнялось обилием природных ресурсов, среди которых находились водные, энергетические, минерально-сырьевые. Изыскания советских геологов обнаружили в Арктике практически все элементы из таблицы Менделеева, а месторождения нефти и газа только северных районов Западной Сибири содержали значительную часть мировых запасов углеводородов.

Проблемы освоения российской Арктики с точки зрения геополитики стали еще более актуальными в XXI в., когда арктические территории и акватории стали центрами притяжения мировой политики и экономики. В настоящее время происходящие в Арктике процессы интересуют все большее число стран и даже тех, которые находятся далеко за пределами Арктики. В значительной степени это создает угрозу национальным интересам России, которая за последние десятилетия несколько ослабила

внимание к своим северным территориям и теперь ей необходимо доказывать свои предыдущие достижения. Поэтому изучение исторического опыта государственной деятельности в Арктике представляет несомненный интерес.

Можно сказать, что Арктика – уникальный регион Российской Федерации, значимость которого в будущем будет только возрастать в экономическом, технико-технологическом и социальном развитии страны, обеспечивать ее прогрессивное развитие. Кроме того, нельзя переоценить геополитическое и оборонно-стратегическое значение северных окраин России и Северного Ледовитого океана. Изучение исторического прошлого Арктики обусловлено как потребностями приращения исторического знания, так и осмыслением ее особой роли в формировании пространственно-географических факторов истории страны в условиях огромной вариативности ее регионального развития.

Список литературы

1. *Инджиев А.А.* Битва за Арктику. Будет ли Север русским? М: Яуза. ЭКСМО, 2010. 224 с.
2. *Пинхенсон Д.М.* Проблема Северного морского пути в эпоху капитализма. Ленинград: Морской транспорт, 1962. 766 с.

УДК 947(571.51):332.821

Г.А. Реут

РЕШЕНИЕ ВОПРОСОВ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ЖЕЛЕЗНОГОРСКА ОБЪЕКТАМИ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Статья посвящена проблемам жилищного и культурно-бытового строительства в закрытом городе Министерства среднего машиностроения в 1950–1980-е гг.

Ключевые слова: закрытый город, Железнодорожск, Красноярск-26, Минсредмаш.

На этапе становления советского атомного проекта жилищное и социально-бытовое строительство в закрытых городах руководство Министерства среднего машиностроения СССР считало «второстепенным фронтом». Гражданское строительство

финансировалось по остаточному принципу. Один из трех «закрытых» сибирских городов – Красноярск-26 (впоследствии – Железногорск) начал создаваться в 1950 г. Социально-бытовая инфраструктура нового города развивалась медленно, с отставанием от производственного строительства. Рабочая сила, техника, механизмы и все имевшиеся материальные ресурсы в первую очередь направлялись на выполнение основной задачи – строительства градообразующего предприятия – комбината № 815, позднее названного Горно-химическим комбинатом. До ввода его первой очереди непроизводственное строительство велось с существенным отставанием от плановых показателей.

В первые годы основная часть трудовых ресурсов состояла из заключенных и военных строителей. Это обстоятельство снижало потребность в объектах социально-бытового и культурного назначения. Их строительство, создание инженерных сетей, так же как и формирование жилищного фонда, соответствующего нормативному уровню, откладывалось на более позднее время.

В результате сложилось критическое положение с вводом объектов социальной инфраструктуры. По состоянию на 29 июля 1953 г. на Строительстве железных рудников (так условно называлось строительство Горно-химического комбината) серьезно отставало жилищное и культурно-бытовое строительство. За период с 1950 г. по 1 июля 1953 г. отпущенные средства на жилищное строительство были освоены на 89%, а план по сдаче жилья в эксплуатацию был выполнен только на 41%. За первые три года ввели в эксплуатацию около 30 тыс. кв. м жилой площади вместо запланированных 73 тыс., в то время как на строительстве насчитывалось свыше 8 тыс. рабочих и ИТР, нуждавшихся в квартирах. Культурно-бытовое строительство также велось медленно. Ассигнования на эти цели за три года освоили лишь на 45,5%, а план по вводу объектов в эксплуатацию выполнили на 88%. Из полагавшихся 85 по плану было введено в эксплуатацию только 6 объектов. В итоге в поселке, насчитывавшем с учетом личного состава военно-строительных частей около 60 тыс. чел., имелся всего один кинотеатр на 400 мест, школа на 440 мест, детсад на 125 детей, баня на 47 чел., две столовых на 150 мест¹.

¹ Железногорский городской архив (ЖГА). Ф. П-26. Оп. 25. Д. 2. Л. 40; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-3930. Оп. 1. Д. 33. Л. 88.

Очевидно, что главная тяжесть работ по подготовке условий для сооружения градообразующего предприятия и наиболее трудоемкая доиндустриальная фаза промышленного и жилищно-гражданского строительства в самый начальный критический период легла на плечи заключенных и военных строителей.

В 1954 г. населенный пункт комбината № 815 получил статус города и секретное наименование «Железногорск». С получением статуса города темпы развития социально-бытовой инфраструктуры выросли.

Начиная с середины 1950-х гг. шел процесс замены заключенных военными строителями, стала быстро нарастать доля вольнонаемных, постепенно становившихся основным видом рабочей силы. Это обстоятельство обострило проблему дефицита жилья и других гражданских объектов.

Основная часть вольнонаемных строителей прибывала в закрытые города в то время, когда основы первичной инфраструктуры уже были заложены. С начала строительства г. Железногорска к 1956 г. уже было введено в эксплуатацию около 400 тыс. кв. м жилой площади, 10 школ и детских учреждений, больничный городок, дворец культуры, библиотека, техникум, открылись десятки специализированных магазинов, рестораны, кафе и столовые и другие объекты².

В период семилетки в Железногорске продолжалось интенсивное гражданское строительство. На средства всех заказчиков было построено и введено в эксплуатацию 246 жилых домов площадью 301 тыс. кв. м, 33 детских учреждения на 4760 мест, 4 кинотеатра и клуба на 1906 мест, 8 школ на 6840 учащихся, магазинов на 180 рабочих мест, столовых на 990 посадочных мест, 7150 кв. м товарных складов, холодильных емкостей на 1850 т. Возведено 38 объектов в совхозе УРСа, городская библиотека на 300 тыс. томов, профтехучилище, телеретранслятор, большой спортивный зал и зимний плавательный бассейн. Больничный городок пополнился детским корпусом, стоматологической поликлиникой, профилакторием, тубдиспансером и роддомом³.

Процесс ввода жилья и основных объектов соцкультбыта в Железногорске показан в табл. 1.

² ЖГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1327. Л. 156.

³ Там же. Д. 948. Л. 13, 11, 15.

Таблица 1

Строительство жилых домов и объектов соцкультбыта
в г. Железногорске в 1958–1964 гг.*

Объекты соцкультбыта	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Количество жилых домов	24	70	39	41	38	29	22
Количество дет- ских садов и яслей	4	8	6	5	6	5	3
Количество школ	2	1	1	4	1	0	1

*Составлено по: [2, с. 157].

Ускорение темпов строительства объяснялось пуском реактора и массовым прибытием в город персонала Горно-химического комбината и градообслуживающих предприятий. Уже к началу 1960-х гг. в Железногорске были заложены основы городской энергетики и стройиндустрии. Росли объемы жилищного строительства, вводились в эксплуатацию объекты социально-культурного и бытового назначения, расширялось благоустройство городской территории. Центральная часть города застраивалась современными благоустроенными зданиями. Фасады жилых и административных зданий, украшенные лепниной, превращали центральные улицы в своеобразную витрину социалистического образа жизни.

Комплексность развития социальной инфраструктуры зависела от согласованности действий застройщиков и подрядчиков. Отсутствие взаимопонимания между застройщиками по вопросам выделения средств на капитальное строительство объектов социально-культурного, бытового назначения и коммуникаций оказывало существенное влияние на градостроительное развитие города.

Так, из-за ведомственной разобщенности предприятий-заказчиков к 1970 г. в Железногорске накопились нерешенные вопросы проектирования, наметилось отставание в области сооружения и ввода объектов соцкультбыта и энергетического комплекса от темпов жилищного строительства. В восьмой пятилетке (1966–1970 гг.) выполнение объемов строительства, намеченных в технико-экономическом обосновании генплана, составило: по жилью – 47,5% и по соцкультбыту – 11,7% [3, с. 74]. В 1980-е гг. длительное время не строилась автоматическая телефонная стан-

ция, не решались вопросы инженерной подготовки микрорайона № 3. У некоторых предприятий имелось значительное отставание в строительстве жилья и соцкультбыта (не было клуба, спортивной базы, профилактория, пионерлагеря и т.д.).

Показатели фактической обеспеченности закрытого города объектами соцкультбыта относительно градостроительных нормативов постоянно колебались в ту или иную сторону в силу разных причин. По мере ввода новых объектов социально-бытовой инфраструктуры, закрытия на ремонт старых зданий, а также ввиду изменения численности населения города или из-за внесения изменений в нормативную базу одни показатели могли вырасти, другие – снизиться (табл. 2).

Таблица 2
Обеспеченность Железногорска объектами социально-культурного и коммунально-бытового назначения в 1975–1989 гг., % от нормы*

Показатель	1975	1980	1985	1989
1	2	3	4	5
ЖЭК	171,4	95,8	100,0	100,0
Бани	35,0	77,4	125,1	125,1
Гостиницы	59,9	42,0	41,2	40,2
Гаражи индивидуального пользования	95,8	64,3	80,3	73,0
Отделение связи	100,0	100,0	78,6	73,3
Сберкасса	110,0	118,2	90,9	75,0
Объекты бытового назначения	84,2	97,1	98,5	–
Прачечные	59,7	73,4	98,2	63,3
Химчистка	95,0	175,8	126,0	130,7
Бани	35,0	–	125,1	–
Станции технического обслуживания	50,0	34,8	41,0	34,8
Дома быта, комплексные приемные пункты	–	–	98,1	100,0
Магазины продовольственные	118,6	121,0	126,9	115,1
Магазины промтоварные	78,1	77,0	94,8	88,4
Склады продовольственные	144,5	140,0	114	136,9
Склады промтоварные	133,2	92,0	82,0	140,4
Картофелехранилище	117,7	122,0	118,0	–
Хлебозавод	69,0	57,0	120,1	115,0
Молокозавод	43,3	100,0	133,3	78,0

Продолжение табл. 2

1	2	3	4	5
Колбасный цех	112,2	100,0	41,0	–
Пивзавод	36,4	100,0	65,0	64,1
Цех безалкогольных напитков	36,4	77,0	56,0	–
Мясоперерабатывающий завод	–	–	37,4	40,9

*Составлено по: [1, с. 344–347].

Характер и причины изменений показателей обеспеченности могли зависеть как от внутригородских, так и от внешних обстоятельств. Лечебные корпуса, построенные в 1950–1960-е гг., в 2 раза уступали современным нормативам, действовавшим в 1980-е гг., по таким параметрам, как полезная (рабочая) площадь и кубатура здания на одну койку.

Отставание возникало в основном на начальных этапах застройки новых микрорайонов, когда в первую очередь строилось жилье, а ввод объектов соцкультбыта запаздывал. Как правило, отступления от градостроительных норм не носили хронического характера.

При рассмотрении титульных списков градообразующего предприятия или горисполкома специалисты аппарата Министерства среднего машиностроения следили за тем, чтобы наряду со строительством жилья обеспечивался соответствующий уровень развития медицинских, общеобразовательных и культурных учреждений, спортивных объектов, предприятий торговли и коммунально-бытовой сферы, а также совхозов. Социалистический город должен был быть наполненным необходимым количеством учреждений культуры и бытового обслуживания, стать полностью благоустроенным и озелененным.

Такое отношение во многом обеспечивало практическую реализацию ведомственной градостроительной политики, хотя не гарантировало полного освоения и целевого расходования средств, выделяемых на капитальное строительство.

Расширение градообразующей и градообслуживающей сферы потребовало принятия эффективных мер для закрепления кадров. Градостроительная политика в городах Минсредмаша СССР кардинально не меняла основные принципы советского градоформирования и градообразования. Развитие закрытых городов оставалось также ориентированным в первую очередь на промышленное строительство.

Вышеизложенное позволяет выделить два периода в развитии социальной инфраструктуры Железногорска – до 1954 г. и после 1954 г.

Для каждого характерны свои особенности. С точки зрения рассматриваемой проблемы, характерной чертой первого периода являлось существенное отставание от планов ввода объектов социальной инфраструктуры.

Для второго периода, напротив, характерно ускорение темпов развития социальной инфраструктуры и повышения уровня обеспеченности жильем и объектами соцкультбыта относительно требований нормативов.

Темпы развития объектов соцкультбыта и инженерных коммуникаций в закрытых городах Министерства среднего машиностроения СССР, так же как и в ряде других городов Сибири, были более низкими по сравнению с вводом жилья. Разногласия застройщиков по вопросам финансирования становились причиной несвоевременного выделения капиталовложений, что приводило к диспропорциям в развитии социально-бытовой инфраструктуры.

Тем не менее социальная инфраструктура Железногорска была по уровню развития не только выше среднего регионально-го, но и более развитой, чем в ряде новых городов Сибири [2, с. 189]. Это позволяло привлекать в закрытый город нужных специалистов.

Таким образом, в период с середины 1950-х гг. по начало 1990-х гг. в Железногорске проводилась целенаправленная социальная политика. Она была ориентирована на развитие инфраструктуры и создание комфортной среды в целях закрепления трудовых ресурсов, что в условиях секретного города имело особое значение.

Список литературы

1. *Рейт Г.А.* Закрытые административно-территориальные образования Сибири: социализм за колючей проволокой. Красноярск: Изд-во Красн. гос. аграр. ун-та, 2012. 350 с.

2. *Рейт Г.А.* Мобилизация трудовых ресурсов и организация жилищно-гражданского строительства в закрытых городах Сибири. Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. аграр. ун-та, 2014. 278 с.

З. Реут Г.А. Опыт строительства жилья и объектов соцкультбыта в «закрытых» городах Сибири // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: История. Вып. 46. 2011. № 22. С. 71–77.

УДК 33(571/150)+339.13

Е.В. Демчик, Г.А. Гряникова

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ТОРГОВЛЯ И «ЧЕРНЫЙ» РЫНОК
В СНАБЖЕНИИ НАСЕЛЕНИЯ АЛАЙСКОГО КРАЯ
В 1960-е – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.**

Статья посвящена вопросам снабжения жителей Алтайского края в 1960-х – начале 1980-х гг. В результате анализа архивных документов выявлены особенности организации государственной торговли. Охарактеризована деятельность «черного» рынка в период, зачастую трактуемый как время тотального дефицита.

Ключевые слова: советская торговля, теневая экономика, качество снабжения.

В 1960-е – начале 1980-х гг. в повседневной жизни населения Алтайского края важное место занимала проблема потребления. Удовлетворение потребностей в товарах и услугах провозглашалось одной из приоритетных задач социалистической экономики, на что и была направлена торговая политика государства [5, с. 296–299].

Подавляющую массу розничного товарооборота составляла продажа товаров народного потребления промышленного характера через государственную розничную торговую сеть (универмаги и специализированные магазины) и местные торги, построенные по товарно-отраслевому принципу. Мелкорозничная сеть (павильоны, киоски, палатки, ларьки) имела более узкий ассортимент и играла подчиненную роль [6]. На 1 января 1967 г. Управление торговли Алтайского крайисполкома объединяло пять торгов, краевую межторговую базу, магазин № 8 (инвентарь и оборудование), Центральный универмаг, совхоз «Спутник», бюро товарных экспертиз¹. С целью повышения ответственности

¹ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 23.

работников магазинов за качество обслуживания и соблюдение правил торговли были установлены Основные правила работы магазина². Однако обслуживание не всегда соответствовало заявленным требованиям.

Согласно Конъюнктурному обзору торговли Алтайского края за 1967 г., установленный план розничного товарооборота в объеме 1101,6 млн руб. был выполнен на 101,9%³. Годовые планы на протяжении 1970-х гг. предусматривали постоянный прирост выполнения розничного товарооборота по 66 магазинам Барнаульского горпротмторга и 76 магазинам края⁴.

Однако ситуацию со снабжением жителей края одеждой и обувью в конце 1960-х – начале 1980-х гг. можно назвать постоянным дефицитом, который явился закономерным следствием недостатков системы планирования и распределения. Как сообщала газета «Алтайская правда» от 8 марта 1973 г., 19 предприятий снизили объем выпуска товаров по 90 видам изделий⁵. Отмечалось низкое качество хлопчатобумажных тканей; промышленность предлагала товары, не пользующиеся спросом населения.

Основным вопросом оставался ассортимент. Высокий спрос на пальто, костюмы, брюки, пиджаки, платки, шарфы, галстуки, предметы женского туалета не был удовлетворен, что вызывало массовые жалобы населения. С большими перебоями поставлялись мужские сорочки, женские блузки и юбки, платья современных фасонов, детская одежда и белье, плащи, меховые мужские шапки, изделия из кожи. Не удовлетворялся спрос на перчатки, варежки, белье с начесом, шапки, свитера, рейтузы, детский трикотаж и головные уборы, чулочно-носочные изделия, строчевышитые изделия, ремни поясные и для часов, портфели, женские сумки, браслеты, шпильки, невидимки, магнитные запонки. Зафиксирован недостаток утепленной, мужской и женской, резиновой и валяной обуви, а также обуви с расширенным носком для людей пожилого возраста. В то же время в избытке на при-

² Основные правила работы и внутреннего распорядка магазина в СССР // Справочник советского продавца: [электронный ресурс]. – URL: <http://www.soviet-trade.ru/основные-правила-работы-и-внутреннег/>

³ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 288.

⁴ Там же. Л. 28–30; Оп. 4. Д. 117. Л. 127–128; Д. 423. 7–16. Л. 153; Д. 486. 7–07. Л. 191; Д. 495. 7–16. Л. 228.

⁵ Ориентир – спрос покупателей // Алтайская правда. 1973. 8 марта.

лавках находились спортивные майки, постоянно обновлялся ассортимент мужских шляп.

Для преодоления сложившихся проблем в торговле городов края проводились выставки-продажи. Только за 1967 г. было проведено 448 выставок-продаж, 152 покупательские конференции, 12 ярмарок-базаров, 412 выездов на промышленные предприятия.

В 1967 г. увеличилась продажа электробритв, холодильников, стиральных машин, мебели. Повышенным спросом пользовались баяны, аккордеоны, телевизоры, радиолы и радиоприемники, магнитофоны, стабилизаторы и комнатные антенны для телевизоров. Активно шла продажа часов, спортивных товаров, музыкальных инструментов, посуды, парфюмерно-косметических товаров, хозяйственного мыла. Без перебора велась торговля папиросами высшего сорта и курительной махоркой, поставляемых Бийской табачной фабрикой. Но недостаточно продавалось импортных сигарет высших сортов. Отсутствовал ассортимент туалетного мыла. Не удовлетворялся спрос на зубной порошок, пасту, эликсир, хну, сюрпризные коробки, сувенирные изделия, детский крем, посуду, термосы, обои, шифер, электрические плитки. Также не хватало лыж, мотоциклов, палаток, рюкзаков, спальных мешков, фотопленки и фотобумаги, эмалевой и масляной краски, белил, электроламп, мясорубок, кисте-щеточных изделий⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что по мере насыщения рынка отдельными видами продукции многие товары широкого потребления продолжали оставаться дефицитными. В сложившихся условиях существовало несколько стратегий потребления. Прежде всего, очередь. Как говорили современники, «стоять или не стоять в очередях не было вопросом выбора» (цит. по: [3, с. 57]). Хорошо известны слова «выбросили», «выдали», «дали» [1]. Для рассматриваемого периода характерно высказывание: «Трудно в наше время стать великомучеником. Просто мучеником – куда ни шло. Например, пристроиться в очередь за дефицитным товаром»⁷. Важное место занимал процесс покупки «про запас».

Вынужденную меру в условиях постоянного дефицита представлял так называемый блат [7]. Если гражданин не распо-

⁶ ГААК. Ф. Р-926. Оп. 3. Д. 78. Л. 300–309.

⁷ Цит. по: Панков В. Житие великомученика Козырыса // Крокодил. 1966. № 2. С. 9.

лагал нужными знакомствами, он мог купить необходимое тайком у продавца по завышенной цене, для чего товар часто «откладывали». Также необходимый товар можно было найти у фарцовщиков, которые получали его от иностранцев, привозили контрабандой из-за рубежа или изготавливали подпольным образом [4; 6]. Официальная пропаганда воспитывала презрение к спекулянтам. Перепродажа товаров по свободным ценам квалифицировалась как уголовное преступление, но мало кто полностью обходился без таких услуг [2, с. 154].

Продажа товаров происходила и на полуофициальных рынках – «толкучках», «с рук», по выходным дням. Таким местом в Барнауле был район на пересечении улиц Малахова и Сухэ-Батора, где в условиях тотального дефицита продавались джинсы Levi's, джинсовые босоножки на высокой платформе, индийские микровельветовые джинсы малинового цвета, импортные штаны и кроссовки. По словам жительницы Барнаула Ларисы Михайловой, которая в 1980-е гг. занималась «фарцовкой», «три цены "накручивались" на мужские сорочки из хлопка, закупавшиеся по 4 р. 50 коп. Мохеровые шарфы, купленные в московских Сокольниках по 80 р., уходили по 150 р. Торговать было сложно, мы ведь занимались незаконной деятельностью! На улице Малахова... у нас был свой пятачок, горожане его знали»⁸.

Таким образом, характерными явлениями советской торговли 1960-х – начала 1980-х гг. были очереди, отсутствие отдельных видов товаров и различные способы их добывания в обход пустующих магазинов. При этом, согласно официальной статистике, на всей территории СССР наблюдались систематический интенсивный рост объема розничного товарооборота и регулярное выполнение плана. Алтайский край в этом отношении не стал исключением. Однако нельзя отрицать дефицита, сложившегося в связи с отсутствием конкуренции в условиях плановой экономики, неэффективностью производства, особенностями распределения и проблемами функционирования государственной торговли. В результате действующей экономической системы постоянно растущий спрос населения полностью не удовлетворялся, что порождало теневую экономику и различные стратегии потребления.

⁸ Цит. по: *Попова Т.* Барахолку похоронил рынок // Вечерний Барнаул. 2011. 13 нояб.

Список литературы

1. *Иванова А.С.* Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 3(77).
2. *Иконникова С.Н.* На пороге гражданской зрелости. Об активной жизненной позиции современного молодого человека. Л., 1982. 175 с.
3. *Николаев В.Г.* Советская очередь: прошлое как настоящее // *Неприкосновенный запас*. 2005. № 5(43). С. 55–61.
4. *Романов П., Суворова М.* «Чистая фарца»: социальный опыт взаимодействия советского государства и спекулянтов // *Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования*. СПб., 2003. С. 148–163.
5. *Социализм и народное благосостояние* / под ред. К.И. Микульского. М.: Мысль, 1976. 446 с.
6. *Тихомирова А.* В 280 километрах от Москвы: особенности моды и практик потребления одежды в советской провинции (Ярославль, 1960–1980-е годы) // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 5(37).
7. *Ledeneva, A.* Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchanges. Cambridge, 1998. 256 p.

УДК 94(47).08

М.В. Шиловский

КАК РОССИЯ ПРИРАСТАЛА СИБИРЬЮ. КОЛОНИЗАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

История хозяйственного освоения Сибири в XVII – начале XXI в. рассматривается в контексте колониационной парадигмы как непрерывный процесс государственно-организованных миграций. Подобная практика порождала областническую тенденцию как течения отечественной общественно-политической мысли. Она, в свою очередь, подпитывала вялотекущую дискуссию о колониальном положении региона, которая напрямую соприкасалась с проблемой экономической целесообразности его освоения с точки зрения рыночных отношений.

Ключевые слова: Сибирь, освоение, ресурсная колония, монополия государства, областничество.

Освоение региона, начиная с конца XVI в., осуществлялось с использованием наработанных в отечественной практике мето-

дик, адаптируя их к местным условиям: в тайге – новгородскими приемами, в лесостепи – сооружением оборонительных линий. Заселение Сибири осуществлялось параллельно с Поволжьем и степной Украиной. «Русские люди закрепляли за собой эту страну в то самое время, – заметил ученик В.О. Ключевского М.К. Любавский, – когда у них под боком, на юге расстилались огромные слабонаселенные или совсем не заселенные пространства тучного чернозема, с мягким климатом, с богатыми рыбами, пчелиными и звериными угодьями». Причину, заставившую русских людей «захватывать пространство, не имея ресурсов для надлежащего ее заселения», он видел в том, что Сибирь была именно такой пустыней, которая должна была засасывать в себя русского человека, завлекая его все дальше в свои объятия» [2, с. 428]. Русских привлекали за Уралом пушнина, полезные ископаемые, а уж потом плодородные земли.

Освоение Сибири от похода Ермака до настоящего времени осуществлялось при активном участии государства. Данное обстоятельство определялось двумя комплексами причин.

Во-первых, необходимостью ускорить социальную мобилизацию российского, а затем советского общества в рамках Договора о развитии. Принуждение и насилие стали главными способами форсированного перехода к индустриальному обществу. Во-вторых, в России с IX в. складывалась «раздаточная» модель рыночной сферы, в которой главным субъектом выступало централизованное государство. Поэтому неприменим к отечественным экономическим и общественным отношениям принцип неприкосновенности частной собственности. На западе собственность выступает условием независимости индивида, у нас – наделение ею индивида в парадигме «раздаточной» экономики приводит к его «привязыванию» к государству.

Таким образом, «раздаточная» экономика означает условный характер владения собственностью, что мы наблюдаем в Сибири на протяжении всей истории ее хозяйственного освоения, а параметры этого владения в значительной степени определяются произволом власти и ее носителей на местах. Яркий пример в этом отношении являет история Российско-Американской компании (1799–1867).

На этапе протоиндустриальной фазы экономической трансформации (XVIII – конец XIX в. для Сибири) преобладала

сфера феодального предпринимательства казны и Кабинета его императорского величества. Так, Кабинет полностью монополизировал горно-металлургические комплексы Алтая и Забайкалья. Однако основная фигура кабинетской экономики – приписной крестьянин, являясь «объектом феодально-крепостнической эксплуатации», одновременно выступал субъектом рыночных отношений. Как убедительно показала Т.С. Мамсик на примере Кайлинской волости Томского округа, ее экономика в первой половине XIX в. «имела устойчивый высокотоварный характер и проявляла все признаки органичной включенности в систему товарно-денежного хозяйства региона. Рыночные связи охватывали отнюдь не отдельные группы хозяйств, скажем, только богатую и зажиточную, как правило, целенаправленно и массово производящие товарную продукцию» [3, с. 145].

Не всегда государство или монополистическое объединение, пользующееся государственной поддержкой, может выступать в качестве эффективно действующего с точки зрения получения прибыли хозяйствующего субъекта. Таких примеров в истории Сибири, дореволюционной и современной, можно привести немало. Но следует ли руководствоваться принципом стоимость–эффективность при оценке перечисленных выше стратегических государственных экономических проектов, реализуемых в течение длительного времени?

С начала XIX в. продолжается дискуссия о колониальном положении региона, которая напрямую соприкасается с проблемой экономической целесообразности его освоения с точки зрения рыночных отношений. В принципе и сейчас ведущие экономисты и политики рассматривают Сибирь как ресурсную колонию России и предсказывают дальнейшее пребывание ее в этом статусе. Со всем этим можно согласиться. Но вот что утверждает ведущий сибирский экономист В.И. Сулов: «По нашим расчетам, объем вывоза финансовых ресурсов из Сибири и Дальнего Востока (с учетом Тюмени и северных автономных округов) – около 100 млрд долларов. Это ненамного меньше валового продукта этого региона. Иными словами, почти ничего в Сибири не остается. Все оказывается в госбюджете и идет на цели, не связанные с развитием Сибири. Отношение к ней такое же, какое было к Аляске... Сибирь – это мост между континентами, и Россия будет стараться держаться за этот кусок. Но за него будут бороться и дру-

гие страны. И непонятно, кто в конце концов победит, потому что никаких серьезных шагов по поводу реального присоединения Сибири к России не делается»¹.

Эмоциональнее проблему интерпретирует историк В.А. Ламин: «Сибирь в очередной раз спасает Отечество в труднейшей геополитической ситуации. Велик ее вклад и в мировую индустриальную цивилизацию. Но все это проходит мимо самой Сибири! Веками существует и усугубляется, сегодня особенно, традиционно непреодолимый контраст между ее природными богатствами и унижительным убожеством повседневной жизни основной части бегущих из нее и живущих в ней людей» [1, с. 41].

Характерной чертой положения дел в Сибири является своеобразный областнический «ренессанс». С одной стороны, под флагом деидеологизации, экономического и правового нигилизма, сочетающегося с историческим невежеством, в обстановке популистских манипуляций, утопических надежд «на процветание» за счет монопольного обладания отдельными видами сырья (нефть, газ, лес, цветные металлы, алмазы, уголь и т.д.) происходит реанимация положений и лозунгов, имевших хождение в период социального катаклизма 1917–1920 гг. К сожалению, семьдесят лет ничему не научили. В какой-то степени это связано с претензией технократической интеллигенции, гуманитарно малообразованной, номенклатуры и управленцев на руководство обществом любыми средствами. Именно эти круги пытаются использовать козырную карту «защиты региональных интересов». Успокаивает то, что номенклатурному варианту сибирской автономии объективно препятствует стремление отдельных территорий выжить и процветать самостоятельно. В этих условиях ждать консолидации и борьбы за автономию региона придется долго и надеяться на нее можно лишь при условии всеобщего обнищания и разорения. Нищим и убогим делить нечего.

С другой стороны, в рамках поиска эффективной модели эволюционного перехода к демократии и многоукладной экономике наше общество в очередной раз столкнется с проблемой децентрализации управления громадными территориями. Мы на качественно новом уровне, с учетом многочисленных экономических, национальных, культурных проблем должны осмыслить и

¹ Суслов В.И. Сибирь – российская колония? // Честное слово (Новосибирск). 2009. 29 апр.

найти путь их решения, делая ставку и на региональную самостоятельность. Децентрализация и регионализация управления – объективная закономерность процесса реформирования.

Список литературы

1. Азиатская часть России: Новый этап освоения северных и восточных регионов страны: [кол. моногр.] / отв. ред. В.В. Кулешов. Новосибирск, 2008. 427 с.

2. *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 688 с.

3. *Мамсик Т.С.* Западносибирская приписная деревня в системе товарно-денежного хозяйства: Кайлинская волость по материалам окладных книг 1857 г. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. 267 с.

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ

УДК 94(47)"1861/1917"(093)

И.С. Менщиков, Д.И. Самохов

ПРИГОВОРЫ ВОЛОСТНЫХ СУДОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ РУССКИХ КРЕСТЬЯН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Рассматривается возможность использования приговоров волостных судов для изучения девиантного поведения русских крестьян второй половины XIX – начала XX в. на примере Курганского и Шадринского уездов. Авторы приходят к выводу, что волостные суды играли важную роль в сохранении традиционных социальных норм.

Ключевые слова: русское крестьянство, норма поведения, волостной суд.

Девиантное, т.е. отклоняющееся от принятых в обществе норм, поведение начали изучать в начале XX в. в рамках социологии. В конце века проблемами социального поведения заинтересовались отечественные историки. Большое значение имеет фундаментальный труд М.М. Громыко [3], в котором она не только рассмотрела основные формы поведения и нормы общения русских крестьян в XIX в., но и выделила основные формы контроля над ними со стороны социальных институтов. Социальное поведение русского крестьянства и проявления девиантного поведения стало предметом исследования нескольких авторов, в том числе сибирских (см. [1; 2; 4; 6] и др.). Основной акцент в трудах историков, в отличие от социологических исследований, делается на влияние исторических условий на формы поведения крестьян и их динамику в переходную эпоху модернизации в России.

Одним из главных затруднений, с которым сталкивается историк-исследователь при изучении девиантного поведения крестьян, является нехватка источников. Если социальные нормы были некоторым образом описаны, то их нарушения в крестьян-

ской среде фиксировались редко. Одним из наиболее ценных источников являются материалы волостных судов.

Эти суды были учреждены в России Александром II «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» 19 февраля 1861 г. в качестве низшей судебной инстанции крестьянского правосудия. В отличие от остальных судов волостной суд носил сословный характер и распространялся практически исключительно на крестьянское сословие, хотя под его юрисдикцию могли попасть и представители других «низших сословий» (мещане, посадские, ремесленники), если они постоянно проживали в деревне [7, с. 48]. Волостной суд рассматривался властями как временная мера, однако просуществовал вплоть до 1917 г. Он рассматривал судебные иски до 100 руб. и наказывал розгами, штрафом или арестом за мелкие правонарушения и нарушения общественного порядка [5, с. 57–59].

В конце XIX в. полномочия волостного суда были несколько расширены, а система таких судов распространена на южные уезды Западной Сибири. «Положение о земских участковых начальниках» ставило волостные суды под контроль нового должностного лица – земского начальника. В его задачи помимо надзора за крестьянским общественным управлением входил разбор споров о подсудности дел, возникавших между волостными судами, контроль над соблюдением сроков проведения заседаний, а также утверждение и установление этих сроков. Кроме того, «Положение» наделяло волостной суд правом рассматривать споры со стоимостью иска до 300 руб. [7, с. 48].

Волостной суд был, по сути дела, формой так называемых сельских или народных судов, которые В.В. Тенишев называет «суррогатами правосудия» [8, с. 33]. Эти «народные» формы правосудия включали в себя семейный суд, суд улицы, суд стариков и пр. и признавались участниками, но не законом. Их основная задача – привести спорящих к согласию, ибо иные меры могли рассматриваться как самосуд, что не мешало использовать меры физического и иного воздействия на виновных [8, с. 33, 66]. Создание системы волостных судов придало налагаемым наказаниям (в установленных законом рамках) легальный характер. В своих решениях волостные суды руководствовались обычным правом и представлением о «правде», т.е. справедливости. Это делает их приговоры интереснейшим источником при изучении социаль-

ных норм и их нарушений. К сожалению, большинство дел рассматривались в устном порядке и не фиксировались письменно, особенно при согласии сторон.

Рассмотрим конкретные примеры отображения асоциальной практики поведения крестьян по материалам решений волостных судов по таким проступкам, как прелюбодеяние, незаконное сожительство, проституция, пьянство. Так, например, в селе Каргополовом Шадринского уезда жена отпускного рядового Аграфена Попова, «не сказав мужу и его домашним, неизвестно куда ушла и до сих пор домой не возвратилась». В это же время стало известно, что проживающий в данном селе воспитанник Московского воспитательного дома Д. Степанов «до прибытия Попова в отпуск имел с его женой Аграфеной Поповой прелюбодейственную связь». На этом основании суд сделал предположение, что Попова и воспитанник Степанов ушли вместе¹.

Следующий случай показывает, что, несмотря на измену своей жены и угрозы со стороны ухажера, муж пытался сохранить брак. 16 июня 1896 г. близ села Замараевское того же Шадринского уезда полицейским сотским, был задержан крестьянин деревни Ковриги Краснопольской волости Егор Мурзин. Находясь в нетрезвом виде с ножом, он хотел «отнять жену» у крестьянина села Замараевское Ивана Яковлевича Важенина – Феклу Важенину, которая, как потом выяснилось, «находилась в противозаконном сожительстве более двух лет и теперь проживает у своего мужа». Сотский Шилов, который был вызван из-за шума, нашел при Мурзине нож. Важенин возвращался из отлучки и увез жену из деревни Ковриги в село Замараевское².

Сходное дело рассматривалось в Глядянском волостном суде 24 января 1884 г. Крестьянин деревни Межборной Александр Завьялков заявил, что жена ушла от него без видимой причины с Леонтием Катайцевым. Причем в деле указано, что Екатерина Завьялкова уже уходила с ним и решением суда от 14 ноября они уже были наказаны арестом. Далее в деле записаны слова мужа: «Екатерина к нему нейдет, а Катайцев продерживает её у себя, и Леонтий угрожает даже побить просителя, потому он просит наложить на них наказание». При расспросе Екатерина призналась, что не хочет жить с мужем, не упоминая о его грубом или же-

¹ Государственный архив города Шадринска (ГАГШ). Ф. 19. Оп. 1. Д. 236. Л. 7–8.

² Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 123. Л. 32.

стоком обращения, просто «не имея на то уважительной причины». Суд постановил наказать Завьялкову и Катайцева арестом в каталажке на семь суток. Кроме того, жена по отбытии ареста должна была вернуться к мужу³. Вот другой пример из решений того же Глядянского волостного суда от 5 марта 1894 г. Егор Гладков жалуется на свою жену Матрену: «Она уклоняется от совместного жительства с ним и вдается в разврат. Почему и просит наложить на неё меру наказания». Зная хорошо порочную жизнь Матрены, волостной суд приговорил ее к «общественным работам на шестеро суток»⁴.

Порой о старых грехах становилось известно спустя много лет. Так, житель деревни Максимовой Шадринского уезда Яким Завьялов обвинил в воровстве односельчанина и однофамильца Василия Завьялова в краже «разного имущества». В ходе судебного заседания обвиняемый сообщил следующее: «9 лет назад мать его, Феодосия Семенова, родила младенца в хлеву, а Яким Завьялов взял младенца за ногу и припрятал под полу тулупа, сел на запряженную в сани лошадь и увез его в поле, опустил в колодец его, после этого было формальное следствие. Мать же его, Феодосия Семенова, ныне умершая, и Яким Завьялов устраивали Василия всякими угрозами, чтобы не выносить никому об их действиях, как он по несовершеннолетию в то время был 18-ти лет, не посмел никому сказать»⁵.

В некоторых случаях (хотя гораздо реже) с жалобами на развратное поведение мужа обращались жены. Так, сохранилось обращение крестьянки села Глядянского Авдотьи Киселевой на своего мужа Ивана, «что он живет распутно, постоянно пьянствует, её же прогоняет от себя». Суд потребовал, чтобы муж вернулся к жене и наложил арест⁶.

Что же касается проституции, в волостном суде крайне редко рассматривались подобные случаи. Проституцией занимались солдатки или вдовы, располагавшиеся в избах на окраинах села. Например, имеется запись о том, что в деревне Каргопольской проживает солдатская жена, «занимающаяся пьянством распутством и непотребством, которая уже заразилась венерической

³ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. 129. Оп. 1. Д. 64. Л. 2–3.

⁴ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 53. Л. 15.

⁵ ГАГШ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 58. Л. 41–42.

⁶ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 9.

болезнью...». По этой причине «волостной староста просит выслать ее на лечение в Бакланскую больницу»⁷. В селе Глядянском в 1887 г. отставной солдат Ефим Ганин содержал игорный притон и предоставлял за деньги кров для «незаконного сожительства». В частности, в деле указано, что в данный момент у него «проживает крестьянская жена Саломатовской волости Авдотья Вахромева. С этой Авдотьей пьянствует и имеет любовную связь крестьянин села Глядянского Иван Киселев». За предоставляемую крышу он платил Ганину 40 коп. в месяц. Сельский староста села показал, что «у Ефима Ганина постоянно проживают женщины распутного поведения, кроме того, он позволяет в своем доме крестьянам играть в карты на деньги»⁸.

В архивных фондах сохранилось очень много дел, в которых рассматриваются пьянство и сопровождавшее его «буйство». Приведем несколько примеров. В селе Кислянском в конце декабря 1889 г. у пьяного крестьянина Кузьмы Осипова кабатчик и его жена прямо в питейном заведении, воспользовавшись беспомощным положением этого крестьянина, сняли с него в счет выпитого полушубок, шапку и рукавицы. Причем хозяин заведения в ответ на жалобу жены этого крестьянина, которая прибежала в кабак и сказала, что муж ее мог замерзнуть до смерти и уже обморозился, заявил: «Собаке – собачья смерть»⁹.

В Глядянской волости 27 апреля 1907 г. в суде рассматривалось дело крестьянина Семена Алексеева, который, будучи пьяным, шатался по селу и требовал водки. Затем он пошел в питейное заведение, где в грубой форме потребовал еще водки, «но не было денег, а без денег водку не дали». В итоге суд приговорил его к штрафу и взысканию материального ущерба (за выбитие окон) к 10 руб. 50 коп. и аресту на пять суток¹⁰. Довольно часто в суд обращались девушки и женщины с жалобами на то, что в пьяном виде к ним приставали мужчины. Например, 15 ноября 1907 г. в волостном суде рассматривалось дело о «нанесении бесчестия крестьянской девице с. Глядянского Ирине Меншиковой», у которой крестьянин Семен Липихин, будучи пьяным, сорвал с головы гре-

⁷ ГАГШ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 236. Л. 13.

⁸ ГАКО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10.

⁹ Там же. Ф. 189. Оп. 1. Д. 204. Л. 1–4.

¹⁰ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 255. Л. 153–154.

бенку в присутствии посторонних. Дело было прекращено за примирением сторон¹¹.

Таким образом, рассмотренные в данной статье примеры из судебных решений волостных судов дают яркую картину случаев девиантного поведения русских крестьян в Западной Сибири. К сожалению, объем и характер данной работы не позволяют привести другие, не менее интересные, случаи из судебной практики. Однако и рассмотренные дела могут служить важным источником для изучения поведенческих особенностей крестьян второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. *Безгин В.Б.* Волостные суды России: компетенция, состав, практика // Российский судья. 2009. № 9. С. 40–43.
2. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 280 с.
3. *Громыко М.М.* Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 445 с.
4. *Зверев В.А.* Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск: Изд-во НГПИ, 1993.
5. *Леонтьев А.А.* Волостной суд и юридические обычаи крестьян. СПб.: Типография М. Меркушева, 1895. 140 с.
6. *Меншиков И.С., Федоров С.Г.* Девиантное и деликвентное поведение русских крестьян Южного Зауралья во второй половине XIX – начале XX в. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. 260 с.
7. *Пахарнаев А.И.* Закон, обычай и волостной суд (руководство для крестьян). Пермь: Типо-литография губернского правления, 1894. 76 с.
8. *Тенишев В.В.* Правосудие в русском крестьянском быту. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 240 с.

¹¹ Там же. Л. 322–323.

УДК 94 (574)"189/192"

С.Г. Белоус

**РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ОБ АГРАРНОМ ВОПРОСЕ
В КАЗАХСТАНЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.
(Н. Скалозубов, О. Шкапский, Т. Седельников)**

Работа посвящена взглядам представителей русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. на аграрный вопрос и его влияние на ситуацию в Казахстане. Рассмотрены позиции чиновников колониальной администрации, стоявших на стороне интересов коренного населения, и их роль в укреплении межэтнических отношений.

Ключевые слова: аграрный вопрос, интеллигенция, Казахстан.

На рубеже XIX–XX вв. на территории Казахстана обострился аграрный вопрос. Это связано с переселением крестьян из центральных регионов Российской империи на национальные окраины и изъятием для них земель из пользования коренного населения, а также с сокращением земельных наделов казахов, вследствие ломки коренной системы землепользования и начавшегося перехода от кочевого скотоводства к оседлому образу жизни.

Глубокий демократизм мировоззрения русской интеллигенции всегда имел большую притягательную силу для казахов. Необходимо отметить, что среди лиц, представлявших колониальную администрацию края, находились люди, сочувствовавшие демократическим ценностям, вносившие свой вклад в дело восприятия казахской национальной культуры, что во многом способствовало корректировке имперских представлений об «отсталости инородцев» [4, с. 39].

Рассматриваемые нами Т.И. Седельников, Н.Л. Скалозубов и О.А. Шкапский имели непосредственное отношение к аграрному вопросу в степи и пытались внести лепту в его справедливое разрешение, однако их имена не имеют широкой известности, что, на наш взгляд, является ошибкой.

Н.Л. Скалозубов (1861–1915 гг.) – известный сибирский агроном-селекционер, видный общественный деятель, депутат Государственной думы, сыграл огромную роль в развитии сельского хозяйства Сибири [6, с. 3]. Свои знания и энергию он направ-

вил на пробуждение края. Работать ему пришлось зачастую под негласным, а то и под гласным надзором.

Депутат Государственной думы от Тобольской губернии Букейханов (лидер казахской национальной интеллигенции, председатель партии «Алаш») писал о нем в газете «Казах»: «В третьей Думе за землю боролся как депутат от казахов. При рассмотрении бюджета постоянно выступал за их интересы, написал книгу о казахских бедняках и их состоянии. Учитывая неосведомленность русской общественности о жизни казахского народа, часто выступал в газете «Речь». Писал о традициях казахов, жизни простых бедняков, нравах кочевого народа, его гостеприимстве. Все это, считал он, необходимо для изменения взглядов политиков относительно проблемы казахов. Ради сохранения их прав на свою землю он неоднократно выезжал в разные уголки края, открывал двери многих чиновников и добивался решения многих вопросов в их пользу» [1, с. 281].

В своем докладе Н. Скалозубов писал: «По моему глубоко-му убеждению, усвоенный стремительный порядок заселения степи грозит в будущем неисчислимыми бедствиями. Частая необходимость правительственной продовольственной помощи переселенцам в киргизских степях служит предвестником и показателем больших несчастий в будущем при наступлении сухого периода, когда вся степь замирает, когда не родятся ни хлеба, ни травы, а вода высыхает»¹. Н. Скалозубов был возмущен тем, что производители работ, торопясь нарезать наибольшее число десятин, отвод излишка земли под участки производили иногда, не видя земли в натуре, таким образом, как будто вся земельная площадь идеально однородна. Казахам оставляли арифметическое число десятин по норме, вырезав от них все наиболее им необходимые угодья: пашни, покосы, оросительные каналы и т.п. Огромная площадь степи, лишенная единственного водопоя, превращалась в пустыню, но согласно официальным документам соответствовала нормативам наделения².

Не за подобную ли честность и принципиальность убеждений А. Букейханов писал о нем: «Настоящий человек, Николай Лукич был заступником казахского народа. Без него казахи – сироты. Казахи должны помнить его всегда» [1, с. 282].

¹ ГАРФ. Ф. 5102. Оп. 1. Д. 291. Л. 12 об.

² Там же. Л. 15 об.

Еще одним примером служат взгляды О.А. Шкапского (1865–1918 гг.), который являлся политическим деятелем, этнографом и статистиком, исследователем Средней Азии. С 1892 г. он занимал в администрации Туркестанского края различные должности, связанные с вопросами земледелия и проблемами переселенцев, в 1905 г. стал заведующим переселенческой партией в Семиречье. В 1917 г. О. Шкапскому вместе с М. Тынышпаевым были поручены «вопросы устройства Семиречья и вопросы киргизского быта в крае» в качестве комиссаров Временного правительства [3].

Будучи чиновником, О. Шкапский открыто выступал с критикой политики правительства в отношении экономического устройства степи. Благодаря его работам представляется возможность проследить, как на местах проводилась аграрная политика самодержавия. Они проникнуты стремлением описать положение казахского населения, насильственно лишенного земли, вынужденного уходить с обжитых земель, разоряющегося под давлением казачьей и крестьянской колонизации.

В своем очерке по аграрному вопросу на Аму-Дарье О.А. Шкапский затрагивает проблему земледелия и землевладения. Вопросы, рассматриваемые в труде, дают понять, что автор широко осведомлен о проблемах аграрных отношений в степи. При этом он подчеркивает, что «коренное изменение их, без внимания к установившимся обычаям, хотя бы самое изменение сделано было под влиянием новейших законов науки, невольно вызовет ломку его экономической жизни» [7]. О. Шкапский пояснял, что необходимо было выработать условия землепользования, а для этого требовалось иметь более или менее точные данные о составе местного населения и его хозяйственной деятельности, о современном положении земледелия, о возможном будущем этой отрасли хозяйства, обо всем земельном фонде.

Описывая историю переселенческого движения в последнее десятилетие XIX в., О.А. Шкапский отметил неоднократные случаи изъятия земель у казахов, обострение земельного вопроса в регионе и полную неподготовленность администрации к решению этих проблем. Он пришел к выводу, что методы, которые использовались при проведении в жизнь столь серьезных преобразований, не являлись рациональными и не могли быть применимы и далее, и в таких же масштабах.

Одной из ярких фигур рассматриваемого периода является Т.И. Седельников (1876–1930 гг.) – землемер, депутат Государственной думы от Оренбуржья. После многих лет службы в Переселенческом управлении в Казахстане Т. Седельников убедился в недостаточном знакомстве с казахской жизнью представителей царской администрации, в том числе Ф.А. Щербины и А.А. Кауфмана, участвовавших в выявлении и отборе казахских земель под переселенческие участки.

Осенью 1905 г. в Оренбурге Седельников сделал публичный доклад на тему: «Борьба за землю в Киргизской степи и колонизационная политика правительства» [2]. В этом докладе он констатировал, что при землеотводных работах строго соблюдалось правило, согласно которому исследованию подвергались не целые уезды и тем более области, а лишь местности, где планировалось образовать переселенческие участки. Налицо было отрицание принципа общности и связанности земельного владения для огромных районов Степи. Таким образом, деятели землеотводного дела нисколько не вникали в нужды коренного населения, не стремились изучить все территории, а ставили целью отнять лучшие участки земли.

23 апреля 1920 г. он написал подробное письмо В.И. Ленину, в котором показал, насколько были непродуктивны усилия как царского, так и советского бюрократического аппарата в отношении кочевого населения Казахстана [5]. Давая оценку собственной проделанной работе, он признается, что стал интернационалистом, вытравив последние прожилки великодержавного высокомерия и шовинизма: «Теперь мне башкирские, киргизские и др. мелких отсталых народов "обида и горечи" гораздо больнее, чем многим природным инородцам... очевидно, отчасти здесь скажется и примесь тюркской крови в моих жилах»³.

В скором времени о содержании тех же проблем он поведает Сталину в качестве члена коллегии Наркомата земледелия. На этот раз речь пойдет о переселении периода 1920–1921 гг., «голодном переселении», как он его обозначил. В очередной раз он напоминает, что колонизация затрудняет и расстраивает прежде всего поземельное устройство коренного и вообще «старожилого» населения на окраинах. Интересы этого населения никем и никогда не

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 258. Л. 14.

выяснялись, не учитывались и не взвешивались должным образом с точки зрения объективно научного критерия⁴.

Седельников, изучивший проблему поземельных отношений в Казахской степи «изнутри», не понаслышке знал о нуждах казахского населения. Но, в отличие от большинства колониальных чиновников, занимавшихся вопросами землеустройства в Степи, а также затем и их советских преемников, он не только понял новые тенденции в системе поземельных отношений у казахов, но и уловил перемены в умонастроениях, в традиционных представлениях кочевников о земле.

Подобное правдоискательство было характерно для русской революционной интеллигенции того времени. Это были люди, ищущие истину, с ярко выраженным, зачастую смелым мнением, что, вероятно, помогло им выдвинуться вперед и заставить обратить внимание на себя. Очевидно их далеко не равнодушное отношение ко всем проблемам населения Степного края и поиск всевозможных путей их решения: проведение скорейшего землеустройства казахов с временной остановкой переселения, наделение людей землей по такой норме, которая позволила бы вести рациональное и выгодное хозяйство в соответствии с природными условиями края. Все они в должной мере осознавали, насколько важно при проведении аграрной реформы учитывать особенности и своеобразие опыта хозяйствования на земле.

Список литературы

1. *Бөкейханов Ә. Шығармалар.* Алматы: Қазақстан, 1994. 384 с.
2. *Седельников Т.И.* Борьба за землю в киргизской степи и колониальная политика правительства. Петербург, 1907.
3. *Тынышпаев М.* История казахского народа. Алматы : Қазақ университеті, 1993. 224 с.
4. *Хабижанова Г.Б., Валиханов Э.Ж., Кривков А.Л.* Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Русская книга, 2003. 288 с.
5. Царская окраина: взгляд изнутри. (Письмо Т. Седельникова пролетарскому вождю) // Мысль. 1993. № 6. С. 83–89; № 7. С. 79–82.
6. *Шелухин И.С.* Николай Лукич Скалозубов. Новосибирск: Кн. изд-во, 1961. 79 с.: ил.

⁴ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 5585. Л. 2.

7. Шкапский О. Аму-Дарьинские очерки: к аграрному вопросу на Нижней Аму-Дарье. Ташкент, 1900. 283 с.

УДК 94(470.5)"1920/1924"

О.М. Семерикова

**СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТРУДОВЫЕ КОММУНЫ
ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1924 гг.***

Рассматривается возникновение и деятельность сельскохозяйственных трудовых коммун в Екатеринбургской губернии в 1920–1924 гг. Основными причинами их возникновения являлись административный фактор и тяжелое материальное положение части крестьянства. Жизнеспособность данного вида колхозов зависела от государственной поддержки.

Ключевые слова: крестьянство, военный коммунизм, нэп, сельскохозяйственные коммуны, Урал.

Создание коммун в Екатеринбургской губернии проходило чуть позднее и в меньших масштабах по сравнению с подобным процессом в центральных губерниях Европейской России. По подсчетам В.В. Гришаева, в Пермской губернии (в состав которой входили уезды будущей Екатеринбургской губернии) в 1918 г. было организовано только 23 коммуны [2, с. 35]. Во многом это было связано с событиями Гражданской войны и меньшим влиянием партийного руководства на волостном и сельском уровнях. В декабре 1919 г. большинство уездных земельных отделов Екатеринбургской губернии ответили на запрос губернского земельного комитета, что к этому периоду сведения о реально действующих сельскохозяйственных коммунах отсутствовали. Из Камышловского уезда сообщали, что «в 1918 г. организовалось до 17 коммун, артелей и товариществ, но они не были как следует организованы, не имели уставов, не были зарегистрированы, а земля им в

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

натуре в определенных границах отведена не была и в уземотделе вообще об этих организациях нет почти никаких сведений»¹.

В конце 1919 – начале 1920 г. партийными организациями и органами советской власти была проведена усиленная агитация за коллективное ведение сельского хозяйства, которая подкреплялась обещаниями моральной и материальной поддержки: субсидиями, предоставлением коммунарам выбора земельных участков. Эта деятельность не имела ожидаемого эффекта. По сообщениям уездных земотделов, «население совершенно не идет навстречу» идее создания коллективных хозяйств. Тем не менее весной 1920 г. началось более активное создание сельскохозяйственных трудовых коммун. К 15 марту 1920 г. в Екатеринбургской губернии было зарегистрировано 53 коммуны и артели, подлежало регистрации еще 15 коллективных хозяйств². В Оренбургской, Челябинской, Екатеринбургской, Тюменской губерниях и Уральской области вместе взятых на 1 декабря 1920 г. насчитывалось 213 коммун [2, с. 67].

За образец устава принимался нормальный устав сельскохозяйственной производственной коммуны, утвержденный Наркомземом в феврале 1919 г. Большинство уставов было оформлено на готовых типографских бланках, в отличие от подобного процесса в Европейской России, где уставы первых коммун часто представляли собой продукт самостоятельного творчества народных масс и отправлялись в курирующие органы в письменном виде.

В число организаторов и активистов коммун входили прежде всего наиболее мобильные и энергичные акторы сельской жизни, имеющие внеземледельческий (отходнический) и военный опыт. Например, член коммуны «Красная заря» Усть-Миасской волости А.П. Дмитриев до 1916 г. работал по найму у землевладельца Вершинина, а также на паточном заводе каргапольского купца И.Е. Морозова, в мае 1916 г. был мобилизован в армию, обучался военному делу в Уфимской губернии, революцию 1917 г. встретил в Витебске³. Основатель коммуны «Равенство» Мамин-

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 298. С. 32.

² Там же. Д. 320. Л. 59.

³ *Воспоминания* Дмитриева Андрея Павловича / сост. В.П. Шестаков, с. Усть-Миасское // Свободная мысль. 1914. 8 марта. / Южно-Уральская Ассоциация

ской волости Каменского уезда К.З. Подрезов до Февральской революции 1917 г. «состоял в армии в Петрограде»⁴.

Создание коммун в Екатеринбургской губернии шло в основном на наделных (крестьянских) землях, лишь единичные коллективы были сформированы на землях иных форм собственности (церковная, казенно-оброчная, частная).

Коммуны Екатеринбургской губернии состояли в среднем из 7–9–11–16 и более семейств⁵. Это отличает данную территорию от центральных частей Европейской России, где нередко были случаи организации коммун, состоящих из 2–3–5 хозяйств. В.В. Кабанов, проанализировав причины организации последних, идентифицировал этот вид объединения с традиционной формой временного крестьянского объединения внутри общины – супрагой, главным стимулом которой была нужда, где простое сложение средств производства давало выход из положения [1; 4]. Для нас в этой аналогии интересно то, что, несмотря на разный количественный состав, одна из характеристик малых коммун встречалась и в Екатеринбургской губернии. Речь идет о том, что некоторые хозяйства в таких объединениях не обобществляли скот, инвентарь и даже посев, что не соответствовало уставу. Согласно докладу инструктора бюро коллективных хозяйств Екатеринбургского уезмотдела П. Бочинина от 2 июня 1920 г. в коммуне «Форферу» «находятся все семьи на своей нарезке». В коммуне «Равенство», по ведомостям учета, как в 1920 г., так и в 1921 г. зафиксировано, что осуществление посева и обмолота велось по каждой отдельной семье, количество скота и наличных продуктов на 12 февраля 1921 г. также указывалось по каждой семье отдельно⁶.

Коллективные хозяйства губернии в 1920–1924 гг. отличались острой нехваткой живого и мертвого инвентаря, так как были организованы преимущественно беднейшей частью сельского населения. Государственные семенные и денежные ссуды и пособия, выдача в безвозмездное пользование живого и мертвого инвентаря местными земельными органами, кредиты в кооперативных организациях являлись неотъемлемой частью жизни кол-

генеалогов-любителей. Город Челябинск [электронный ресурс]. – URL: <http://uralgenealogy.ru/content/view/689/224>. (Дата обращения 15.09.2016).

⁴ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 11.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 10, 37, 38.

лективных хозяйств. С первых дней существования уральские коммуны получили возможность финансирования из миллиардного фонда⁷. Нужно отметить, что средства можно было получить достаточно легко. Так, Екатеринбургский губернский земельный комитет 16 марта 1920 г. постановил: «Признавая, что предоставленные сметы 14 коллективов (8 коммун и 6 артелей. – О.С.) недостаточно подробные, не опротестовывать общую сумму в 1 870 508 руб. 80 коп.», считать возможным «ходатайствовать об отпуске в распоряжение Екатеринбургского губернского комитета 5 000 000 для выдачи ссуд коллективам с обязательством предоставить в ближайшее время подробной сметы»⁸.

Получение «легких» финансовых и иных материальных средств в большинстве своем вызывало формирование различных видов задолженностей у коммун, которые они не торопились закрывать. В результате обследования 6 коммун Шадринского уезда было выявлено: коммуна «Скнемвар» за 1922 и 1923 гг. имела в задолженности 900 пуд. овса и 13 пуд. люцерны, за 1924 г. – 12 пуд. шведского овса, 279 пуд. 10 фунт. вики, 29 пуд. 27 фунт. люцерны; коммуна «Сад» в 1924 г. – задолженность Селькутсоюзу за товары – 767 руб., Сельхозбанку за семсуду – 250 руб.; коммуна «Муравейник» – Селькутсоюзу – 313 р. 50 к., Сельхозбанку – 163 р. 70 к.; коммуна «Заря» – продналога – 224 р. 7 к., семсуды – 1154 р. 38 к.; коммуна «Свобода» – семсуды пшеницы 150 пуд., овса – 75 пуд., вики – 24 пуд., ячменя – 13 пуд., Селькутсоюзу – 240 руб.; коммуна «Пролетарий» – Селькутсоюзу – 300 руб., семсуды пшеницы – 40 пуд., овса – 60 пуд.⁹

Необходимо также отметить активное участие коммун в товарно-рыночных отношениях в губернии. Архивные источники свидетельствуют об их участии в арендных отношениях¹⁰, присут-

⁷ 2 ноября 1918 г. СНК РСФСР принял декрет «Об организации социального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства», в соответствии с которым был создан специальный фонд в размере одного миллиарда рублей для выдачи ссуд и пособий коммуна и сельхозартелям, а также сельским общинам и группам крестьянских хозяйств при условии их перехода от единоличной к коллективной обработке земли [3].

⁸ ГАСО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 320. Л. 59.

⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 148. Л. 35 об., 36, 36 об.

¹⁰ Там же. Д. 83. Л. 115; Д. 148. Л. 35 об.

ствии дополнительных заработков на личные нужды¹¹, наличии найма рабочей силы со стороны¹².

Отношение к коммунарам со стороны сельских жителей было неоднозначным. Негативную реакцию вызывали предоставляемые им льготы по продразверстке. Так, совет коммуны «Равенство» Маминской волости Каменского уезда доводил до сведения подотдел колхозов уезмотдела 9 марта 1921 г., что «от граждан и гражданок Подкорытовского общества [осуществляется. – О.С.] невыносимое давление на членов коммуны ввиду разверстки хлеба. Они говорят, что из-за вас нас так обобрали. 8 [марта. – О.С.], в день женского праздника избранным даже угрожали поленами. Председателя коммуны и членов партийных и волостного волонтера т. Некрасова угрожали и хотели выбросить со сборного дома»¹³. Ответственный секретарь Ирбитского окружкома РКП(б) В. Пыхтеев 3 июля 1924 г. в секретном письме сообщал, что при проведении отчетной кампании окружного исполкома приходилось слышать от крестьян: «Когда Советская власть перестанет поощрять деревенских лодырей (бедноту) и будет тяжесть гос. налога накладывать ровно?»¹⁴.

Немаловажную роль в отрицательном отношении местного населения сыграло то, что часть коммунаров непосредственно были связаны с партийными и советскими органами. Так, член коммуны «Красная заря» Усть-Миасской волости Шадринского уезда Дмитриев Андрей Павлович с марта 1921 г. являлся председателем комбеда в дер. Грачёвой, а также в феврале 1921 г. в составе отряда, сформированного из коммунистов, участвовал в военных действиях на территории волости¹⁵.

Недоброжелательное отношение сельских обществ к коммунарам формировалось и в результате претензий последних на наиболее хорошие участки пахотной и особенно луговой земли.

¹¹ В информационной сводке инспектора Шадринского окружкома РКП(б) в январе 1925 г. сообщалось: «...замечается, что члены коммуны («Красный Герой» Четкаринского района. – О.С.) помимо отпускаемых средств из общего фонда приобретают кое-что для себя неизвестно из каких средств или доставая таковые на стороне или допускают воровство» // Там же. Л. 114.

¹² Та же сводка гласит: «При сенокосе коммуной («Муравейник». – О.С.) применяются вольнонаемные рабочие до 15 человек, а при уборке урожая и молотье – до 5 человек, так же и при постройках» // Там же. Л. 115.

¹³ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 46.

¹⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 101. Л. 96–97.

¹⁵ Воспоминания Дмитриева Андрея Павловича...

Так, в протоколе от 20 ноября 1920 г. общего собрания граждан Чупровского общества в количестве 90 чел. был зафиксирован отказ общества на выдел участка земли в урочище у реки Багаряк по заявлению членов коммуны «Красный пахарь», при компромиссном решении о выделении участка возле озера Куяш с шириной в 250 сажень, с чем представители коммуны так и не согласились¹⁶.

Деятельность и жизнеспособность коммун во многом зависела от их материального благополучия, влияния организационного звена коллектива и партийных ячеек. Шадринский окружной комитет РКП(б) в августе 1924 г. сообщал: «Замечается в коммунах недостаток организаторских сил, из-за чего наблюдались выходы из коммун из-за шкурных интересов». Верхне-Теченский райком РКП(б) в январе 1925 г. информировал: «Сельскохозяйственные коммуны переживают критический момент в поисках дальнейшего организационного оформления. Одна часть членства стремится к выходу, продолжая подпадать под НЭП, вторая старается удержать от распада»¹⁷.

Таким образом, рассмотрев в общих чертах практическое воплощение идеи коллективного хозяйства с максимальным обобществлением материальных и трудовых ресурсов в Екатеринбургской губернии в 1920–1924 гг., необходимо констатировать преобладание административного фактора при их организации, а также влияния на активизацию этого процесса тяжелого материального положения части крестьянских хозяйств. Выживаемость коммун всецело зависела от государственной помощи и потребности крестьян в борьбе с голодом через традиционную концепцию совместных трудовых практик.

Список литературы

1. *Гончарова И.В.* Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг. // История государства [электронный ресурс]. – URL: <http://statehistory.ru/4684/Kollektivnye-khozyaystva-TSentralnogo-CHernozemya-v-1920-e-gg> (дата обращения 15.09.2016).
2. *Гришаев В.В.* Сельскохозяйственные коммуны Советской России. 1917–1929. М.: Мысль, 1976. 188 с.
3. Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам (1917–1957 гг.). М., 1957. Т. 1. С. 70.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 65. Л. 56 об.

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 148. Л. 29, 35 об.

4. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М.: ИЦ ИРИ РАН, 1997. 156 с.

УДК 314.6

Л.Н. Мазур, О.В. Горбачев

**ЭВОЛЮЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ
В 1920–1960-е гг. В ЗЕРКАЛЕ СТАТИСТИКИ БЮДЖЕТОВ ***

В статье рассматривается эволюция крестьянской семьи в России в условиях демографического перехода. Информационную основу исследования составили базы данных, созданные по материалам бюджетных обследований крестьянских хозяйств на Среднем Урале за 1929 и 1963 гг.

Ключевые слова: крестьянская семья, бюджетные обследования, демографический переход, семейная структура.

Источниковую базу изучения истории российской семьи обычно составляют переписи населения, в которых, начиная с 1897 г., фиксировалась информация о главе семьи, ее численности, наличии детей и пр. В агрегированном виде эти сведения публиковались в «Итогах переписей»; первичные переписные бланки при этом, как правило, уничтожались. В результате имеющиеся в распоряжении демографов статистические данные формируют весьма ограниченную картину эволюции семьи, не позволяя в полной мере реконструировать демографические процессы, а также изучить трансформацию структуры и функций семьи в XX в.

Недостатки имеющейся источниковой базы можно компенсировать привлечением материалов бюджетных обследований. Они содержат сопоставимую первичную информацию о семье за длительный период (с 1920-х по 1980-е гг.). Преимущество бюджетной статистики состоит также в том, что в рамках бюджетных обследований семья рассматривается не только как демографическая ячейка, но и как потребительская единица. Возмож-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

ность комплексного анализа всей информации о семье-домохозяйстве открывает новые возможности для исторической реконструкции, включая моделирование.

Материалы бюджетных обследований крестьянских хозяйств 1920-х гг. неоднократно привлекались для изучения проблем материального благосостояния крестьянства, реконструкции практик землепользования и образа жизни крестьянской семьи 1920-х гг. Имеется опыт использования бюджетной статистики 1960-х гг. для изучения материального благосостояния колхозного двора и его семейной структуры (см. [1; 2; 6; 7; 8] и др.). Но потенциал бюджетной статистики, особенно ее первичных документов, еще не исчерпан. В региональных архивах помимо статразработочных таблиц хранятся первичные бланки – наиболее информативные для целей изучения демографической истории семьи¹.

Бюджетные обследования крестьянских хозяйств получили развитие в Российской империи в конце XIX в., благодаря деятельности земств. После революции 1917 г. они были возобновлены и первоначально носили единовременный характер, проводились гнездовым экспедиционным способом. В 1929 г. бюджетные обследования достигли своего пика, тогда экспедиционным методом было опрошено порядка 20 тыс. хозяйств [4, с. 55]. В дальнейшем их численность сократилась, поскольку в стране развернулась массовая коллективизация. В центре внимания органов статистики оказались колхозы, а не индивидуальные хозяйства.

Начиная с 1932 г. в СССР создается постоянная бюджетная сеть, которая охватывала 0,01% семей населения страны. В 1969 г. она насчитывала около 62 тыс. семей, изучаемых в режиме мониторинга. Семьи отбирались в соответствии с принципами типической выборки. В Свердловской области в 1960-е гг. обследовалось около 2 тыс. семей, в том числе 400 семей колхозников, 1000 – рабочих, 660 – инженерно-технических работников.

Программа бюджетного обследования включала следующие постоянные разделы: сведения о семье, бюджет рабочего времени; доходы от работы; оборот продуктов в семье; расходы на приобретение промышленных товаров, транспорт, жилье, бытовые услуги, налоги и долги; структура питания; размеры и струк-

¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1812. Оп. 12. Д. 39–60; Ф. 1813. Оп. 14. Д. 3529, 3581–3584.

тура приусадебного хозяйства. Вся информация фиксировалась в статистических формах. В 1930-е гг. их насчитывалось 5, первые четыре относились к первичным и заполнялись на основе опроса и самонаблюдения. В 1950-е гг. число опросных форм сократилось до трех, а в 1960-е гг. – до двух. Ежемесячно на каждую семью заполнялась статистическая форма 1 «Бюджет семьи», а также форма 2 «Контрольная тетрадь статистики по бюджетам», которая представляла собой годовую сводку помесечных записей.

На основе изучения первичных бланков бюджетных обследований на Среднем Урале (в 1922 г. – Екатеринбургская губерния и с 1934 г. – Свердловская область) была составлена база данных за 1929 и 1963 гг. Данный регион интересен тем, что на протяжении XX в. демонстрировал характерный для России среднестатистический тренд демографических процессов. Дополненная сведениями других источников (первичные данные Первой переписи 1922 года, сведения переписей населения 1926, 1939 и 1959 гг.), информация бюджетов позволила проследить основные тенденции развития российской семьи, в том числе выделить этапы и особенности демографического перехода.

Крестьянская семья стала центральным звеном трансформации семейной структуры советского общества. В 1920-е гг. она определяла демографический портрет советского общества. В дальнейшем, под влиянием индустриализации и урбанизации, крестьянская семья постепенно уступает свои позиции, но вплоть до 1960-х гг. сохраняет свое влияние, формируя у значительной части населения стандарты демографического поведения и семейных отношений.

Традиционную крестьянскую семью необходимо рассматривать как архетип, наследие аграрного общества, в основе которого лежит представление о семье как производственной ячейке. Крестьянская семья – это прежде всего хозяйство/двор, основанное на половозрастном разделении труда и включенности всех членов семьи в хозяйственную деятельность. Жизненный цикл крестьянской семьи и ее экономический статус определяется трудо-потребительским балансом. Преобладание большесемейных коллективов и неразделенных семей в крестьянской среде соответствовало принципу экономической целесообразности. Крестьянские семьи имели, как правило, сложную структуру, включая детей, иногда приемных, родителей, бабушек и дедушек.

О сохранении традиционных черт в 1920-е гг., несмотря на все революционные веяния, свидетельствуют материалы крестьянских бюджетов. На 1928 г. в Уральской области было 1240,3 тыс. индивидуальных крестьянских хозяйств, в опросе участвовало 400 (0,32%), в архиве сохранились 325 бюджетов. Из 325 семей, принявших участие в обследовании, 201 хозяйство (62,15%) было создано ранее 1913 г., остальные были образованы в 1920-е гг. Всего в 1929 г. 32% семей отметили, что их хозяйство выросло в сравнении с дореволюционным периодом, 41,54% – «стоит на месте» и у 25,23% респондентов отмечался упадок хозяйства, причины которого были вызваны нехваткой рабочих рук, неурожаями, высокими налогами, недостатком рабочего скота.

Сравнение структуры крестьянских домохозяйств по числу членов семьи позволяет сделать вывод о преобладании семей с числом членов от 5 до 7 чел., причем их доля к 1929 г. выросла с 41,09 до 60,3%. Численность малых семей (2–4 чел.) составила чуть меньше 1/3 и имеет тенденцию к сокращению (с 32,67 до 28%). Доля крупных хозяйств с числом членов более 8 чел. сократилась с 16,83% в 1913 г. до 6,46% в 1929 г. Данные колебания в значительной степени вызваны естественными причинами, связанными с жизненными циклами эволюции семьи. Кроме того, следует учитывать влияние экономических факторов на развитие домохозяйств. В изучаемый период они носят противоречивый характер: во-первых, послевоенный кризис и политика нэпа стимулировали процессы объединения и укрупнения хозяйств; во-вторых, налоговая политика советской власти в 1928–1929 гг. и угроза раскулачивания способствовали разделу хозяйств. Средний состав крестьянской семьи снизился и составил в 1913 г. 6,1 чел., в 1929 г. – 5,52 чел.

В 1929 г. более половины крестьянских семей в выборке (56,92%) составили простые нуклеарные семейные коллективы, в большинстве случаев представленные брачными парами с детьми. Также отмечается высокий удельный вес трехпоколенных семей, относящихся к подтипам «расширенные по восходящей» (21,85%) и «расширенные по нисходящей» (14,77%). Именно эти категории семей определяют общую семейную структуру в сельской местности Уральской области в 1929 г. Их дополняют различные варианты неполных семей (6,47%), половина которых относится к простым нуклеарным. Интересно, что даль-

нейшая тенденция развития семейных структур связана с сокращением разнообразия демографических типов и увеличением удельного веса неполных семей.

Серьезные изменения в семейной структуре российского крестьянства и функционале семьи происходят в 1930-е гг. На семейные процессы в этот период оказывали влияние два основных фактора: 1 – разукрупнение крестьянских хозяйств как попытка ухода от раскулачивания, 2 – голод 1932 г. и репрессии. Они положили начало процессам раскрестьянивания, что отразилось на среднем составе семьи и ее структуре. В частности, по данным переписи 1939 г., число одиноких в структуре сельского населения Свердловской области составило 2,4%; вырос удельный вес малых семей из 2–4 чел. – до 64,3%; и, напротив, сократилась доля больших семей (так, семьи из 5–7 чел. составили 32%; из 8 и более человек – 3,7%). Средний состав семьи сократился до 4,03 чел. [5, с. 289].

Вместе с тем основой экономической жизни семьи по-прежнему оставалось дворохозяйство (приусадебное хозяйство), которое вплоть до конца 1950-х гг. определяло уровень доходов и потребления семьи. Сохранение экономической основы крестьянской семьи способствовало сохранению патриархального характера взаимоотношений, традиций половозрастного распределения труда, подчиненной роли женщины и других черт, свойственных традиционной крестьянской семье. Таким образом, в семейной жизни крестьян наблюдается отставание социальных трансформаций от демографических. Этот разрыв во многом определяет специфику демографического перехода крестьянской семьи: сохранение на протяжении всего изучаемого периода традиционности во внутрисемейных отношениях при существенном изменении ее демографических характеристик.

Следующий этап трансформации крестьянской семьи был связан со Второй мировой войной, а также послевоенным развитием. Данный период характеризуется резким уменьшением численности сельского населения (на Урале с 1941 по 1965 г. оно сократилось на 41%) [9, с. 137–139], изменением его половозрастной структуры и, как следствие, семейной структуры. В частности, из-за прямых потерь мужского населения в годы войны, а также миграционного оттока в послевоенный период увеличилась доля неполных семей и выросло число одиноких женщин, сократилось

количество детей в семье. Показательным является снижение средней численности семьи с 4,04 чел. в 1939 г. до 3,6 чел. в 1965 г. [3, с. 15]. Динамика и уровень средних показателей численности сельской семьи отражают общую тенденцию перехода от многочисленных крестьянских семейных коллективов к малым нуклеарным семьям, что явилось следствием не только чисто демографических закономерностей перехода, но и результатом неблагоприятных социально-экономических условий, сложившихся в российской деревне и обусловивших мощный миграционный отток сельского населения в города.

Рост удельного веса малочисленных семей в структуре крестьянства подтверждает также бюджетная статистика. В 1963 г. в семейной структуре малые семьи (2–4 чел.) преобладали (61,53%). Выделяется достаточно большая группа одиноких (9%), представленная в основном пожилыми женщинами. Чуть меньше трети семей (29,41%) было из 5 и более человек. Средняя семья колхозника в 1963 г. составила 3,5 чел., модальное значение – 3 чел. Распределение крестьянских семей по демографическому типу свидетельствует, что на Среднем Урале преобладали «супружеские пары с детьми» (37,1%), причем половина из них были многодетными и имели 3 и более детей. Практически каждая третья семья в уральской деревне была неполной (29%) и относилась к демографическому типу «мать (отец) с детьми» или «мать (отец) с детьми и родителями».

Таким образом, в крестьянской семье в изучаемый период происходили сложные и неоднозначные процессы, которые были объективно предопределены демографическим переходом. Изменения постепенно охватывали все сферы семейной жизни, наиболее активно модернизируя демографическую структуру семьи, а также ее функции и внутрисемейные отношения. Вместе с тем в крестьянской семье продолжали сохраняться черты патриархальности и традиционные производственные и бытовые практики, обусловленные наличием приусадебного хозяйства. В 1970-е гг., когда роль приусадебного хозяйства в бюджете семьи постепенно начала снижаться, наступила завершающая стадия демографического перехода – унификация семейной структуры общества, стирание типологических отличий между сельской и городской семьями.

Список литературы

1. *Артемова О.В.* Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997. 24 с.
2. *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. М.; Вологда: [б.и.], 1991. 256 с.
3. *Безнин М.А.* Материальное положение колхозников Российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. Вологда: Волог. гос. пед. ин-т, 1988. Ч. 1. 53 с.
4. *Бокарев Ю.П.* Бюджетные обследования крестьянских хозяйств 20-х годов как исторический источник. М.: Наука, 1981. 309 с.
5. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г. Уральский регион / сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: Изд-во Гуманит. ун-та, 2002. 372 с.
6. *Глумная М.Н.* Единоличное крестьянское хозяйство на Европейском Севере России в 1933–1937 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. 56 с.
7. *Мазур Л.Н.* Крестьянская семья на Среднем Урале в первой половине 1960-х гг.: опыт реконструкции по материалам бюджетных обследований колхозников // Проблемы отечественной и зарубежной истории, теории и методики обучения истории: сб. науч. стат. Екатеринбург: УрГ-ПУ, 2002. С. 130–144.
8. *Мазур Л.Н.* Крестьянский двор на Среднем Урале в первой половине 60-х годов (По материалам бюджетных обследований) // ЭВМ и математические методы в исторических исследованиях. М., Изд-во ИРИ РАН, 1993. С. 139–165.
9. Население Урала. XX век: история демографического развития: [кол. моногр.]. Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. 212 с.

УДК 94(571.1)"1932/1933"

В.Б. Лапердин

**ХОД И ИТОГИ ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ
1932/33 г. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ***

Рассмотрены ход и итоги хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в Западно-Сибирском крае. Определенный для края план хлебозаготовок был выполнен благодаря административному нажиму и репрессиям. Одной из основных проблем кампании стало невыполнение годового задания совхозами.

Ключевые слова: аграрная политика, колхозно-совхозная система, хлебозаготовительная кампания 1932/33 г., Сибирь.

15 июля 1932 г. Западно-Сибирский крайком принял постановление о плане хлебозаготовок на 1932 г. По крестьянскому сектору предполагалось собрать 1 015 600 т зерна. В совхозах Наркомзема – 221 тыс. т. План гарнцевого сбора составлял 94,7 тыс. т. При этом предусматривалась пятипроцентная страховая надбавка с целью покрыть возможный недобор хлеба из-за допущенных ошибок при учете урожайности.

Таким образом, в Западной Сибири планировалось заготовить к 15 декабря 1932 г. порядка 85 млн пуд. зерна. Эта цифра казалась реальной, так как в предыдущей кампании в условиях засухи удалось получить 65 млн пуд. Как и в предыдущем году, размеры задания определялись не столько возможностями аграрного производства в крае, сколько потребностями Центра, стремившегося не только создать хлебные резервы, но и вывезти зерно за границу. Западная Сибирь не рассматривалась в качестве региона-экспортера, однако сибирским хлебом снабжалась Средняя Азия и Дальний Восток. Поэтому объемы заготовок выходили далеко за пределы удовлетворения региональных потребностей.

Существовавшая в начале 1930-х гг. система определения урожайности не гарантировала точных данных об урожайности. Зачастую начальные цифры завышались или занижались еще на уровне отдельных сельсоветов, колхозов и совхозов. В 1932 г. директора совхозов, стремившиеся отчитаться о проведенной удар-

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00067.

ными темпами посевной кампании, предоставляли неточные сведения о площадях посевов. Позже для получения одобрения вышестоящих инстанций ими завышались данные о видах на урожай. Контрольная краевая комиссия, оценивавшая деятельность Ададымского зерносовхоза, выяснила, что его дирекция завысила урожай, заявив о 72 тыс. ц валового сбора, в то время как согласно актам апробации на корню, проведенной в конце лета, биологическая урожайность составляла 69 тыс. ц. Позже дирекции пришлось снижать данные о его размерах по причине высоких потерь в ходе сбора урожая. В ноябре было заявлено о 59 тыс. ц валового сбора. Фактически же совхоз собрал около 41 тыс. ц¹. Подобные случаи были не единичны. Так, Алабатинский зерносовхоз в октябре сообщил об урожае в 90 тыс. ц, в ноябре – 83 тыс. ц. Всего собрали 78 тыс. ц². Западно-Сибирский зернострест зачастую не посылал уполномоченных на места для выяснения точности сведений. Определение урожайности стало внутренним делом совхозов, их данные практически не проверялись, что дало возможность дирекции самим устанавливать цифры.

Не лучше обстояло дело при определении урожайности в колхозах и на полях единоличников. Здесь часто допускались просчеты при вычислении валового сбора, а заинтересованные стороны старались изменить цифры сообразно своим интересам. Районное руководство разрывалось между желанием получить поощрение вышестоящих инстанций за хорошую работу и необходимостью обеспечить нормальное функционирование колхозов, остававшихся после выполнения хлебозаготовительного плана без зерна. И если крайком еще мог допустить завышение данных об урожайности, то их сокрытие строго наказывалось вплоть до уголовной ответственности.

Таким образом, низовая система определения урожайности предоставляла краевым и центральным организациям недостоверные данные об урожайности. Те в свою очередь вносили собственные поправки, стараясь исправить недочеты, допущенные на местах. Но зачастую это вызывало еще большую путаницу в статистике. Ситуация усугублялась отсутствием общепринятой методологии вычисления урожайности.

¹ Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 525. Л. 55–56.

² Там же. Л. 23, 30.

Ход кампании 1932/33 г. проходил с переменным успехом для крайкома. Так, августовский план оказался провален (вместо 32,5 тыс. т удалось собрать 25,6). А вот сентябрьский план удалось выполнить досрочно. Не менее успешным оказалось выполнение октябрьского плана. В этот месяц на заготовительные пункты поступила треть заготовленного в ходе кампании хлеба. Ноябрьские и декабрьские планы оказались провалены. Тем не менее к 15 декабря 1932 г. в целом по краю удалось собрать 91,7% плана, в том числе по колхозам и крестьянам-единоличникам – 99%. В выполнении плана сильно отставали совхозы, сдавшие к этому моменту 59,4% установленной для них нормы (в том числе зернотрест – 58%, сортсементрест – 56,3%)³.

К 1 января 1933 г. для выполнения краевого плана по совхозам оставалось заготовить порядка 85 тыс. т. Именно такой план был утвержден крайкомом на январь⁴. Стимулировав хлебосдачу в совхозах при помощи репрессивных мер и получив 44,3 тыс. т, а также еще 13 тыс. т от колхозов и крестьян-единоличников, крайком окончательно выполнил годовой план. Объявлено об этом было на заседании бюро крайкома 21 января 1933 г.

Основная сложность хлебозаготовок 1932/33 г. для Западно-Сибирского крайкома заключалась в необходимости заготовить в совхозах установленный Центром план. В предыдущую кампанию отстающим являлся крестьянский сектор из-за переоценки возможностей единоличников. В кампанию 1932/33 г. слабым звеном оказались совхозы. Они показали если не свою несостоятельность в рамках сталинской аграрной модели, то, во всяком случае, ограниченность возможностей. Совхозы не выполнили в полном объеме задание, составлявшее 18% краевого плана. Недополученный хлеб пришлось компенсировать за счет крестьянского сектора. Собранный в совхозах хлеб было получено под жестким нажимом со стороны крайкома.

В постановлении от 19 декабря 1932 г. крайком обязал районные комитеты партии выполнить не только планы по крестьянскому сектору, но и помочь в их выполнении близлежащим совхозам⁵. Работники бюро райкомов должны были выехать в совхозы для оказания помощи в организации хлебозаготовок.

³ Там же. Д. 354. Л. 177–178 об.

⁴ Там же. Д. 441. Л. 5–5 об.

⁵ Там же. Д. 354. Л. 178 об.

Столь категоричные меры связаны с тем, что край не выполнил годового плана к 15 декабря. С этого момента успешное завершение кампании стало зависеть от получения хлеба в совхозах. В январе 1933 г. специальная комиссия, состоявшая из членов крайкома, устанавливала сроки и размеры сдачи по отдельным совхозам (чем раньше занимались тресты). Персональную ответственность за это несли не только директора совхозов, но и также секретари райкомов и уполномоченные крайкома⁶. Они могли лишиться партбилета и предстать перед судом.

Говоря о совхозах, необходимо определить причину возникшей ситуации. Во-первых, планирующие органы допустили промах при оценке их возможностей. Если в 1931 г. в Западной Сибири совхозы получили задание сдать государству 82,2 тыс. т зерна, то в 1932 г. – 242,4 тыс. т. Даже учитывая расположение большинства совхозов в засушливой части региона, пораженной неурожаем в 1931 г., план следующего года оказался выше почти в три раза, что не могло быть обосновано ни ростом их количества, ни увеличением механизации. Это обуславливалось не только политической конъюнктурой и необходимостью получить максимальное количество зерна для проведения индустриализации. Приняв постановление заготовить в 1932 г. в Западной Сибири 85 млн пуд., планирующие органы могли распределить план по секторам так, чтобы в ходе кампании не пришлось вновь его переписывать. Однако адекватно оценить возможности совхозов им помешала существовавшая система определения урожайности, при которой статистические данные не соответствовали реальности. Директора совхозов, стремясь получить одобрение вышестоящих инстанций, завышали сведения о посевных площадях и ожидаемой урожайности. При этом полученные с мест цифры практически не проверялись. Проблема заключалась не только в том, что совхозы вырастили зерна меньше ожидаемого. Высокие потери при его сборе, хранении и транспортировке стали еще одной причиной, почему фактический урожай оказался меньше. Препятствовало хлебозаготовкам процветавшие в совхозах хищения. Большое количество хлеба, выращенного в совхозах, ушло на черный рынок.

Таким образом, во время кампании 1932/33 г. в Западной Сибири было заготовлено 85 млн пуд., к которым следует прибав-

⁶ Там же. Д. 441. Л. 7.

вить возврат ссуды и выполнение гарнцевого сбора. Всего с начала хлебозаготовок, по официальным данным, из деревни было изъято около 96,4 млн пуд. зерна. Это привело к новому голоду, ставшему логическим последствием событий предыдущего года, когда по причине неурожая и аграрной политики государства край столкнулся с серьезной продовольственной проблемой.

УДК 94(571.150)"1941/45"

А.А. Мазырина

**ХЛЕБ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ УСТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)***

Предпринята попытка на материалах устных исторических источников, записанных в Залесовском и Благовещенском районах Алтайского края, определить место хлеба в системе питания сельского населения в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, традиционная культура, система жизнеобеспечения, замещающие технологии, Алтайский край.

В советской и российской историографии немало внимания уделено Великой Отечественной войне. Исследования охватывают проблемы, связанные с предысторией, ходом боевых операций, итогами войны и другими аспектами, касающимся фронта, а также трудовых подвигов. Результаты трудового подвига являлись непосредственным и существенным вкладом, но существовали и опосредованные факторы победы. Это адаптационные механизмы системы жизнеобеспечения крестьянской семьи, ее способность выживать в экстремальных условиях военного времени. Т.К. Щеглова обращает внимание на особую роль традиционной культуры сельского общества в адаптационных практиках и жизненных стратегиях военного периода [7, с. 253]. Она также ввела в изучение культуры жизнеобеспечения такие понятия, как кре-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019a1.

стьянская система преодоления трудностей и заместительные технологии [6].

В годы войны наблюдалось перемещение ряда основных элементов культуры жизнеобеспечения на периферию и, наоборот, периферийных вспомогательных элементов – в центр системы жизнеобеспечения крестьянской семьи. Ярким примером служит соотношение хлеба и картофеля в питании, где хлеб уходит на второй план. На смену хлебу приходит суррогатный продукт – мучные изделия с добавлением дикоросов или подмешивание в хлеб примесей. Картофель же переходит в категорию базовых продуктов.

Традиционная культура обеспечила систему жизнеобеспечения и жизнедеятельности сельского общества в экстремальных условиях необходимыми знаниями, умениями и навыками, несмотря на процесс раскрестьянивания. В.А. Ильиных обращает внимание на борьбу советского государства с религиозными верованиями и насаждение новых обрядов взамен традиционных (комсомольские свадьбы, «красные» похороны и т.д.) [3, с. 133]. Но все эти изменения носили в целом поверхностный характер и не до конца ломали основы традиционной крестьянской культуры. В.А. Ильиных полагает, что традиционная культура продолжала «существовать "в подполье"» [4, с. 47].

Принципиальное значение имеет и то обстоятельство, что в сельском обществе в годы войны осталась прослойка «потомственных крестьян», вышедших из крестьянской цивилизации и сохранивших единоличную и общинную модель хозяйствования – это поколение бабушек и дедушек, познавших крестьянские традиции и единоличную модель хозяйствования с опорой на трудовые возможности семьи и «кормящий ландшафт» [7, с. 256].

Вопроса традиционной системы питания крестьян Сибири и Алтайского края в дореволюционной России касались в своих работах М.М. Громыко, В.А. Липинская [2; 5]. В неурожайные годы собирали росшую по предгорьям дикую гречиху – карлык, мололи и пекли из нее хлеб и лепешки. Кроме того, при необходимости добавляли в муку и другие суррогаты. В годы войны крестьяне тыловой деревни, оказавшиеся в разных социально-материальных условиях, трудных, экстремальных, чрезвычайных, прибегали к использованию примесей для изготовления хлеба, а где-то и полностью к замене муки суррогатами. «Ну, потом уже из

зерна. А вперед туда мешали и жмых, и отруби, и даже опилки подсыпали понемногу»¹.

В качестве добавки в хлебное тесто использовался и картофель. В мирное время в питании русских основное место занимал хлеб и мучные изделия, а в войну зерно, производимое в колхозах, отправлялось на нужды фронта и с первых дней войны хлеб стал «деликатесом» для крестьянской семьи [1, с. 309]. «Ну, а потом осенью давали сколько-то там зерна, потом это зерно мололи на мельнице. И мельница в Залесово была, и вот на мельнице немножечко мучки, остальное картошку терли, добавляли чуть-чуть мучки, а у кого семьи большие – крапивы в хлеб добавляли»².

Картофель добавляли в разных видах. По воспоминаниям Е.К. Коровиной, в их семье бабушка добавляла сырую картошку: «Да вымоешь её хорошо, и с кожурой, ототрешь, отожмешь, вот эти отжимки, туда муки, дрожжи и пекли, ну, как драники сейчас вот пекут, но конечно ложат сейчас, чё там, тогда ничего не ложили»³. В семье А.В. Яшиной добавляли вареную картошку: «Ну, конечно, и картошку добавляли, чтоб побольше было. Картошку это, я помню, добавляли, картошку. Толкли, толкли туда. Сварить надо, потолочь, а потом туда»⁴.

Традиционной оставалась и выпечка хлеба. По воспоминаниям респондентов, хлеб замешивали и на закваске – тестом, оставшимся после последней выпечки. «А вот как, я не помню, какую-то закваску делали, и всегда она хранилась, добавляли эту, сквашивали, «квашня» была деревянная. Такая, как сказать, как кастрюля, вот такая вот, только с дерева сделанная. Ну и вот этой «мутовкой» месили, сверху тряпочкой закрывали, веревочкой завязывали, чтобы насекомые не попали, и даже их не было, все равно завязывали, не знаю, зачем, и на полку ставили»⁵. Второй вариант замешивания теста – на дрожжах, которые готовили из

¹ Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЦУИИЭ ЛИК АлтГПУ). Материалы историко-этнографической экспедиции (ИЭЭ) 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка, Молчанова Ф.Ф., 1936 г.р.

² Там же. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Залесовский район, с. Залесово, Коровина Е.К., 1937 г.р.

³ Там же.

⁴ Там же. ЦУИИЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка, Яшина А.В., 1925 г.р.

⁵ Там же. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Залесовский район, с. Залесово, Коровина Е.К., 1937 г.р.

хмеля. «Вот тогда хмель был. Вот такие шишечки. Вот этот хмель отваривали. Потом в муку сыпали. Вообще они делали свои дрожжи, и дрожжи были очень хорошие»⁶.

Приемы хлебопечения соответствовали традиционным. Тесто ставили заранее, оно поднималось, несколько раз подмешивали его «мутовкой». Раскатывали тесто, формировали круглые булки. «Ставили, оно поднимется, потом бабушка еще помнет это тесто, потом снова поставит, оно поднимется»⁷.

Прежде чем поместить хлеб в печь, нужно было ее вычистить: «Печку истопят, было помело, это как веник, там все подметали в печке и этот хлеб на лопату ложили, и туда на этот вот "под", ну вот он выпекался, корочка вкусная была»⁸. Помелом начисто выметали под печи. Информанты указывают на пихтовое или еловое помело. «Помело обычное какое-то – еловое что ли, пихтовое делали, чтобы запах был»⁹. Затем выпекали хлеб, в печку сажали деревянной лопатой на капустные листья или на под.

Таким образом, традиционный рацион русских крестьян Алтая состоял из мучных изделий и хлеба. В результате внешних воздействий – таких, как неурожай, голод, война, крестьяне прибегали к использованию примесей и различных добавок в хлеб. Однако традиционные правила приготовления хлеба не менялись, а были адаптированы с использованием суррогатов к привычным. Нужно сказать, что сложившаяся в отечественной историографии традиция изображения трудового подвига жителей тыла в годы войны требует некоторой корректировки. Введение в научный оборот воспоминаний рядовых участников изучаемых событий позволяет расширить понятие «Великой Победы», увидеть негероическую сторону войны, оценить в большей степени «повседневные подвиги» жителей сибирской тыловой деревни.

Список литературы

1. Алекса Д.В., Рыков А.В. Огородничество в системе жизнеобеспечения сельского русского населения Алтайского края в годы Великой

⁶ Там же. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Благовещенский район, с. Благовещенка, Молчанова Ф.Ф., 1936 г.р.

⁷ Там же. Аношкина П.К., 1926 г.р.

⁸ Там же. Материалы ИЭЭ 2015 г.: Залесовский район, с. Залесово, Коровина Е.К., 1937 г.р.

⁹ Там же.

Отечественной войны // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: АлтГПУ, 2015. Вып. 9. С. 306–311.

2. *Громыко М.М.* Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. 352 с.

3. *Ильиных В.А.* Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы // Российская история. 2012. № 1. С. 130–141.

4. *Ильиных В.А.* Тенденции и этапы процесса раскрестьянивания в Сибири в советский период (к постановке вопроса) // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 2. С. 42–48.

5. *Липинская В.А.* Русское население Алтайского края: народные традиции в материальной культуре (XVIII–XX вв.). М.: Наука, 1987. 224 с.

6. *Щеглова Т.К.* Повседневные практики и система жизнеобеспечения сельского населения в борьбе с холодом и голодом в тыловой деревне Сибири как фактор Победы в Великой Отечественной войне: новые подходы и источники в исторических исследованиях // Великая Отечественная война: история, методология, современное осмысление: материалы междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2015. С. 586–599.

7. *Щеглова Т.К.* Система жизнеобеспечения сельского населения тыловой деревни Алтая в годы Великой Отечественной войны: повседневные адаптационные практики, замещающие технологии и жизненные стратегии (в программе Центра устной истории и этнографии, посвященной 70-летию Победы) // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г. : археология, этнография, устная история. Барнаул: АлтГПУ, 2015. Вып. 10. С. 248–262.

УДК 94(571.150)"1941/45"

А.В. Рыков

**ВЛИЯНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ПОСТАВОК ГОСУДАРСТВУ
НА МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНИКОВ АЛТАЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)***

Предпринята попытка рассмотреть влияние обязательных поставок в годы войны на положение колхозного крестьянства, отношение крестьянства к данному виду обложения и взаимоотношения крестьянства и государства по поводу взимания поставок.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, колхозное крестьянство, устная история, обязательные поставки, Алтайский край.

Большое значение в изучении социально-экономического положения колхозного крестьянства в годы Великой Отечественной войны имеет рассмотрение налогообложения. Важной частью налогообложения колхозников были обязательные поставки государству. Они являлись налогом по своей сущности, так как возмещение за поставки носило символический характер. Налогообложение сельских жителей в годы войны неоднократно становилось предметом исследования советских историков советского периода. Основной упор исследователи делали на рассмотрение процессов денежного налогообложения.

Освещение натурального налогообложения и, в частности, госпоставок началось только в постсоветский период [1; 2; 3; 4; 5], но в целом данный вопрос все еще остается малоизученным. В связи с этим представляется важным его рассмотрение на базе новых, ранее не использовавшихся источников. К числу таких источников следует отнести документы личного происхождения в целом и устные источники в частности.

Основной источниковой базой данной работы стали устные интервью, проведенные автором в ходе историко-этнографических экспедиций Алтайского государственного педагогического университета в 2012, 2014, 2015 гг. в Панкрушихинском, Романовском, Залесовском и Благовещенском районах Алтайского края.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-31-01019а.

Натуральные государственные поставки сельхозпродуктов формально носили возмездный характер. Однако они осуществлялись по установленным очень низким государственным ценам. Особенно это проявилось в годы войны. Заготовительные цены оставались такими же, как и перед войной: 3 коп. за 1 кг картофеля, 41–53 руб. за голову крупного рогатого скота, 32–48 руб. за одну свинью [1, с. 73]. На рынках же в войну были совершенно другие цены. Например, на колхозном рынке в рабочем поселке Тальменка Алтайского края в феврале 1944 г. 1 кг картофеля стоил 12 руб., 1 кг говядины – 135 рублей, а 1 кг свинины – 180 рублей¹. Фактически в годы войны колхозные дворы осуществляли практически безвозмездную передачу продукции государству.

Государство изымало у колхозников большие объемы продовольствия, которые в условиях войны и так были крайне скудными. Примечательным является тот факт, что при опросе респондентов о налогообложении в годы войны первое, что они вспоминали в абсолютном большинстве случаев – натуральное налогообложение. М.Т. Дворянкина: «Налоги были страшные, платили. И вот мы держали корову, овец немножко, свинью. И вот зарежем овец, молоко сдавали, кур держали, яйца сдавали. Потом, если зарежешь овцу, овчину сдай тоже. Все сдавали»².

Также значимость данного вида налогообложения для крестьян подчеркивает и тот факт, что большинство респондентов, несмотря на прошествие большого времени, точно помнят размеры налога по различным видам продуктов. Н.П. Маслов: «Ну, вот у нас примерно: я держу корову – я обязан сдать 350 литров молока с коровы, с одной головы. Теперь если держу я ... теленок от нее есть мясо, ты сдай там сколь 50 килограмм или 70. Там принесут квитанцию, на ней указано, сколько там. Яиц там 300–200 штук сдать государству»³.

Главной особенностью данного налога заключалась в том, что мясо и яйца сдавались независимо от наличия в хозяйствах

¹ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1359. Оп. 1. Д. 104. Л. 10.

² Архив Центра устной истории и этнографии Лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета (ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ). Материалы историко-этнографической экспедиции (ИЭЭ) 2014 г. Романовский район, п. Майский. Дворянкина М.Т., 1933 г.р.

³ Там же. Материалы ИЭЭ 2012 г. Панкрушихинский район, с. Кривое. Маслов Н.П., 1932 г.р.

скота и птицы; шерсть и овчины – с каждой головы козы, овцы (по фактическому поголовью, имеющемуся в хозяйстве на начало каждого года). Данное противоречие отразилось и в воспоминаниях респондентов. Большинство из них отмечало, что отсутствие в хозяйстве коровы, поросят, овец, коз, кур вовсе не освобождало от обязательств по сдаче молока, мяса, яиц и шерсти. И.М. Кудрявцев: «Вот держишь ты овечку, не держишь ты овечку – полторы овчины сдай. Хоть овцы, хоть нет – полторы овчины сдай»⁴.

В результате колхозники разными способами пытались решать данную проблему. Основным способом, по воспоминаниям респондентов, был взаимозачет, когда колхозники сдавали продовольствие друг за друга в счет будущих налогов. А.И. Поздеева: «Вот если полагалось 100 литров за год сдать, ты их хоть за неделю сноси. Потом квитанции дают с этого маслозавода. В сельсовете был налоговый отдел, туда эти квитанции сносились. Было такое, что больше сдавали, а потом говорили, давайте вы мне деньги, а я вам квитанцию, выручали друг друга»⁵.

Следует отметить, что при сдаче продуктов учитывалось не только их количество. При сдаче молока устанавливалась его базисная жирность, и если жирность сдаваемого продукта была меньше базисной, то сдаче подлежало его большее количество. В условиях войны – из-за проблем с кормами, использованием коров в качестве тягловой силы в колхозах – становилось гораздо сложнее выдерживать необходимое качество молока. В результате колхозникам приходилось сдавать гораздо больше молока для того, чтобы выполнить план. Этот момент хорошо отложился в памяти респондентов. Н.П. Маслов: «А оно как сдашь, 300 литров унес молока с коровы, ну, думаешь теперь, молоко будешь есть досыта, а тут посчитают-то – жирность малая. Добавка еще 50 литров чтобы [сдал]. И еще 50 носишь, вот так вот»⁶.

Если колхозник не мог выполнить государственные поставки, то он становился должником. В этом случае применялись меры государственного воздействия. В ноябре 1942 г. СНК СССР было принято постановление⁷, согласно которому на колхозни-

⁴ Там же, пос. Лебедиха. Кудрявцев И.М., 1932 г.р.

⁵ Там же. Материалы ИЭЭ 2015 г. Залесовский район, с. Залесово. Поздеева А.И., 1932 г.р.

⁶ Там же. Материалы ИЭЭ 2012 г. Панкрушихинский район, с. Кривое. Маслов Н.П. 1932 г.р.

⁷ ГААК. Ф. Р-834. Оп. 11. Д. 41. Л. 293–295.

ков-недоимщиков мог быть наложен штраф «до двукратной стоимости не сданных в срок продуктов, исчисленной по рыночной цене». Также устанавливалось, что в бесспорном порядке (т.е. без решения суда) у недоимщиков-колхозников взыскивались зерно, мясо, картофель и семена масличных культур. Значительно сокращался список вещей, которые не могли подпадать в погашение недоимок [4, с. 65]. За неоднократное или злостное невыполнение поставок недоимщики привлекались к уголовной ответственности по ст. 59-6 УК РСФСР.

В воспоминаниях респондентов сохранились картины того, как проходили изъятия имущества за невыплату налогов. М.Е. Любанский: «Все забирали. Все. У бабушки [рассказывает о семье жены] за налог, за налог забрали капусту с погреба, огурцы, помидоры с кадочки. Тогда в бочках, кадочках солили в то время... И вот они приехали, забрали капусту, помидоры. Ревела мать. Их 6 человек было. Они плакали все голосом: "Оставьте хоть деткам". Ничего не оставили. Все забрали»⁸.

Список литературы

1. *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни: крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: [б.и.], 1993. 245 с.
2. *Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В.* Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда; Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 140 с.
3. *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа. М.: [б.и.], 1995. 79 с.
4. *Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
5. *Попов В.П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95–114.

⁸ Архив ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2014 г. Романовский район, п. Рассвет. Любанский М.Е. 1931 г.р.

УДК 94(47).084.9

С.Н. Андреенков

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ КОЛХОЗНОЙ СИСТЕМЫ
В СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.: МОТИВЫ, ТЕНДЕНЦИИ, РЕЗУЛЬТАТЫ**

Проанализированы мотивы, основные тенденции и результаты преобразования колхозной системы в середине 1950-х гг., которое представляло собой внедрение в сельскохозяйственные артели базовых элементов индустриальной (совхозной) формы организации производства. Показано, что «совхозизация» колхозов имела глубокие и противоречивые последствия.

Ключевые слова: колхозная система, совхозы, сельское хозяйство, аграрный строй, Н.С. Хрущев.

В конце 1920-х гг. руководство СССР приступило к социалистической модернизации сельского хозяйства, результатом которой должна была стать замена мелкотоварных крестьянских хозяйств высокотоварными сельхозпредприятиями. Для крестьян обязательным этапом перехода к социалистическому хозяйству являлось вступление в колхоз. Важная роль в преобразовании аграрной экономики отводилась крупным специализированным совхозам. Планы радикальных аграрных реформ не предусматривали существования личных подсобных хозяйств (ЛПХ) и создания постоянно действующих машинно-тракторных станций (МТС).

Сформированный в 1930-е гг. аграрный строй отличался от принятых к реализации теоретических конструкций. Его базовой организационно-производственной структурой стали колхозы, которые функционировали под жестким административным, налоговым, финансовым и технологическим контролем государства. Важным элементом новой аграрной системы являлись МТС, осуществлявшие техническое обслуживание колхозов на принудительной и возмездной основе. Неотъемлемой составляющей аграрного строя сталинского социализма были ЛПХ. Совхозы не стали ведущим типом сельхозпредприятий, а фактически превратились во вспомогательный придаток колхозной экономики.

В первые годы после смерти И.В. Сталина основным типом хозяйств по-прежнему считались колхозы. Подъем аграрного сек-

тора экономики коллективное руководство страны во главе с Г.М. Маленковым связывало с очищением колхозной системы от наиболее одиозных элементов сталинской модели аграрного строя. В середине 1950-х гг. верховная власть прекратила репрессии против колхозников, разрешила им самостоятельно определять трудовую нагрузку и планировать общественное производство, понизила налоговое бремя сельхозартелей и ЛПХ, повысила заготовительные цены на зерновые культуры, животноводческую продукцию, картофель и овощи. Доходы селян существенно выросли.

Однако повысить заинтересованность колхозников в развитии коллективного хозяйства не удавалось. Работники сельхозартелей стали устанавливать для себя пониженные нормы выработки трудодней и умеренные производственные планы. Численность лиц, игнорировавших труд на общественных полях и фермах, возрастала. Ряды «уклонистов» пополнялись в основном за счет женщин, стремившихся уделять больше внимания ведению личного хозяйства.

Политическим оппонентом Г.М. Маленкова являлся партийный лидер Н.С. Хрущев. В конце 1953 – начале 1954 г. он активно продвигал идею об освоении целинных и залежных земель Казахстана, Урала и Сибири. Такой проект представлялся своевременным и эффективным, поскольку предусматривал немедленное преодоление обострявшегося зернового дефицита. Целинная программа, пройдя ряд этапов разработки, была директивно оформлена в феврале–марте 1954 г.

В соответствии с программой на неосвоенных землях востока страны было развернуто строительство зерновых совхозов. В 1954 г. на целине организовали 124 государственных сельхозпредприятия. В январе 1955 г. на пленуме ЦК партии Н.С. Хрущев добился смещения Г.М. Маленкова с поста председателя правительства и заявил о необходимости создания на новых землях дополнительно 280–300 госхозов. В итоге в 1955 г. на целине был основан 301 совхоз. Всего в СССР на вновь осваиваемых земельных массивах появилось 425 зерносовхозов.

После XX съезда партии (февраль 1956 г.), на котором Н.С. Хрущев добился права самостоятельно определять хозяйственную политику государства, «совхозизация» вышла за пределы целинных районов. Государственные хозяйства создавались

уже на обжитых, в том числе пригородных, территориях с использованием инфраструктуры и мощностей старых госхозов и экономически слабых колхозов. Вновь организуемые сельхозпредприятия специализировались на производстве мяса, молока, яиц, картофеля и овощей, предназначенных для улучшения продовольственного снабжения горожан, и должны были вытеснить с городских рынков частного сельхозпроизводителя.

В колхозную систему стали активно имплантировать элементы совхозной формы организации производства. Размеры сельхозартелей увеличивались путем слияния нескольких хозяйств. В Сибири за 5 лет средняя численность дворов в одном колхозе выросла почти в 1,5 раза, размеры посевных площадей и количество крупного рогатого скота – в 2 раза. У укрупненных сельхозартелей появились дополнительные финансовые средства, используемые для наращивания как производственных, так и непроизводственных фондов, а также оплаты труда. Более широкое распространение получила система авансовых выплат, многим крупным хозяйствам удалось перейти от трудодней к гарантированной зарплате. Одним из последствий политики укрупнения колхозов стало развитие межколхозных хозяйственных объединений.

Укрупнение колхозов имело и явные негативные последствия. В многоземельных регионах расстояния между производственными объектами хозяйств, а также между ними и селами, где жили колхозники, существенно возросли. Из-за этого повышались транспортные расходы и, соответственно, себестоимость продукции. В крупном сельхозпредприятии связь работника с результатами его деятельности слабела. Колхозники оказались полностью отчуждены от управления хозяйством. Власть в сельхозартели сосредотачивалась у председателя. Уровень доходов колхозной верхушки стал многократно превышать заработок рядовых работников. Социальное расслоение в деревне возрастало.

Верховная власть попыталась обновить руководство колхозов. В 1955–1957 гг. в деревне высадился тридцатитысячный «десант председателей», который состоял в основном из горожан, имевших опыт управленческой работы на государственной службе, в промышленности и других отраслях народного хозяйства. Организаторская деятельность новых руководителей хозяйств должна была обеспечить увеличение трудовой отдачи колхозни-

ков. Тридцатитысячников в первую очередь следовало направлять в экономически слабые сельхозартели, где им надлежало добиваться выполнения спускаемых сверху директив.

Деятельность большинства тридцатитысячников отличалась невысокой эффективностью. Наряду с действительно подходящими для такой работы кадрами в сельхозартели направляли порой случайных людей, не имевших ни опыта, ни желания руководить колхозами. Многие новые председатели были вскоре освобождены от работы.

Проблемами развития колхозного хозяйства должны были заниматься районные комитеты КПСС. Им следовало принимать более широкое участие в решении конкретных производственных задач, усилить контроль над деятельностью колхозов.

Ощутимый удар был нанесен по ЛПХ тружеников сельхозартелей. В 1956 г. в результате корректировки артельных уставов, осуществлявшейся под контролем местных властей, уменьшились нормативные размеры ЛПХ престарелых колхозников, а также семей с трудоспособными работниками, которые не вырабатывали трудовой нормы, были трудоустроены в государственные организации, находились на учебе или в армии. Местные власти убеждали колхозников в целесообразности передачи индивидуального скота в общественное стадо. Нормы выработки трудовой нормы были увеличены.

После XX съезда партии руководство страны стало чаще критиковать работу МТС, их финансирование уменьшалось. Ставился вопрос о переводе станций на хозрасчет, началось их укрупнение, сокращение персонала. Н.С. Хрущев добивался ускоренной ликвидации МТС и продажи их техники колхозам. В 1958 г. соответствующая реорганизация была проведена. Сельхозартели выкупали технику МТС в течение двух лет. Большую часть полученного машинного парка колхозы оплатили уже в 1958 г.

Передача сельхозмашин в распоряжение колхозов и переход туда механизаторов должны были способствовать уменьшению затрат живого труда колхозников и обеспечить условия для введения экономически обоснованных цен. Единые закупочные цены, рассчитанные на уменьшение в скором времени себестоимости продукции сельхозартелей, установили летом 1958 г. Обязательные поставки и натуроплата МТС были отменены, все задолженности по ним – списаны.

Но поспешный выкуп техники подорвал финансовую систему большого числа сельхозартелей. Технические и кадровые ресурсы МТС использовались в колхозах неудовлетворительно. Значительная часть тракторов и комбайнов из-за ненадлежащего ухода вышла из строя. Механизаторы, не получив достойных условий для труда, увольнялись. Введение новых цен не дало должного эффекта – себестоимость колхозной продукции на планируемый уровень не опустилась.

Существовали и альтернативные варианты реорганизации МТС. В 1955–1957 гг. рассматривались проекты создания соцхозов и госкоопхозов – крупных сельхозпредприятий индустриального типа, представляющих собой объединение колхозов и МТС. Образование кооперативно-государственных хозяйств являлось усовершенствованием организационно-хозяйственной структуры сталинского аграрного строя, в рамках которого сохранялся в определенном виде и эксплуатировался крестьянский уклад жизни. Однако Н.С. Хрущев решил вернуть процесс социалистической модернизации сельского хозяйства в русло, определенное марксистскими теоретиками начала 1920-х гг.

Расширение совхозного сектора и «осовхозивание» колхозов являлись мерами, способствовавшими ликвидации крестьянского начала в аграрной экономике. Ускорение развития сельского хозяйства связывалось теперь с высокой трудовой мотивацией и дисциплиной рабочего класса, централизацией управления, ростом механизации производственных процессов, использованием естественного плодородия целинных земель. Н.С. Хрущев ждал от рабочих колхозов и совхозов сравнительно быстрого выполнения грандиозной хозяйственно-политической задачи – доведения производства в СССР до уровня США. Однако достичь этой цели не удалось. Производительность хозяйств оказалась ниже прогнозируемых показателей.

УДК 94(571.16).084.9

Д.С. Орлов, В.А. Ильиных

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ В 1950–1980-е гг.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ*

Осуществляется поэтапная реконструкция основных тенденций развития земледелия в Томской области в 1950–1980-е гг. Проводится сравнительный анализ динамики отрасли в данной области и Западной Сибири в целом. Выявлены факторы, влияющие на сельскохозяйственное хозяйство.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, земледелие, зернопроизводство, Томская область.

В начале 1950-х гг. доминирующей отраслью полеводства в Томской области являлось зерновое хозяйство. Удельный вес зерновых в общей площади посева в 1953 г. составлял 77,3%, что несколько превышало данный показатель по Западной Сибири в целом (75,6%). Специфической чертой зернового хозяйства Томской области являлось преобладание так называемых второстепенных хлебов. Их удельный вес в общей посевной площади в области составлял 76,9%, в посевах зерновых – 70,1%. В Западной Сибири преобладающей культурой являлась пшеница: 46,3% в общем посеве и 61,2% в посеве зерновых. В то же время доля кормовых культур в рассматриваемом регионе была ниже, чем в Западной Сибири (11,9 и 15,2%) (табл. 1).

Таблица 1
Посевные площади в Западной Сибири и Томской области
в 1953–1990 гг. (тыс. га)

	1953	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990
1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Западная Сибирь</i>								
Весь посев	12411	19437	18938	17757	18624	17768	17294	17419
в т.ч.:								
зерновые культуры	9379	13598	13349	11786	12072	11528	10743	9959
пшеница	5742	10416	9879	8959	7986	–	5888	5677
картофель	463	532	440	417	413	332	330	309
овощи	78	48	48	52	53	50	39	39
кормовые культуры	1894	4999	4740	5201	5847	5557	5925	6789

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 16-01-00067а.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
<i>Томская область</i>								
Весь посев	437	482	523	562	619	643	601	623
в т.ч.: зерновые								
культуры	338	307	356	340	385	372	284	282
пшеница	101	138	172	180	176	–	–	106
картофель	29	26	25	22	22	20	20	
овощи	2,1	2,4	2,9	3,1	3,1	3,5	2,4	
кормовые культуры	52	133	127	191	207	243	291	313

Источники: Народное хозяйство РСФСР в 1958 г.: стат. ежегодник. М., 1959. С. 230, 232, 234, 243, 245, 247; Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. М., 1966. С. 201, 203, 205, 219, 221, 223; Народное хозяйство РСФСР в 1975 г.: стат. ежегодник. М., 1976. С. 173; Сельское хозяйство СССР. стат. сб. М., 1988. С. 58, 64, 83, 89, 95; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998. С. 203, 206, 223.

В 1954 г. с целью решения обострившейся зерновой проблемы в СССР началась кампания по освоению целинных и залежных земель. Ее основной задачей являлось существенное наращивание производства пшеницы, в том числе и за счет сокращения производства «второстепенных» хлебов. Томская область к целинным районам не относилась. На ее территории в 1954–1960 гг. было освоено 111 тыс. га целинных и залежных земель (1,6% от общих показателей по Западной Сибири) [3, с. 224]. В 1954–1960 гг. посевные площади в Западной Сибири увеличились почти в 1,6 раза, тогда как в Томской области – лишь в 1,1 раза. Наиболее высокими темпами в области развивалось кормопроизводство, которое начало вытеснять другие отрасли растениеводства. Посевы кормовых культур выросли в 2,6 раза, а зерновых – сократились на 9,2%. В рамках зернового хозяйства за счет второстепенных культур увеличились посевы пшеницы (на 36,6%). Соответствующие изменения произошли в структуре посева: удельный вес кормовых культур и пшеницы вырос до 27,6 и 28,6%, а зерновых в целом – снизился до 63,7%.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. допущенные во время целинной кампании нарушения агротехники сказались на развитии зернового хозяйства. В результате снижения плодородия почв резко упала урожайность. Среднегодовой валовой сбор зерна в Западной Сибири в 1959–1963 гг. уменьшился по сравне-

нию с предыдущим пятилетием на 17,4%, в Томской области – на 12,4% [1, с. 200; 4, с. 144].

В первой половине 1960-х гг. была осуществлена попытка купировать нарастающий дефицит хлебопродуктов за счет изменения структуры посевных площадей и увеличения посевов зерновых и пшеницы в неосновных хлебопроизводящих регионах. В 1961–1965 гг. общие посевные площади в Томской области увеличились на 8,5%, посевы зерновых культур – на 16, пшеницы – на 24,6%. В то же время площадь пашни, занятая кормовыми культурами, сократилась на 4,5%. В соответствии с указаниями Н.С. Хрущева из кормовых севооборотов вытеснялись травы, частично заменявшиеся кукурузой [2, с. 116]. Удельный вес кормовых культур к 1965 г. несколько сократился (до 24,3%), а зерновых культур в целом и пшеницы – увеличился (до 68,1 и 32,9% соответственно). В Западной Сибири в первой половине 1960-х гг. в связи с выводом из сельскохозяйственного оборота земель, оказавшихся не пригодными для ведения полеводства, посевные площади основных сельскохозяйственных культур сократились.

Результаты целинной кампании показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства. В рамках его реализации увеличились масштабы механизации и индустриализации сельскохозяйственного труда, расширилось применение минеральных удобрений, химических средств защиты растений и ядохимикатов, в целом улучшилась культура земледелия. Вблизи крупных городов вводились массивы мелиорированных земель для орошаемого овощеводства и интенсификации кормопроизводства. Строились крупные животноводческие комплексы и птицефабрики.

Реализация задач, поставленных в 1965 г. привела к структурным сдвигам в аграрном секторе экономики. В животноводстве увеличение производства достигалось путем сочетания экстенсивных и интенсивных методов. В растениеводстве основных сельскохозяйственных районов Западной Сибири экстенсивные факторы роста были исчерпаны. В 1990 г. площадь пашни на ее территории сократилась по сравнению с 1965 г. на 2%. В Томской области за счет мелиорации земель прирост пашни за это

время составил 12%¹. В Западной Сибири общей тенденцией являлось сокращение посевных площадей. В 1966–1970 гг. они уменьшились на 6,2%, в 1971–1975 гг. – увеличились на 4,9%, в 1976–1985 г. – сократились на 7,1%, в 1986–1990 г. – увеличились на 0,7%. В 1990 г. пашни в макрорегионе засеяли на 8% меньше, чем в 1965 г. В Томской области посевы за это время выросли на 19,1%.

Необходимость налаживания стабильного кормообеспечения животноводческих комплексов и птицефабрик вызвала расширение посевов кормовых и зерновых фуражных культур. Площади, занятые пшеницей, напротив, сокращались. Вытеснение пшеницы также стало следствием внедрения научно обоснованных районированных севооборотов. В итоге посев зерновых за указанный период в Западной Сибири уменьшился на 25,4%, пшеницы – на 42,5%, а кормовых и «второстепенных» зерновых культур – вырос на 45,2 и 23,4%. В Томской области основная ставка была сделана на наращивание посевов кормовых культур. Прирост составил 146%. Посевные площади «второстепенных» хлебов сократились на 4,3%, пшеницы – на 38,4, зерновых в целом – на 20,8%.

Во второй половине 1960-х – 1980-е гг. в Томской области произошли радикальные изменения структуры посевов. Удельный вес кормовых культур в общей посевной площади существенно увеличился (с 24,3 до 50,2%), а зерновых – снизился (с 68,1 до 45,3%). Наиболее значимыми были сдвиги в структуре зерновых. Доля пшеницы в общей площади посевов и посевах зерновых сократилась с 32,9 до 17 и с 48,3 до 37,6%. Структурные сдвиги в растениеводстве определялись переориентацией аграрного производства в области на выпуск животноводческой продукции. Удельный вес животноводства в сельхозпроизводстве вырос и в макрорегионе в целом. В Западной Сибири в 1990 г. доля зерновых, пшеницы и кормовых культур в общей площади посева составляла 57,2, 32,6 и 39%.

Изменение площади и структуры посевов зерновых имело существенное влияние на объемы валовых сборов хлебов. Не менее значимым фактором динамики производства зерновых являлись погодно-климатические условия. Определенное воздействие

¹ Народное хозяйство РСФСР в 1965 г.: стат. ежегодник. М., 1966. С. 201; Сельское хозяйство России: стат. сб. М., 1998. С. 203.

на производственные показатели оказывало экономическое положение сельхозпредприятий.

Во второй половине 1960-х гг. были достигнуты высокие темпы наращивания сельхозпроизводства. В Западной Сибири валовой сбор зерна по сравнению с предыдущим пятилетием вырос на 40%, в Томской области – на 57%. Зерна в Томской области в счет госзакупок сдали в 1,9 раза больше². Успех восьмой пятилетки определялся комплексом причин. Этому способствовали меры по экономическому стимулированию сельхозпредприятий, а также увеличение капитальных вложений. Эффект этих мер был существенно усилен благоприятными погодно-климатическими условиями. В Томской области два из предыдущих пяти лет (1963 и 1965 гг.), а в Западной Сибири – три (1962, 1963 и 1965 гг.) были засушливыми. В 1966–1970 гг. засухи в регионе не было. Средняя урожайность зерновых в Томской области в первой половине 1960-х гг. составляла 9,3 ц/га, во второй половине десятилетия – 15 ц/га³.

Таблица 2
Среднегодовой валовой сбор зерновых культур в Западной Сибири и Томской области в 1961–1990 гг. (по пятилетиям, тыс. т)

	1961– 1965	1966– 1970	1971– 1975	1976– 1980	1981– 1985	1986– 1990
<i>В весе до доработки</i>						
Западная Сибирь	9588	13415	15409	15204	13531	–
Томская об- ласть	326	512	481	475	456	–
<i>В весе после доработки</i>						
Западная Сибирь	–	–	–	13928	12330	13030
Томская об- ласть	–	–	–	411	393	431

Источники: Сельское хозяйство СССР (1961–1981 гг.): стат. сб. М., 1988. С. 145; Сельское хозяйство СССР. М., 1988. С. 129; Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.: стат. ежегодник. М., 1991. С. 426.

В 1970-е гг. темпы прироста аграрного производства начали снижаться. В 1971–1975 гг. валовой сбор зерновых в За-

² Сельское хозяйство СССР (1961–1981 гг.): стат. сб. М., 1988. С. 301.

³ Там же. С. 150.

падной Сибири увеличился на 14,9%, в 1976–1980 гг. – сократился 1,4%. В Томской области сокращение производства хлебов было зафиксировано и в годы девятой, и в годы десятой пятилеток (на 6,1 и 1,2% соответственно). Госзакупки зерна в области в 1971–1975 гг. сократились на 30,4%, в 1976–1980 гг. – на 45,7%. Годы девятой и десятой пятилеток оказались существенно менее урожайными, чем восьмой. В Томской области среднегодовая урожайность зерновых в 1971–1975 г. снизилась до 13 ц/га, в 1976–1980 гг. – до 12,7 ц/га⁴. Значительное снижение объемов закупок зерновых объясняется увеличением внутривоспроизводственных расходов зернофуража для нужд животноводства.

Одиннадцатая пятилетка началась с двух подряд катастрофических неурожаев на большей части Западной Сибири, которые привели к резкому нарастанию кризисных явлений в сельском хозяйстве. В 1981 г. госзакупки зерна в Западной Сибири сократились по сравнению с предыдущим годом на 60%, в Томской области – на 70%⁵. В 1982 г. падение объемов производства продукции растениеводства продолжилось [4, с. 173]. Несмотря на то, что погоднo-климатические условия в 1983–1985 гг. оказались более благоприятными, сокращение валового сбора зерна в Западной Сибири за годы одиннадцатой пятилетки составило 11%, в Томской области – 4%.

Темпы прироста аграрного производства снизились и в стране в целом. Причины застойных и кризисных явлений в сельском хозяйстве не сводились только к неблагоприятным погодным условиям. Несмотря на достижение определенных результатов, в полной мере не удалось решить задачи интенсификации аграрного производства. Но главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельхозпредприятий.

Обстановка, сложившаяся в сельском хозяйстве СССР к началу 1980-х гг., требовала принятия мер, способствующих ускорению темпов аграрного производства. На это была направлена принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа. В качестве основных методов достижения поставленных в ней задач предлагались вполне традиционные: наращивание капиталовложений, техническое перевооружение, увеличе-

⁴ Там же. С. 301, 150.

⁵ Там же. С. 301.

ние масштабов химизации и мелиорации. Гораздо больший эффект имело начавшееся внедрение в сельское хозяйство так называемых коллективных форм организации и оплаты труда, целью которых являлось преодоление отчуждения тружеников села от средств производства и результатов труда.

Распространение новых форм организации труда, внедрение так называемых интенсивных технологий выращивания зерновых, а также относительно более благоприятные погодные условия позволили в годы двенадцатой пятилетки улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. Валовой сбор хлебов в 1986–1990 гг. в Томской области увеличился на 9,7%, в Западной Сибири – на 5,7%. Однако, несмотря на увеличение темпов развития аграрного производства, общий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве в конце 1980-х гг. по-прежнему не в полной мере удовлетворял потребности общества.

Список литературы

1. *Андреенков С.Н.* Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1954 гг. Новосибирск, 2007. 212 с.
2. *Ильиных В.А.* Звезда и смерть сибирского травополя // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 93–121.
3. Проекты преобразования аграрного строя Сибири в XX в.: выбор путей и методов модернизации: [кол. моногр.] / *В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков* [и др.]. Новосибирск, 2015. 298 с.
4. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: [кол. моногр.] / *В.А. Ильиных, С.Н. Андреенков, В.М. Рынков* [и др.]. Новосибирск, 2012. 408 с.

УДК 94(47)"196/198"

В.А. Ильиных

**СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1960–1980-е гг.: ДИНАМИКА, ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА**

Осуществляется реконструкция динамики развития сельского хозяйства Западной Сибири в 1960–1980-е гг. и его отраслевой структуры. Установлено, что более высокие темпы наращивания объемов производства в регионе в указанный период имело мясное животноводство.

Ключевые слова: сельское хозяйство, земледелие, животноводство, Сибирь.

В начале 1950-х гг. валовые сборы зерновых культур в Западной Сибири в абсолютных весовых показателях существенно превосходили производство продуктов животноводства. Однако в стоимостной структуре сельского хозяйства Западной Сибири преобладало животноводство, продукция которого имела более высокие закупочные цены. Доминирующей отраслью полеводства являлось зерновое хозяйство. Основной культурой была пшеница. Ведущими подотраслями животноводства были молочно-мясное скотоводство и овцеводство. Свиноводство играло второстепенную роль.

Непосредственным следствием начавшейся в 1954 г. целинной кампании стало существенное увеличение роли зернового хозяйства в сельском хозяйстве региона. При этом пшеница фактически превратилась в монокультуру. Минимальных значений достигло производство ржи. Сокращение посевов основной зернофуражной культуры – овса – связано с фактической ликвидацией коневодства как подотрасли сельского хозяйства. К позитивным структурным сдвигам в растениеводстве следует отнести рост (в основном за счет кукурузы) площадей, занятых кормовыми культурами. В силу несоблюдения агротехники их урожайность оставалась низкой. Тем не менее потенциал для улучшения кормовой базы животноводства был создан.

Несмотря на внешне более впечатляющие темпы наращивания валовых сборов зерновых удельный вес продукции животноводства в конце 1950-х гг. в Западной Сибири оставался относительно высоким и составлял, по нашей оценке, около половины от общей стоимости валовой сельхозпродукции. В структуре поголо-

вья продуктивного скота в регионе в 1953–1960 гг. существенно увеличилась доля свиней (в основном за счет личного сектора сельской экономики) и сократился удельный вес овец. Значительная часть пастбищных угодий, используемых для их выпаса, была распахана во время целинной кампании.

В конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. допущенные во время освоения целинных и залежных земель нарушения агротехники сказались на развитии зернового хозяйства. Среднегодовой валовой сбор зерна в Западной Сибири в 1961–1965 гг. упал по сравнению с предыдущим пятилетием более чем на треть. Животноводство, в отличие от зернового хозяйства, в указанный период имело в целом положительную динамику развития. Несмотря на это, уровень производства животноводческой продукции отставал от растущего платежеспособного спроса на нее. Сдерживающими факторами развития отрасли являлись кампания по ограничению размеров ЛПХ и ухудшившаяся в связи с серией недородов обеспеченность скота кормами. Относительно более высокие темпы наращивания производства мяса достигались сверхнормативным забоем. В первую очередь под нож шел мелкий скот.

Разница в динамике развития растениеводства и животноводства в первой половине 1960-х гг. привела к существенным сдвигам в отраслевой структуре аграрного сектора экономики региона. В 1961–1965 гг. удельный вес валовой продукции земледелия в общей стоимости сельхозпродукции снизился до 42,5%, а животноводства – увеличился до 57,5%¹.

Противоречивые результаты «целинной эпопеи» наглядно показали, что экстенсивные методы ведения аграрного производства себя исчерпали. В связи с этим мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС принял курс на интенсификацию сельского хозяйства. В рамках реализации данного курса увеличились масштабы механизации и химизации сельскохозяйственного труда, проводилась мелиорация земель, строились крупные животноводческие комплексы и птицефабрики.

Реализация принятого мартовским (1965 г.) пленумом ЦК КПСС курса аграрной политики привела к сдвигам в аграрном секторе экономики региона. В животноводстве увеличение производства достигалось путем сочетания экстенсивных и интенсив-

¹ Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М.: Статистика, 1971. С. 39, 40, 45, 46.

ных методов. Особенно существенно в 1966–1979 гг. наращивалось поголовье свиней и птиц. Стадо крупного и мелкого рогатого скота увеличивалось более умеренными темпами.

В растениеводстве экстенсивные факторы роста были исчерпаны практически полностью. Посевные площади в Западной Сибири за 1966–1980 гг. не только не увеличились, но даже сократились. Необходимость интенсификации кормопроизводства вызвала расширение посевов кормовых и зернофуражных культур. Площади, занятые пшеницей, напротив, сокращались. Произошедшее уменьшение посадок картофеля объясняется продолжающимся улучшением структуры питания и сокращением числа и размеров ЛПХ. Сельское население сокращалось и старело, а на социальную авансцену в деревне выходили поколения с иными, чем традиционные крестьянские, ценностями и навыками. Развитие овощеводства в пригородных совхозах отчасти купировало его сокращение в личном секторе экономики, обеспечив увеличение посадок овощей.

Во второй половине 1960-х гг. были достигнуты высокие темпы наращивания сельхозпроизводства. Валовое производство за 1966–1970 гг. по сравнению с предыдущим пятилетием увеличилось в регионе на 19,9% [2, с. 169]. Этому, безусловно, способствовали меры по экономическому стимулированию сельхозпредприятий и сельских тружеников, а также увеличение капитальных вложений. Однако эффект этих мер был существенно усилен более благоприятными, чем в предыдущее пятилетие, погодными условиями.

Однако в 1970-е гг. темпы прироста аграрного производства начали снижаться. В 1966–1970 гг. валовая продукция сельского хозяйства в Западной Сибири в среднем за год увеличивалась на 4%, в 1971–1975 гг. – на 2,3, в 1976–1980 гг. – на 0,5% [2, с. 171]. Наибольший прирост был достигнут в отраслях, не характерных для основной специализации региона или же ориентированных изначально на местное (внутрирегиональное, внутриобластное) потребление – в производстве яиц, овощей, мяса (особенно птицы и свинины). В то же время в основных традиционных отраслях – производстве зерна и картофеля, молочном животноводстве – результативность оказалась значительно меньшей.

Крайне низкие темпы прироста в сельском хозяйстве в целом в годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.) определялись ре-

цессией в полеводстве. В отличие от растениеводства западносибирское животноводство демонстрировало позитивную динамику. Наиболее низкими темпами развивалось молочное животноводство, наиболее высокими – производство яиц. В итоге удельный вес продукции животноводства в целом в общей стоимости валовой продукции сельского хозяйства увеличился и составлял в регионе в 1976–1980 гг. 62%².

На темпы развития аграрного сектора экономики региона во второй половине 1970-х гг. существенное влияние оказали погодно-климатические условия. Годы десятой пятилетки оказались существенно менее урожайными, чем предыдущей. Одиннадцатая пятилетка началась с двух подряд катастрофических неурожаев на большей части Западной Сибири, которые привели к резкому нарастанию кризисных явлений в сельском хозяйстве региона.

Причины застойных и кризисных явлений в сельском хозяйстве не сводились только к неблагоприятным погодным условиям. Несмотря на достижение определенных результатов, в полной мере не удалось решить задачи интенсификации аграрного производства. Но главным сдерживающим фактором роста производства являлась низкая трудовая отдача работников сельхозпредприятий, связанная с нарастающим отчуждением от средств производства и результатов труда.

Кризисные явления в сельском хозяйстве СССР в начале 1980-х гг. со всей очевидностью продемонстрировали бесперспективность продолжения прежней аграрной политики. С этого времени с целью преодоления отчуждения тружеников села от средств производства и результатов труда началось повсеместное внедрение в сельское хозяйство так называемых коллективных форм организации и оплаты труда.

Распространение новых форм организации труда, продолжающееся введение в эксплуатацию крупных птицефабрик и животноводческих комплексов, а также относительно более благоприятные погодные условия позволили уже в середине 1980-х гг. улучшить ситуацию в сельском хозяйстве региона. Несмотря на рецессию 1981–1982 гг., валовое производство сельхозпродукции за одиннадцатую пятилетку в целом выросло в Западной Сибири на 4,4% (в 1976–1980 гг. – на 2,7%). В 1986–1988 гг. прирост соста-

² Сельское хозяйство СССР: стат. сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. С. 29, 41.

вил 12,2% [1, с. 151]. Разные результаты демонстрировали отдельные отрасли сельского хозяйства региона. В 1986–1990 гг. среднегодовой прирост производства мяса, яиц и молока превышал показатели предыдущего пятилетия. Зерновое хозяйство развивалось более умеренными темпами. В то же время шерсти, овощей, картофеля во второй половине 1980-х гг. в Западной Сибири произвели меньше, чем в первой.

В 1980-е гг. более рельефно проявились наметившиеся в 1970-е гг. структурные сдвиги в сельском хозяйстве. В растениеводстве продолжилось сокращение посевов зерновых, пшеницы, картофеля, а также снизились посадки овощей. Численность свиней и птицы за 1980–1990 гг. увеличилась, а КРС и овец сократилась. Соответствующие изменения произошли в структуре посевных площадей и продуктивного стада. Доля кормовых культур в посевных площадях и свиней в поголовье продуктивного скота достигла исторического максимума за XX в., а пшеницы в общей площади посева и коров в поголовье КРС – исторического минимума. Удельный вес продукции животноводства в целом в общей стоимости валовой продукции сельского хозяйства Западной Сибири в 1981–1985 гг. составлял 65%³.

Основной специализацией аграрного сектора экономики Западной Сибири в 1980-е гг. являлось животноводство преимущественно мясо-молочного направления. В рамках животноводства существенную роль играли скороспелые подотрасли – свиноводство и птицеводство. На обеспечение животноводства кормами была направлена значительная часть ресурсов растениеводства. Помимо собственно кормовых культур на корм скоту и птице использовались значительные объемы зернофуража. В растениеводстве по-прежнему преобладало выращивание зерновых культур, а основной из них оставалась пшеница. Таким образом, структура сельского хозяйства Западной Сибири была достаточно диверсифицированной и сбалансированной.

Однако, несмотря на позитивные структурные сдвиги и увеличение темпов развития валового производства, общий уровень развития производительных сил в сельском хозяйстве в конце 1980-х гг. по-прежнему не в полной мере удовлетворял потребности общества. Продовольственное снабжение населения ухудшалось. Фактически была введена карточная система.

³ Там же.

Это способствовало радикализации общественного сознания и привело к смене политической и экономической системы, включая аграрный строй.

Список литературы

1. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг.: [кол. моногр.]. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 493 с.
2. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы: [кол. моногр.]. Новосибирск: Сибпринт, 2012. 408 с.

УДК 94(571.56)"199"

Я.М. Санникова

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА И ВОЗРОЖДЕНИЕ РОДОВЫХ ОБЩИН В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ ЯКУТИИ В 1990-е гг.

На основе архивных документов показаны некоторые вопросы процесса изменения форм хозяйствования в 1990-е гг.: возрождение родовой общины коренных малочисленных народов и особенности аграрной политики в арктических районах Якутии.

Ключевые слова: аграрная политика, формы хозяйствования, родовые общины, Якутская Арктика.

В аграрной сфере страны в первой половине 1990-х гг. происходило множество процессов, обусловленных трансформациями начала постсоветского периода. И в регионах проведение аграрной политики имело свои особенности. Традиционное хозяйство Якутской Арктики и Субарктики, представленное оленеводством, рыболовным и охотничьим промыслами, табунным коневодством и скотоводством, в изучаемых 15 районах¹ определяло ментальную составляющую всего образа жизни коренного сельского населения каждого улуса (района). Сельскохозяйственная основа экономики отдельного улуса делала развитие традицион-

¹ Прибрежные арктические – Анабарский, Булунский, Усть-Янский, Аллаиховский, Нижнеколымский; субарктические и северные – Оленекский, Жиганский, Эвено-Бытантайский, Верхоянский, Абыйский, Среднеколымский, Момский, Верхнеколымский, Оймяконский, Томпонский.

ных отраслей преимущественным. Свой уклад также создавали совхоз, коллективное предприятие, родовая община или крестьянское хозяйство. В эти годы большое значение в жизни сельских жителей имело и личное подсобное хозяйство, которое давало возможность развития индивидуального подворного производства для личного потребления.

В этих условиях в арктических и северных районах Якутии изменение форм хозяйствования имело этносоциальную составляющую. Для коренных народов Севера это был также процесс возрождения традиционной формы хозяйствования – родовой общинной формы самоорганизации. Большинство районов вошли официально с 1993 г. в перечень районов проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. Не относились к данным территориям из изучаемых улусов Верхоянский район и сельские поселения Среднеколымского и Томпонского улусов (кроме Березовского и Томпонского наслегов соответственно).

Для большинства изучаемых районов процесс изменения форм хозяйствования традиционного арктического хозяйства был выражен, в первую очередь, массовым созданием с января 1992 г. родовых общин в районах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Из справки республиканского Министерства по делам малочисленных народов Севера видно, что сложными были для вновь созданных общин вопросы, связанные с разделом основных и оборотных средств и других товарно-материальных ценностей с бывшими совхозами. Много споров возникало при определении имущественных паев членам общин, имущественных долей и земельных угодий. В архивных документах есть сведения, что для многих общин стояла проблема определения четкой границы землепользования для ведения традиционных отраслей хозяйства – оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла. Практически во всех улусах (районах), где были созданы родовые общины, возникали земельные споры, которые не решались долгое время, и не принимались по этому поводу какие-то определенные меры на уровне районных администраций и земельных комитетов².

² Объединенный ведомственный архив Министерства сельского хозяйства и продовольственной политики Республики Саха (Якутия). Ф. 55. Оп. 35. Д. 300. Л. 2–3.

В то же время для созданных общин общим недостатком в оформляемой документации были признаны: непредставление общего списка членов общин и отдельно по категориям населения, начиная от работающих и заканчивая дошкольниками; отсутствие схемы-карты территории общины и отвод земельного участка (по видимому, из-за дороговизны стоимости такой услуги, в силу которой общины не могли себе позволить оплату работы); недостатки в описании границ общины; отсутствие экономического обоснования деятельности общины; недостатки в плане производства сельхозпродукции, заготовки рыбы, мяса, пушнины, пантов с поквартальным делением; отсутствие в документах общин приказа министерства о регистрации общины и принятии на учет³.

На финансово-хозяйственное состояние созданных родовых общин, также как и других форм хозяйствования аграрного сектора, негативно влияло дальнейшее ухудшение экономического положения республики и страны в целом. Вследствие этого на фоне общего удорожания цен на технику, комбикорма, ГСМ и тарифов на транспортные услуги, особенно авиатранспорта, являющегося основным средством передвижения в условиях Арктики и Севера, для многих родовых общин была характерна тенденция к вынужденному закрытию отдаленных охотничьих и рыболовецких участков. По данным Министерства по делам малочисленных народов Севера, в 1992 г. стоимость одного часа налета в зависимости от типов самолетов составляла от 68,4 тыс. руб. до 116 тыс. руб. (в ценах изучаемого периода). За девять месяцев 1992 г. общины испытали серьезные препятствия в реализации произведенной продукции – мяса и рыбы. В справке министерства данное положение объясняется отсутствием у многих общин за 1992 г. заключенных договоров с государственными заготовительными организациями, торговыми структурами разных форм и другими потребителями. Но также, видимо, играла большую роль в вопросе реализации продукции стоимость авиатранспортных услуг⁴.

Министерство по делам малочисленных народов, которому в этот период хозяйства подчинялись в управленческом плане, со своей стороны отметило что, в 1992 г. была оказана помощь в обеспечении материально-техническими ресурсами через «Североагропромснабтранс», фонд социальной защиты и возрождения

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1–2.

малочисленных народов республики. Все созданные общины были освобождены от налогообложения, платы за землю, других сборов и пошлин согласно действующему законодательству. В качестве отрицательного момента в работе с общинами было констатировано отсутствие учета и отчетности со стороны многих родовых общин по поголовью сельскохозяйственных животных, реализации сельскохозяйственной продукции, планов производства по кварталам и его фактического выполнения, об использовании выделенных министерством денежных средств по статьям расходов⁵.

На 1 января 1993 г., по данным вышеуказанного министерства, в его ведении имелись 85 зарегистрированных родовых общин (в них 7190 членов, из них работающих – 3877 чел.), 3 малых предприятия, 4 агрофирмы, 11 коллективных предприятий, 28 совхозов в 24 районах республики, а всего – 131 хозяйство. В изучаемых арктических и северных улусах насчитывалось родовых общин: в Булунском – 10, в Усть-Янском – 9, в Аллаиховском – 8, в Нижнеколымском – 5, в Среднеколымском – 4, в Верхнеколымском – 3⁶.

Родовые общины изначально рассматривались государством как экономические субъекты. Основной их деятельностью были три ведущие традиционные отрасли – оленеводство, рыболовство и охотничий промысел. Также некоторые общины дополнительно занимались скотоводством, коневодством и клеточным звероводством. Предполагалось, что в перспективе общины должны по мере возможности расширить производство, потому что в условиях рыночных отношений на доходы, получаемые от оленеводства, охотничьего промысла и рыболовства трудно сделать хозяйство прибыльным, что в будущем нужно заниматься развитием птицеводства, животноводства и иностранного туризма; и в связи с увеличением родовых общин и других хозяйственных формирований эти хозяйства должны планомерно заниматься подготовкой кадров, особенно таких специалистов, как экономисты – плановики, бухгалтеры, менеджеры⁷.

По данным единого Министерства сельского хозяйства республики, на 1 января 1994 г. в список родовых общин входило уже 103 хозяйства. 57 родовых общин работало в 10 арктических и

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же.

северных улусах⁸. К концу сентября 1994 г. количество общин достигло 154. В Аллаиховском насчитывалось 8 общин, Анабарском – 2, Булунском – 19, Верхнеколымском – 1, Жиганском – 9, Нижнеколымском – 8, Оймяконском – 3, Оленекском – 9, Среднеколымском – 4, Томпонском – 2, Усть-Янском – 16, Эвено-Бытантайском – 4⁹.

Существенное увеличение численности родовых общин в северных и арктических улусах произошло за счет раздробления северных хозяйств на отдельные общины. В оленеводстве, ведущей отрасли Севера, полностью перешли на общинно-частный характер только три изучаемых района – Аллаиховский, Нижнеколымский, Среднеколымский. В них активность процесса перехода на новые формы хозяйствования была связана, в первую очередь, с процессом возрождения хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера. В 12 районах в оленеводстве продолжали преобладать крупные хозяйства. В целом же форма хозяйствования зависела от основной специализации арктических хозяйств: некоторые оставались крупными хозяйствами – совхозы, коллективные предприятия и др., в то же время оленеводческо-промысловые, промысловые хозяйства реорганизовывались в родовые общины, скотоводческо-конеvodческие – в крестьянские хозяйства.

В целом процесс создания родовых общин вместил в себя, по сути, достаточно противоречивые тенденции – с одной стороны, он был инициирован как возвращение к исконной форме хозяйственной самоорганизации коренных малочисленных народов Севера в соответствии с их ожиданиями и чаяниями, а с другой – родовые общины были оценены прежде всего как хозяйствующие субъекты аграрной экономики.

⁸ Там же. Л. 11–13.

⁹ Там же. Л. 5–8.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СФЕРА СИБИРИ

УДК 94(571)

А.П. Ярков

МАРГИНАЛЫ УММЫ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.

Феномен маргиналов существовал не только в нарушении установок Корана (где «терпение/покорность» упомянуты 90 раз), но и в отношении к единству уммы как социальному институту, мнению улемов и старейшин, требованиям государства, к которому принадлежали.

Ключевые слова: умма, маргиналы, азиатская часть России, социальные институты.

На фоне иногда декларируемого единства исламского общества необходимо на историческом прошлом и на примерах из современной практики показать ошибочность таких оценок.

Феномен маргиналов существовал не только в нарушении установок Корана (где «терпение/покорность» упомянуты 90 раз), но и в отношении к единству уммы как социальному институту, мнению улемов и старейшин, требованиям государства, к которому принадлежали. Между тем, преступления против своей и иной веры всегда осуждались в местной умме. Так, за вольные выражения о пророке Исе (Иисусе) ОМДС осудил муллу ю. Кыштырлинских М. Садыкова [1, с. 55], а другому обманщику за ложную присягу на Коране предписали 60-дневный пост [4, с. 130].

Существовали ограничения на размещение преступников: на кабинетных землях с 1799 г. вводилась строгая система, где запрещено (исключения – каторжники и ссыльные, используемые на тяжелых работах) приписывать к горным заводам даже ясачных людей из крещеных.

Конечно, совершали преступления и коренные жители края, хотя волостные управители в отчетах указывали, что «вопросами нравственности занимается мулла», а в местах компакт-

ного проживания мусульман, как правило, «питейных домов, трактирных заведений, преступлений нет». Данная цитата не в полной мере отражает реальную ситуацию (факты, как и наличие положений в адате свидетельствуют, что нарушители, выпивохи были и среди мусульман), но, несомненно, это характеризует влияние ислама на состояние нравов в тех условиях. Среди преступников, например, в 1849 г. в Томской губернии таковыми были: из духовного звания – 1 чел., из крестьян – 14, из поселенцев – 19, из бродяг – 5, из каторжных – 4, из дезертиров – 2, из инородцев – 1 чел., отражая уровень склонности к правонарушениям [13]¹.

Криминальная статистика свидетельствовала, что среди этнических групп, например, в Тобольской губернии, чаще всего преступления совершали башкиры и татары, а на третьем месте находились уже отбывшие наказание уроженцы Кавказа. Администрация опасалась «черкесской смуты» (в крае было принято горцев именовать «черкесами»), боясь их союза с сибирскими татарами [2, с. 135].

Известно, что более половины мусульман, например, в Забайкалье, в XIX в. ссылались туда за воровство. В списке совершенных ими краж лидировало конокрадство, что отражало специфическое отношение многих групп мусульман России к этому животному. Свыше 10% – преступления «против жизни». Дореволюционные исследователи объясняли это «неудержимой дикой вспышкой азиатских народов, еще неоседлых и негражданственных». Однако, как отмечал В.В. Перинов, «российское имперское мышление, стремящееся встроить этнически и конфессионально разнородную массу в существующие правовые рамки, не хотело замечать вековых традиций "родовой чести", поддерживавшихся кровной мстью» [7, с. 17].

Среди ссыльных встречались не только уголовники, но и политзаключенные. Об отношении к ссыльным можно узнать из документов и художественной литературы. В местах ссылки фанатиков отмечались такие явления: «распространяя ... устно и через печатания и рукописные тетради полные понятия о султанах как могущественном во всем мире государе, при этом восхваляются турки и другие мусульманские народы, умаляется значение русского народа. Прославляется сила ислама, внушается надежда на будущее торжество магометан над неверными» [3, с. 160].

¹ Государственный архив Томской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. Л. 1415.

Приговоренных к каторге за особо дерзкие преступления направляли исключительно в Восточную Сибирь и на Дальний Восток. Как заметила И.В. Потапова, «основной контингент, пополнявший ряды мусульман Сахалина – каторжные, самые отпетые преступники-рецидивисты с Кавказа, единственным способом оградить от которых западную часть Российской империи было сослать их на далекий остров, с которого почти невозможно сбежать» [8]. Там, например, отбывал срок Султан-Фердали-Оглы, который убил единоверца в мечети «в присутствии многих жителей, при совершении убитым молитвы». Согласно же сунне пророка Мухаммеда, «перестает быть мусульманином совершающий убийство...» [10]. В 1897 г. на 1000 мусульман Забайкалья приходилось 530 женщин [5, с. 21], причем половая диспропорция отражала доминирование ссыльных. В Приамурском генерал-губернаторстве на рубеже XIX и XX вв. большинство мусульман оказались из ссыльных.

Тяжесть совершенных преступлений закрывала для значительной части мусульман возможность вернуться на родину, и после отбытия срока они оставались в Сибири и на Дальнем Востоке, записывая себя и детей в податное сословие. Отбывших наказание старались селить в отдаленных местах, с одной стороны, дистанцируя их от городского населения, с другой – заселяя малообжитые земли. Кроме того, неукоснительно соблюдалось условие – число приезжих не могло превышать третьей части коренного населения.

Иногда за счет ссыльных и каторжан рождались общины, например, на Сахалине, благотворно (как правило) влиявшие на осужденных. Впрочем, имелись среди ссыльных и те, кто проявлял себя ярким приверженцем экстремизма: не признавал ОМДС, игнорировал государственную власть, отрицал сословное деление и т.д. Такими были сосланные последователи Б.Х. Ваисова (Сардара), создавшего «Императорский молитвенный дом мактаб Гирфан, т.е. Мусульманская Академия. Канцелярия Сардара Ваисовского Божьего полка староверского мусульманского общества» [11, с. 145].

В противодействии их разрушительной силе объединились власть, православные и исламские служители культа.

Как отмечал В.В. Перинов, побеги занимали второе место в структуре мусульманской преступности: бежал каждый шестой, а

в 1880-е гг. из 215 заключенных Нерчинской каторги русских оказалось лишь 92 [7, с. 19]. Включение мусульман в местное общество облегчали веротерпимость местного населения и особое отношение к ссыльным местной администрации. Она рассматривала «штрафников» как колонизационный ресурс для освоения необжитых территорий.

В советский период, когда государство продекларировало отстраненность от религии, некоторые виды преступлений оценивались как «составляющие пережитки родового быта» (например, ст. 195 УК РСФСР, означающая «уклонение членов рода убитого от примирения с убийцей и его родом в установленном законом порядке»), характерные в значительной степени для мусульман Кавказа.

С послевоенного времени характерны асоциальные группы, именуемые БИЧ (бывший интеллигентный человек) и БОМЖ (без определенного места жительства) [12]. Для многих из них пребывание в местах исполнения наказания в Сибири и на Дальнем Востоке стало «стартом» в их опускании «на дно жизни». К тому же открывшиеся с послевоенных лет возможности сезонной работы финансово подпитывали, а в некоторых случаях создавали возможности для возвращения в общество. «Социальная доктрина российских мусульман» гласит: «Являясь социально активной частью российского общества, мусульмане ведут работу с различными категориями граждан, нуждающихся в социальной поддержке, не зависимо от их национальности и вероисповедания».

Во многих приходах Сибири и Дальнего Востока накоплен опыт работы (в том числе профилактической) в социальных приютах и домах временного содержания, наркологических клиниках, местах отбытия наказания. Тем не менее случались такие приговорные случаи: за организацию подпольной сети по сбыту героина в 2000 г. задержан имам М. Шоймурадов из Омска, а его мечеть «Хаир-Ихсан» стала местом притяжения для «экстремистски настроенных прихожан из других регионов страны и даже из-за рубежа» [9, с. 477]. Места отбытия наказания стали базой для обращения в ислам неопитов с ориентацией на салафизм.

Забвение основных нравственных постулатов характерно для тех мусульман (особенно из неопитов), который избрали путь экстремизма, за что несут заслуженное наказание. Так, выездная сессия Московского окружного военного суда в феврале 2016 г. в

г. Сургуте приговорила диверсантов ИГИЛ/ДАИШ (запрещена в Российской Федерации) Р. Агаширинова и А. Магомедалиева к 16 и 20 годам лишения свободы за подготовку (в составе группы) взрыва в месте сосредоточения единоверцев – мечети города Пыть-Яха и захват заложников в Нижневартовске.

Исходя из установок ислама, что к маргиналам нужно проявлять милосердие, единоверцы пытаются направить их на путь исправления, но судя по количеству бывших жителей азиатской части Российской Федерации, воюющих в рядах ИГИЛ/ДАИШ, деятельность общества по недопущению такого явления должна быть более активной.

Список литературы

1. *Бакиева Г.Т.* Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирических татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск: Гео, 2011. 214 с.
2. *Бгажба О.Х., Лакоба С.З.* История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухуми, 2007. 392 с.
3. *Лысенко Ю.А.* Православие и ислам на Алтае во второй половине XIX – начале XX вв. // Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века): материалы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2006.
4. Материалы по казахскому обычному праву, собранные чиновником особых поручений д'Андре в 1846 г. // Материалы по казахскому обычному праву: сб. I. Алма-Ата, 1948.
5. *Мошкина З.В.* Состав заключенных Нерчинской политической каторги во второй половине XIX века // Забайкалье: некоторые аспекты истории края: межвуз. сб. науч. тр. Чита, 1993. С. 12–22.
6. *Патронова А.Г.* Государственные преступники на Нерчинской каторге (1861–1895 гг.): библиографический справочник. Чита, 1999. Ч. I.
7. *Перинов В.В.* Мусульмане в Забайкалье: середина XIX века – 1917 год: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2010.
8. *Потапова Н.В.* Вероисповедная политика Российской империи и религиозная жизнь Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Сахалина). Южно-Сахалинск: Изд-во СахГУ, 2009. 316 с.
9. *Силантьев Р.А.* Ислам в современной России: энциклопедия. М.: Алгоритм, 2008. 576 с.
10. *Чехов А.П.* Остров Сахалин (из путевых записок). Южно-Сахалинск, 1995.
11. *Шакуров К.Р.* Деятельность ваисовцев в Сибири // Сулеймановские чтения: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2006.
12. *Ярков А.П., Бобров И.В., Мальчевский А.В.* Миграция в Тюменском крае: история и современность. Тюмень: Экспресс, 2004. 99 с.

УДК 94(47)

О.П. Цысь

**ОРГАНИЗАЦИЯ БЕРЕЗОВСКОГО ВИКАРИАТСТВА
ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ**

В статье рассматриваются основные особенности организации Березовского викариатства Тобольской и Сибирской епархии в первой половине 70-х гг. XIX в. Выявлены предпосылки для появления викарного епископа на этой территории.

Ключевые слова: викариатство, Тобольская епархия, Север Западной Сибири, миссионерство.

В Русской Православной церкви синодального периода викариями именовались начальствующие лица некоторой отдаленной области в составе епархии, выступавшие в должности заместителя или помощника правящего архиерея, для оказания ему содействия в управлении [3, с. 404]. Само понятие «викарий» имело латинское происхождение и означало «правлящий должность другого, помогающий другому в отправлении его обязанностей»¹.

Как ближайший помощник епархиального архиерея, викарий осуществлял контроль над исполнением указов и распоряжений, посещал приходы, монастыри и другие канонические подразделения викариатства, совершал в них богослужения, не обладая при этом административной и судебной властью.

По замечанию И.К. Смолича, перегруженность епископов делами консисторий с середины XIX в. вызвала необходимость в викарном помощнике [6, с. 304]. К этому следует добавить и такие факторы, как рост населения и числа приходов в составе епархий, опасность бюрократизации церковного управления. Дальнейшее дробление епархий сдерживалось по финансовым соображениям. В то же время учреждать и содержать викариатства можно было быстрее и легче, чем создавать новые епископские кафедры. В 1865 г. Св. Синод разрешил открывать викариатства всем епархиям, располагающим для этого необходимыми материальными

¹ Сулоцкий А.И. Викариатство Тобольской епархии и выделение из нее других сибирских епархий // Государственный архив в г.Тобольске (ГАТ). Ф. И-144. Оп. 1. Д. 87. Л. 1.

средствами [7, с. 23]. Соответственно на содержание викарного епископа не предполагалось казенных отчислений, требовалось изыскивать местные средства.

Развернувшийся после этого процесс создания новых викариатств следует вписать в систему церковных реформ эпохи Александра II, направленных на совершенствование епархиального управления, улучшение быта православного духовенства, сближение духовенства и паствы, повышение авторитета духовного сословия в народе [5, с. 169–170].

История учреждения Березовского викариатства тесно связана с периодом пребывания на тобольской кафедре архиепископа Варлаама II (Успенского, 1862–1872) – человека деятельного, энергичного, предпринявшего ряд преобразований в управлении епархией. Именно он инициировал начало обсуждения вопроса о создании новой управленческой структуры и способах ее организации. Еще в 1863 г. на встрече с генерал-губернатором Западной Сибири он высказал мысль о возможности открытия кафедры викарного архиерея в г. Омске (см.: [4, с. 682]) «для удобнейшего надзора за паствой и духовенством в округах Киргизской степи, где русское народонаселение увеличивается с каждым годом и куда проезд из Tobольска по дальнему расстоянию слишком обременителен»². Получив отношение от Западно-Сибирского генерал-губернатора о «содействии к утверждению сего проекта», Св. Синод распорядился 26 ноября 1863 г. представить тобольскому епархиальному начальству сведения «о наличии местных источников» на учреждение викариатства в Омске³. Соответствующие обращения были перенаправлены в Омское духовное правление и городскую Думу⁴, Военному губернатору Области сибирских киргизов, наказному атаману Сибирского казачьего войска⁵. Однако среди жителей Омска не нашлось желающих пожертвовать дом или усадьбу для резиденции будущего викария, собранные же средства составили сумму менее 200 руб.⁶, чего оказалось явно недостаточно для содержания архиерейского дома⁷. В результате проект учреждения викариатства на юге Западной Сибири оказал-

² ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 716. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 2–4, 49.

⁴ Там же. Л. 3, 6–7 об.

⁵ Там же. Л. 26–26 об.

⁶ Там же. Л. 22–22 об.

⁷ Там же. Л. 27, 31–31 об.

ся отсроченным на долгие годы. В качестве альтернативного варианта позднее был выбран намеченный Варлаамом II проект активизации миссионерской работы на Тобольском Севере под началом авторитетного лица в статусе викарного епископа⁸.

Внимание епархиального архиерея, по мнению епископа Варлаама, «должно сосредоточиться на обращении и утверждении в христианской вере инородцев Березовского и Пелымского края»⁹.

Епископ Варлаам считал необходимым активизировать деятельность Обдорской миссии и выполнение миссионерских задач, возложенных на сургутское духовенство. Организовать их работу, по мнению владыки, было возможно на основе опыта Бийской и Забайкальской миссий с тем, чтобы действия миссионеров являлись более согласованными¹⁰.

В июне 1867 г. Варлаам представил свои соображения на этот счет в Св. Синод. Он указал на пожертвования почитаемой по всей Сибири чудотворной иконе Божией Матери «Знамение», хранящиеся в Абалакском монастыре¹¹. Приклады и «привески» из серебра и золота, камни, жемчуг, «галантерейные вещи» «по обычаю в память исцеления» приносились в монастырь верующими в течение нескольких десятилетий, так что накопилось «более 3–4 пудов»¹². По мнению преосвященного, можно было использовать и разбитый «в давние времена» медный колокол того же монастыря весом 134 пуд. Все эти предметы Варлаам предложил продать, а вырученные деньги внести в кредитные учреждения с тем, чтобы проценты были обращены на содержание викария и штатных служителей¹³.

Организуется епархиальная комиссия для разбора драгоценностей, работавшая в течение двух лет. Изъятию подлежали привески и приклады, пожертвованные богомольцами в период с 1821 по 1857 г.¹⁴

В итоге менее ценные предметы из золота и серебра были переплавлены в слитки общим весом 1 пуд 38 фунт. 58 золотни-

⁸ Там же. Л. 21 об.

⁹ Там же. Л. 53 об.

¹⁰ Там же. Л. 53.

¹¹ Там же. Л. 48.

¹² Там же. Л. 114.

¹³ Там же. Л. 380.

¹⁴ Там же. Л. 340–340 об.

ков¹⁵. Эти слитки отправили в Санкт-Петербургский монетный двор, где обменяли на монету на общую сумму 1130 руб. 21,5 коп.¹⁶ Часть прикладов была реализована в Тобольске и на Нижегородской ярмарке¹⁷. Полученную в итоге сумму посчитали достаточной для финансового обеспечения вновь создаваемой должности викарного епископа.

Другой не менее важный вопрос – место пребывания викарного епископа. По примеру других епархий (для этого подробно изучали источники Екатеринбургского викариатства)¹⁸ тобольской консисторией решено было рассмотреть возможность размещения вновь создаваемой епископской кафедры в одной из монастырских обителей, средства которой могли бы расходоваться на содержание викария. В Тобольской епархии претендентами на эту роль стали три монастыря: Кондинский Свято-Троицкий, Абалакский Знаменский, Тобольский Знаменский. От архимандритов запросили «самые точнейшие сведения» о доходах и окладах¹⁹.

Кондинский Троицкий монастырь располагался непосредственно на севере, в Березовском округе. В 1844 г. он был преобразован в миссионерский [2, с. 77]. Главной проблемой, препятствовавшей организации викариатства при Кондинском монастыре, являлось отсутствие приспособленных для этой цели помещений. Как показала ревизия, проведенная лично преосвященным Варлаамом в 1865 г., создание надлежащих для викария условий потребовало бы огромных сумм, которых в распоряжении епархии не имелось²⁰.

В ноябре 1866 г. поступило распоряжение Св. Синода о рассмотрении возможности открытия викариатства при Абалакском Знаменском монастыре²¹. Однако в конечном счете выбор был сделан в пользу старейшего в Сибири Тобольского второклассного Знаменского монастыря, располагавшегося непосредственно в епархиальном центре. Настоятельство в монастыре собирались передать будущему викарному епископу²².

¹⁵ Там же. Л. 324.

¹⁶ Там же. Л. 336 об., 337.

¹⁷ Там же. Л. 488.

¹⁸ Там же. Л. 22–22 об.

¹⁹ Там же. Л. 9 об.

²⁰ Там же. Д. 788. Л. 113.

²¹ Там же. Д. 716. Л. 41, 48.

²² Сулоцкий А.И. Викариатство Тобольской епархии... Л. 2.

Таким образом, для решения вопроса о появлении в Тобольской епархии викарного епископа понадобилось семь лет! Попытки открытия викариатства шли параллельно с общим процессом активизации миссионерской работы на севере Западной Сибири, реформированием местного управления в целом. 10 марта 1867 г. по представлению Варлаама II Св. Синод принял указ, в соответствии с которым происходит учреждение Сургутской миссии, расширение состава миссионеров за счет новых вакансий и увеличения казенных расходов на оплату труда православных проповедников [1, с. 120]. В том же году из состава Березовского округа выделяется самостоятельный Сургутский. В декабре 1869 г. окончательно упраздняются духовные правления – коллегиальные органы, являвшиеся промежуточным звеном, связывавшим епархиальную власть с приходами. Создание викариатства могло в какой-то степени заполнить образовавшийся пробел в системе церковного управления.

12 января 1871 г. Св. Синод учредил в составе Тобольской архиепископии викариатство. В указе разъяснялось, что викарию надлежит именоваться епископом Березовским, местопребывание иметь в Тобольском второклассном Знаменском монастыре²³.

Будущий викарий получает управление этим монастырем как настоятель, с правом пользоваться соответствующим жалованием и частью братских доходов (обыкновенно третьей частью)²⁴, а также помещением, отоплением, освещением, прислугою и экипажем²⁵. Синод счел возможным на содержание викария использовать 700 руб. ежегодных процентов с капитала (вклада), принадлежащего Абалакскому третьеклассному монастырю, и по 500 руб. из свечного и кружечного сборов²⁶. На первых порах для архиерейского служения Св. Синод разрешил пользоваться ризницей и прочими принадлежностями кафедрального собора, а впоследствии устроить собственную ризницу на счет сумм Знаменского монастыря²⁷.

Теперь необходимо было решить вопрос о кандидатуре нового архиерея. 25 февраля 1871 г. слушали всеподданнейший

²³ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 716. Л. 262 об.

²⁴ См.: там же. Л. 298.

²⁵ Там же. Л. 269.

²⁶ Сулоцкий А.И. Викариатство Тобольской епархии...

²⁷ ГАТ. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 716. Л. 263.

доклад Св. Синода «о бытии Епископом Березовским, Викарием Тобольской епархии Члену С. Петербургского Духовно-Цензурного комитета Архимандриту Ефрему»²⁸. 31 мая 1871 г. преосвященный Ефрем (Рязанов) прибыл в Тобольск²⁹. На протяжении почти года он исполнял свои должностные обязанности, фактически являясь помощником епархиального архиерея в деле управления приходами Тобольского Севера.

Однако нельзя сказать, что надежды, связанные с появлением отдельного архиерея для Тобольского Севера, оправдались в полной мере. Для открытия викариатства в тот период, думается, еще не сложились исторические условия. Что касается содержания викария и его свиты, то источники местных средств находились с большим трудом³⁰.

Список литературы

1. Выписка из журнала ТДК о рассмотрении отчета Сургутской миссии за 1867 г. // Сургутский уезд в документальных памятниках XVIII–XIX вв.: источники / сост., авт. предисл. и коммент. В.Я. Темплинг. Тюмень: Мандр и К, 2006. Вып. 7. С. 118–122.
2. Головин П. Кондинский Троицкий монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1892. № 3–4. Отд. неофиц. С. 68–81.
3. Прот. Владислав Цыпин, Викарий // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. VIII. С. 404–407.
4. Путинцев М. Воспоминания о высокопреосвященном Варлааме, бывшем архиепископе Тобольском и Сибирском // Христианское чтение. 1876. № 11–12. С. 674–692.
5. Римский С.В. Церковная реформа 60–70-х годов XIX века // Отечественная история. 1995. № 2. С. 169–173.
6. Смолич И.К. История Русской Церкви. 1700–1917 гг. М.: Валаамский монастырь, 1997. Кн. 8. Ч. 1. 799 с.
7. Федоров В.А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период (1700–1917). М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

²⁸ Там же. Л. 273.

²⁹ Там же. Л. 314.

³⁰ Там же. Л. 22–22 об.

УДК 93/94

И.Н. Мамкина**ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ НА РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ
ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В XIX в.**

В статье исследовано влияние геополитических особенностей Восточной Сибири на развитие системы общего образования в XIX в. Рассмотрены специфические черты системы образования, сделан вывод о зависимости системы образования от геополитического положения региона.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, геополитические особенности, система образования, развитие.

Вхождение Сибири в состав Российской империи началось в конце XVI в. и продолжалось до начала XX в. По мнению М.В. Шиловского, геополитический «охват» Сибири продолжался в четыре этапа: конец XVI в. – 1689 г.; 1689–1822 гг.; 1822 – 1890-е гг.; незавершенный четвертый этап начался в 1896 г. [7, с. 648–653]. По мере продвижения русских на восток прежние рубежи утрачивали пограничное положение, превращались в собственно территорию Российской империи. Процесс освоения новых территорий сказался на формировании административной системы управления. Особенностью становится достаточно выраженная автономная военно-административная система управления, возглавляемая генерал-губернатором. Опираясь на личное доверие императора, генерал-губернаторы располагали фактически неограниченными полномочиями. По мере усиления связей центра и периферии в регионе вводились общеимперские принципы и органы управления. По мнению А.В. Ремнева, система власти в Восточной Сибири представляла своеобразный «административный фронт» [5]. Усиливали черты фронтности элементы милитаризации, выразившиеся в формировании казачьих войск и учреждении должности военных губернаторов. Особенности геополитического положения Восточной Сибири выразились в обширных пространствах, природно-климатических особенностях, особом порядке управления, трансграничном положении региона.

В XIX в. в состав Восточной Сибири входили Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская области. Пло-

щадь Енисейской губернии составляла 2 297 150 кв. верст, Иркутской – 786 350, Забайкальской области – 538 890, Якутской – 3 331 520 кв. верст [1]. В качестве сравнения приведем размеры губерний центральной России. Так, Калужская губерния занимала 27 177 кв. км, Московская – 29 263 кв. км., Курская – 40 424 кв. км, Орловская – 41 057 кв. км. Очевидно, что средний размер сибирской губернии более чем в 15 раз превышал размеры губерний в Европейской России.

Огромное пространство Восточной Сибири становится одним из ведущих факторов, отразившихся на социально-экономическом развитии региона, в том числе и на формирующейся системе образования. В начале XIX в. в Восточной Сибири действовали губернская гимназия, 10 уездных училищ и 12 приходских школ. Заметим, что сибирские сельские школы были малочисленными и обслуживали детей одного села. Регулярное посещение школы детьми из окрестных деревень было невозможным из-за значительной удаленности селений друг от друга. Ситуацию усугубляли суровые и продолжительные зимы. Залогом эффективности сельской школы становится организация пансионов (общежитий) для учащихся из близлежащих сел. Наличие при школе пансиона становится специфической чертой восточносибирской школы.

В середине XIX в. в Восточной Сибири формируется система управления образованием. Одним из значимых направлений ее деятельности становятся ревизии учебных заведений, которые проводились «по одному разу в течение двух лет»¹. Учитывая размеры края, для проведения полноценной ревизии инспектору требовалось проехать 12 тыс. верст по грунтовым дорогам на различном виде транспорта в течение десяти месяцев. Во время ревизий инспектора замещал чиновник, назначенный из главного управления Восточной Сибири, который все решения по наиболее важным делам откладывал до возвращения инспектора. Генерал-губернатор Г.Д. Анучин отмечал, что это «всегда влекло полный застой в делах»².

В конце XIX в. в управлении образованием формируются инспекторские районы на основе количества учебных заведений и административно-территориального деления. Средний размер ин-

¹ Уставы ученых учреждений и учебных заведений // Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т. XI. Ч. 1. С. 17.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 194. Д. 84. Л. 2.

спекторского района в Европейской России составлял до 8 тыс. кв. верст с общим количеством училищ, не превышающим сотни. В Восточной Сибири самая большая по площади инспекция действовала в Якутии на площади 2 млн 435 тыс. кв. верст с 16 учебными заведениями. Очевидно, что огромные пространства Восточной Сибири становятся препятствием для реализации общероссийских принципов управления системой образования. Эффективность деятельности инспектора народных училищ существенно снижалась в условиях обширного района с небольшим количеством школ.

Суровые зимние холода часто становились причиной приостановки занятий, при понижении температуры до 40°C ученики освобождались от занятий, из-за отсутствия дров многие школы закрывались[4].

Национальный состав Восточной Сибири характеризуется пестротой. Более трети коренного населения Восточной Сибири составляли буряты, второе место занимали якуты, затем остальные малочисленные народности. Для бурятских и якутских детей, с детства говоривших на родном языке, обучение на русском в школе становилось сложной задачей. Незнание языка, отсутствие учителей, говоривших одинаково хорошо на национальном и русском языках, стали причиной значительного отсева учащихся в национальных школах. В 1905 г. в Якутской и Забайкальской областях принята специальная примерная учебная программа для одноклассного начального училища, увеличивающая срок обучения на год. В первый год обучения разрешалось преподавание дисциплин на национальном языке, что являлось отступлением от общепринятых норм [6, с. 486].

Конфессиональные особенности создавали особые взаимоотношения властей и населения в вопросе просвещения. Старообрядцы не выказывали заинтересованности в открытии училищ, при встрече с властями, выслушав все доводы, уклонялись от принятия положительного решения. По мнению властей, к выбору учителя в старообрядческие селения необходимо было относиться с особой тщательностью. Очевидно, что при данных обстоятельствах учитель выступал не только как служащий ведомства Министерства народного просвещения, но и как «дипломат», устанавливая взаимоотношения власти и некогда опального населения.

Существенное препятствие на распространение образования среди бурят оказывали ламы. Главы бурятских родов затяги-

вали открытие учебных заведений. Не высказывая категоричного отказа, родовая верхушка ходатайствовала об открытии таких учебных заведений, которые бы преимущественно содержались казной либо юридически не могли быть открыты в данной местности. Баргузинская степная дума ходатайствовала об открытии в улусе четырехклассного городского училища, в Хоринской степной думе настаивали на обучении в министерском училище «ламаистским священным молитвам вопреки существующим узаконениям»³. Таким образом, конфессиональное многообразие тормозило развитие системы общего образования.

Непосредственное соседство Восточной Сибири с Китаем и Монголией обусловило развитие торгово-экономических отношений. Нет нужды подробно расписывать необходимость обеспечения торговли не только грамотными специалистами, но и, элементарно, переводчиками. Организация школьного дела в приграничных районах становится одной из важнейших задач. Под влиянием приграничного положения территории развитие системы образования проходило быстрее. Так, по количеству учебных заведений Троицкосавск мог соперничать с Иркутском. Приграничное положение Восточной Сибири сказалось и на содержании учебных программ. В губернской гимназии Иркутска учащиеся изучали китайский, японский языки, в библиотеке хранились издания на маньчжурском, китайском языках [3]. Первые приходские училища, открытые в Балаганске (1804 г.) и Онинске (1806 г.), ориентированы на изучение русского и монгольского языков [2]. С расширением российско-монгольских торговых отношений в начале XX в. в программу Троицкосавского училища ввели изучение монгольского языка, монголоведения, принимали к обучению учеников из Монголии.

Особую тревогу у Забайкальского военного губернатора вызывало увеличение числа китайцев. В отчете 1901 г. он отмечал необходимость развития начальной и средней школы в крае как фактора сохранения русского населения в условиях «наплыва китайцев, которые не подчиняются местной власти»⁴. Для осуществления эффективной деятельности пограничной службы наказной атаман Забайкальского казачьего войска (ЗКВ) неоднократно ходатайствовал об открытии гимназии в Чите для подготовки

³ ГАЗК. Ф. 4. Оп. 2. Д. 3. Л. 156–161 об.

⁴ РГИА. Ф. 1237. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.

младших офицеров. При открытии Читинской гимназии ЗКВ принимало активное участие в ее содержании, выделяло средства на обучение казаков. В 1908 г. наказной атаман ЗКВ ходатайствовал о необходимости развития начального образования среди рядовых казаков. По решению учебных властей при открытии новых начальных школ приоритет отдавался казачьим станицам.

Таким образом, для приграничных территорий развитие доступного образования имело не только культурное, но и стратегическое значение. Особенности геополитического положения Восточной Сибири оказывали противоречивое влияние на развитие системы общего образования. Система образования на приграничных территориях развивалась более динамично, в условиях многонационального состава она имела демократичные черты. Однако общинная территория и поликонфессиональный состав населения сдерживали развитие системы и определили ее отставание от общероссийской.

Список литературы

1. Азиатская Россия. СПб., 1914. Том первый: Люди и порядки за Уралом. 719 с.
2. Андреев В.И. Хоринская средняя школа. Иркутск, 1958. 54 с.
3. Иркутские повествования. 1661–1917 годы: в 2 т. / автор-сост. А.К. Чернигов. Иркутск: Оттиск, 2003. Т. 2. 464 с.
4. Предварительные правила народного просвещения // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. (до реформ 60-х гг.) / сост. П.А. Лебедев. М.: Педагогика, 1987. 560 с.
5. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73.
6. Чарнолуский В. Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, инструкции, уставы, справочные сведения и пр. СПб., 1911. Т. IV. 788 с.
7. Шиловский М.В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648–653.

УДК 94(571.5)"185/189"

Т.А. Кискидосова

**УГОЛОВНЫЕ ССЫЛЬНЫЕ В ГОРОДАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.***

В статье рассматривается проблема усилившегося притока уголовных ссыльных в города Восточной Сибири во второй половине XIX в. Рост преступности и создание нестабильной обстановки вызвали недовольство со стороны горожан. Под воздействием общественности городские власти приняли решительные меры по выселению ссыльных.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, города, ссылка, уголовные ссыльные.

Первоначально ссылка в Сибирь носила колонизационный характер. Она способствовала росту численности населения, развитию земледелия и ремесла. Со временем регулярный и увеличивающийся поток ссыльных (до 20 тыс. чел. в год) ухудшал положение местных жителей в материальном и нравственном отношении. В Восточной Сибири наибольшую тяжесть ссылки несла Иркутская губерния. Ежегодно туда поступало около 5,5 тыс. ссыльных, тогда как в наиболее заселенную Тобольскую губернию – 5,8 тыс. чел. [1, с. 172]. Ссыльные были достаточно мобильны, они селились в селах, отправлялись на золотые прииски, переезжали в города. Многие из них вели бродячий образ жизни. Для исследователей сложно определить точную численность ссыльных в городах. В разных источниках статистические показатели отличаются друг от друга. Резко усилившееся пребывание ссыльных в 1860–1870-е гг. вызывало недовольство со стороны местного населения [2, с. 443].

С 1870-х гг. проблема ссылки стала активно изучаться в исторической печати Сибири. Проживание ссыльных в сибирских городах стало большим вопросом, который обсуждался на страницах местной прессы, стремившейся достучаться до центральной и местной властей. Многие газеты опирались на статистические данные и факты, что придавало статьям исследовательский ха-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-11-19003а/Г.

рактик. Разработкой проблем, связанных со ссылкой в Сибирь, активно занималась газета «Восточное обозрение». Большинство публикаций о ссылке были передовыми статьями, что доказывало значимость проблемы для сибирского края [1, с. 173].

В отчете генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фредрикса указывалось: «Восточная Сибирь продолжает оставаться колонией для ссылки порочных и преступных граждан всего государства. Внимание мое было направлено на то, чтобы повсеместно ссыльные в Восточную Сибирь преступники (государственные и уголовные) находились под бдительным надзором и опекой, исправляя прежнюю порочную жизнь, обращали бы их к семейным трудовым занятиям и ссылка для них становилась бы исправлением»¹. Типичный портрет уголовного ссыльного тех лет был следующим: из одежды он имел в лучшем случае арестантский халат, сорочку и порты, но в основном и этого не имел, полунагой, в лохмотьях и с хриплым от пьянства голосом, истощенный и нравственно испорченный человек, отторгнутый от семейной и общественной жизни. Считалось, что ссыльные были бездельниками, пьяницами и героями разнузданных страстей. Они прошли школу всевозможных мест заключения и этапов, являлись на места назначения с определенными взглядами на жизнь². Обычно ссыльные не любили заниматься земледелием. Чаще всего они устраивались на работу на золотые прииски или отправлялись в бега. Положение ссыльного было незавидное, он был лишен возможности вернуться к обычному образу жизни. Как правило, ссылопоселенец с большим трудом обеспечивал себя кровом и куском хлеба. Если ссыльные не устраивались на работу на золотые прииски, то предпочитали заниматься нищенством, вели бродячий образ жизни и продолжали совершать различные преступления. Многие из них не имели дома, хозяйства и занятия³. Даже если ссыльному удавалось найти работу, то получал он по сравнению с обывателями значительно меньше. Киренские мещане и крестьяне пользовались безвыходным положением поселенца, видели в нем дешевую рабочую силу и могли платить ему гораздо меньше, чем местным работникам. Например, обыватель получал

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 413. Л. 20 об.

² Восточное обозрение. 1887. 29 окт.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 446. Л. 27 об.

за работу ежемесячно от 4 до 5 руб., тогда как поселенец – 3 руб., а порой – 1,5 руб.⁴

С массовым притоком уголовных ссыльных в Восточную Сибирь происходил рост преступности. По официальным данным, в Енисейской губернии более 50% самых тяжелых преступлений совершались уголовными ссыльными [4, с. 280]. Очевидцы отмечали, что большая часть преступлений в Сибири отличалась зверством и грубостью. В Сибирском крае, отдаленном от центра страны, при слабом влиянии местной власти и полиции, преступники, уверенные в собственной безнаказанности, чувствовали себя смелее. Их действия отличались безрассудством и жестокостью. «В Сибири тонкий мошенник часто делается грубым злодеем, – заметил Н.М. Ядринцев, – где он действовал прежде утонченными средствами с помощью хитрости, обмана, изобретательности, там, в Сибири, действует просто "обухом топора", потому что изобретательности такой не требуется» [4, с. 282]. В качестве примера можно привести преступление, совершенное 5 октября 1873 г. в Иркутске и шокировавшее сибирское общество. В доме иркутской купчихи Чуриной с целью ограбления были убиты сама хозяйка, ее дочь, кухарка и два работника. Преступление было раскрыто, убийство совершили 3 ссыльных и 3 бродяг. Они были уроженцами Витебской, Тверской и Каменецко-Подольской губерний. Современников потрясло, с каким спокойствием убийцы держались на суде, они хладнокровно отвечали: «взял да и придушил» или «придушил и сбросил в Ангару». В их поведении не чувствовалось раскаяния или сожаления о совершенном злодействе [4, с. 281].

Значительное количество ссыльных сосредоточилось в Красноярске. Обыденным явлением города в 1870–1880-е гг. были прогулки по улицам «жиганов» с гармониками и песнями. Поздней осенью Иркутск был переполнен ссыльными. «Если бродяга угрожает жизни и имуществу населения, – писал современник, – то большинство ссыльных, оставшихся на местах, вносят в окружающую жизнь много развращенного: растущее пьянство, воровство, праздность» [3, с. 148].

Многие сибирские города стремились избавиться от ссыльных. Городские власти некоторых городов проявили активность в их выселении. Например, Ачинская городская дума обратилась к городской полиции принять решительные меры и начать

⁴ Восточное обозрение. 1887. 29 окт.

выдворять евреев-поселенцев из города. Несмотря на то, что полицейские отказались применять такие меры, городской думе удалось оказать давление на полицию и начать высылку евреев из Ачинска. Таким образом, в апреле 1884 г. Ачинск покинули ссыльные с места причисления. Но подобные мероприятия проводились не во всех городах. Например, в Красноярске в начале 1880-х гг. местные власти равнодушно относились к притоку ссыльного элемента в город. В свою очередь, бездействие местных властей вызывало недовольство со стороны горожан. По словам очевидца, «наша городская полиция как будто нарочно концентрирует ссыльных в городе, несмотря на все протесты обывателей». Также выражалось резко негативное отношение к ссыльным: «Люд этот лишен всяких заработков и, понятно, пропивает и разматывает "хапанное"». В питейных заведениях по Песочной улице и на Кучках расположились эти «"друзья с харями", грозящими каждому неповинному обывателю»⁵. В Енисейске с притоком ссыльных участились кражи, грабежи и убийства. Кровавые сцены могли происходить среди бела дня на людных улицах. Енисейское общество, ранее относившееся равнодушно к разным преступлениям, было охвачено паникой и возмущалось бездействием местной полиции [4, с. 283].

Значительный поток ссыльных был устремлен в Красноярск. В газете «Восточное обозрение» отмечалось: «Красноярск был настолько переполнен ссыльными, что обыватель потерял всякое терпение в борьбе с самыми вопиющими случаями покушений на его личную и имущественную безопасность и уже не требовал, а умолял о помиловании»⁶. В Красноярске следователь по особо важным делам докладывал губернатору о криминальной обстановке, сложившейся из-за притока ссыльных в город, а также на бездействие городской полиции. В качестве доказательства следователь приложил к делу несколько билетов ссыльных с полицейской пометкой «Разрешается проживание в Красноярске». Губернатор обратился к полиции разъяснить сложившуюся криминальную ситуацию в городе. На губернаторский запрос полицеймейстер ответил, что заявление следователя не соответствует действительности и объясняется его «болезненным умственным

⁵ Восточное обозрение. 1884. 26 июля.

⁶ Восточное обозрение. 1884. 8 окт.

состоянием». Далее полицмейстер отписывался, что о криминальной обстановке в городе ему ничего неизвестно⁷.

В итоге бездействие полицейских чинов вынудило местные власти пойти на решительные меры. 22 августа 1884 г. енисейский губернатор распорядился изгнать из Красноярска всех подозрительных лиц. Очевидно, что данное распоряжение касалось ссыльных, заполонивших город. В полиции на смену старым кадрам пришли новые. На занявшего пост полицмейстера Кульченкова возлагалось проведение очистки города от ненужных элементов. Он принял решительные меры по проверке ночлежных домов, городских улиц, окраин города и т.д. За неделю арестовали 200 лиц без определенных занятий, из них было много беглецов с каторги. Часть арестантов отправили в острог. Другая часть, не предоставившая документов о своих заработках, подверглась наказанию. Арестанты получили по 100 ударов розгами за праздничное поведение, а затем сданы для отправки этапным порядком в места причисления. Они направлялись в пересыльную тюрьму, где им сбривали волосы на одной половине головы. В проведенной операции не обошлось без перегибов со стороны полиции. Из города выслали минусинских и канских мещан, временно находившихся в губернском центре. То же коснулось и сельских жителей, мотивом для задержания которых стала «бесписьменность», т.е. отсутствие паспорта. Так, например, крестьянка Рыбинской волости с тремя малолетними детьми провели 5 суток в полицейской каталажке. В городе задержанная проживала у своей матери, за неимением паспорта она была арестована, а затем выслана из города. В то же время корреспондент «Восточного обозрения» указывает на то, что не всех ссыльных выслали из города: «Ссыльные еврей-поселенцы (Липман, Франфурт, Еленчук и др.), занимавшиеся ростовщицеством и другими аферами, должны быть высланы»⁸.

По утверждению Е.С. Сальниковой, лучшей частью ссыльных были семейные поселенцы. У семейных ссыльных было больше причин избегать бродячей жизни, беззаботного существования. Они осваивали новые земли, обзаводились детьми и хозяйством. Но процент таких поселенцев был незначительным, труд их был малопроизводителен. В городах особой проблемой было положение детей ссыльных. Многие из них остались без надзора взрослых, они

⁷ Восточное обозрение. 1884. 26 июля.

⁸ Восточное обозрение. 1884. 8 окт.

были предоставлены сами себе и вели бродячий образ жизни. Дети ссыльнопоселенцев постоянно пополняли ряды нищих. Местные власти неоднократно поднимали эту острую социальную проблему. Оставшиеся без какой-либо поддержки дети ссыльных находились в гораздо худших условиях, чем дети арестантов, которых вместе с родителями содержали в тюрьме. Генерал-губернатор П.А. Фредерикс заметил, что детям ссыльнопоселенцев необходима материальная поддержка. Он поднял вопрос о необходимости выплаты им кормовых денег, как и детям арестантов⁹.

Таким образом, во второй половине XIX в. усилившийся поток уголовных ссыльных в города Восточной Сибири способствовал росту преступности. Такая ситуация приводила к негативным последствиям и вызывала тревогу у городских жителей. В ряде городов были предприняты решительные меры. Усилиями городских властей проводились мероприятия по очистке городов от ссыльных элементов.

Список литературы

1. Сальникова Е.С. Проблемы уголовной ссылки в Восточную Сибирь в конце XIX века в освещении периодической печати // Исторические, философские, политические и юридические науки. Культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5(11). С. 171–174.
2. Сальникова Е.С. Ссыльные и их семейное положение: к вопросу о повседневной жизни ссыльных в Восточной Сибири во второй половине XIX века // Вестник ИрГТУ. 2013. № 11(82). С. 443–446.
3. Сукачев В.П. Иркутск. Его место и значение в истории культуры и развитии Восточной Сибири. Иркутск, 1891. 268 с.
4. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. МПБ: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892. 720 с.

⁹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 446. Л. 35.

УДК 94(470+571):930

О.Г. Бузмакова**СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ
В СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В статье рассматривается история изучения мировой юстиции в Сибири в пореформенный период современными исследователями. Автор приходит к выводам о высокой степени изученности правового статуса мировых судей в Сибири, организации, условий деятельности, кадрового состава.

Ключевые слова: историография, мировой суд, Сибирь, судебная реформа.

Среди исследований судебной реформы в Сибири конца XIX – начала XX в. значительное место занимает изучение мировой юстиции, отличающейся своеобразием в Сибири. Этот институт стал объектом пристального внимания не только историков отечества, но и историков государства и права. Изучение мировой юстиции сибирскими исследователями началось в конце 1990-х гг. К настоящему времени защищено 16 диссертаций, издано 10 монографий, в которых рассматривается данный институт. Однако пока отсутствует работа, посвященная исключительно мировой юстиции в Сибири в пореформенный период.

Одним из первых организацию и деятельность мировой юстиции в Сибири рассмотрел С.В. Чечелев [17]. Отметив недостатки в организации и трудности, с которыми столкнулись судьи на практике, он пришел к выводу, что отступление от Судебных уставов в русле консервативной политики конца XIX в., соединенное со стремлением сэкономить бюджетные средства, «не смогло в корне изменить характера самого суда как скорого, гласного, дешевого, приближенного к населению» [16, с. 185].

М.А. Бтикеева исследовала организацию мировой юстиции, правовой статус мировых судей, а также их практическую деятельность в округе Омской судебной палаты [6]. В частности, автор отметила, что система назначения мировых судей позволила в определенной степени быть судье более независимым в своей деятельности. Опираясь на статистические данные о деятельности мировых судей, она пришла к выводу об эффективности их

работы в сравнении с деятельностью аналогичных учреждений других регионов [6, с. 12].

Е.А. Крестьянников в своих работах акцентирует внимание на недостатках организации мировой юстиции, характеризует трудности деятельности мировых судей, невнимание со стороны правительства и приходит к выводу о низкой эффективности мировой юстиции в крае [11; 12]. Автор отмечает, что недостатки устройства мировой юстиции снижали тот потенциал, который был заложен в судебных уставах. По его мнению, почетные мировые судьи стали тем единственным институтом, который позволил реализовать общественные интересы. В целом автор отмечает, что суд из-за многих недочетов в организации действовал не всегда результативно и не смог в полной мере предоставить обществу «суд скорый и правый» [10, с. 34]. Отмечая изменения в законодательстве в начале XIX в., автор справедливо полагает, что «эти позитивные преобразования проводились с запозданием и были менее эффективны, чем если бы их реализовали вовремя» [10, с. 26].

В работах Д.А. Глазунова отмечены особенности организации мировой юстиции, их обусловленность местными особенностями, изучена деятельность мировых судей на основе статистических данных, но также рассмотрено отношение местного населения к данному институту, проанализирован кадровый состав мировых судей в пределах Томской губернии [8]. Автор отмечает особую роль почетных мировых судей Сибири как суда шеффенов.

О.Г. Бузмакова остановилась на характеристике мировой юстиции, ее месте в судебной системе Сибири, правового статуса мировых судей [6]. В работах проанализирован социальный состав, материальное положение, рассмотрены условия деятельности, проблемы, с которыми пришлось столкнуться мировым судьям в разных частях края. Автор пришла к выводу, что, несмотря на все недочеты в организации и трудности, мировая юстиция выполняла свои функции.

Судебной реформе в Восточной Сибири посвящены работы В.Н. Деревсковой [9]. Рассматривая историю учреждения, устройство мировой юстиции, правовой статус, компетенцию мировых судей, порядок отправления правосудия, она отметила, что при проведении реформы в Сибири были учтены «ошибки», допущенные в Судебных уставах 1864 г., вошедшие в противоречие с само-

державием, а также учтена специфика края. Автор отмечает, что институт мировых судей изначально был поставлен в самые невыгодные условия и находился в весьма плачевном состоянии.

О.А. Авдеева, выявляя место Сибири в государственно-правовой системе России на протяжении нескольких столетий, проанализировала вопросы правового регулирования института мировой юстиции в Сибири [1]. Автор отметила, что государственная политика по организации мирового суда в Сибири была направлена на «поэтапное введение общеимперских принципов организации мировой юстиции с учетом присущих региону особенностей социально-экономического и политико-правового развития» [1, с. 96].

Формированию, развитию и деятельности института мировых судей на Дальнем Востоке посвящены работы Л.В. Пашкевич [15]. На сегодняшний день это единственная монографическая работа, посвященная мировым судьям. К сожалению, в работе содержится ряд неточностей [15, с. 102–103, 121–122, 161, 163], снижающих ценность анализа законодательных актов, статистических и архивных данных. Некоторые выводы автора не оригинальны, так как они присутствуют в работах предшественников [15, с. 94, 158–159; 8, с. 47; 5, с. 237].

И.Г. Адоньева рассматривает вопросы организации и деятельности мировой юстиции через призму взглядов западносибирской юридической интеллигенции [2]. Автор отметила, что у юридической интеллигенции, идеализирующей Судебные уставы 1864 г. в их первоначальном варианте, наибольшую критику вызвало такое отступление от судебных уставов, как совмещение должностей судьи, следователя и нотариуса в одном лице мирового судьи. Вместе с большим размером участка, недостатком чиновников, отсутствием съезда мировых судей мировая юстиция с первых дней своей деятельности попала в затяжное кризисное состояние, в результате чего суд не соответствовал потребностям сибиряков.

В.Г. Вишневский в работе, посвященной проведению судебной реформы в Восточной Сибири, рассмотрел вопросы установления границ мировых участков, изучил причины накопления дел и несвоевременность их рассмотрения, а также условия и обстоятельства, способствовавшие становлению независимости мировых судей от местной администрации. Оценивая деятельность

мировых судей в регионе, он приходит к выводу, что «мировой суд действительно выполнял функции "хранителя мира"» [7, с. 18]. Изменения судопроизводства мировых судей, по его мнению, отражали особенности развития края.

Е.В. Малышева остановилась на вопросах организации мировой юстиции, рассматривая проведение судебной реформы в Tobольской губернии. Характеризуя мировых судей, автор допускает в работе много неточностей: добавочные судьи названы дополнительными [14, с. 66], отмечено, что пределы компетенции мировой юстиции были чрезвычайно узки [14, с. 71]; характеризует мировых судей в качестве дополнительного подразделения окружных судов [14, с. 72] и др.

А.В. Астахов проанализировал деятельность мировых судей Западной Сибири и подчеркнул, что наличие добавочных и почетных мировых судей оказало минимальное воздействие на состояние мировой юстиции в округе. Тем не менее, несмотря на проблемы в организации и деятельности мировых судей, «этот институт органично вписался в сибирское общество», став связующим звеном между обществом и властью [3, с. 22].

Е.В. Кучерявенко также отметил, что большой объем полномочий дестабилизировал деятельность мирового суда и существенно затруднял для населения реализацию права на скорый и доступный суд. Кроме этого, разъездной характер работы мировых судей в Западной Сибири приводил к отложению мировых дел и существенному увеличению сроков их разбирательства. Проблема необходимого финансирования и увеличения численности судей не была окончательно решена, что обусловило постепенное снижение качества правосудия в Западной Сибири [13, с. 27–28].

Описывают особенности мирового суда и другие исследователи судебной реформы в Сибири.

Таким образом, институт мировых судей достаточно подробно исследован в рамках изучения судебной реформы в Сибири, а также изучена его деятельность в крае или отдельных его частях. Исследован правовой статус мировых судей, определены отличия от общероссийского варианта, изучена организация и условия деятельности, выявлены проблемы в деятельности, охарактеризован кадровый состав и многие другие аспекты этого института. Следует также отметить, что исследователи разошлись в оценках деятельности мировой юстиции в Сибири.

Список литературы

1. *Авдеева О.А.* Государственное устройство Сибири во второй половине XIX – начале XX веков. Иркутск: Оттиск, 2006. 200 с.
2. *Адоньева И.Г.* «Великая полуреформа» преобразования судебной власти Западной Сибири в оценках местной юридической интеллигенции (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2010. 222 с.
3. *Астахов А.В.* Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX – начале XX вв.: структура, состав и функционирование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2009. 23 с.
4. *Бтикеева М.А.* Судебные учреждения Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.: по материалам округа Омской судебной палаты. Омск: Изд-во Ом. академии МВД России, 2008. 187 с.
5. *Бузмакова О.Г.* Мировой судья в Сибири. Социальный портрет (конец XIX – начало XX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи Научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: материалы всерос. конф. Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 237–239.
6. *Бузмакова О.Г.* Судебная власть в Сибири в конце XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2012. 206 с.
7. *Вишневский В.Г.* Особенности судебной реформы в Восточной Сибири (1864–1896 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 23 с.
8. *Глазунов Д.А.* Деятельность судебных учреждений Томской губернии (конец XIX – начало XX в.). Барнаул: Изд-во ААЭП, 2006. 152 с.
9. *Деревскова В.М.* Становление и развитие пореформенной судебной системы Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Артпресс, 2004. 343 с.
10. *Крестьянников Е.А.* Судебная власть в Западной Сибири (1823–1917 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тюмень, 2013. 45 с.
11. *Крестьянников Е.А.* Судебная реформа 1864 г. в Западной Сибири. Тюмень: Экспресс, 2009. 270 с.
12. *Крестьянников Е.А.* Судебные преобразования в Западной Сибири в 1885–1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. 26 с.
13. *Кучерявенко Е.В.* Деятельность судов Западной Сибири в конце XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2011. 30 с.
14. *Малышева Е.В.* Судебная реформа 1897 г. в Сибири: на примере Тобольской губернии. Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. 161 с.
15. *Пашкевич Л.В.* Становление и развитие института мировых судей на Дальнем Востоке России (1896–1917 гг.). Хабаровск: ДВАГС, 2007. 245 с.
16. *Чечелев С.В.* Проблемы организации и деятельности местного суда в Сибири в конце XIX – начале XX вв. // Проблемы истории местного

управления Сибири конца XVI – XX веков: материалы IV Регион. науч. конф. Новосибирск, 1999. С. 181–186.

17. Чечелев С.В. Судебная реформа в Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.

УДК 94(571.5)

Р.А. Евтехов, Т.В. Паликова

**ПОЛИЦЕЙСКИЙ НАДЗОР ЗА ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРОСТИТУЦИЕЙ В ЗАБАЙКАЛЬСКИХ ГОРОДАХ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

В статье рассмотрен вопрос существования в Забайкалье организованной проституции и роли полиции в надзоре за ней. На основе опубликованных и архивных материалов авторы характеризуют организационное состояние проституции как особой сферы деятельности.

Ключевые слова: проституция, бордели, города Забайкалья, интимная жизнь общества XIX–XX вв.

Как вариант социально-экономических взаимоотношений проституция существовала с древнейших времен. При этом на заре веков это явление было вполне обыденным, о чем свидетельствуют факты существования храмовой и гражданской ее вариаций [5, с. 32–33]. Тема продажи сексуальных услуг и сегодня является не до конца изученной, особенно в условиях удаленности от европейской части России и значительного влияния азиатских культур. Исследователи по-разному относятся к феномену проституции. Дореволюционные ученые считали эту сферу деятельности безусловным злом, аргументируя свое мнение наносимым обществу медицинским и морально-этическим вредом. Подход к рассмотрению проституции как занятия безнравственного, результата проявления развращенной натуры женщины (или мужчины) был достаточно популярен [4, с. 12–13; 8, с. 5]. В то же время дореволюционными учеными признавался факт того, что проституция это хоть и порочная, но профессия. Разнообразием предметов исследования и подходов отличается современная литература. В частности, достаточно оригинальным является подход к рас-

смотрению продажи сексуальных услуг как закономерного результата развития социально-сервисной сферы [6, с. 38] на фоне интенсификации торгово-экономических связей и увеличения потоков миграции. Достаточно популярным сегодня является подход к изучению проституции как закономерному этапу изменения общественной формации – следствию трансформации семейно-брачных отношений [1, с. 103; 7, с. 54–55]. Актуальность проблемы подтверждается наличием публикаций, в частности, по Западной Сибири [2, с. 59]. Целью данной статьи является характеристика общей ситуации в сфере организации проституции в Забайкалье в конце XIX – начале XX в.

Законодательно проституция в Российской империи была разрешена при соблюдении установленных норм и порядка. Проституция не являлась сугубо городским видом деятельности. Новейшие исследования таких авторов как В.Б. Безгин, Н.Л. Пушкарева и др. утверждают, что этот тип деятельности распространялся далеко за пределами городских поселений и крупных городов. Несмотря на слабость изучения сельской проституции, факт ее существования уже является доказанным. Безусловно, в деревне такой вид заработка имел свои специфические черты и не имел тех организационных форм, как в городе.

Для продажи сексуальных услуг в городах империи были распространены в основном следующие виды организации: дом терпимости (притон, бордель), оказание услуг на своей (съемной) квартире, проституция при общественных и увеселительных заведениях (бильярдные, пивные, трактиры и т.д.). Первый вид организации был достаточно четко регламентирован. Хозяйкой заведения могла быть только благонадежная женщина в зрелом возрасте, собравшая необходимый пакет документов. Она не только получала прибыль от бизнеса, согласно положениям о содержании публичных домов она следила за хозяйственным и санитарным порядком. На ее ответственности была и регулярность медицинского освидетельствования, которое проводилось городскими врачами при содействии полиции. Причина легализации организованного типа проституции заключалось в удобстве наблюдения за ней, ведь при несоблюдении правил и положений притон постановлением полиции сразу закрывался, в то время как отслеживать и наказывать «одинок» было существенно сложнее. Несмотря на то, что социальное поле забайкальских городов

было достаточно узким [6, с. 39], занятие тайной проституцией было вполне возможным. Причина этого лежит в особенностях устройства и комплектования городской полиции, функции и задачи которой существенно превалировали над кадровыми резервами. Кроме того, всегда было место для коррупционных схем. Подобная «невидимость» для властей и полиции была широко распространена в империи в целом, о чем свидетельствуют факты существенных различий размаха проституции в реальности и по официальным подсчетам [3, с. 31].

Вопрос о числе женщин, занимавшихся проституцией, крайне сложен. Согласно официальным данным всероссийской переписи 1897 г., в городах Забайкалья насчитывалось всего 22 проститутки [6, с. 39–40]. Эта цифра далека от реальной, так как еще в 1893 г. только в г. Троицкосавске, согласно сведениям полицейского управления, зарегистрировано 29 «жриц любви»¹, предлагавших свои услуги на квартирах и в доме терпимости. Число проституток сильно меняется в течение года, ведомости наличного контингента составлялись по третям года. Если в конце каждой трети, когда учитывались практикующие «ночные бабочки», вновь внесенные в списки (т.е. вылеченные), не являвшиеся на осмотры, а также выявленные зараженные венерическими заболеваниями и отправленные в больницу, число женщин было максимальным, то по мере проведения осмотров количество их существенно сокращалось. Так, к 1 мая 1894 г. в Троицкосавске уже насчитывалась половина от прежнего числа – 14 девиц². Впоследствии в течение нескольких лет в полицейских отчетах Троицкосавска фигурировали цифры – 13–17 проституток.

Город Верхнеудинск отличался в этом отношении от Троицкосавска большей организованностью в деле «коммерческой любви». По официальным данным на 1894 г., в городе было только 4 девицы, самостоятельно занимавшиеся проституцией «во всякое время и во время ярмарки»³. Основная часть девиц легкого поведения Верхнеудинска находилась на легальном положении. Так, в 1911 г. они были работницами домов терпимости Евдокии Денисовой (9 проституток), Ирины Ципкиной (6 проституток), Малки

¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 2 вр. Д. 182. Л. 1 об.

² Там же. Л. 5 об.

³ Там же. Л. 9.

Молдовар (19 проституток). По официальным сведениям на 1894 г., в Селенгинском, Баргузинском и Нерчинско-заводском округах проституток не было. Иногда поступали сообщения о заподозренных в тайном разврате одной-двух женщинах. Интересными представляются сведения по Нерчинскому округу. О наличии практикующих проституток в самом Нерчинске почти ничего не известно, кроме упоминаний о трех девицах, освидетельствованных в наличии болезни и отправленных на лечение⁴. По Нерчинскому округу за 1894 г. зарегистрированы только 10 проституток от 19 до 30 лет. Примечательно их достаточно пестрое происхождение: 2 крестьянки, 2 солдатские дочери, 2 казачьих дочери, 2 поселенки, казачья вдова и мещанская дочь. Отметим, что нет ни одной девицы, происходящей из купцов, чиновников, священнослужителей и прочих, что свидетельствует о главной причине обращения женщин к проституции – материальное неблагополучие.

Основными потребителями рынка интимных услуг были солдаты и крестьяне. В Верхнеудинске это ярко проявилось в стремлении владельцев интим-бизнеса строить свои заведения поближе к Нижней Березовке, где располагался гарнизон города. Это нередко становилось причиной конфликтов, гарнизонные офицеры жаловались в управу. Но и эту небогатую публику проститутки ухитрялись обкрадывать, что в целом оправдано тяжелым материальным положением самих девиц.

Дома терпимости в городах Забайкалья фактически не существовали на постоянной основе, проработав в течение года-двух, бордели закрывались. Правда, причина заключалась не в банкротстве, а в нарушении правил их содержания. Не все официальные содержательницы были хозяйками борделей. Часто они являлись лишь подставными лицами, за которыми скрывались либо женщины с неблагонадежной репутацией, либо мужчины, – и тем и другим занятие этим бизнесом было запрещено. При обысках и допросах полиции уличенные в подобных махинациях оправдывались своей «неопытностью и неграмотностью»⁵. Отношение к девицам в борделях было достаточно грубым, нередко их избивали как содержательницы и их компаньоны, так и доверенные лица. Обеспечение девиц было также довольно скудным, им

⁴ Там же. Д. 214. Л. 10.

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5051. Л. 501–503 об.

мало платили, обманывали при расчетах, а то и вовсе содержали фактически за еду. Если содержатели и покупали своим работникам одежду, то выставляли счет, в несколько раз превышавший реальную цену. Почти во всех случаях проститутки не могли покинуть притон, так как владельцы заведения использовали различные методы их задержки – от угроз расправы или порчи документов, невозвращения документов до требования возврата долгов. Пользуясь неграмотностью и бесправным положением девиц, хозяева заведений при каждом удобном случае, увеличивая размер долга, приписывали в расчетные книжки работниц угощение и алкоголь, которые покупались клиентами.

Органы полиции старались контролировать ситуацию, но систематический контроль надзирателей вплоть до первых происшествий, жалоб или масштабных проверок был скорее формальным. В целом проверка полиции касалась не только осмотра помещения дома терпимости, его санитарной пригодности, проверялись также документы, домовая книга и медицинские книжки. Кроме того, полиция контролировала возраст девиц, который не должен быть менее 21 года, но при тщательных проверках часто выяснялись несоответствия этому требованию. Так, при проверке трех домов терпимости Верхнеудинска в 1911 г. в двух из трех были обнаружены девицы 17 и 19 лет, документы которых были исправлены. При этом подделка документов производилась кустарным способом, весьма грубо и при первом же взгляде даже неопытного человека легко выявлялись следы исправлений. Не брезговали такими действиями и служители полиции – одной из девиц документ с подделанным возрастом выдал полицейский надзиратель Верхнеудинска, либо не проверив достоверность данных, либо получив за это взятку. Содержательница, кроме всего прочего, редко способствовала посещению девицами врача, а в ряде случаев противодействовала этому, так как это было невыгодно экономически – в случае обнаружения заболевания девица на длительное время покидала рабочую кушетку.

При первых случаях неудовлетворительного содержания медицинских книжек комитет обычно выносил предупреждение, при следующей проверке заведение могли закрыть. Грубейшие нарушения законодательства в сфере организованной проституции часто покрывались полицейскими либо осуществлялись с их молчаливого согласия. Но и для оправдания у полиции было до-

статочны аргументов. При одновременном закрытии в 1911 г. двух домов терпимости ответственность за недосмотр за деятельностью заведений был возложен на полицейского надзирателя Токарева, который оправдывался длительным отсутствием вследствие его командирования в Хилок и невозможности наблюдать за верным управлением заведений в городе.

Организованная проституция в городах Забайкалья нередко являлась своего рода «ловушкой» для молодых девиц, в основном происходящих из наименее социально защищенных слоев населения. Несмотря на попытки правительства взять полностью под контроль сферу интимной торговли и постоянные проверки полиции, организация проституции оставалась на уровне примитивной по форме организации продажи услуг, что вызвано в целом низкими финансовыми возможностями клиентов. Недостаточным был контроль и со стороны городского общества, а также тот факт, что содержателями (официальными и неофициальными) борделей чаще всего становились люди, не лишенные жилки авантюризма. Содержание проституток в борделях было далеко от удовлетворительного, они нередко становились жертвами побоев, обмана и т.д. Пользуясь их бесправным положением и невежеством, содержательницы старались «выжать» из своего бизнеса максимум пользы, для этого они шли на обман, подлог иногда даже ценой собственного бизнеса и жизни проституток.

Список литературы

1. Безгин В.Б. Скрытая повседневность (половые отношения в русской деревне конца XIX – начала XX века) // Клио. 2004. № 3. С. 103–108.
2. Быкова А.Г. Проституция в городах Западной Сибири (1880-е – 1917 гг.) // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 59–65.
3. Голосенко И.А. Русская дореволюционная социология о феномене проституции // Рубеж (альманах социальных исследований). 1997. № 10–11. С. 30–41.
4. Канкарович И.И. Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб.: Типогр. В. Безобразова и К°, 1907. 202 с.
5. Ломброзо Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. Ставрополь: Изд-во А.А. Торбы, 1991. 224 с.
6. Паликова Т.В. «Торговля позором», или «заведения наслаждения»: дома терпимости в социально-сервисной сфере городов Забайкалья в начале XX в. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2009. № 2. С. 38–52.

7. Паликова Т.В. Урбанизационные процессы в дореволюционном Забайкалье // Вестник ВСГТУ. 2011. № 3(34). С. 35–39.

8. Приклонский И.И. Проституция и ее организация: исторический очерк. М.: Изд-во А. Карцева, 1903. 108 с.

УДК 94(571)

А.В. Аксенова, Н.В. Гонина

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОСУГ В ГОРОДЕ ЕНИСЕЙСКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

В работе рассматривается досуг как неотъемлемая часть социокультурной жизни горожанина. Изначально он ограничивался религиозными нормами и обычаями. Однако на рубеже XIX–XX вв. к традиционным формам досуга добавились новые, возникшие уже под влиянием технического прогресса.

Ключевые слова: провинциальный город, досуг, Енисейск, праздник.

Нельзя понять особенностей становления города, не обращаясь к культуре, к занятиям и быту горожан. Важным элементом социокультурного развития любого городского поселения являлось свободное времяпрепровождение (досуг), которое во многом отражало процесс городской культурной динамики.

В Енисейске, как и в других провинциальных городах на рубеже XIX–XX вв. были популярны традиционные формы досуга – народные гуляния, уличные зимние развлечения, хождение в гости по церковным праздникам. «Хождение по гостям вошло в плоть и кровь как достаточных, так мало достаточных», – писал краевед А.Л. Яворский. Енисейск был маленьким городом, его легко можно было пройти пешком. Тем не менее для визитов обычно нанимали ямщика. Беседы, кирпичный чай, «сибирский разговор», т.е. щелканье кедровых орехов, традиционные пельмени, цукаты из киштей рябины являлись обыденностью провинциальных городских посиделок. «Во время "гостей" енисейские хозяйки демонстрировали образцы кулинарного искусства. Пироги из стерляди с осо-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Краевого фонда науки в рамках научного проекта № 16-11-24008а(р).

бой корочкой снаружи и визигой внутри, а в разрезе, через которую выходит выходящая струйка пара, лежит и медленно тает кусочек льда... это для сочности»¹.

Визиты совершали в основном мужчины, в обязанность женщин входил радушный прием гостей. Согласно местному этикету, «мелкота обязательно посещала крупную личность»². В ходу у городской элиты были приняты взаимные визиты, которые являлись знаками уважения и осуществлялись также для решения личных вопросов. Особенно почетным считалось посещение священником или дьяконом зажиточных людей. Священнослужитель читал молитву при входе в дом и давал приложиться к кресту хозяевам, а те благодарили серебряным полтинником или рублем. Духовное лицо могло не только присоединиться к трапезе и выпить спиртное, но и принять участие в карточной игре, как писал протоиерей В. Касьянов [2, с. 47–50].

Для жителей города наиболее яркими событиями являлись крупные религиозные праздники, сопровождавшиеся посещением церкви и, в особых случаях, крестным ходом, а затем застольем с широким русским размахом и народным гулянием. В Енисейске, как и в ряде других провинциальных городов, сохранились обычаи «ходить со звездой» на Рождество и устраивать театральные представления (вертеп) [1; 6]. Праздник объединял и уравнивал людей независимо от звания и богатства. Сопровождался он и распитием большого количества алкоголя. Например, А.Л. Яворский указывает на то, что на Рождество наблюдалось очень много «навизитировавшихся», т.е. пьяных и подвыпивших людей³. И это не удивительно, в конце XIX в. в Енисейске насчитывалось 103 кабака на 10 тыс. населения [2, с. 65–69]. Не редкими были и драки [5, с. 220].

Среди зимних развлечений особо стоит отметить катание на санях с ледяных гор, с так называемых «катушек». Самой большой и красивой считалась платная Думская катушка, которая устраивалась к масленице на берегу Енисея. Часто она устраивалась в пост, что отрицательно воспринималось местными властями и церковью. В одну из зим к началу поста каток по приказу городского головы был изрублен [7, с. 29].

¹ ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 27. Л. 5–6.

² Там же.

³ Там же.

У мещан и крестьян, которых было немало в составе городского населения, основная часть досуга проходила на улице. По воскресеньям и другим праздникам, особенно в Пасху, играли на деньги в орлянку на склонах Сенной площади. Этот вид досуга был официально запрещен, и при приближении полицейского или городского люди стремились сделать вид, что ничего не происходит. Дети, а особенно взрослые, часто играли в бабки (или становой кустик), эта игра приобрела особую популярность. С началом полевых работ игры взрослых заканчивались, но дети могли играть в бабки все лето.

В теплые дни городские жители любили качаться на качелях и прогуливаться по бульвару с видом на Енисей. «Публика, в большинстве бессознательно, чувствует всю прелесть этого зрелища, единственного в своем роде, и бульвар из двух тощих аллеек служит вечером любимым местом прогулок» [7, с. 33]. Также горожане любили отдыхать в поле, собирать ягоды и грибы, купаться в заводях и на Енисее, кататься на лодках. Многие мужчины отправлялись в тайгу на охоту или на рыбалку, ставя самоловы на Енисее. На берегу можно было купить живую стерлядь по цене 15–20 коп. за штуку⁴.

Дети, независимо от сословной принадлежности, много времени проводили на открытом воздухе. Кроме вышеназванных традиционных развлечений, они часто играли в «клетки», устраивая жилище из деревянного хлама, ловили стрижей, катили бочки с пустырей, крутили палочкой деревянный обруч. Особенно популярным развлечением стал запуск воздушных змеев, в котором принимали участие и взрослые.

Зимой вдалеке от берега, на Енисее, расчищали большой ипподром для енисейских рысаков. В Енисейск и Красноярск регулярно приезжал цирк, пользовавшийся большим успехом у местной публики. Как писал А.И. Кытманов, «в 1874 г. приехал циркач и отстроил старый сарай пожарный и стал в нем устраивать представления»⁵.

Пользовались популярностью и другие пассивные формы досуга. Например, настоящим событием стал проезд в город кана-

⁴ Там же. Л. 96.

⁵ Енисейский краеведческий музей: *Кытманов А.И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 гг. [машинопись]. С. 352.

тоходца. Как писал А.Л. Яворский, который побывал на одном из таких выступлений, «народу там было больше, чем у церкви». Канат натянули на крепких жердях по обе стороны Мельничной речки и укрепили в берегах вкопанными в них косыми бревнами. На «номерных местах» под канатом сидела знатная публика, а остальная масса людей, не имевшая билетов, могла бесплатно наблюдать за происходящим. «Весь Енисейск не меньше чем неделю только и говорил о канатоходцах»⁶. В 1911 г. по инициативе бывшего механика судов казенной флотилии Г.В. Плешкова в здании читальни им. А.С. Баландина заработал кинематограф, пользовавшийся у жителей города большим спросом. Со следующего года, благодаря купечеству, кинематограф уже размещался в доме А.М. Бородинки по Большой улице [3, с. 196].

Центром развлечения высшего общества многих сибирских городов в XIX – начале XX в. стало Общественное собрание. В Енисейске в 1880 г. на средства Харченко построено большое деревянное здание Общественного собрания, расположенное на горе рядом с мужским Спасским монастырем. Балы, спектакли и маскарады проходили в специально приспособленных помещениях: для театра устроен зал со сценой, для танцев – зал с паркетным полом. Маскарады, которые проходили в течение всей зимы, отличались от европейских прежде всего разнообразием костюмов, иногда с обличительными надписями [7, с. 8]. Общественное собрание имело хороший доход от своей деятельности, особенно в 1880-е гг., что позволяло содержать даже оркестр.

По воспоминаниям А.Л. Яворского, Общественное собрание пользовалось популярностью и позднее, на рубеже веков. Купцы, чиновники, золотопромышленная знать города считали своей обязанностью посетить Общественное собрание в Пасху и на Рождество, при том что входной билет был достаточно дорогим – цена на него составляла 5 руб. Особо популярными у горожан считались игры в карты и бильярд, «интересом публики пользовались заезжие капеллы Славянского и Гордовского, а также фокусник Штраус, который буквально поднимал на ноги енисейское болото общественности»⁷.

Зачастую представители местной интеллигенции стремились извлечь некоторую общественную выгоду из проводимых

⁶ ГАКК. Ф. 2120. Оп. 1. Д. 27. Л. 80, 84.

⁷ Там же. Л. 7.

развлечений. Например, они устраивали благотворительные театральные представления. Корреспондент газеты «Енисей» в декабре 1902 г. писал, что в здании Общественного собрания любителями искусства дан спектакль, чистый сбор с которого пошел на приобретение городской лечебницей медикаментов для неимущих⁸.

Значение Общественного собрания в культурном пространстве города по-разному оценивалось современниками. Некоторые демократические деятели, такие как Н.В. Скорняков, считали Собрание «сборищем кутил и картежников». Напротив, М.П. Миндаровский, 12 лет состоявший в клубе, писал, что «это был единственный уголок, где приятным светом горела культурная жизнь енисейцев» [3, с. 24, 198].

В начале XX в. вырабатываются представления о нормах культурного поведения горожанина. Они возникли прежде всего благодаря росту количества учебных заведений и числа учащихся в конце XIX – начале XX в. Представители местной элиты начали понимать значимость вложений в образовательный ресурс. Появились библиотеки, читальни и Общественный музей. Со второй половины XIX в. получила развитие книжная торговля, однако по большей части культура провинциальных городов оставалась традиционной, со значительной ролью семьи, церкви и государства. Массовые развлечения носили достаточно упрощенный характер.

Таким образом, следует согласиться с тезисом Г.В. Оглезневой о том, что в начале XX в. в сфере общественного досуга наиболее ярко проявились две противоположные тенденции: стремление интеллигенции к распространению «разумных развлечений» и коммерциализация массовой культуры, которая развивалась по принципу «спрос рождает предложение» [4, с. 107].

Список литературы

1. Дулов А.В., Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX в. Иркутск: МИОН ИГУ, 2004. 292 с.
2. Из дневников 1870–1897 гг.: в 2 кн. / В.Д. Касьянов, протоиерей; авт.-сост. А.В. Броднева. Красноярск: Восточная Сибирь, 2012. Кн. 1. 701 с.
3. Миндаровский М.П. Мои записки и воспоминания. Енисейск, 1925. Т. 1: Город Енисейск: машинопись. 312 с.

⁸ Архив города Енисейска. Ф. 6. Оп. 1. Д. 77.

4. Оглезнева Г.В. Социокультурная среда и организация общественного досуга иркутян в начале XX века // Сибирский город XVIII–XX вв.: сб. стат. Иркутск: Оттиск, 2010. С. 107–120.

5. Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда. Енисейск: Енисейская типография, 2009. 260 с.

6. Православная энциклопедия: [электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravenc.ru/text/158196.html> (дата обращения: 12.09.2016).

7. Уманьский А. Золотой город (Очерки золотопромышленности в Енисейской тайге). СПб., 1888. 167 с.

УДК 316.354.4(571.1)"1914/1918"

Е.А. Дегальцева

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность общественных неполитических организаций в городах Западной Сибири в годы Первой мировой войны, дается анализ результатов их деятельности, причины активности, формы работы.

Ключевые слова: общественные неполитические организации, история, Западная Сибирь, Первая мировая война.

Деятельность общественных неполитических организаций и других институтов самоорганизации общества в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. пока еще не поучила должного освещения в отечественной историографии, хотя отдельные аспекты данной проблемы изучались в работах М.В. Шиловского, В.П. Зиновьева, В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова, А.С. Тумановой, Д.И. Попова и др.

Исследования, проведенные этими авторами, показывают, что демократические институты общественной самоорганизации способны к адаптации в любых самых сложных условиях. Такой вывод вытекает из практики их деятельности в годы Первой мировой войны и революции.

Процесс активного формирования новых неполитических организаций в Западной Сибири происходил в первой половине

1890-х гг., когда их численность превысила сотню [3, с. 67, 89]. Были созданы организации, ставшие впоследствии самыми крупными и деятельными в регионе. Часть из них просуществовала до 1917 г., а некоторые продолжили свою деятельность и после установления в стране советской власти. Среди них можно назвать отделы Императорского русского географического общества, Императорского русского музыкального общества, Московского общества сельского хозяйства, Общества для распространения просвещения между евреями в России, филантропические, художественные, религиозные и научно-просветительные общества в больших и малых городах региона [3].

С 1905 по 1914 г. количество неполитических общественных организаций по сравнению с предшествующим десятилетним периодом возросло в Томске, Каинске, Колывани, Семипалатинске, Бийске и Ялуторовске в 2,5 раза, в Омске – в 2 раза, в Барнауле – в 1,5 раза [3]. Процесс создания новых организаций продолжился и в период Первой мировой войны, всего же к 1917 г. в Западной Сибири действовало более 250 городских формирований. Например, в Тобольске на 500 жителей к 1914 г. приходилось одно общество¹.

С 1914 г. рассматриваемые организации приобретают более демократичный характер, во многих из них снимаются ранее существовавшие ограничения и цензы для членства. С этого времени членами ряда организаций могли стать студенты и различные учреждения (правительственные, общественные, товарищества и пр.) [6, с. 2].

В годы войны в регионе стали появляться отделения Всероссийской лиги для борьбы с туберкулезом. Они существовали в Томске и Омске и носили научно-просветительный и филантропический характер. Основную работу местные филиалы сосредоточили на сборе пожертвований в дни «Белого цветка» и на проведении профилактических мероприятиях на территории своих губерний. В течение всей войны их деятельность распространялась не только на наших солдат, но и на немецких военнопленных². Формирования пытались организовать общественную профилактику и противотуберкулезное движение в сибирской деревне, исходя из того, что жилище, питание, условия труда, все стороны крестьянского быта «проникнуты самыми грубыми

¹ Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1014. Л. 24 об.

² Омский вестник. 1915. 19 мая.

нарушениями элементарных требований гигиены» [1, с. 3]. В своих листовках и брошюрах общества сообщали суровую статистику – за 10 предвоенных лет заболеваемость увеличилась в 1,6 раза и в ряде регионов доходила до сотни больных в расчете на 10 тыс. жителей [1, с. 63].

В работе омского отдела приняли участие все местные врачи, а томский отдел имел свою специфику – в отличие от других российских филиалов с ним активно сотрудничали рабочие [1, с. 85, 108]. Профессорами томского университета велись исследования зависимости заболеваний от возрастных, социальных, половых, сезонных, профессиональных и других показателей.

Не снижалась активность и в просветительских обществах: народные чтения велись систематически и проходили каждое воскресенье³. Существовавшие в крае организации такого рода откликнулись на потребности военного времени. Первая мировая война активизировала духовную жизнь населения. Общественники отмечали, что у людей «проснулась жажда знаний» [2]. Полиция, в свою очередь, была обеспокоена тем, что, прикрываясь военной проблематикой, общества пропагандировали социалистические идеи, поскольку многие неполитические организации стали призывать к скорейшему прекращению войны⁴.

В большинстве организаций просветительского профиля с началом мировой войны стали устраиваться литературные чтения, посвященные творчеству поэтов и писателей, поднимавших острые социальные вопросы. Зачитывались рассказы, восхваляющие силу русского оружия, циклы по географии и истории воюющих стран. С начала 1916 г., после циркуляра МНП об организации народных чтений в тесной связи с военными событиями, они стали носить открыто патриотический характер⁵. Несмотря на тяжелое финансовое положение обществ в это время, доходы с устраиваемых мероприятий шли на военные нужды⁶. В 1917 г. в Барнауле, как и в других городах края, пьесы ставились с характерными для того времени названиями: «Песнь горя», «Каторжник», «Прахом пошло», «Вне жизни», «Сатана и человек», «Босяк и регент» и др. [4, с. 3]. В Новониколаевске всю войну работало театральное

³ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Д-486. Оп. 1. Д. 4. Л. 1-2.

⁴ Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 328. Л. 18.

⁵ ГААК. Ф. Д-170. Оп. 1. Д. 658. Листы не пронумерованы.

⁶ Там же. Ф. Д-72. Оп. 1 доп. Д. 5. Л. 64; Д. 6. Л. 1, 4.

общество и ставились любительские спектакли. В Омске в войну досуг населения заполняли несколько действовавших цирков, кинотеатров (электро-театров), общественных библиотек, детских площадок, городской сад и городской театр, дом общества «Просвещение» и театральные помещения других общественных организаций, велось строительство Народного университета [5, с. 10, 12, 14, 22, 24, 46, 50, 52]. В 1917 г. большинство общественных организаций края еще продолжали успешно функционировать.

В годы Первой мировой войны пережили подъем спортивные общества, правительство тогда одной из приоритетных задач признало создание условий для физического развития молодого поколения. Главный наблюдающий за физическим развитием населения Российской империи в своих директивах губернаторам советовал, «учитывая повсеместный подъем духа, создавать условия, ... организовывать для подрастающего поколения при содействии спортивных обществ подвижные игры и физические упражнения»⁷. На проведении подобных мероприятий, поддержке городских властей настаивали и циркуляры министра внутренних дел.

Российской спецификой стала милитаризация спортивно-гимнастического движения. Согласно «Положению о мобилизации спорта» от 8 января 1916 г. на время войны спортивные и гимнастические общества «как по собственному почину, так и по предложению Главного наблюдающего за физическим развитием народонаселения» образовали по одному военно-спортивному комитету и проводили допризывную подготовку.

Таким образом, существовавшие уже несколько десятилетий в крае или появлявшиеся вновь общественные неполитические организации в период Первой мировой войны продемонстрировали адаптивные и мобилизационные способности. Большую роль в организации досуга горожан, сбора средств на нужды войны, просветительской работы разного уровня во время войны сыграли все виды общественных организаций, привлекавшие горожан разных сословий в библиотеки, театры, музеи, клубы, Народные дома, на концерты, ипподромы, выставки.

⁷ Государственный архив Тюменской области (ГАТюмО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 134.

Список литературы

1. Вестник общественной борьбы с туберкулезом. М., 1914. № 1. 130 с.
2. Вестник внешкольного образования. Пенза: Изд-во Пензенского общества содействия внешкольному образованию, 1916. Сент.
3. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2002. 288 с.
4. Отчет Общества попечения о начальном образовании в Барнауле за 1917 г. Барнаул, 1919. 78 с.
5. Отчет Омской городской управы за 1916 г. Омск, 1916. 70 с.
6. Устав Тобольского общества внешкольного образования. Тобольск, 1915. 12 с.

УДК 316.444(571)

В.И. Исаев

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ КАК ФАКТОР ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Население сибирского региона в предвоенный период вступило в фазу перехода к индустриально-урбанистическому обществу. Но этот переход потребовал значительного времени и усилий. Исходно низкий уровень культуры населения восточных регионов страны грозил затормозить темпы индустриализации. Государство было вынуждено развернуть широкую систему мероприятий по повышению культурного уровня населения Сибири.

Ключевые слова: Сибирь, рабочий класс, крестьянство, индустриализация, культурный уровень.

В годы первых пятилеток в Сибири развернулся интенсивный процесс формирования общества нового типа, которое сейчас принято называть индустриально-урбанистическим. В докладе мы ставим задачу рассмотреть влияние социокультурных характеристик населения Сибири на процесс становления индустриального общества, в частности, на примере влияния культурного уровня рабочих на формирование Урало-Кузнецкого промышленного комплекса в период первых пятилеток.

Грандиозная задача строительства социалистического общества, поставленная на повестку дня с развертыванием индустриализации, предъявляла новые требования к рабочему классу, который должен был соответствовать роли передового класса. Одним из главных требований являлось повышение уровня образования и культуры рабочих, в практическом плане это было также и необходимым условием успешного проведения индустриализации.

Социальный облик населения Сибири к началу развертывания индустриализации определялся исходно низким социально-экономическим уровнем развития региона и его местом в составе Российской империи как колониальной окраины. Соответственно социокультурные характеристики сибирского населения существенно отставали от общероссийских показателей. Так, грамотность населения европейской части России по сравнению с грамотностью сибирского населения в 1920 г. была более чем в 1,5 раза выше [4, с. 249]. Такое положение определяло и отставание рабочего класса восточных территорий России в культурном отношении от европейской части страны. По данным Всероссийской переписи 1897 г., в Петербургской губернии грамотными были около 70% рабочих, в губерниях, расположенных в Московском округе – более 55%, в то время как среди рабочих Урала грамотными были 41,7%, а среди рабочих Сибири – только 36% [8, с. 180].

К началу индустриализации Сибирь представляла собой аграрную окраину страны, где население вело в основном традиционный крестьянский образ жизни. Это показывает, в частности, распределение населения по сферам народного хозяйства: по данным Сибирской советской энциклопедии, в 1926 г. в сельском хозяйстве было занято в Западной Сибири 90,2%, в Восточной Сибири – 81,5% самодеятельного населения [9, с. 189]. По доле индустриального сектора в экономике региона Сибирь вдвое отставала от европейской части страны. В 1925/26 хозяйственном году в валовой продукции Сибирского края только 22,2% давало промышленное производство, в то время как в целом по СССР – 40,5%¹.

Крестьянству Сибири предстояло стать основной социальной базой превращения региона из аграрного в индустриальный. Только сибирская деревня могла дать недостающую в городах рабочую силу для ускоренного развития промышленности. Но к середине 1920-х гг. более половины сельского населения Сибирь-

¹ Большевик. Орган Новосибирского окружкома ВКП(б). 1927. № 1. С. 31–32.

ского региона не умели читать и писать, при этом среди женщин грамотных было в 2 раза меньше, чем среди мужчин. Поэтому к началу развертывания процессов индустриализации региона культурный уровень населения Сибири далеко не соответствовал тем задачам, которые ставились первым пятилетним планом развития народного хозяйства страны.

Развернувшаяся в годы первых пятилеток форсированная индустриализация Сибири сопровождалась массовым вовлечением в промышленное производство новых рабочих, приходивших на предприятия из деревни. Так, за годы первой пятилетки более 80% нового пополнения рабочего класса Сибири являлись вчерашними крестьянами, в годы второй пятилетки этот показатель несколько снизился, составив около 55–60% [5, с. 86–87].

По данным профсоюзной статистики, на промышленных предприятиях Западной Сибири в составе новых рабочих в 1930 г. выходцы из крестьян составили 80%, в 1931 г. – 88, в 1932 г. – 85%. Особенно высока была доля мигрантов из села на стройках новых индустриальных гигантов. На строительстве Кузнецкого металлургического комбината доля крестьян в пополнении трудового коллектива достигала 90% [2, с. 235].

В ходе индустриализации ускоренными темпами происходил процесс переплавки многочисленных переселенцев из деревни в рабочий класс индустриально-урбанистического общества. Необходимой предпосылкой соответствия рабочих требованиям культуры индустриального общества являлось наличие школьного и профессионального образования. Однако большинство сибирских рабочих в лучшем случае имело один–два класса образования, а значительная доля была и вовсе неграмотной. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., среди рабочих цензовой промышленности Сибири около одной пятой оставалось неграмотной. При этом среди профессий, требовавших высокого уровня технических знаний, доля неграмотных была наименьшей, составляя 0,4% у печатников, 5,9% у металлистов, 11,8% у железнодорожников; напротив, у строителей доля неграмотных составляла 22,1%, у текстильщиков – 22,9, у горнорабочих – 24,1%².

Задача ликвидации неграмотности была поставлена во всесоюзном масштабе в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по ликвидации неграмотности», принятом в мае 1929 г. Повышение

² Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 23. С. 23–24.

элементарной грамотности населения стало условием успешного развития страны. В ряду задач строительства социалистического общества культурная революция занимала важное место. Наряду с созданием идеологически детерминированной социалистической культуры едва ли не большее значение придавалось подъему общего и профессионального образования населения, так как без этого было невозможно решить задачу осуществления индустриализации народного хозяйства. Ставилась задача в короткий срок ликвидировать неграмотность взрослого работающего населения, при этом основную работу по обучению должны были выполнить добровольцы, работающие на общественных началах, под лозунгом «грамотный – обучи неграмотного».

В 1929/30 г. в Сибирском крае в системе ликбеза обучалось около 600 тыс. чел., а в следующем учебном году количество обучающихся приблизилось к миллиону [1, с. 51]. Однако овладение основами грамоты было только предпосылкой роста культуры рабочих, для освоения сложных в техническом отношении профессий необходимо было добиваться значительного повышения культурного уровня.

Новые пополнения рабочего класса, состоявшие в значительной части из малограмотных крестьян, существенно ухудшали характеристики его культурно-технического уровня. По данным профсоюзной переписи, в 1932–1933 гг. около 37% новых рабочих металлургической промышленности в Сибири были неграмотны или имели только начальные навыки чтения [6, с. 81]. В значительной мере этим и объясняется тот факт, что, несмотря на широкие масштабы развернутой в годы первой пятилетки культурно-просветительной работы, показатели культурно-технического уровня рабочих Сибири оставались на прежнем уровне, а в отдельные периоды даже снижались. Так, за годы первой пятилетки уровень грамотности рабочих в целом по промышленности Сибири снизился, доля неграмотных составляла почти четверть состава рабочего класса [7, с. 42–43].

По мере перехода от начальной стадии создания Урало-Кузнецкого промышленного комплекса (УКК), когда использовалась в основном неквалифицированная рабочая сила, к наладке и пуску производства низкий культурно-технический уровень рабочего класса начинал по существу тормозить дальнейшее развитие промышленности. Необходимость скорейшей переплавки

вчераших малограмотных крестьян в квалифицированных рабочих требовала колоссальных сил и внимания со стороны государства и общественности. Газета «Уральский рабочий», пытаясь привлечь внимание к проблеме качества приходившей на предприятия УКК рабочей силы, выступила в январе 1931 г. со статьей под характерным названием: «Урало-Кузнецкому комбинату подготовить крепкие кадры строителей социализма». В статье говорилось: «ЦК ВКП(б), придавая исключительное значение созданию на востоке угольно-металлургической базы, считает, что одним из важнейших условий создания этого угольно-металлургического центра является успешное разрешение проблемы подготовки хозяйственных и технических кадров. <...> Осуществление урало-кузнецкой проблемы <...> невозможно без форсированной подготовки хозяйственных и технических кадров. В настоящее время с предельной остротой стал вопрос об обеспечении строящихся на Урале гигантов, социалистической индустрии необходимыми квалифицированными кадрами»³.

Разрыв между возрастающими потребностями индустриального производства и низким культурным уровнем населения ощущался по всей стране. В газете «Уральский рабочий» констатировалось: «Мы имеем перед глазами печальный опыт одной из крупнейших строек Советского Союза. Сталинградский тракторный гигант, построенный большевистскими темпами, не сумел параллельно со стройкой разрешить проблему кадров, став при пуске завода перед фактом отсутствия необходимой квалифицированной рабочей силы»⁴.

Проблема ликвидации неграмотности и низкого уровня грамотности рабочих оставалась актуальной и в годы второй пятилетки. Значительная часть рабочих не могла освоить поступавшую на заводы новую технику, очень высоким был уровень аварийности, поломок оборудования, выпуска некачественной, бракованной продукции. Прежде всего это касалось старших поколений рабочего класса, среди рабочей молодежи уровень грамотности значительно вырос благодаря введению всеобщего начального образования. По данным профсоюзной переписи 1932–1933 гг., среди рабочих черной металлургии Сибири неграмотных в возрасте до 23 лет было только 6,6%, в возрасте 24–29 лет – 10,2,

³ Уральский рабочий. 1931. 19 янв.

⁴ Там же.

в возрасте 30–39 лет – 12,7, а среди рабочих 40 лет и старше доля неграмотных возрастала до 24,5%. Свыше двух третей всех рабочих Сибири к концу второй пятилетки имели школьное образование, правда, подавляющее большинство – в объеме начальной школы [6, с. 88].

Можно предположить, что массовый приток крестьян в ряды рабочего класса Урала и Сибири в определенной степени нивелировал некоторое расхождение между двумя регионами в культурном уровне рабочих, ранее наблюдалось некоторое превышение показателей уральских рабочих в плане грамотности и количества оконченных классов школы. По данным профсоюзного учета 1934 г., в Западной Сибири среди членов профсоюзов доля неграмотных составляла 6%, а доля малограмотных – более 10% [2, с. 259]. На Урале к концу второй пятилетки среди членов промышленных профсоюзов 8,7% было неграмотно, 17,6% – малограмотно, а, например, в топливной промышленности насчитывалось 11,3% неграмотных и 23% малограмотных [8, с. 195].

Организация обучения малограмотных и неграмотных рабочих входила в число важнейших направлений работы партийных, советских и профсоюзных органов. Так, профсоюзы организовывали школы для взрослых, в которых на март 1936 г. в Восточной Сибири обучалось 18,5 тыс. неграмотных и 26,3 тыс. малограмотных членов профсоюзов. В Западной Сибири в школах для взрослых обучалось 10,6 тыс. неграмотных и 15,1 тыс. малограмотных членов профсоюзов. Продолжали использоваться и другие традиционные формы обучения неграмотных и малограмотных, прежде всего краткосрочные курсы ликбеза. Всего различными формами обучения в Западно-Сибирском, Красноярском и Восточно-Сибирском краях, а также в Омской области, по данным на начало 1937 г., было охвачено 302 614 неграмотных, в том числе членов профсоюзов – 70 553 чел.; малограмотных обучалось 278 447 чел., в том числе членов профсоюзов – 98 742 чел.⁵ В Восточно-Сибирском крае в 1934 г. было охвачено обучением 42% неграмотных и 32% малограмотных. В Западно-Сибирском крае в начале 1935 г. в школах по ликвидации неграмотности и малограмотности обучалось 228,6 тыс. чел.⁶

⁵ ГАНО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 1823. Л. 39.

⁶ Там же. Л. 40.

Однако задача ликвидации неграмотности и малограмотности не могла быть решена только организацией курсов и школ, она требовала серьезной и длительной работы. Постоянное пополнение рабочего класса за счет крестьянства тормозило повышение культурного уровня рабочих. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., среди рабочих Сибири более четверти было неграмотно. Особенно высок был уровень неграмотных у рабочих Западной Сибири, где он достигал почти 32%, в Восточной Сибири он составлял около 16%.

В системе ликвидации безграмотности и малограмотности на день переписи обучалось около 50 тыс. сибирских рабочих. Всего, по данным опроса переписчиков, 84,5 тыс. рабочих ответили, что в той или иной форме повышают свой образовательный уровень, при этом более половины – 48,4 тыс. чел. из них составляли женщины [3, с. 52–53].

Благодаря развитию всей системы образования и созданию системы ликбеза уровень грамотности населения Сибири постепенно повышался. По данным переписи 1939 г., в Западной Сибири доля неграмотных в составе всего населения составила 14,2%, в Восточной – 13,7%, сократившись по сравнению с 1926 г. более чем в 2 раза. В качестве положительной тенденции следует отметить, что сокращалось резкое отставание сельского населения от городского по уровню грамотности. В городских поселениях Западной Сибири 91,4% населения в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными, в сельской местности – 81,1%, в Восточной Сибири – соответственно 91,1 и 83,3%⁷. В 1926 г. удельный вес граждан, умеющих читать и писать, составлял в городских поселениях Сибирского края 72,3, а в сельской местности – 36,4%⁸.

Большинство молодежи Сибири, получив начальное образование, переходило к трудовой деятельности; общий низкий уровень жизни определял необходимость зарабатывать на пропитание с юных лет. Для тех молодых людей, которые все же стремились получить образование, в 1930-е гг. стали организовываться школы вечернего образования для взрослых. За 1934–1937 гг. была создана система вечернего образования, в которой работавшие молодые люди могли получить аттестат о среднем (полном

⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963. С. 147.

⁸ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Краткие сводки. М., 1928. Вып. VII. С. 35.

или неполном) образовании. К 1937 г. в Западно-Сибирском крае открыто 184 вечерних школы с семилетним образованием и 29 школ – с десятилетним. Только в Кузбассе действовало 52 вечерних школы, в которых обучалось около 10 тыс. учащихся⁹. В Иркутской области работало 69 вечерних школ для взрослых, в которых обучалось около 4,5 тыс. чел., в основном рабочих.

Число заявлений на обучение в вечерних школах в 1936 г. на Уральском заводе тяжелого машиностроения превышало 700, а на Челябинском тракторном заводе достигло тысячи, что составляло около 6–7% численности рабочих на этих предприятиях. В целом по РСФСР в конце второй пятилетки в школах взрослых рабочие в составе учащихся составляли около половины [8, с. 201].

Население сибирского региона в предвоенный период вступило в фазу перехода к индустриально-урбанистическому обществу. Но этот переход потребовал значительного времени и усилий. Исходно низкий уровень культуры населения восточных регионов страны грозил затормозить темпы индустриализации. Государство было вынуждено развернуть широкую систему мероприятий по повышению культурного уровня населения Сибири.

Список литературы

1. *Буторин В.П.* Просвещение рабочих Западной Сибири. 1928–1933 гг. Новосибирск: Наука, 1977. 223 с.
2. История рабочего класса Сибири: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. 1917–1937: [кол. моногр.]. Новосибирск: Наука, 1982. 425 с.
3. История рабочего касса Сибири: Рабочий класс Сибири в период упрочения и развития социализма: [кол. моногр.]. Новосибирск: Наука, 1984. 376 с.
4. История Сибири: [кол. моногр.]. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1968. Т. 4. 502 с.
5. *Московский А.С.* Формирование и развитие рабочего класса Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука, 1968. 308 с.
6. *Московский А.С.* Рост культурно-технического уровня рабочих Сибири. 1920–1937 гг. Новосибирск: Наука, 1979. 298 с.
7. *Московский А.С., Аитов Н.Х.* Изменения в общеобразовательном уровне рабочих Сибири в период социалистической индустриализации // Культура и быт рабочих Сибири в период строительства социализма. Новосибирск: Наука, 1980. С. 37–49.

⁹ ГАНО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 1209. Л. 21.

8. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М.: Наука, 2009. 256 с.

9. Сибирская советская энциклопедия. М.; Новосибирск, 1932. Т. 3.

УДК 378.15(93/94)

Д.Ю. Михеев

ПОДГОТОВКА ВОЕННЫХ КАДРОВ В СИБИРИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье исследована система обучения военных кадров в Сибири в период Великой Отечественной войны, а также показан вклад военных школ, расположенных в Сибири, в дело разгрома нацистской Германии.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военное образование, Красная армия, СССР, Сибирь, военные училища.

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз, по официальным данным, потерял около 26,6 млн человеческих жизней. Потери среди военнослужащих составили около трети от всех потерь – 8,7 млн чел. [1, с. 45, 51]. Уровень подготовки офицерских кадров во многом определил не только размер боевых потерь, но в значительной степени и исход Великой Отечественной войны. Военные училища являлись основным звеном в подготовке командиров для РККА. Исследование истории военных училищ позволяет глубже понять проблемы подготовки офицерских кадров.

Правовыми основами обучения в военных училищах в период Великой Отечественной войны являлись Конституция СССР 1936 г. [8], закон «О всеобщей воинской обязанности» 1939 г., указы Президиума Верховного Совета СССР, постановления Государственного Комитета Обороны, приказы и директивы народного комиссара обороны, Народного комиссариата юстиции [3; 9; 10; 11; 12; 13]. Анализ этих документов позволяет проследить поэтапное реформирование системы военного образования и изменения в ходе войны.

Как известно, в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами система военного образования претерпела изменения по содержанию и срокам обучения, структуре, со-

ставу и численности военно-учебных заведений, организации управления ими. С 1937 г. средние военные школы преобразованы в военные училища, которые являлись средними военными учебными заведениями со сроком обучения вначале три, а затем два года. В них принимали молодежь с образованием не ниже 7–10 классов. В 1938 г. командиров для Сухопутных войск, ВВС и ВМФ готовили 13 военных академий, один военный институт, 5 военных факультетов при гражданских вузах, 75 военных училищ [7, с. 40–42].

В 1939–1940 гг. в связи с угрозой войны и развертыванием кадровой армии происходит значительное увеличение количества военно-учебных заведений. В 1941 г. подготовку офицерских кадров осуществляли 15 военных академий, 10 военных факультетов при гражданских вузах, 7 высших военно-морских училищ, 203 средних военных училища (240 тыс. курсантов), более 100 курсов переподготовки и усовершенствования. С началом Великой Отечественной войны военно-учебные заведения перевели на сокращенные сроки обучения: в военных академиях – 6–12 месяцев; в военных училищах – 4–10 месяцев; на курсах усовершенствования – 2–6 месяцев. Дополнительно создан ряд новых военных училищ – пехотных, пулеметно-минометных, ПВО, береговой обороны, парашютных частей и др. Численность курсантов в сухопутных и летных училищах увеличилась почти вдвое. Непосредственно фронтами развернуто свыше 200 различных краткосрочных курсов младших офицеров. Расширилась сеть курсов усовершенствования начальствующего состава. Так, в 1941 г. такие курсы созданы при 11 военных академиях, при штабах фронтов, при 6 военных округах [14, с. 60].

Сибирский военный округ в период войны включал территории Алтайского и Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей с населением более 9 млн чел., в том числе мужчин призывного возраста 18–45 лет насчитывалось 1576,8 тыс. чел. [7, с. 78, 85]. На основании постановления СНК СССР в 1940–1944 гг. в состав округа входила часть Тюменской области. В 1944 г. в состав СибВО вошла Тувинская автономная область [14, с. 270].

Накануне войны, после создания новых и передислокации на восток существовавших, на территории СибВО находились 5 военно-пехотных училищ – в Омске, Новосибирске, Кемерово, Томске, Тюмени; 2 артиллерийских (артиллерийско-минометных) –

в Омске и Томске; политическое училище в Новосибирске и интендантское в Омске; 2 авиационные школы – в Бердске и Омске [4, с. 299-305]. А всего в период с июля 1941 г. по ноябрь 1942 г. на территории СибВО действовало более 50 военных училищ Наркомата обороны из более чем 220 сформированных накануне и в первые дни Великой Отечественной войны [5, с. 168–172].

К концу 1944 г. произошло сокращение числа военных училищ, реэвакуация их в места предвоенной дислокации. В 1945 г. штатная численность училищ соответствовала нормам мирного времени. К 1946 г. в СибВО осталось только 19 военных училищ. Как уже было отмечено, с началом Великой Отечественной войны произошло резкое изменение количества, штатов и режима деятельности военных училищ. Резкое увеличение количества училищ привело к неукомплектованности их командно-преподавательским составом. Помимо увеличения числа училищ, возросла и их штатная численность. Количество курсантских батальонов, например, возросло до пяти и более.

Кадры постоянного состава выбывали по возрасту и состоянию здоровья, по служебному несоответствию. Но наиболее ощутимый урон наносило откомандирование командно-преподавательского состава в действующую армию.

Состав офицеров из числа командно-преподавательского состава был многонациональным, при этом русские составляли свыше 80%, украинцы – до 15, белорусы – около 3%. Немцы, румыны, венгры, итальянцы, финны, болгары, корейцы, турки, китайцы, представители северных народов, Закавказья, Прибалтики в соответствии с директивами ГКО и НКО, к обучению не принимались. До 80% командно-преподавательского состава являлись членами ВКП(б) и ВЛКСМ. К 1944 г. до 70% командно-преподавательского состава училищ составляли офицеры, имеющие фронтовой опыт. Вместе с тем проблема укомплектования военных училищ постоянным составом сохранялась до самого окончания войны. Укомплектование военных училищ переменным составом происходило за счет гражданской молодежи, а также младшего начальствующего состава и красноармейцев из частей и соединений Сибирского военного округа. При этом курсанты из числа гражданской молодежи в первый период войны составляли большинство. После проведенных в 1941 г. двух мобилизаций и крайнего истощения призывных ресурсов процесс укомплектова-

ния училищ стал носить проблемный характер, критерии отбора снизились. Истощение призывного контингента и огромные потери на фронте неизбежно привели к поиску дополнительных ресурсов укомплектования военно-учебных заведений курсантами. В эту категорию попадали призывники, приписанные к военным училищам, и призванные в запасные части по мобилизации, также набор осуществлялся из команд выздоровления при госпиталях, из добровольцев. Гражданская молодежь, составлявшая 95% курсантов в предвоенный период, в конце 1943 г. насчитывала едва более 30%, основой становились фронтовики. Возраст курсантов в 1943 г. повысился до 36 лет и более. На состояние здоровья и физическую подготовленность абитуриентов приемные комиссии обращали мало внимания, если только не имелось явных отклонений от нормы. неизменными оставались политико-моральные ограничения: в военные училища не принимались те, чьи близкие родственники были объявлены «врагами народа», проживали на оккупированной территории или за границей, представители репрессированных народов, призывники, имевшие судимость.

Материально-техническое обеспечение военных училищ зависело от многих факторов, а именно: от места и продолжительности дислокации, возможностей тыловых служб и компетентности их должностных лиц, командования военно-учебных заведений, взаимодействия с должностными лицами администрации территории дислокации. Конкретное их сочетание определяло обеспеченность учебного процесса. В лучших условиях находились училища, созданные в довоенный период и успевшие создать учебно-материальную базу. Вновь созданные и передислоцированные училища осуществляли свою деятельность в тяжелейших условиях. Неукомплектованность вооружением и техникой, недостаток боеприпасов и горюче-смазочных материалов создавали трудности в организации учебного процесса. С началом войны радикально изменились учебные программы и тематические планы: сократилось время обучения, повысилась направленность на практическое освоение техники и вооружения. К концу 1941 г. процесс обучения составлял только три месяца. А выпуски курсантов с высшим и средним образованием проводились иногда и через месяц. Время обучения в военном училище в годы войны начиналось для каждого набора индивидуально, по мере прибытия кандидатов и прохождения ими приемной комиссии, и дели-

лось на два-три периода, каждый из которых заканчивался сдачей экзаменов и переводом на следующий этап обучения. Продолжительность учебных занятий ежедневно составляла 12–16 часов. Из почти 20 дисциплин довоенной учебной программы пехотных училищ изучалось только пять: тактика, стрелковое дело, топография, инженерное и химическое дело. В летных училищах главным было научить пилота «взлету–посадке», в танковых – изучить материальную часть при минимуме практики вождения. Все остальное выпускник должен был освоить в учебном полку и на фронте. Кардинальная переработка учебных программ и тематических планов, связанная с уменьшением времени обучения, направленностью на практическое освоение техники и оружия, в начальный период войны превратила военное образование в боевую подготовку, которая комиссиями СибВО в 80% случаев оценивалась только как удовлетворительная. Зачастую общая оценка деятельности военных училищ признавалась и вовсе неудовлетворительной [4, с. 299–305].

На ход подготовки офицерских кадров существенное влияние оказывали субъективные факторы: отрыв обучаемых от занятий на несение службы в нарядах (до 15% времени ежедневно), участие в хозяйственных работах, необустроенность жизни и быта. К концу 1942 г. учебный процесс постепенно нормализовался. Сроки обучения, в зависимости от рода войск, выросли до 6 месяцев и более. С 1943 г. произошло увеличение количества изучаемых дисциплин и времени на их освоение, вновь вводится обязательная аттестация выпускников. Обучение проводилось в основном методом рассказа, показа, упражнений, практических работ, самостоятельной подготовки. В качестве форм проведения занятий получили применение тактические, тактико-специальные учения, групповые упражнения, двусторонние учения, стрелковые уроки. Боевая стрельба являлась завершающим этапом каждого периода обучения. Широко применялась методика обучения «пеший по-танковому», а также с использованием тракторов.

Девиз «обучая – воспитывать, воспитывая – обучать» был основным принципом партийно-политической и воспитательной работы командно-преподавательского состава. Он базировался на трех основных составляющих: воинском, политическом и культурном воспитании. Методами воспитательного воздействия являлись убеждение, пример, упражнение, поощрение, критика и

самокритика, принуждение и др. Основными формами воспитательной работы являлись политическая подготовка, информирование, митинги, индивидуальная воспитательная работа, собрания военнослужащих, подведение итогов, вечера вопросов и ответов, совещания и инструктажи, обобщение и распространение передового опыта, доведение приговоров военных трибуналов об осуждении военнослужащих за воинские преступления. Кропотливая работа велась по профессиональной мотивации курсантов [15, с. 106–113]. Всесторонняя, целенаправленная деятельность командного и партийно-политического аппарата позволила воодушевить курсантов, вселить уверенность в правоте дела защиты Родины, воспитать чувство ненависти к фашизму, самопожертвования, морального превосходства над врагом.

Война сконцентрировала в стенах училищ офицеров-фронтовиков, организовавших и наладивших учебный процесс, жизнь и быт курсантов. Укомплектование военных училищ переменным составом являлось сложной задачей. Критериями отбора на обучение являлись: общеобразовательный уровень кандидатов, состояние здоровья, возраст, политико-моральный облик, национальная и социальная принадлежность. Скудность продовольственного и вещевого снабжения, отсутствие учебно-материальной базы большинства военно-учебных заведений округа оказывали существенное влияние на весь ход учебного процесса. Отсутствие необходимого количества вооружения и боеприпасов, техники снижало качество обученности будущих командиров. Тем не менее командно-преподавательский состав военных училищ выполнял огромный объем учебной, научной, методической и воспитательной работы.

Научная работа военных училищ выражалась в рационализаторской и изобретательской деятельности преподавательского и курсантского состава, создании учебников и учебно-методических пособий. Огромное количество макетов, стендов, тренажеров позволили, несмотря на скудность бюджета, обеспечить учебный процесс материальной базой.

Таким образом, на территории СибВО за годы войны была создана и действовала обширная сеть военных училищ. В целом в СССР за годы Великой Отечественной войны военные академии, училища, курсы усовершенствования, фронтовые и армейские курсы младших лейтенантов подготовили около 2 млн офицеров

[2, с. 521], из которых почти 180 тысяч являлись выпускниками военных училищ, дислоцированных в Сибири [4, с. 305].

В годы войны при всех недостатках сложилась стройная, постоянно совершенствовавшаяся система подготовки командных кадров. Общенациональная идея «Наше дело правое – Победа будет за нами», ставшая основой и системы военного образования, помогала подготовить талантливых, тактически грамотных офицеров, преданных своей Родине.

Список литературы

1. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2010. 384 с.
2. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. 560 с.
3. Законодательные и административно-правовые акты военного времени. С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. / сост. В.А. Власов; под ред. А.И. Денисова М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1942. 144 с.
4. *Иванов С.Н.* Военные училища Наркомата обороны СССР на территории Сибирского военного округа в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История. Филология. 2010. Т. 9. Вып. 1 (История). С. 299–305.
5. *Иванов С.Н., Исупов В.А.* К вопросу об укомплектовании военных училищ переменным составом в годы Второй мировой войны: на материалах Сибирского военного округа // Вестн. Академии военных наук. М., 2008. № 4(25). С. 168–172.
6. *Исупов В.А.* Людские ресурсы Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: проблемы формирования и использования // Хозяйственное освоение Сибири в контексте отечественной и мировой истории: сб. науч. тр. Новосибирск, 2005.
7. *Каменев А.И.* История подготовки офицерских кадров в СССР. Новосибирск: НВВПУ, 1991. 261 с.
8. Конституция (Основной закон) СССР 1936 г. М., 1972.
9. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 21.06.1941 г. М., 1994.
10. Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1994. Т. 13 (2–1): Приказы народного комиссара обороны СССР. 1937 – 22 июня 1941 г. 368 с.
11. Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 13 (2–2): Приказы народного комиссара обороны СССР. 22 июня 1941 г. – 1942 г. 448 с.
12. Русский архив: Великая Отечественная. М.: ТЕРРА, 1997. Т. 13 (2–3): Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. 456 с.

13. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1959. Вып. 37.

14. Советская военная энциклопедия: в 8 т. М.: Воениздат, 1978. Т. 2.

15. *Тарасов Д.Ю.* Особенности профессиональной мотивации на начальном этапе вузовской подготовки: содержание и противоречия // Научное мнение. СПб., 2012. № 11.

УДК 94(571)"196/198"

Н.А. Куперштох

**АКАДЕМИК Е.И. ШЕМЯКИН – ОРГАНИЗАТОР ИССЛЕДОВАНИЙ
В ОБЛАСТИ ГОРНОГО ДЕЛА В 1960–1980-е гг.**

В статье рассматривается деятельность академика Евгения Ивановича Шемякина (1929–2009) – выдающегося геомеханика современности. Сибиряк по рождению, он получил образование в Ленинградском государственном университете, впитал традиции и опыт европейского научного сообщества. В 1960–1980-е гг. Е.И. Шемякин талантливо реализовал этот опыт в институтах СО АН СССР. Сибирь обогатила Е.И. Шемякина новым опытом организатора и руководителя фундаментальных научных проектов, крупных исследовательских коллективов.

Ключевые слова: академик Е.И. Шемякин, Сибирское отделение АН СССР/РАН, Институт теоретической и прикладной механики СО РАН, Институт горного дела СО РАН.

Деятельности выдающегося геомеханика академика Е.И. Шемякина (1929–2009) посвящены статьи в коллективных и справочных изданиях [2; 3; 5; 7], сборник статей к 75-летию ученого [4], другие публикации. Цель статьи – показать становление Е.И. Шемякина как ученого и организатора науки, а также всесторонне раскрыть сибирский период его биографии, опираясь прежде всего на документальные источники.

Евгений Иванович Шемякин родился 9 декабря 1929 г. в Новосибирске. Впоследствии многодетная семья Шемякиных неоднократно меняла место жительства из-за новых назначений

отца¹. Золотой медалист из Казахстана Евгений Шемякин в 1947 г. поступил в ЛГУ. Среди его наставников – выдающиеся ученые В.И. Смирнов, В.В. Новожилов, С.Г. Михлин, Г.И. Петрашень и др. После окончания вуза по специальности «механика»² способный студент был зачислен в аспирантуру и под руководством академика С.А. Христиановича принимал участие в подводных атомных испытаниях на Новой Земле. Е.И. Шемякин вспоминал, что именно тогда он «почувствовал, что такое труд настоящего ученого (на примере старшего руководителя – С.А. Христиановича) при решении необычайно трудных новых задач» [3, с. 99]. По результатам экспедиции Е.И. Шемякин опубликовал первые научные статьи, которые удостоились положительного отзыва академика В.И. Смирнова³.

После защиты кандидатской диссертации «Распространение волн в неидеально упругих средах» (1955 г.) молодого ученого приняли в ленинградскую лабораторию Института химической физики АН СССР⁴. Его научные интересы, касающиеся использования методов прикладной математики в геофизике, геомеханике и горном деле, в значительной степени развивались под влиянием академика С.А. Христиановича [2, с. 534].

Сотрудничество с маститым академиком продолжилось в Сибири. В 1960 г. директор Института теоретической и прикладной механики (ИТПМ) СО АН СССР С.А. Христианович пригласил Е.И. Шемякина на должность заведующего лабораторией горной механики⁵, «при переезде был оговорен круг новых проблем, среди которых нестационарные процессы в горных породах (взрыв, удар) были центральными» [3, с. 99]. Е.И. Шемякин совместно с коллегами занимался созданием модели упругопластического деформирования твердых тел, что позволило проводить исследования в соответствии с современными тенденциями развития горной науки [3, с. 95].

В 1962 г. Е.И. Шемякин защитил докторскую диссертацию «Распространение волн при подводном и подземном взрывах»,

¹ И след его глубокий в памяти людской / А. Дворникова, Ю. Шадрин, А. Ревуженко [и др.] // Наука в Сибири. 2009. 2 июля; Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 544. Л. 14.

² НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 544. Л. 18.

³ Там же. Л. 52–53.

⁴ Там же. Л. 12 об.

⁵ Там же. Л. 158.

однако ученая степень доктора технических наук присвоена ему только в 1966 г.⁶ Какие причины повлияли на это обстоятельство, биографам ученого еще предстоит выяснить. Достоверно известно, что Е.И. Шемякин последовательно отстаивал идею С.А. Христиановича о необходимости развития исследований по проблеме ПГУ (парогазовой установки) как перспективной для энергетики, хотя отношение Президиума СО АН СССР к этому проекту было негативным.

В 1960-е гг. С.А. Христианович и Е.И. Шемякин опубликовали несколько совместных работ, результаты которых нашли применение в задачах физики взрыва, механики горных пород, геофизике. Следует особо отметить, что Е.И. Шемякин до конца жизни был верен своему учителю. В книге, посвященной 100-летию со дня рождения академика С.А. Христиановича, он обстоятельно проанализировал значение работ Сергея Алексеевича для российской и мировой науки [6, с. 121–130].

Тематика работ Е.И. Шемякина послужила основой для сотрудничества с Институтом горного дела (ИГД) СО АН СССР. Совместные исследования Е.И. Шемякина с известным ученым-горняком Т.Ф. Горбачевым с самого начала приветствовал академик С.А. Христианович, поскольку они способствовали решению междисциплинарных задач горного дела в рамках работы Научного совета СО АН СССР по горному давлению [3, с. 95].

В 1965 г. по инициативе Т.Ф. Горбачева был создан журнал «Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых» («ФТПРПИ»), который издавался в ряде стран на английском языке. Е.И. Шемякин как заместитель главного редактора проводил большую работу по отбору и рецензированию статей. Журнал публиковал работы не только сибирских ученых, но и ведущих специалистов Москвы, Ленинграда, других городов.

Е.И. Шемякин внес существенный вклад в дело подготовки кадров. С 1965 г. он читал в НГУ общий курс по теории упругости и пластичности, спецкурсы «Механика горных пород», «Модели сплошных сред» и др. Его учебник «Динамические задачи теории упругости и пластичности» (1968 г.) являлся ценным научно-методическим пособием для студентов, аспирантов, специалистов-горняков. В 1966 г. Е.И. Шемякин избран профессором кафедр

⁶ Там же. Л. 21.

ры «Вычислительные методы механики сплошной среды» НГУ, а в 1968 г. ему присвоено ученое звание профессора по этой кафедре⁷.

К концу 1960-х гг. Е.И. Шемякин являлся автором около 50 научных работ, внес большой вклад в область механики деформируемых сред как известный специалист по проблеме теории упругости и пластичности. Потенциал ученого Е.И. Шемякина явно перерос рамки руководителя лаборатории ИТПМ, но перспективы дальнейшего роста были исчерпаны – при новом директоре ИТПМ академике В.В. Струминском приоритетное внимание планировалось уделить проблемам аэрогазодинамики.

1970 год можно назвать поворотным в судьбе Е.И. Шемякина. Давнее сотрудничество с ИГД стало основанием для его приглашения в этот институт на должность заместителя директора⁸. Директором ИГД являлся в ту пору 82-летний член-корреспондент АН СССР Н.А. Чинакал, которому руководство Сибирского отделения определило перспективного преемника [2, с. 535]. Е.И. Шемякину было поручено курировать научные проблемы, связанные с горным давлением, технологическими процессами добычи полезных ископаемых, исследованиями физико-механических свойств горных пород и др.

В 1972 г. Е.И. Шемякин становится исполняющим обязанности директора, а с 1975 г. – директором ИГД. Он усилил тематику работ института исследованиями по новому научному направлению – механике горных пород и, по образному выражению академика М.А. Садовского, придал институту академическую огранку⁹. Суть этой «огранки» заключалась в следующем. Во главу угла Е.И. Шемякин поставил задачу фундаментального осмысления проблем горного дела. Для этого он провел реорганизацию структуры института и способствовал созданию новых лабораторий, в которые влились выпускники НГУ и других вузов Новосибирска [2, с. 278, 280, 284, 291].

Второй составляющей академической «огранки» стало расширение международных связей института, его сотрудники участвовали в работе симпозиумов и конгрессов. Значительным событием явился доклад Е.И. Шемякина «О волнах напряжений в твердых телах» на XII Международном конгрессе по прикладной

⁷ Там же. Л. 22.

⁸ Там же. Л. 159.

⁹ И след его глубокий в памяти людской // Наука в Сибири. 2009. 2 июля.

механике (США, 1968 г.)¹⁰. Признанием достижений ИГД стало также избрание в 1982 г. Е.И. Шемякина вице-президентом Международного общества по механике горных пород [2, с. 537].

Основой интеграции отечественных специалистов являлась регулярно проводимая ИГД Всероссийская конференция «Геодинамика и напряженное состояние недр Земли». 18-я по счету конференция в июле 2009 г. была посвящена памяти академика Е.И. Шемякина – основателя научного сообщества геомехаников России и сопредельных стран¹¹.

Достижения института находили отражение на страницах журнала «ФТПРПИ» – единственном в стране академическом издании по проблемам горных наук. Главный редактор издания Е.И. Шемякин (с 1974 г.) обновил основные рубрики, расширил круг рассматриваемых проблем по механике горных пород, горной информатике, математическому моделированию, автоматизированному планированию горного производства¹².

Третьей составляющей в политике Е.И. Шемякина по управлению ИГД стало формирование надежной системы подготовки кадров. Профессор НГУ Е.И. Шемякин много сил отдавал подготовке специалистов, часть из которых затем оказывались в ИГД. В 1980 г. он основал в НГУ кафедру твердого тела, его ученики защитили кандидатские и докторские диссертации, выросли в руководителей научных подразделений. Квалификационному росту кадров ИГД способствовало открытие в 1977 г. специализированного совета с правом приема к защите докторских и кандидатских диссертаций.

Под руководством Е.И. Шемякина коллектив ИГД внес значительный вклад в развитие производительных сил Сибири, в том числе в рамках реализации программы «Сибирь» по таким направлениям, как «Уголь Кузбасса» и «Руды Кузбасса». Для решения проблем минерально-сырьевого комплекса Е.И. Шемякин инициировал создание филиалов ИГД в Кемерово (впоследствии из него вырос Институт угля). Специалисты-горняки составили кадровую основу Читинского института природных ресурсов.

¹⁰ НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 544. Л. 34.

¹¹ Конференция «Геодинамика и напряженное состояние недр Земли». Итоговое сообщение [электронный ресурс] – URL: <http://www.misd.nsc.ru/press/conferences/geodyn2009/mark/> (Дата обращения: 10.02.2016).

¹² Звoryгин Л., Леонтьев А., Дворникова А. Недрa Земли – источник богатства России. Горная наука – ключ к ним // Наука в Сибири. 2004. № 43.

Причем ИГД делился с новыми учреждениями не только кадрами, но и приборами, оборудованием для научных исследований¹³.

Во время работы в Сибири научный и организаторский потенциал Е.И. Шемякина раскрылся наиболее полно. Он признан основателем научной школы механики твердого тела, горных пород и сыпучих материалов, избран членом-корреспондентом АН СССР (1976 г.) и академиком (1984 г.). Неизменную поддержку на выборах ему оказывал академик С.А. Христианович. В отзыве 1984 г. говорилось, что «Е.И. Шемякин является выдающимся специалистом в области механики – теоретиком, экспериментатором и организатором крупных натуральных экспериментов» [3, с. 96]. Общественным признанием заслуг Е.И. Шемякина в сибирский период стало вручение Государственной премии СССР (1984 г.), награждение орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы народов, медалями [5, с. 279].

В 1987 г. произошел очередной поворотный момент в биографии академика Е.И. Шемякина. Постановление Совета Министров СССР от 3 августа 1987 г. назначило сибирского ученого председателем Высшей аттестационной комиссии¹⁴, на этом высоком посту он работал в течение шести лет. Одновременно занимался научной деятельностью в Институте динамики геосферы РАН, а с 1991 г. заведовал кафедрой газовой и волновой динамики в МГУ. К 50-летию кафедры опубликована книга, сотрудники которой подчеркнули определяющую роль академика Е.И. Шемякина в становлении проблемы моделирования крупномасштабных природных процессов и явлений [1, с. 10–11].

Академик Е.И. Шемякин до конца своих дней поддерживал контакты с коллегами и учениками, которые продолжают работать над реализацией его идей в Сибири. Новосибирская научная школа академика Е.И. Шемякина переросла в общероссийскую научную школу «Теоретические и экспериментальные исследования необратимых деформаций и разрушений твердых тел при ударе и взрыве», которая объединила ведущих специалистов из институтов Москвы и Новосибирска.

¹³ И след его глубокий в памяти людской // Наука в Сибири. 2009. 2 июля.

¹⁴ НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 544. Л. 176.

Список литературы

1. Газовая и волновая динамика / под ред. Е.И. Шемякина, Н.Н. Смирнова, В.Л. Натяганова. М.: Айрис-пресс, 2005. 384 с.
2. *Зворыгин Л.В., Курленя М.В.* Летопись Института горного дела Сибирского отделения РАН. Люди, события, даты. 1943–2000. Новосибирск: Новосибирский писатель, 2004. С. 534–539.
3. Институт теоретической и прикладной механики: годы, люди, события / под ред. А.М. Харитонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 94–99.
4. Проблемы механики деформируемых твердых тел и горных пород: сб. статей к 75-летию Е.И. Шемякина / под ред. Д.Д. Ивлева и Н.Ф. Морозова. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2006. 864 с.
5. Российская академия наук. Сибирское отделение. Персональный состав / отв. ред. В.М. Фомин. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 2007. 603 с.
6. Сергей Алексеевич Христианович: Выдающийся механик XX века / отв. ред. В.М. Фомин, А.М. Харитонов. Новосибирск: Гео, 2008. 356 с.
7. *Соловьев Ю.Я., Бессуднова З.А., Пржедецкая Л.Т.* Отечественные действительные и почетные члены Российской академии наук XVIII–XX вв. Геология и горные науки. М.: Научный мир, 2000. 548 с.

УДК 93(543.429.23)

О.А. Савелова

ИСТОРИЯ ЯМР-ИССЛЕДОВАНИЙ В СО АН СССР / СО РАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.

В статье рассматриваются этапы институционализации метода ядерного магнитного резонанса в Сибирском отделении АН СССР/РАН во второй половине XX в. В работе дается краткий анализ развития и становления концепции ЯМР и ЯМР-исследований, включающих магнитно-резонансную томографию.

Ключевые слова: ядерный магнитный резонанс, томография, институционализация.

Развитие метода ядерного магнитного резонанса (ЯМР) и области его применения в магнитно-резонансной томографии (МРТ) в СО АН СССР / СО РАН напрямую связано с Институтом химической кинетики и горения (ИХКиГ) и созданием Международ-

ного томографического центра (МТЦ СО РАН), использующих данный метод в научной практике. Эволюция метода проходила на фоне радикальных социально-экономических и политических изменений в жизни страны, а также в русле новых тенденций научной политики во второй половине XX в. [1, с. 5–10]. При обращении к конкретным материалам истории метода в Сибирском регионе важно составить представление о предпосылках развития и становления основополагающей концепции ядерной магнитно-резонансной томографии (ЯМРТ, после 1986 г. МРТ). Как показывают результаты нашего исследования, это был долгий и сложный процесс.

Томография – получение послойного изображения внутренней структуры объекта. МРТ – метод отображения, основанный на принципах ядерного магнитного резонанса. Своим возникновением метод МРТ обязан созданию и развитию ЯМР-спектроскопии, используемой для получения данных о химических и физических свойствах молекул [4, с. 5–10]. Явление ЯМР было открыто в начале прошлого столетия. Первые спектры ЯМР наблюдал И.А. Раби в 1934 г. (Нобелевская премия по физике 1944 г.) [12, с. 226]. В начале 1940-х гг. успешные эксперименты и открытие электронного парамагнитного резонанса (ЭПР) Е.К. Завойским [5, с. 43–65], а также начало исследований по магнетизму Л.В. Киренского и его коллег в Красноярском педагогическом институте (КПИ) и позже в Институте физики (ИФ) СО АН СССР оказались значимыми предпосылками для дальнейшего изучения, развития и использования этого метода сибирскими учеными. Историю развития метода можно условно разделить на несколько этапов¹.

Явление ядерного магнитного резонанса было открыто в 1946 г. американскими исследователями Ф. Блохом и Э. Парселлом (Нобелевская премия 1952 г.) [4, с. 5; 11, с. 3]. Это стало отправной точкой в развитии концепции ЯМР и его применения в различных направлениях физики и химии. Их идеи были подхвачены американской фирмой братьев Вариян (Varian), которые начали выпускать ЯМР-спектрометры с 1950 г. [6, с. 23–24]. С 1950 по 1970 г. ЯМР развивался и использовался как аналитический метод в химическом и физическом молекулярном анализе. В этот период

¹ Архив сайта Института физики СО РАН им. Л.В. Киренского. – URL: <http://kirensky.ru>.

закладываются методологические основы дальнейшего применения ЯМР [4, с. 5–10].

В 1950-е гг. в Красноярске А.Г. Лундин занимался исследованиями по ядерному магнетизму на созданном им первом ЯМР-спектрометре сначала в КПИ под руководством Л.В. Киренского, а с 1957 г. – в ИФ СО АН СССР. Во многом благодаря этим исследованиям к концу 1950-х гг. Красноярск вошел в число крупных научных центров страны по физике магнитных явлений². В 1957 г. Постановлением Президиума АН СССР³ был создан Институт химической кинетики и горения Сибирского отделения АН СССР. Основная деятельность института включала фундаментальные и прикладные научные исследования в области химической физики и смежных наук. Началось строительство здания, создание лабораторий, формирование кадрового потенциала института. В 1960-х гг. в ИХКиГ под руководством В.В. Воеводского и его коллег начались исследования в области химической физики с использованием нового метода⁴. Для подготовки специалистов соответствующей квалификации в Новосибирском государственном университете (НГУ) были организованы 2 кафедры: физической химии факультета естественных наук (ФЕН) и химической физики физического факультета (ФФ). Сотрудники института преподавали ключевые дисциплины на этих кафедрах, так как он являлся одним из базовых по соответствующим специальностям [9, с. 123–131]. В институте активно развивались международные научные связи. Начало сотрудничества в 1964 г. с приборостроительной фирмой Вариан открыло дополнительные возможности для радиоскопических исследований и разработки приборов, применяемых в ЭПР и ЯМР-спектроскопиях⁵.

Появление специальных ЯМР-приборов, усовершенствование их конструкции обеспечило интенсивное развитие ядерного магнитного резонанса с середины 1960-х гг. ЯМР становится незаменимым методом исследования структур сложных органических молекул, в том числе биологического происхождения. Однако получение визуальной информации о пространственной

² Там же.

³ Научный архив Сибирского отделения РАН (НАСО). Ф. 38. Оп. 1. Справка ГПНТБ, Постановление Президиума АН СССР № 469 от 21 июня 1957 г.

⁴ НАСО. Ф. 10. Оп. 4. Д. 4. Л. 174–175; Оп. 5. Д. 862, 869, 1061, 1071.

⁵ Там же.

структуре вещества с помощью ЯМР-метода, а также использование его в клинической диагностике на данном этапе еще не было реализовано [3, с. 3–7].

В 1973 г. начался новый этап в ЯМР-исследованиях с работы П. Лаутербурга, опубликованной в британском научном журнале *Nature*. Профессор химии из Университета в Стоун Брук (США) продемонстрировал отображение с использованием ЯМР и метода обратного проецирования, заимствованного из компьютерной томографии (КТ). Эта революционная идея в области медицинской визуализации стала основой магнитно-резонансной томографии и открыла новые возможности в использовании метода с точки зрения социальной востребованности и значимости, так как предлагала неинвазивную (без проникновения в структуру, не разрушающую), безопасную (диапазон радиочастотных волн) интроскопию непрозрачных для видимой области света биологических и иных объектов [13, с. 1–3].

Это период активного развития многомерной ЯМР-спектроскопии, технологии которой начали использоваться в ЯМРТ. Как показывает анализ направлений исследований ИХКиГ, метод ЯМР-спектроскопии к концу 1970-х гг. являлся одним из наиболее важных физических методов, используемых во многих областях химии. Разработка и изготовление полевой аппаратуры ЯМР для поиска воды «Гидроскоп» является наглядным примером такого применения. Проект осуществлялся силами сотрудников трех лабораторий, руководили работой А.Г. Семенов, А.И. Бурштейн, Р.З. Сагдеев. Позднее, в 1985 г. устройство было признано изобретением и заняло прочные позиции в поисковой геологоразведке⁶. В 1988 г. в ИХКиГ был создан научно-производственный центр «Гидроскоп» для внедрения новой технологии поиска и разведки подземных вод с помощью ЯМР-томографа⁷. Кроме того, на этом этапе в ИХКиГ под руководством Р.З. Сагдеева сформировалось новое научное направление – изучение магнитных и спиновых эффектов в химических реакциях [2, с. 3–4; 10, с. 569–601]. В 1978 г. решением ученого совета института группа, занимающаяся магнитными явлениями, была преобразована в лабораторию (ЛМЯ)⁸. Годом позже институт возобновил сотрудничество с фир-

⁶ Там же. Д. 1725, 1796, 1725.

⁷ Там же. Д. 991; Оп. 11. Д. 1162.

⁸ Там же. Ф. 38. Оп. 1. Д. 360. Л. 10–12.

мой Вариан по вопросам разработки метода исследования спектров ЯМР короткоживущих радикалов.

К началу 1980-х гг. после успешного применения в физике, химии и молекулярной биологии ЯМР-спектроскопия начала завоевывать область клинической медицины. Интенсивное развитие теоретических основ магнитно-резонансной томографии и ее приложений для медицинских исследований стало началом третьего этапа в институционализации метода. В 1978 г. Р. Дамадьян из медицинского центра Даунстейт в Бруклине создал собственную компанию ФОНАР (FONAR) для производства сканеров МРТ. В 1980 г. появился первый серийный томограф. Этот «сканер для всего тела» был томографом «нулевой» эпохи [14, с. 1].

Совершенствование аппаратного и технологического обеспечения ЯМР-приборов открыло широкие возможности для применения ЯМР-спектрометров в научных исследованиях. Западнгерманская фирма Брукер (Bruker) быстро завоевала передовые позиции в разработке и серийном выпуске ЯМР-оборудования, а к 1983 г. выпустило первый ЯМР-томограф. К середине 1980-х гг. первые ЯМР-томографы начинают внедряться в клиническую практику и биомедицинские исследования. В СССР развитие метода ЯМР проходило с заметным отставанием, но он успешно применялся в целом ряде научных центров, в том числе и в Новосибирском научном центре. Во второй половине 1980-х гг. началось клиническое и научное использование МРТ в нашей стране [7, с. 238–239].

В 1986 г. в научные тематики ИХКиГ было включено новое направление – ЯМР-томография, которое предполагало фундаментальные работы по развитию метода и его приложений к медицине. Годом позже были достигнуты договоренности с фирмой Брукер, АН СССР и его Сибирским отделением и принято решение о создании в ННЦ совместного Научно-методического центра по ЯМР-томографии при ИХКиГ СО АН СССР⁹. Будущему Центру выделили отдельное здание – корпус-модуль Института химической кинетики и горения, в котором был установлен томограф Tomikon BMT-1100 западногерманской фирмы Брукер, состоялось официальное открытие Центра¹⁰. В начале 1990-х гг. сформировалась его

⁹ Там же. Д. 603.

¹⁰ Текущий архив МТЦ СО РАН. См.: Распоряжение Президиума от 12.07.1989 № 15000-585.

организационная структура и кадровый состав. Активное участие Центра в международном сотрудничестве по проблемам МР-томографии сформировало позитивное отношение зарубежных коллег к его проектам. Благодаря этому к началу 1990-х гг. были достигнуты договоренности о финансировании строительства нового корпуса для МТЦ. Строилось здание по финскому проекту, для управления стройкой была создана Дирекция строительства под руководством Р.З. Сагдеева¹¹.

В этот период закладываются базовые основы и принципы нового научного учреждения. В 1993 г. Томографический центр был реорганизован в «открытый институт» – добровольную неправительственную организацию в составе СО РАН, деятельность которой была направлена на изучение теоретических и прикладных проблем МР-томографии¹². Новый статус стал решающим в процессе организации научно-исследовательского учреждения нового типа, завершив институционализацию как учреждения, так и нового научного направления.

Научные проекты Центра, медицинская диагностическая практика способствовали развитию и продвижению метода МРТ в Сибирском отделении РАН и стране в целом. В докладе на всероссийском семинаре «Российская наука: состояние и проблемы развития» в сентябре 1996 г. директор МТЦ СО РАН Р.З. Сагдеев отметил, что «самое главное, ради чего создавался Центр – отдел медицинской диагностики. Центр не случайно называется томографическим, поскольку одна из его главных задач – помощь в проведении диагностики населения с помощью нового современного метода – ядерно-магнитного резонанса», что касается фундаментальной науки: «В центре в отделе магнитоспиновых явлений ведутся работы в области нового направления, известного как спиновая химия. Направление в значительной степени родилось и развивается в Институте химической кинетики и горения и продолжается в Томографическом центре, где используются самые современные методы» [8, с. 1].

¹¹ Мемориальный архив В.А. Коптюга, папка 128. См.: Протокол о намерениях от 05.07.1991, Учредительный договор о создании акционерного общества открытого типа «Дирекция строительства Международного томографического центра», апрель 1992 г. г. Новосибирск.

¹² Там же. См.: Постановление Президиума от 02.02.1993 № 20 «Об организации Международного томографического центра при Сибирском отделении РАН».

В начале 2000-х гг. ЯМР-метод получил новое развитие и применение. За четверть века развитие технологии МРТ, контрастность и разрешающая способность метода многократно увеличились. Расширение спектра возможностей МРТ-метода обеспечило его использование в различных областях науки и техники – от традиционных химии, физики, биологии до когнитивной нейрологии (функциональная МРТ) и многих других. Этот этап продолжается и в настоящее время.

Список литературы

1. *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 256 с.
2. *Бучаченко А.Л., Сагдеев Р.З., Салихов К.М.* Магнитные и спиновые эффекты в химических реакциях. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 296 с.
3. Введение в МР-томографию / под ред. Р.З. Сагдеева, У. Айххоффа. Новосибирск, 1991. 91 с.
4. *Гюнтер Х.* Введение в курс спектроскопии ЯМР. М.: Мир, 1984.
5. *Завойская Н.Е.* История одного открытия. М.: Группа ИТД, 2007. 208 с.
6. *Кессених А.В.* Эдвард Майлз Перселл, Феликс Блох и открытие магнитного резонанса. 2012 г. [электронный ресурс]. – URL: <http://ufn.ru/tribune/trib116.pdf>.
7. Магнитный резонанс в медицине: осн. учеб. Европ. форума по магнит. резонансу в комплекте с компьютер. прогр. / пер. с англ. П.А. Ринк. М.: Гэотар-мед, 2003. 245 с.
8. Международный томографический центр: фундаментальная наука – предпринимательство – медицина: доклад *Р.З. Сагдеева* // Российская наука: состояние и проблемы развития: материалы всерос. семинара. Новосибирск, 1996 г. [электронный ресурс] – URL: <http://www.sbras.ru/win/conferen/rus-sci/dokl/sagdeev.html>.
9. *Савелова О.А.* Организация подготовки специалистов-физхимиков в высшей школе: на примере деятельности НГУ во второй половине XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2016. № 410 (2). С. 123–131.
10. *Сагдеев Р.З., Салихов К.М., Молин Ю.Н.* Успехи химии. 1977. Т. 46. Вып. 4. 750 с.
11. *Хорнак Дж.П.* Основы МРТ / пер. И.Н. Гиппа. Введение [электронный ресурс] – URL: <http://www.cis.rit.edu/htbooks/mri/inside-r.htm>.
12. *Храмов Ю.А.* Раби Исидор Айзек (Rabi Isidor Isaac) // Физики: Биографический справочник. 2-е изд., испр. и до. / под ред. А.И. Ахиезера. М.: Наука, 1983. 400 с.

13. Rink P.A. [в сотрудничестве с] Muller R.N., Peterson S. Introduction into Magnetic Resonance in Medicine. Stuttgart, New York, Thieme Medical Publishers Inc. 1990. 256 p.

14. United States Patent no. 3789832. Filed 17 March 1972, awarded 5 February 1974. Apparatus and method for detecting cancer in tissue. Inventor: Raymond V. Damadian. – URL: <http://www.google.co.uk/patents/US3789832>.

УДК 061.62

В.В. Алексеев

**«СИБИРСКИЙ ДЕСАНТ» НА УРАЛЕ
(К ИСТОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СИБИРСКОЙ И УРАЛЬСКОЙ
НАУЧНЫХ ШКОЛ ИСТОРИКОВ)***

В статье рассматривается взаимодействие Сибирского и Уральского отделений РАН на поприще гуманитарных наук, раскрывается роль Института истории, филологии и философии Сибирского отделения в создании Института истории и археологии Уральского отделения. Особое внимание уделено разработке современного теоретико-методологического подхода к изучению российской истории, формированию научных направлений нового института и его результатам.

Ключевые слова: академическая школа, диффузии, модернизация, регион, традиционное общество, индустриальное общество, трансформация, цивилизация.

В конце прошлого века, когда формировались два новых региональных отделения Академии наук СССР – Дальневосточное и Уральское, судьба забросила небольшую группу сибирских ученых в одно из них – Уральское. Его председатель академик Г.А. Месяц – физик с мировым именем выступил инициатором создания в новом отделении полного цикла наук, в том числе гуманитарных. Он пригласил меня для создания Института истории и археологии. Покидать пост заместителя директора Института истории, филологии и философии Сибирского отделения никак не хотелось, но пришлось это сделать и переехать на Урал.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625 «Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение»).

Начинать важное дело всегда сложно, а формировать новое научное направление, которого в академической науке региона никогда не было, – особенно трудно, тем более тогда, когда в стране шли кардинальные перемены. Старое рушилось, а для нового не хватало ни сил, ни средств. Преодолению этих трудностей, созданию на Урале академической школы историков, роли в этом деле Института истории, филологии и философии СО РАН накануне его 50-летнего юбилея посвящен данный текст.

Стержень нового института, который был открыт 1 февраля 1988 г., составили сибиряки. Поехать со мной изъявили желание семь человек: доктор исторических наук Н.А. Миненко, кандидаты исторических наук Е.Т. Артемов, К.И. Зубков, И.В. Побережников, В.П. Тимошенко и двое моих аспирантов – супруги Е.В. и Е.В. Логуновы. Со временем кандидаты стали докторами, а аспиранты – кандидатами исторических наук. Большинство сибирских «десантников» доросли до руководителей научных коллективов. И.В. Побережников возглавил сектор методологической историографии, В.П. Тимошенко – Ямальский филиал в Салехарде, Н.А. Миненко долгое время работала заместителем директора, Е.В. Логунов – ученым секретарем, К.И. Зубков заведовал кафедрой в Уральском гуманитарном университете, Е.Т. Артемов через 25 лет сменил меня на посту директора института. В нем сложились три подразделения: археолого-этнографическое, историческое, литературоведческое. Кратко остановлюсь на достижениях исторического [1; 2, с. 4–15] ¹.

Научные разработки начались с подготовки целевой научно-исследовательской программы «Исторический опыт регионального развития (Урал и сопредельные территории)», которая опиралась на практику нашего участия в государственной программе «Сибирь», выполняемой Сибирским отделением АН СССР. Уральская программа состояла из шести подпрограмм, охватывающих основные сферы жизнедеятельности человека с древнейших времен до наших дней и предусматривала решение следующих познавательных задач: выявление социальных потребностей развития каждой из этих сфер; характеристика процесса осознания потребностей, выбора целей развития, определение средства

¹ В связи с большим массивом библиографической информации и ограниченным объемом данного текста, в нем не указываются полные выходные сведения о публикациях.

и способов их достижения; исследование деятельности по регулированию и управлению развитием той или иной сферы общественной жизни; определение итогов, основных тенденций и этапов развития каждой сферы, оценки эффективности управления этими процессами.

Программа имела не только историко-познавательное, но и практическое значение. Она была одобрена Отделением истории АН СССР и получила широкий научный резонанс, как один из первых опытов подобного рода исследований. Заложенная в ней методика изучения исторического опыта нашла признание на X Международном конгрессе экономической истории в Лувене (Бельгия, 1990 г.) и на XVIII Международном конгрессе исторических наук в Монреале (Канада, 1995 г.). Время внесло коррективы в ее осуществление, но в конечном счете по ряду аспектов получены важные научные результаты.

Первостепенное внимание было уделено теоретической базе исследований. Отказ от марксистско-ленинской теории после распада СССР вызвал острейшие дискуссии в коллективе, как и во всей стране. Упорных сторонников прежних взглядов осталось немного, но выработка новых досталась с большим трудом. Дискутировались две главные проблемы. Первая – соотношение региональной и общероссийской проблематики. Вторая – переход от формационного к цивилизационному подходу в исследованиях. Особенно трудно решалась вторая. Сотрудники осознавали отрицание формационного подхода, но не решались сосредоточиться на цивилизационном. Компромисс был достигнут на пути к теории модернизации – перехода от традиционного аграрного к современному индустриальному обществу, которая более адекватно описывает стержневые проблемы российской истории. Постепенно с такой точкой зрения согласилось большинство коллектива, и эта теория стала основой его исследований. Более того, Институт вышел на передовые позиции в данной области в отечественной историографии.

Результаты наиболее интересных исследований рассмотрим по основным этапам развития Института. На первом этапе (1988–1999 гг.), когда шло формирование научных направлений, преобладала региональная проблематика: история промышленного, аграрного, демографического, культурного развития Урала и сопредельных территорий. В имперском периоде анализирова-

лись: технико-экономический потенциал промышленности и ее отдельных структур, промышленная политика; взаимодействие технического и социально-экономического развития. В изучении истории аграрного освоения много внимания уделялось определению роли различных сословных групп сельского населения в освоении Урала и Сибири, реконструкции народного опыта хозяйствования, соотношению традиций и новаций в народной агрономии (Промышленность Урала в период капитализма: социально-экономические и экологические проблемы. 1992; Русская крестьянская община в Западной Сибири. XVIII – первая половина XIX в. 1991; Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. 1992; и др.). Существенные результаты получены в изучении традиционных сегментов общества, их культуры и менталитета (*Побережников И.* Общественно-политические взгляды русских крестьян Сибири в период позднего феодализма. 1989; *Миненко Н.* Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX в. 1991; Она же. Экологические знания и опыт природопользования русских крестьян Сибири в XVII – первой половине XIX вв. 1991; и др.).

Изучено взаимодействие индустриального и аграрного секторов экономики. Данная проблема исследовалась в ходе совместной работы ученых Института и университетов Упсалы и Стокгольма (Швеция). Проведено широкое компаративное исследование истории шведской и российской металлургии в рамках концепции протоиндустриализации. Итогом российско-шведского проекта (рук.: В. Алексеев, Р. Торстендаль) стала фундаментальная монография «Железодельные общества. Раннее индустриальное развитие в Швеции и России» (Оксфорд (Англия), 1998).

Изучались факторы и формы интеграции аграрной периферии в горнозаводское производство, воздействие промышленных центров на деревню Урала и Западной Сибири в доиндустриальный период. Анализ показал, что, с одной стороны, аграрный сектор являлся существенным фактором промышленного подъема и экономического роста на Урале и Алтае, а с другой стороны, промышленные предприятия обуславливали серьезные перемены в аграрной сфере (*Голикова С., Миненко Н., Побережников И.* Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в.). 1995; Крестьяне

на заводах. Урал и Западная Сибирь XVIII – первой половины XIX в. 1996; и др.).

Важное значение для понимания цивилизационной специфики России имеет обобщающее исследование истории казачества восточных регионов страны (История казачества Азиатской России XVI–XX веков. 1995. Т. 1–3 / гл. ред. В.В. Алексеев), в котором определяется место и роль казачества в присоединении и освоении восточных окраин России, представлена широкая панорама жизни и быта вольных казачьих общин, дается комплексная количественная и качественная характеристика казачества – его численности и размещения, демографического и этнического состава, сословно-социальной структуры, экономического положения и хозяйственных занятий. В исследовании нашла отражение история казачества не только в имперской период, но и в советскую эпоху. Трехтомник получил высокую оценку в печати, пользовался высоким спросом не только в России, но и за ее пределами.

В изучении советской эпохи на первом плане стояли индустриальные сюжеты. Реализация проекта «Урал и индустриальные регионы мира» (рук. В. Алексеев) была направлена на создание широкого информационно-аналитического поля развития Урала как старопромышленного района. Результаты исследований использовались при разработке нормативных документов по антикризисной политике Свердловской области. Пристальное внимание ученых и практиков привлекла специальная публикация «Зарубежный опыт антидепрессивной региональной политики» (1992), в которой проанализированы антикризисные мероприятия в США, Англии и Германии. Участие Урала в мирохозяйственных связях (1917–1941 гг.) представлено в монографии В.П. Тимошенко.

На перепутье между развалом СССР и становлением новой России началась серия национальных конфликтов в разных частях страны, поэтому пришлось обратиться к изучению истоков региональных проблем. В процессе фундаментальных исследований по проекту «Российская геополитика и социокультурные основы уральского регионализма в XX веке» (рук. К. Зубков) даны новые оценки содержания национальной и региональной политики Советского государства в XX в., разработаны концептуальные подходы к изучению феномена регионализма в России. Дальнейшие исследования в этом направлении осуществлялись в рамках россий-

ско-бельгийского проекта «Федерализм: правовое, политическое и институциональное многообразие» (рук.: В. Алексеев, К. Манфлиет). Итоги регионоведческих исследований Института подведены в книге В. Алексеева «Регионализм в России» (1999), где сформулированы авторские подходы к теоретическим, конкретно-историческим, демографическим, политологическим, культурологическим, экономическим проблемам регионализма, обозначены пути их решения.

Впервые в России Институт начал фронтальное изучение индустриального наследия. Особое внимание к данной проблеме вызвано тем, что современный мир находится на перепутье индустриальной и постиндустриальной эпох, а Урал обладает уникальными памятниками индустриальной культуры, имеющей мировое значение. Результаты исследований нашли отражение в серии публикаций как в России, так и за рубежом, а также в многочисленных докладах на международных форумах (Индустриальное наследие Урала. 1993; Сохранение индустриального наследия. Мировой опыт и российские проблемы. 1994; Опыт изучения и использования памятников индустриальной культуры России. 1995).

К числу актуальных работ рассматриваемого периода относятся исследования, посвященные одной из трагических страниц отечественной истории – гибели царской семьи на Урале летом 1918 г. Обнаружение в 1991 г. ее предполагаемых останков вызвало «цунами» дискуссий не только в России, но и за рубежом. Ответом на это стали две книги В. Алексеева – «Гибель царской семьи: мифы и реальность» (1993) и «Последний акт трагедии» (1996. Англия), а также большая серия статей, в которых представлены новые документы из ранее секретных архивов и поставлена задача исторической экспертизы обстоятельств гибели последнего императора России. Позднее был опубликован двухтомник уникальных рассекреченных документов о претендентах на верховную власть России с аналитическим разделом и подробными комментариями (Алексеев В., Нечаева М. Воскресшие Романовы?.. К истории самозванчества в России XX в. 2000. Ч. 1; 2002. Ч. 2).

На втором этапе (2000–2015) первостепенное значение получили теоретические проблемы изучения исторического процесса, поскольку стало очевидно, что с отказом от марксизма-ленинизма историческая наука России оказалась в теоретико-методологическом вакууме. Это особенно рельефно проявилось в

неспособности предложить объективную трактовку сущности российской истории XX в. Уральская академическая школа историков нашла выход в том, чтобы объяснить отечественную историю с позиции цивилизационного своеобразия российских модернизаций, мучительного перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному, соотнесения новаций и традиций. На повестку дня вышли факторный анализ и математическое моделирование социальных трансформаций, компаративный подход, предполагающий сопоставление изучаемых процессов в региональном, общероссийском и мировом контекстах, концепция фронтирной модернизации. Был издан ряд фундаментальных исследований и исторических энциклопедий, которые активно цитируются в российских и зарубежных публикациях.

Теоретические проблемы с привлечением огромного фактического материала рассмотрены в монографиях и во множестве статей (Алексеев В. Общественный потенциал истории. 2004; Побережников И. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. 2006; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв. 2000; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект. 2011; Модернизация в цивилизационном контексте: российский опыт перехода от традиционного к современному обществу. 2011). В них обоснована необходимость анализа процессов модернизации на различных общественных уровнях и установления соответствия (так же как и несоответствия, расстыковки) между ними, что обусловлено всеобъемлющим, многоплановым, многомерным характером модернизации. Выявлены факторы, вариации процессов модернизации на различных уровнях. В итоге разработан теоретико-методологический подход на основе синтеза модернизационной и цивилизационной парадигм, ставший основой последующих исследований. Проведено комплексное изучение модернизаций в контексте цивилизационной динамики России XVIII–XX вв. В двухтомнике С. Нефедова и в коллективной монографии, написанной представителями академической школы историков и математической школы академика Н. Красовского (Нефедов С. История России. Факторный анализ. 2010. Т. 1; 2011. Т. 2; Факторный анализ исторического процесса. 2011) осуществлено фундаментальное исследование истории России с древнейших времен до начала XX в.

Особое направление исследований составило выявление роли эндогенных и экзогенных факторов в обеспечении модернизационной динамики России, в том числе поступательной и циклической составляющих; определение каналов, механизмов и результатов проникновения зарубежного опыта в Россию. В результате в серии научных трудов проанализирован исторический опыт взаимодействия российской и западноевропейской цивилизаций, осмыслены теоретико-методологические аспекты диффузионизма, выявлена роль диффузии как механизма модернизации, прослежены каналы и агенты распространения европейских инноваций в российском социуме нового времени, представлены модели взаимодействия традиции и новации в контексте модернизации, процессы и результаты проникновения европейских инноваций в различные области российского бытия периода империи (Алексеева Е. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). 2007; Диффузия европейских инноваций в Российской империи. 2009; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX вв.). 2011).

Крупные результаты получены в исследовании истории уральской металлургии и ее индустриального наследия (Алексеев В., Гаврилов Д. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. 2008; Алексеев В., Алексеева Е. Металлургия Урала: история и наследие. 2011. (на фр. яз.)). В первой монографии комплексно на протяжении более трех столетий рассматривается развитие металлургии огромного региона страны. Выявляются основные особенности становления, развития и функционирования отрасли, предлагается новая трактовка общетеоретических и конкретных проблем ее развития и новый подход к концептуальной оценке отрасли в системе мирохозяйственных связей. Во второй монографии показано место уральской металлургии в истории мировой индустриальной цивилизации. Проанализирована региональная специфика процессов складывания технологических, социальных, культурно-ментальных черт индустриальной цивилизации на Урале. Промышленное наследие представлено в совокупности результатов индустриального развития.

Одним из важнейших результатов промышленной деятельности является обеспечение обороноспособности страны, достигаемое на основе ее модернизации. Военно-промышленному

комплексу Урала и его вкладу в победу над врагами Отечества посвящена серия книг (Щит и меч Отчизны. Оружие Урала с древнейших времен до наших дней. 2008; Военная история Урала: события и люди. 2008; *Сперанский А.* На войне, как на войне... 2012; и др.).

Уральскими учеными определены основные направления и результативность государственной научно-технической политики в контексте модернизации. В страновом и региональном измерении изучены основные этапы развития академической науки на Урале (Рубежи созидания. К 70-летию академической науки на Урале: документы и материалы. 1932–2002 гг. 2002; *Артемов Е.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. 2006; Академическая наука Урала: очерки истории. 2007; Академическая наука Урала. Стратегия и практика исследовательского поиска. 2012).

В исследованиях также обоснована значимость трансформации аграрной сферы в рамках российской модернизации (агропереход), выявлены три фазы аграрного перехода в российской деревне (конец XIX – середина XX в.; середина XX в. – конец 1980-х гг.; начало 1990-х гг. – начало 2000-х гг.), направления и формы проявления которых были обусловлены исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов (Продовольственная безопасность Урала в XX в.: документы и материалы. 2000. Т. 1, 2; Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии. 2007; Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII–XX вв.: макро- и микропроцессы. 2010; и др.).

Демографическая история Урала в XVIII–XX вв. представлена в ряде монографий и сборников статей (Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход). 2000; *Голикова С.* Семья горнозаводского населения Урала XVIII–XIX вв.: демографические процессы. 2001; *Оруджиева А.* Формирование системы городов Урала в двадцатом столетии. 2005; *Михалев Н.* Население Ямала в первой половине XX в. Историко-демографический анализ. 2010; Исторические аспекты воспроизводства населения Урала в XVIII–XX вв. 2011).

На фоне публикаций по региональным проблемам выделяются монографии «Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX вв.», 2004. (гл. ред. В.В. Алексеев), которая представляет собой первое комплексное исследо-

вание истории регионов азиатской части страны на протяжении 400 лет их развития в составе Российского государства; «Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Восточного Урала и Сибири», 2002 г., где совместными усилиями историков и экономистов доказана возможность использования регионального исторического опыта для решения современных проблем; «История Ямала», 2010. Т. 1, 2 (гл. ред. В.В. Алексеев), являющаяся первым крупным академическим исследованием развития арктического региона с глубокой древности до конца XX в. в контексте российской цивилизации.

Значительным достижением уральской исторической школы стало шеститомное научное издание «Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985 гг. (Пермский край, Свердловская, Челябинская области): документы и материалы», 2005–2008 (гл. ред. В.В. Алексеев), где опубликовано свыше полутора тысяч документов, которые имеют несомненный интерес для ученых и широкой общественности. Большинство из них совсем недавно было рассекречено и представляет существенную часть историко-культурного наследия России. Не случайно французские ученые предложили провести презентацию этого издания в Сорбонне.

Таким образом, на втором этапе своего развития историческое подразделение Института в основном перешло на новую научную методологию – концепцию модернизации, что прослеживается от исследований индустриальной сферы до аграрной, включая общественно-политическую и оборонную тематику. Это дало возможность более адекватно представить историю России последних веков. Наряду с исследованиями теоретического характера выполнялись конкретно-исторические. Подготовлено и издано 5 энциклопедий: «Уральская историческая энциклопедия». 1988, 2000; «Металлургические заводы Урала XVIII–XX вв. Энциклопедия». 2001; «Екатеринбург. Энциклопедия». 2002; «Историки Урала, XVIII–XX вв.». 2003; «Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Снежинск». 2009; «Атомные города Урала. Энциклопедия. Город Лесной». 2012.

Результаты, полученные Институтом в 1988–2015 гг., характеризуются следующими статистическими данными. Численность сотрудников достигла 94 чел., в том числе 23 доктора и 35 кандидатов наук, средний возраст исследователя составляет 46,1 лет, опубликовано 323 монографии и около 200 сборников

научных трудов, число научных статей в рецензируемых журналах составило 811, а в зарубежных изданиях – 231; проведено около 200 научных конференций; получен 131 грант; удельный вес привлеченных источников средств в общей сумме внутренних затрат колеблется от 18% в 2007 г. до 25% в 2015 г., а в 2006 г. достигал 33%. Итогом деятельности Института по случаю 25-летнего юбилея председатель Уральского отделения РАН академик В.Н. Чарушин назвал «сложившуюся в Институте под руководством академика В.В. Алексеева историческую школу, по праву занявшую ведущие позиции в стране». Она четырежды номинировалась как Ведущая научная школа России по программе Президента РФ.

Список литературы

1. *Алексеев В.В.* На перепутье эпох. Воспоминания современника и размышления историка. Екатеринбург, 2013.
2. *Алексеев В.В.* Уральская академическая школа историков (К 25-летию основания) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ

УДК 94(47)"1914/1917"

В.М. Рынков

ЧЛЕНСТВО В ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ КАК КАНАЛ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В докладе показано, что участие населения в деятельности общественных организаций в период Первой мировой войны стало массовым. Этот вид социальной мобильности не только позволял демонстрировать политическую лояльность и единство личности с воюющим обществом, но и в ряде случаев становился способом приспособления личности к реалиям военного тыла. Материалы Сибири подтверждают указанные закономерности и позволяют проследить масштабы функционирования данного канала социальной мобильности и мотивы вовлечения в него.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сибирь, социальная мобильность, общественные организации.

Всплеск патриотических настроений первых месяцев войны активизировал ранее существовавшие и вызвал к жизни появление целой сети новых благотворительных общественных организаций, занятых помощью мобилизованным, их семьям, больным и раненым. Сибирское население не осталось в стороне. При городских управах и сельских управлениях формировались местные попечительства о нуждах семей призванных, распределявшие казенные пособия и собиравшие благотворительные средства. Возникло множество дамских обществ, кружков при церквях, учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, прочих городских и сельских организациях, занятых сбором пожертвования.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

ний, пошивом одежды, изготовлением подарков для воевавших на фронтах и находившихся в лазаретах солдат и офицеров, выдачей пособий беженцам и членам семей призванных. Они не представляли собою единую сеть с оправданной и целесообразной логистикой местных подразделений и филиалов, а, напротив, формировались как несколько альтернативных сетей, проводивших работу параллельно друг другу.

Органы городского самоуправления в Сибири выступили одним из главных генераторов общественных организаций. Они поспешили заявить о своем членстве во Всероссийском союзе городов (ВСГ). Из 163 городов, вступивших в Союз к концу 1914 г., насчитывалось 15 сибирских. На востоке России были проведены учредительные и несколько текущих съездов, сформированы региональные подразделения союза: городские, губернские (областные) комитеты, в апреле 1915 г. – Западносибирский, в апреле 1916 г. – Восточносибирский и Дальневосточный. В сентябре 1914 г. было создано Сибирское общество помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны. До конца 1914 г. ему удалось учредить 14 местных отделений, а к середине 1916 г. их стало 52. В результате в городах функционировали две, а то и три параллельные общественные структуры, занимавшиеся обслуживанием связанных с войной нужд.

Для Сибири в первый год войны основная задача таких структур состояла в координации работы по организации приема и размещения военнопленных. В большинстве городов для этого спешно формировались особые отделы. Осенью 1915 г. в Сибирь стали прибывать российские беженцы. Губернские администрации спешно сформировали специальные отделы по приемке беженцев. То же самое произошло в городских управах и местных комитетах ВГС. Более того, местные комитеты получали из центра незначительные пособия, а действовали преимущественно на средства городов, но не были перед ними подотчетны, что усиливало и запутывало дублирование. Примерно в это же время в Сибири стали создаваться местные подразделения Комитета для оказания помощи пострадавшим от военных действий – губернские и городские. Они собирали благотворительные взносы, но главные средства получали от казны и распределяли их на обслуживание беженцев. Всего в городах Сибири и Дальнего Востока действовало 36 местных комитетов по приему и размещению бе-

женцев. Это не считая местных отделений национальных организаций – польских, еврейских, литовских. Часто комитеты создавались заранее, еще только в ожидании наплыва беженцев. В Красноярске комитет насчитывал 308 членов, были созданы 6 секций, они должны были обслуживать примерно тысячу беженцев, в Хабаровске 40 членов комитета обслуживали 274 беженца [1, с. 217–218]¹. Следует иметь ввиду, что губернская администрация воспринимала работу по приему беженцев как свою обязанность и также назначила чиновников, ответственных за данный участок деятельности.

Одним из важных направлений работы тыла стало изготовление необходимого для армии вооружения и военного снаряжения. В Сибири была довольно слабая промышленность, главным образом мелкая и кустарная. Но чтобы мобилизовать и ее, интендантства заключили договоры на изготовление различных предметов под заказ. С осени 1914 г. под руководством интендантств действовали десятки приемных комиссий, призванных проверить качество поставляемых товаров. Только в кожевенной отрасли было учреждено 32 общественные приемные комиссии. Кроме того, заказы распределились и через местные подразделения ВСГ. Летом–осенью 1915 г. по всей стране стали возникать военно-промышленные комитеты. Их назначение заключалось в объединении частных промышленных предприятий для распределения казенных военных заказов, выделяемых под них запасов сырья, денежных авансов и содействии в исполнении полученных заказов. Их создание в сибирской провинции, как и в центре, сопровождалось громкой шумихой, многочисленными съездами и совещаниями, преувеличением своей роли – в прессе. Всего с июня по декабрь 1915 г. было сформировано 33 областных и 220 местных (городских и уездных) комитетов. Из этого числа на Сибирь пришлось 6 губернских и областных и 28 местных. Активно работавшие комитеты мобилизовали на нужды армии около 300 сибирских промышленных предприятий или в среднем чуть более десяти на каждый комитет. Но при этом некоторые комитеты создавали многочисленные коллегиальные органы управления, отделы по руководству отраслями промышленности, имели в своем штате десятки специалистов. В 1916 г. в рамках политики по уси-

¹ Вестник Красноярского городского общественного самоуправления. 1915. № 16. С. 403–408; 1916. № 6–7. С. 87.

лению государственного регулирования хозяйственными процессами в центре были созданы Особые совещания по основным отраслям экономики, а в регионах образовывались их местные органы. Так появились Сибирское Заводское совещание, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский кожевенные комитеты, Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское совещания по топливу. Все они являлись государственно-общественными учреждениями, занимались мобилизацией промышленности на работу для нужд армии. Их требовалось укомплектовать штатами экспертов, низшим вспомогательным персоналом, они имели широкое представительство от органов местного самоуправления и общественных организаций.

Но самыми многочисленными организациями в Сибири, как и по всей стране, стали продовольственные и кооперативные. В сибирских городах перебои с поставками продовольствия возникли с весны 1915 г.; тогда же в структуре городских самоуправлений появились продовольственные комиссии и отделы. Со временем города обзавелись сетью лавок и складов. Штат городских продовольственных работников «разбухал». Сеть первичных кооперативов в годы Первой мировой войны росла в геометрической прогрессии. Если к началу 1914 г. в Сибири насчитывалось 3,5 тыс. первичных кооперативов всех видов, то к началу 1917 г. их численность выросла вдвое, а количество пайщиков – в 2,5 раза. Если до войны существовал единственный кооперативный союз – Мариинский, то в 1916 г. их действовало более тридцати. Именно в годы Первой мировой войны прошло становление мощнейшего аппарата сибирской кооперации. При этом значительная часть продовольственных и кооперативных работников, как обслуживающих нужды армии (продовольственные заготовки) или неотложные потребности гражданского населения, получила освобождение от призыва.

Экономико-мобилизационные потребности государства привели к разрастанию отдельных подразделений местной администрации. Параллельно с этим сформировалась многотысячная армия общественных работников, в значительной своей части состоявшая из лиц призывного возраста. На многих из них были оформлены отсрочки от службы в армии. На местах вопросами об отсрочках стали заниматься особые уездные комитеты, тоже, кстати, состоявшие из представителей общественности. Теперь

появился шанс уклониться от призыва, не вызывая подозрения в нелояльности. Конечно, среди лиц, получивших отсрочки, численно преобладали рабочие железных дорог и промышленных предприятий, работавших на оборону. Но мужчинам с высшим или средним образованием общественные организации, обильно расплодившиеся в каждом сибирском городе, предоставляли широкие возможности для постройки карьеры служащих. Первоначально «бронь» распространялась только на предприятия, выполнявшие оборонные заказы, как государственные, так и подчиненные военно-промышленным комитетам, ВСГ, Красному кресту. Ситуация, когда выживаемость и работоспособность любой структуры напрямую зависела от того, признана ли она оборонной, заставляла руководство упражняться в изобретении способов получения заветного статуса. Каждое из предприятий и учреждений стремилось числиться среди производящих что-нибудь для армии или оказывающих услуги пострадавшим от войны. Недаром в конце 1916 – начале 1917 г. в сибирских городах стали проводиться проверки законности получения отсрочек, которые даже по формальным признакам позволяли лишить «брони» 5% всех ее обладателей².

Конечно, уклонения от призывов для большинства общественных работников не являлось самоцелью. Война породила особую политическую ситуацию, когда открылись невиданные со времен Первой русской революции возможности проявить себя на поприще общественной деятельности. Резко расширились возможности для проявления активности женщин. На службу в общественных организациях стали принимать политических ссыльных, ранее лишенных такой возможности. Общественная служба позволяла почувствовать сопричастность к судьбе страны, продемонстрировать лояльность к власти, не поступаясь собственными убеждениями. Если для одних она стала способом приобретения социального престижа, то для других – еще и способом заработка. Она позволяла формировать новые сети социальных связей, проявлять организаторские способности, приобретать опыт социального взаимодействия, выдвигаться на лидерские позиции, сплачивая круги единомышленников. В значительной мере именно общественная деятельность стала тренировочной площадкой, на которой сформировалась контрэлита, готовая взять на себя, если

² Сибирская жизнь (Томск). 1915. 15 июня.

потребуется, и бремя государственной власти. К 1916 г. значительная часть сибирской интеллигенции и предпринимателей, включая проживавших в сельской местности, являлась участниками одной, а иногда и нескольких общественных организаций. Многие сменили род занятий, став профессиональными служащими одной из общественных организаций, порожденных войной. Этот канал социальной мобильности в годы Первой мировой войны резко активизировался и, в свою очередь, стал трамплином для более интенсивного восходящего движения по социальной лестнице.

Список литературы

1. Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны. Хабаровск: [б.и.], 1999. 365 с.

УДК 947.05.088(571.6)

Н.А. Беляева

ДОКУМЕНТЫ ТАМОЖЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ИНТЕРВЕНЦИИ В ФОНДАХ РГИА ДВ

Дается обзор фондов таможенных учреждений, хранящихся в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока. Обращается внимание на значение документов таможенного делопроизводства для изучения периода Гражданской войны и интервенции.

Ключевые слова: Дальний Восток, Гражданская война, таможенные учреждения, таможенное делопроизводство, архивные фонды, источники.

Документы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока составляют важную часть источниковой базы практически любого исследования по истории Гражданской войны и интервенции на востоке страны. Сегодня исследователям доступно подавляющее большинство хранящихся в архиве фондов. Однако целые группы потенциальных источников практически не введены в научный оборот. К ним относятся и документы

из фондов таможенных учреждений, появившихся на Дальнем Востоке в первые годы XX в. и осуществлявших свою деятельность в сложный период системного кризиса русской государственности. Значение этих документов определяется ролью таможенных учреждений в обеспечении экономических, в том числе и фискальных, интересов государства. Эта функция не была утрачена и в годы Гражданской войны, что показано в исследованиях, посвященных фискальной составляющей финансовой политики белых правительств [1; 2; 3].

Согласно официальной информации среди 4143 доступных исследователям фондов Российского государственного исторического архива Дальнего Востока хранятся более 120 фондов таможенных учреждений. Среди них фонды крупнейших таможен региона – Владивостокской, Хабаровской, Благовещенской; региональных звеньев управления таможенной системой – управлений Читинского, Хабаровского, Владивостокского, Благовещенского таможенных инспекторских участков (инспекторств), Дальневосточного таможенного округа, Дальневосточного отделения Главного таможенного управления, таможенных застав и постов, в разное время действовавших на территории Приамурья и Забайкалья.

Важнейшими для исследования, безусловно, являются два фонда Владивостокской таможни. В первом из них (Ф. 25) хранятся документы дореволюционного, во втором (Ф. Р-273) советского периода – всего более тысячи единиц хранения. Крупнейшими по количеству составляющих их дел являются фонды Хабаровской (Ф. 1305) и Благовещенской (Ф. 1306) таможен – в совокупности в них содержится почти 8 тыс. единиц хранения.

Проблемы взаимоотношений таможенных учреждений с вышестоящими органами власти и управления отражены в документах Управления таможенных сборов (Ф. Р-1639), существовавшего в разные годы в составе Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности Дальневосточной республики. Отложившиеся в фонде документы выходят за хронологические рамки собственно таможенного ведомства ДВР, самые первые из них датированы 1918 г. и относятся к деятельности Управления таможенных сборов Делового кабинета Д.Л. Хорвата. Это переписка, рапорты, донесения чиновников, отчеты о работе некоторых таможенных учреждений. Несмотря на фрагментарность, эти документы позволяют представить ситуацию в таможенном

ведомстве в период с конца 1917 г. до осени 1918 г. – политизацию внутренней жизни таможни, углубляющийся раскол между чиновниками и досмотрщиками. Можно увидеть и разногласия разных «правительств» и «правителей», их стремление поставить таможню под свой контроль вплоть до вмешательства в таможенные дела. Отдельный сюжет – хаос на границе: погромы таможенных учреждений (застав и постов), избиения таможенников, расхищение таможенных складов, тяжелое (материальное, моральное, физическое) положение таможенных чиновников.

Подавляющее большинство документов периода Гражданской войны и интервенции в фондах таможенных учреждений относятся к документам таможенного делопроизводства. Наиболее распространенными является переписка, как не выходящая за рамки таможенных учреждений внутренняя, так и внешняя переписка с вышестоящими правительственными учреждениями, в разное время существовавшими на территории российского Дальнего Востока, представителями коммерческих фирм, консулами иностранных держав по вопросам ввоза/вывоза товаров, соблюдения таможенных формальностей.

Особую группу составляет служебная переписка руководителей таможенных учреждений с командованием японского экспедиционного корпуса о выработке общих позиций относительно перемещения через границу необходимых для обеспечения войск продовольствия, товаров первой необходимости. В качестве примера приведем дело из фонда Управления Хабаровского таможенного инспекторства (Ф. 1304), озаглавленное «Переписка о перевозе японцами грузов без таможенного осмотра и задержании контрабанды»¹. Отложившиеся в деле документы (140 листов), первый из которых датируется 19 ноября 1918 г., а последний 19 января 1920 г., отражают малоизвестную страницу истории отношений государственного института – таможни с воинскими формированиями интервентов. Мы имеем довольно редкий случай, когда по документам одного лишь архивного дела можно увидеть, как функционировала российская таможня в условиях политической и экономической нестабильности. Документы свидетельствуют, что защищая «интересы казенного управления» руководители таможенных учреждений демонстрировали недю-

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1304. Оп. 3. Д. 60.

жинные дипломатические способности. Лишь благодаря личным контактам в условиях хаоса и безвластия удавалось решать сложнейшие проблемы таможенного контроля.

Ситуацию, когда структуры, обеспечивавшие экономическую безопасность государства, продолжали существовать в условиях его развала и использовались разными политическими режимами в собственных интересах, можно назвать уникальной. В условиях пограничного края каждое из сменявших друг друга правительств в той или иной степени обозначало свое отношение к деятельности таможенных учреждений. Эта политика находила свое непосредственное отражение и в документах таможенного делопроизводства, в частности в большом количестве отчетной документации. Несмотря на сложную политическую обстановку в таможнях продолжали составляться текстовые и статистические отчеты о работе в целом и конфискационном производстве, различного рода справки, выполняемые по запросам государственных учреждений. Война и политическая напряженность не только не сократили документооборот, но и способствовали его многократному росту. Управляющий Владивостокской таможней И.К. Ковалевский неоднократно сетовал на обременение чинов таможни «составлением различных срочных чуть не ежедневных справок и ведомостей всевозможным товарам, требуемых разными управлениями Военного ведомства, Правительственными учреждениями, Комиссиями, Комитетами, Союзами и организациями, что едва успевали выполнять назначенные для сего отдельные чиновники»².

В фондах архива сохранился большой пласт распорядительной документации: циркуляры таможенных инспекторов, обобщающие опыт деятельности таможенных учреждений и решения возникающих проблем, разъясняющие правительственные нормативные акты; многочисленные рапорты таможенных чиновников о порядке (беспорядке) на границе, об инцидентах, участниками которых становились казаки, солдаты и офицеры российских и иностранных воинских формирований.

Сохраняется и учетная документация, к которой можно отнести различного рода счета (ассигновки), формулярные списки чиновников, которые сопровождали их на протяжении всей карьеры. Документы по личному составу, представленные делами о

² Там же. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 4–5.

службе таможенных чиновников, позволяют выделить человеческую составляющую в истории службы, проследить судьбы тех, кто прибыл в таможенные учреждения далекой окраины в первые годы XX в. и далеко не по своей воле покинет их в середине 1920-х гг. Среди документов о службе чиновников появляются прошения о пенсионном обеспечении, акты обследования состояния здоровья чиновников, прибывших в Приамурский край в первые годы XX в.

Особо отметим, что работать с документами периода Гражданской войны и интервенции чрезвычайно сложно – как копии, так и подлинники документов зачастую печатались на тонкой папиросной бумаге. Вторые и третьи экземпляры практически не читаются, текст на некоторых документах затухает, а вместе с ним безвозвратно исчезает бесценная историческая информация. Работу исследователя облегчают исторические справки к фондам. Однако они составлены в период нахождения документов в составе ЦГА РСФСР ДВ в Томске, куда архив был вывезен в годы Великой Отечественной войны и откуда он возвратился в начале 1990-х гг. Содержание некоторых исторических справок требует уточнения. С сожалением стоит отметить, что и архивные описи могут создавать дополнительные сложности: работая с конкретными делами, замечаешь, что некоторые заголовки дел были изменены в процессе систематизации. Нередко оказывается, что названия, присвоенные архивным делам в период их формирования и хранения в текущих архивах таможенных учреждений, более точно отражают содержание сформировавших архивное дело документов. Возможно, причина кроется в высоких требованиях, которые предъявляли к ведению делопроизводства и архива руководители таможенных учреждений, добиваясь неукоснительного выполнения ведомственных инструкций. Заметим, что порядок учета и хранения «исполненных бумаг» определялся циркуляром департамента таможенных сборов от 26 мая 1897 г., которым устанавливались примерные заголовки дел, предназначенных для сдачи в архив с точным указанием того, к какому разряду должно быть отнесено каждое дело. Таких разрядов было три. К первому относились дела постоянного хранения; ко второму – хранившиеся в течение определенного срока, как правило, 10 лет; к третьему – дела, подлежащие уничтожению по истечении года. Неверный, произвольный заголовок дела, не отражавший сути отложившихся в нем документов, создавал сложности

при отнесении его к определенному разряду, порождал дополнительные проблемы при решении вопроса о сроках хранения документов. Последняя проверка делопроизводства и архива была проведена в таможенных учреждениях в конце 1916 г. В ходе инспекции Хабаровский таможенный инспектор Н.Н. Котлов предлагал таможенным учреждениям точно придерживаться указаний департамента таможенных сборов и избегать неопределенных формулировок, таких как «Дело с секретной перепиской», «Дело о срочных сведениях» и пр., чтобы облегчить распределение дел по разрядам и их последующее хранение³. Именно дела, отнесенные к первому и второму разрядам, стали основой фондов таможенных учреждений, хранящихся сегодня в РГИА ДВ.

Расширение источниковой базы изучения Гражданской войны и интервенции за счет документов таможенного делопроизводства позволит дополнить проблематику исследований, по-новому взглянуть на уже разработанные историками сюжеты. В частности, выявленные и изученные нами документы из фондов таможенных учреждений Дальнего Востока дают основания для вывода о том, что независимо от политических режимов таможня пыталась стоять на страже государственных интересов – противодействовать расхищению имущества, скопившегося на таможенных складах, пресекать в условиях всеобщего безвластия на границе незаконное перемещение товаров (контрабанду), идя ради этого на компромисс с командованием японского оккупационного корпуса. Другое дело, что смысл самого понятия «интересы государства» в условиях Гражданской войны был деформирован, да и в самой таможне шло противостояние «белых» и «красных», приобретавшее иногда весьма резкие формы.

Список литературы

1. Карпенко С.В. Из истории государственной монополизации внешней торговли в России. Опыт правительства генерала П.Н. Врангеля // Экономический журнал. 2011. Т. 22. № 2. С. 118–126.
2. Карпенко С.В. Первые шаги правительства генерала А.И. Деникина по регулированию внешней торговли (август 1918 – 1919 г.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. М., 2009. № 17. С. 84–98.

³ Там же. Ф. 1251. Оп. 1. Д. 22. Л. 3–3 об.

З. Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – начало 1920 г.). Новосибирск, 2006. 212 с.

УДК 94(571)"1920/1930"

П.А. Новиков

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В 1920–1930 гг. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ**

В статье рассматриваются изменения в административно-территориальном делении Восточной Сибири с 1920 по 1930 г., исходные мотивы управленческих решений сопоставляются с их реальными последствиями.

Ключевые слова: административно-территориальные преобразования, Восточная Сибирь, губерния, область, республика, округ.

Период отечественной истории от победы большевиков в Гражданской войне до начала форсированной индустриализации и коллективизации исключительно поучителен для изучения опыта государственного строительства. На какие цели и каким образом тратились административная энергия и политические ресурсы новой власти в 1921–1928 гг.? Очевидно, что это семилетие в общем и целом было более мирным, чем предшествующие и последующие годы, как по внешнеполитическому положению нашей страны, так и по внутренней репрессивности коммунистического режима. Поэтому вполне уместен вопрос, насколько целесообразно было использовать непродолжительное «окно» возможностей на непоследовательную и противоречивую административно-территориальную «перетряску» – самую радикальную и масштабную за весь XX в.? Высокий темп и многочисленность преобразований в 1920–1930 гг. не менее удивительны, чем последовавшее к 1937 г. возвращение к практически дореволюционному делению и отказу от большинства новаций «восстановительного периода».

Материал Восточной Сибири позволяет нам наглядно проследить взаимосвязь исходных мотивов управленческих решений

и их последствий, как ожидавшихся, так и незапланированных, показать комплекс непредвиденных «подводных камней» и «побочных эффектов». Не изолируя процессы в Восточной Сибири из общегосударственного контекста, тем не менее, целесообразно обратить внимание на местную специфику, что позволит предметнее рассмотреть изменения в низовом территориальном делении и административных границах. Последним сопутствовали длительные споры соседних властных инстанций и продолжительные дискуссии экспертов. Кроме того, в начале рассматриваемого периода на административную политику влияли боевые действия в Восточном Забайкалье в 1920 г., Северной Монголии в 1921 г., Приморье в 1921–1922 гг., на востоке Якутии в 1922–1923 гг. Стратегической и тактической хитростью большевиков стало провозглашение в апреле 1920 г. Дальневосточной республики (далее ДВР), просуществовавшей в качестве «буферного» государства до ноября 1922 г.

По оценке большевиков, «административное деление Сибири, сложившееся к началу XX в., никого не удовлетворяло. Постройка Сибирской железной дороги и связанный с нею быстрый рост сибирской экономики создали перемещение центров, как административно-культурных, так и экономических, и сделали анахронизмом прежние границы» [6, с. 22]. Главными недостатками прежнего губернского-уездного деления России считались отсутствие связи со стихийно сложившимися экономическими районами, приоритет полицейско-фискальных интересов, игнорирование национального состава населения.

Старт активным административно-территориальным изменениям положила Февральская революция 1917 г. Например, К.Н. Миротворцев писал: «Среди сельского населения (Иркутской) губернии началось сильное расслоение и разграничение интересов различных категорий населения. Буряты стали выделяться в волостные единицы с чисто бурятским населением, переселенцы отмежевывались от старожилов, те и другие стали дробиться на мелкие единицы...» [1, с. VII]. В границах РСФСР с 1917 по 1922 г. число губерний выросло с 56 до 72, уездов – с 476 до 601, волостей – с 10 606 до 12 363.

В 1920 г. в Восточной Сибири частично изменены административные границы: из Иркутской губернии в Енисейскую переданы две волости – Тайшетская и Алзамайская (возвращены

в 1924 г.). Напротив, при создании в 1920 г. ДВР западная часть бывшей Забайкальской области вплоть до р. Селенги присоединена к Иркутской губернии, составив ее новый – седьмой по счету – Селенгинский уезд из шести волостей: Иволгинской, Кабанской, Кударинской, Прибайкальской, Троицкой, Турунтаевской. Селенгинский уезд также именовался «Советским Прибайкальем» или Кабанским районом.

Первой же крупномасштабной административно-территориальной реформой большевиков было создание национальных автономий в соответствии с ленинской концепцией разрешения национального вопроса. В апреле 1921 г. на территории ДВР учреждена Бурят-Монгольская автономная область, в январе 1922 г. еще одна Бурят-Монгольская (Бурятская) автономная область образована в составе РСФСР из четырех аймаков Иркутской губернии: Аларского, Боханского, Эхирит-Булагатского и Тункинского.

В феврале 1922 г. создана Якутская АССР. В 1923 г. в ее состав переданы Мухтуйская и Витимская волости, ранее входившие в Иркутскую губернию.

В мае 1923 г. принято решение об объединении двух Бурят-Монгольских автономных областей в единую Бурят-Монгольскую АССР.

В процессе образования национальных автономий особую важность и общественно-политическую остроту приобрел вопрос установления административных границ [2]. Эксперты по-разному оценивали перспективы. Например, в начале 1923 г. М.П. Соколов писал: «Весьма важно выяснить, насколько прочно вновь создавшееся деление (Иркутской) губернии, насколько этим делением достигнута цель территориально обособить бурят от прочего населения и создать для него параллельно свои собственные административные и хозяйственные учреждения. Рассматривая <...> таблицу, можно увидеть, что изъять указанные 12% бурят, рассеянных среди русского населения, не удалось <...>. Цифры таблицы показывают очевидную неизбежность в дальнейшем слияния области с губернией, так как выделение автономной области не имеет под собой прочной основы» [6, с. 5].

Альтернативную позицию сформулировал Н.Н. Козьмин: «Старая российская государственность не знала внутри общегосударственной территории политических границ. Она имела дело с границами владений и наделов. Это сказалось на психологии тех

деятелей, которым пришлось принимать участие в установлении границ Бурят-Монгольской АССР и которые не успели за короткий срок освоиться с новым пониманием, которое вытекает из природы советской государственности. И представители Иркутска, и представители Читы находились под воздействием представления, что они участвуют не в создании известной государственной территории, а в выделе как бы очень большого и своеобразного земельного надела для бурят-монгольской народности. Отсюда вытекало опасение, как бы не передать бурятам того, что должно быть сохранено в "русском достоянии". Особенно заботились, чтобы в этом русском обладании сохранилась полоса железной дороги и свободный земельный фонд. Старая привычная психология не могла освоиться с мыслью, что территория Бурят-Монгольской АССР, как и вся территория РСФСР, являются частью общесоюзной территории, и в их состав может одинаково входить свободный земельный фонд и по ним проходить полоса железной дороги. В результате получились необъяснимые без учета обстановки, в которой проходило образование республики, изломы в границах и выклинивание всех ценных в каком-либо отношении земельных участков, с которыми пришлось представителям Бурятии примириться в интересах скорейшего культурно-национального строительства и в расчете на неизбежное естественное изживание в будущем допущенных ненормальностей...» [4, с. I-II]. Распространенность представлений о тесной взаимосвязи административного деления и экономического развития иллюстрирует цитата: «При построении Бурят-Монгольской АССР была тенденция рассматривать верхнеудинское русское крестьянство как естественную финансовую базу» [4, с. III]. В другой работе Н.Н. Козьмин с удивлением констатирует продолжение русской колонизации территории Бурятии [3, с. 31].

Вторым масштабным административно-территориальным преобразованием советских властей стало «районирование» середины 1920-х гг. В рамках реформы были ликвидированы губернии, уезды и волости. Губернское и уездное деление заменено окружным. Волости объединялись и укрупнялись, а затем преобразовывались в районы, первоначально именовавшиеся «районными волостями».

В мае 1925 г. была упразднена Енисейская губерния. «Сибревкомовская Сибирь» преобразована в Сибирский край, вклю-

чавший Ойротскую автономную область и 16 округов. Сибкрайисполкому также подчинялась Иркутская губерния, районирование которой было проведено в июне 1926 г. Образованные после ее ликвидации Иркутский, Киренский и Тулуновский (упразднен в 1929 г.) округа вошли в Сибирский край. Окружное дробление в очередной раз отрицательно сказалось на налаженных хозяйственных связях.

Иначе менялось устройство автономных республик, где уезды и волости сохранялись до конца 1920-х гг. В Якутии на правах уездов функционировали округа, а в Бурятии – аймаки. Позднее округа Якутской АССР были разделены на районы, аймаки-уезды в Бурят-Монгольской АССР были разукрупнены и преобразованы в аймаки-районы.

Главной причиной второй волны преобразований указывалось несоответствие старой системы административного устройства задачам социалистического строительства. Планировалось сблизить «административно-территориальные звенья» с «экономическими зонами». Однако никакого положительного экономического эффекта не наблюдалось. Непредвиденным последствием преобразований стало продолжение напряженных территориальных споров, в которых для обоснования позиций выдвигались экономические аргументы. Наблюдался и численный рост бюрократии.

Третья реформа, последовавшая летом 1930 г., отменила вторую, упразднив просуществовавшие не более 5 лет округа. Переход к массовой коллективизации предполагал резкое расширение управленческой работы на местах и укрепление районного уровня управления. От трехуровневого административно-территориального деления (край – округ – район) перешли к двухуровневому (край – район). Острый вопрос – кто несет ответственность за противоположные преобразования, вызывающие вместо обещанного подъема экономики лишь непроизводительные траты?

Упразднение округов летом 1930 г. должно было способствовать «приближению партийно-советского аппарата к селу, к колхозам, к массам». Проявилось стремление укрепить район как основную инстанцию, где осуществляются партийные и государственные директивы. Одновременно проводилось разукрупнение краевых образований. Создан ряд национальных административно-территориальных единиц.

Однако оказалось, что такое двухуровневое деление чрезмерно громоздко. Краевой аппарат был неспособен эффективно управлять многочисленным дробным низовым звеном административной системы. Оптимизация системы управления достигалась укрупнением районной сети, объединением ряда отдаленных районов в округа и созданием внутрикраевых областей.

Таким образом, изменения административных границ в 1920–1930 гг. показывает, что коммунистические власти два десятилетия «кроили – перекраивали», чтобы в итоге «сacroить» практически на прежний, дореволюционный лад. Значительная часть административно-территориальных преобразований может быть оценена как нежизнеспособный эксперимент. Усилия тех деятелей двадцатых годов, кого сейчас бы назвали «лоббистами» и «экспертами», явно заслуживали более созидательного применения. Влияние географии оказалось сильнее как «руководящей воли партии», так и теоретических иллюзий о резком ускорении темпов экономического развития административными мерами.

Список литературы

1. Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 г. по Иркутской губернии / под ред. К.Н. Миротворцева. Иркутск, 1919. 534 с.
2. Казарин В.Н. Политические и национальные аспекты административно-территориальных преобразований в Восточной Сибири в 20-е гг. XX века. Идеи и проекты сибирских ученых и публицистов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2009. № 1. С. 139–150.
3. Козьмин Н.Н. Бурят-Монгольская АССР: географический и хозяйственный очерк. Иркутск; Верхнеудинск, 1928. 70 с.
4. Козьмин Н.Н. Основные моменты отчетного периода // Бурят-Монгольская автономная Советская социалистическая республика: очерки и отчеты. 1925–1926. Верхнеудинск, 1927. С. I–IX.
5. Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах: статистические этюды. Иркутск, 1924. 87 с.
6. Юрцовский Н. Административное деление // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 20–27.

УДК 94(47)"1929/1941"

Д.Л. Шереметьева

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ ДЕПУТАТСКОГО КОРПУСА
СОВЕТОВ В СССР (1929–1941 гг.)***

На материалах электоральной статистики установлено, что в 1929 г. общая численность депутатского корпуса в СССР составила не менее 1,5 млн чел., в 1931 г. – не менее 1,6 млн, в 1940 г. – 1,28 млн чел. Резкое сокращение числа депутатов к 1940 г. было следствием упорядочения функционирования органов государственной власти и свидетельствовало об ужесточении регулирования социальных перемещений в системе советов.

Ключевые слова: советы, депутаты, выборы, социальный лифт, СССР.

Советы в СССР к 1929 г. представляли собой сложную многоуровневую систему органов государственной власти, охватывавшую всю страну. Система была выстроена иерархично. На низовом уровне функционировали сельские и городские советы, на волостном, районном, окружном, уездном, областном и краевом уровнях были соответствующие съезды советов, на высшем уровне – республиканские съезды советов и Съезд советов СССР. Многоступенчатые выборы, начинавшиеся с избирания членов сельских и городских советов и заканчивавшиеся Съездом советов СССР, подразумевали стремительную вертикальную мобильность, благодаря которой рядовой труженик мог в одночасье стать делегатом Съезда советов СССР и даже членом ЦИК СССР. Иерархичность, всеохватность и наличие механизмов ротации позволяют рассматривать советы как мощный социальный лифт.

На протяжении 1930-х гг. система советов подверглась коренной перестройке, что не могло не отразиться на объеме данного социального лифта. Для определения «пропускной способности» системы советов необходимо ответить на базовый вопрос о динамике численности советского депутатского корпуса.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

Основным источником для изучения численности советских депутатов является электоральная статистика. Официально опубликованные цифры задают отправную точку для исследования темы.

Накануне коллективизации в ходе избирательной кампании зимы 1928 – весны 1929 г. в сельские советы в СССР было избрано не менее 1,4 млн членов, в городские советы – 117,8 тыс., в волостные и районные советы – 370,6 тыс. членов. На уездные и окружные съезды советов СССР было делегировано 68,5 тыс. чел. Делегатами областных, краевых и губернских съездов советов РСФСР стало 8,1 тыс. чел., съездов советов автономных республик РСФСР – 2,4 тыс., съездов советов автономных областей РСФСР – 2,5 тыс. чел. В работе XIV Съезда советов РСФСР участвовало 1158 делегатов с решающим голосом. На V Съезде советов СССР присутствовало 1675 делегатов с решающим голосом. В целом в СССР депутатский корпус насчитывал не менее чем 1,5 млн чел., которые являлись владельцами около 2 млн депутатских мандатов¹. Депутатов было меньше, чем мандатов, так как часть из них являлась депутатами региональных, республиканских и всесоюзных съездов, проходивших друг за другом.

Удельный вес впервые избранных депутатов зимой 1928 – весной 1929 г. составил 63%, причем доля «новичков» варьировалась в диапазоне от 59% на окружных и уездных съездах советов до 70% на губернских съездах советов². Такое колоссальное обновление депутатского корпуса свидетельствовало о высоком уровне ротации и исключительной мобильности в системе советов.

Следующая масштабная избирательная кампания состоялась зимой 1930 – весной 1931 г. в условиях массовой коллективизации. По официальным данным, в СССР в сельские советы было избрано 1,5 млн членов, в городские советы – 141,1 тыс., в районные советы – 372,2 тыс. членов. Делегатами областных и краевых съездов советов РСФСР стало 10,5 тыс. чел., съездов советов автономных республик РСФСР – 3,3 тыс., съездов советов автономных областей РСФСР – 3 тыс. чел. В работе XV Съезда советов РСФСР участвовали 1213 делегатов. На VI Съезде советов СССР присутствовало 1576 делегатов. Численность всего депутатского корпуса

¹ Подсчитано по: Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1929 г. М., 1929. С. 66–82.

² Там же.

достигла не менее 1,6 млн чел., которые владели почти 2 млн мандатов³.

То есть объем социального лифта почти не изменился. Это объясняется компенсировавшими друг друга факторами: ликвидацией окружного уровня советов в ходе административно-территориальной реформы и увеличением числа членов низовых и районных советов и делегатов областных, краевых и республиканских съездов.

Доля впервые избранных в советы в 1931 г. составила в среднем 65%, т.е. масштаб обновления депутатского корпуса советов незначительно увеличился⁴.

В конце 1934 г. началась подготовка к очередной массовой кампании выборов в советы СССР. Выборы проходили под лозунгами «высокой организованности» и «сплоченности рабочего класса и коллективизированного крестьянства». Сроки кампании были сжатыми, все избирательные собрания и съезды должны были пройти в течение месяца.

Результаты выборов были опубликованы по данным на 20 января 1935 г. В СССР в сельские советы было избрано 1,25 млн членов, в городские советы – 156,2 тыс., на районные съезды советов было делегировано 191,6 тыс. депутатов⁵. Число делегатов областных и краевых съездов, съездов советов автономных республик и автономных областей РСФСР не сообщалось. На XVI Съезде советов РСФСР присутствовало 1293 делегата с решающим голосом⁶. На VII Съезде советов СССР было 2022 делегата с решающим голосом⁷. В совокупности депутатский корпус СССР насчитывал не менее 1,4 млн чел., которые владели не менее чем 1,6 млн мандатов.

Эти данные, скорее всего, не полные. Резкое, четырехсот-тысячное сокращение количества депутатских мандатов в 1934 г. было маловероятно. Механизмы социальной мобильности в Со-

³ Подсчитано по: Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. М., 1931. С. 27, Таблицы. С. 18–19, 22–23, 30, 38–39, 46–47.

⁴ Подсчитано по: Выборы в советы и состав органов власти в СССР в 1931 г. Таблицы. С. 18–19, 22–23, 30, 38–39, 46–47.

⁵ Подсчитано по: Выборы в советы в СССР. 1934–1935 гг. М., 1935. С. 82, 83, 87.

⁶ XVI Всероссийский съезд советов: [стеногр. отчет]. М., 1935. Заседание десятое. Бюллетень № 10. С. 1.

⁷ Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. М., 1939. С. 235–236.

ветском Союзе воспроизводились несмотря на ускоренные темпы избирательной кампании и голод.

Удельный вес впервые избранных в сельсоветы и горсоветы РСФСР в 1934 г. составил около половины⁸. Номинально масштаб обновления депутатского корпуса советов снизился примерно на 15%.

5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайный съезд советов СССР утвердил новую Конституцию, которая стала важнейшей вехой в изменении функционирования советов как социального лифта. Устанавливалось всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право при выборах в советы всех уровней. Советы стали постоянно действующими органами государственной власти и управления. Полномочия Съезда советов и ЦИК СССР перешли к Верховному совету СССР. Из-за большой численности населения в ряде крупных городов появился новый уровень низовых советов – районные советы в городах [2, с. 204, 218, 219]. Условные нормы представительства населения в советах были заменены тотальным регулированием количества депутатов по каждому избирательному округу. Одновременно было запрещено избирать одного человека в несколько советов. Депутаты больше не могли перемещаться через несколько уровней системы советов в пределах одного избирательного цикла, как это было прежде. Социальные перемещения, следовательно, замедлялись и упорядочивались.

После принятия Конституции выборы в советы прошли по нисходящему принципу: 12 декабря 1937 г. граждане СССР выбрали депутатов Верховного совета, 28 июня 1938 г. – Верховного совета РСФСР, 24 и 29 декабря 1939 г. были проведены выборы в местные советы СССР.

В Верховный совет СССР было избрано 1143 депутата, в Верховный совет РСФСР – 727 депутатов. В РСФСР депутатами краевых советов стали 649 чел., областных – 3,4 тыс. чел., советов автономных областей – 398 чел., советов национальных округов – 379, советов административных округов – 504 чел., районных советов – 82,1 тыс. чел., городских советов – 62 тыс., районных советов в городах – 30,4 тыс., сельских и поселковых советов – 644 тыс.

⁸ Подсчитано по: Предварительные итоги выборов в советы РСФСР. М., 1935. С. 34, 72.

чел. Всего же в СССР, по сообщению газеты «Правда», было избрано 1,28 млн депутатов⁹.

По сравнению с 1931 г. число депутатских мандатов сократилось более чем на 700 тыс., а депутатский корпус уменьшился не менее чем на 320 тыс. чел. Т.е. в реформированном виде вместимость системы советов значительно сократилась.

Число и доля депутатов, избранных впервые в 1937–1939 гг., в официальной итоговой статистике не сообщались. Однако журнал «Пропаганда и агитация» проинформировал, что в городских советах доля депутатов, избранных впервые, составила 69%, а в сельских советах – 60,9% (см.: [1, с. 46]). Из этого следует, что динамика обновления советов сохранялась на прежнем исключительно высоком уровне.

В перерывах между масштабными избирательными кампаниями численность депутатского корпуса резко уменьшалась в связи с ослаблением пропагандистской и административной мобилизации населения государством. Советы иногда созывались всего один–два раза в год, при этом кворум составляло простое большинство депутатов.

Подлинную численность депутатского корпуса советов СССР в 1929–1941 гг. почти невозможно определить из-за не прекращавшегося масштабного перемещения людей в советах. Можно назвать только приблизительные цифры: не менее 1,5 млн депутатов в 1929 г., не менее 1,6 млн депутатов в 1931 г. и 1,28 млн депутатов в 1940 г. Такое сокращение не было результатом целенаправленной политики. Напротив, в пропаганде постоянно воспроизводился стереотип «роста числа депутатов вследствие увеличения численности населения СССР». Сокращение депутатского корпуса было побочным следствием комплекса факторов: перестройки системы советов, изменения административно-территориального деления, централизации и упорядочения системы государственного управления.

Список литературы

1. *Гаврилов С.О.* Местные советы Российской Федерации в предвоенный период. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. 373 с.

⁹ Правда. 1940. 5 янв.; Итоги выборов в местные советы депутатов трудящихся РСФСР. 24 декабря 1939 г. М., 1940. С. 4.

2. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: октябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М.: Изд-во РГГУ, 1994. 418 с.

УДК 94(47):316.44"193"

А.И. Савин

СОВЕТСКАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ В 1930-е гг.*

В публикации исследуются трансформации института общеобразовательной школы в 1930-е гг. и их воздействие на социальную мобильность населения. Главное внимание уделяется политике «политехнизации» школьного образования в 1930–1931 гг. Делается вывод о том, что только отказ от революционного экспериментирования и устранение институциональных дефектов позволили к концу 1930-х гг. выстроить единую гомогенную систему народного образования с унифицированными учебными стандартами, что превратило институт школьного образования в эффективный лифт социальной мобильности.

Ключевые слова: общеобразовательная школа, социальная мобильность, политехнизация, школьное строительство.

Система советского школьного образования к концу нэпа находилась в процессе становления и развития, причем в этом процессе преобладали положительные тенденции: увеличивалась общая численность школ и учащихся, улучшалась материально-техническая база, росло число педагогов, постепенно сокращалась резкая диспропорция между начальной и средней школой, усиливалась преемственность между средней и высшей школой. При условии дальнейшего устранения институциональных препятствий и поступательного развития советская школа обещала превратиться в действенный лифт социальной мобильности, способный обеспечить образованными кадрами непосредственно профессионально-техническое и высшее образование и опосредованно – экономику и управление. Однако в годы сталинской «революции сверху» на сферу школьного образования в буквальном

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

смысле обрушились радикальные преобразования, поставившие под вопрос само существование школы в качестве традиционного института народного образования и главного источника рекрутирования студенчества.

Количественную «революционную» составляющую трансформации сферы общеобразовательной школы было призвано обеспечить введение всеобщего обязательного начального обучения, а также обязательного обучения в объеме фабрично-заводской школы-семилетки (ФЗС) в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках, о чем было объявлено с трибуны XVI Съезда ВКП(б). Кроме того, предусматривался «охват школами колхозной молодежи основной массы колхозной молодежи».

Качественная составляющая заключалась в так называемой политехнизации школьной сферы: начальная и «повышенная» школа прикреплялась к промышленным предприятиям, совхозам, колхозам и МТС. Основу учебного процесса, непосредственно увязанного с производственным процессом, теперь должно было составлять «трудовое обучение» в форме так называемого «метода проектов», горячим сторонником которого являлась Н.К. Крупская. «Метод проектов» предполагал выполнение школьниками производственных заданий с использованием полученных в школе знаний в рамках договоров, которые заключались между школами и производственными организациями. Например, школы крестьянской молодежи по договору производили для колхозов подсчеты трудодней, занимались обмером сельскохозяйственных площадей и т.д.

Главная идея реформы сводилась к тому, что «старая» предметная «схоластическая» школа уделяет слишком много внимания общеобразовательным задачам в ущерб интересам пролетариата, в то время как советская школа не должна стоять в стороне от «бурной жизни». В «политехнической» школе учитель в первую очередь должен был «идеологически воспитывать» детей, а уж только потом учить их. Во главе процесса «перевода школы на рельсы политехнизма» оказались наиболее левые деятели Наркомпроса, которые требовали «освободить» школу от «традиционных излишеств», пересмотреть все учебные программы с точки зрения «ускорения темпа».

1930 г. был объявлен годом «массового движения за политехническую школу». Прикрепление школ к производственным предприятиям, колхозам и совхозам осуществлялось в течение года в рамках кампании под руководством партийных организаций, органов РКИ, профсоюзов и комсомола. По состоянию на 15 апреля 1931 г., по РСФСР (без учета автономий) из 36 716 школ 1-й ступени были прикреплены к производству 20 406 (65,5%), из 1967 ФЗС – 1912 (97,5%), из 2720 ШКМ – 2543 (93,6%)¹.

С точки зрения статистики реформа протекала вполне успешно. План введения всеобщего начального образования был практически реализован в РСФСР к середине 1931 г., охват детей начальной школой увеличился в РСФСР до 92,5%. Если количественные показатели в целом свидетельствовали о серьезных успехах, то с точки зрения качества образования переход от «словесной», «предметной» школы к «развернутой политехнической школе» и организация производительного труда учащихся путем непосредственного обучения на предприятиях поставили под вопрос само существование системы школьного образования. На практике вся «политехнизация» сводилась преимущественно к эксплуатации детей, причем главным образом на «черновой» подсобной работе.

Руководство предприятий не было заинтересовано в том, чтобы допускать школьников к станкам или сложным сельскохозяйственным машинам, что было чревато поломками, производственным браком, травмами и нарушением производственного процесса в целом. В результате, по свидетельству народного комиссара просвещения РСФСР А.С. Бубнова, имели место «случаи недопустимой нагрузки на ребят и даже изматывание их на совершенно непосильной для детей и подростков работе», вплоть до работы во вредных цехах. Труд учащихся никак не регламентировался, особенно в деревне, дети вместо учебы зачастую работали по 10–12 часов, руководство колхозов и совхозов рассматривало их как источник дармовой рабочей силы. В итоге «совершенно игнорировались цели обучения и воспитания, связанные с производственным трудом школьников»². В лучшем случае политехнизм подменялся «узким ремесленничеством».

¹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 38. Л. 45.

² Там же. Л. 48–49.

Еще одним крайне негативным следствием реформы стала попытка фактически ликвидировать среднюю школу как главный источник рекрутирования студенчества. Не сумев в годы нэпа добиться «пролетаризации» средней школы, которая продолжала оставаться преимущественно уделом выходцев из интеллигенции, революционеры от образования предпочли ее разрушить. Подавляющее большинство средних школ было преобразовано в техникумы или закрыто. В 1932 г. в РСФСР осталось всего четыре средних школы. В общем контексте политики максимальной утилитарности и «технизации» народного образования это решение, очевидно, выглядело на тот момент вполне оправданным в глазах партийно-советского руководства СССР.

Начало определенного отрезвления и «отката» от политики политехнизации общеобразовательной школы, очевидно, можно датировать весной–летом 1931 г. Партийно-советское руководство СССР постепенно стало осознавать необходимость выбирать между «плюсами» политехнизации школьного образования в виде «орабочения» школьников, в том числе выходцев из интеллигенции и «прочих» групп населения, а также их усиленной идеологической обработки и «минусами» провала общеобразовательной теоретической подготовки и, как следствие, провала всей системы профессионально-технической и высшей школы. То, что такое понимание присутствовало, продемонстрировали постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и средней школе» и от 25 августа 1932 г. «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школы». В своих правах была восстановлена классно-урочная система обучения с индивидуальными оценками успеваемости и экзаменами, «действительное, прочное и систематическое усвоение детьми основ наук, знание фактов и навыки правильной речи, письма, математических упражнений» были объявлены главной задачей школы.

Партийно-государственная политика и реальные процессы школьного строительства в последующие годы, особенно в период 1933–1936 гг., убедительно продемонстрировали, что с революцией в сфере общеобразовательной школы было покончено. Отказ от политехнизации школьного образования привел к тому, что руководство СССР стало уделять основное внимание не политико-идеологическим, а материально-техническим вопросам школьного строительства, формированию «классической»

структуры средней школы и возвращению к традиционным формам учебы.

Одним из главных направлений деятельности стало расширение сети школ, в первую очередь – за счет возврата в ведение союзных Наркомпросов школьных зданий, занятых посторонними учреждениями. В течение 1932–1940 гг. был принят целый ряд постановлений высших партийно-государственных органов, требовавших использовать школьные здания только по прямому назначению. В качестве серьезного институционального препятствия на пути качественного улучшения учебного процесса руководством СССР также рассматривалась так называемая «многосменность», когда школьники учились в две, а зачастую и в три смены.

«Многосменность» была прямым следствием дефицита школьных зданий, количество которых не поспевало за ростом численности учащихся, в первую очередь – в городах. По личной инициативе И.В. Сталина в начале 1935 г. была создана комиссия по ликвидации сменности в школах и нового школьного строительства, поставившая весьма амбициозные задачи. За счет крупных капиталовложений в строительство школьных зданий планировалось к 1939 г. добиться ликвидации вторых смен во всех городских школах. В городах и рабочих поселках школы строились главным образом наркоматами и ведомствами. На селе строительство школ было полностью возложено на плечи местных властей и колхозов. Финансировалось строительство школ главным образом за счет самообложения населения и отчасти – местного бюджета. Сельская школа была здесь безусловным аутсайдером, государство было заинтересовано в первую очередь в расширении сети городских школ. Например, на строительство сельских школ в РСФСР в 1935 г. предлагалось предусмотреть в местных бюджетах всего 3 млн руб., в то время как только Москве предлагалось выделить около 60 млн руб. Для колхозов строительство школ в форме так называемого трудового участия являлось дополнительной обременительной повинностью, в результате и председатели колхозов, и рядовые колхозники систематически уклонялись от бесплатной мобилизации тягловой и рабочей силы.

Количественный рост школ и укрепление материально-технической базы сопровождались перестройкой организации и

содержания учебного процесса. Главной задачей общеобразовательной школы теперь было объявлено высокое качество подготовки. Высшее руководство страны, в свою очередь, уделяло пристальное внимание вопросам организационного характера, призванным стабилизировать и унифицировать развитие школы. 15 мая 1934 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы», в соответствии с которым вводилась четкая организационная структура в виде четырехклассной начальной школы, семиклассной неполной средней и десятиклассной средней школы. По сути, создавался единый цельный организм средней школы с четкой преемственностью между типами школ. Лица, окончившие неполную среднюю школу, имели право преимущественного поступления в техникумы, среднюю школу – в высшие учебные заведения³. В тот же самый день были приняты еще два постановления СНК СССР и Политбюро ЦК ВКП(б): «О преподавании гражданской истории в школах СССР» и «О преподавании географии в начальной и средней школе СССР». Первое фактически легализовало традиционное «позитивистское» преподавание истории, хотя и в марксистской трактовке, второе предписывало создать новые программы и учебники географии.

В результате система школьного образования набрала во второй половины 1930-х гг. годов, несмотря на все недостатки и дефициты, «крейсерскую» скорость, и речь теперь шла преимущественно о поддержании темпов роста. Всего, по данным СНК СССР, за 1936–1939 гг. в СССР было построено 13 727 новых школьных зданий на 3 714 220 ученических мест⁴. Всего в 1940/41 учебном году в СССР насчитывалось 199 тыс. школ всех типов, в которых 1 млн 237 тыс. учителей обучали 35 млн 528 тыс. школьников, в том числе 2 млн 558 тыс. чел. составляли ученики 8–10-х классов. Важным для характеристики состояния института школьного образования в целом следует признать тот факт, что численность учеников средних школ (12,2 млн чел.) превзошла численность учеников начальной школы (9,8 млн) и примерно равнялась численности учащихся семилетней школы (12,5 млн чел.)⁵.

³ Там же. Д. 39. Л. 46. Постановление было подготовлено комиссией в составе А.С. Бубнова, А.А. Жданова и А.И. Стецкого.

⁴ Культурное строительство в СССР: стат. сб. М.; Л., 1940. С. 40.

⁵ Народное хозяйство в СССР в 1956 г.: стат. сб. М., 1956. С. 222–223.

С точки зрения социальной мобильности, резкое увеличение численности учащихся школ в начале 1930-х гг. может рассматриваться как положительный момент. Тем не менее всеобщее начальное и неполное среднее образование, являвшееся на это время главным массовым сегментом института общеобразовательной школы, могло обеспечить только «короткие» лифты социальной мобильности. В условиях, когда в СССР по-прежнему насчитывались десятки миллионов неграмотных и даже представители партийно-государственной элиты редко могли похвастать образованием в объеме дореволюционной гимназии, не говоря уже о высшем образовании, знания в объеме начальной школы действительно могли способствовать успешным социальным перемещениям. Однако в таком случае образование было только одним и далеко не самым важным фактором мобильности.

Важным институциональным препятствием на пути образовательной и в конечном итоге социальной мобильности являлась плохая преемственность и диспропорции между различными ступенями в общеобразовательной школе, а также между школой и профессионально-техническим и высшим образованием. Однако государству удалось к концу 1930-х гг. за счет вливания значительных материальных средств в целом устранить это препятствие, выстроив единую, внутренне синхронизированную гомогенную классическую систему народного образования с унифицированными учебными стандартами, что позволило вовлечь в процесс образовательной мобильности миллионы молодых людей, при этом «короткие лифты» значительно «удлинились». Таким образом, отказ от революционного экспериментирования и устранение институциональных препятствий превратили институт школьного образования к концу 1930-х гг. в действенный лифт социальной мобильности.

УДК 327

А.А. Киреев

**МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ ПОГРАНИЧНОЙ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)***

В докладе представлена описательная модель пограничной политики в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), основанная на концепции политико-управленческого цикла. Опираясь на анализ описательной модели, автор формулирует предложения по созданию нормативной модели пограничной политики, отвечающей планам по развитию трансграничных отношений региона.

Ключевые слова: пограничная политика, ДФО, политико-управленческий цикл, региональное развитие.

Пограничная политика (ПП), наряду с внешней и внутренней, образует один из основных компонентов современных политических систем. В динамическом аспекте ПП – это политический процесс, направленный на регулирование трансграничных отношений данной общественной системы (страны или региона) в целях обеспечения ее безопасности и развития. При этом эффективность российской ПП, по оценкам и граждан, и представителей государства, длительное время остается неудовлетворительной. Ярким проявлением этого можно считать безуспешность предпринимаемых с 2007 г. федеральным центром попыток использовать приграничное положение ДФО для резкого ускорения его социально-экономического развития. Несмотря на принятые программные документы, ряд нормативных актов и внушительный объем бюджетных вложений, трансграничные отношения со странами АТР до сих пор так и не стали значимым фактором роста населения и экономики региона.

Это обусловлено прежде всего тем, что совершенствование ПП в ДФО носит бессистемный, фрагментарный характер. Происходящее «латание дыр» не опирается на анализ и моделирование сложившейся системы ПП и поэтому в принципе не может дать ожидаемого эффекта. Давно назревшее реформирова-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-50119.

ние ПП в регионе должно быть основано на построении ее описательной, а затем и нормативной модели. Краткой характеристике описательной и нормативной моделей ПП в ДФО (на ее федеральном, окружном и региональном уровнях) и посвящен предлагаемый доклад.

Теоретико-методологической базой моделирования ПП послужил системный подход, а точнее, созданная в его рамках концепция политико-управленческого цикла. Согласно этой концепции, намеченной еще в трудах Г. Саймона и Г. Лассуэла и продолжающей активно обновляться [1], политическое управление – это процесс функционального воспроизводства политической системы во взаимодействии с окружающей средой (включая объект управления), который состоит из устойчивой циклической последовательности фаз управленческой деятельности. В настоящей работе была использована та модификация концепции политико-управленческого цикла, которая представлена в публикациях Д. Истона [4; 5] и Г. Алмонда и Дж. Пауэлла [3]. При этом в применяемые этими авторами для обозначения фаз и субъектов (структур) политического цикла понятия были внесены некоторые коррективы, уточняющие их значения с учетом специфики моделируемой политики.

Построение на основе данного теоретического аппарата описательной модели цикла российской ПП сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, несмотря на то, что правовые основы постсоветской ПП были заложены еще в 1996 г., в качестве относительно целостной институционально-правовой системы она сложилась не ранее первой половины 2000-х гг. Во-вторых, начавшееся в первые годы XXI в. реформирование системы ПП все еще не вполне завершено. Кроме того, изменения в этой системе происходят под влиянием преобразований в смежных подсистемах политической системы РФ и, прежде всего, в сфере региональной политики. В ДФО к числу таких преобразований можно отнести создание Минвостокразвития (2012 г.), принятие законов о ТОРах и свободном порте (2015–2016 гг.). В-третьих, нынешняя система российской ПП чрезвычайно сложна. Она состоит из множества субъектов, функции и отношения которых остаются законодательно не вполне определенными, запутанными. Так, по некоторым данным, в отношения по обеспечению безопасности в пограничной сфере в России вовлечены не менее 30 органов госу-

дарственной власти, 45 региональных администраций и 250 органов местного самоуправления [2].

Учитывая последнее, в ходе описательного моделирования российской ПП автор стремился к выделению наиболее важных ее субъектов, играющих ключевую роль в выполнении отдельных функций политико-управленческого цикла или сосредотачивающих в своих руках ряд таких функций.

Анализ политико-концептуальных и нормативно-правовых документов, материалов СМИ показывает, что многочисленные субъекты российской ПП в высокой степени неравны по своему статусу и функциональной значимости в ее цикле. Основные субъекты ПП сконцентрированы в сфере исполнительной власти. Предельно общие, стратегические приоритеты ПП страны определяют Президент РФ, Совет Безопасности и Правительство. Кроме того, они задают принципиальную организацию осуществления данной политики, устанавливая состав и иерархию ее субъектов. Наконец, им принадлежат функции высшего контроля за реализацией ПП.

Специализированным субъектом ПП РФ, координирующим деятельность большинства других ее субъектов и тем самым поддерживающим на федеральном уровне целостность всего ее цикла, является Государственная пограничная комиссия (ГПК), входящая в структуру Правительства. В компетенцию ГПК входят такие функции конверсии, как определение основного содержания курса ПП страны, организация ее реализации и контроль. Аккумулируя и обобщая значительный объем информации о состоянии границ и трансграничных отношений России, поступающей от координируемых структур, ГПК выполняет и функции входа.

В рамках своей отраслевой компетенции функции конверсии в цикле ПП выполняют также федеральные министерства, службы и агентства, такие как ФСБ, МО, МИД, МВД, ФТС, ФМС, Россельхознадзор и целый ряд других. Кроме того, через свои территориальные органы окружного и регионального уровня министерства и ведомства осуществляют функции выхода, т.е. непосредственного регулирования трансграничных отношений, извлечения и распределения ресурсов. Особое место среди федеральных исполнительных органов занимает ФСБ (и входящая в ее состав ПС), поскольку она решает задачи опера-

тивной координации работы различных ведомств, отвечающих за безопасность границы.

Важно отметить, что через свои территориальные органы федеральные министерства, службы и агентства, участвующие в цикле ПП, реализуют также и функции входа. Это происходит главным образом посредством сбора статистики по утверждаемому каждым ведомством набору формальных показателей. Возможным каналом получения дополнительной входящей информации о трансграничных отношениях для ведомств являются существующие при них общественные советы, однако артикулирующие и агрегирующие возможности последних крайне незначительны.

Достаточно влиятельными субъектами ПП выступают полпреды Президента в федеральных округах и главы администраций приграничных регионов. Входя в состав ГПК и будучи руководителями соответственно окружных и региональных пограничных комиссий, они могут принимать участие в определении курса и организации реализации ПП, а также в контроле за ее реализацией. При этом, однако, следует учитывать, что, в отличие от ГПК, возглавляемые ими окружные и региональные пограничные комиссии вправе принимать в отношении координируемых органов своего уровня только рекомендательные решения. Кроме того, полпреды и губернаторы не располагают собственными институтами входа ПП и в высокой степени зависимы в этом аспекте от территориальных органов федеральных ведомств.

Характеризуя место в описательной модели ПП судебной власти, следует подчеркнуть, что роль ее федеральных и региональных органов в основном состоит в содействии институтам исполнительной власти в осуществлении ими функций выхода. Контролирующие функции в цикле ПП федеральные и региональные суды выполняют лишь эпизодически, при рассмотрении исков участников трансграничных отношений к государственным ведомствам.

Участие в цикле ПП групп интересов, партий и органов законодательной власти является в целом нерегулярным и малозначимым. Специализируясь на функциях входа, данные институты, тем не менее, пропускают через себя намного меньший объем информации о трансграничных отношениях, чем органы исполнительной власти. Наибольшим влиянием на изучаемый политиче-

ский цикл среди представительских институтов обладают палаты Федерального собрания, наряду с артикуляцией и агрегацией интересов в определенной мере вовлеченные и в процесс определения курса ПП. Однако недостаточная институализированность и низкая пропускная способность каналов информации, соединяющих российский парламент с участниками трансграничных отношений, существенно ослабляет его роль в системе ПП РФ.

Анализ описательной модели ПП выявляет значительную неравномерность развития различных стадий и уровней ее цикла. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд предложений для создания нормативной модели российской ПП и, соответственно, рекомендаций по дальнейшему реформированию ее системы:

1) Необходимо оптимизировать механизм цикла ПП на федеральном уровне, увеличив и сбалансировав его информационную пропускную способность на всех основных стадиях – входа, конверсии и выхода. Это предполагает:

а) расширение возможностей Федерального собрания в осуществлении функций артикуляции, агрегации и определения курса ПП за счет создания в обеих палатах специализированных комитетов, включающих в свой состав представителей регионов, парламентских партий, крупнейших групп интересов и имеющих постоянное представительство в ГПК;

б) усиление контроля федеральных и региональных судов, органов прокуратуры за законностью решений и действий ГПК и координируемых ею федеральных министерств, служб и агентств.

2) Для преодоления информационной перегрузки центральных органов власти и повышения восприимчивости ПП к территориальным особенностям трансграничных отношений и их динамике необходимо сформировать в ее системе автономно функционирующие циклы окружного и регионального уровней. Это предполагает:

а) определение перечня вопросов, относящихся к сферам исключительного ведения окружных и региональных пограничных комиссий;

б) предоставление окружным и региональным комиссиям в своих сферах ведения полномочий по принятию обязывающих решений и контролю за их исполнением территориальными

органами федеральных ведомств, региональными и местными властями;

в) создание правовых и организационных условий для широкого и регулярного участия представителей партий, групп интересов, региональных парламентов и муниципалитетов в определении курса ПП в пределах сфер ведения окружных и региональных комиссий.

Переход от существующей гиперцентрализованной модели ПП к более сбалансированной трехуровневой целесообразно начать с ДФО. Совмещение функций окружного полпредства и Минвостокразвития, последующее расширение полномочий последнего оказались недостаточными для решения новых задач региональной политики. Простое перераспределение власти между федеральными и окружными исполнительными органами не смогло изменить сам громоздкий механизм бюрократического управления ДФО и его границами, с присущими ему длительными согласованиями, межведомственными противоречиями и размытой ответственностью, постоянным оспариванием и неисполнением уже принятых решений. Практика работы Минвостокразвития показала, что в реформировании нуждается вся система ПП, весь ее цикл – от выявления интересов участников трансграничных отношений до реализации конкретных мер по регулированию их деятельности чиновниками на местах. Только появление на уровнях округа и входящих в него регионов самостоятельных и ответственных центров принятия решений в области ПП с собственными каналами входа и выхода может преодолеть управленческий кризис. Внедрение трехуровневой модели ПП в ДФО могло бы не только ускорить модернизацию пограничных пропускных пунктов, либерализацию режимов ТОРов и свободных портов, но и содействовать преодолению общей рассогласованности между ПП в регионе и действующими программами регионального развития. В случае успешной апробации в ДФО новая модель системы ПП может быть распространена на другие федеральные округа.

Список литературы

1. *Дегтярев А.А.* Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике: динамический цикл и его основные

фазы: [электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Degtyaryov_2004_4.pdf (дата обращения: 10.08.16).

2. *Шилова Н.В.* Правовое обеспечение безопасности Российской Федерации в пограничной сфере // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2009. № 12. С. 7–20.

3. *Almond G.A., Powell G.B.* Comparative Politics: A Theoretical Approach. N.Y.: World View, 1996.

4. *Easton D.* The political system: An inquiry into the state of political science. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1953.

5. *Easton D.* A systems analysis of political life. N.Y.: John Wiley and Sons, 1965.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАРОДОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

УДК 94(47)

Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОКРАИНЫ В СИСТЕМЕ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ XVI–XX вв.

Рассматривается территориальная экспансия России XVI–XIX вв., окраинная политика правительства, значение национального фактора во внутренней политике империи, проводится сопоставление правительственной политики на различных окраинах государства и отмечаются ее особенности.

Ключевые слова: российская территориальная экспансия, окраинная политика, нерусские народы, инкорпорация.

Одной из важнейших особенностей исторического развития России был фактор ее «огромности». На протяжении XVIII и XIX вв. площадь государства и численность его народонаселения неуклонно увеличивались. Все европейские страны по росту народонаселения существенно отставали от России, и к 1914 г. каждый третий житель Европы был подданным российского монарха (32%). Еще одной важной исторической особенностью России стал фактор ее многонациональности. Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа Средней Азии превратили ее в многонациональную империю. В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т.д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русского населения приходилось 95% населения России, то в начале XX в. – только 44,6% [3, с. 20, 25].

Процесс «оцентрирования границ» завершился во второй половине XIX в., когда окончательно устанавливаются границы империи. К осени 1917 г. российская монархия представляла собой унитарное централизованное государство, единство которого обеспечивалось и олицетворялось императором. На практике же Россия являла собой конгломерат административных единиц, неравнозначных по экономическому и политическому развитию, далеко не однородных по этническому и конфессиональному составу населения. Еще раз подчеркнем, что к 1917 г. большую часть населения империи составляли нерусские народы, проживающие преимущественно на окраинах государства. На протяжении всей истории существования империи национальный вопрос оставался весьма сложной проблемой для правительства. Россию не раз сотрясали мощные национальные конфликты. Поэтому центральные власти были вынуждены учитывать национальный фактор в своей политике.

Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Однако одним из наиболее важных принципов выстраивания дискурса центр – национальная окраина (периферия) был вопрос о характере вхождения той или иной территории в Россию, о существовании или, наоборот, отсутствии в ней государственности, общепризнанных в Европе норм права и т.д. Именно это обстоятельство предопределило появление своеобразных политических автономий на территории Российской империи, какими, например, были Польша и Финляндия.

Этнический фактор накладывал несомненный отпечаток на формирование административной инфраструктуры государства. Она была вынуждена учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до названия административно-территориальных единиц и должностных лиц, традиционного «национального» законодательства. На окраинах допускалось даже «иностранное» самоуправление на низшем уровне. Разумеется, эта система неоднократно трансформировалась в соответствии с изменениями административно-территориального устройства империи в целом. Однако общим для всех национальных окраин оставалась концентрация основных властных полномочий в руках

центра и лишь определенная трансляция этих полномочий местным органам власти. Соотношение полномочий центра и периферии были просто несопоставимы.

На национальных окраинах влияние этносоциального фактора особенно рельефно проявилось на начальных этапах инкорпорации территорий. Во всех регионах – Польше, Финляндии, Кавказе, Сибири – наблюдается стремление царизма опереться на национальную элиту [2, с. 6–60]. После взятия Казани привилегии и земли лояльной татарской аристократии были сохранены, на национальных окраинах Урала, Сибири, Дальнего Востока шел процесс формирования местных элит, состоящих из представителей родовой знати и старшин местных народов, представители родоплеменной знати в массовом порядке принимались на русскую службу, им присваивались русские классные чины, вручались именные подарки и т.д. Более того, в регионах, коренное население которых до прихода русских не знало письменных законов, центральные власти официально предписывали при разборе «маловажных дел» руководствоваться нормами обычного права коренных народов. Предпринимались даже попытки их кодификации.

В истории России при выстраивании взаимоотношений центральных властей с национальными окраинами имели место случаи протекционистской политики по отношению к этим регионам и его населению, предоставления им существенных налоговых льгот по сравнению с населением «внутренних» губерний империи. Так, например, своя финансовая система существовала в Финляндии. Без одобрения сейма вводить новые налоги в Финляндии было нельзя. Великое княжество имело свою таможенную границу, а таможенное законодательство предоставляло право беспошлинной торговли с Россией, в то время как российские товары облагались пошлиной. Денежные средства оно имело право хранить в зарубежных банках. Для другой западной окраины – Польши – конституция 1815 г. гарантировала несомненную самостоятельность в области финансов. Именно в этой важнейшей экономической сфере деятельности государства правительство Царства обладало наибольшей независимостью. В 1815–1830 гг. Царство Польское было наделено важнейшими атрибутами финансовой самостоятельности: бюджетной автономией, казной и самостоятельной ответственностью по государственному долгу. Применительно к народам Сибири на первых порах процесс им-

перского строительства сопровождался обложением их данью (ясаком) в пользу государства. По мере втягивания аборигенов в общероссийскую систему государственных, экономических и иных связей на них были распространены и другие виды податных обязанностей, например земские, мало или ничем не отличающиеся от обычного крестьянского тягла. Следовательно, и сибирские аборигены, и русские крестьяне рассматривались как подданные государства и должны были уплачивать соответствующие налоги на его содержание.

Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и, в соответствии с конституцией США, не считались гражданами государства. США, продвигаясь с востока на запад, новые территориальные приобретения осуществляли путем покупки по договорам индейских земель, или же путем насильственного лишения индейцев их охотничьих угодий. В России по мере ее продвижения с запада на восток правительственные указы, наоборот, требовали не допускать столкновений колонистов и аборигенов из-за земли, что обеспечивало сибирским народностям возможность выполнения их основной обязанности по отношению к государству – уплаты ясака. Кроме того, в условиях малочисленности русского населения, огромной территориальной разбросанности и слабости русских административных и военных центров, потенциальной угрозы столкновения интересов России с государствами Центральной Азии и решения стратегической задачи – закрепления Сибири за Российским государством – московские, а впоследствии петербургские Романовы аборигенному фактору изначально отводили немаловажную роль. Характер взаимоотношений между аборигенами и русскими пришельцами оказал серьезное влияние на темпы продвижения русских к Тихому океану.

Продвижение русских на восток не было исключительным явлением. Хронологически оно совпало со временем основания англосаксами первых европейских колоний на Североамериканском континенте. Рождающимся нациям было тесно в своих прежних границах. Однако темпы продвижения, методы освоения новых территорий, взаимоотношения с аборигенным населением в Сибири и на американском Западе существенно различались между собой. Продвижение русских на восток сопровождалось распро-

странением на новые территории общенационального политико-административного, хозяйственного и социокультурного уклада, «втягиванием», подчас противоречивым, в общенациональную экономическую, политическую и социокультурную систему этих народов. В США же, наоборот, складывающаяся рыночная экономика молодого государства поглощала индейские племена.

Анализируя влияние этнического фактора на формирование окраинной политики, следует заметить, что, как правило, действие его проявлялось не изолированно, а в сочетании с иными обстоятельствами. Наиболее значимыми из них были естественно-географические особенности региона. Географический фактор оказывал непосредственное влияние на административно-территориальное устройство регионов, функции органов власти и управления, полномочия должностных лиц. В империи существовали специальные органы по управлению этими территориями. Такими, к примеру, были Кавказский, Польский и Сибирские комитеты в центре и институты наместников, генерал-губернаторов и главных управлений на местах. В этой структуре окраинного управления особое значение имел институт генерал-губернаторов как «главных блюстителей неприкосновенности верховных прав самодержавия... и точного исполнения законов и распоряжений правительства». Наряду с генерал-губернаторами в ряде территорий, как, например, на Кавказе, существовал институт наместников, обладавших широкими военными и административными правами по управлению регионом. Несмотря на стремление к централизации, петербургские власти реально сознавали невозможность концентрации всех властных функций по управлению окраинными территориями в столице и были вынуждены делиться частью их с высшими должностными лицами регионов.

Небезынтересно отметить, что зачастую функциональный характер и компетенция главных органов местного управления была тем шире, чем дальше находилась от центра подведомственная территория. Известное значение в данном случае играл и внешнеполитический фактор. Эта особенность хорошо прослеживается на примере сопоставления должностных функций и обязанностей генерал-губернаторов Западной и Восточной Сибири. Так генерал-губернатор Восточной Сибири, начиная со времени Н.Н. Муравьева (впоследствии Муравьева-Амурского), обладал известными дипломатическими полномочиями, специальной ди-

пломатический канцелярией, чего не было у его западносибирского коллеги. Характерно, что местная власть зачастую была далеко не безгрешна в использовании и истолковании этих полномочий.

Исследование корпоративной этики чиновничества свидетельствует о том, что масштабы злоупотреблений по службе в немалой степени зависели от удаленности от центра и, как следствие, отсутствия действенного контроля.

Структура местных органов управления и их функциональный характер в известной степени определялись и ресурсными факторами, экономическими потребностями по инкорпорации окраинных территорий в общероссийские экономические процессы. В Сибири, например, были открыты Алтайский и Нерчинский горные округа, в связи с началом активной добычи золота в структурах Главных управлений Западной и Восточной Сибири были учреждены специальные горные отделения, с началом массового переселения на местах начали действовать специальные переселенческие отделы.

Влияние ресурсного фактора находило выражение и в законодательной политике. На протяжении XVIII и XIX вв. был принят ряд законов по охране сибирских лесов, временном прекращении добычи соболей для восстановления популяции этого ценного промыслового зверя и т.д. [1, с. 16–52].

На характер взаимоотношений центра и окраинных регионов несомненное влияние оказало и интенсивное железнодорожное строительство, развитие средств связи, системы коммуникаций в целом, что открывало перспективу активной экономической эксплуатации окраин империи. В конце XIX в. в связи с усилившейся интеграцией окраинных земель в общероссийское экономическое и политико-административное пространство значение этнического и географического фактора во внутренней политике трансформируется. Стремление к экономической интеграции, которая стала рассматриваться как важнейший стимул к политической консолидации империи, и к изживанию национально-го сепаратизма становится преобладающим. Это повлекло изменения в административной и социокультурной политике центра по отношению к периферии и, как следствие, разработке единого законодательства, исключающего какие-либо местные особенности. Не случайно, что именно в это время появляется такое понятие, как Азиатская Россия. Несмотря на определенный геогра-

физм, оно отражало те важные изменения, которые происходили во взаимоотношениях между модернизирующейся империей и обширным зауральским краем во всех сферах – экономической, административной, социокультурной. Итогом этого стало превращение Сибири в часть России. Единство государственных учреждений с единым государственным языком и единой религией, развитие коммуникаций, распространение русской земледельческой колонизации, строительство Транссиба способствовали не только укреплению связей окраин и центра, но и дальнейшей интеграции восточных окраин в состав империи, «превращению» Сибири в Россию. Образование единого административно-правового, экономического и культурно-языкового пространства способствовало тому, что Россия как бы передвинулась за Урал.

Список литературы

1. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009. 389 с.
2. Дамешек Л.М., Дамешек И.Л. Окраины Российской империи: институты и бюрократия. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 223 с.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд. СПб.: Дм. Буланин, 2003. Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. 548 с.

УДК 94(571)

В.Д. Пузанов

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАЗАХИ В СИБИРИ В КОНЦЕ XVII – НАЧАЛЕ XVIII в.

В конце XVII в. русские в Сибири встретились с кочевым народом Востока – казахами. Первые контакты состояли в набегах казахов на русские поселения юга Сибири. Причиной нападений стала борьба казахов с джунгарами за власть в Средней Азии. В результате в первой трети XVIII в. казахи мигрируют к рубежу Западной Сибири.

Ключевые слова: город, уезд, воевода, служилые люди, казаки, кочевники.

Образование казахского этноса произошло в эпоху распада Империи монголов и последующих политических кочевых образований. В 70-е гг. XVI в. казахи попали в зависимость от быстро растущего государства Абдуллы-хана с центром в Бухаре. Однако в 1580-е гг. хан казахов Теввекель начал военные действия против Абдуллы-хана, организовав серию набегов на его города и разбив лучших полководцев узбеков в битве под Бухарой в 1598 г. Результатом войны стал переход под власть казахов Ташкента и Туркестана [5, с. 394].

В этот период русско-казахские отношения были дружественными, что имело благоприятное значение во время русского завоевания Сибирского царства. В 1594 г. Теввекель предложил России союз против государства Абдуллы-хана – союзника Кучума. Однако политические интересы России и казахов в XV–XVII вв. расходились, что исключало как тесный союз, так и военные действия друг с другом. Русские после разгрома Кучума начали планомерное наступление на восток Сибири. Казахи, завоевывая южные города, втянулись в борьбу с узбекской знатью Бухары. Приход калмыков в 10–20-е гг. XVII в. в степные районы Зауралья и Поволжья окончательно разделил русских и казахов. Во второй половине XVII в., по данным Разрядного приказа, кочевьем «Казачьей орды» оставалась «земля Юргенская и земля Бухарская» [3, с. 182].

В 90-е гг. XVII в. отряды казахов вышли к территории Сибири и совершили ряд набегов на русские слободы. Главный удар кочевников был нанесен по слободам реки Тобол. Воеводы Тобольска С.И. Салтыков и А.Ф. Нарышкин сообщали: «В 198-ом, и в 199-ом и в 200-ом, и в 202-ом, и в 203-ем годах приходили Казачьи Орды... воинские люди в Тобольской уезд под Тарханский острог и под Ялуторовскую, и под Царёво Городище, и под Утяцкую и под Чумляцкую, и под Ишимскую Коркину слободы и под митрополье Воскресенское село, и к пристанищу Ямыша озера войною и многих русских служилых людей, и татар, и крестьян, и ясашных людей побили, и в полон з женами и з детьми взяли и скот отогнали» [4, с. 95].

Первый набег кочевники совершили под Тарханский острог и село Воскресенское. В июле 1691 г. «воинские люди вверх Казачьей Орды» вновь «развоевали слободы по Тоболу реке». По данным Есиповской летописи, были разграблены Утятская и Ка-

мышевская слободы [1, с. 104]. В июне 1692 г. отряд Казачьей орды «безвестно» вышел на деревни и слободы Царева Городища и разорил Утятскую слободу, разграбив около двадцати дворов, перебив много крестьян, уведя их детей и жен. 15 июля 1693 г. отряд Казачьей орды вышел под деревни Ялutorовской слободы и перебил не готовые к бою разрозненные группы беломестных казаков и крестьян – было убито 42 чел. и захвачено в плен 69. 27 июля 1693 г. крупный отряд служилых людей из Тобольска был разбит кочевниками у озера Семискуль на восточном берегу Тобола [6, с. 287]. В Исетских слободах, по Тоболу, и даже в столице Сибири Тобольске, по выражению современника, «бысть опас велик», везде усилены караулы в острогах и сторожевые станицы в дальних дозорах. В 1694 г. кочевники ограничились набегами 14 мая и 9 августа на пограничную по реке Миасс Чумляцкую слободу, в Среднем Притоболье – лишь серией мелких набегов 1695–1699 гг. на Утятскую слободу. В конце июля 1694 г. более двух сотен кочевников вышли под Чумляцкую слободу, около которой были убиты и взяты в плен 34 жителя, и осадили ее острог¹.

Только по дошедшим до нас данным, в период набегов 1690-х гг. кочевники захватили в плен свыше 432 чел., отогнав сотни лошадей и голов рогатого скота, перебив в Южном Зауралье сотни служилых людей и мирного населения. Реальные потери были еще выше – по данным русских послов, только в городах Средней Азии к 1694 г. в рабстве находилось более тысячи русских пленных, взятых кочевниками².

Над русской Сибирью, особенно ее пограничными территориями юга Зауралья, в 90-е гг. XVII в. нависла серьезная опасность. Казачья орда еще контролировала значительную часть Средней Азии, все пространство Дешт-и-Кипчак, занимала удобное стратегическое положение и обладала значительными резервами воинов. В условиях распыленности русских гарнизонов Западной Сибири и их небольшого количества в целом, а также большого расстояния от метрополии казахские набеги в Зауралье силами в несколько тысяч человек могли серьезно осложнить положение русских в Сибири. Тауке и группа кочевой знати пытались урегулировать отношения с Россией, стараясь при этом

¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 63.

² Там же. Ф. 199. Портфель 486. Т. 6. Л. 134–160; Портфель 481. Т. 2, ч. 2. Л. 78–100; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2465; Ф. 248. Оп. 3. Кн. 143. Л. 162–170, 470.

не ссориться с группой баев, желающих продолжения набегов, но для казахов в данный период был характерен не очень высокий статус хана, вынужденного постоянно учитывать мнения разных групп знати.

Причинами неожиданных для русского населения казахских набегов на Зауралье являлись ойрато-казахские противоречия в Средней и Центральной Азии, резко обострившиеся к 80-м годам XVII в., когда джунгары начали борьбу за города Туркестана. В результате серии походов Галдана в 1681–1685 гг. им удалось отбить у казахов экономически развитую восточную часть Туркестана. Казахи понесли крупные материальные потери [1, с. 215]. Компенсировать потери часть этноса решила, обратив экспансию на земледельческие центры юга Сибири путем изъятия оттуда пленных с последующей продажей в рабство, скота и другого имущества. Обращает внимание факт синхронности казахских набегов на зауральскую границу и джунгаро-китайских войн. Приоритетной для элиты восточных калмыков (джунгаров) стала задача образования доминирующего в Центральной и Средней Азии монгольского государства путем объединения всех монгольских племен, что требовало постоянной конфронтации с Китаем, правители которого прекрасно понимали, чем грозит ему создание империи кочевников у его границ. Казахская знать могла организовывать крупные набеги на русское Зауралье (силами от 3000 до 1000 чел.) лишь при условии мира с джунгарами, войны с которыми требовали мобилизации всех сил казахского этноса. Так, набеги 1690-х гг. стали возможными лишь в условиях джунгаро-китайской войны 1690–1697 гг. и, соответственно, отсутствия крупных джунгаро-казахских столкновений. В 1698 г. джунгары вновь совершили несколько крупных набегов на казахов, что сразу ослабило военную опасность на зауральской границе. В дальнейшем тенденция одновременности джунгаро-китайских конфликтов и мирных джунгаро-казахских отношений с крупными набегами казахских отрядов на пограничные слободы Южного Зауралья и, соответственно, джунгаро-казахских войн и отсутствия нападений на зауральское пограничье сохранилась.

В первые десятилетия XVIII в. джунгары вытесняли казахов из Туркестана. В этих условиях казахи начали уходить в далекие от ойратов и благоприятные для кочевания районы рек Урал, Тобол, Ишим. Ойрато-казахская война 1717–1718 гг. привела к

новым поражениям Казахских жузов. Это побудило часть казахских родов, оставив кочевья в прифронтовой полосе, в 1717 г. прибыть к границам русского Зауралья, где у них начались конфликты с русскими подданными, рассматривавшими верховья Тобола и Ишима в качестве законных мест своей охоты и промысловой деятельности. Так, в декабре 1718 г. полковник Леонтий Парфентьев из Царева Городища сообщил в Тобольск, что на реку Ишим к русским слободам прибыла Казачья орда и «на промыслах, на соленых озерах, и на хмелье русских людей и татар побивают и полон берут»³.

В сентябре 1716 г. казахи прислали посольство в Тобольск к губернатору М.П. Гагарину, обещая вечный мир и прекращение набегов. Однако позднее набеги казахов на уезды Сибири только усилились. По данным губернатора Сибири князя Черкасского, в 1717–1721 гг. казахи организовали ряд крупных набегов на уезды Сибири, в результате которых были убиты, ранены и взяты в плен 1135 чел. русских и ясачных людей. В ходе набегов кочевники угнали свыше 5 тыс. лошадей. 5 января 1722 г. ясачные люди барабинских волостей били челом государю, что в результате набегов казахов не могут платить налоги⁴.

К середине 20-х гг. XVIII в. положение на юге Сибири еще более обострилось из-за событий, разыгравшихся далеко на юге от русской границы. Весной 1723 г. армия джунгар вторглась в долину реки Талас, захватив Таласский район у казахов. В 1724–1725 гг. ойраты изгнали казахов также из Ташкента и Туркестана. Этот период истории казахского народа получил название «великого бедствия». Десятки тысяч казахов попали в плен, остальные бежали, бросая имущество, к рекам Ую, Эмбе, Яик, Илек, Тобол и Ишим. Преследующие их отряды ойратов настигали их в районах этих рек, непосредственно у границ русского Зауралья и Урала. Перекочевка десятков тысяч казахов на новые места вызвала столкновения с их старыми хозяевами – восточными калмыками хана Аюки, переросшие в настоящие войны 1723 и 1726 гг.

Общая картина середины 20-х гг. XVIII в. в Зауралье дана в отписке полковника Л. Парфентьева от 23 ноября 1723 г., поданной в Тобольскую губернскую канцелярию: «...неприятели Казачья Орда, пособлением бывшего губернатора Гагарина с 1716 г.,

³ ШФ ГАКО. Ф. 224. Оп. 1. Д. 47. Л. 11–12.

⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 56. Л. 75–78.

приблизились кочевать к пограничным слободам во близости и кочуют по Ишиму и другим рекам, его величества людей, конечно, разоряют, в полон уводят и побивают, скот отгоняют»⁵. Невозможность ведения борьбы с джунгарами и башкирами, калмыками, казаками, находящимися под прикрытием Российской империи вынудила казахскую знать Младшей и частично Средней орд принять русское подданство в 1731 г. Однако набеги казахов на территории востока России – от Иртыша до Яика – продолжались. В результате русскому правительству пришлось строить линии для защиты населения империи на востоке России.

Список литературы

1. Есиповская летопись // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи. С. 42–128.
2. Златкин И.Я. История джунгарского ханства. М.: Наука, 1983. 332 с.
3. Книга Большому Чертежу / подг. к печ. и ред. К.И. Сербиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 232 с.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Ч. 1: Башкирские восстания в XVII в. и первой половине XVIII в. 631 с.
5. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1969. 652 с.
6. Сибирский летописный свод // Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1987. Т. 36: Сибирские летописи. С. 138–345.

⁵ Там же. Ф. 192. Оп. 4. Д. 26. Л. 43.

УДК 947.065(571)

И.П. Каменецкий

**ТОРГОВЛЯ ЯСЫРЁМ В СИБИРИ В XVII в.:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, СОСТАВ И
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА НЕВОЛЬНИКОВ***

В статье рассмотрено отношение правительства к торговле людьми, источники формирования «ясыря», его происхождение и этнический состав. Показаны основные каналы поступления невольников в Сибирь, их использование и статус.

Ключевые слова: колонизируемая Сибирь, торговля людьми, ясырь, правовое регулирование, состав невольников, дворовые люди.

Вопросы, связанные с формированием института «ясыря» (военнопленных, рабов) и торговлей «живым» товаром в колонизируемой Сибири, несмотря на многочисленные указания исследователей, не нашли еще должного отражения в научной литературе. Первая попытка изучения этой темы была сделана известным сибирским областником С.С. Шашковым в широко цитируемой историками статье «Рабство в Сибири» [13]. В работе, несмотря на публицистический и во многом политизированный характер, доказывалось возникновение и развитие в Сибири системных проявлений рабства и распространение «обширной работоторговли» на всей ее территории в первые столетия освоения.

Не во всем разделяя этот тезис, советские ученые-сибиреведы, связанные концепцией прогрессивного влияния России на судьбу коренных народов, предпочитали обходить стороной вопрос о происхождении, природе и источниках рабства в Новое время. В то же время историческая объективность не позволяла им игнорировать эту реальность. Сведения о торговле людьми в Сибири, в первую очередь ясырём, содержатся в работах С.Б. Бахрушина, А.П. Чулошникова, А.П. Окладникова, Б.О. Долгих, А.П. Уманского и других.

Однако приведенные исследователями факты о торговле людьми в Сибири в XVII в. не дают целостного представления об отношении правительства к практике продажи людей, источниках

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 16-01-00471.

формирования института ясыря, этническом составе продаваемых на рынках невольников, использовании их труда и последующей судьбе.

Торговля «живым товаром» была обычной практикой, широко распространенной в Сибири еще до прихода русских. По мере присоединения Сибири русские власти стремились упорядочить торговлю людьми и подчинить ее своим фискальным интересам. С самого начала Москва запрещала русским колонистам обращать в рабов ясачных людей, вывозить их на Русь и принимала меры к пресечению нарушений. Еще в 1598 г. указом Б. Годунова русскому населению Сибири было запрещено приобретать и иметь у себя пленных из числа коренного населения, торговать ими и вывозить на Русь [2, с. 103].

После окончания Смуты в Сибирь и Астрахань был послан новый указ, подтверждавший запрет на торговлю людьми: «Татар и татарченков мужского полу всяким людем не покупати и даром ни у кого не имати и крестити и на Русь ни с кем не высылати». Правительством также была определена позиция по отношению к военнопленным, выраженная в наказе кузнецкому воеводе Ф. Голенищеву-Кутузову (1625 г.). В нем говорилось: если служилые люди «калмыцких людей или других каких земель повоюют» и захватят в плен, то взятых у них пленников, «сыскивая велети отдавать им на окуп» при условии, если полоняник не крещен [1, с. 222].

Кроме того, правительство предлагало использовать пленных для обмена между враждующими сторонами. Попытка такого обмена была предпринята в 1631 г. между калмыцким тайшой Талаем и тарскими воеводами [5, с. 119]. Таким образом, власть предписывала возвращать пленных родственникам за определенный выкуп или использовать их при размене.

В 1634/35, 1636 гг. последовали новые правительственные указы, подтверждающие запрет русским людям иметь у себя полоняников из состава ясачных людей и вывозить их на Русь. При этом правительство исходило из сугубо прагматических фискальных соображений, выраженных в наказе первым якутским воеводам П. Головину и М. Глебову от 6 августа 1638 г. «Чтоб сибирская земля пространилась, а не пустела». С целью предотвращения торговли и вывоза ясыря из Сибири царской грамотой 1635 г. предписывалось верхотурским властям изымать ясырь на

заставах и отсылать в Тобольск, не останавливаясь перед применением силы к послушникам [1, с. 339]. В 1636 г. на верхотурской заставе у четырех воевод, возвращавшихся из Сибири, было конфисковано шесть «колмаков», которых те пытались провезти «к Русе». В 1667 г. у красноярского воеводы Г. Никитина было отобрано шесть человек «мунгальской породы» и один русский [4, с. 172; 2, с. 223, 131]. И такие случаи были не единичны.

Но, несмотря на указанные ограничения и запреты, торговля ясырём продолжалась. Особое право на владение ясырём постоянно отстаивали служилые люди, которые рассматривали его как вознаграждение за службу, «за кровь и раны», полученные в походах против «немирных людей». На этой почве между служилыми людьми и воеводами нередко происходили конфликты, в частности, во время походов отрядов красноярских служилых людей в Бурятию в 1631 г., Я. Тухачевского в киргизскую землю в 1634 г., в ходе восстания в Томске в 1648 г. и при других социальных событиях.

Не в состоянии пресечь торговлю людьми, Сибирский приказ вынужден был пойти на компромиссное решение: Уложением 1649 г. и указом 1654 г. был отменен прежний указ 1623/24 г. и разрешено «татар и татарченков в Астрахани и в Сибири покупать всяким чинов людям по прежнему, оприч воевод и всяких приказных»¹. Тем самым Уложение разрешило всем категориям сибирского населения, за исключением воевод и приказных людей, покупать ясырь у неподвластных России народов и превращать его в своих дворовых людей. В то же время из опасения потерять плательщиков ясака правительство боролось со стремлением служилых людей и самих воевод закабалить аборигенов, подвергать их насильственной христианизации и обращать в рабство. При этом правительство по-прежнему запрещало практику вывоза ясыря из Сибири, исходя из известной установки: «Чтоб сибирская земля пространилась, а не пустела».

В конце XVII в. в торговле ясырём начинает принимать участие и само правительство. В 1697 г. оно предписало сибирским воеводам покупать «полонеников у калмацких людей у Ямышева озера» на «государевы сборные таможенные деньги и на товары» и отправлять в Москву, а «сибирцам всяким чинов людям

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб, 1830. Т. 1: 1649–1675. С. 137.

колмацких пленников велеть покупати по прежнему ... а воеводам и всяким приказным людям таких колмацких полонеников не покупать и к Москве не высылать»². Но вряд ли это предписание было реализовано на практике. В сохранившихся таможенных книгах есть указания на приобретение ясыря русскими людьми во время поездок их на Ямышевское озеро, но отсутствуют сведения о его отправке в Центральную Россию.

В целом московские власти занимали двойственную политику в отношении торговли ясырём. Следует согласиться с выводом И.А. Мальцева, что, хотя правительство считало покупку невольников из числа не подвластных России народов делом законным, но к обращению в рабство ясачных людей даже при «добровольной» продаже ими своих жен, детей и родственников к концу XVII в. относилось нетерпимо. Легальным же способом приобретения ясыря в XVII в. считались по-прежнему их покупки из пограничных, независимых от Московского государства стран [6, с. 172; 7, с. 72].

Наиболее распространенным и легальным способом приобретения русскими ясырей считались их покупки на нейтральной территории – на торгу у озера Ямыш. Торговля ясырём у Ямышева приобрела широкий размах. Так, в сказке служилых людей от 18 декабря 1677 г. сообщалось, что в 1666 г. там было приобретено более 300 «калмыцкого ясыря» [9, с. 318].

Другим источником и способом захвата ясыря были военные экспедиции служилых людей в «немирные земли»: Телеутскую, Киргизскую, Братскую и другие территории, чьи правители оказывали сопротивление русскому продвижению и сами стремились к захвату людских и пушных ресурсов. Однако следует заметить, что в случае признания коренными народами русского протектората центральная власть предписывала местным воеводам возвращать ясырь без всякого выкупа, и последним приходилось прилагать немало усилий по выполнению этих указов, поскольку нередко ясырь был распределен между служилыми людьми и зачастую крещен.

Ясырь поставляли в русские города бухарские и калмыцкие караваны. 25 августа 1625 г. в Тобольск прибыл караван, в котором наряду с большим количеством скота (341 голова лошадей, быков и овец) было 8 «ясырей» [8, с. 141].

² ПСЗРИ. СПб., 1830. Т. 3: 1689–1699. С. 353–354.

В 1648–1649 гг. в Таре бухарцами было продано 13 «ясырей» (7 взрослых и 6 малолетних) по 10–20 руб. за каждого [10, с. 153; 11, с. 153]. В 1687 г. бухаретин Мула продал в Красноярске «бабу и девку ясырку 3-х лет». В июле 1689 г. прибыли в Красноярск калмык и два бухарца и привезли «полоненного мугальского ясыря 60 человек» для продажи [3, с. 12].

Среди сибирских невольников преобладали выходцы из Джунгарии, монгольских государств, Киргизской, Телеутской, Бурятской земель, встречались и бывшие китайские подданные. Захваченные или приобретенные русскими пленники после крещения получали новый статус – дворовых людей, положение которых мало чем отличалось от рядовой массы русских поселенцев. Большое количество дворовых людей в составе сибирских колонистов в Кузнецком и Красноярском уездах выявила перепись 1719 г.

Нередко в разряд «ясырей» попадали и русские колонисты. В 1676 г. телеутами были захвачены в плен кузнецкие промышленники Иван и Алексей Старченко, которые были выкуплены «за кофтан суконный, за сукно да красные кожи» [10, с. 128, 130].

В 1756 г. в Бийской крепости при переписи джунгарских и алтайских народов, принявших российское подданство, были выявлены два русских бывших пленника, имевшие ойратские имена (мужчина Ашира и женщина Даулат). Кузнецкий разночинец Никифор Брагин признал в них своего брата и племянницу. По словам джунгарских невольников, они были взяты в плен во время набега ойратского нойона Духара на г. Кузнецк в 1710 г. и находились в рабстве 46 лет! Общим согласием офицеров Бийской крепости они были отданы Н. Брагину [12, с. 281]. 13 лет провели в джунгарском плену Кузнецкий сын боярский и шестеро его товарищей, захваченных в плен во время сбора ясака в 1714 г.

Сфера применения труда невольников в условиях острого дефицита людских ресурсов в регионе была весьма широкой. Больше всего они использовались в сельскохозяйственном производстве. Хозяйство состоятельных сибиряков велось преимущественно на основе невольничьего труда купленных новокрещёнов «мугальской, калмыцкой и киргизской породы». Ясырь использовался также при выполнении казенных работ, сборе ясака, в военных походах, несении различных государевых и частных служб. Особенно ценились в условиях полиэтнического состава населе-

ния Сибири толмачи (переводчики), выполнявшие важные коммуникационные функции между носителями разных культур.

Отдельные представители из плененного и приобретенного ясыря сумели достичь высокого положения в сибирском обществе. Среди них: красноярский сын боярский Иван Архипов Айканов (енисейский киргиз), кузнецкий татарский голова Савин Микитин (крымский татарин), томские толмачи Василий Канаев, Никита Чура (выходцы из Джунгарии), енисейский сын боярский Бароно Имегенов (монгол) и другие.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. III.
2. *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 401 с.
3. *Бахрушин С.В.* Агенты русских торговых людей XVII в. // Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. 380 с.
4. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. М., 1959. Т. 4. 259 с.
5. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.: Восточная литература, 2000. Т. 2. 796 с.
6. *Мальцев И.А.* Рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2010.
7. *Мальцев И.А.* Легальное рабство в Сибири и Оренбургском крае в XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2007. Сер. 2. Вып. 3. С. 71–76.
8. Русско-монгольские отношения. 1603-1637: сб. документов. М.: Восточная литература, 1959. 552 с.
9. Русско-монгольские отношения. 1654–1685: сб. документов. М.: Восточная литература, 1996. 488 с.
10. *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
11. *Чимитдорджиев Ш.Б.* Из истории русско-монгольских экономических связей // История СССР. № 2. 1964. С. 147–153.
12. Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1886. Кн. 4.
13. *Шашков С.С.* Рабство в Сибири // Дело. 1869. № 1. С. 163–187; № 3. С. 1–32.

УДК 262.14:29(=512.31)"18"

Н.П. Матханова

**ПРОБЛЕМА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ БУРЯТ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ПРАВОСЛАВНЫХ МИССИОНЕРОВ XIX в.
(ДИСКУССИЯ О ЯЗЫКЕ ОБУЧЕНИЯ И БОГОСЛУЖЕНИЯ)***

В статье рассматриваются позиции видных миссионеров Русской православной церкви по вопросу о необходимости/нежелательности использования бурятского языка в обучении и богослужении, о соотношении этнической и конфессиональной идентичности.

Ключевые слова: этническая и конфессиональная идентичность бурят, миссионеры РПЦ, перевод религиозной литературы на бурятский язык.

Вопрос о соотношении этнической и конфессиональной идентичности бурят, столь популярный в последние годы у политологов, культурологов, этнографов, религиоведов, историков, впервые был поставлен в XIX в. Его существование было зафиксировано в записках, публицистических сочинениях и письмах православных священников, для которых он был чрезвычайно важен в самом практическом смысле. Различные аспекты темы рассмотрены в ряде серьезных работ иркутских и бурятских историков.

Тема столь же обширна, сколь и важна, поэтому рассматривается только один ее аспект – дискуссия между миссионерами о языке обучения, богослужения, проповеди.

Полемика велась и в частной переписке, и на страницах церковной печати, и на заседаниях собора сибирских иерархов в 1885 г. Дискутировался вопрос о том, на родном или на русском языке нужно вести богослужение и учить детей, как переводить и переводить ли вообще священные и богослужебные книги. Проблема была много значительнее и имела общеимперский характер, затрагивая важный вопрос о культурно-языковой унификации всех нерусских народов.

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Религия и культура как факторы становления и сохранения национальной и региональной идентичности» Комплексной программы Сибирского отделения РАН II.2 П.

В отношении сибирских народов, и в частности бурят, основными участниками обсуждения были с одной стороны – знаменитый казанский миссионер и педагог Н.И. Ильминский и глава Алтайской духовной миссии (в 1865–1883 гг.) епископ Томский (в 1883–1886 гг.) Владимир (Петров), а с другой стороны – епископ Селенгинский (в 1862–1868 гг.), епископ (с 1878 г. архиепископ) Иркутский (в 1873–1892 гг.) Вениамин (Благонравов).

На суть разногласий еще в 1904 г. указывал профессор К.В. Харлампович: «Ильминский, как известно, старался вести просвещение инородцев на их родном языке», что должно было «послужить основой для обращения инородческих масс. Преосвященный же Вениамин отрицал необходимость, по крайней мере, по отношению к бурятам и другим инородцам Восточной Сибири, проповеди и школьного преподавания на их языке» [13, с. 6].

Вениамин уже самом начале своей деятельности в Забайкалье писал: «Для бурята русская вера и русское просвещение на бурятском языке немыслимо» [8, с. 8]. Это убеждение укоренилось у него с первых встреч с бурятами, когда впервые услышал от них многожды потом повторенное: «Вы – русские, вам Бог дал и веру русскую, а нам бурятам дал бурятскую» [9, с. 11]. Через несколько лет та же позиция обосновывалась более аргументировано и продуманно: «...я держусь того правила, что если новокрещенные понимают по-русски, то не навязывать им монгольского. Пусть скорее обрусеют: это лучше утвердит их в вере, а дети их не будут знать ничего бурятского, ни веры, ни языка. А если оставить их бурятами, то для каждого нового поколения нужны будут новые миссионерские действия» [9, с. 108–109]. По его мнению, не только преподавание, но и богослужение следовало вести на русском: «Вводить монгольское (т.е. бурятское. – *Н.М.*) богослужение для бурят, понимающих по-русски, значит искусственно поддерживать в них привязанность ко всему бурятскому со всеми предрассудками и суевериями» [9, с. 109].

Таким образом, Вениамин связывал вопрос о языке с сохранением и/или изменением этнической идентичности. Он писал: «Миссия православия по отношению к инородцам есть вместе с тем миссия обрусения» [2, с. 644]. Это убеждение имело более прочные и глубокие корни и основывалось на традиционном представлении о характере взаимоотношений церкви и государства в России. В одной из своих многочисленных публицистиче-

ских статей он писал: «...всеенское православие в России существует как русская вера, и только тот называется русским, кто православный. Римско-католик поляком, лютеранин немцем, магометанин татарин, язычник в Сибири остается бурятом дотол, пока он неправославный. Православие всех их равно делает русскими, и каждый из них почтет для себя оскорблением, если по принятии православия его назовут нерусским» [2, с. 643].

Принципиально противоположным был подход Н.И. Ильминского. Вся его система преподавания была построена на том, что «школьное обучение на начальном этапе должно проводиться на родном для учащихся языке... Постепенно дети должны изучить русский язык и продолжить образование на нем» [6, с. 86]. Как пишет Р.Р. Исаков, «Ильминский предлагал концепцию "этнизации" православия, гармоничного встраивания христианства в культуру и мировоззрение местного населения, без коренной ломки их этнокультурного поля» [5, с. 6]. Он предлагал внушать крещеным татарам, «что наша вера отнюдь не посягает на их народность; что она не русская, а всемирная, святая, Христова» [5, с. 10]. Таким образом, принятие православия не должно было изменить этнической принадлежности. В то же время, по мнению современных татарских исследователей, созданная Ильминским миссионерская система и усиление христианизации создавали «реальную угрозу этнокультурной самобытности и идентичности» татар [5, с. 4].

Сотрудники Алтайской миссии вслед за ее основателем архимандритом Макарием (Глухаревым) неизменно отстаивали идею обучения, проповеди и общения на родных языках аборигенов, перевода священных и богослужебных книг. Этой же точки зрения, естественно, придерживался и глава миссии архимандрит, а затем епископ Владимир. В одном из своих поздних посланий он прямо называл неумным утверждение «русским – русская вера, татарам – татарская» [3, с. 8], некогда лежавшее в основе построенных Вениамина. В этом же послании он подчеркивал: «...миссионеру нужно и самому знать язык своих инородцев и на их природном языке полагать начало обучению их... истинам веры, правилам жизни благочестивой и самой практике благочестия». Владимир указывал на политическое значение этого правила: «Это необходимо не только для того, чтобы новокрещенным быть сознательными, разумными, следовательно "прочными"»

православными, но и для того, чтобы быть всецело *русскими людьми*... За единством веры неизбежно последует и единство языка, но не наоборот... Проникшийся духом православия посредством родного своего языка... постарается больше и больше узнавать русский язык... и таким образом сам собой "русифицируется"» [3, с. 11].

С вопросом о языке преподавания и богослужения был тесно связан и вопрос о переводах. Вениамин долгое время был противником перевода священных и богословских книг на бурятский язык и доказывал возможность и необходимость использования русского. Н.И. Ильминский отстаивал иное мнение. В письме К.П. Победоносцеву этот известный педагог вспоминал, что еще в 1873 г. он докладывал попечителю учебного округа, что надо «вводить у бурят и других инородцев Восточной Сибири начальное обучение на родном языке, но не книжном, а живом и разговорном, и для большего распространения научных сведений и общежительных понятий... составлять и издавать для народного чтения самые доступные по изложению и интересные по содержанию книги на местных наречиях» [10, с. 116–117]. В письме к забайкальскому миссионеру Мелетию (Якимову) Ильминский еще раз обосновал свои принципы: «Главная мысль и суть всего дела: что христианство составляет особое мирозозерцание, а буряты имеют теперь мирозозерцание свое... чтобы изменить это... нужно ученье, для этого нужны книги на их родном языке, излагающие доступно элементарные истины христианства» [12, с. 72–73]. Ту же точку зрения отстаивал в переписке с Вениамином и Владимир (Петров): «Но что полезно перевести хорошие книги и богословские на родной язык инородцев, то это несомненно. Я вижу своими глазами, какое сильное впечатление производит Богословие, когда родной язык делает его доступным для инородческого разумения и сердца» [11, с. 28].

После указа св. Синода об обязательном богослужении для обращенных инородцев на их природных языках Вениамин был вынужден ввести «богослужение на бурятском языке в тех станах, где новокрещенные и мал-мал не толмачут» [9, с. 165], возобновить переводческую деятельность, против которой ранее решительно возражал, но, по мнению К.В. Харламповича, «колебался между литературным и простонародным языками» [13, с. 232]. Однако Вениамин был категорически против введения в практику бого-

служения переводов, выполненных под руководством бывшего иркутского архиепископа Нила (Исаковича), так как они «сделаны на древний книжный язык, который понимают только ученые буряты, и при том со множеством ошибок» [9, с. 108]. В письме К.П. Победоносцеву Вениамин решительно и настойчиво требовал, чтобы «в школе и делопроизводстве... не отменяя совсем переписки на инородческом языке, где она уже введена, обязать писать живым бурятским языком с употреблением русского алфавита», что должно «вести бурят не к омонголению, а к сближению с русской народностью» [8, с. 39], а затем следовало подчинить «инородцев общим законам империи» [1, с. 17].

Важным шагом в осуществлении этой идеи должен был стать съезд сибирских иерархов и генерал-губернаторов, проводившийся под покровительством К.П. Победоносцева [11, с. 248]. Вениамин предполагал включить в решения съезда ходатайство «об отмене Учреждения об управлении сибирскими инородцами», ибо «отдельные для инородцев законы есть зло, которое могло быть терпимо до времени, но не должно оставаться навсегда к поддержке сепаратизма инородцев» [9, с. 178]. Подобные идеи совпадали с общим курсом Победоносцева, по мнению которого «отношения центральной власти с присоединенными к России ("спасенными и благодетельствованными") народами должны были строиться на началах максимальной строгости. Иная политика ("система ухаживания за инородцами") могла... подорвать основы государственного порядка и ослабить единство империи» [11, с. 266]. В решениях съезда подчеркивалось, что «обращение инородцев к христианству» имеет «великую и высокую важность... как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению» [4, с. 251], и предлагалось упразднить «органы управления народами края, введенные "Уставом" 1822 г.» [4, с. 252].

Несмотря на победу в этом вопросе, отстаивавшаяся Вениамином идея преподавания только на русском языке, как и вся его система, потерпела поражение. Вскоре после его кончины новый епископ Тихон (Троицкий-Донебин) образовал «Комиссию для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственных книг на местный бурятский язык»¹. В ее решениях повторялись имя и идеи Н.И. Ильминского². Впоследствии Тихон заботился

¹ Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1893. № 14, 10 апр.

² Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. 1893. № 3, 23 янв.

«о распространении среди инородцев русской грамоты», о совершении богослужения «на понятном для них языке», о переводах богослужебных и «религиозно-нравственных книг» на «разговорный бурятский язык» [7, с. 64, 65].

Список литературы

1. *Вениамин (Благодравов В.А.)*. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб.: Типогр. А.М. Катомина, 1885. 75 с.
2. *Вениамин (Благодравов В.А.)*. Обязанности русского государства по обращению иноверцев и раскольников к православной русской церкви // Труды православных миссий Иркутской епархии. Иркутск: Типогр. Н.Н. Сеницына, 1886. Т. 4: 1878–1883 гг. С. 641–657.
3. *Владимир (Петров)*. Письмо старого инок миссионера к молодому инок миссионеру // Православный благовестник. 1893. № 6. С. 3–12.
4. История Усть-Ордынского Бурятского автономного округа / отв. ред. Л.М. Дамешек. М.: Прогресс. Культура, 1995. 542 с.
5. *Исхаков Р.Р.* Предисловие // Материалы по истории образования и просвещения народов Волго-Уралья в рукописных фондах Н.И. Ильминского: сборник документов и материалов / авт.-сост.: Р.Р. Исхаков, Х.З. Багаутдинова. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2015. С. 3–30.
6. *Колчерин А.С.* Н.И. Ильминский (1822–1891) – педагогическая деятельность и миссионерское служение в Поволжье // Вестник Православного Свято-Тихоновского университета. II: история Русской православной церкви. 2013. Вып. 4(53). С. 83–89.
7. [Копылов В.Ф.] Высокопреосвященный Тихон, архиепископ Иркутский и Верхотенский. (Биографический очерк по случаю исполнившегося 50-летия со дня рукоположения его в священнический сан). Иркутск : Типогр. А.А. Сизых, 1903. 122 с.
8. О христианском просвещении инородцев: Переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским. Казань: Типолитограф. Казан. ун-та, 1905. – 40 с.
9. Письма Вениамина, архиепископа Иркутского к Казанскому архиепископу Владимиру (1862–1889 гг.): с предисл. и примеч. К.В. Харламповича. М.: [Имп. Общ-во истории и древностей российских], 1913. 218 с.
10. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Св. Синода К.П. Победоносцеву. Казань: Ред. «Православного собеседника», 1895. 414 с.
11. *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М.: РОССПЭН, 2010. 374 с.
12. *Стуков Ф.* Из переписки Н.И. Ильминского с миссионерами Восточной Сибири // Православный благовестник. 1895. № 18. С. 63–73.
13. *Харлампович К.В.* О миссионерских переводах на инородческие языки // Православный собеседник. 1904. Июль–авг. С. 228–253.

14. *Харлампович К.В.* Предисловие // О христианском просвещении инородцев: Переписка архиепископа Вениамина Иркутского с Н.И. Ильминским. Казань: Типолитогр. Казан. ун-та, 1905. С. 3–7.

УДК: 94:325.1(574.4)(=512.145)

Б.Ж. Атантаева, К.М. Сембай

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ТАТАР ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА В XIX в.

На основе изучения исторических документов и статистических данных рассматривается история переселения татар в Восточный Казахстан и анализируется социокультурное развитие татар в данном регионе в XIX в.

Ключевые слова: татары, культура, культурные традиции, торговля, купцы.

В условиях современной международной политики, направленной на создание гуманистического мирового сообщества, возникает необходимость в более глубоком изучении истории и культуры всех народов мира. Главной целью является сохранение и приумножение этнокультурного, исторического наследия этносов. В данной статье мы анализируем социокультурное развитие татар Восточного Казахстана на основе изучения исторических источников и статистических материалов.

История формирования и развития татарской диаспоры на территории Казахстана изучалась многими учеными. Первые сведения о массовых миграциях татар на территорию Казахстана относятся к середине XVIII в. Первоначальной базой расселения был Уральск, с 1760 г. царским правительством было разрешено заселение Иртышской линии, и татары устремляются в построенные на ней крепости Петропавловск и Семипалатинск. Приблизительно тогда же стали складываться татарские слободы в Петропавловске и Семипалатинске [2, с. 233].

Семипалатинск стал одним из крупных городов в казахской степи с наибольшей концентрацией татарского населения. Официальные исторические летописи однозначно признают та-

тар в числе основателей города наряду с казачьими отрядами, прибывшими сюда по приказу царя. Постепенно шел прирост татарского населения. 15 марта 1882 г. в Семипалатинске была проведена первая перепись населения. 22,8% горожан составили татары, подавляющее большинство которых занималось торговлей, были среди них купцы, промышленники [6, с. 20]. Многие занимались хлебопашеством. Почти все они жили в правобережье и в большом достатке: «Дома их составляют лучшую часть города». Самой зажиточной частью Семипалатинска была Татарская слобода, или Татарский край, сохранивший свое название до наших дней¹.

В связи с политикой, проводимой Российским государством, татары вынуждены были покинуть родные места и переселиться в среду казахов – народа с близким языком и единой религией. Причиной переселения служила также и непосильная солдатчина, немало татар переехало в Казахстан по торговым делам. К концу XIX в. татары составляли значительную часть населения Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Петропавловска. Возникли целые татарские деревни и села.

Постепенно происходило взаимопроникновение и взаимообогащение культур казахского и татарского народов. По мере вовлечения татар в социальную жизнь города в диаспоре выделялись лидеры, в основном состоятельные люди. По их инициативе стала формироваться мусульманская община, которая занималась удовлетворением как религиозных, так и культурно-просветительских потребностей. Открывались не только медресе при мечетях, создавались клубы, товарищества взаимопомощи и благотворительности, формировалась национальная общественная мысль, издавались газеты, книги, рождалась национальная интеллигенция. Учителя татарских медресе вели значительную просветительскую работу. Видные деятели казахского народа получали свое начальное образование у татарских мулл. Великий Абай учился у аульного муллы, затем в одном из татарских медресе Семипалатинска. Его стихи впервые были опубликованы в оренбургских татарских изданиях.

Во второй половине XIX в. активно развиваются города Казахстана, об этом можно судить по относительно высокому уров-

¹ Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 93.

ню концентрации купцов. По данным статистики, на территории шести областей Казахстана (Акмолинской, Семипалатинской, Уральской, Тургайской, Сырдарьинской, Семиреченской), а также Мангышлакского уезда и Букеевской Орды проживало 3922 купца [3]. Численность купцов в городах, по результатам Всеобщей переписи Российской империи 1897 г., составила 3504 чел., 89,3% предпринимателей проживало в областных и уездных центрах. Количество купцов не зависело от численности населения региона. Так, 28,2% купцов приходилось на Акмолинскую область, 26,3% – на Семипалатинскую, всего 1,65% – на Тургайскую область². Причины такой разницы, скорее, связаны с наличием в первых двух областях относительной сети городов, близостью регионов к средствам коммуникации, удобностью торговых трактов. Как приезжие, так и местные купцы, вкладывая капитал в сферу торговли, пытались быстрее получить выгоду. Чем больше благополучного в финансовом отношении населения, тем больше было оборотов и прибыли у коммерсантов.

Этнический состав купечества был неоднороден, в то же время общей тенденцией является наличие купцов из числа русских и татар. Так, 50,8% были представителями русского населения, 33,8% – татарского [3]. Семьи купцов Мусиных, Халитовых, Рафиковых способствовали развитию промышленности в городе. Родоначальник династии Мусиных Муса родился в Казани, служил ямщиком российского купца. В начале XIX в., спасаясь от голода, Муса вместе с сыном Садыком прибыл в Семипалатинск. Здесь они сначала занялись выделкой шкур, из выделанной овчины шили тулупы, на вырученные деньги они смогли нанять рабочих, а позже заняться торговлей. Садык вскоре открывает многочисленные магазины в близлежащих городах и организует большой цех по выделке кож в Семипалатинске.

Садык Мусин считается основателем династии купцов Мусиных – «семипалатинских Елисеевых», как называли их на самой крупной в России Макарьевской ярмарке, он построил первую в округе паровую мельницу³. Немалую часть своих средств жертвует Семипалатинску и становится почетным гражданином города. Им также была запланирована постройка механизированной мельницы, однако ему не удалось осуществить свои планы. Его

² Там же.

³ Там же.

проект претворяют в жизнь сыновья – Латиф и Фатих Мусины. По другим данным, первая механизированная (паровая) мельница С. Мусина в Семипалатинске была построена в 1890 г. [1, с. 65].

Мусины стояли у истоков Иртышского речного флота. Еще в 1880-е гг. были предприняты попытки наладить постоянное судоходство по Иртышу в коммерческих целях. Быстрый рост иртышских городов выдвигал серьезные требования к судоходству не только в отношении увеличения объема перевозимых грузов, но и в отношении скорости и удобства передвижения. Кроме грузовых, по Иртышу ходили и пассажирские пароходы Мусина.

Латиф Мусин, занявшись пароходством, первым в Семипалатинске создал флотилию на Иртыше и фактически стал хозяином Иртыша, а потом организовал добычу золота на ранее заброшенных рудниках. В 1908 г. на пристани верхнего Иртыша уже насчитывалось 46 пароходов и 87 барж, из них 2/3 принадлежали Л. Мусину [8, с. 7].

Вместе с тем, в Семипалатинске стали появляться кожевенные, салотопенные и другие заводы, которые, как сообщают документы, ни по числу их, ни по размерам производства не соответствовали обилию сырого материала и в техническом отношении стояли на первоначальной ступени развития.

Развитие промышленности в Семипалатинске также связано с именами татарских купцов. Мыловаренный завод купца Б. Рафикова в 1854 г. имел один мыловаренный чан производительностью 80 пуд., который обслуживали два вольнонаемных рабочих. Завод производил продукции на 200 руб. серебром в год, которая сбывалась здесь же в городе по цене 2 р.50 к. Но постепенно шел рост числа заводов и их производительности. Так, мыловаренный завод Халитова производил не менее 1000 пуд. мыла в год. Производительность паровой мукомольной мельницы в 1910 г. составила 1 309 270 пуд. зерна⁴.

Местная администрация разработала меры, способствующие развитию ремесел и промышленности в городе и области. Отличие от промышленности торговля в Семипалатинске процветала. Этому способствовало прежде всего выгодное географическое положение города. Он лежал на удобных торговых путях, связывающих его с Западным Китаем, Средней Азией, а также с торговыми центрами Томской губернии и Иртышской линии.

⁴ Там же.

Татары были одним из самых образованных народов, уровень их грамотности превышал средний по губернии на 20%. Необходимо отметить, что в материалах переписи 1897 г. образовательный уровень татар определяется в трех категориях: грамотные на русском языке (составляли 4,7% от численности татар), грамотные на других языках (27%), имеющие образование выше начального (0,03%) [5, с. 192]. В целом по Семипалатинской области доля грамотных составляла 6%, среди казахов – 6,5%, русских – 27,5% [5, с. 189]. По материалам переписи, татарский язык в Семипалатинской области находился на третьем месте по распространенности (9,94 тыс. чел.) [5, с. 155]. Татары по вероисповеданию относились к подавляющей части населения в области – магометанам [5, с. 155], которые по Семипалатинской области составляли 89,8% населения [6, с. 19]. В социальном отношении большинство татарских переселенцев относились к сословию мечан (37,6%), 28,2% татар являлись крестьянами, 9,9% – казаками и 2,4% – купцами [2, с. 236].

В 1880-х гг. в Семипалатинской области, как и во всей России, создавались попечительские организации и общества. В начале XX в. в Семипалатинске действовало более 70 благотворительных обществ. И самое активное участие в их деятельности принимали татары [7, с. 42].

До наших дней сохранилось несколько мечетей, в том числе единственная на территории Казахстана двухминаретная мечеть, построенная в 1858–1862 гг. на средства местных купцов Сулейменова, Абдышева, Рафикова, Халитова. Одноминаретной мечети, построенной в 1910 г. на средства купца Латифа Мусина, позднее было присвоено его имя.

Братья Мусины помогали также в строительстве учреждений народного образования. В 1889 г. купец В. Хамитов построил на свои средства каменные лавки на Никольской площади и передал их в дар городу.

Как показывают приведенные данные, татары по роду занятий были не только купцами, занятыми в торговле, но и крупными владельцами промышленных предприятий, создаваемых как в городе Семипалатинске, так и в области. Представители татарской диаспоры были крупными меценатами, занимались благотворительностью, способствовали благоустройству города. Та-

тары Восточного Казахстана являлись активными участниками экономической, социальной и культурной жизни области.

Список литературы

1. *Гужвенко Ю.Н.* Восточный Казахстан: этносоциальные отношения в 1990-е – начале 2000-х годов. М.: Восточная литература, 2009.
2. *Алексеевко Н.В., Алексеевко А.Н., Ерофеева И.В., Масанов Н.Э.* История Казахстана: народы и культура. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 680 с.
3. *Ахметова Г.М.* Купечество Казахстана на рубеже XIX–XX веков: социально-демографический анализ // Вестник Евразийского гуманитарного института. 2016. № 2. С. 33–38.
4. *Завалко Д.А.* Татарская диаспора в ВКО в конце XIX – первой четверти XX века (по материалам всеобщих переписей населения) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2005. Ч. 1.
5. *Завалко Д.А.* Татарская диаспора на территории Восточного Казахстана в XIX в. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004.
6. *Атантаева Б.Ж., Камалджанова Т.А.* Влияние миграции на формирование этнических диаспор Восточного Казахстана в 1937–2005 гг. (социально-демографический и культурный аспект). Семей, 2013. 256 с.
7. *Михнова П.В.* Архитектурное наследие как социально-демографическая характеристика общества (на примере городов Северо-Восточного Казахстана) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Усть-Каменогорск, 2005. Ч. 2.
8. *Оспанов Д.* Семей татарлары // Ертісөңірі. 2003. 7 тамыз. 7 б.

УДК 94(470+574)

А.С. Коробейников

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АВТОНОМИЗМ В СИБИРИ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (1905–1917 гг.)

Развитие общественно-политической мысли в начале XX в. на территории национальных окраин Российской империи отличалось разнообразием идей, направлений и проектов, чему способствовал сложившийся на рубеже веков сценарий имперского кризиса. Автономистский дискурс считается одной из сфер советской политики, однако в контексте изучения кризиса Российской империи особого внимания заслуживают досоветские автономистские проекты, которые формировались региональной интеллигенцией, представляя синтез локальных и глобальных идей.

Ключевые слова: Российская империя, Сибирь, кризис империи, национальные интеллектуалы, автономизм.

Рубеж XIX–XX вв. – период, когда национализм был ключевой силой в формировании политической и социальной карты Европы. Развитие общественно-политической мысли в начале XX в. повлияло на формирование взглядов и деятельность региональной инородческой интеллигенции на территории национальных окраин Российской империи. Разнообразие идей, проектов и направлений способствовали появлению в регионах политических групп, которые вели борьбу за права местного населения. После Войны за независимость в Северной Америке (1775–1783) и Великой французской революции (1789–1799) утвердились идеи национального и демократического самоопределения. К началу XX в. заимствованный из философского дискурса термин «автономия» приобрел коллективный смысл. В контексте распространения национализма автономия становилась альтернативой полной независимости различных групп внутри империй [15, p. 14].

Сложившийся в начале XX в. сценарий имперского кризиса обеспечил проникновение глобальных идей национализма, просвещения и самоуправления, повлиявших на активность национальных движений в Сибири и Центральной Азии, определяя рамки автономистского дискурса в рядах интеллигенции. Сложившаяся историографическая традиция отсылает изучение автономистского дискурса к сфере советской политики [17; 19], однако в

контексте кризиса Российской империи особого внимания заслуживают досоветские автономистские проекты, которые конструировались региональной интеллигенцией независимо от представителей советской власти и представляли собой синтез локальных и глобальных идей.

В данном случае речь пойдет о деятельности локальных акторов, целью которых стала антиколониальная борьба, защита прав местного населения, формирование целостного образа народа и его истории, а также развитие национального самосознания в массовом восприятии этноса [19, р. 2–4]. Целью данной работы является рассмотрение, на примере деятельности центральноазиатской (казахской) и сибирской (якутской, хакасской) национальной интеллигенции, процессов, связанных с историей локальных групп, которые формировали свое единство в национальных терминах, вовлекая местное население в трансформировавшиеся социально-политические реалии для воплощения проектов национальной автономии, являвшихся отражением глобального распространения идей национализма, просвещения и самоуправления.

К началу XX в. Сибирь и Центральная Азия занимали значительное положение в политических, экономических и социальных топологиях Российской империи, расширяя статус государства в качестве колониальной силы на международной арене и вовлекая в регионы новых акторов, имевших связи с европейскими, азиатскими и североамериканскими рынками [10]. Кризис и коллапс Российской империи способствовал распространению на территории национальных окраин глобально циркулирующих дискурсов национального самоопределения, демократии, автономизма и просвещения (см.: [16]), которые сыграли важную роль в формировании инородческой активности в Сибири и Центральной Азии.

Глобально циркулирующие дискурсы проникали в регионы разными путями. В случае с рассматриваемыми инородческими группами значительное влияние имели, во-первых, идеи сибирских областников, которые одними из первых открыто заговорили о колониальном положении Сибири, экономическом положении, угнетении инородческого населения [11; 14], а также привнесли в региональный контекст идеи североамериканских теоретиков и механизмы функционирования публичной сферы; во-вторых, воззрения польских ссыльных, мысли которых были

усвоены будущими якутскими интеллектуалами. Помимо этого важную роль в формировании регионального самосознания, локальности и национальной принадлежности сыграли ученые-востоковеды, изучавшие «собственный Восток России» [18]. Таким образом, концепции регионализма, социализма, национализма и автономизма повлияли на деятельность локальной интеллигенции, стремившейся защитить права местного населения сначала посредством механизмов официального воздействия (на основе Государственной думы Российской империи), а затем используя собственные политические, административные и культурные ресурсы [3, с. 158–162; 6].

Переселенческая политика являлась частью проекта «вхождения» центральноазиатских и сибирских регионов в состав империи и их дальнейшей русификации [12, с. 220]. Направляемая из центра крестьянская колонизация имела целью «заселение земель "крепким элементом" для поддержания постоянства и усиления русского элемента на окраинах империи» [12, с. 221]. В частности, в Степном крае, согласно статистическим данным, в 1897 г. проживало менее 16% русского населения, к 1911 г. этот показатель увеличился вдвое [1, с. 82], а к 1916 г. – достиг 41,6%. Подобная практика «национализации» империи характеризовалась наличием различных траекторий. По словам А.И. Миллера, «в Западном крае она предполагала включение огромного массива коренного населения как "русского", в Поволжье – фрагментацию инородческих идентичностей, чтобы скрепить доминирующее положение живших в регионе русских, в Сибири – смену статуса территории от колониального к "родному"» [7, с. 170]. На первый взгляд, увеличение числа славянских переселенцев в Азиатской России способствовало ускорению «слияния» окраин с центром, однако правительственные органы не учитывали возможные последствия взаимодействия крестьян с инородческим населением, к числу которых относится обострение социальных, национальных и конфессиональных вопросов. По причине аграрной миграции крестьян появились так называемые «вопросы», среди которых наиболее значимыми являлись бурятский, казахский (киргизский) и якутский [9, с. 154, 206].

Движения за права местного населения стали формироваться после запрещения инородцам участвовать в созывах Государственной думы; с этого периода начинается постколониальное

состояние локальной интеллигенции [13], характеризующееся изучением местной литературы, поэзии, языка и других форм культурного выражения, а также исследованием внутренней этнографии, статистики и административного управления. Посредством установления автономного статуса для своего региона интеллектуалы стремились артикулировать политический орган – автономию, который представлял потенциальную нацию и служил ее интересам [5, с. 118]. Ввиду этого деятельность местной интеллигенции была направлена на формирование у местного населения чувства общности через механизмы культурного и социально-политического просвещения [4].

Для этой цели казахские интеллектуалы произвели реформу языка, стали публиковать сборники стихов на национальном языке, выпустили первый национальный роман «Бакытсыз Жамал», который критиковал патриархально-феодальные устои и восхвалял просвещение, переводили российскую классическую литературу на казахский язык для вовлечения жителей в российскую культурную систему [3]. Якутский деятель В.В. Никифоров-Кюлюмнюр написал пьесу «Манчаары» на якутском языке, постановка которой велась на территории якутских улусов; помимо этого была проведена реформа языка, что характерно и для хакасского кейса [8]. Проводившиеся инородческие съезды ставили целью национальное самоопределение, ввиду чего на II Съезде хакасского народа и на II Всекиргизском съезде соответственно были артикулированы вопросы о самоназвании и способах формирования будущих автономий [2, с. 79–82; 6, с. 65].

Единственным реализованным проектом стала казахская автономия Алаш, образованная в 1917 г., руководители которой заботились о культурном просвещении местных жителей. Однако в контексте Гражданской войны нехватка управленческого опыта и невозможность найти союзников стали причинами развала автономии.

Анализируя данные кейсы, есть возможность проследить сходные траектории деятельности трех региональных интеллектуальных групп. Это связано с глобальными трендами, а также с истоками интеллектуального влияния. Сибирская и центрально-азиатская интеллигенции, используя схожие механизмы, стремились реализовать автономные планы для официальной артикуляции потенциальной нации. Однако в контексте кризиса и коллапса

Российской империи автономистские устремления не были полноценно реализованы.

Список литературы

1. Азиатская Россия / под общ. рук. Г.В. Глинки: т. 1–3, атлас. СПб: Типогр. Т-ва А.Ф. Маркса, 1914. Т. 3.
2. Алаш-Орда: сборник документов / сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата: Айкап, 1992. 192 с.
3. *Аманжолова Д.А.* На изломе. Алаш в этнополитической истории Казахстана. Алматы: Таймас, 2009. 412 с.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
5. *Брубейкер Р.* Именем нации: размышление о национализме и патриотизме // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М.: Новое издательство, 2010. С. 110–131.
6. Василий Васильевич Никифоров-Кюльмнюр: фотографии и документы. Якутск: Бичик, 2006. 179 с.
7. *Миллер А.И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
8. *Орешкова Ю.А.* Взгляд в прошлое: к 95-летию со дня проведения I Съезда хакасского народа // Ада чир суу=Отечество: краеведческий альманах. Абакан, 2013. Вып. 2. С. 183–192.
9. *Ремнев А.В., Суворова Н.Г.* «Русское дело» на азиатских окраинах: «русскость» под угрозой или «сомнительные культуртрегеры» // Изобретение империи: языки и практики. М.: Новое издательство, 2011. С. 152–223.
10. Сибирь в составе Российской империи / сост. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
11. *Потанин Н.Г.* Областническая тенденция. Томск: Паровая типолитография Сибирского товарищества печатного дела, 1907. 64 с.
12. Центральная Азия в составе Российской империи: [кол. моногр.]. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
13. *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 448 с.
14. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
15. *Bayly C.A.* The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2004.

16. Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): сб. стат. / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 389 с.

17. Hirsch F. 2005, Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca and London: Cornell University Press. 356 p.

18. Tolz V. 2011, Russia's Own Orient. The Politics of Identity and Oriental Studies in the Late Imperial and Early Soviet. Oxford: Oxford University Press. 224 p.

19. Suny R.G. 1993, The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, CA: Stanford University Press. 224 p.

УДК 902.03.29

Л.К. Островский

**ПОЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НОВНИКОЛАЕВСКА В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙН (1914–1920 гг.)**

Предпринята попытка охарактеризовать польскую диаспору Новониколаевска в 1914–1920 гг. На основании разнообразных источников анализируется численность и состав польской общины города. Сделан вывод, что поляки внесли большой вклад в развитие ремесла и других отраслей хозяйства.

Ключевые слова: польское население, Новониколаевск, 1914–1920 гг.

Накануне Первой мировой войны поляки составляли значительную часть населения Новониколаевска. В 1908 г. в городах губернии католики занимали третье место после православных и евреев. Среди городов Томской губернии больше всего католиков в 1908 г. проживало в Томске, Новониколаевске, Мариинске, Каинске и Барнауле¹.

Таким образом, мы видим, что примерно через десять лет после переписи 1897 г. к четырем городам (Томск, Барнаул, Ка-

¹ Обзор Томской губернии за 1908 год. Томск: Изд-во Том. стат. комитета, б.г. Ведомость № 2.

инск и Мариинск), являвшимся главными центрами концентрации польского населения в Томской губернии, прибавился новый город – Новониколаевск. В Новониколаевске численность поляков, эстонцев, латышей и литовцев в период с 1908 по 1914 г. колебалась на уровне 2–3 тыс. чел. Наименьший показатель приходится на 1908 г. – 1763 чел., что составляло 3,8% населения города, наибольший показатель приходится на 1914 г. – 3562, что составляло 4,7%². По данным метрических книг костела города Новониколаевска за 1911–1913 гг., состоялось 358 крещений, из них детей мужского пола было 186, женского – 172³. Из них детей из польских семей, по нашим подсчетам, насчитывалось 295 (82,4%). Это дает представление о доле поляков среди католиков Новониколаевского прихода.

Во второй половине XIX в. бурное развитие промышленности, транспорта, торговли, банковского дела, образовательных и развлекательных учреждений и частного предпринимательства потребовало массы людей, которые были способны на квалифицированном уровне обслуживать данные сферы хозяйства [2, с. 617].

Рабочие и ремесленники составляли значительную часть польских переселенцев в Сибирь. Польские рабочие приезжали в Россию в поисках достойного заработка, тем более, что возвращающиеся из Сибири ссыльные повстанцы представляли Сибирь в позитивном свете, как край больших возможностей, который населяют доброжелательные люди [6, с. 66]. Ю. Околович сравнивал миграцию поляков в Северную и Южную Америку, Западную Европу, Турцию и Россию и отмечал, что в Западной Европе был спрос на рабочие руки, «на физическую силу», а в России, где, по его словам, культура стояла ниже, не хватало «интеллигенции», специалист всегда находил работу. Если на запад Европы и в Америку эмигрировали в основном крестьяне и поденщики, то в Россию ехали преимущественно интеллигенты, ремесленники, квалифицированные рабочие [7, с. 367]. Несколько тысяч поляков работали в Сибири в качестве обслуживающего персонала на железной дороге. Это были инженеры, техники, рабочие, служащие всех специальностей. Такое положение сохранялось и после 1917 г.

² Весь Новониколаевск: адресно-справочная книга на 1924–1925 год. С краткой историей и планом города. Новониколаевск, 1925. С. 30.

³ ГАНУ. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2858. Л. 199 об. – 200.

В.А. Скубневский отмечает, что прослойку польского населения к 1897 г. имели практически все города, крупные села Сибири и фабричные поселки [4, с. 172–173]. В отличие от других городов Западной Сибири, где формирование польских общин происходило в 1860–1890-е гг. за счет ссыльного элемента, польская община Новониколаевска состояла из добровольных переселенцев или из потомков политических ссыльных. Так, дорожным техником в Новониколаевске работал сын политического ссыльного из Лодзи В.И. Проминский. В 1915–1917 гг. он был призван в армию и находился на фронте, после возвращения с войны работал в Новониколаевском губсовнархозе⁴.

Польские рабочие начали переселяться в Сибирь с конца XIX в., они устраивались в депо сибирских станций, где чаще всего работали в качестве слесарей и машинистов. В целом среди железнодорожных рабочих в период с 1910 по 1914 г. представители нерусских национальностей – поляки, татары, литовцы, латыши, немцы – составляли от 7 до 9% [3, с. 113]. Я. Сталевский проживал в Новониколаевске, где работал машинистом на Омской железной дороге, машинистом являлся и уроженец Виленской губернии Ф.Ю. Пукшта⁵.

В конце XIX – начале XX в. в связи с началом массового переселения в Сибирь и недостатком промышленных товаров в крае растет численность кустарей и ремесленников. В результате меняется профессиональный облик польской диаспоры в Сибири: кроме интеллектуальных видов деятельности поляки начинают заниматься ремеслом.

В годы Первой мировой войны в качестве сапожников в Новониколаевске работала большая группа польских военнопленных. Так, военнопленный из армии Австро-Венгрии Т. Попович владел в городе собственной сапожной мастерской, где в качестве сапожника работал другой военнопленный поляк – Владислав Сокульский⁶. Всего, по переписи 1920 г., в Новониколаевске насчитывалось 566 сапожников⁷. Сапожниками являлись проживавшие в Новониколаевске крестьянин Варшавской губернии

⁴ Там же. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 173. Л. 139.

⁵ Там же. Д. 175. Л. 71–72; Д. 173. Л. 149.

⁶ Там же. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 120; Д. 175. Л. 58.

⁷ Ново-Николаевская губерния: статистический очерк. Новониколаевск: Сибирское статистическое управление, 1921. С. 33.

А. Рогаль и уроженец Виленской губернии С. Петрусевич⁸. Довольно значительное место среди ремесленников-поляков занимали портные. Портными являлись А. Вронский и М. Янушкевич, находившиеся на военной службе, после которой проживали в Новониколаевске, где в 1920 г. владели собственными мастерскими⁹. Портняжными мастерскими располагали в Новониколаевске и военнопленные. Так, свою мастерскую в городе имел И.М. Керонский, портной по профессии. Попад в плен в 1914 г., в 1919–1920 гг. он проживал в Новониколаевске¹⁰.

В 1914 г. и до февраля 1920 г. мещанин Лодзи С. Мердальский владел в Новониколаевске слесарной мастерской. Слесарь Мердальский в 1907 г. был сослан в Нарымский край за принадлежность к боевой организации ППС, затем проживал в Новониколаевске. В августе 1920 г. он работал слесарем в отделении металлургии СНХ в Новониколаевске¹¹. Владельцем собственной кузницы в Новониколаевске являлся В.И. Язвинский, переселившийся в Сибирь в 1897 г.¹²

В Новониколаевске в начале XX в. существовало четыре аптеки, из них три принадлежали П.С. Ковнацкому. В одной из аптек провизором работал Г. Поленц. 2 апреля 1917 г. Поленц вступил в брак с дворянкой В. Клецкой, свидетелями при венчании являлись С. Клецкий и Ф. Кмитт¹³. Таким образом, Поленц сближается с польской общиной города. В Новониколаевске в Народной аптеке № 3 работает кассиршей М.Н. Тиминская. Она родилась в Тобольске, в 1920 г. овдовела и проживала с дочерьми в Новониколаевске¹⁴.

Многие из поляков, сосланных или добровольно приехавших в Сибирь, служили здесь чиновниками. В Новониколаевске представители польской диаспоры трудились в качестве мелких служащих. Так, жители Новониколаевска Я. Язвинская, происшедшая из дворян Минской губернии, работала «канцеляристой»¹⁵, конторщиками являлись К. Гессе, происходивший из ме-

⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 248. Л. 114; Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 173. Л. 70.

⁹ Там же. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 166. Л. 114; Д. 180. Л. 52.

¹⁰ Там же. Д. 169. Л. 58.

¹¹ Там же. Д. 171. Л. 65–67.

¹² Там же. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 180. Л. 36.

¹³ Там же. Ф. Д-156. Оп. 1. Д. 2857. Л. 98.

¹⁴ Там же. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 176. Л. 31.

¹⁵ Там же. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 174. Л. 368.

щан Волынской губернии¹⁶, и В. Рысовский, переселившийся в Сибирь из Сувалкской губернии¹⁷.

В конце XIX – начале XX в. немало поляков находилось в Сибири на военной службе. С одной стороны, поляки были представлены в рядах офицерского корпуса, с другой – поляков, проживавших на территории Сибири, призывали на военную службу в качестве солдат. Число призванных на военную службу выросло с началом Первой мировой войны, и многие поляки после окончания военной службы поселились в Новониколаевске.

Летом 1913 г. завершилось строительство в городе Новониколаевске самого большого в Томской губернии военного городка. На его территории первоначально разместились 41-й Сибирский стрелковый полк, 2-я Сибирская артиллерийская бригада и 1-й Сибирский артиллерийский дивизион [1, с. 0]. Чиновниками 41-го Сибирского стрелкового полка в 1912 г. являлись А. Хитрек и Э.С. Колодзинский. 17 октября 1912 г. в костеле Новониколаевска состоялось крещение дочери Хитрека, а Э.С. Колодзинский выступал в роли восприемника¹⁸.

В период революции и Гражданской войны свое положение в экономической жизни Сибири укрепили кооперативы [5, с. 63]. В 1920 г. в Новониколаевске (по адресу Асинкритовская, 72) работал «польский кооператив»¹⁹. Польские военнопленные Я. Баёнский и И. Кноц трудились в кооперативе конторщиками. При кооперативе «Дом польский» работал магазин, где военнопленные поляки трудились в качестве приказчиков, кассиров и бухгалтеров²⁰.

В Новониколаевске в 1918–1920 гг. работала столовая польского кооператива. Заведующим столовой являлся В. Сливинский, происходивший из провинции Познань и сосланный в Сибирь как военнообязанный в 1914 г., на родине он был ресторатором²¹. Поварами и официантами в польской столовой в 1920 г. работали военнопленные²².

¹⁶ Там же. Д. 170. Л. 6.

¹⁷ Там же. Д. 198. Л. 158.

¹⁸ Там же. Ф. Д-156. Оп.1. Д. 2858. Л. 95.

¹⁹ Там же. Ф. Р-1133. Оп. 1. Д. 165. Л. 9; Д. 169. Л. 139.

²⁰ Там же. Д. 174. Л. 5.

²¹ Там же. Д. 175. Л. 47.

²² Там же. Д. 166. Л. 67; Д. 169. Л. 6; Д. 175. Л. 41; Д. 178. Л. 10; Д. 180. Л. 61.

Одним из важных видов промыслов являлся извоз. В годы Первой мировой и Гражданской войн в числе извозчиков, работавших в Новониколаевске, находилось много поляков – военнопленных, беженцев или ссыльных. Военнопленный А. Добжанский, родом из города Жешув, в плену находился с 1915 г. в Новониколаевске, где работал ломовым извозчиком²³. Извозчиками работали сосланные в Сибирь как военнообязанные бывший музыкант Н. Долинский и учитель из Кракова Г.Г. Жарон²⁴.

Подводя итоги, отметим, что в Новониколаевске, как и в других крупных городах Западной Сибири, в начале XX в. формируется устойчивая польская община. Многие из поляков прибывают в Сибирь в связи со строительством Транссибирской магистрали. На строительстве железной дороги работали польские инженеры, техники и рабочие, а после вступления дороги в строй появились польские железнодорожники. Поляки внесли большой вклад в развитие ремесел и других отраслей хозяйства. С началом Первой мировой войны в Сибирь прибывают военнопленные, которые со временем включаются в хозяйственную жизнь города.

Список литературы

1. *Баяндин В.И.* Военный городок в Ново-Николаевске // Военный городок в Ново-Николаевске. Первые годы истории / сост. Е.А. Кузнецова. Новосибирск: Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области, 2013.
2. *Беловинский Л.В.* Культура русской повседневности. М.: Высшая школа, 2008. 767 с.
3. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока в условиях революции и Гражданской войны (1917–1922 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Ч. I. Томск, 2008. 421 с.
4. *Скубневский В.А.* Польское население Сибири по материалам переписи 1897 года // Польская ссылка в России XIX–XX веков: региональные центры. Казань: Мастер Лайн, 1998. С. 170–175.
5. *Шиша А.* Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. Новониколаевск: Сиб. обл. гос. изд-во, 1922. 92 с.
6. *Łukawski Z.* Ludność polska w Rosji. 1863–1914. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1978. 229 s.

²³ Там же. Д. 168. Л. 38.

²⁴ Там же. Л. 45, 85.

7. *Okołowicz J.* Wychodźstwo i osadnictwo polskie przed wojną światową. Warszawa: Nakładem urzędu emigracyjnego skład główny w księgarni Gebethnera i Wolfa, 1920. 412 s.

УДК 947(571)

Т.Г. Недзелюк

**«ОБРАЩЕНИЕ» ИЛИ «КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПЕРЕХОД»:
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СМЕНЫ ВЕРОИСПОВЕДНОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

Статья посвящена анализу возможности смены конфессиональной принадлежности в Российской империи в широком ключе, и в азиатской ее части в частности. Изучены нормативно-правовые акты и материалы архивных коллекций.

Ключевые слова: конфессиональный переход, смена вероисповедной принадлежности, Российская империя, Сибирь.

Историографическая традиция темы имеет более чем столетнюю историю. Полемика, начавшаяся на страницах периодической печати [8, с. 122–137], вылилась в университетские аудитории. Серьезность вопроса обозначили официальные публикации указа о свободе вероисповедания¹ и комментарии к нему. Российские и европейские, выходившие на русском языке, периодические издания в разделе «Хроника» активно обсуждали правительственную политику в отношении неправославных вероисповеданий в России, активной критике была подвергнута деятельность Кабинета министров, действовавшего, по мнению либерально настроенных публицистов [9, с. 433–446; 12, с. 135–163], слишком консервативно. Предметом жарких дебатов стали известия из Государственной Думы о ходе дискуссий и предлагавшихся законопроектах в сфере религиозного законодательства [10, с. 312–320]. Наконец содержательному и перспективному анализу Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и методах его реализации пре-

¹ *Николай II.* Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденные положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 5. С. 1–11.

доставил свои страницы академический журнал «Научное слово» [5, с. 121–125].

Несмотря на многоплановое обсуждение и критику (а возможно, благодаря им), были вскрыты моменты, не позволявшие в полной мере реализовать положения Указа и сформировать качественную законоприменительную практику [4, с. 298–306]. Острой политической проблемой по-прежнему оставалась вероисповедная принадлежность населения западных губерний. Население Холмской губернии – униаты, причисленные в административном порядке к ведомству православного исповедания – при появлении возможности объявили о желании перейти в ведомство инославных исповеданий и в массовом порядке приняли католичество. Правомерность этих действий, а при более широком рассмотрении, возможность на практике реализовать декларируемое Указом право и безнаказанно перейти в иное вероисповедание, стала темой для полемики на страницах журнала Министерства иностранных дел [7, с. 5–6].

Впервые православные христиане получили возможность вступать в браки с инославными христианами в 1721 г., что было обусловлено стремлением Петра I привлечь пленных шведов к освоению Сибири, дав им русское гражданство. Было установлено правило, единое и для монарших особ, и для простолюдинов: перед вступлением в брак с православным(ой) будущий супруг(а) должен был принять прежде православную веру. Данное правило сохраняется в каноническом праве православной церкви и до сих пор – с оговоркой, что христианин другой конфессии вправе вступить в брак с православным, дав подписку о том, что не будет возвращать православного супруга в свою веру и обязуется воспитывать детей в православии [2, с. 53].

Исследуя эту проблему, О.А. Лиценбергер вводит в научный оборот термин «православизация» [11, с. 29]. Автор вкладывает в данное понятие как ассимиляторскую политику Русской православной церкви, направленную на принудительное обращение в православие, так и добровольное принятие православия отдельными представителями инославных конфессий. Им были обещаны выгоды как политического (прекращение преследований), административного (легкий путь сделать карьеру), так и экономического плана².

² Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 67. Д. 80.

В государстве, где провозглашена государственная религия, быть полноценным гражданином – значит исповедовать эту религию. Свод законов Российской империи (изд. 1832 г.) в томе XV «О преступлениях против веры» перечисляет следующие составы преступлений: отвлечение от православия в иную христианскую веру (ст. 186), отвлечение от православия в нехристианскую веру (ст. 189), отвлечение от христианства в нехристианскую веру (ст. 190), отвлечение подданного иноверца в какое-либо христианское исповедание (ст. 188)³. Сам факт «отвлечения» квалифицировался как «ересь». Ст. 279 Свода законов именовала ересь «случай индивидуального уклонения от догматов православия», массовое же уклонение именовалось расколом.

По имеющимся у нас архивным данным, переход из православия в иные исповедания, за редким исключением, совершался всей семьей в полном составе. Объяснение этому обстоятельству минимального количества индивидуальных переходов найдем в ст. 187 «Уложения о наказаниях»: те, кто, зная о намерениях жены, детей или других лиц, за которыми им предоставлено наблюдение и попечение, отступить от православного исповедания в иное христианское, не старались отклонить их от этого и не принимали мер, чтобы этому воспрепятствовать, подвергались административному аресту на срок до трех месяцев. Эта же статья предписывала еще более сурово наказывать лиц, «виновных в совращении» православного в иное христианское исповедание, подвергая его ссылке в Сибирь или сдаче в арестантское отделение на срок до полутора лет с лишением всех особенных прав и преимуществ⁴.

Переходы из одного вероисповедания в другое, неправославное, уже на территории Сибири, т.е. непосредственно в месте поселения или ссылки, тоже не приветствовались властью, но имели место. О своем желании перейти в инославное христианское исповедание следовало подать прошение к местным властям, которые посылали православного священника с увещеванием не делать такого шага. Обычно священник призывал родственников обращающегося оказать на него моральное давление. Здесь в спе-

³ Свод законов Российской империи. Изд. 1832 г. Т. XV. Ст. 186–190, 278.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845 г. // Российское законодательство X–XX веков. М.: Юридическая литература, 1988. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. Ст. 187.

циальную категорию выделим наиболее многочисленный массив ходатайств о переходе в католическое исповедание.

Сосланные в Сибирь униаты, приписанные в Привисленском крае и Холмской губернии к православной церкви, просили в 1915 г. о возвращении к вере своих предков, т.е. католицизму. Таковы просьбы Байгуловой Юлианы Сергеевны⁵, Беднарчук Екатерины Григорьевны⁶, Дроздовской Марфы Георгиевны⁷, Кушнарева Августы Георгиевны⁸, Масловской Олимпиады Константиновны⁹ и ряда других. Все они получили положительное разрешение своего дела, так как являлись совершеннолетними и дееспособными. Иное решение было принято томским полицмейстером по просьбе братьев Лаврентьевых-Гура, беженцев, уроженцев имения Рушов, гмины Павловской Холмского уезда и губернии, проживавших в Томске по Духовской ул., в доме № 5. «Предлагаю поставить в известность одного из просителей, а именно Лаврентия Гура, достигшего совершеннолетия, т.е. имеющего от роду 22 года, что ему представляется подать заявление о желании его перейти из православия в римско-католическое исповедание... а остальным просителям Александру – 19 лет, Яну – 16 лет и Андрею – 15 лет Лаврентьевым Гура объявить, что они как не достигшие совершеннолетия, т.е. 21 года, на основании Высочайшего указа 17 апреля 1905 года не могут быть исключены из списков православной церкви»¹⁰.

Обобщая сложившуюся практику, светская губернская власть создала инструкцию для желающих перейти из православия в католицизм. Итак, претенденты: а) пишут прошение на имя «Его Превосходительства Господина Томского Губернатора», сопровождая его необходимым гербовым сбором и удостоверяя свою подпись нотариально; б) прошение передается в Первое отделение Томского губернского управления МВД, затем в) томскому полицмейстеру, который наводит справки «по документальным данным, сведения о возрасте заявителя, а также сведения о

⁵ ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 52, 80–83.

⁶ Там же. Л. 53–62, 86–93.

⁷ Там же. Л. 76–78.

⁸ Там же. Л. 2–22, 101–105.

⁹ Там же. Л. 50–51, 63–75.

¹⁰ Там же. Л. 37.

роде занятий его, г) и только потом "Епископу Томскому и Алтайскому" для увещаний и организации...»¹¹.

Жесткие санкции действовали относительно перехода в иные исповедания лиц еврейской национальности: в соответствии с п. 4 ст. 71 Устава ДДД ИИ издания 1896 г. разрешения о присоединении к католицизму евреев должны были выдаваться исключительно Духовной Коллегией. Полагая, что «Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденные положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. отменили все предшествующие им законодательные акты, омский настоятель Сонгайло окрестил в апреле 1912 г. евреев Кучинского и Гузовскую, а новониколаевский священник Юркун в январе того же года совершил обряд крещения над Давидом Немзером, за что оба священнослужителя были привлечены к ответственности «за самовольное крещение евреев»¹².

Интересно сравнить процесс смены вероисповедания из нехристианского в христианское, а именно православное, представителями народов, традиционно населявших Сибирь. «Для казахов-кочевников принятие крещения ставило бывшего соплеменника в роль человека, порвавшего с родным народом... В 1887 г. миссионер священник Филарет Синьковский писал, что как только казах принимал крещение, у него появлялось сознание того, что он человек не только крещеный, но и человек уже русский» [1, с. 64]. Данное свидетельство позволяет на практике подтвердить постулат о том, что вероисповедная принадлежность воспринималась в качестве одного из признаков этничности.

Чтобы закрепить возникшее изменение в сознании человека и продемонстрировать преимущества перехода в православие, «до 1861 г. всех крещеных киргиз (казахов) записывали в мещане и казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней среды и тем самым дать им возможность укрепиться в лоне новой веры» [1, с. 64]. Позитивное изменение социального статуса, «повышение по службе» могли выступить как причиной возникновения конфликта с бывшими единоверцами, так и мотивом смирения. Описан случай крещения Акына Джанталасова, молодого казаха из станицы Убинской на Иртыше (1893 г.). Мать отреагирова-

¹¹ Там же. Л. 18–22.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 128. Д. 964. Л. 1, 2.

ла на поступок сына словами: «Ну, ты теперь стал русским, смотри же, соблюдай русскую веру, ходи в церковь, молись Богу»¹³.

Другим мотивом перехода в поддерживаемую государством религиозную конфессию мог стать уже имевший место конфликт с единоверцами. Смысл перемены вероисповедания в данном случае – в поисках новой социальной ниши. «В основном крестились те, кто в силу обстоятельств порвал с тувинской общиной и проживал в русской среде» [6, с. 71]. Показателен пример Сумы Бижи-Кожун Калгадчика из племени урянхайцев, оставившего прошение следующего содержания: «С самого малолетства проживая между Российскими подданными... я познал правила истинной Христовой Православной веры и потому в 1888 году просвещен Св. Крещением Священником Усинской миссионерской Церкви о. Платоном Тыжновым. Оставляя обычаи и Ламайскую веру предков своих и вступая в лоно Апостольской Греко-Российской Церкви, я вполне надеялся, что я Законом русского Царя и поставленными от него властями буду огражден от всяких притеснений со стороны своих единоплеменников за отступление от прежней Ламайской веры. Возвратиться на родину в Урянхайский край я не могу, потому что меня не только подвергнут разным пыткам для оставления принятых мною Св. Имени и веры, но могут даже лишить жизни...»¹⁴.

Чтобы защитить новообращенных в православную веру от бывших единоверцев, на местном уровне сибирской администрацией был предпринят ряд специальных мер. «Например, семьи молокан, принявшие православие, получали пособие, жены могли развестись и выйти замуж за православного и уйти с детьми в новую семью» [3, с. 74].

Широкая инициатива местных сибирских властей была обусловлена, во-первых, изменениями в общегосударственном векторе религиозной политики, а во-вторых, комплексом «белых пятен», не решенных на уровне главы государства и правительства.

¹³ Записки Шульбинского миссионера иеромонаха Сергия за 1893 г. // Томские епархиальные ведомости. 1894. № 12. С. 13.

¹⁴ Государственный архив Красноярского края (ГААК). Ф. 674. Оп. 1. Д. 3343. Л. 2–2 об.

Список литературы

1. *Андриенко С.Е.* История Преображенского стана Киргизской Духовной миссии // Макарьевские чтения: материалы VI Междунар. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2007.
2. *Антокольская М.В.* Семейное право. М.: Юрист, 2002. 283 с.
3. *Асочакова В.Н.* Особенности религиозно-конфессиональной ситуации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. – 1861 г. // Макарьевские чтения: материалы VI Междунар. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2007. С. 72–79.
4. *Вильский А.* Церковные дела // Летопись. 1916. № 3. С. 298–306.
5. *Давыдов Н.* Указ о веротерпимости // Научное слово. 1905. Кн. 6. С. 121–125.
6. *Дацышен В.Г.* Проблемы православной миссионерской деятельности в Туве во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения: материалы VI Междунар. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2007.
7. Закон об исповедующих вероучение мариавитов 30 марта 1912 г. // Известия Министерства иностранных дел. 1912. Кн. 6. С. 5–6.
8. *Изгоев А.С.* Национальные и религиозные вопросы в современной России // Русская мысль. 1908. Кн. 5. Отд. 2. С. 122–137.
9. Из общественной хроники (по поводу «Положения» Комитета Министров о свободе вероисповедания в связи с указом 17 апреля 1905 г.) // Вестник Европы. 1905. Кн. 5. С. 433–446.
10. *Иорданский Н.* Наследство четвертой сессии // Современный мир. 1911. № 5. С. 312–320.
11. *Лиценбергер О.А.* Римско-католическая и евангелическо-лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 36 с.
12. *М.Р.* Свобода совести и Закон 17 апреля 1905 г. // Русское богатство. 1905. № 5. С. 135–163.

УДК 94(571.54)+(517.3)

А.М. Плеханова

**МОНГОЛЬСКИЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА БУРЯТИИ В 1920-е гг.**

В статье предпринята попытка определить влияние монгольского «соседства» на структуру и темпы развития экономики Бурят-Монгольской АССР в 1920-е гг. Выявлен ярко выраженный «монгольский» оттенок экономической стратегии Советского государства в Бурятии в 1920-е гг. Установлено, что стремление Советского государства вовлечь Монголию в орбиту своего влияния способствовало ускоренному экономическому развитию Бурятии, отчетливо проявившемуся в период форсированного промышленного роста в 1930-е гг.

Ключевые слова: Бурятия, Монголия, экономическая стратегия, экономическое пространство, Кяхтинская железная дорога.

Значение Западного Забайкалья – важной в стратегическом и геополитическом отношении территории – было осознано российским правительством еще в XIX в. Усилению позиций Забайкальского региона не только как транзитного пункта идущих за границу товаров, но и как экономического плацдарма для реализации честолюбивых планов империи по втягиванию центрально-азиатского пространства в орбиту своего экономического и политического влияния способствовало близкое соседство с Монголией [1, с. 208]. В дореволюционный период первым значительным шагом для экономического укрепления Забайкалья с целью реализации российских интересов в Монголии стало сооружение Транссибирской магистрали. Однако дальнейшее воплощение имперских замыслов по созданию в Забайкалье точки экономического роста было прервано мировой войной и последующими революционными событиями.

После завершения Гражданской войны и иностранной интервенции Советскому государству, оказавшемуся в состоянии фактической блокады со стороны стран Запада и конфронтации со всеми мировыми державами, необходимо было кардинальными мерами решать проблему обеспечения защиты границ, особенно в связи с высокой вероятностью новых военных конфликтов. Именно поэтому укрепление восточных районов страны на основе фор-

сированного экономического роста вновь стало одной из приоритетных задач уже новой – советской – власти. В результате замыслы самодержавия по превращению Западного Забайкалья в самодостаточный в экономическом плане регион были положены в основу развития Бурят-Монгольской республики, образованной в мае 1923 г.

Восстановление разрушенного в годы социальных катаклизмов хозяйства и последующий подъем экономики республики должны были демонстрировать народам Востока преимущества социалистических методов хозяйствования и тем самым не только вовлекать их в орбиту советского экономического, политического и идеологического влияния, но и служить «плацдармом мировой революции на Буддийском Востоке». Считалось возможным использование национального фактора – общности языка, истории, религии и культуры, а также наличия стремления к единению монголоязычных народов, в том числе бурят – для решения задачи мировой революции. Революция 1921 г., разрушившая основы феодально-теократического строя Монголии, обращение ряда монгольских политических деятелей за поддержкой к Советской России и оказанная ею в дальнейшем военная и экономическая помощь, подписание 5 ноября 1921 г. Соглашения между правительством РСФСР и Народным правительством Монголии о взаимном признании и установлении дружественных отношений [7, с. 13] стали ключевыми событиями, не только положившими начало принципиально новому этапу в российско-монгольских отношениях, но и предоставившими советскому руководству возможность рассматривать Монголию как «трамплин» для экспорта революции в Китай и далее по всей Азии.

Советская Россия, в отличие от царского и Временного правительств, делавших ставку на сотрудничество с традиционными феодально-кочевыми властными структурами Монголии и не стремившихся активно воздействовать на ее внутреннее устройство, выступила в качестве силы, стимулирующей кардинальные перемены в стране. С.Г. Лузянин считает, что «при анализе монгольского фактора советское руководство учитывало и обстоятельства "революционной целесообразности"», в частности, использовалась тактика единого фронта «всех слоев монгольского населения на почве активной революционной борьбы с китайским империализмом» [3, с. 89].

Таким образом, в начале 1920-х гг. Монголия в рамках стратегии продвижения «мировой революции» в Китай и в целом в Азию должна была предстать в качестве революционного «моста», образца «освободившейся от колониального гнета азиатской страны» [6, с. 51].

Наряду с геополитическими, военно-стратегическими и идеологическими обстоятельствами, важность установления тесного сотрудничества Бурятии и Монголии в 1920-е гг. была обусловлена экономическими причинами. Во-первых, Монголия рассматривалась в качестве рынка сбыта продукции. Безусловно, в 1920-е гг. слабо развитая бурятская промышленность, работающая на старом, изношенном оборудовании, мало что могла предложить своему ближайшему соседу. Однако в перспективе аргументом в пользу организации на территории республики крупного промышленного комбината в составе действующих предприятий (при условии их расширения и переоборудования) и за счет строительства новых послужило наличие обширного рынка сбыта не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в Монголии и Северной Маньчжурии. Госплан БМАССР определял перспективы широкого вывоза в Монголию продукции стекольного, винокуренного, электрометаллургического, целлюлозно-бумажного, экстрактно-варочного из бадана, лесопильного, лесохимического, маслобойного заводов [2, с. 106–113].

Во-вторых, Монголия с ее богатым скотоводческим хозяйством могла быть важным поставщиком сырья для обрабатывающей промышленности республики. По данным Кяхтинской пароформалиновой камеры, в 1924/25 г. фактический ввоз из Монголии разных кож достиг 200 тыс. шт., однако в Бурятии задержалось лишь около 15%, а остальное транзитом было вывезено в другие регионы. Правительство БМАССР, считая подобную ситуацию недопустимой, связывало перспективы расширения Чикойского кожевенного завода с возможностью увеличения импорта в Бурятию монгольского кожсырья, стоимость которого в 1925 г. была на 11% ниже цен Верхнеудинского рынка [4, с. 51]. Кроме того, при разработке пятилетнего плана ЦСНХ республики доказывалась необходимость строительства в Верхнеудинске овчинно-шубного завода. Рентабельность этого производства доказывалась существованием в довоенное время в Кяхте сравнительно крупного частного овчинно-шубного завода, работавшего на сы-

рье из Монголии, откуда только в 1914 г. было вывезено 625 тыс. овчин [4, с. 55].

Таким образом, большинство проектов экономического роста Бурят-Монгольской АССР, разрабатываемых в 1920-е гг., связывалось с укреплением и расширением хозяйственных связей с Монголией.

В качестве механизма обеспечения более устойчивого экономического партнерства с Монголией в 1920-е гг. вновь стало рассматриваться улучшение транспортных коммуникаций. В 1926 г. во время разработки Госпланом СССР проекта развития путей сообщения в первой пятилетке была реанимирована идея сооружения Кяхтинской железной дороги. Теперь инициатором ее строительства выступило руководство Бурят-Монгольской республики. В правительственных кругах данную линию стали нередко называть Верхнеудинск-Монгольской, поскольку изначально учитывалась возможность и даже необходимость ее продолжения в Монголию. Специалисты указывали: «Согласованная и цепко увязанная деятельность советских и монгольских торговых предприятий, надлежащая организация водного транспорта в пределах Монголии, соответствующие тарифы, держащиеся на уровне себестоимости, дадут возможность втянуть все монгольское хозяйство, по крайней мере, хозяйство Халхи – центральной части Монголии, в сферу влияния Кяхтинской железной дороги. Не только монгольское сырье, экспортируемое за границу, но и требующиеся для снабжения монгольского населения промтовары как советского, так китайского и английского происхождения в силу коммерческой выгоды пойдут по пути Урга – Верхнеудинск – Владивосток» [2, с. 73]. Однако из-за ограниченности финансовых ресурсов реализация данного проекта опять затянулась. Лишь в 1936 г. было принято решение НКПС о разработке окончательного проекта сооружения железнодорожной магистрали Улан-Удэ – Кяхта (Наушки). Строительные работы начались в 1937 г., а рабочее движение поездов открылось 15 января 1939 г. С момента ввода в эксплуатацию Кяхтинская железная дорога стала играть огромную роль в экономическом развитии Бурятии и Монголии, способствуя их взаимовыгодному торгово-промышленному сотрудничеству.

Правительство республики планировало укрепление транспортных связей с Монголией не только посредством уста-

новления железнодорожного сообщения, но и через организацию регулярного пароходного сообщения по Селенге и Орхону. Данная задача в 1924 г. была поставлена перед созданным Селенгинским государственным пароходством в качестве первоочередной. Задача трудновыполнимая, поскольку пароходству в наследство достался изношенный, выходящий из строя, не всегда соответствующий условиям водопутти флот: 19 пароходов и 35 непаровых судов возрастом от 23 до 54 лет [5, с. 90]. В 1924–1925 гг. были проведены изыскательные работы, в результате которых была установлена возможность плавания пароходов в пределах Монголии по Селенге на расстояние до 450 км, по Орхону – свыше 300 км [2, с. 35]. За три года флот, обслуживающий бассейн Селенги, пополнился двумя новыми пароходами и одним теплоходом, благодаря чему грузооборот по реке увеличился с 6337 т в 1924 г. до 18 514 т в 1927 г. (на 292%) [5, с. 91–92].

Таким образом, экономическая стратегия Советского государства в Бурятии в 1920-е гг. имела ярко выраженный «монгольский» оттенок. Данное обстоятельство способствовало ускоренному экономическому развитию региона, что особенно отчетливо проявилось в период форсированного промышленного роста в 1930-е гг.

Список литературы

1. Кальмина Л.В., Плеханова А.М. Монголия в «забайкальской» экономической стратегии Российского/Советского государства (1910–1920 гг.) // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2015. № 3 (19). С. 207–213.
2. Козьмин Н.Н. Основы капитального строительства Бурятии. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1926. 144 с.
3. Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М., 2000. 320 с.
4. Перспективы и ближайшие задачи хозяйственного строительства БМАССР. Верхнеудинск: Госплан БМ АССР, 1927. 89 с.
5. Помус М. Пути развития водного транспорта в Бурятии и Селенгинское пароходство // Жизнь Бурятии. 1928. № 1–3. С. 89–94.
6. Родионов В.А. Россия и Монголия: новая модель отношений в начале XXI века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 228 с.
7. Советско-монгольские отношения. 1921–1966: сборник документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М.: Наука, 1966. 360 с.

УДК 930.25(571+054.5)(11/8)

Н.М. Маркдорф

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ, СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
СТИГМАТИЗАЦИЯ НЕМЦЕВ-СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ**

В статье рассматриваются отдельные аспекты институциональной, культурной, социально-психологической стигматизации немцев-спецпоселенцев, имевшей место в результате вынужденных межкультурных, этнических коммуникаций «пришлого» и «коренного» населения. Были использованы как записанные нами, так и опубликованные воспоминания немцев-спецпоселенцев, а также материалы личных дел.

Ключевые слова: стигматизация, российские немцы, стереотип, личные дела.

Одним из источников исследования служат воспоминания бывших немецких спецпоселенцев. Эти воспоминания по сравнению с личными делами, хранящимися в информационных центрах ГУВД краев и областей РФ, помогают изучить процесс и итоги адаптации, понять гендерные и возрастные особенности интеграции немцев в социуме после освобождения со спецпоселения (1841–1956 гг.), проблемы, связанные с их реабилитацией. В частности, возможно рассматривать проявления социальной, институциональной, личной (внутренней), межличностной стигматизации в советском и постсоветском обществе и влияние «социальной травмы», травмирующих ситуаций на судьбы свидетелей событий и их потомков.

Были изучены рассказы людей, насильственным образом вырванных из привычной среды, которым предстояло выстраивать жизнь уже в новом этнокультурном окружении, значительно отличающемся от того, в котором выросли или жили их родители, родные и близкие. Изучая материалы личных дел, возможно исследование проблем, во-первых, влияния на жизнь человека семейных традиций и ценностей, во-вторых, внешних социокультурных факторов, а в условиях военного и послевоенного времени – агрессивной иноэтничной среды, вступающей в противоборство с привычными, традиционными, семейными ценностями и установками.

Стигматизация (от греч. – ярлык, клеймо) – клеймение, нанесение стигмы. «Стигматизация» обозначает «навешивание социальных ярлыков». В этом смысле стигматизация – ассоциация какого-либо качества (как правило, отрицательного) с конкретным человеком или группой людей, хотя эта связь отсутствует или не доказана. Впервые данный термин был введен в научный оборот в 1963 г. Ирвином Гоффманом, опубликовавшим монографию «Стигма: управление испорченной идентичностью» и положившим начало изучению этого сложного и многогранного явления [2, с. 23].

В рамках одного из важнейших направлений в области решения проблем стигматизации можно выделить работы ученых по изучению национальных стереотипов и «образа врага» (например, И.Б. Гасанова) [2, с. 11], в которых акцентируется внимание на изучении стигматизации с точки зрения особенностей восприятия этнических групп в условиях инородной среды, в том числе в военное и послевоенное время. Различные аспекты, связанные с правовой защитой дискриминированных, стигматизированных групп населения, разрабатываются в юриспруденции (Г.Н. Комкова) [3, с. 13].

Немцы-спецпоселенцы подвергались следующим видам стигматизации:

1) культурная стигматизация, отражающая общественное мнение в военное и послевоенное время в СССР, зачастую относящее спецпоселенцев как части спецконтингента к маргинальным слоям общества;

2) институциональная стигматизация – дискриминационное отношение со стороны государства, государственных структур, которое было закреплено в советских нормативно-правовых актах. Первым из них можно назвать Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» от 28 августа 1941 г., а также постановление ГКО-1123сс от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет», постановление ГОКО-2383сс от 7 октября 1942 г. «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР» и многие другие.

Достаточным основанием для направления на спецпоселение могли послужить не только принадлежность к немецкой

национальности, но и немецкие фамилия, имя, брак с немцем или немкой. Чтобы освободиться со спецпоселения такой категории спецконтингента предстояло доказывать свое русское или украинское происхождение. За «преступление» – принадлежность к немецкой национальности – на поселение отправлялись бойцы Красной армии, прибывавшие по ранению в госпитали. Как правило, после излечения служба в армии для них заканчивалась. При этом не учитывались ни боевые заслуги, ни наличие орденов и медалей, ни членство в партии. Находясь на спецпоселении, люди пытались доказать свое «не немецкое» происхождение, что являлось бесспорным условием их освобождения. Непонимание своей «вины» вызывало протест против поражения в правах. «Я ни одной секунды не чувствовал себя виновным, несмотря на то, что по национальности я немец. В нашей семье никто не говорит по-немецки, потому что мы все время жили среди русских ... Я от всего сердца горжусь, что родился и вырос в единственной в мире Стране Советов», – писал один из поселенцев в обращении к И.В. Сталину, ходатайствуя о своем освобождении.

Институциональная стигма оказывала большое влияние на самосознание немцев, неоправданно принижая их социальный статус, и тем самым негативно воздействовала на их социальную идентичность, «обесценивая» ее в глазах других людей. «Социальный ярлык» и страх быть наказанным сопровождался социальным и психологическим отчуждением, которые в одинаковой степени наносили вред как человеку, так и обществу в целом. Следствием социального отчуждения была невозможность немцев быть полноправными гражданами, участвовать в войне против фашизма. В то же время находящиеся на спецпоселении немцы честно трудились в народном хозяйстве, своим ударным трудом приближали победу, а после окончания войны вносили свой вклад в экономику страны¹.

В послевоенном обществе двойная мораль порождала в народном сознании слияние образов врага, «своего» и «чужого», что приводило к отождествлению с фашизмом различных подневольных контингентов – интернированных немцев, детей репрес-

¹ В личных делах есть характеристики немцев-спецпоселенцев, в которых отмечается высокий процент выполнения норм выработки, положительное отношение к труду и дисциплинированность. За редким исключением, в делах указаны факты дезертирства.

сированных немцев-спецпоселенцев, немцев-трудармейцев, способствовало формированию негативизма в отношении к немцам, к немецкому языку, культуре, да и Германии в целом.

Еще одним видом стигматизации была личная стигматизация, питавшаяся имевшимися у местного социума предрассудками и представлениями о немцах, и являющимися следствием культурной и институциональной стигмы. Выделяющимся из общей массы коренного населения индивидам приписывали отрицательные качества, обусловленные стереотипами их восприятия. Происходила категоризация людей на «мы» и «они», что позволяло считать «других» не людьми и, следовательно, соответственно к ним относиться.

Личная стигма была менее выражена в населенных пунктах, отличавшихся полиэтничностью и высокой концентрацией подневольного контингента различных национальностей. Схожесть социального статуса последних, суровые климатические условия и совместный труд вольнонаемных советских граждан и различных категорий спецконтингентов (немцы-спецпоселенцы, репатрианты, интернированные немцы, военнопленные), высокая степень психоэмоционального и физического напряжения способствовали стиранию национальных граней и выработыванию определенной толерантности в отношениях и восприятии друг другом людей различных национальностей, традиций, вероисповедания.

Говоря о стигматизации в отношении немцев-спецпоселенцев, важно рассмотреть проблемы, связанные с принятием или непринятием способов и последствий преодоления стигмы. Непринятие стигматизирующих ситуаций, попытки отстоять свои гражданские, национальные, личностные права (например, обращения-письма в адрес руководства СССР, желание, несмотря на запрет, соблюдать религиозные обряды, отмечать национальные праздники, говорить на родном языке, побеги с места поселения), внутреннее противостояние стигме (психологическое, психоэмоциональное напряжение, ожесточение, апатия) оборачивались осложнением адаптации, положения на спецпоселении, ужесточением режима, отдаляло срок освобождения, провоцировало кон-

фликтные ситуации, что могло обернуться различными психосоматическими заболеваниями, а иногда и смертью человека².

Принятие, вживание в стигматизирующие ситуации во многом приводили к утрате личностью собственной национальной, культурной идентичности, последствием чего становились обезличивание, стирание национальных граней. В отношении детей, оставшихся без родителей, началом быстрой утраты памяти о личной и этнической идентичности становились воспитание в духе советских интернациональных ценностей, давление сверстников в детских домах, школах и других образовательных советских учреждениях. Клеймо «врага народа», которое носили родители, переносилось и на детей.

Наиболее остро влиянию межличностной и культурной стигматизации подвергались подростки. У них чувство одиночества, отчаяния, покинутости сохранялось годами. Именно подростки в силу возраста наиболее остро переживали навешиваемые им ярлыки: «враг народа», «фашист», «немец», «немчура» и другие. Однако впоследствии время нахождения на поселении воспринималось ими как школа или университет.

В воспоминаниях этой категории спецконтингента родина представлялась желанной страной, а желание когда-нибудь вернуться туда была мощным мотивационным и стимулирующим фактором. В то же время люди отмечали, что зачастую их иллюзии не оправдывались, а социальная и психологическая стигматизация по возвращении в родные края только возросла. Именно этот сибирский климат, эти земля, культура, люди были теперь особенно желанны, они воспринимались по-другому, не через призму страданий, а через привычный мир. «Свои» же стали «чужими» и даже враждебными. В то же время психологическая травма не прошла бесследно, ее влияние сказывалось на последующих отношениях с родителями, мужьями и женами.

Ряд исследователей, изучавших последствия стигматизации, отмечали, что в условиях несвободы главным ресурсом выживания и преодоления негативных последствий стигматизации

² В личных делах немцев-спецпоселенцев сохранилось немало документов: автобиографии, протоколы допросов, агентурные донесения, в которых выражен явный протест против направления на поселение, нежелание принимать местные традиции, желание доказать наличие своих гражданских прав (бороться с фашистами, служить в Красной армии, вступить в партию, учиться, свободно перемещаться по стране), как у всех советских людей.

становилась семья. Семья, созданная в соответствии с национальными традициями, той средой, из которой насильственным образом был выхвачен человек, и особенно при наличии в ней представителей старшего поколения, была проводником, координатором в новой системе культурных ценностей, идеалов, норм, психологической устойчивости к жизненным реалиям.

Можно предположить, что именно наличие у российских немцев опыта переживания «исторической» травмы (изгнания, лишений и утрат) и помогло сementировать их этническую целостность и самосознание.

Список литературы

1. Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага». М.: [б.и.], 1994. 39 с.
2. Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью. Часть 1: Стигма и социальная идентичность [E. Goffman. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Prentice-Hall, 1963] / пер. М.С. Добряковой: [электронный ресурс]. – URL: https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272895702/Goffman_stigma.pdf. (дата обращения: 9.09.2016).
3. Комкова Г.Н. Запрет дискриминации в российском и международном праве. Саратов: ПАГС, 2003. 124 с.

УДК 303.211:316.356.4

Е.А. Ерохина

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ К ЭТНОСОЦИАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ

В статье выделяются ключевые индикаторы и показатели этносоциологического мониторинга межэтнических отношений в Новосибирской области. Данные социологических исследований позволили выявить следующую закономерность: чем крупнее населенный пункт, тем менее его жители испытывают потребность в уважении традиций и обычаев других народов и склонны воспринимать межэтнические отношения как «хорошие». Данной закономерности сопутствуют тенденции оценивать отношения между людьми разных национальностей более оптимистично

респондентами из числа недоминантных этнических групп и более критично русскими респондентами.

Ключевые слова: этносоциология, индикаторы, мониторинг, экспертиза, национальная политика.

Целью данной статьи является выделение ключевых индикаторов и показателей мониторинга межэтнических отношений в региональном сообществе Новосибирской области. Основные индикаторы вынесены в заглавие данного материала: социальное самочувствие, этнокультурная идентичность, готовность общества к изменениям, в том числе и в этносоциальной сфере. Данные индикаторы являются интегральными не только для оценки межэтнической ситуации, но и в целом для анализа характера и направленности этносоциальных и этнокультурных процессов. В качестве показателей мониторинга предложены следующие параметры: степень удовлетворенности этнокультурных потребностей, сопряженность этнического и гражданского уровней идентификации, уровень субъективно оцениваемой межэтнической напряженности в региональном сообществе.

Методика диагностики межэтнических отношений апробирована в исследовании, осуществленном в 2014 г. при поддержке РГНФ, «Актуальные проблемы межэтнических отношений и этнонациональной политики в регионах Сибири в оценках массового сознания». Исследование проводилось в Новосибирской области (573 чел.) методом целевой непропорциональной стратифицированной выборки, где в качестве страт выступали этнические общности, которые в дальнейшем были сгруппированы по региональному (кроме русских) и конфессиональному признакам. По каждому из обследуемых регионов были сформированы следующие статистически представительные группы: 1) русские; 2) народы Сибири, Поволжья и Центральной Азии (татары, казахи, алтайцы, буряты, башкиры, чуваша, мордва, марийцы и др.); 3) народы Средней Азии (таджики, киргизы, узбеки, уйгуры); 4) народы Кавказа (аварцы, лезгины, лакцы, даргинцы, кумыки, азербайджанцы, осетины, армяне, чеченцы и др.); 5) другие народы.

В Новосибирской области работа по проекту осуществлялась в районах с этнически смешанным составом населения: в сельских поселениях Приобья (русские и татары), Барабинской степи (русские, казахи и татары) и в городе Новосибирске. Пропорция численного соотношения городского (419 чел.) и сельско-

го населения (154 чел.) Новосибирской области в двух выборках соблюдена с погрешностью в 5,5%, что открывает возможность в перспективе объединить городской и сельский массивы в один общий массив. В данной же статье выборки по Новосибирску и районам Новосибирской области представлены как два самостоятельных полноценных массива данных.

В Новосибирске опрашивалось взрослое население из разных поло-возрастных, социально-профессиональных и этнических групп:

- по полу: мужчины – 197 чел., женщины – 221 чел.;
- по возрасту: 16 лет и младше – 14 чел., 17–25 лет – 150 чел., 26–45 лет – 115 чел., 46–60 лет – 76 чел., старше 60 лет – 62 чел.;
- по характеру занятости: учащиеся (вузов, колледжей, техникумов) – 122 чел., работающие – 222 чел., пенсионеры – 56 чел., не работающие – 16 чел.;
- по национальной принадлежности: доминируют русские – 302 чел. (общая доля русских, согласно переписи 2010 г., составляет в Новосибирске 92,8 %), представители народов Сибири – 19 чел., народов Средней Азии – 44 чел., народов Кавказа – 27 чел., других народов – 18 чел. (среди них в основном белорусы, украинцы, немцы).

В Новосибирской области опрашивались представители следующих групп:

- по полу: мужчины – 54 чел., женщины – 98 чел.;
- по возрасту: 16 лет и младше – 5 чел., 17–25 лет – 23 чел., 26–45 лет – 55 чел., 46–60 лет – 47 чел., старше 60 лет – 21 чел.;
- по характеру занятости: учащиеся (вузов, колледжей, техникумов) – 20 чел., работающие – 96 чел., пенсионеры – 30 чел., не работающие – 6 чел.;
- по национальной принадлежности: русские – 85 чел., казахи – 34 чел., татары – 24 чел., другие народы – 18 чел.

Богатая палитра этнокультурной и этносоциальной жизни является несомненным достоинством городской и региональной среды Новосибирской области. Вместе с тем этническое многообразие создает определенные сложности в плане интеграции членов межэтнического сообщества в общее социокультурное пространство. Оценивая преобладающие отношения между представителями разных национальностей в Новосибирске, его жители проявляют сдержанный оптимизм по поводу их характера. Только 46% новосибирцев охарактеризовали их как терпимые. Мнения осталь-

ных респондентов резко поляризовались: 24% сочли их хорошими, тогда как 20% – напряженными, а 3% – и вовсе враждебными.

Среди всех выделенных нами групп обращает на себя внимание группа русских респондентов в качестве категории горожан, наименее комфортно чувствующих себя в полиэтнической среде. В сравнении с респондентами, представляющими иные этнические категории населения Новосибирска, у русских выше доля лиц, оценивающих межэтнические отношения как напряженные: 23% у русских против 8% у лиц других национальностей, в том числе 17% – народов Сибири, 11% – народов Кавказа, 5% – народов Средней Азии. Данный вывод подтверждается и при сопоставлении доли лиц, оценивших межэтнические отношения как хорошие: 16% у русских против 46% у других народов, в том числе 33% – народов Сибири, 56% – народов Средней Азии, 56% – народов Кавказа. Таким образом, налицо субъективное завышение уровня позитива в отношениях между людьми разных национальностей у респондентов из числа недоминантных этнических групп и его субъективное занижение у русских респондентов в Новосибирске.

Оценка уровня межэтнической напряженности по данному показателю в сельских районах Новосибирской области позволила выявить закономерность, которая распространяется как на всю выборку в целом, так и на категорию русских респондентов. Она заключается в росте доли лиц в области (по сравнению со столичными жителями), оценивающих межэтнические отношения как хорошие (63% в сельской местности против 24% в городе), сокращении доли респондентов, оценивающих их как терпимые (24 и 46%, соответственно) и напряженные (4 и 20% соответственно), практически полном исчезновении оценивающих их как враждебные (1 и 3% соответственно). У русских показатель оценки межэтнических отношений как хороших в сельской местности составил 60% против 16% в городе, как терпимых 28% против 50%, как напряженных 4 и 23%, как враждебных 0 и 3% соответственно.

Однако и в сельской местности тенденция завышения уровня позитива в межэтнических отношениях у недоминантных этнических групп (казахов, татар, представителей других народов Новосибирской области) и его занижения у русских также проявила себя: хорошими отношения между людьми разных национальностей в обществе считают 60% русских, а среди татар и казахов Новосибирской области таковых 80 и 71% соответственно.

Как терпимые их оценивают 28% русских, 5% татар и 24% казахов при низких показателях оценок как напряженных и враждебных среди всех выделенных категорий.

Для объяснения выявленной закономерности и сопутствующей ей тенденции мы обратились к группе показателей, характеризующих удовлетворенность этнокультурных потребностей, в том числе к оценке потребности жить среди людей своей национальности. Группой, для представителей которой потребность жить среди людей своей национальности остается одной из актуальных, является в данном исследовании русская группа. В Новосибирске ощущают важной для себя потребность жить среди людей своей национальности 66% русских, тогда как реально среди новосибирцев таковых 56%. У горожан, представляющих недоминантные этнические группы, данный показатель снижается до 47% у украинцев, белорусов, немцев, поляков, евреев и др. (категория «прочие» народы), 33% у представителей народов Сибири (татар, казахов, тувинцев, якутов, бурят и др.), 31% – народов Кавказа и 21% – народов Средней Азии. Среди русских, по сравнению с представителями других народов, наименьшая доля тех, кто ощущает потребность жить среди людей своей национальности неважной для себя: 29% у русских против 47% респондентов из категории «прочие» народы, 50% народов Сибири, 62% народов Кавказа, 76% народов Средней Азии.

Два фактора, влияющих на субъективную оценку межэтнических отношений, привлекают внимание в связи с выявленными закономерностями. Фактором, оказывающим положительное воздействие на характер межэтнических отношений, является потенциал межэтнического сотрудничества старожильческих сообществ Приобья и Барабы, состоящих из представителей русского, татарского и казахского и других народов. Данные субрегионы Новосибирской области оказались практически не затронутыми трудовой миграцией и, несмотря на 25 лет постсоветских реформ, этнический состав старожильческих локальных сообществ существенных изменений не претерпел. Фактором, снижающим степень толерантности в межэтнических отношениях, является миграционная привлекательность Новосибирска, которая сопровождается конкуренцией экономически активного населения, в том числе мигрантов и резидентов. Нарастающее изменение этносоциальной структуры населения Новосибирска вызывает тревогу у

части горожан. Налицо трудности адаптации к таким изменениям, что и показало наше исследование.

Среди жителей Новосибирской области потребность жить среди людей своей национальности испытывают 50% респондентов. В этой группе вполне предсказуемо лидируют русские – 59%. Тем не менее в сельской местности данный показатель ниже, чем в городе, где он составил, как уже отмечалось, 66%. Самый низкий показатель у казахов – 31%, что сопоставимо с показателем, выявленным в городской подгруппе народов Сибири (33%). Ощущают неважной для себя потребность жить среди людей своей национальности 35% русских, 50% татар, 66% казахов Новосибирской области. При сравнении городского и сельского массивов были выделены следующие особенности межэтнических отношений в Новосибирске и Новосибирской области:

1) меньшая доля респондентов-сельчан, которые считают важным для себя жить среди людей своей национальности (50%), против доли горожан, ответивших аналогично (56%);

2) большая доля сельчан, полагающих не актуальной для себя потребность жить среди людей своей национальности, в сравнении с долей горожан, ответивших аналогично (45 и 38% соответственно).

Таким образом, выявленные тенденции и закономерности позволяют прогнозировать дальнейшее нарастание давления на сферу межэтнических отношений, вызванное миграционными потоками в экономически развитые муниципальные образования. С внедрением требования обязательного тестирования на знание основ русского языка, истории и законодательства РФ в 2015 г. приток трудовых мигрантов на территорию всей Новосибирской области, включая Новосибирск, сократился. Дополнительным фактором снижения миграционной привлекательности мог послужить экономический кризис, вызванный введением антироссийских санкций, а также падением цен на нефть, что привело к девальвации российской валюты.

Однако одновременно с ужесточением требований к получению права на работу происходит либерализация процедур получения патента на работу для иностранцев. Не исключено, что по мере выхода из кризиса миграционный приток может превзойти показатели предшествующего периода. Это означает, что не только мигранты должны активнее приспосабливаться к условиям

жизни в российском принимающем сообществе, но и сами резиденты должны прилагать некоторые усилия для адаптации к изменяющейся этносоциальной ситуации.

УДК 81'23

М.И. Грицко

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В АСПЕКТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СИБАС)**

Анализируются некоторые аспекты ценностных установок молодежной части российского общества в контексте проблемы трансформирующейся этнокультурной самоидентификации на материале первого этапа психолингвистического ассоциативного эксперимента (2008–2013 гг.), по результатам которого была создана русская региональная ассоциативная база данных – СИБАС.

Ключевые слова: этнокультурная самоидентификация, ассоциативно-вербальная сеть, русская региональная ассоциативная база данных – СИБАС, оценочные маркеры, ценностные ориентиры.

Идентификационные процессы, усилившиеся в последнее время во всем мире в условиях глобализационных трансформаций общества, приводят к переосмыслению этнокультурной значимости народа и личности в условиях многочисленных внешних и внутренних вызовов и угроз. Этнокультурная самоидентификация проявляется в виде самоопределения человека – к какой национально-культурной традиции он себя относит, в каких социальных ценностях и моральных нормах оценивает повседневную реальность, насколько безопасным и устойчивым в дальнейшем развитии видит то общество, в котором живет.

Психолингвистические исследования, посвященные изучению ассоциативно-вербальных сетей (АВС), получаемых при проведении массовых ассоциативных экспериментов, «могут помочь прояснить некоторые аспекты трансформирующейся или вновь формирующейся национальной идентичности, которая, безусловно, изменяется под влиянием динамично-развивающихся

факторов различной природы (экономических, геополитических, социально-культурных и т.д.)» [1, с. 6].

Исследование процессов самоидентификации в регионах, территориально расположенных на историческом пересечении культур, всегда имеет особую специфику. Психолингвистический массовый ассоциативный эксперимент, материалы которого отражены в Русской региональной ассоциативной базе данных – СИБАС (2008–2016, авторы-составители – И.В. Шапошникова, А.А. Романенко), проводится на территории Сибири и Дальнего Востока среди студентов крупных вузов именно с учетом региональной специфики.

Массовый опрос студентов (более 5 тыс. анкет на первом этапе эксперимента) – такой категории людей, которая представляет самые различные слои общества и географические пункты, позволяет делать вывод о масштабности и объективности полученных в ходе эксперимента данных. В качестве испытуемых в эксперименте, состоящем из трех этапов, принимают участие студенты в возрасте от 16 до 30 лет; помимо сведений о возрасте в базе имеются данные о половой принадлежности испытуемых, профессиональной специализации и местах их проживания и обучения. В настоящее время проводится второй расширенный этап эксперимента, планируется собрать и обработать еще около 8 тыс. анкет в той же самой возрастной и социальной группе на территории Сибири и Дальнего Востока.

Известно, что «ассоциативно-вербальная сеть представляет собой вербально-знаковое отражение образа мира человека, отличаясь устойчивостью и изменчивостью в определенных пределах, соотносимых с динамикой изменения самого образа мира» [2, с. 67]. Детальный анализ АВС, полученных с определенным временным промежутком на одной и той же языковой территории среди одинаковых возрастных категорий опрашиваемых, может указывать на такие изменения в языковом сознании этноса (в основном это изменения ценностных ориентиров в обществе), на основе которых в дальнейшем можно проводить мониторинг процессов формирования и изменения национальной идентичности, прогнозировать дальнейшее развитие нации и осуществлять выбор необходимой государственной политики, в том числе и языковой. Подобные исследования АВС сегодня ведутся на материалах базы данных РАС (Русского ассоциативного словаря), состав-

ленной в 1990-х гг. (1994–1998)¹, и региональных ассоциативных баз данных ЕВРАС, УРРАС и СИБАС (2008–2013)².

Посмотрим, какие аспекты идентичности молодых россиян мы можем отследить в АВС, представленной в СИБАС, на примере ассоциативных полей **Я** и **ЧЕЛОВЕК** (входящих в ядро языкового сознания), ведь информация из этих ассоциативных полей (АП) в прямом (ПС) и обратном (ОС) словарях может дать ответы на важные с точки зрения самоидентификации вопросы – *Кто я? Какой я? В какой социально-культурной среде я живу?* Кроме того, сравним полученные результаты с данными 20-летней давности в словаре РАС, чтобы проследить в динамике процессы самоидентификации молодежи в переходный период, который продолжается и сегодня и характеризуется глобальными изменениями во всех сферах жизни общества, особенно в социокультурной.

Несовпадающие стимулы ядра АП **ЧЕЛОВЕК** (обратный словарь)

РАС (1994–1998) Присутствовали в ядре АП в указанный период, затем утратили свои позиции	СИБАС (2008–2013) Появились в ядре АП в указанный период
<i>Нужный 162 (СИБАС 64); серьезный 158 (СИБАС 0); советский 122 (СИБАС 35); чванливый 115 (СИБАС 0); рабочий 104 (СИБАС 40); дорогой 97 (СИБАС 67); заносчивый 97 (СИБАС 0); свой 88 (СИБАС 57); современный 85 (СИБАС 69); хороший 82 (СИБАС 69); родной 78 (СИБАС 66); спесивый 78 (СИБАС 0); великий 77 (СИБАС 63); веселый 73 (СИБАС 47); робкий 72 (СИБАС 70); настойчивый 70 (СИБАС 64); другой 66 (СИБАС 40); простой 66 (СИБАС 51); стыдливый 66 (СИБАС 64); пустоголовый 62 (СИБАС 0); военный 61 (СИБАС 51); живой 60 (СИБАС 63); застенчивый 54 (СИБАС 67)</i>	<i>Общительный 171 (РАС 0); близкий 151 (РАС 0); великодушный 128 (РАС 0); безответственный 125 (РАС 0); культурный 125 (РАС 0); предпринимчивый 115 (РАС 0); честный 106 (РАС 34); деловой 104 (РАС 41); религиозный 100 (РАС 0); независимый 97 (РАС 24); лживый 96 (РАС 31); искренний 94 (РАС 0); непредсказуемый 94 (РАС 0); расчетливый 93 (РАС 0); жадный 91 (РАС 16); пассивный 87 (РАС 20); самобытный 85 (РАС 0); умный 84 (РАС 19); изобретательный 75 (РАС 0); деловитый 74 (РАС 0); осторожный 72 (РАС 0); решительный 72 (РАС 18); жестокий 71 (РАС 33); отсталый 71 (РАС 20); здоровый 70 (РАС 11).</i>

¹ РАС: Русский ассоциативный словарь / сост. Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М., 1994–1998. Т. 1–2 [электронный ресурс]. – URL: <http://www.tesaurus.ru/dict/dict.php>.

² СИБАС: Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2015) / авт.-сост. А.А. Романенко, И.В. Шапошникова [электронный ресурс]. – URL: <http://adictru.nsu.ru>.

Анализируя данные АП **ЧЕЛОВЕК** в СИБАС и РАС, мы пришли к выводу, что современные респонденты положительно характеризуют человека *молодого, инициативного, общительного, великодушного, культурного, честного, религиозного, независимого*. В условиях современной жизни он должен быть *предприимчивым, деловым, умным, самобытным, изобретательным, деловитым, решительным, здоровым*. Это соответствует данным социологических исследований, в ходе которых было выявлено, что в современном обществе «большое значение стали придавать индивидуальным человеческим качествам: целеустремленность (27% в 1986 г. и 37% 2006 г.), способности, талант (15% и 32%), инициативность (21% и 25%), умение приспособиться, гибкость (94% и 20%), лидерство (9% и 16%)³.

При анализе АП **Я** в прямом и обратном словарях, в первых, отчетливо видны разнообразные признаки, по которыми идентифицирует себя современная молодежь: профессиональный, гендерный, семейный, национальный, религиозный. Об отсутствии четкого идентификационного вектора у россиян свидетельствуют и данные социологических исследований⁴. Так, например, 57% опрошенных отнесли себя к гражданам Российской Федерации, 35% идентифицировали себя как жители города/села; среди других видов идентификации – возрастная (16%), этническая (16%), региональная (15%), гендерная (14%), имущественная (11%), семейная (11%), религиозная (10%). Особенно интересны ответы молодого поколения, родившегося в «перестроечные» годы (группа «1985–1999 – перестройка»). Именно эта группа составляет большую часть респондентов, которые фактически никак себя не идентифицируют, не могут отнести себя ни к одному сообществу – группа под названием «я сам по себе» составляет 32%! Данные психолингвистических и социологических источников во многом совпадают и указывают на неустойчивость самоидентификации молодого поколения, ее постоянную изменчивость под влиянием различных факторов общественно-политического, экономического, религиозного, культурологического

³ Андрееenkova A.B. Изменения в образе жизни и ценностях россиян [электронный ресурс]. – URL: <http://www.cessi.ru/index.php?id=171> (дата обращения: 9.09.2016).

⁴ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы: Социологический опрос. Москва. Сентябрь 2013. С. 9 [электронный ресурс]. – URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (дата обращения: 9.09.2016).

характера, т.е. фактически на отсутствие общего основания идентификации молодых, что может представлять определенные угрозы в виде внутривнутриполитической нестабильности в будущем.

Во-вторых, в АП **Я** можно отследить ценностные ориентиры молодежи, эксплицитно и имплицитно выраженные через образы сознания, представленные в основном при помощи оценочных смыслов. Приведем в качестве примера некоторые ядерные положительные реакции АП **Я** в ПС: *личность 36, я 11, молодец 10, лучший 9, хороший 8, это я 5, Бог, лучшая, мир, сама, супер, умный 3, герой, гордость, единственная, клевая, красавчик, солнце, талант, царь 2* и периферийные, также отражающие позитивное отношение к самому себе: *the best (перев. с англ. – лучший), VIP (Very Important Person – в пер. с англ. – очень важная персона), везучая, великая, властелин мира, властелин своей судьбы, гений, громадина, замечательная, изменить мир, индивидуален, индивидуальность, классная, крутой, легенда, мозг, независимость, нужный, перспективная, победитель, само совершенство, скала, супермен, чемпион 1*. Такие реакции свидетельствуют о применении в отношении себя популярной сегодня «психологии победителя» – чело- века, уверенного в своих силах, способного мыслить категориями успеха, обладающего твердой жизненной позицией при достижении собственных целей и занимающего достойное место в обществе. Приписываемых себе отрицательных качеств тоже хватает, их заметно меньше, тем не менее, в лидеры ядра АП **Я** в ОС попали стимулы *эгоист 45 (!), эгоизм 32 (!), ленивый 21, бездельник, лодырь 20, безответственный 8, одинокий 5*. Молодые россияне фактически признают, что хотят пользоваться различными жизненными благами в одиночку и «на халяву», т.е. не готовы особо напрягаться, чтобы их получить.

Анализ ассоциативных полей, получаемых в ходе ассоциативных экспериментов, и сопоставление их с предыдущими исследованиями в этом направлении с 20-летней разницей показывает наметившиеся тенденции в изменении ценностных норм молодых россиян на разных уровнях (бытовом, государственном, социальном).

Таким образом, богатый ассоциативный материал, собранный в единые информационные исследовательские ресурсы, дает уникальную возможность выявлять, фиксировать и прогнозировать возможные изменения в национальной системе цен-

ностных ориентиров современного общества с целью построения и изучения ассоциативно-вербальной модели идентичности на основе анализа образов сознания российской молодежи.

Список литературы

1. *Грицко М.И.* Оценочные характеристики как маркеры национальной идентичности (на примере Русской региональной ассоциативной базы данных СИБАС) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. Вып. 2. С. 5–15.
2. *Шапошникова И.В.* Эмпирическая база для исследования вербальных ассоциаций русских, проживающих в Сибири и на Дальнем Востоке // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. Т. 10. Вып. 2. С. 63–76.

ОСВОЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЕВРАЗИИ

УДК 069:002

И.В. Чувилова

СОХРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

В статье рассматриваются актуальные направления в сфере освоения наследия и сохранения идентичности местных сообществ. Выводы относятся к проблематике научного отбора, критики и интерпретации источников в музейной практике, особенно – при работе с разнообразными объектами поликультурного наследия.

Ключевые слова: идентичность, поликультурное наследие, музеи, отбор и интерпретация источников.

Векторы изменений в музейном мире сегодня находятся преимущественно в двух направлениях. Прежде всего изменения обусловлены как экономическими условиями, так и потребностями общества в исторических, национальных, культурных ориентирах, необходимостью сохранения наследия и стремлением к самоидентификации. Ряд авторов считает, что создание и развитие музеев зачастую определяется и процессом политическим, поскольку «саморефлексия общества по поводу своей идентичности и мест памяти есть политический вопрос с любой точки зрения...» [1, с. 52]

Динамика изменений музейного мира, прочно связанная с усложнением его структуры, остро ставит перед нами вопросы распоряжения наследием, в том числе теоретические – проблемы интерпретации, подлинности, научности, историзма. Решение

* Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе».

этих вопросов играет важнейшую роль в *организации процесса саморефлексии сообщества*.

Другое направление и одна из ключевых особенностей настоящего периода – трансформация и расширение понятия наследие (появление новых объектов, музеефикация целостной историко-культурной среды, включение нематериального культурного наследия и т.д.), а также расширение коммуникативных практик в деле презентации этого наследия обществу.

Каким же образом проблемы сохранения наследия, его интерпретации и освоения в интересах сообщества реализуются в музейном пространстве?

Прежде всего необходимо отметить те темы, к которым с начала 2000-х гг. пристально обращаются музеи – именно они определяют сегодня базовый музейный дискурс.

Регионы, культурные и национальные сообщества все чаще обращаются к проблеме сохранения своей уникальной историко-культурной и природной среды. В связи с этим в последние годы процесс музеефикации приобрел ряд особенностей: при сохранении уже включенных в музейную сферу объектов музеефикации изменились либо выявились ярче, чем ранее, его субъекты. В сферу музеефикации все более настойчиво включаются темы мирового жизнеустройства: *земля, семья, порядок*. Причем в любой из названных тем преобладает стремление к поиску и сохранению самобытности, использование тех культурных накоплений, которые актуализируют традиционные ценности в противовес быстротечной новизне.

Первенство здесь принадлежит *Личности*, которая и как самодостаточное явление, и как центростремительная сила, организующая вокруг себя уникальное социокультурное пространство, становится существенным поводом для музеефикации. Одна из характерных особенностей музейной сети России – высокий процент мемориальных музеев. Для каждого региона очень важно иметь своих социально значимых лиц, поддерживающих или возвращающих утраченный ранее статус.

Проявить, верифицировать свой культурный слой, составляющий особый пласт культурного наследия в истории большой страны, – цель региональных и национальных сообществ. Стремление к культурной и национальной самоидентификации, к сохранению уникального *миропорядка* привели к созданию новых

музеев-заповедников на основе музеефикации археологических, этнических памятников, а также объектов нематериального культурного наследия. И здесь свою нишу нашли как музеи крупные, общего исторического профиля, так и локальные музеи малых поселений и «мест обитания». Стремление к преодолению кризиса самоидентификации мы наблюдаем в различных примерах музеефикации субкультур (усадебной, старообрядческой, казачьей и др.).

И, наконец, третья составляющая – *земля, природа*. Природные ландшафты становятся неотъемлемой частью исторического наследия, в том числе локального. Это определенный ответ на беспокойство за сохранение экологического равновесия, природных сообществ. В этом же смысловом ряду – музеефикация целых средовых и градостроительных комплексов, процесс, который может помочь в решении проблем архитектурного возрождения малых городов России.

Эта тематика в значительной мере определяет специфику и качество тех решений, которые музеи предлагают своей аудитории. Все профильные группы и типы музеев так или иначе отражают обозначенные процессы. Но есть такие, где это происходит наиболее ярко и концентрированно.

Прежде всего это музеи комплексные, соединяющие характеристики двух или более профилей и типов; их количество неуклонно растет. На этой волне возникают новые *краеведческие музеи*, музейно-выставочные и культурные *центры*, усложняются профильные характеристики *музеев-заповедников*.

Это связано с тем, что музеи пытаются представить историко-культурное и природное наследие как единое пространство человеческого бытия: пришло осознание среды как части наследия. Происходят существенные сдвиги в характере деятельности и концепциях развития ряда музеев, главным образом музеев-заповедников. Установка на тщательное восстановление взаимосвязей, существовавших между элементами среды, возрастающая роль не только подлинных, но и достоверных составляющих среды (микрорельеф, флора, фауна и т.д.), включение местного населения в музейную деятельность в качестве полноправных партнеров характеризует их деятельность; все большее значение приобретает сохранение и реконструкция традиций, форм деятельности, элементов образа жизни. Музеи как бы добирают игнорируемый ранее аксиологический ресурс, который становится основа-

нием для идентификации сообществ. Акты саморефлексии способствуют упрочению коллективной идентичности, сохранению мест памяти и актуализации наследия – в этом и состоит, главным образом, миссия музеев сегодня, в том числе музеев-заповедников.

Такой подход к сохранению мест памяти, к возрождению элементов традиционной культуры и к актуализации этого наследия «совершенствуют» коллективную идентичность сообщества, развивают ее.

На этой волне *местные краеведческие музеи*, музеи малых городов начинают интенсивно работать со средой, а некоторые из них трансформируются в музеи-заповедники, вбирая в зону своей ответственности окружающее пространство (Дмитровский, Елабужский, Касимовский музеи-заповедники).

Зачастую краеведческие музеи с трудом находят гармоничное равновесие между представлением локальной истории, с одной стороны, и отечественной – с другой; между традиционными национальными и цивилизационными ценностями. Диапазон решений в нашей стране довольно широк – откровенно мифологизированные музеи, с придуманной, сконструированной идентичностью, которая совершенно не затрагивает местное сообщество и предназначена для туристов (например, некоторые музеи в Мышкине); традиционные музеи местного края с показом природы, социальной истории и культурных процессов, среди которых есть качественные и вполне жизнеспособные образцы (Минусинский краеведческий музей); попытки создать новое пространство краеведения в ракурсе культуры повседневности (Дмитровский музейно-выставочный центр).

Надо особо отметить, что столь различные примеры объединяет внимание локальных музеев к среде, взгляд за музейные стены. Музей в Минусинске, старый город, камерность русской провинции, южно-сибирский пейзаж – все вместе это то самое *комплексное* историко-культурное и природное наследие, о котором мы говорим. Музеи любого типа и профиля сегодня пытаются стягивать под свои знамена, включать в орбиту своей миссии фрагменты городской и сельской среды, архитектурные и природные памятники путем создания музейных городков и музейных кварталов, иногда просто небольших площадок, выполняя тем самым роль собирателей культурных земель. Эта новая социокультурная роль Музея – свидетельство не только наших надежд,

но и наших тревог. Невозможно представить даже Минусинский музей как отдельную культурную единицу, вырванную из контекста, из среды, из набора ценностей, которыми более 100 лет дышит местное сообщество. Потому так печальны утраты последних лет в городской архитектуре, в природных комплексах на всем пространстве страны.

Мемориальные музеи традиционно имеют самое прямое отношение к формированию идентичности, поскольку являются собой наиболее аттрактивные и достоверные свидетельства коллективной памяти. Персонификация истории, ее антропологический вектор особенно важны сегодня для развития регионов. Среди таких проектов особую значимость приобретают те, которые способствуют поддержанию культурной идентичности, в которых Личность становится важным поводом для обсуждения социально значимых вопросов и маркировки культурного пространства.

Внимание к жанру биографии сегодня особенно велико, и изучение биографии выдающегося соотечественника (при этом порой выдающегося, но малоизвестного или неизвестного) становится частью акта самопознания. В лучших проектах, реализованных на музейных площадках, биографии отводится не только и не столько вспомогательная роль как комментария к творчеству, но значение самостоятельного *текста*, некой точки в духовном развитии социума, общности, субкультуры.

Мемориальные музеи тоже тяготеют к комплексности, многофункциональности, и наравне с собственно музейным пространством здесь начинают функционировать библиотеки, кружки, мастерские, создаются театральные площадки. При некоторых музеях развиваются виды хозяйственной деятельности, традиционные для данной местности, – происходит фиксация не только личного пространства быта и бытия, но и элементов материальной и духовной культуры, традиций. В результате образ конкретного места меняется от Гения, пребывавшего здесь когда-то, и оно становится многомерным пульсирующим пространством.

Однако известны примеры и другого рода, когда попытка соотносить личность и историю, коллективную память, напротив, оборачивается проблемой идентификации сообщества, сжимая и обедняя культурное пространство.

Именно во время кризиса идентичности создаются мифы. В случае с уральским наследием П.П. Бажова этот миф переkreпил

локальную историю и идентичность дважды. Первый раз – в 1930-е гг., когда Бажовым был создан новый образ и новая история Урала: в ее основу была положена такая форма коллективной памяти, как сказка¹. Бажов наделил регион полноценной мифологией, способствовал формированию *новой* региональной идентичности, «превратив край металлургов в край гранильщиков», а людей – в сказочных героев. Второй раз мифологизация коснулась культурного наследия региона в целом: мемориализация Бажова началась сразу после его кончины, и сегодня это главный бренд региона. Пока не появится и не будет раскручен другой Гений этого места, развивать прочие идентичности невозможно – территория занята.

В этом, кстати, таится опасность брендинга территорий, поскольку всегда вместо полифоничного культурного пространства мы получаем фрагмент шагреновой кожи, пусть и прекрасной выделки. Кризис идентичности 1990-х гг. породил немало подобных экземпляров.

В значительной мере такие примеры – проявление постмодернизма: мифологизация, фрагментарность знания, миграция в сторону массовой культуры и преобладание формы над содержанием. Но целостность культуры обретается только на содержательном уровне, поэтому постоянно приходится говорить о том, что с этим содержанием надо грамотно и целенаправленно работать. Только научно обоснованные критерии отбора памятников и объектов для музеефикации, объективное видение исторических и культурных процессов могут способствовать созданию живого, эмоционально насыщенного и достоверного поля исторической памяти. Именно проблема научного отбора, критики и интерпретации источников становится сегодня наиболее актуальной в музейной практике и особенно при работе с разнообразными объектами поликультурного наследия.

И здесь значима роль не только музеев, но и общества, которое способно саморефлектировать «по поводу того, что именно необходимо сохранить и передать последующим поколениям из их воспоминаний и идентичности... Только коллективная идентичность, определяемая в рамках демократического процесса, может быть привлекательной и воспринятой всеми членами этого

¹ О сказках П.П. Бажова (сказка – «свое понимание событий в границах чужого видения происходящего») и мифологии вокруг сказочника см. [2].

сообщества. Только послание, корреспондирующее с подлинной идентичностью местности и ее людей может быть воспринято посетителями» [1, с. 47]. Общество должно формировать и активно транслировать свою позицию, побуждая институты к взаимодействию. Только в диалоге и сотрудничестве мы получаем шанс в непростых современных условиях сохранить и расширить горизонты культур.

Список литературы

1. *Ваннини М.К.* Музеи под открытым небом: полиморфная феноменология. Ситуация в Италии // Музеи-заповедники – музеи будущего: междунар. науч.-практ. конф. Елабуга, 2015.
2. *Литовская М.А.* Гений места П.П. Бажов // Дом-музей писателя: история и современность: одиннадцатые Гоголевские чтения. М., 2011.

УДК 930.9

К.Г. Жапарова, С.А. Абдрахманова

РУССКИЕ ПРОСВЕТИТЕЛИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РАЗВИТИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ СТЕПНОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Статья посвящена вопросам просвещения, образования в Казахстане в конце XIX – начале XX в. Особое внимание уделяется деятельности и роли русской интеллигенции, раскрывается процесс формирования казахской интеллигенции. Статья отражает появление просветительских учреждений в Степном крае и политику России.

Ключевые слова: интеллигенция, просветители, культура, Степной край.

Взаимосвязи русского и казахского народов имеют давнюю историю. Вопрос об их двусторонних отношениях во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. представляет особый интерес. Это объясняется появлением новых фактов из жизни и деятельности известных личностей, являвшихся инициаторами и непосредственными участниками общественно-политического и

культурного развития Казахстана. Кроме того, характер этого исторического периода, отмеченного, в частности, своеобразием сотрудничества представителей казахской и русской интеллигенции, в настоящее время требует нового переосмысления.

Время самого интенсивного взаимовлияния представителей казахской и русской интеллигенции приходится на вторую половину XIX в., что связано с деятельностью казахских просветителей, убежденных в необходимости изучения и восприятия лучших достижений мировой культуры. В этом смысле русская культура являлась для них огромным источником духовной энергии. С другой стороны, активное включение лучших представителей казахского народа в число чиновников российской администрации тоже приходится на XIX в. Речь не идет о восприятии русскими казахов в период завоевания территории Степного края, изучения русскими учеными природных богатств этой территории и быта казахского народа, что началось гораздо раньше. Взаимовлияние и взаимодействие двух культур по-настоящему происходило в период возникновения и формирования казахской интеллигенции в начале XX в. Усиление этого процесса объективно было связано с все большим вовлечением Казахстана в культурно-политическое пространство Российской империи.

В конце XIX – начале XX в. во многих городах Казахстана образовывались и культурно-просветительские общества. Признавая всю сложность палитры общественной жизни в Казахстане, было бы неправомерно отрицать роль и значение той части российской интеллигенции, которая объективно способствовала росту культуры казахов. По-прежнему одной из основных задач российского просветительства было распространение знаний, значение которого трудно переоценить. Это было своеобразной потребностью, исходящей из самой природы интеллигенции, считающей себя обязанной служить народу. Создание различного рода общественных организаций (земств, научных обществ, благотворительных учреждений и др.) стало конкретным воплощением культурно-просветительской деятельности российской интеллигенции. Одной из форм организации культурной работы интеллигенции России в Казахстане было чтение научно-популярных лекций, открытие библиотек и музеев. Так, в Семипалатинске действовавший Совет общества попечения о начальном образовании организовал народные чтения. Они проводились в общественной библиотеке по таким отраслям, как политическая экономия (лек-

ции читали Н. Коншин, И. Корсаков), государственное право (Н.А. Самойлов), история культуры и история литературы. Целью народных чтений было обсуждение событий политической жизни, вопросов государственного устройства, популяризация произведений известных поэтов и писателей. Критикуя систему образования, действовавшую в крае, представители русской интеллигенции выступали за открытие в Степи сети русско-казахских школ, которые подняли бы ее уровень. Необходимо отметить факт сильнейшего влияния русской культуры на формирование мировоззрения казахской интеллигенции. В этом смысле прав был Г. Потанин, который писал еще в 1898 г.: «Можно предвидеть, что скоро народится "молодая Киргизия". Чем она обогатит свой народ, в каком направлении будет работать ее мысль, какие продукты создаст ее ум и ее чувство, чем она поделится с русским обществом в области науки и искусства?» [5, с. 42]. Он, как и многие демократически мыслящие представители российской интеллигенции, верил в глубокие корни народной культуры казахов, и в этом отношении образовательная политика царизма сыграла двойственную роль. Объективно она подготовила из среды национальной интеллигенции силу, способную противостоять наступлению в области политики и культуры на окраинах, тогда как большая часть русского общества, как потом показали события, не была готова к демократическому решению мусульманского вопроса. Первый казахский ученый Ч. Валиханов, первый казахский педагог И. Алтынсарин и великий казахский поэт и мыслитель А. Кунанбаев, выступавшие за тесное сближение казахского и русского народов, за перенятие казахами передовой русской культуры и обучение казахских детей в русских школах и русской грамоте, высказывали ценные мысли по вопросам образования и воспитания молодежи. Большую роль в распространении демократических идей, заложивших основу становления дружеских взаимоотношений между представителями казахской и русской интеллигенции, сыграли поколения ссыльных революционеров. Царское правительство, избрав местом политической ссылки Степной край, способствовало концентрации там сил, будивших его общественную жизнь.

В конце XIX – начале XX в. в Казахстане находились многие ссыльные общественно-политические деятели, лидеры партий, участники разработок программных положений по аграрному вопросу, переселенческому движению, колонизации, которые посту-

пали на службу в статистические и административные учреждения края. На территории Казахстана проходила деятельность Л.К. Чермака. За участие в революционном движении Л.К. Чермак был выслан в Степное генерал-губернаторство на три года под надзор полиции. В 1903 г. он, находясь в должности заведующего экспедицией по обследованию Степных областей, собрал контингент служащих, состоявший из неблагонадежных лиц. В феврале 1904 г. Л. Чермаку было запрещено пребывание в Степном крае сроком на 5 лет, но как наиболее сведущему ему было разрешено принять участие в обработке материалов, собранных экспедицией по обследованию степных областей. Вместе с А. Букейхановым и И.Ф. Гусевым Л.К. Чермак собирал данные к «Большому тому по киргизскому землепользованию». Л.К. Чермак и А. Букейханов сотрудничали в газете «Степной край», и именно по рекомендации Л.К. Чермака в 1934 г. В.Д. Бонч-Бруевич обращается к А. Букейханову с просьбой об организации музея художественной литературы, критики и публицистики. Газета «Степной край» [4] начала выходить в 1894–1895 гг. в Омске. Она просуществовала до 1907 г. и считалась одним из самых демократичных изданий. Еще одним образцом бескорыстного служения казахскому народу является деятельность историка, этнографа и деятеля просвещения Александра Ефимовича Алекторова (1861–1919 гг.), свободно владевшего казахским языком. После окончания Пензенской духовной семинарии он выдержал в Оренбургском учительском институте испытание на звание учителя городского училища [2]. В 1886 г. был назначен инспектором училищ Внутренней орды, затем был переведен в Тургайскую область, где ранее работал Ибрай Алтынсарин. За годы своей деятельности в Казахстане им было опубликовано более 200 работ по истории, этнографии и фольклору казахского народа. Преподавал в школах Оренбурга, Орска, работал инспектором училищ Внутренней Букеевской орды [4, с. 159]. Работал инспектором народных училищ в Тургайской области, директором училищ в Семипалатинской области. В марте 1902 г. инспектор школ Тургайской области был назначен директором народных училищ Акмолинской и Семипалатинской областей. На этой должности он проработал до 25 июля 1908 г. [3]. Научная деятельность А.Е. Алекторова способствовала ознакомлению русскоязычных читателей с историей казахского народа. Царские чиновники не были заинтересованы в том, чтобы представители казахского народа приобщались к мировой культуре.

Но меры, направленные на затруднение приобщения народа к науке и культуре, не принесли желаемых результатов. Растущая потребность казахского народа в получении образования вынудила царское правительство открыть ряд учебных заведений в Оренбурге, Омске, Уральске, Семипалатинске, Верном и других городах, где обучались казахи, получая знания в объеме начальной и средней школы. Научными исследованиями занимались и М. Тынышпаев, А. Ермаков, Х. Досмухамедов и др. Нельзя отрицать, что бурное развитие казахстанской науки произошло в годы советской власти, но фундамент был заложен именно в начале XX в. талантливыми молодыми представителями казахской интеллигенции.

Таким образом, общественное сознание Казахстана рассматриваемого периода (конец XIX – начало XX в.) было неоднозначным, представляло собой сложное явление, находившееся на перепутье истории, впрочем, как и общество в целом. Идеи, активно распространяемые казахской интеллигенцией, способствовали пробуждению казахского общества, оказывали влияние на правосознание, нравственность казахского народа.

Список литературы

1. Алибеков К.Б. Исследователь истории и культуры Казахстана // История, природа, экономика: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 125-летию ИРГО. Омск, 2002. С. 45–47.
2. Алибеков К.Б. Об одном из руководителей народного образования в Степном крае в начале XX в. // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность. Омск: Изд-во ОмГУ, 2003. С. 115.
3. Зобов Ю.С. Историки Южного Урала. Вторая половина XIX – начало XX в. Оренбург: Кн. изд-во, 1991. 390 с.
4. Утегенов М.З. Педагогическая деятельность А.Е. Алекторова в Казахстане // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 156–159.
5. Хабижанова Г.Б., Валиханов Э.Ж., Кривков А.Л. Русская демократическая интеллигенция в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: Русская книга, 2003. 288 с.

УДК 93

И.А. Крайнева**ПОЛЕ НАУКИ И ПОЛЕ ВЛАСТИ: ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ УЧЕНЫХ***

На основе взглядов П. Бурдьё и Г.Е. Горелика проведен анализ поля науки и поля власти, действующих в них сил и взаимодействий. Поле науки рассмотрено в качестве пространства, в котором осуществляется рефлексия референтной группы ученых – носителей исторической идентичности.

Ключевые слова: поле власти, поле науки, социально-гравитационное поле, историческая идентичность.

Социальное пространство по Пьеру Бурдьё – это форма отношений, «структура социальных позиций» действующих в нем агентов, обладающих социальным капиталом особого рода, «который обеспечивает власть над конституирующими механизмами поля и который может быть конвертирован в другие виды капитала»: престиж, признание, известность, выгоду, прибыль [1, с. 486–489]. Бурдьё характеризует социальное пространство (поле) как «место аккумулированной социальной энергии» [1, с. 183–184]. Научное поле «как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т.е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и одновременно как социальная власть, <...> монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально закреплённую за определенным индивидом способность легитимно (т.е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки» [1, с. 474].

Теория социального пространства и поля науки П. Бурдьё нашла свою конкретизацию и развитие в работе историка отечественной физики Геннадия Ефимовича Горелика, который провел

* Статья подготовлена в рамках интеграционного проекта СО РАН «Современные тенденции в актуализации исторического опыта формирования идентичностей в Сибирском регионе».

анализ поведенческих практик (идентичностей) в среде московских физиков (субполе науки по Бурдые) [2]. Он сделал акцент на особенности общественной жизни в СССР в период сталинизма, выполнив этимологический анализ понятия «репрессии», что он полагал аналогичным другому понятию – «давление»: социальное и идеологическое. Для более точного описания истории советской физики Горелик предложил применить физический же термин «поле тяжести» или «гравитация». Горелик формирует понятие социально-гравитационного поля и анализирует его воздействие (давление) на науку. Если в теории Бурдые мы встречаем понятие «сила» – наличие научного капитала и меры власти, которыми обладает агент поля науки, то в теории Горелика введено понятие «напряжение», что подчеркивает возможность изменения соотношения «сил» в поле науки, позволяет проследить взаимодействие агентов друг с другом и поля науки с другими полями, в частности, с полем власти, которое явно подразумевает Горелик.

Напряжение может колебаться – усиливаться или ослабляться, что подчеркивает динамическую сущность поля науки и динамичность же его отношений с внешним агентом. Напряжение по Горелику порождено взаимоотношением поля науки и поля власти, конкретнее – намерениями власти подчинить науку государственному влиянию. Этот фактор влияния может оказывать деформирующее воздействие на поле науки и поведение его агентов, примеры чему приведены в работе Горелика. Научное сообщество, его отдельные индивиды по-разному реагируют на проявления напряжения поля: привыканием, встраиванием, отторжением (которое могло проявиться в попытке покинуть зону давления). Горелик показал, как формируются исторические идентичности и как взаимодействуют их носители в специфических полях науки: «...некоторые даже находили преимущества в условиях неестественной гравитации и неплохо устраивались, оказавшись в социалистически-неземном поле. Остальным же требовались большие усилия и мужество, чтобы совершать нормальные, естественные человеческие поступки» [2, с. 39]. Это обстоятельство – сильное социально-гравитационное поле, взаимодействуя с внутренними свойствами личности, могло привести и приводило в итоге к поляризации научной жизни внутри отдельного субполя науки.

Г.Е. Горелик рассмотрел некоторые конкретные реалии жизни физического сообщества (субполя науки) 1940–1950-х гг.,

которая определялась противостоянием группировки физиков из МГУ и физиков Академии наук. Характер и природу этого противостояния Горелик проиллюстрировал на примере двух писем, адресованных руководству государства и АН СССР. Одно из писем написано в 1947 г. Сергеем Тихоновичем Конобеевским (1890–1970), специалистом в области рентгеновских исследований твердых тел, деканом физического факультета в 1946–1947 гг. Его письмо адресовано И.В. Сталину. Другое – в адрес главного ученого секретаря АН СССР в 1953 г. – Александром Саввичем Предводителевым (1891–1973), директором Научно-исследовательского института физики МГУ (НИИФ) и деканом физического факультета в 1937–1946 гг., до С.Т. Конобеевского. Авторы писем использовали для аргументации свой язык в каждом случае поляризации. Конобеевский – исследовательская работа, опыт, кругозор, научная культура. Предводителев – идеализм, троцкизм, низкопоклонство, космополитизм – язык новой социокультурной реальности – авторитетный язык власти [3, с. 52–53]¹.

Следуя за П. Бурдье, необходимо принять тот факт, что «анализ, который пытается выделить исключительно "политическое" измерение в конфликтах за доминирование в научном поле, будет принципиально неверен, как и противоположная – более частая – тенденция рассматривать научные конфликты в "чистых", сугубо интеллектуальных категориях» [1, с. 476]. Здесь и далее под политическим измерением Бурдье понимает доминирование некоей научной группы внутри поля или субполя науки. Поле науки не примиряет, но сочетает эти факторы. Г.Е. Горелик раскрывает другой механизм – механизм отношений поля науки и поля власти, основанный не только на политико-идеологическом доминировании последнего, но и на функции власти как распорядителя кредитов. Отсюда и использование риторики, навязанной извне, теми членами сообщества, которые принимают «правила игры», исходящие от поля власти, о чем достаточно убедительно написал в свое время С. Герович [4]. Противостояние условно «физиков-космополитов» и «физиков-патриотов» СССР нашло свое выражение в конкретном событии: попытке организовать идео-

¹ Термин «авторитетный язык» введен А. Юрчаком вслед за М.М. Бахтиным. Авторитетный язык (слово, дискурс) «организован вокруг внешней, не поддающейся сомнению идеи-абсолюта или догмы (религиозной, политической, научной) и поэтому обладает особыми свойствами [...]». Все другие виды дискурса являются вторичными по отношению к нему».

логическую дискуссию на Всесоюзном совещании физиков, которое предполагалось провести «в свете» решений Всесоюзной сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и которое не состоялось, несмотря на затраченные время и силы.

Расхождение физиков по разным полюсам Г.Е. Горелик, ссылаясь на высказывания неких очевидцев, объясняет разным уровнем интеллигентности, что подтверждается примерами проявления свойств личности в соответствующих социально-научных границах, проявлением их исторической идентичности. «Положение этих границ, – пишет Горелик, – определяется интеллектуальным ресурсом личности, глубиной научной и общечеловеческой культуры, способностью к самооценке. Обычно в понятие "настоящий ученый" включают высокий этический стандарт, а значит – и уравновешенное отношение к собственным достижениям. Но время двадцатых – сороковых годов всеми силами девальвировало не только научную этику, но и все десять заповедей. Поэтому удержаться на достойном этическом уровне удавалось далеко не всем. И цель для многих оправдывала средства. Размышлению научной этики, помимо причин, общих для всех сфер общественной жизни в СССР, способствовали еще и специфические обстоятельства. Быстрый рост советской физики, приток в науку сразу большого числа новых людей ослабили преемственность поколений, ослабили действие живых эталонов научной этики. А сложившаяся в СССР к концу тридцатых годов жестко централизованная организация науки необычайно усилила роль административных авторитетов в ущерб научным и моральным» [2, с. 43]. Анализ, выполненный Г.Е. Гореликом, дает более глубокое представление о том, как работает механизм поля науки на личностном уровне, тогда как П. Бурдье сосредоточен скорее на коллективном, хотя и он вскользь заметил, что «протестные и даже революционные диспозиции, вносимые в поле некоторыми исследователями <...>, могут также приводить к подчинению внешним давлениям и предписаниям, среди которых самыми очевидными являются политические лозунги» [1, с. 533]. Он демонстрирует полярную дифференциацию личностных установок поведения агентов поля науки: «конформистские установки, заставляющие принимать мир таким, каков он есть, и установки упрямства и непокорности, ведущие к неприятию внутренних и особенно внешних социальных принуждений и к разрыву с очевидными представлениями, разделяемыми всеми в поле и вне его» [1, с. 535].

Дифференциация эта может быть обусловлена как позициями, занимаемыми агентами в поле, так и траекториями, которые их к этим позициям привели, что, собственно, и подчеркнул Горелик.

Факторы, выявленные при анализе субполя физики, имели далеко идущие следствия общенаучного значения, поскольку имели место в других субполях науки: застой, усиление администрирования науки, отказ от демократических принципов ее организации в угоду внешнему благополучию, «отделение науки от образования, научных институтов друг от друга, отечественной науки от мировой, отделение науки от жизни. <...> Не случайно столь настойчивы и столь безуспешны стали призывы внедрять науку в жизнь» [2, с. 45]. Таковы отечественные реалии социального поля науки, которые в данном случае выявлены с помощью исследования субполя физики, но черты этого феномена универсальны, мы встретим их и в других субполях отечественной науки.

Таким образом, сравнение двух подходов к анализу поля науки показывает, что напряжение поля науки зависит не только от внутренних императивов его функционирования, но и подвергается прямому воздействию таких полей, как поле власти. Социально-гравитационное напряжение поля науки формируется не только под воздействием научной рефлексии и конкурентных практик агентов, но и под влиянием извне. Носители исторической идентичности являются акторами, испытывающими внутреннее (личностное и корпоративное) и внешнее напряжение (другие социальные поля), о чем говорит Г. Горелик. П. Бурдье вводит понятие экономического мотива в поле науки, но не акцентирует внимание на компоненте власти, как источнике социально-гравитационного напряжения с отрицательной коннотацией. В целом оба подхода раскрывают механизмы функционирования исторической личности в поле науки, дополняют наше представление о формировании исторической идентичности под влиянием различных факторов.

Список литературы

1. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
2. Горелик Г.Е. Физика университетская и академическая, или Наука в сильном социальном поле // ВИЕТ. 1991. № 1. С. 32–46.

3. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 662 с.

4. Gerovitch S. From Newspeak to Cyberspeak: A History of Soviet Cybernetics. MIT Press, 2002. 370 p.

УДК 069:002

Г.М. Запорожченко

РАЗВИТИЕ МУЗЕЙНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНЫХ МЕСТАХ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

В статье обобщается опыт создания музейной инфраструктуры в новосибирском Академгородке, который рассматривается как тоpos – историческое место, где развивается наука. Автор выделил пять социокультурных комплексов в тоpose Академгородка: музейный, мемориально-монументальный, топонимический, интеллектуально-досуговый, экологический. Благодаря их развитию Академгородок отличается высоким уровнем организации культуры жизнедеятельности и соответствует своему официальному статусу исторической достопримечательности регионального значения.

Ключевые слова: музей, тоpos, научное и историко-культурное наследие, новосибирский Академгородок, Сибирь.

В настоящее время, характеризующееся процессами глобализации, становятся все более актуальными задачи сохранения мест с ярко выраженной историко-культурной идентичностью. Одним из таких мест является новосибирский Академгородок как место сосредоточения исторического опыта развития уникального научного сообщества в рамках Новосибирского научного центра Сибирского отделения РАН.

Являясь своеобразным феноменом XX в., Сибирское отделение базировалось на новационных в сфере науки и научной инфраструктуры принципах организации. Среди них – приоритетное развитие фундаментальных исследований, внедрение научных разработок в практику, интегрированная подготовка научных кадров, объединение сети научных учреждений за Уралом. Формированию регионально-локальной идентичности в новосибирском Академгородке способствовало и создание соответствующей

социокультурной инфраструктуры. Важными компонентами «академовской» идентичности являются свобода дискуссий, демократизм в общении, гордость интеллигенции за уникальность сибирского научного городка. В разных драматических обстоятельствах сохранились лучшие качества сибирского научного сообщества – интеллигентность, толерантность, понимание важности науки и образования для современного общества, интегрированность в мировое научное пространство. Этот исторический опыт и представления о научном наследии отразились в топосе Академгородка. Рассматривая топос как «историческое место», можно выделить совокупность социокультурных комплексов, которые транслируют уникальную регионально-локальную идентичность Академгородка, подчеркивают архитектурные, ландшафтные, социально-бытовые и социокультурные особенности, создают самобытный образ поселения как среды жизнедеятельности ученых, тесно пронизанный социокультурными символами принадлежности к научной сфере. Это *музейный, мемориально-монументальный, топонимический, интеллектуально-досуговый, экологический* комплексы.

1. Музейный комплекс дает наглядное конкретно-историческое представление о людях науки и научном процессе. Он развивается под эгидой созданного в 1994 г. на базе Института истории СО РАН Научного совета по музеям СО РАН под председательством директора, чл.-кор. РАН В.А. Ламина. В наибольшей степени музейный потенциал сосредоточен в Институте истории СО РАН, где действуют сектор «Музей СО РАН», научно-исследовательская группа «Музей науки и техники СО РАН» и находится собрание старопечатных книг и рукописей сектора археографии и источниковедения.

Собрание старопечатных книг и рукописей (хранитель – д-р филол. наук Т.В. Панич) насчитывает более 1400 единиц хранения преимущественно книг кирилловской печати XVI–XVII вв. и манускриптов XVI–XX вв., приобретенных у староверов Урало-Сибирского региона, Алтая и Дальнего Востока в ходе археографических экспедиций.

Музей науки и техники – победитель первого всероссийского грантового конкурса «Научный музей в XXI веке», представляет историю вычислительной техники, достижения сибирских ученых в области информационных технологий, ведет просвети-

тельную работу, направленную на формирование научного мировоззрения и профориентацию молодежи.

Сектор «Музей СО РАН» занимается перспективным проектом формирования новационного коммуникационно-информационного пространства на основе освоения научного наследия. Проект предполагает создание на первом этаже здания Института истории СО РАН высокотехнологичной экспозиции, представляющей историю и современные процессы функционирования науки в Сибирском регионе, развития Новосибирского научного центра как центра науки (СО РАН), образования (Национальный исследовательский Новосибирский государственный университет, Физико-математическая школа), инноваций (Технопарк).

В Музее СО РАН были реализованы ряд имевших высокий социокультурный эффект экспозиционно-выставочных и научно-образовательных проектов: «Музееведческие аспекты истории СО РАН: традиции и новации», «История сибирской науки в лицах», «Пять десятилетий в истории СО РАН», сложились и продолжают формироваться персональные фонды председателей отделения и известных сибирских ученых.

На базе институтов в Академгородке действуют мемориальные комнаты академиков Г.К. Борескова и К.И. Замараева (Институт катализа), Д.К. Беляева (Институт цитологии и генетики), М.А. Лаврентьева (Институт гидродинамики), А.А. Трофимука (Институт нефтегазовой геологии и геофизики), А.П. Ершова (Институт систем информатики).

Экспозиции музеев и мемориальных комнат демонстрирует органическое единство специфического вещного микромира, в котором жили и работали ученые, с глобальной значимостью результатов их интеллектуального труда, формируют представления о реальном процессе развития сибирской науки с акцентированием внимания на уникальности вклада отдельных деятелей, научных школ, научно-организационных структур.

Научное наследие и значимость научно-технического потенциала сибирской науки представлены также в академических музеях естественно-научного профиля (Центральном сибирском геологическом музее Института геологии и минералогии, Сибирском зоологическом музее Института систематики и экологии животных, Ботаническом музее Сибири Центрального сибирского ботанического сада, Почвенном музее Сибири Института почвоведения и агрохимии), исторического профиля (Музее истории

культуры народов Сибири и Дальнего Востока, Историко-архитектурном музее под открытым небом Института археологии и этнографии, музее книги ГПНТБ), технического профиля (музее вычислительной техники Института вычислительных технологий, музее науки и технологий Института физики полупроводников), музеях истории институтов (Института горного дела, Института органической химии, Новосибирского государственного университета). На базе мемориальной комнаты академика Д.К. Беляева (Институт цитологии и генетики) создается Музей истории генетики в Сибири.

2. Мемориально-монументальный комплекс включает памятники и мемориальные доски выдающимся деятелям науки: памятники президентам Сибирского отделения академикам М.А. Лаврентьеву и В.А. Коптюгу на улицах городка, А.А. Трофимуку – в Институте нефтегазовой геологии, более 20 мемориальных досок и барельефов, которые украшают фасады соответствующих институтов.

В демократическом пространстве Академгородка рядом с академиками есть место и для других творческих личностей. Скульптурно запечатлен рано ушедший из жизни роковой музыкант Михаил Зуев, бывший кумиром местной художественной общности и интеллектуальной молодежи. Общественно-художественная жизнь Академгородка благодаря ученым и их связям с культурными силами столиц была бурной и насыщенной, о чем, в частности, свидетельствует мемориальная доска в память о выступлении в 1969 г. «возмутителя спокойствия» поэта и барда Александра Галича.

Специфика научного процесса отражена в установленном Институтот цитологии и генетики памятнике лабораторной мыши, вяжущей на спицах двойную спираль ДНК. Он символизирует благодарность животным за возможность использовать их природный материал на благо развития науки.

3. В течение десятилетий складывался **топонимический комплекс**. Географическим и инфраструктурным стержнем Академгородка является проспект Лаврентьева – «самая умная улица в мире», занесенная в книгу рекордов Гиннеса. Его пересекает проспект Коптюга, ведущий к Новосибирскому государственному университету. Включающий 15 научно-исследовательских институтов, проспект Лаврентьева наглядно демонстрирует успешную реализацию основных принципов научно-организационной пара-

дигмы, заложенной в основу концепции первого территориально-отделения Академии наук – мультидисциплинарность исследований, интеграцию науки и образования.

Улицы носят имена академиков – А.А. Трофимука, Г.И. Будкера, А.В. Николаева, С.С. Кутателадзе, А.И. Мальцева, В.В. Воеводского, А.А. Ляпунова, или связаны с наукой – проспект Университетский, улицы Академическая, Ученых, Институтская, Ионосферная. Тропинки в лесных массивах городка носят имена Ю.А. Дядина, К.И. Замараева, Д.К. Беляева, А.П. Ершова, К.К. Свиташова, Л.М. Горюшкина, Б.В. Войцеховского, М.А. Гольдштика.

Ученые-первопоселенцы Академгородка называли его «Золотой долиной» Сибири, что является своеобразной репликой «Кремниевой долины» – символа научного прогресса и в топонимике утвердилось в названии улицы и гостиницы.

Нашли отражения в топонимике и значимые события – посещение Академгородка космонавтом А.А. Леоновым, о чем свидетельствует посаженное им «Дерево А. Леонова» с памятной табличкой.

4. Интеллектуально-досуговый комплекс включает социально-бытовые структуры, название которых имеют научный колорит: Дом Ученых, Дом культуры «Академия». В продолжение традиций кафе-клуба «Под интегралом» действует арт-кафе НИИ КудА и АРТ П.А.Б. («Публичная академическая библиотека»), интерьер, меню и арт-концепция которых выдержаны в стиле научной лаборатории. В квартире-музее быта Академгородка сформирована большая ансамблевая экспозиция начального периода становления ННЦ. Действуют спортивный клуб «МС2» с баром «Деканат», автостоянка «У мамонта», названная в честь одного из экспонатов Института археологии и этнографии СО РАН. Для студентов, грызущих гранит науки, около университета поставлена лавочка «Шпаргалка».

5. Экологический комплекс включает объекты природной среды Академгородка, целенаправленно сохраняемые и благоустроенные с целью отдыха и оборудованные информационными щитами с целью популяризации естественно-научных знаний: Утиный пруд на ул. Золотодолинской, Муравьиная тропа в лесопарковой зоне на ул. Ильича.

Смыслообразующим вектором развития Академгородка являются слова М.В. Ломоносова «Российское могущество прирас-

тать будет Сибирью», вписанные в ландшафт при въезде на проспект Лаврентьева.

Характерными чертами топоса Академгородка являются:

- многообразие и многопрофильность социокультурных комплексов, отражающих самобытный образ поселения, связанного с наукой,

- пространственно-распределенный (дисперсный) характер трансляции локальной идентичности,

- сочетание деятельности официальных институций и общественной инициативы в формировании среды жизнедеятельности.

Совокупность социокультурных комплексов, маркирующих включенность в дискурс научного городка, позволяет рассматривать топос Академгородка не только как «историческое место», но и как «образ культуры», тематически и логически определенное «культурное высказывание», сложившееся во второй половине XX – начале XXI в. в результате целенаправленной деятельности государственных и академических структур по развитию науки в Сибири и креативного самостоятельного творчества академгородковцев, что позволило достичь высокого уровня организации культуры жизнедеятельности. Благодаря этому Академгородок соответствует своему официальному статусу исторической достопримечательности регионального значения.

УДК 81'23; 811.161.1+81'27

Е.В. Бентя

**АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОЦЕССА
ВЕСТЕРНИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ)**

Данное исследование посвящено поиску следов вестернизации русского языкового сознания на материале массива ассоциативных пар Русской региональной ассоциативной базы данных (далее СИБАС). Анализуются устойчивые ассоциативные пары, представляющие собой имена собственные.

Ключевые слова: языковое сознание, вестернизация, реалия, СИБАС.

У России с Западом на протяжении всей истории выстроились определенные отношения, которые предполагают проникновение западных реалий различного качества в жизнь русского человека. В настоящем исследовании предпринимается попытка поиска этих реалий (или следов). Материал для исследования представляет собой результаты масштабного ассоциативного эксперимента, представленные в СИБАС¹. Методом сплошной выборки были выявлены устойчивые ассоциативные пары (далее АП), которые отсылают к реалиям западного происхождения. В данном исследовании к странам запада относятся страны западной Европы и США.

Анализ выбранных АП показал, что многие из них объединяются в определенные тематические группы, что также обозначает каналы, по которым происходит вестернизация русского языкового сознания. Основные каналы вестернизации, которые были выявлены на материале СИБАС, были представлены в таких категориях как: 1) *топонимы и урбанонимы*, 2) *кино, телевидение и СМИ*, и 3) *литература* [1]. В данной работе рассмотрены другие категории, которые, несмотря на то, что представлены меньшим

¹ СИБАС – Русская региональная ассоциативная база данных (2008–2016) / авт.-сост. И.В. Шапошникова, А.А. Романенко. – URL: <http://adictu.nsu.ru> (дата обращения: 11.09.2016).

количеством реакций, представляют для исследователя языкового сознания огромный интерес.

Самой многочисленной из рассматриваемых в данном анализе категорий является категория *личности*, включающая в себя 87 реакций. Самое большое количество реакций относится к реалиям Германии, Великобритании и США.

Таблица 1: Личности

Германия
враг → Гитлер 2; война → Гитлер 2; жестокий → Гитлер 2; немец → Гитлер 28; изобретательный → Эйнштейн 5; умный → Эйнштейн 2
Великобритания
король → Артур 14
США
мафия → Аль Капоне 2; Капоне 2; богач → Билл Гейтс 3; богатый → Билл Гейтс 2; губа → Джоли 2; политик → Буш 2; президент → Буш 4; лампа → Эдисон 2
Франция
предвидеть → Нострадамус 3; империя → Наполеон 2
Нидерланды
картина → Ван Гог 2; картина → Рембрандт 2
Австрия
талантливый → Моцарт 2
Германия
Чайковский → Бах 2

Германия представлена Адольфом Гитлером – 34 реакции, и Альбертом Эйнштейном – 7 реакций. Большое количество реакций с персоналией Гитлер обусловлено историческими событиями, а именно Второй мировой войной, где Гитлер был главнокомандующим немецких вражеских войск. Несмотря на то, что АП с наибольшим количеством реакций не несет какой-либо дополнительной оценочности, по характеру стимулов в трех других АП можно выявить отношение реципиентов: *враг, война, жестокий*. А. Эйнштейн известен, наверное, каждому человеку своими теориями, что не могло не отразиться и в русском языковом сознании.

Великобритания представлена одной личностью – королем Артуром – 14 реакций. Эта личность является легендарной, эпос о короле Артуре и рыцарях Круглого стола послужил основой для создания многих произведений искусства.

США представлены пятью персоналиями. Из них реакция Буш представлена наибольшим количеством – 6, на такие стимулы, как *политик* (2), *президент* (4). Период президентства Дж. Буша длился с 2001 по 2009 г., а начало ассоциативного эксперимента для базы СИБАС приходится на 2008. Это совпадение периодов и сделало реакцию *Буш* устойчивой (или иначе «популярной»). Вполне возможно, что если бы после периода президентства Буша прошло несколько лет, то результаты ассоциативного эксперимента показали меньшую устойчивость данной единицы. Билл Гейтс представлен 5 реакциями на стимулы *богач* (3) и *богатый* (2). Билл Гейтс неоднократно являлся самым богатым человеком планеты, интересно, что в частотные реакции не попала его принадлежность к одной из крупнейших компаний по производству компьютерного обеспечения – Microsoft, основателем которой он также является.

Личность Аль Капоне представлена 4 реакциями на стимул *мафия*, такая устойчивость в языковом сознании данной единицы скорее обусловлена не реальной личностью, а большим количеством художественных фильмов с персонажем Аль Капоне.

Следующей по количеству реакций категории является категория *название организаций* – 84 реакции.

Таблица 2: Названия организаций

США
международный → ООН 3; организация → ООН 46; объединенных наций 14; наций 2; нация 2; ОН 2; КГБ → ФБР 6
Швейцария
помощь → Красный Крест 5
Франция
организация → НАТО 4

Данная категория представлена 3 реалиями: ООН (Организация объединенных наций) – 69 реакций, ФБР (Федеральное бюро расследований) – 6, Красный крест – 5 реакций и НАТО (Организация Североатлантического договора) – 4.

Категория *продукты питания и пищевая промышленность* хотя и не является наиболее многочисленной, однако разнообразна по количеству упомянутых реалий.

Таблица 3: Продукты питания и пищевая промышленность

США
жажда → спрайт 18; sprite 13; энергичный → Burn 2; желтый → эмэмдэмс 2
Великобритания
чай → Липтон 5; Ахмад 3; Lipton 2
Австрия
энергичный → Red Bull 5
Швейцария
желудок → натс 2
Германия
сыр → хохланд 4
Нидерланды (Голландия)
сыр → Гауда 2

Наибольшее количество реакций относится к реалиям США (35) и Великобритании (10). Если обратиться к словам сти-мулам, на которые были предъявлены реакции, то можно заме-тить следующую особенность. Все пары отсылают к рекламным сценариям и рекламным слоганам. Например, все реакции напит-ка «Sprite» были даны на стимул *жажда*. Слово жажда фигурирует во всех слоганах и рекламных видеороликах данного продукта, например: «А кто ты? Жажда подскажет!» (2006 г.), «Sprite – у жажды нет шансов!» (2013 г.). То же касается рекламы напитка «Burn», где часто фигурируют слова «энергия» и «энергичный», однако это не всегда относится к слогану, как в случае со «Sprite».

В категории *марки машин* наибольшее количество реак-ций отсылают к немецкой марке BMW (9) и Mercedes-Benz (5). Данные марки уже на протяжении десятков лет занимают лиди-рующие позиции в рейтингах по качеству и безопасности и явля-ются своеобразным эталоном.

Таблица 4: Марки машин

Германия
владелец → БМВ 2; машина → BMW 7; Мерседес 3; Porsche 2; ауди 2; Опель 2; немец → мерседес 2
Великобритания
машина → Bentley 2

Следующей категорией, практически равнозначной предыдущей по количеству реакций (21), является категория *интернет, компьютеры и связь*.

Таблица 5: Интернет, компьютеры и связь

США
ошибка → Windows 2; окно → windows 4; виндоус 3; искать → Google 2; найти → google 2; гугл 2; телефон → iPhone 4
Великобритания
авторитет → GTA 2

В категории *интернет, компьютеры и связь* самое большое количество реакций относится к операционной системе Windows (9). Что не удивительно, так как это самая распространенная операционная система в мире, с которой сталкиваются пользователи каждый день на своих ПК. Далее в этой же категории по количеству реакций следует поисковая система Google (6). Данная система признана крупнейшей в мире, что и находит свое отражение и в языковом сознании русского пользователя.

Далее рассмотрим АП, которые не поддаются классификации в силу слабой представленности. Так, например, наиболее ярким примером является АП *одинокий* → пастух с 56 реакциями. Данная АП отсылает к композиции «Одинокий пастух» немецкого композитора Джеймса Ласта. Композиция вышла в 1977 г. и имела огромную популярность во всем мире, второй виток популярности она получила в 2003 г. в фильме Квентина Тарантино «Убить Билла».

Еще две АП также относятся к музыкальной тематике: *стена* → The Wall (Pink Floyd) (2); Пинк Флойд (2). Альбом «The Wall» британской группы Pink Floyd был издан в 1979 г., став популярным на два десятилетия. Популярность данного альбома обусловлена не только характером музыки, но и сильной концептуальной составляющей, благодаря чему он также вошел в тройку самых продаваемых альбомов в США за все годы.

Рассмотрев следующие три АП, можно объединить их тематикой *компании и фирмы*. АП *кристалл* → Сваровски (13); Swarovski (2) отсылает к австрийской компании, специализирующейся на производстве украшений, фигурок, огранке драгоценных камней, и производстве стразов. Другая АП *мыло* → Dove (4) отсы-

лает к марке Dove, которая была разработана в США в 1956 г., однако сейчас уже производится и в Европе.

Реалия, также не попавшая ни в какую из категорий – это велосипед, предназначенный для соревнований по BMX (Велосипедный мотокросс): *velosiped* → BMX (2). BMX (веломотокросс) появился впервые как вид спорта в США в 1960-х гг., первый чемпионат мира был проведен в 1982 г.

Особенно интересны по своей тематике являются следующие АП: *корабль* → Летучий голландец (3); голландец (2) являются отсылкой к легенде о голландском капитане и его корабле «Летучий голландец». Данная легенда была представлена в многочисленных вариациях в различных видах искусства, включая оперу, кино и музыку. АП *веселый* → Роджер (5) отсылает к флагу «Веселый Роджер», которые также популярен по своим многочисленным появлениям в кино и литературных произведениях как флаг пиратского корабля. Хотя исторически такой вариант пиратского флага не был единственным. Следующая АП хотя и отсылает к музыкальной композиции, но ее сложно поставить в один ряд с другими АП музыкальной тематики. Пара *гимн* → Марсельеза (2), отсылающая к песне/гимну «Марсельеза», является в первую очередь исторической реалией. В русском языковом сознании может быть также закреплена как «Рабочая Марсельеза» – русская революционная песня на мелодию французской «Марсельезы».

Научная реалия (кроме упомянутых выше в категории *личности* – Эйнштейн и Эдисон) отражена в АП *умный* → овца Долли (3). Данные ассоциаты отсылают к первому клонированию теплокровного животного, которое было выполнено в Шотландии. Данное событие произвело огромный эффект как на науку, так и на общество в целом.

Интересной также представляется такая пара как *немец* → Фриц (4). Реакция *Фриц* по сути является немецким мужским именем, однако оно также является прозвищем немецких солдат во время Второй мировой войны. В данном случае, учитывая характер стимула в АП, с большой вероятностью можно предположить, что в ассоциацию заложен именно последний смысл.

Праздники представлены среди устойчивых реакций довольно скудно, всего одна реалия – немецкий фольклорный фестиваль Октоберфест, который также признан самым большим народным гулянием в мире: *немец* → Октоберфест (2).

О происхождении игры покер до сих пор идут споры, однако известно, что она зародилась в Европе. В настоящее время является самой распространенной карточной игрой в США. В СИБАС было обнаружено 4 реакции со ссылкой на данную игру: *партия* → покер.

Исторический период Ренессанс представлен АП: *возродить* → Ренессанс (5). Ренессанс (рус. Возрождение) – эпоха в истории культуры Европы, имеющая мировое значение. Несмотря на то, что начало периода приходится территориально на Италию, далее эта новая для того времени культурная парадигма распространяется на такие страны Западной Европы как Англия, Германия, Франция, Нидерланды.

В результате анализа были выявлены 5 четко обозначенных категорий. Доминантными странами, к которым принадлежат рассматриваемые, реалии являются США и Великобритания. Первенство отдается только Германии в категориях *личности* и *марки машин*. Большинство реалий обусловлены историческими событиями, политикой, а также событиями, имеющими мировое значение. Следует отметить, что реалии некоторых категорий обусловлены маркетинговыми приемами и тогда реальия как бы «привязана» к сюжету рекламного ролика или тексту слогана.

Список литературы

1. *Бентя Е.В.* Следы вестернизации в русском языковом сознании (на примере имен собственных) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. Т. 14. С. 44–51.

УДК 069.1

Л.В. Котович

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТИ
ГОРОДСКОГО РАЙОННОГО МУЗЕЯ
КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ИНСТИТУТА**

В статье музей представлен как социальный институт, имеющий собственную территорию, смыслы и реальные возможности образовательной деятельности; проанализирован опыт образовательной деятельности музея Железнодорожного района филиала МКУК «Музей города Новосибирска».

Ключевые слова: музей, образовательный институт, образовательная деятельность.

Деятельность музея определяется двумя основаниями. Во-первых, положением закона о том, что триединая цель создания музеев в Российской Федерации – осуществление просветительной, научно-исследовательской и образовательной деятельности. Во-вторых, представлениями социума о роли музея в современном обществе. Соглашаясь с выводом, что «на данном этапе развития музея общество видит в нем полноценный образовательный институт» [2, с. 14], мы представляем в данной статье образовательную деятельность городского районного музея, показав ее на примере работы музея Железнодорожного района филиала МКУК «Музей города Новосибирска».

Отвечая на вопрос о смысле образовательной деятельности музея, мы взяли за основу суждение Ю.М. Лотмана. В 1990 г. на открытии русской гимназии при Тартуском университете Ю.М. Лотман сказал: «Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести» [3, с. 17]. Возможности, которыми обладает городской районный музей как образовательный институт, определяются наличием в нем библиотеки, экспозиционных и фондовых материалов, обращением к городской среде (имея в виду, что город – сложный социальный организм, который является «точечным отображением общественной структуры, создан ею и поддерживает ее»; в силу этого «город дает нам наиболее выразительный образ культуры своего времени») [1, с. 9].

В рамках образовательной деятельности музея существует несколько направлений, из которых остановимся на трех сюжетах, посвященных героям Советского Союза. Начну с характеристики викторины. Так, в 2014 г. исполнилось 80 лет со дня установления высшей степени отличия СССР – звания Героя Советского Союза. В музее Железнодорожного района, мобилизовав его библиотечный фонд, была разработана викторина, посвященная нашим соотечественникам, прославившим город Новосибирск своими героическими поступками в годы Великой Отечественной войны. Участники заочной викторины узнали, что наши земляки, Герои Советского Союза, совершали свои подвиги в разных войсках. Это были артиллеристы, как Анисичкин Федор Иванович, Беневоленский Алексей Павлович, Кузнецов Николай Павлович; танкисты, как Иван Константинович Захаров; летчики, как Федор Васильевич Буслов и Александр Иванович Покрышкин, которого называли маршалом с завода «Сибсельмаш». Героями Советского Союза становились совсем молодые люди; например, это высокое звание Александру Яковлевичу Анцупову было присвоено в 19 лет, а Николаю Яковлевичу Сотникову – в 18. Более детально остановимся на заключительном задании нашей викторины. Последний вопрос был сформулирован следующим образом: «Все те, о ком шла речь в заданиях, проявили недюжинную смелость и мужество, жертвовали многим ради достижения успеха в своем деле. Как вы считаете, должно ли государство и общество отмечать их героические поступки наградами, называнием их именами улиц или населенных пунктов, установкой памятников, материальными благами? Объясните свою точку зрения. Ответ напишите в форме эссе». Авторы эссе писали: «Наверное, возведение памятников – это самое малое, чем мы можем ответить людям, проявившим столько храбрости, но нашей памяти свойственно стираться, а памятники не позволяют оставить историю Родины позади, не позволяют забыть подвиги наших героев-земляков»; «Этих людей сейчас все меньше и меньше; их уже почти не встретишь в магазинах, на улице, в метро; ветераны Великой Отечественной войны – уже очень пожилые люди, именно поэтому наше общество должно всячески помогать ветеранам, не только помогая им справиться с житейскими проблемами, но и помочь им забыть то горе, которое им было суждено пережить»; «Государство и общество должны отмечать героические поступки своих граждан наградами, называть их именами улицы или населенные пункты, устанавливать

памятники; это должно делаться с целью воспитания патриотизма и гордости за свое Отечество»; «Мы должны почитать, уважать и ценить наших героев»; «Я считаю, что государство должно отмечать героев Советского Союза, так как они сделали немало для нашей страны, нашего города. Они проявили мужество и отвагу и по праву заслужили, чтобы улицы были названы их именами. Общество в свою очередь должно проводить мероприятия посвященные героям Советского Союза, где будет рассказываться об их биографии, подвигах, наградах».

Второй сюжет, на котором мы остановимся – круглый стол, посвященный героям Советского Союза. 16 апреля, в день учреждения в СССР звания «Герой Советского Союза» в музее Железнодорожного района проводилась встреча, посвященная нашим землякам, героям Советского Союза. После Великой Отечественной войны в Железнодорожном районе нашего города жили три Героя Советского Союза: Батраков Матвей Степанович, Мухамедиев Хамза Мурсалимович (Мусалимович) и Леончиков Николай Петрович. На встречу пришли учащиеся 6-го класса лицея № 22 «Надежда Сибири» со своим классным руководителем Татьяной Георгиевной Царевой, которые встретились с сыном Героя Советского Союза Матвея Степановича Батракова – Александром Матвеевичем Батраковым, внуком Героя Советского Союза Хамсы Мурсалимовича Мухамедиева – Вельмиром Мухамедиевым и его правнучкой Азизой, дочерью Героя Советского Союза Леончикова Николая Петровича – Людмилой Николаевной Майоровой и его внуками – Евгенией и Антоном. Я напостила только один сюжет биографии наших героев: когда и за что им было присвоение звания Героя Советского Союза; сообщение строилось на материалах экспозиции музея и фамильных фондах М.С. Батракова и Н.П. Леончикова. Дети и внуки с теплотой и трепетом рассказывали об эпизодах фронтовой биографии, которые им запомнились из рассказов героев. Александр Степанович Батраков, вспоминая своего отца, сказал, что Матвей Степанович, имея только 2 класса церковно-приходской школы, профессиональное военное образование получал на курсах и на практике, и всегда говорил: «Учись, сын». У Матвея Степановича, по словам сына, было три главных правила в жизни: «Учиться постоянно, доводить начатое дело до конца и заниматься спортом, хотя бы делать утреннюю зарядку». Внук Хамсы Мурсалимовича Мухамедиева – Вельмир, вспоминая

своего дедушку, рассказал несколько фронтовых эпизодов. Так, один раз ходили «за языком». В разведку ходили вдвоем, подошли к блиндажу, чтобы снять часового, напарник стал шуметь в кустах, а Хамса Мухамедиевич снял часового. Ворвались в блиндаж, связали офицера, забрали документы и напарник увидел аккордеон и решил взять его с собой. Возвращаясь, уронил инструмент и он зазвучал. Сразу же с двух сторон – и наши, и немцы – открыли огонь и напарника убили первыми выстрелами. Второй случай: во время артобстрела, деда засыпало, и из воронки выглядывали только сапоги. Обходили траншеи и увидели сапоги, сапоги хорошие, решили снять (видимо, с обувью были проблемы), наклонились за сапогом, а Хамса Мусалимович застонал, тогда кинулись его откапывать и спасли. Рассказывая о своем дедушке – Николае Петровиче Ленчикове, внучка Евгения вспомнила эпизод, связанный тоже с разведкой: пошли в разведку и наткнулись на немцев, хорошо, что заметили раньше и успели спрятаться, сидели в засаде пока фашисты не ушли, а когда выбрались из засады, то один из бойцов, такой же 19-летний парень, как и Николай Петрович, поседел полностью. Людмила Николаевна – дочь Н.П. Ленончикова – сказала, что ее отец в фронтовой жизни много раз форсировал водные преграды, а ведь он даже плавать не умел! Такие пронзительные рассказы не могли оставить равнодушными никого. Присутствующие могли расширить свои представления о Великой Отечественной войне. Великая Отечественная война продемонстрировала пример массового героизма советских людей. «Само выражение "массовый героизм" звучит как-то странно, ведь героизм просто по определению – это то, что должно быть исключительным, уникальным. Но что тут поделаешь, если он действительно был массовым? То, что всегда, во всей мировой военной истории, было исключением из правила, у нас стало правилом, нормой» [4, с. 387].

Наш музей располагает уникальной возможностью познакомить посетителей с первыми героями Советского Союза: в Железнодорожном районе есть улица Челюскинцев. Слайд-программа «Что в имени твоём...» рассказывает об обстоятельствах появления улицы Челюскинцев и первых семи героях Советского Союза. 16 июня 1934 г. в Новосибирск прибыли челюскинцы и их спасатели. Была организована торжественная встреча. «Перрон полыхает алым пламенем знамен, лозунгов, флагов, пионерских галстуков. Везде гирлянды свежей зелени, цветы. На крышах зда-

ний вокзала, на прилегающих к вокзалу улицах – плотные ряды жаждущих увидеть челюскинцев». Экспресс прибывает в 6 часов 35 минут. Паровоз украшен цветами и портретами героев. Над ним реет звено самолетов. Надо сказать, что на всем протяжении пути поезд сопровождали самолеты, передавая от одного пункта к другому. На площади маленький полугрузовичок заменяет трибуну. В ожидании замер почетный караул. Среди встречающих – представители краевых организаций, члены пленума крайкома партии, который проходил в эти дни в Новосибирске. Всюду слышатся крики «Ура!», аплодисменты [2]¹. В память об этом событии Новосибирский горсовет и переименовал улицу Межениновскую, прилегающую к вокзальной площади, в улицу Челюскинцев.

Подводя итог, замечу, что деятельность городского районного музея как образовательного института имеет свою территорию, не дублирует деятельность школы. Музей удерживает собственные смыслы и обладает возможностями их достижения. Выстраивая конструктивные и доброжелательные отношения со школами, музей устанавливает сетевое взаимодействие, которое как показывает мировая практика, является современной организационной формой инновационной деятельности [5].

Список литературы

1. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Л.: Сеятель, 1926. 152 с.
2. *Лаптева М.А.* Музей как социальный институт: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2006. 17 с.
3. *Лотман Ю.М.* Чему учатся люди: статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М.И. Рудомино, 2010. 416 с.
4. *Мединский В.Р.* Война. Мифы СССР, 1939–1945. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 672 с.
5. Теоретические основы педагогических инноваций в зарубежной школе: [кол. моногр.] / под общ. ред. В.А. Полякова. М.: ИСМО РАО, 2007. Ч. 2. 192 с.

¹ *Кузменкина Л.* Почему в Новосибирске есть улица челюскинцев? // Вечерний Новосибирск. 2004. 16 июня.

УДК 069

А.Е. Овчинникова

**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ РАБОТЫ С МУЗЕЙНОЙ
АУДИТОРИЕЙ (НА ПРИМЕРЕ РАБОТЫ МУЗЕЯ «ЗАЕЛЬЦОВКА»
ФИЛИАЛА МККУ «МУЗЕЙ ГОРОДА НОВОСИБИРСКА»)**

В статье рассматривается необходимость использования современных технологий в работе с посетителями. Представлен опыт внедрения музейных информационных, интерактивных форм и методов, реализованных на базе Музея «Заельцовка» в 2015–2016 гг.

Ключевые слова: новые технологии, коммуникативный процесс, Музей «Заельцовка».

На современном этапе развития общества, в условиях активного внедрения новых технологий, в музеях возникла необходимость разрабатывать и внедрять инновационные формы работы с посетителями, которые будут способствовать осуществлению эффективного коммуникативного процесса между посетителями и экспозиционным культурным пространством.

В настоящее время музеи обладают уникальной возможностью создавать симбиоз историко-культурного наследия с новыми технологиями в экспозиционной деятельности, что позволяет молодому поколению воспринимать и анализировать исторические события в «реальном времени».

В Музее «Заельцовка» используются новейшие музейные информационные технологии. При сотрудничестве с компанией «Аскрин» был реализован проект по озвучиванию типологических уголков экспозиции. Таким образом, у посетителей появляется возможность погрузиться в атмосферу, получить подлинную информацию об определенном историческом периоде.

Посетители могут не только прикоснуться к историческим реликвиям, но и послушать воспоминания носителей истории, с помощью музейных экспонатов, например, набрав номер на телефоне 1930-х гг., стать участником процесса музейной коммуникации. Такие технологии являются средством демонстрации потенциала музея для современной молодежи, не нарушая историко-краеведческий компонент экспозиции.

Также при сотрудничестве с компанией «Лаборатория мультимедийных решений» мы стали использовать технологии

Маугри – это спектр продуктов от мобильных приложений и аудиогидов до виртуальной реальности и индивидуальных решений. На данном этапе реализован проект Мобильный гид Маугри – это мобильное приложение для посетителей с функциями, направленными на взаимодействие посетителей с музеем.

Мы обеспечили взаимодействие музея с посетителями на новом информационном уровне. С помощью мобильного приложения Мобильный гид посетители, осматривая экспозицию, сканируют QR-коды и получают описание экспоната. При этом приложение остается в смартфоне, и посетитель продолжает поддерживать связь с музеем, получая информацию об анонсе выставок или участвуя в виртуальных экскурсиях, викторинах.

Помимо аудио-точек и QR-кодов в экспозиции находится информационный киоск, с помощью которого можно получить дополнительную информацию о мероприятиях, посмотреть видеодархив или почитать статьи.

В настоящее время в музее представлен информационный комплекс методов и способов получения музейной информации, который необходим не только одиночным посетителям, но и используется в различных формах культурно-образовательной деятельности.

Еще один вид новых технологий взаимодействия посетителя с музеем это партисипативные технологии – включение людей в процесс действия. Во время проведения акций, таких как «Ночь музеев», или проведения фестивалей («Ретро фестиваль», Зоофест и т.д.) у посетителей появляется возможность коммуникативного взаимодействия с музейными предметами. Они могут пошить на машинке 1930-х гг., написать перьевой ручкой и чернилами письмо, сделать фотографию в интерьерной комнате 1950-х гг. в винтажных костюмах.

Такие технологии позволяют вовлечь в коммуникативный процесс не только людей, которые реально приходят в музей, но и потенциальных посетителей на выездных мероприятиях, выставках и таким образом увеличить сферу влияния за счет выхода во внемузейное пространство.

В Музее «Заельцовка» разработана и успешно используется еще одна новая форма работы – интерактивные занятия. Это система музейно-педагогических занятий для детей разных возрастных групп. В эту систему входят темы по истории Заельцов-

ского района, общеобразовательные темы, темы для внеклассной работы по гражданскому и патриотическому воспитанию и др.

Музейно-педагогические занятия включают в себя различные формы и методы: интерактивные задания, поисково-исследовательские задания с использованием информационных технологий, задания с использованием предметов из фондов музея, педагогические методики, мастер-классы и т.д.

Каждое занятие адаптировано для детей с учетом возрастных и психолого-педагогических характеристик, а также удовлетворяет потребности молодого поколения – нестандартность, нетрадиционность данного вида досуга, интеллектуальный характер развлечения, что немаловажно для современного поколения.

Таким образом, с внедрением современных технологий, активным использованием музейно-выставочных средств, комбинированием интерактивных форм и методов работы с посетителями создается высокий социокультурный эффект – музей выходит на новый уровень влияния на городское сообщество, удовлетворяет потребности современного поколения, расширяет круг реальной и потенциальной музейной аудитории. Это в целом способствует развитию музейного мира Евразии.

УДК 94(47)"192/193"

М.А. Перова

**ОДЕЖДА КАК АСПЕКТ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ 1920–1930-х гг.
(НА МАТЕРИАЛЕ КУРГАНСКОГО И ШАДРИНСКОГО ОКРУГОВ)**

В статье рассматривается одежда как один из важнейших элементов культуры жизнеобеспечения. Подчеркивается актуализация ее социальной функции для детей и подростков в 1920–1930-х гг. На основе архивных документов анализируется роль одежды в социализации подрастающего поколения: возможность получения образования, участия в общественной жизни, стремление к проявлению индивидуальности.

Ключевые слова: детская повседневность, детский костюм, советская школа.

Одежда – одна из важных составляющих повседневной жизни человека. Как пишет историк моды Н.М. Каминская, «костюм является выразителем социальной и индивидуальной характеристики человека... формирует его в соответствии с общественным эстетическим и нравственным идеалом» [2, с. 3]. Особый интерес в этом отношении представляют переломные исторические эпохи, когда с изменением общих мировоззренческих установок меняется и костюм, как было в первые послереволюционные десятилетия. Поскольку сферой наших научных интересов является детская повседневность 1920–1930-х гг., нас интересует прежде всего детская одежда, ее функции и отношение к ней детей и взрослых.

Как пишет К.Ю. Кладова, на сегодняшний день очень мало научных работ, посвященных повседневной одежде советских граждан довоенных лет. Она отмечает, что исследуемые ею фотодокументы указанного периода содержат интересную информацию об одежде курганских детей и подростков: «Встречаются фотокарточки детей, одетых "с иголочки", и также присутствуют снимки ребят, одежда которых довольно проста» [3, с. 137]. Однако большая часть снимков – постановочные, парадные, и потому не отражают повседневность в ее естественном виде. О парадности фотографий того времени, особенно детских, пишут также В.А. Зверев и Е.И. Красильникова [1].

Учитывая данные фотоматериалов, собранных К.Ю. Кладовой, мы обратились к другим видам источников, содержащих информацию о внешнем виде детей и о проблемах, связанных с этой стороной повседневной жизни. Согласно воспоминаниям жителей бывших Курганского и Шадринского округов Уральской области, детство которых пришлось на исследуемые десятилетия, понятия моды и статусности одежды мало касались обычных провинциальных ребятишек. «Одевались мы в то время очень бедно, – рассказывает Александр Филимонов (родился в 1925 г. в нынешнем Куртамышском районе Курганской области). – Нам учителя говорили, что пусть будет вся в заплатках рубашка – или беленькая или серенькая, но всегда постиранная и брючки хорошие... Шерстяные... стоили дорого, и нас одевали в простые хлопчатобумажные. Рубашечку или пиджачок на нас одевали, фуражечку. У кого мастерицы-матери – когда шапочку какую сошьют. И мальчишки такие носили, и девочки. А зимой – фуфаячки... Ноги были в пимах – так у нас называли валенки... Проносятся – отец отнесет

мастеру, и он из трех валенок сделает двое – голенища обрежет и подошьет. Подросли – так и отцовские иной раз носили»¹. По воспоминаниям уроженца Половинского района Ивана Комарского, у него с сестрой и братом, также, как у их товарищей по школе и двору, никогда не было новой одежды: вещи донашивалось за старшими, перешивались из старого.

Основной причиной тому была практически всеобщая бедность населения. Вот, например, выдержка из отчета сельской учительницы: «Село Боровское небольшое... в настоящее время 180 домохозяйств... На всю деревню несколько пар сапог... На сапоги средств нет, а как на самогонку, то... всегда найдется»². Конечно, такой плачевной ситуация была не везде, но, так или иначе, нищета и скудость одежды давали о себе знать. Так, в Ключевской школе 1-й ступени Далматовского района в 1923–1925 гг. «дети бедных родителей многие лишены возможности посещать школу из-за недостатка обуви и одежды»³.

Так, для многих ребят отсутствие вещей, особенно теплых, стало судьбоносным фактором, помешавшим им получить образование. Иногда трудности носили сезонный характер и легко решались: «Ввиду распутицы посещаемость детей понизилась в группе до 7–8 человек... ходят в ботинках без калош с окраин города – как то Ленинский городок, Северный поселок. Родители просят... распустить детей недели на две»⁴ (из письма в горono Поповой, заведующей школы № 10 города Кургана), а порой калечили детскую жизнь: «Некоторым детям совершенно не в чем ходить в школу. Например, один мальчик учиться желает, но у него нет рубашки, нет брюк, есть одна пара платья, да и та худая-прехудая. Отца у мальчика нет, только мать, и кроме этого сына у ней еще трое детей»⁵.

Стремясь создать социалистическое общество, новая власть занималась централизованным распределением ресурсов, в том числе мануфактуры, необходимой для пошива одежды. Это касалось не только пенитенциарных учреждений: «Уральский отдел народного образования распространяет сапоги, заброниро-

¹ Интервью с А.А. Филимоновым записано 09.09.2016.

² Государственный архив города Шадринска (ГАШ). Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 45. Л. 11.

³ Там же. Д. 86. Л. 4.

⁴ Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 148. Л. 63.

⁵ ГАКО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 12. Л. 549.

ванные на нужды детских домов (2000 пар), по 200 пар на Курган и Шадринск»⁶, но также школ и конкретных семей. Согласно списку учеников второй школы 1-й ступени города Кургана, 13 ребят получили одежду и обувь из средств соцобеспечения на 191,70 рубля: пимы, пальто, белье, брюки, ботинки, сапоги, костюм, платье⁷. Среди архивных документов – заявления от неработающих мужчин и женщин, желающих получить помощь и одежду для детей. «У меня семейство большое и все бестолковое. Один сын комсомолец – на его жалованье и находится вся семья, которая состоит из семи человек... Ни обуви, ни одежды, ни белья у некоторых детей нет»⁸ заявляет неграмотная Парасковья Стрежнева. Гражданка Анастасия Баскалова, даже не ссылаясь на трудное материальное положение, пишет в Шадринскую горкомиссию: «Прошу... дать мне для двух детей... мануфактуры в день ознаменования 1 мая»⁹, – вероятно, рассчитывать на такого рода помощь к празднику казалось естественным.

Сами дети и подростки понимали, что им полагается государственное обеспечение необходимыми вещами, особенно при «выгодном» социальном положении: «В Шадринскую окружную деткомиссию заявление от Лопатина Михаила. Прошу Шадринскую дектомиссию выдать на штаны и рубашку. Я сын партизана, матери и отца нет, живу у тетки, носить нечего»¹⁰. Особенно хорошо знали свои права обитатели пенитенциарных учреждений: в 1929 г. воспитанница детского дома № 4, пятнадцатилетняя студентка рабфака Ольга Найкова интересовалась, почему ей не выдали платье: «Я тоже кругом сирота и не от кого мне никакой помощи ждать, но что полагается – должны дать и не оставлять меня без внимания»¹¹, – считает девушка. Некоторые ребята сами присваивали себе все положенное: в феврале 1932 г. «воспитанник Александров Иван... унес из детприемника... пальто новое зимнее, шапку, ботинки – 1 пара, белья – 1 пара и брюки»¹².

Одежда взрослых воспринималась детьми как символ статуса, но не материального, а интеллектуального. Согласно воспо-

⁶ Там же. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 11. Л. 24.

⁷ Там же. Д. 148. Л. 20.

⁸ ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 48. Л. 257.

⁹ Там же. Л. 269.

¹⁰ Там же. Л. 266.

¹¹ ГАКО. Ф. Р-465. Оп. 1. Д. 11. Л. 97.

¹² Там же. Д. 148. Л. 51.

минаниям уроженцев Курганского и Шадринского округов 1920–1930-х гг., они мечтали стать учителями и врачами, чтобы одеваться и вести себя соответствующе, быть интеллигентными. Таким образом, одежда связывалась с образованием двумя способами: как необходимое условие его получения и как следствие его наличия. Это осознавали как дети, так и их родители. Со слов неграмотной Анны Даниловой пишут: «Прошу... сыну моему Данилову Анатолию, мальчику 9 лет, дать хотя [бы] единовременную помощь материальную для приобретения одежды и обуви, так как мальчик учится и ему не в чем ходить, а нас застигла такая беднота, что совершенно жить нечем и даже нет денег на питание впредь до поступления моего на работу»¹³. В ситуации полной нищеты женщина просит средств именно на одежду для учащегося сына: образование видится ей как возможность для ребенка не повторить ее собственную судьбу. Действительно, посещавшие школу дети пролетариев и бедных крестьян нередко открывали перед собой большие перспективы. Вот, например, заявление в Шадринскую окружную деткомиссию «от воспитанника детской трудовой коммуны Глазунова Сергея: Прошу... выдать мне средств в размере 35 рублей на обмундирование, так как еду в нынешнем году учиться в Ленинградский ВУЗ»¹⁴. Документ составлен 14 июня 1927 г. Подросток 14 лет от роду отправляется получать высшее образование в Ленинград из провинциального Шадринска – огромный успех. Единственная преграда на пути вверх – одежда.

Интересно рассмотреть отношение к вещам самих детей. Один из ярких примеров – копия протокола № 8 детского собрания Китайского детдома от 18 февраля 1924 г., обнаруженная в архиве города Шадринска. Повестка дня – обсуждение поступка воспитанницы Бабиной, которая присвоила выданную ей в приюте суконную жакетку и, «основываясь на том, что она ей... мала, решила ее самовольно распороть и попросила девочку старшего возраста Куликову, к тому же состоявшую членом бельевой комиссии, скроить башмаки... Вещь была изрезана и приведена в полную негодность»¹⁵. Отношение к одежде как к материалу, прикрывающему наготу, с возрастом, особенно у девочек, переходило в желание обладать красивыми (по мере возможности) вещами, и

¹³ ГАШ. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 2. Л. 126.

¹⁴ Там же. Л. 110.

¹⁵ Там же. Ф. Р-213. Оп. 1. Д. 355. Л. 58.

это желание старались удовлетворить, в том числе через ложь. Однако в общей практике того времени даже такой элемент сугубо частной жизни, как одежда, не мог принадлежать воспитаннику детского учреждения. Согласно протоколу, дети единогласно решили, что, воспитываясь на коммунистических началах, будущие борцы за коммунизм никакой собственности иметь не могут. Однако случай с Бабиной, похищение Александровым «обмундирования» при бегстве из приемника и ряд других примеров свидетельствуют о том, что коммунистическое отношение к одежде усвоили далеко не все дети. Например, 16-летняя студентка рабфака Александра Орлова пишет в Шадринский ОНО: «Обращаюсь к вам вторично... чтобы он [детский дом] мне послал хотя бы 10 рублей, так как у меня шали нет, нет белья нижнего, нет чулок и ряда других вещей... А то мне прямо стыдно жить. Все прилично одеты и всё, а я среди них, как не знаю кто»¹⁶.

Таким образом, детская одежда в 1920–1930-е гг. выполняла несколько важных функций в повседневной жизни детей и подростков. Во-первых, она играла сугубо практическую роль защиты от непогоды. Во-вторых, являлась необходимым условием получения образования и продвижения по социальной лестнице. В-третьих, особенно для детей старшего школьного возраста, была средством социализации и проявлением индивидуальности.

Список литературы

1. *Зверев В.А., Красильникова Е.И.* Жизнь и смерть в семейной фотографии: к интерпретации городских фотоисточников 1920–1930-х гг. // Визуальные образы прошлого: новые стратегии использования в образовательной и исследовательской практике / под ред. В.А. Зверева, О.М. Хлытиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 136–148.
2. *Каминская Н.М.* История костюма. М., 1977. 128 с.
3. *Кладова К.Ю.* Внешний вид жителей Кургана в 1920–1930-х гг. (по фотодокументам) // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1. С. 133–147.

¹⁶ Там же. Л. 266.

УДК 069(251.1)

Н.Н. Покровский

**ИНТЕРАКТИВНЫЙ КОМПЛЕКС МУЗЕЯ НАУКИ
И ТЕХНИКИ СО РАН**

В данной статье обобщена теоретическая и практическая деятельность по организации Музея науки и техники СО РАН. Традиционные формы музейной коммуникации не способны сегодня удовлетворить возросшие требования посетительской аудитории. Необходимы новые, необычные способы организации экспозиционно-выставочного пространства, новые концепции взаимодействия и мотивационных ситуаций. Музей завтрашнего дня – это не просто хранилище овековеченной культуры, он должен стать любимым местом проведения досуга населения.

Ключевые слова: музееведение, история науки и техники, культура, культурное наследие, воспитание молодежи, просвещение.

Наблюдаемый в последнее время повсеместный рост интереса к музеям технического профиля обычно объясняется бурным развитием техники, проникновением ее во все сферы жизни и деятельности человека, включая и повседневную, бытовую сферу, что обусловило необходимость понимать технику, знать ее историю. Подобное положение требует и нового подхода при решении задач популяризации научно-исторических знаний через музейную коммуникацию.

С такой задачей встретился Музей науки и техники Сибирского отделения РАН (далее Музей), создаваемый в новосибирском Академгородке. Несколько слов о самом Музее и истории его формирования. В середине 1990-х гг. Институтом истории Сибирского отделения РАН была начата собирательская работа в научных учреждениях Новосибирского научного центра и у частных лиц с целью определения возможности создания музея историко-технической тематики. Удалось найти немало интересных с исторической точки зрения объектов.

На основе собранного материала и при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в Музее истории СО РАН была устроена «Выставка новых поступлений» в фонд создаваемого музея. Помимо коммуникационной функции, выставка выполняла функцию привлечения внимания общественности к вопросу сохранения наследия нашей технической культуры

[3, с. 122]. На экспозиции проводились различные мероприятия, встречи, совещания. Наиболее активные дарители на одной из таких встреч в качестве морального поощрения были отмечены почетными грамотами Президиума СО РАН. Все это послужило отправным моментом для более детального изучения возможности создания Музея. Так, в 1997 г. Президиумом СО РАН была создана «Комиссия по инвентаризации предметов музейного значения» под председательством одного из старожилов Академгородка, участника «первых зимовок» в Золотой долине, кандидата физико-математических наук Л.А. Лукьянчикова.

Ввиду обилия вещевых и письменных памятников, связанных с вычислительной техникой, по этой теме была начата углубленная проработка поступившего материала, намечена дополнительная разбивка на подтемы, что, в свою очередь, определило дальнейшее уточнение и детализацию программы комплектования.

Включались в фонд и вспомогательные предметы, необходимые для создания экспозиционных комплексов ансамблевым методом. Телефонные аппараты, настольные лампы, лабораторная мебель и даже письменные принадлежности разных периодов нашли свое место в собираемой коллекции. Они помогут реконструировать облик научной лаборатории, воссоздать подлинную среду бытования основных музейных предметов. Были взяты на учет все встречавшиеся технические памятники первой половины XX в. без ограничения, вне зависимости от их тематического соответствия проблематике Музея [2, с. 13].

Особенностью работы в 2000 г. явилось пополнение фонда аудио-, видеозаписями бесед с известными учеными, ветеранами науки в новосибирском Академгородке, участниками интересных событий, связанных с деятельностью Новосибирского научного центра (академики В.В. Болдырев, М.Ф. Жуков, доктора физико-математических наук Л.А. Лукьянчиков, М.Е. Топчий и др.). Большую часть этого материала составляет собрание видеозаписей, сделанных по предложению В.А. Коптюга сотрудником аппарата Президиума СО РАН В.П. Мокроусовым.

В последнее время тематика комплектования музейного собрания стала расширяться, включая в себя предметы техники связи, бытовой, кино-, фото- и транспортной техники, делая реальной идею создания музея политехнического типа, документирующего не только научную сферу. Кроме отечественных памят-

ников науки и техники в него включаются также зарубежные памятники, представляющие значительную научно-техническую ценность, и другие памятники, связанные с историей науки и техники в нашей стране и за рубежом. Собрание Музея не ограничивается какими-либо конкретными временными рамками, но в основном охватывает период с начала XX в. до настоящего времени.

В 2006 г. Музей получил постоянное помещение площадью около 150 м². Встал вопрос о создании на таком небольшом пространстве эффективного экспозиционно-выставочного комплекса. Основной особенностью концепции экспозиционного комплекса Музея явилась попытка реализации идеи «живой» экспозиции, максимально наполненной действующими музейными предметами, имеющими по сравнению с предметами статичного ряда большую аттрактивность. В совокупности с широким использованием ансамблевого метода построения экспозиции это позволяет на документальной основе наиболее полно воссоздать подлинную среду бытования музейных предметов, оказывая на посетителей значительное эмоциональное воздействие. Экспонаты можно испытать в действии, почувствовав себя физиком-исследователем или математиком-программистом недавнего прошлого, на собственном опыте познавая законы той или иной науки. В одном из экспозиционных залов музея сформирована ансамблевая экспозиция по истории вычислительной техники в виде собирательного образа городской площади, напоминающей новосибирский Академгородок, с использованием внешней атрибутики городских улиц. Стилизованные «здания» служат стендами для размещения ансамблевых тематических комплексов. Тротуары, бордюры, газоны, уличные фонари имитируются с помощью соответствующих подиумов, а в отдельных случаях и реальных элементов оформления улиц. Ощущение интерактивности создается применением системы дистанционного управления освещением стендов-зданий и экспозиционных зон.

Осмотр начинается с обзора истории развития систем счисления и средств инструментального счета. Он представляет собой стилизацию под старый кирпичный домик, на остатках штукатурки которого видны фрагменты сюжетов из «жизни» чисел.

Настоящие компьютеры, или ЭВМ, как их тогда называли, «живут» в другом конце экспозиционного зала, где расположено «здание» Вычислительного центра, обозначенного ажурным каркасом из пластмассовых труб большого диаметра. Далее экскур-

санты опять перемещаются по Площади к небольшому «особняку», расположенному рядом с Вычислительным центром. На данном стенде размещена так называемая аналоговая вычислительная машина сорокалетней давности. Не вдаваясь в технические подробности, можно сказать, что аналоговая вычислительная техника и в жизни держится несколько особняком от магистрального пути развития средств счета, заполненного в основном цифровыми, или, правильнее, дискретными машинами.

Необходимо отметить, что такое интенсивное перемещение экскурсантов от одного стенда к другому по экспозиционному залу, из одной его части к другой и обратно, организовано преднамеренно. Данный прием позволяет в условиях ограниченного пространства создать иллюзию динамики, аналогии движения, присущего, кстати, и реальным туристическим экскурсиям при осмотре достопримечательностей в реальных городах, и помогает избежать, в известной степени, утомляющего монотонного стояния на одном месте.

На территории «Площади» в виде отдельно стоящих «пешеходов»-стоек нашли свое место крупные приборы. В их числе серийная техника и оригинальные разработки СО АН СССР: рабочая станция «Кронос», специализированный компьютер для верстки газетных страниц «МРАМОР» начала 1980-х гг., стойка с оборудованием из серии «КАМАК», фрагменты аппаратно-программного комплекса для редактирования карт местности «Виразж» и др.

В центре зала на высокой стойке разместились мультимедийно-информационная компьютерная установка, где в фоновом или целевом режимах демонстрируются различные программы научно-познавательного и справочно-биографического характера по истории науки и техники.

В плане популяризации научных знаний, привлечения молодежи в науку в этом же зале создается несколько интерактивных стендов, объединенных в учебно-игровой комплекс. По примеру Политехнического музея в Москве он назван «Игротеха». Обучаться развлекаясь, познавать играя – эти принципы лежат в основе данного комплекса [1, с. 12]. В его составе предполагается разработать, смонтировать и отладить следующие стенды:

– «Раз, два, три...» – стенд, знакомящий с некоторыми распространенными системами счисления (2, 10, 16).

– «Из чего же, из чего же, из чего же?» – представляет основные элементы электрических цепей.

– «Железная логика» – знакомит с основой машинной логики на примерах ее практической реализации.

– «Кто быстрее?!» – игровой стенд с состязательным моментом, раскрывающий принципы формирования изображения на экранах знаковых дисплеев.

Второй экспозиционный зал находится на стадии строительства. Он является дальнейшим развитием метафоры «городка» и содержит несколько стендов, посвященных истории вело- и мототранспорта, а также техники кино и фотосъемки. Он, как и предыдущее помещение, оканчивается занимающим всю стену фотоизображением перспективы одной из улиц Академгородка, что создает иллюзию продолжающегося вдаль городского интерьера. При этом небольшая группа мотоциклов, представляющих транспортное направление экспозиции, установлена на стояночном «островке» посредине «улицы», как и в реальном городе. Кроме указанных предметов данное направление представлено стендом по истории велосипеда. Стенд сборно-разборный. Он изготовлен из легких металлических конструкций, позволяющих использовать его для выездной выставочной работы.

Выставка фото- и киноаппаратуры, совмещенная с небольшой фоторетроспективой из истории Академгородка, разместились в районе «новостройки» на стенде, имитирующем строящееся здание. Экспонаты разместились в проемах каркаса его недостроенных стен, как на полках, а фотографии на подвесах украшают стрелу строительного «крана». Строительные фонари, служащие для подсветки стенда, другая строительная электроаппаратура дополняют необычность его облика.

Конструктивно весь комплекс выполнен несколько необычно. Основой его силовых элементов являются стальные оцинкованные профили, применяющиеся обычно для монтажа скрытых от глаз каркасов, обшиваемых листовым материалом с последующей стандартной отделкой шпаклевками, эмалями и пр. В нашем случае профили, крепежи, тросы, талрепы, угольники и др. расположены открыто и выступают не только в роли механической основы, но и как элемент декора в стиле «техноарт». Конечно, можно возразить, что такой художественный прием противоречит одному из основных экспозиционных принципов акцента на музейный предмет, а не на вспомогательные элементы стендов

и подиумов. Но в нашем случае стенды, подиумы, подставки и т.п. сами являются активными участниками коммуникации, позиционируя данный музей как технический. Этой же цели служат ограждения из пластиковых водопроводных труб, «уличные» фонари из комбинации душевых головок и обычных электроламп. И конечно же, рисунки в стиле «граффити». Ведь какой город обходится сейчас без этих настенных рисунков?!

Просветительская и коммуникативная деятельность Музея ориентирована в основном на детский контингент. Но мы надеемся, что и взрослые любители техники, коллекционеры, люди, желающие вспомнить свое недавнее прошлое, смогут приятно и с пользой провести время в кругу единомышленников, посетив новую экспозицию нашего музея.

Список литературы

1. Как и почему? или увлекательно о сложном в Политехническом музее / *Г.Г. Григорян, Н.Я. Немыцкая, Л.Л. Винокурова* [и др.]. М.: Мак Карт, 2006. 111 с.
2. Методические рекомендации по комплектованию фондов / *Г.Г. Григорян, Т.С. Иванова, Л.М. Кожина* [и др.]. М.: Знание, 1992. 25 с.
3. *Покровский Н.Н.* Приборы и техника научного эксперимента // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 2. С. 116–125.

УДК 069

М.Д. Мелешко

ИНТЕГРАЦИЯ МУЗЕЯ «ЗАЕЛЬЦОВКА» В КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЕВРАЗИИ

На основе опыта работы новосибирского Музея «Заельцовка» в статье рассматриваются возможности, предоставляемые современными средствами коммуникации: сетью Интернет и наиболее популярными в России социальными сетями («ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook»), для расширения информационного пространства.

Ключевые слова: музей, взаимодействие, сотрудничество, коммуникация, викторина, виртуальная выставка, социальные сети, сохранение истории, популяризация культуры, музейные фонды, Заельцовка.

Работа музея в виртуальном пространстве – элемент современной культуры, обязанный своим появлением распространению сети Интернет и мультимедийных технологий, их доступности и вездесущности. Музей, изначально имеющий своим предназначением сохранение, «консервацию» вверенных ему ценностей, вынужден меняться, идти в ногу со временем, а не теряться в нем, что неизбежно приводит к стереотипно-отталкивающей ассоциации «нафталинового духа».

Одной из главных задач музея, даже в меняющемся мире, в котором границы между странами и континентами «стираются нажатием клавиши», неизменно остается сохранение исторической и культурной памяти, наследия. Материальное воплощение решения этой задачи представлено самой музейной экспозицией и предметами, пополняющими музейные фонды. Тем не менее, какой бы высокой ни была посещаемость музея, не стоит игнорировать «выставочную площадку», предоставляемую музею современными технологиями [2]. Виртуальная выставка, демонстрирующая наиболее интересные или только что поступившие в коллекцию экспонаты, привлечет дополнительное внимание более широкой и территориально удаленной аудитории. На виртуальных страницах Музея «Заельцовка» («ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook») музей располагает как возможностью размещения фотовыставок, так и виртуальных выставок постоянной экспозиции и выставочного зала. В первом формате, к примеру, были представлены фотографии выставки «Человек, который делал историю», посвященной Борису Савельевичу Галушаку. Семейные альбомы и снимки, сделанные в рабочей обстановке, на производстве, образцы продукции Новосибирского приборостроительного завода имени В.И. Ленина, любимая гитара и альбом с рисунками – их визуальное восприятие позволяет придать образу, известному по воспоминаниям сослуживцев и родных, объем, цельность. Это позволяет человеку, впервые посетившему информационное пространство Заельцовского района города Новосибирска, в полной мере представить масштаб исторической личности.

Выставки, отражающие музейную экспозицию, могут положить начало более масштабному проекту: социальные сети – как нельзя более подходящая площадка для проведения виртуальных викторин. Культура имеет характер игры, человек в ее

контексте – не только *homo sapiens*¹, но и, нельзя не согласиться с Хейзингой [3], *homo ludens*², постоянно находящийся в процессе этой игры. Предоставить возможность ощущать себя активным игроком, все равно, что «рыбой в воде» – в силах музейной деятельности: популярность квестов, «бродилек» по интерьерам музея – тому доказательство. Однако виртуальная связь хороша тем, что позволяет принять участие в мероприятии, даже не присутствуя на нем физически. В первой половине февраля 2016 г. на электронных страницах Музея «Заельцовка» прошла виртуальная викторина «Мы земляки» для любителей истории и знатоков родного края, выявившая неподдельный интерес наших читателей к интеллектуальным состязаниям. Для участия в викторине необходимо было в заранее объявленное время зайти на страницу музея в одной из социальных сетей и выполнить предложенные задания, которые появлялись одно за другим, по мере решения предыдущего. Помочь в этом могли материалы фотовыставок «Каргатская волость» и постоянной экспозиции музея. В связи с проявленным интересом Музей «Заельцовка» и администрация Каргатского района решили продолжить эту игру на новом уровне. Заочная историко-краеведческая викторина «Мы земляки» была проведена с 16 февраля по 17 марта 2016 г. Ее целью стала возможность культурного взаимообмена, позволяющего предметным языком познакомить молодежь, жителей других российских (и не только) городов с истоками земли новосибирской; создать условия для того, чтобы подрастающее поколение сибиряков смогло почувствовать и осознать свою принадлежность к общим историческим корням, не потеряться во все более расширяющемся коммуникативном пространстве. К участию в интернет-ориентированной викторине была приглашена молодежь Новосибирской области в возрасте от 14 до 30 лет. Участникам необходимо было ответить на вопросы викторины и отправить на адрес электронной почты Музея «Заельцовка» ответы вместе с титульным листом (в нем указывались фамилия, имя, отчество участника, контактная информация). Получить справки об истории Каргата и Заельцовского района города Новосибирска, узнать подробнее об условиях проведения викторины и участия в ней можно было из Положения о викторине, размещенного на страни-

¹ Человек разумный (лат.).

² Человек играющий (лат.).

цах музея в социальных сетях. В случае необходимости (невозможно пройти по ссылке, скачать файл и т.д.) пакет документов (положение о викторине, исторические справки, список литературы) отправлялся заявителю по электронной почте.

Всего на конкурс поступило 38 работ из 11 районов Новосибирской области: Каргатский район – 11, Тогучинский район – 5, Болотнинский район – 5, Татарский район – 4, Новосибирск – 3, Черепановский район – 3, Баганский район – 2, Искитимский район – 2, Чулымский район – 1, Чистоозерный район – 1, Убинский район – 1.

Охватить такую обширную территорию и, соответственно, обеспечить немалое количество участников, викторине помогла именно ее виртуальность. При взаимодоговоренности и сотрудничестве, также осуществляемом посредством сети Интернет, возможна работа над более крупными проектами подобного плана, даже международными, например, между городами-побратимами, такими как Новосибирск и китайский город Шэньян или японский Саппоро (учитывая актуальность укрепления связей с Востоком, в том числе и культурно-образовательных). Для крупного городского музея подобный опыт взаимодействия открывает перспективу выхода в более широкое информационное пространство по уже отработанной и показавшей свою эффективность схеме.

Понятие памяти не может быть заключено только лишь в осязаемых бытовых предметах, пусть даже признанных символом эпохи и наполняющих интерьер типологического уголка экспозиции или напрямую предъявляющих нам запечатленный исторический момент, как фотография. Работа музея одного из районов мегаполиса выходит за рамки залов и фондовых хранилищ, ведь каждый исторический период, имея свои ориентиры, ценности, идеологию, оставляет след на карте города. В контексте сохранения исторической памяти, названия улиц района – отражение его прошлого, маркеры городской истории. Многие улицы Заельцовского района Новосибирска – именные, получившие названия в честь новосибирцев – героев своего времени. Но, к сожалению, даже историческая память порой подводит горожан: если ориентирование в пространстве не вызывает проблем, то имя, пусть оно и на слуху, для многих уже становится просто чьим-то именем.

Имея целью восстановление и сохранение исторической памяти, а также трансляцию ее подрастающему поколению, Музей «Заельцовка», помимо справки о значимых для истории района и

города датах, ведет на своих страницах в социальных сетях рубрику «Есть такая улица!», содержащую материалы об истории названий и переименований улиц Заельцовского района города Новосибирска. Использование электронного ресурса позволяет обеспечить доступ к предоставляемой нами информации как можно более широкой аудитории, что не только выполняет просветительскую функцию, но и стимулирует читателей, заинтересованных заданной темой, к самостоятельной поисковой и исследовательской деятельности. Не лишним будет заметить, что авторский текст, основанный, конечно, на достоверных, не вызывающих сомнений источниках, но оригинальный, а не стотысячная копия, коих в сети Интернет предостаточно, скорее привлечет внимание и будет интересен читателю. Не секрет, что для нашей аудитории, особенно для молодежи и, возможно, впервые знакомящихся с нашей историей иностранцев, важна не только сама информация, но и форма ее подачи. Историческая справка, прочитанная как увлекательная книга, запоминается и подталкивает к самостоятельному поиску продолжения, «следующей главы». Важно правильно расставить акценты, показать и доказать, что музей – не «вековая пыль», вдыхаемая в тишине под строгим надзором, а история – не навязанный урок, который можно только лишь вы зубрить. Обращающийся к истории своей семьи, родной улицы, района, города или же располагающий информацией и желающий рассказать «как это было» и «с чего всё начиналось» – каждый чувствует потребность в сопричастности к сохранению исторического наследия, даже находясь за границами одной территории, но оставаясь включенным в единое информационное пространство. Задача музея в таком случае – реализовать «виртуальные накопления», дать практическое применение информации, которая могла бы залечь «мертвым грузом», не имея электронного варианта и площадки, где он мог бы быть выложен в свободном доступе.

Современная коммуникационная политика требует от музея непрерывного диалога с обществом [1]. Сеть Интернет позволяет музею вести этот диалог даже на международном уровне, своевременно обеспечивая и поддерживая связь между представителями разных стран. Примером такой работы из опыта Музея «Заельцовка» может служить неожиданный, но прошедший на должном уровне визит гостя из Гонконга. Из обзорной экскурсии по музею он узнал не только историю роста и развития Заельцовского района и города Новосибирска в целом, но и пожелал сде-

лять фотографии на память в «типологических уголках» музея, имитирующих интерьеры определенных эпох (комнаты 1940–1950-х, 1970-х, 1980-х гг.). Снимки были сделаны на фотоаппарат сотрудника музея, а гость в тот же день получил их по электронной почте, оставшись доволен работой музея как в плане информативности, так и оперативности. Этот случай может послужить как хорошей рекомендацией музея для планирующих посещение Новосибирска туристов-иностранцев, так и поводом для установления и поддержания связи, предоставляющей музею еще одну возможность интегрироваться в коммуникационное пространство Евразии.

Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что работа в сети Интернет и в социальных сетях обеспечивает воздействие на максимально широкий круг посетителей, включая территориально удаленных и маломобильных, а также взаимодействие, обратную связь. По тому, как растет посещаемость электронных страниц (более 200 уникальных посетителей за месяц – статистика официальной группы Музея «Заельцовка» ВКонтакте), а также по отзывам на публичном ресурсе, которым являются социальные сети, можно судить о подъеме интереса к предлагаемым музеем материалам, программам, мероприятиям. Благодаря сети Интернет районный Музей «Заельцовка» получает возможность выхода не только на федеральный, но и на международный уровень.

Список литературы

1. *Ван Вэй.* СобираТЕЛЬская деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР: автореф. ... дис. канд. искусств. СПб., 2014.. 22 с.
2. *Киосе Н.Д., Маркова Н.А.* Использование информационных технологий в музейной педагогике. Виртуальный музей // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2012. № 24-2. С. 14–16.
3. *Хёйзинга Й.* Homo Ludens; Статьи по истории культуры / пер. с гол., сост. Д.В. Сильвестров. М.: Прогресс-Традиция, 1997. 416 с.

УДК 069(091)

О.Н. Шелегина**СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ МУЗЕЙНОГО МИРА
КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В настоящее время в КНР наблюдается ситуация «музейного бума», связанная с ростом числа музеев, количественным и качественным освоением наследия, развитием digital-маркетинга и менеджмента. Опыт коммуникационной политики китайских музеев эффективен для развития музейного мира Евразии.

Ключевые слова: музейный мир Евразии, Китай, современные тенденции развития музеев, наследие, коммуникационная политика.

Одной из современных тенденций в музеологии является отход от европоцентризма, интерес мирового музейного сообщества к странам Азии, Америки, Австралии, где музеи играют активную социокультурную роль.

В музейном мире Евразии одну из приоритетных позиций занимает Китайская Народная Республика, переживающая в настоящее время ситуацию «музейного бума». Только в 2011 г. открылось около 390 музеев, а общее число зарегистрированных музеев в 2013 г. составило 3589, из которых около 700 являются государственными учреждениями [1, с. 3].

В связи с этим историографический и научно-практический интерес представляют новейшие исследования в этой области, в частности, диссертационная работа Ван Вэй «СобираТЕЛЬСкая деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР» [2]. На ее основе можно выделить ведущие тенденции в развитии музейного мира Китая. Прежде всего, следует отметить, что эволюция музейного мира Китая происходит в направлении от закрытого традиционного хранилища раритетов в гибкий объект культуры, сохраняющий стабильное ядро (генотип музея). К основным типам китайских музеев по доминантам фондового собрания автор относит: музеи «социальной истории», «естественной науки и техники», «искусства». Происходит количественная и качественная динамика в освоении наследия: рост числа и типа музеев, расширение объектов музеефикации (культурные ландшафты, исторические кварталы городов), развитие

социальных функций музеев, обусловленное явлениями глобализации и информационного общества и интенсивными макропроцессами, происходящими во всех сферах китайского общества. Это заключение, сделанное в ходе анализа исторического национального опыта и современных музейных трендов КНР, следует учитывать при создании универсальной модели музейного мира XXI в.

Этапы собирательской и экспозиционно-выставочной деятельности музеев национального искусства КНР обусловлены динамикой социально-политического, экономического, социокультурного развития, геополитической стратегии государства. Первый этап – 1912–1949 гг. – характеризуется становлением музейного дела в Китайской Народной Республике; второй – с середины XX в. – связан с формированием названных видов музейной деятельности; третий – 2000–2010 гг. – представляет развитие этих видов музейной деятельности. При этом каждый из них имеет специфику, определяющуюся:

- способами комплектования коллекций произведений изобразительного искусства (монотипные коллекции, археологические памятники, комплексные фондовые собрания, коллекции китайских граждан, цифровое наследие);

- формами презентации (музеи «in situ», галереи, музеи-культурные центры, виртуальные музеи), включающими произведения национального искусства в историко-культурный контекст;

- интеграцией в мировое художественное пространство (участие в зарубежных выставках в Италии, Бразилии, США, России, организация китайских международных биеннале (Шанхайская, Пекинская) и Гуанчжоуской триеннале) [1, с. 15–20].

Важное значение придается строительству и эффективному функционированию провинциальных музеев с ориентацией на развитие диалога классического наследия и современности Китая. Ярким примером этого направления культурной политики является Музей г. Хуанган в провинции Хубэй КНР [2, с. 142–169] с населением 6,667 млн чел. (по данным 2007 г.) и наличием 82 культурных объектов, подлежащих государственной защите. Хуанган известен как «Город китайской каллиграфии», «Город поэзии», «Уезд полководцев и профессоров», «Край оперы Хуанмэйси», «Край гимнастики ушу», «Край крестьянской живописи». Три уезда Хуангана дважды получали звание «Передового города туризма провинции Хубэй». Такие результаты в значитель-

ной степени связаны с эффективными способами включения местного сообщества в процесс управления культурным наследием, потенциально влияющим на самоопределение сообществ, их развитие, улучшение качества жизни, самоидентификации населения. Музей при этом рассматривается как «сжатая форма» длительной истории определенной местности, место концентрации богатейшего культурного наследия. В Китае считается, что «город без музея – город без истории, город без культуры, город без души».

Эргономичная, комфортная и функциональная среда рождает «чувство голода» по эмоционально насыщенным местам. Повсеместно и самопроизвольно происходит сопоставление нового города со старым, и результат такого сопоставления широко известен: интуитивный выбор делается в пользу некоторого обобщенного образа «старый город» с историческим центром, определяющий его индивидуальность и характер. Изучение и развитие культурной среды города для создания притягательного имиджа, поиск индивидуальности, овеществление, воплощение в жизнь образа «моего любимого города» – такое направление деятельности переносит все усилия в социокультурную сферу. Объектом приложения сил может быть любая составляющая жизни города: праздники, традиции, культурное наследие, местные ремесла, достопримечательности. Важное значение приобретает и интерпретация архитектурного наследия в современном «историческом» городе». Подобный опыт имеется и на сопредельных с КНР российских территориях. Город Кяхта (ранее – Троицкосавск) в Республике Бурятия является одним из старейших малых исторических городов России и Сибири. Через Кяхту проходил единственный сухопутный маршрут из Европы в страны Востока и Китай в том числе Великий чайный, шелковый, нефритовый пути. Сегодня город насчитывает 69 памятников истории, архитектуры и градостроительства. Основная часть памятников отражает историю города, связанную с торговлей в XVIII–XIX вв. [3, с. 174–179]. Интерпретация и репрезентация этих недвижимых объектов наследия дает возможность сохранить региональное архитектурное наследие для последующих поколений, способствовать укреплению позиций исторических городов и поселений, развитию международного туризма.

Инновационной формой развития китайской культуры, синтезирующей материальное и нематериальное культурное наследие, является создание в КНР музеев-культурных центров, ак-

тивное использование в музеях всех типов информационно-коммуникационных технологий.

Важное значение для развития музейного мира Евразии может иметь и распространение китайского алгоритма освоения исторического наследия: от памятников к ландшафтам; от зданий к городским районам; от местности к историческому и природному ландшафту; от авторитарных государственных способов принятия решений к местным, региональным; от экспертов в узких областях (архитектура, история, археология) к высокопрофессиональным кураторам, менеджерам; от государственной ответственности до ответственности сообществ и частного сектора.

В соответствии с ним Музей г. Хуанган (Новый музей), открытый в 2012 г., стал одним из пунктов реализации программы социального развития V съезда КПК, плана государственной поддержки культуры, а также «Плана развития культуры в г. Хуанган» и «Плана возведения объектов культуры при поддержке почетных жителей г. Хуанган». В этот значимый социокультурный проект было инвестировано более миллиона юаней. Территория музея занимает почти 3 га, площадь – 12 000 м², фондовое собрание насчитывает 18 574 предмета исторической и культурной ценности. В музее представлены экспозиции «Культура и история Хуангана», «Древняя крепость – Старый Хуанган» и «Очарование старины – Музейное собрание каллиграфии и живописи». С момента открытия до 2014 г. музей принял более 1000 туристических групп, более 50 тыс. частных посетителей, иностранных гостей, приехавших соотечественников и местных жителей.

Важное значение придается в музее г. Хуанган расширению сфер социокультурного влияния музея на местное население, формированию реальной и потенциальной музейной аудитории, в том числе из числа служащих Народно-освободительной армии Китая, привлечению к популяризаторской деятельности волонтеров. Новое отношение к запросам аудитории и новый стиль современного музея выражены в девизе директора музея Лю Янь: «Память. Традиции. Дух» [1, с. 21].

В современной ситуации усилия направляются на повышение социокультурной значимости музея на трех уровнях: национальном, интернациональном и локальном. Долгосрочная стратегия включает в себя разработку интернет-бренда, по стиливому решению соотносящегося с брендом музея. Приоритетом новой политики музея является соединение коллекционного ресурса

музея и развития творческих индустрий на волне интереса к собственной идентичности и традиционной культуре.

Позиции музея как ведущего центра истории г. Хуанган, активно способствующего развитию музейной отрасли в стране, укрепляются путем введения в социокультурную практику новых значимых объектов наследия провинции Хубэй. Музей планирует организовать центр области Дунпу в соответствии с проектами по восстановлению и сохранению прежнего местоположения древней столицы Ю, императорских могил династии Хань.

В целом изучение опыта деятельности Музея г. Хуанган дает возможность для определения эффективных механизмов социокультурной адаптации населения, путей расширения музейной аудитории, как реальной, потенциальной, так и виртуальной, развитию digital-маркетинга и менеджмента, интерактивных и партисипативных технологий.

Все социальные коммуникации музейного мира Китайской Народной Республики, обусловленные актуальностью диалога классического наследия и современности Китая, основываются на социокультурной миссии музеев, расчете на рост их репутации и влияния на развитие политико-экономических процессов в стране, активную позицию в работе с музейной аудиторией и освоением наследия, которому дано настоящее и обеспечено будущее!

Таким образом для успешного развития музейного мира Евразии, с учетом китайского опыта, актуальна современная коммуникационная политика музеев, направленная на непрерывный диалог с обществом, вышестоящими управленческими структурами, партнерами по социальным проектам, средствами массовой информации. Музеи, демонстрирующие роль этносов, социумов, территорий в мировом культурном потоке, имеют существенный потенциал для адекватного решения вопросов культурного разнообразия и идентичности, ее сохранения и трансляции, ведения с посетителями социально ориентированного диалога, связанного с культурными ценностями, маркерами культурно-исторической памяти и разными формами коллективной идентичности, соединяющими воедино региональное и национальное социокультурное пространство.

Список литературы

1. *Ван Вэй*. Собирательская деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР: автореф. ... дис. канд. искусств. СПб., 2014. 22 с.
2. *Ван Вэй*. Собирательская деятельность и формы презентации национального искусства в музеях КНР: дис. канд. искусств. С.-Петербург, 2014. 218 с.
3. *Михалева К.А.* Интерпретация архитектурного наследия в современном «историческом» городе» (на материале Республики Бурятия) // Наука, образование, музеи: формы освоения наследия: сб. науч. стат. / отв. ред. В.А. Ламин, О.Н. Труевцева, О.Н. Шелегина. Барнаул: ТРИАДА, 2016. 204 с.

УДК 13.51.01

Е.А. Ковешникова

МУЗЕЙНО-ВЫСТАВОЧНЫЙ КОМПЛЕКС КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ: ФОРМЫ ПРЕЗЕНТАЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАСЛЕДИЯ

В статье рассматривается особая роль музеев в вопросе сохранения и актуализации культурного наследия страны и регионов. В современном обществе востребованным является создание музейных центров или комплексов. Представлен процесс создания музейно-выставочного комплекса Кемеровского государственного института культуры с целью сохранения традиций и историко-культурного наследия вуза.

Ключевые слова: музей, музейно-выставочный комплекс, культурное наследие.

В настоящее время одной из главных задач в стране является решение острых социальных проблем, среди которых вопросы сохранения и актуализации культурного наследия России, упрочения духовных и нравственных ценностей общества. Особую роль в этом процессе играют музеи. В большей степени российские музеи сегодня находятся в сложном положении в результате недостаточного внимания со стороны государства и науки. Выход из сложившейся ситуации нам видится в накопленном отече-

ственном и зарубежном опыте деятельности музеев, свидетельствующем, что музеи способны успешно работать в сложившихся рыночных условиях.

В современном урбанизированном обществе музеи в ряде случаев превращаются в многофункциональные музейные комплексы. Эти структуры требуют подробного и детализированного исследования с целью определения принципов их организации и форм презентации и интерпретации наследия.

В процессе моделирования музейного комплекса значимы его функциональные особенности, связанные с процессами создания интерактивной информационно-образовательной среды. Структурными элементами системы музейно-выставочного комплекса (далее – МВК) являются производственные элементы: создание музейного продукта, научно-исследовательская, фондовая, экспозиционно-выставочная работа, культурно-образовательная, а также непроизводственные бытовые процессы: административно-хозяйственная деятельность и рекреационная сфера, включающая досуговую, коммуникативную деятельность. Учебные помещения МВК предназначены для проведения образовательных занятий – это учебные технически оснащенные аудитории, библиотека для посетителей, кружки, студии, и другие образовательные интерактивные зоны.

Приоритетной целью создания и деятельности музейно-выставочного комплекса Кемеровского государственного института культуры является сохранение традиций и историко-культурного наследия вуза. МВК станет полифункциональным структурным подразделением ФГБОУ ВО Кемеровского государственного института культуры. Он создается для хранения, изучения и публичного представления музейных коллекций. Его задачами являются: расширение образовательного пространства, совершенствование обучения музейными средствами, патриотическое и нравственное воспитание студентов, формирование исторического сознания студентов и расширение их кругозора [2].

Традиционно в деятельности музея применялись две основные формы презентации и интерпретации наследия – доступ посетителя к коллекции и образовательная и просветительная работа с ней. Разумеется, основой любой деятельности в музее, направленной на изучение, освоение и осмысление музейной коллекции, является познавательный исследовательский подход, представленный в первую очередь в образовательной работе музея.

Образовательное направление в музее – это прежде всего комплекс интерактивных программ, представляющих собой, образовательно-информативную хронологически выстроенную систему, направленную на упорядочивание, систематизацию и урегулирование знаний об истории и культуре в соответствии с существующими общеобразовательными критериями. Одним из важнейших принципов образовательной деятельности музея является стремление наглядно показать историко-культурный процесс через материал музейной коллекции с ее непосредственным использованием и в корректной интерпретации. Такой подход обуславливает главную особенность образовательной деятельности музея, являющуюся одновременно и ее преимуществом – это возможность знакомить обучающихся и посетителей с историей вуза на «живом» материале, но требуется поступательное развитие. Поэтому при разработке образовательных программ собрание музея по мере необходимости может быть дополнено техническими интерактивными средствами и образами, сведениями и фактами, имеющими общекультурный характер. Качество образовательной программы определяется не только разнообразием использованного материала, но и насколько гармонично этот материал согласовывается с музейной коллекцией. Это и придает образовательным музейным программам визуализированную привлекательность и очевидную содержательность, а также смысловую наполненность ее интерпретации. Музейно-образовательные циклы предполагают последовательное и углубленное изучение коллекции музея, что требует продуманного построения курсов и участие широкого круга специалистов. Приступая к подготовке образовательно-музейных программ следует тщательно изучить коллекцию и отдельные экспонаты музея, на основании которых и будет разрабатываться данная программа. Необходимо провести детальный анализ наиболее ярких экспонатов коллекции, которые будут выступать в качестве ключевых аспектов программы и могут быть выделены в отдельную тему [3]. Надо учитывать и специфические особенности коллекции, позволяющие представить историю вуза на конкретном материале этой коллекции. Принципиально важно понимать, что образовательное направление деятельности музея имеет целью изучение именно истории вуза. Все остальные цели по отношению к этой являются дополнительными и вспомогательными. Такова принципиальная схема образовательно-воспитательной политики нашего музея. В ряду

музеев, осуществляющих образовательную деятельность, одно из видных мест принадлежит музеям образовательных учреждений. Одно из главных правил образовательной деятельности вузовского музея – принцип адресности, направленной на учащуюся молодежную аудиторию (студентов и школьников).

Поэтому музей, как правило, подготавливает свои образовательные программы для определенного потребителя, которые предназначены специально для студентов и потенциальных абитуриентов. Образовательная деятельность музея направлена на то, чтобы помочь студентам более глубоко и на материале подлинных памятников овладеть знаниями и пониманием вопросов исторического, культурного развития, а также основами специфически музейной методики работы с памятниками, а старшеклассникам – подробнее узнать об истории развития вуза, достижениях выпускников, традициях вуза.

В настоящее время деятельность музея представлена следующими формами работы: проведение обзорных и тематических экскурсий на темы: «Становление и развитие нашего вуза», «Традиции и достижения КемГИК», «Диалог культур» и другие; организация практических занятий по основным направлениям музейной деятельности и профессиональной подготовки будущего музейоведа; защита рефератов и дипломов по музеологии и культурно-познавательному туризму; встречи с ветеранами войны и тружениками тыла; музейные уроки по проблемам патриотического воспитания и образования. Обозначенные формы работы нами успешно применяются в рамках изучения студентами учебных дисциплин «Основные направления музейной деятельности» и «Музейная педагогика». Данные формы используются при организации внеаудиторной исследовательской и научно-творческой деятельности. Так, на пример, выполнение поисковых заданий научно-исследовательского характера, сочинение-эссе «Мои музейведческие находки» предлагаются студентам 3–4 курсов в период прохождения ими педагогической практики с целью пополнения фонда музея и дальнейшей интерпретации материала в экспозиционно-выставочной работе. Это предполагает сбор материала по персоналиям – ведущим ученым института, исторических биографий кафедр, профессиональной и научной деятельности выпускников.

Предполагается, что музеи института, вошедшие в музейный комплекс, в своей деятельности будут использовать разнообраз-

разные традиционные и новые формы работы и презентации наследия, например: «Музейные среды», «Музейные гостиные», музейные праздники, «Клубы интересных встреч», научные конференции и круглые столы с дискуссиями по музейным проблемам и на темы патриотизма, культуры и образования, традиционно организовывать выставки, тематические и обзорные экскурсии, «Дни открытых дверей музея», а также конкурсы студенческих музейных проектов. Планируется проводить интерактивные лекции, учебные семинары и практикумы, мастер-классы с видеопрезентациями, секции Научного студенческого общества и с целью возрождения и сохранения традиций института совместно с другими структурными подразделениями вуза устраивать научно-образовательные и социально-культурные акции и другие мероприятия. В перспективе планируется создание базы электронных информационно-образовательных ресурсов музея – виртуальных экскурсий и путешествий, мультимедийных программ и фильмов; разработка научно-методических рекомендаций по основным направлениям работы музея.

Комплексный подход позволяет более эффективно решать возложенные на музей задачи [3]. В структуру музейного комплекса КемГИК войдут музей истории вуза, два учебных и мемориальный музей, а также именные аудитории (С.А. Сбитнева и Ю.Я. Арбачакова) и картинная галерея, выставочный зал, освещающие основные вехи истории Кемеровского института культуры, научную, общественную и творческую деятельность. Одним из приоритетных направлений деятельности музеев института является просветительская деятельность и популяризация историко-культурного наследия вуза, его роли в истории и культуре города, области, страны в среде студенчества и молодежи.

Так, Музей истории Кемеровского института культуры, раскрывает основные этапы исторического развития учебного заведения, отражающие все периоды развития вуза в экспозиции музея. Он включает материалы о выдающихся педагогах института и знаменитых выпускниках, обширных международных связях, а также возможностях студентов проявить себя в образовании, науке и творчестве [2].

Музей актера театра и кино Андрея Панина (мемориальный) располагает уникальными экспонатами, охватывающими большую часть артефактов, повествующих об известном выпускнике вуза [1].

Музей института хореографии (учебный) имеет репрезентативное собрание подлинных предметов, иллюстрирующих творческую деятельность хореографов и танцевальных коллективов, заложивших прочную основу в профессиональной подготовке.

Музей кафедры музейного дела (учебный) – первый музей, который был создан (автором статьи) в вузе как учебный, с целью показать историю кафедры и привлечь студентов кафедры музейного дела к практическим занятиям в рамках образовательного процесса.

В современных условиях разрабатываются и внедряются новые подходы к образовательному и социально-культурному партнерству музеев и вузов. Проанализировав культурно-образовательную ситуацию в вузе, полагаем, что повышение этнокультурной компетентности студентов возможно музейными средствами. Считаем, что назрела необходимость создания еще одного, нового музея в вузе – музея народной культуры, который органично войдет в структуру музейного комплекса.

Предлагаем разработать и реализовать на практике научную концепцию организации музея народной культуры в КемГИК. В экспозициях музея будут представлены народные художественные промыслы России и Сибири, традиционные народные костюмы, экспонаты быта и другие памятники материальной культуры народов Сибири, в том числе коренных малочисленных народов, проживающих на территории Кемеровской области.

В настоящее время в вузе функционирует Этнокультурный центр, а музей будет дополнять и выполнять важные этнообразовательные, информационно-коммуникативные функции в связи с обучением студентов, представляющих разные этносы.

Таким образом, музейно-выставочный комплекс КемГИК будет иметь все необходимые структурно-функциональные возможности осуществлять различные формы презентации деятельности музея: научно-фондовую, культурно-образовательную, просветительную, научно-исследовательскую. Более того, МВК КемГИК рассматривается как единый координационный полифункциональный центр по изучению и сохранению истории КемГИК и его деятельности в тесной взаимосвязи с историей образования и культурой города Кемерово и области.

Список литературы

1. Ковешникова Е.А. Концепция создания мемориального музея актера театра и кино Андрея Панина как практика сохранения культурного наследия // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 3 (15). С. 71–77.

2. Ковешникова Е.А. Музей истории Кемеровского государственного университета культуры и искусств в системе образования // Музееведение и историко-культурное наследие: сб. науч. стат. Кемерово, 2012. Вып. 4. С. 89–96.

3. Ковешникова Е.А. Музейный экспонат как информационный текст межкультурной коммуникации // Вестник КемГУ. 2010. № 13. С. 115–125.

Содержание

Предисловие	3
Источниковедческие и археографические исследования отечественной истории	
<i>Солодкин Я.Г.</i> Из истории книжной культуры Тобольска конца XVII в. (о происхождении музейского вида Головинской редакции Сибирского летописного свода	9
<i>Журова Л.И.</i> Сибирский летописный свод: нарративный аспект	14
<i>Бедулина И.П.</i> Опыт изучения и популяризации издания кирилловского шрифта XVII в. в Педагогическом институте Иркутского государственного университета	20
<i>Петров С.Г.</i> Источники о пребывании антирелигиозника-распопа М.В. Галкина (М. Горева) в Новосибирске (1941–1944 гг.)	25
<i>Элерт А.Х.</i> Способы рыбной ловли населения Сибири (XVII–XVIII вв.)	31
<i>Спичак А.В.</i> Выписки из метрических книг приходских церквей Тобольской епархии XIX – начала XX в.: формуляр документа	38
<i>Бессонова Н.Н.</i> Эго-источники по истории цензуры (информационные возможности дневника А.В. Никитенко)	42
<i>Маруев В.А.</i> Документы Государственного архива Забайкальского края по истории золотодобычи второй половины XIX – начала XX в.	47
<i>Козельчук Т.В., Россейкина В.И.</i> Источниковедческое значение документов архивных фондов личного происхождения (на примере фондов ветеранов Великой Отечественной войны Курганской области)	52
<i>Кузнецов А.С.</i> Устные воспоминания как источник по истории культуры жизнеобеспечения сельского русского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны	57

Демографическая история России и ее регионов

- Соколовский И.Р.* Проблема определения численности русского населения Сибири в XVII в. 62
- Дьякова О.В.* Кучугурские крепости Приамурья в контексте российско-цинских контактов 68
- Зверев В.А.* Естественный прирост населения Западной Сибири в конце имперского периода 73
- Стась И.Н.* К вопросу о концепции «ложной» урбанизации в СССР 79
- Алексеева Л.В.* О некоторых аспектах воспроизводства населения и начале урбанизации в Ханты-Мансийском национальном округе (1945 – 1950-е гг.) 84
- Гонина Н.В.* Проблемы естественного воспроизводства городского населения Ангара-Енисейского региона в условиях стремительной урбанизации во второй половине 1950-х – начале 1980-х гг. 90
- Дашинамжилов О.Б.* Рождаемость в городских поселениях Западной Сибири в 1970–1979 гг. 96
- Славина Л.Н.* Динамика возрастно-половой структуры сельских жителей Красноярского края в 1990–2000-х гг. 102

Социально-экономическое развитие Сибири

- Шахеров В.П.* Записки и проекты сибирского купечества по совершенствованию организации торговой и промысловой деятельности в конце XVIII – первой половине XIX в. 109
- Строгова Е.А.* Место Якутии в экономическом пространстве России в XVIII в. 115
- Сыдыков Е.Б., Кабульдинов З.Е.* Выделение Российской империей Кулундинской степи для кочевания казахов Тобольской и Томской губерний (1880 г.) 121
- Канн С.К.* Роль Подготовительной комиссии в принятии решений Комитета Сибирской железной дороги 129

<i>Рыгалова М.В.</i> Источники по изучению социально-экономической инфраструктуры Алтайского округа второй половины XIX – начала XX в.	136
<i>Норполова О.С.</i> Забайкальская железная дорога в годы Русско-японской войны	141
<i>Суворова Н.Г.</i> Н.А. Сборовский как колониционный эксперт империи и советской власти	145
<i>Долголюк А.А.</i> Сибирь в инвестиционной политике Советского государства	151
<i>Островкин Д.Л.</i> Санитарно-эпидемическое положение Уральской области в годы первой пятилетки	157
<i>Карпов В.П.</i> Трудовые будни тюменских геологов и нефтяников в 1950–1960-е гг.	63
<i>Комгорт М.В.</i> «Нужно открыть перспективу развития Томской области...» («индекс влияния» партийных руководителей и повышение индустриального статуса региона в 1950–1960-е гг.	168
<i>Тимошенко А.И.</i> Процессы освоения российской Арктики в XX в. с точки зрения геополитики	176
<i>Реут Г.А.</i> Решение вопросов обеспеченности Железногорска объектами социальной инфраструктуры	181
<i>Демчик Е.В., Гряникова Г.А.</i> Государственная торговля и «черный» рынок в снабжении населения Алтайского края в 1960-е – первой половине 1980-х гг.	188
<i>Шиловский М.В.</i> Как Россия прирастала Сибирью. Колониционная парадигма отечественной истории	192
Аграрная история Сибири	
<i>Менщиков И.С., Самохов Д.И.</i> Приговоры волостных судов как источник изучения девиантного поведения русских крестьян Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	197
<i>Белоус С.Г.</i> Русская интеллигенция об аграрном вопросе в Казахстане в конце XIX – начале XX в. (Н. Скалозубов, О. Шкапский, Т. Седелников)	203

<i>Семерикова О.М.</i> Сельскохозяйственные трудовые коммуны Екатеринбургской губернии в 1920–1924 гг.	208
<i>Мазур Л.Н., Горбачев О.В.</i> Эволюция крестьянской семьи на Среднем Урале в 1920–1960-е гг. в зеркале статистики бюджетов	214
<i>Лапердин В.Б.</i> Ход и итоги хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в Западной Сибири	221
<i>Мазырина А.А.</i> Хлеб в системе питания сельского населения Алтая в годы Великой Отечественной войны (на материалах устных исторических источников)	225
<i>Рыков А.В.</i> Влияние обязательных поставок государству на материальное положение колхозников Алтая в годы Великой Отечественной войны (по материалам устных исторических источников)	230
<i>Андреенков С.Н.</i> Преобразование колхозной системы в середине 1950-х гг.: мотивы, тенденции, результаты	234
<i>Орлов Д.С., Ильиных В.А.</i> Земледелие в Томской области в 1950–1980-е гг.: основные тенденции развития	239
<i>Ильиных В.А.</i> Сельское хозяйство Западной Сибири в 1960–1980-е гг.: динамика, отраслевая структура	246
<i>Санникова Я.М.</i> Аграрная политика и возрождение родовых общин в арктических районах Якутии в 1990-е гг.	251
Социально-культурная сфера Сибири	
<i>Ярков А.П.</i> Маргиналы уммы азиатской части России в XIX – начале XXI в.	256
<i>Цысь О.П.</i> Организация Березовского викариатства Тобольской епархии	261
<i>Мамкина И.Н.</i> Влияние геополитических особенностей Восточной Сибири на развитие системы общего образования в XIX в.	267
<i>Кискидосова Т.А.</i> Уголовные ссыльные в городах Восточной Сибири во второй половине XIX в.	272

<i>Бузмакова О.Г.</i> Современная историография мировой юстиции в Сибири в конце XIX – начале XX в.	278
<i>Евтехов Р.А., Паликова Т.В.</i> Полицейский надзор за организованной проституцией в забайкальских городах в конце XIX – начале XX в.	283
<i>Аксенова А.В., Гонина Н.В.</i> Общественный досуг в городе Енисейске в конце XIX – начале XX в.	289
<i>Дегальцева Е.А.</i> Общественные неполитические организации Западной Сибири в годы Первой мировой войны	294
<i>Исаев В.И.</i> Культурный потенциал населения Сибири как фактор индустриального развития в годы первых пятилеток	298
<i>Михеев Д.Ю.</i> Подготовка военных кадров в Сибири в годы Великой Отечественной войны	306
<i>Куперштох Н.А.</i> Академик Е.И. Шемякин – организатор исследований в области горного дела в 1960–1980-е гг.	313
<i>Савелова О.А.</i> История ЯМР-исследований в СО АН СССР/СО РАН во второй половине XX в.	319
<i>Алексеев В.В.</i> «Сибирский десант» на Урале (к истории взаимодействия сибирской и уральской научных школ историков)	326
Общественно-политические процессы в восточных районах России	
<i>Рышков В.М.</i> Членство в общественных организациях как канал социальной мобильности в годы Первой мировой войны	337
<i>Беляева Н.А.</i> Документы таможенных учреждений периода Гражданской войны и интервенции в фондах РГИА ДВ	342
<i>Новиков П.А.</i> Административно-территориальные преобразования в 1920–1930 гг. в Восточной Сибири: исторический опыт и уроки	348
<i>Шереметьева Д.Л.</i> Динамика численности депутатского корпуса советов в СССР (1929–1941 гг.)	354
<i>Савин А.И.</i> Советская общеобразовательная школа и социальная мобильность населения в 1930-е гг.	359

<i>Киреев А.А.</i> Модель системы пограничной политики (на примере Дальнего Востока России)	366
Межэтническое взаимодействие народов Азиатской России	
<i>Дамешек Л.М., Дамешек И.Л.</i> Национальные окраины в системе внутренней политики российского самодержавия XVI–XX вв.	373
<i>Пузанов В.Д.</i> Русское государство и казахи в Сибири в конце XVII – начале XVIII в.	379
<i>Каменецкий И.П.</i> Торговля ясырем в Сибири в XVII в.: правовое регулирование, состав и использование труда невольников	385
<i>Матханова Н.П.</i> Проблема конфессиональной и этнической идентичности бурят в представлениях православных миссионеров XIX в. (дискуссия о языке обучения и богослужения)	391
<i>Атантаева Б.Ж., Сембай К.М.</i> Социокультурное развитие татар Восточного Казахстана в XIX в.	397
<i>Коробейников А.С.</i> Национальный автономизм в Сибири и Центральной Азии в позднеимперский период (1905–1917 гг.)	403
<i>Островский Л.К.</i> Польское население Новониколаевска в годы Первой мировой и Гражданской войн (1914–1920 гг.)	408
<i>Недзелюк Т.Г.</i> «Обращение» или «конфессиональный переход»: к вопросу о возможности смены вероисповедной принадлежности в Российской империи	414
<i>Плеханова А.М.</i> Монгольский фактор в формировании экономического пространства Бурятии в 1920-е гг.	421
<i>Маркдорф Н.М.</i> Институциональная, социально-психологическая стигматизация немцев-переселенцев	426
<i>Ерохина Е.А.</i> Этнокультурная идентичность, социальное самочувствие и стратегии адаптации к этносоциальным изменениям	431
<i>Грицко М.И.</i> Ценностные ориентиры современной молодежи Сибири и Дальнего Востока в аспекте этнокультурной самоидентификации (на материале СИБАС)	437

Освоение историко-культурного наследия Евразии

<i>Чувилова И.А.</i> Сохранение и развитие идентичности в музейном пространстве	443
<i>Жапарова К.Г., Абдрахманова С.А.</i> Русские просветители и национальная интеллигенция в развитии просвещения Степного края на рубеже XIX–XX вв.	449
<i>Крайнева И.А.</i> Поле науки и поле власти: характер взаимодействия и влияния на формирование исторической идентичности ученых	454
<i>Запорожченко Г.М.</i> Развитие музейной инфраструктуры в достопримечательных местах Сибирского региона	459
<i>Бентя Е.В.</i> Ассоциативно-вербальная репрезентация процесса вестернизации русского языкового сознания (на примере имен собственных)	465
<i>Котович Л.В.</i> Образовательная деятельность и возможности городского районного музея как образовательного института	472
<i>Овчинникова А.Е.</i> Современные технологии работы с музейной аудиторией (на примере работы Музея «Заельцовка» филиала МКУК «Музей города Новосибирска»)	477
<i>Перова М.А.</i> Одежда как аспект повседневной жизни детей и подростков 1930–1930-х гг. (на материале Курганского и Шадринского округов)	479
<i>Покровский Н.Н.</i> Интерактивный комплекс Музея науки и техники СО РАН	485
<i>Мелешко М.Д.</i> Интеграция Музея «Заельцовка» в коммуникативное пространство Евразии	490
<i>Шелегина О.Н.</i> Современные тенденции в развитии музейного мира Китайской Народной Республики	496
<i>Ковешникова Е.А.</i> Музейно-выставочный комплекс Кемеровского государственного института культуры: формы презентации и интерпретации наследия	501